

SINDROMA UNICUMA

Выход в свет.
Внешние связи

Блэки Хол

Жизнь Эву не то, что не балует, а, скорее, издевается. Волей отца она оторвана от матери, от тех кто был дорог ей и кому была дорога она. Издевка судьбы или хитрость родителя привела ее в совершенно чуждый, злобный мир. Как быть если всем вокруг все равно? В ней течет кровь высокопоставленного чиновника, но она не имеет никакого отношения к золотой молодежи. Она живет среди висоратов, но совершенно не видит волны. Сможет ли выжить тихая серая мышка среди ярких представителей висоратских семей, особенно теперь, когда она стала должником избалованного столичного принца Мэла? Сможет ли сохранить свой секрет? А себя?

Блэки Хол

Книга 2. Выход в свет. Внешние связи

Конечно же, я не призналась Марату, что рисунок из перевитых прутиков мне знаком. Когда мы спустились с чердака, коричневые пятна на спине парня исчезли, и униформа вернула прежний желтый цвет.

— Ткань хорошо впитывает, — пояснил он на мой вопрос.

Марат провел меня узким боковым коридором, на который я ни разу не обратила внимания во время прогулок на чердак. По крошащимся местами ступеням мы спустились напрямик в пустой освещенный холл. От огоньков гирлянд, мельтешащих в многочисленных зеркалах, заболели глаза. Усталость брала свое.

Напоследок я просила у черноглазого горниста:

— А как же Агнаил? Он тоже скоро уедет?

Парень улыбнулся:

— Ты и с ним знакома?

— Случайно видела в хозчасти.

Марат сделался серьезным:

— Ему осталось полгода.

— Он... ну... — замялась я, — счастлив?

— Не знаю. Наверное, — пожал плечами парень.

— Уедешь ты, следом — Агнаил. Кто же останется?

— Не волнуйся, — улыбнулся криво Марат. — Приедут другие.

На прощание я пожелала новому знакомому удачного возвращения домой, и он исчез в северо-восточном коридоре.

Сон так и не пришел. Первая ночь нового года стала ночью вопросов и предположений, лезших саранчой в голову.

Поворочавшись в постели и злясь на тощую и твердую как камень подушку, я включила свет и, вынув из-за выреза майки брошку, принялась ее разглядывать. Обегала пальцами знакомые изгибы и разветвления и наставительным тоном убеждала себя, что на чердаке имело место случайное совпадение. Или игра воображения. Недостаточное освещение обмануло зрение, а на самом деле сходство украшений — отдаленное. На белом свете полно похожих друг на друга безделушек, и не стоит видеть странность в том, что браслет горниста и брошь имеют общий рисунок. Моя мать могла волей случая побывать в тех местах, откуда приехал Марат. Например, ездила по работе, купила сувенир и подарила мне. Миленькое незначущее украшение на память дочке.

Я почти уговорила себя, почти убедила и почти успокоила, чтобы лечь на бочок и мирно заснуть. Однако трехкратное "почти" гнало прочь спокойствие и будоражило, заставляя выстраивать новые гипотезы.

О нет, решетка из прутиков — не простая безделушка, которую можно приобрести в любой сувенирной лавке. Она пряталась, становясь незаметной под инквизиторским взглядом тетки, и растворялась прозрачностью в общей душевой интерната. Она сопровождала меня с раннего детства, куда бы ни забросила злодейка-судьба.

Могло ли стать так, что незамысловатая брошка являлась связующей нитью между мной и той, что дала мне жизнь? Вдруг предназначение решетки из витых прутиков состояло в том, чтобы быть пропуском или ключом от чего-то, но, оказавшись в руках тупой и

беспросветной особы, не сумевшей разгадать суть, безделушка впустую промаялась на моей шее уйму лет?

Я подскочила на кровати. Наверняка переплетение веточек — некий особый знак, но что он означает? Почему-то им оказались наделены два совершенно незнакомых человека: парень с западного побережья и серая крыска, пробивающаяся к своей цели. Что общего между нами?

Не в силах усидеть на месте, я вскочила и заходила туда-сюда босиком по коврику. Первым порывом было броситься в институт, к горну, схватить Марата за шкурку и вытрясти объяснения, а для наглядности ткнуть носом в брошку.

Сбегав к раковине, я остудила пылающее лицо холодной водой, а заодно и разыгравшиеся фантазии. Каким бы острым ни было искушение, и как бы ни приблизились к действительности мои догадки, следовало держать язык за зубами. Излишние откровения неминуемо принесут вред и парню, и мне.

Обидно. Ответы совсем рядом, в пяти минутах ходьбы, а получить их нет возможности. Однако острое разочарование из-за вынужденной осторожности не помешало воображению хлынуть неудержимым потоком в другом направлении.

Шнурок с брошкой заботливо надели мне на шею вместе с настойчивой просьбой помнить, равно как и Марат трепетно берег на запястье кусочек родины и тепло родного дома. Могла ли сия нелепая параллель означать... что все эти годы мама жила на побережье?

При таком раскладе сходилось всё. Секреты, которыми окутал отец, приказывая не распространяться о нашем родстве, многозначительные намеки Бобылева, понукания тетки, называвшей меня уголовным отродьем, отсутствие информации в личном деле и прочерк в графе: "Мать".

Такая вот элементарная истина, пронзившая очевидностью. В этот момент я не испытывала стыда от того, что во мне, возможно, течет наполовину преступная кровь. Сделанное открытие породило новые тревожные вопросы без ответов, отбросившие на дальний план нюансы родословной.

Каким силам было угодно свести вместе висората и ссыльную без капли способностей, чтобы в результате на свет появилась бездарная дочь? Если я получила отвратительную наследственность, почему отец не оставил меня с матерью? Куда проще с глаз долой, из сердца вон. Зачем ему возиться со мной, получать проблемы и ноль пользы? Вряд ли дело стало лишь за аттестатом о специальном висорическом.

А вдруг мама отказалась от меня? — охолонула внезапная мысль. Вдруг она давно забыла о досадном недоразумении вроде мешающего ребенка?

Я решительно отбросила предположение, разъедающее кислотой мою веру. Без веры нет стремления, без стремления не добраться до цели. Тут же представила маму, сидящую у окна и опустошенную, как и я, бессонницей. Представила, как она вглядывается в ночь, понимая тщетность ожиданий, и как её сердце замирает в беспокойстве за меня.

Прижала брошку к губам, и мне показалось, она слабо запульсировала.

Когда на руках не осталось необработанных зубами ногтей, я снова улеглась в постель, впустую плясь в потолок. Вскоре хлопнула дверь у соседок, за стеной послышались веселые голоса и смех Лизбэт. Наверное, ей удалось отогнать поклонниц профессора и забрать будущего супруга в долгосрочное пользование.

А первого января пришли сессия и похолодание. Замотавшись по уши в шарф, я добежала до института. Хотела пойти вальсяно, да ноги моментально застыли.

По случаю праздника, закончившегося далеко за полночь, парадный вход института открыли для желающих на два часа позже обычного — о сдвиге в работе альма-матер объявили за неделю. Залетев в холл в облаке пара и с инеем на ресницах, я помахала ручкой бдящему Монтеморту. Псина приветственно ударила хвостом об пол. Какая добродушная и общительная собачка!

Похоже, праздничный антураж выдуло воздушной волной. Зал и коридоры приобрели первоначальный доновогодний вид, голубой и скучный. Правильно, незачем расслабляться, витая в облаках.

Вымотавшись из-за бессонной ночи, я появилась в безлюдной столовой в надежде, что Мелёшин отсыпается в постели, своей или чужой — неважно, и мне удастся отдохнуть от его физиономии. В конце концов, после праздничного веселья полагается спать до обеда, чтобы к вечеру окончательно оклематься.

Не на того напоролась. Мэл занимал привычный столик в углу, рядом сидел Макес. Если Мелёшин выглядел бодрым и свежим, будто и не развлекался полночи, то его пестроволосый друг нещадно зевал и клевал носом. Казалось, еще минута, и Макес уснет лицом в подносе, ломящемся от тарелок.

Я с равнодушием оглядела столовские кушанья, громоздящиеся перед парнями. С утра моя стойкость была непоколебимой благодаря вчерашнему позднему пиршеству, поэтому источаемые ароматы общепита бессильно вились около носа.

— Здравсте. С наступившим, — сказала официальную часть в пустоту и уселась в приятной компании.

Макес то ли кивнул, то ли снова клюнул носом. Мелёшин сделал вид, что не расслышал по важной причине выковыривания изюма из запеканки.

Достав из сумки конспект, я привычно заткнула уши и взялась за чтение с усвоением. В голову пришла отличная мысль о ватных затычках на будущее. Макес широко зевнул, и, поставив локоть на стол, приложил щеку на кулак, собираясь чуток подремать. Парень явно не выспался. Спрашивается, зачем явился в общепит в несусветную рань, если до невозможности слипаются глаза?

Краем глаза я заметила, что Мэл пнул товарища под столом. Тот вздрогнул и недоуменно огляделся по сторонам, будто потерялся во времени и в пространстве. Мелёшин сделал едва уловимый знак рукой, и его друг, опять широко зевнув, встал и пересел рядом со мной, но с другого боку. Мэл усиленно делал вид, будто находится вообще не здесь.

Ясно, ребята задумали какую-то гадость.

— Каждый раз смотрю на такую умную девочку, и становится совестно, — начал Макес. — Надо и мне браться за ум, а то скоро полечу из института. Поможешь? — обратился ко мне.

— С чем? — удивилась я.

— Прежде всего, — сказал парень и снова зевнул, — нехорошо общаться, не представившись. Макес.

— То есть Максим?

— В некотором роде, — пожал он плечами. — Но Максимки играют в песочнице, поэтому зови меня Макесом.

— Хорошо. Эва.

— Здорово! — восхитился собеседник. А то он не знал. — Знакомство полагается обмыть, а в нашем случае запить. Держи, — протянул мне стакан с соком, а себе взял другой.

— Спасибо. Очень приятно, — кивнула я любезно и отставила стакан в сторону.

Макес посмотрел растерянно на товарища. Тот отложил вилку и переключился на изучение неровностей колонны. Наблюдая за переглядываниями парней, я окончательно убедилась в том, что они замыслили недоброе дело, и решила форсировать события, чтобы при первой же возможности раскрыть коварный замысел.

— На каком факультете учишься? — поддержала увядший разговор.

— На элементарном, — сказал Макес и сделал шумный глоток апельсинового сока.

— Тогда ты должен знать Аффу. Она моя соседка по общежитию.

— Конечно, знаю, — признал парень. — Учимся на одном курсе. К тому же она так и не дала мне...

Мелёшин закашлялся.

— Ни разу не дала списать конспекты, — закончил Макес. — Очень злая девушка.

— Не может быть! — поразила я. — Мы с ней хорошо контактируем.

— Не поверишь, — пожаловался друг Мелёшина, — она ненавидит меня и при случае устраивает каверзы.

— Наверное, мы о разных девушках говорим. Определенно, это не та Аффа, которая моя соседка.

— Пойми, она такая, — поведал скорбно парень и схватил с подноса два блинчика. Один целиком запихал в рот и принялся жевать с грустным видом, а второй протянул мне.

Я положила предложенный блинчик поверх стакана с соком. Неспроста мне подсовывают всякие съедобности с утра пораньше. Наверняка заговорщики успели что-то подсыпать в еду или подмешать.

Макес проглотил блинчик и замолчал. Я посмотрела на него искоса. Парень строил страшные рожи Мелёшину, мол, крыска не хочет жрать отраву. Кинула взгляд на Мэла, а тот вырисовывал пальцем круги на столешнице и любовался ими.

— Но хуже всего то, — наклонился ко мне Макес, положив руку на спинку стула, и оказался совсем близко, в нескольких сантиметрах, — что меня никто не понимает. А ведь я имею тонкую страдающую душу, — вздохнул он горько.

Надо же, каков страдалец. А парень продолжал делиться сокровенным.

— Все видят во мне легкомысленного и недалекого, — тут он разломил о тарелку творожный коржик. Одну половинку отдал мне, а вторую принялся жевать. — Однако моей натуре не чуждо сочувствие и сопереживание.

Заслушавшись стенаниями, я непроизвольно откусила кусочек, но тут же опомнилась и водрузила несъеденный коржик на блинчик, устроившийся на стакане с соком. Мельком глянула на Мелёшина и поразила выражению его лица. Он сидел, напрягшись, и, сжав вилку в кулаке, с неприязнью глядел на Макеса. Узкие ободки радужек посветлели, став практически белыми. Было видно, что Мэл едва сдерживался, чтобы не врезать вилкой товарищу промеж глаз. В последний момент он заметил мой взгляд и отвернулся.

Может быть, Мелёшин хотел попробовать блинчик и коржик? Или злился, что идеальный план по моему отравлению затрещал по швам?

Макес разошелся. Его рука перекочевала со спинки стула ко мне на плечо, приобняв.

— Мне одиноко. Еще не родилась та девушка, которая смогла бы меня понять, —

пригорюнился парень. — Но я чувствую, что могу поделиться с тобой проблемами, и ты поймешь. — Он схватил с подноса булочку с заварным кремом, откусил добрую половину, а вторую по-свойски протянул мне.

Я осторожно положила остаток булочки на половинку коржика. Пирамидка подросла и неустойчиво зашаталась.

— Видимо, мне уготовано судьбой одиночество, — вещал Макес трагическим голосом, одновременно жуя. — Если бы нашлась на белом свете девушка, которая разделила бы со мной...

Бах! Мелёшин вмял вилку в стол, и я подскочила от неожиданности. Макес тоже дернулся, убрав руку с моего плеча, и отодвинулся.

— Ну, я пошла? — спросила неуверенно. — А то дел полно...

— Иди, — процедил Мэл, не сводя глаз с изувеченного столового прибора.

Странные они какие-то в первый день нового года. Хорошо, что бдительность меня не подвела.

Холл гудел как улей, поразив меня количеством нахлынувшего народа. Словно не было вчера праздника и затянувшегося за полночь веселья. С утра большой зал кишмя кишел студентами, вдруг вспомнившими о начале сессии, и окрест обнаружилось великое множество незнакомых лиц. С трудом протолкавшись через толпу, я влилась в оживленный людской поток.

Аудитория, в которой собрался третий курс нашего факультета, оказалась переполненной. Мое любимое место успела занять группа непонятных парней, которых я в помине не встречала на занятиях. Пришлось приткнуться в среднем ряду, рядом с кудрявым незнакомцем. Даже Мелёшин, обычно разваливавшийся королем на своей личной скамье, поделил её с другими студентами.

После звонка началось организационное собрание. Энергичный Стопятнадцатый громогласно поздоровался, после чего зачитал график сдачи экзаменов и продиктовал расписание консультационных занятий и факультативов. Студенты усердно конспектировали. Первым ожидался экзамен по общей теории висорики у психически неуравновешенного Лютеция Яворовича, застолбивший понедельник. Я встрепенулась. Для допуска к экзамену мне не хватало двух исследовательских работ, поэтому следовало срочно поднажать.

Декан пожелал присутствующим успехов в нелегком сессионном деле и взмахом руки задал старт в полное стрессов и переживаний плавание. Освобождая аудиторию, потоки растеклись в разные стороны. Должники в спешном порядке ринулись закрывать проплешины в специальном висорическом образовании, а я бросилась вслед за Стопятнадцатым.

— Генрих Генрихович! — Он обернулся. — Вы говорили, можно посмотреть подборку по мастерам раритетов.

— Здравствуйте, Эва Карловна. Как раз направляюсь в кабинет, так что пройдемте.

Полуторный административный этаж лишился новогоднего шарма, снова став казенным и официальным, но снежинка на двери деканата продолжала болтаться, овеваемая слабым сквознячком. А что, вполне консервативно — не вульгарно и без претензий. Этак вполне логично провисит до весны.

Декан выудил стремянку из дальнего угла приемной. В кабинете он забрался под

потолок и долго переставлял книги на верхней полке, а я боялась, что сейчас Стопятнадцатый упадет и вдобавок завалит себя книгами — уж на больно шаткую конструкцию залез мужчина. Наконец, он спустился с поскрипывающих ступенек и протянул пыльную брошюру в мягком переплете.

— Присаживайтесь, Эва Карловна, а я вымою руки.

Примостившись с опаской на краешек хлипкого посетительского кресла, я нетерпеливо перелистывала книжечку с большой буквой V на обложке. Нетерпение сменилось разочарованием, поскольку брошюра представляла список мастеров, работавших под эгидой исследовательских институтов и закрытых предприятий. Чинно и благородно: фотографии, биографии, обязательный личный номер в реестре, изображение клейм, даты рождения и кое-где смерти, наработки и достижения. Среди профессионалов по изготовлению раритетов нашлась парочка женщин.

В сборнике отыскалось и клеймо, аналогичное вычеканенному на фляжке. Таким образом, к появлению нескончаемого алкогольного фонтанчика приложил конечности обезличенный монстр под названием "первая правительственная лаборатория". Хотя почему обезличенный? Под значком V с перекрещивающейся цифрой "1" на семи страницах шел список специалистов лаборатории, участвовавших в созидании вещей с улучшениями. Я внимательно проглядела фотографии разновозрастных талантов, ведь любой из них мог оказаться "родителем" горшочка с коньяком.

Размашистым шагом вернулся Стопятнадцатый, занеся порыв воздуха.

— Ну-с, милочка, нашли что-нибудь интересное?

— Вроде бы, — ответила я вяло. Не заявлять же в лоб, что не нужна мне информация о седобородых дедушках, работающих в стерильных лабораториях под усиленной охраной. Мне нужны сведения о нелегалах, ваяющих контрабандные раритеты в глубоких катакомбах, близоруко сгорбившись над своими детищами, и вздрагивающих от малейшего шороха. Генриха Генриховича хватит удар от преступных желаний серой крыски.

— Собираетесь выписывать интересующие факты? — не отставал радушный хозяин кабинета. — Тут изобилие материала. Могу поделиться воспоминаниями, поскольку лично знаком с некоторыми мастерами.

— У меня вся бумага ушла на курсовую работу, — попыталась я отвертеться.

— Это легко исправимая проблема, — мужчина начал рыться в ящике стола. — Здесь осталось кое-что на доньшке.

— Не стоит беспокоиться, Генрих Генрихович, — я с обреченным видом попыталась отговорить доброжелательного декана. — Как-нибудь в другой раз.

Но Стопятнадцатый призывно помахал стопкой чистых листов, мол, не отвертись. Что ж, сама виновата. Теперь буду мучиться, переписывать, одновременно пытаюсь удержаться в шатком рушащемся кресле.

— Генрих Генрихович, сейчас хочу спасти погибшую мыльнянку. Можно поработать с книжкой попозже в библиотеке? — я умоляюще прижала руки к груди и для пущей правдоподобности состроила жалостливую физиономию.

— Похвальное стремление помочь страждущим, милочка, — умилился мужчина. — Берите и переписывайте на здоровье. За бумагу не беспокойтесь. Положительная реакция стража исключена.

— То есть? — не поняла я.

— То есть вас не задержат. Бумага из личных запасов. На этих листах для вас в архиве

сделали копии планов и схем в целях беспрепятственного проноса мимо Монтеморта.

— Спасибо Генрих Генрихович, — поблагодарила я предусмотрительного декана. Человек переживает, волнуется, а у меня в голове понастроены бандитские планы, по размаху сравнимые с десятиэтажным домом.

Червячок совести зашевелился и замолк, раздавленный тяжелой ногой.

Ромашевичевский отыскался на кафедре сложных составов, для чего пришлось спросить дорогу у декана. Дверь кафедры была густо увита плющом, поэтому я постучала по круглой блестящей ручке.

Препод расположился на диване и, закинув ногу на ногу, слушал с закрытыми глазами классическую музыку. Ничего не поделаешь, придется вырывать его из симфонического экстаза.

Я кратко изложила суть просьбы. Ромашка, недовольный тем, что его отвлекли от дела, накарябал короткую записку.

— Предъявите в оранжерее и получите списанные с баланса растения. Но учтите, в горшках не выдаем. Ищите свою тару.

Ну, и как прикажете нести разьедалы? В сумке, что ли?

Облачившись в шлюз-комнате в сияющее стерильностью оснащение, я ввалилась в безлюдный коридор оранжереи. Шла и заглядывала по пути в боксы, за стеклами которых текла своя изолированная жизнь. Помещение, где раньше ютились горшки с разьедалами, пустовало, и я испугалась. Неужели растения успели выбросить или, как сказал Ромашевичевский, ликвидировать?

Наконец, в отдаленном боксе, среди высокорослых лиан, обнаружился единственный живой человек, одевавший цветущее растение в тубус из сетки. Я постучала по стеклу, и человек в белом халате вышел из помещения, сняв повязку с лица. Им оказался знакомый Альрика из столовой для персонала.

— Что вы делаете?! — воскликнула я. — На вас же пыльца паратиры!

— Ну её, — махнул рукой мужчина. — Два года с ней работаю и хоть бы хны. Похоже, выработался иммунитет.

И вытер потное лицо рукой в перчатке. Зеленоватая пудра зацепилась на бровях и осела на крыльях носа. На всякий случай я отодвинулась подальше от смелого товарища.

— Мне нужен лаборант, который выдаст мыльнянку.

— Я лаборант, — сказал мужчина и чихнул.

Значит, каракули Ромашевичевского предназначаются ему. Мужчина прочитал записульку и, демонстративно скомкав, бросил на пол.

— Бесподобно! — воскликнул с возмущением. — От неудобных избавляются одним росчерком пера! А заодно и от прогрессивных идей! Некоторые не видят дальше собственного носа и лишают науку грандиозного будущего!

Я, конечно, сообразила, что разгоряченный лаборант намекал на Ромашку, но сделала вид, что оранжерейные интриги меня не касаются, и на всякий случай решила прояснить ситуацию:

— Когда можно забрать растения?

— В любое время. После обеда их будут сдавать в утиль.

В это время за стеклянной перегородкой бокса многочисленные усы лианы, неогороженные сеткой, потянулись к своей зеленолистной соседке и сцепились с нею.

— Ах ты, наглая обезьяна! — вскрикнул лаборант и кинулся оттащить усатую хватчицу.

Не зря паратиры сажают друг от друга на приличном расстоянии. В каждом растении

генетически заложено личное доминирование, поэтому в естественных природных условиях выживает лишь одна, самая сильная и выносливая лиана, попросту оплетающая конкурентов и задавливающая своей массой.

Похоже, в лабораторных условиях предстояла аналогичная свалка. Мужчина ринулся в гущу слепившихся паратир, пытаясь их разодрать, но тщетно. Воинственные лианы, не разбираясь, кто и где, взяли в оборот и лаборанта, вплетая в клубок дерущихся усов.

Совесть не позволила мне наблюдать со стороны погибель бедняги, и я, набрав побольше воздуха в легкие, ринулась на помощь: уминать, разрывать, отталкивать и отпихивать агрессивные отростки. Когда мы, вспотевшие и уставшие, отделили одну паратиру от другой, водворив каждое из потрепанных битвой растений на свое место, оказалось, что мой белоснежный халат щедро измазан в зеленоватой пыльце, шапочка съехала на бок, а повязка слетела.

Не успела я с растущим испугом сообразить, что, возможно, вдоволь наглоталась и надышалась зеленоватой пудры, как испуг пропал. Исчез. Подумаешь, наглоталась! В довесок и листочек зажевать могу. Да всю лиану обглодаю на спор не хуже жука-листоеда!

Мозг хладнокровно проанализировал ситуацию и сообщил, что пыльца паратир сделала свое дело, блокировав работу миндалин в височных долях. Я стала бесстрашной.

Натянув на лицо ставшую бесполезной повязку, вместе с лаборантом я укрепила паратиру-дебоширку в сетчатом ограждении. По пути в изоляционный бокс, где томились растения, по разным причинам лишённые нормальной среды обитания, мужчина поделился своей бедой:

— Не представляете, как горько осознавать, что выпестованные и взлелеянные собственными руками чудесные камнееды окаймленные безжалостно удалили с насестов, чтобы посадить паршивенькие ахтулярии. А ведь за камнеедами будущее! У них огромные перспективы!

Честно говоря, я не прониклась переживаниями. Камнееды относились к группе условно живых растений, то есть ученые до сих пор не пришли к выводу, можно ли считать их таковыми. Пользы от камнеедов не было никакой в противовес бесценнейшей ахтулярии, вяжущие плоды которой обладали сильным анестезирующим свойством и, кроме того, успешно использовались при лечении заболеваний желудочно-кишечного тракта.

Тем не менее, я сочла своим долгом посочувствовать стороннику камнеедов.

— Погодите! — мужчина бросился в бокс, мимо которого мы проходили, протопал в бахилах по плантации с хрупким изумрудным мхом и вырвал из грядки два пучка морковок. Прополоскал их в ведерке с водой и вынес из бокса, протянув мне один пучок. Корнеплоды оказались богатыми в размерах и ярко-оранжевой окраске.

— Вода фильтрованная, отстоянная, — успокоил лаборант и, прищурившись, добавил: — Или боитесь?

Поджав губы, я выхватила пучок, и мы неспешно двинулись по коридору, грызя висмодифицированные морковки, кишащие утроенным содержанием всех необходимых организму микроэлементов, на ходу рассуждая о перспективах камнеедов и оставляя за собой след из морковной ботвы. Вышли в белоснежную дверь и очутились в другой оранжерее с коридором, уходящим в бесконечность.

Вот уж где мы разгулялись! Прodeгустировали созревшие продукты скрещивания томатов и дынь, измазавшись в липком соке. Понадкусали и выбросили из-за дикой кислоты селекционные яблоки, выращивавшиеся на молодильные капли. Наелись свежих

побегов пшехлебы, со знанием дела раскритиковав неравномерное распределение сдобы в ростках.

Пошатываясь и поглаживая надутые животы, мы кое-как добрались до бокса с ахтуляриями.

— Вот они, чудовища, из-за которых моя диссертация о камнеедах пошла коту под хвост! — воскликнул лаборант.

Уж не знаю, в каком свете виделись ему ахтулярии, а я с большим интересом разглядывала через стекло небольшие стройные деревца, усыпанные темными продолговатыми плодами. Каждый из созревающих плодов словно подсвечивался изнутри, отчего кожица казалась прозрачной. Даже издалека было заметно сокодвигание в мякоти, питающее углеводами и витаминами наливающийся урожай.

— Уродство! — воскликнул гневно лаборант. — Ошибка природы, которую нужно исправить.

Я согласно закивала, и мужчина потащил меня в бокс, в глубину сказочного сада. Остановившись среди деревьев, он снял с верхней ветки плод, и тот медленно потух в руках. Я тоже сорвала парочку, и теплые гладкие лампочки погасли в моих руках.

Кроме невероятной пользы, ахтулярии оказались очень вкусными, со сладковатой маслянистой мякотью, изрезанной темно-синими прожилками. В результате, после устранения природной ошибки, мы, объевшись до невозможности, сидели, привалившись к деревьям, а вокруг валялись во множестве косточки. У меня же язык устал рассуждать о преимуществах камнеедов перед гадкой ахтулярией.

— Пора, — сказал мужчина и сыто икнул.

Кряхтя, мы поднялись на ноги и, набив карманы плодами, поплелись забирать разьедалы из изоляционного бокса, до которого, наконец, добрались. Горшки с растениями стояли за перегородкой и освещались тусклой электрической лампочкой. Я потрогала мертвые листочки, похожие на вялые поникшие промокашки. Но стволы были твердыми, а значит, в растениях теплилась жизнь.

Мужчина принес пустые упаковки из-под удобрений. Вместе мы перевалили кусты в обрезанные пластиковые коробки и составили в драный пакет, после чего я направилась в шлюз-комнату переодеваться, помахав на прощание новому знакомому. Правду говорят, своя ноша не тянет: ни пять разьедал одной руке, ни сумка с ахтуляриями в другой.

Пришлось пережидать прогорнивший звонок в женском туалете. Надпись про меня и Мэла чудесным образом испарилась, зато на другой кабинке среди наддверной росписи появилось уравнение: "М + И = ЛЮБОВЬ", выведенное красным сигнальным цветом.

Я прохихикалась. Просто и неинтересно — два слагаемых, исход известен. Достану-ка из сумки перо и внесу исправления, написав наобум. В итоге получилось: "М + И + Д = ?".

После воздушной волны, отметившей начало перемены, траектория движения пролегла к чердаку. Залезши наверх, я высыпала ахтулярии на тумбовый стол, сложив их аккуратной горкой. На листочке, криво вырванном из тетради, также криво накарябала: "Марату" и для верности придавила бумажку темным плодом. Теперь походим по чердаку и проверим, будет ли видна кучка на столе под разными ракурсами.

Убедившись в прекрасной видимости от люка и от окна, я потащилась ленивой походкой в общепит, не забыв о скарбе сдохшими растениями. После незапланированного вегетарианского обжорства меня развезло и начало клонить в сон. В столовой было на удивление многолюдно, но столик в углу пустовал, словно заговоренный. Отлично!

Подходящий момент, чтобы разложить конспекты и начать работу по общей теории висорики.

— Теснись! — сказали сбоку, и в поле зрения появился Мелёшин с подносом, а с ним Макес и бритый тип, который появился в компании парней перед пожаром в столовой.

Ага, притянули тяжелую артиллерию. Значит, Мэл решил перезнакомить меня со всеми своими друзьями и под шумок исполнить задуманное. А где же Мелёшинская блондинка? Страдает, поди, несварением после праздничного пиршества.

Наверное, я высказала предположение вслух, потому что Мэл уставился на меня, а парни весело закхыкали.

— Не страдает, — сказал Мэл. — Тебя волнует её отсутствие?

— Мне наплевать, — пожалала плечами. — Вот, думаю, соберется она покушать с тобой тет-а-тет, пооткровенничать о жаркой новогодней ночи, а тут я под боком сижу.

Сказала, а потом подумала — ну, и смелый же у меня язык! Говорит правду, не боюсь.

Мелёшин уставился изумленно, а парни, прикрыв рты, начали давиться смешками.

— Откровения откладываются на неопределенный срок, — ответил Мэл, ухмыльнувшись. — Она готовится к пляжному сезону.

— Ого! — присвистнул Макес. — Очередная диета?

— Правильно, надо начинать сейчас, чтобы к лету довести тощую как палка фигуру до полной прозрачности, — вырвалось у меня. Макес с бритым засмеялись, а Мэл посмурнел.

— Не к лету, а к окончанию сессии, — пояснил снисходительно, — чтобы отметить завершение на южном курорте.

Я почему-то уверилась, что блондинка отправится в чудесное путешествие вместе с Мелёшиным, и не замедлила съязвить:

— Не спалите пятки на горячем песочке, а также нежные части тела и прочие загорательные места.

— Какая заботливая, — протянул Мэл. — И ведь не хотел ехать, а теперь придется, назло некоторым. Так что не беспокойся, пятки не спалим. Как вернемся, расскажу тебе в подробностях о голубом небе, коралловых рифах и большой белой яхте.

— Давай, давай! — раздухарилась я. — Хочу полюбоваться на твой облупленный нос. И надувной круг с собой не забудь! И панамку от солнца!

— Точно! — поднял указательный палец Макес. — Возьми акваланг и ласты.

— И сувениров привези, — вклинился низким голосом бритый товарищ, прожевав кусок отбивной.

— Акулу привезу, — огрызнулся Мелёшин, — чтобы она укоротила язык Папене.

— За что? — я деланно пожалала плечами. — Сижу, развлекаю, даю умные советы. Берегись: говорят, на ярком солнце высыхают мозги. Но тебе ссыхание не грозит, потому что твои мозги сморщенные и размером с кулачок.

— Советуешь по-умному, а сама море ни разу не видела, — парировал грубо Мэл. — И вряд ли увидишь. Другие сидят на диете, потому что стремятся к цели, а ты почему не ешь?

— Ну, и лети со своей целеустремленной на все четыре стороны да не забудь ей в карманы мелочи насыпать, а то ненароком сдует, — разозлилась я.

— Ну, и полечу, — повысил голос Мелёшин. — Пора отдохнуть от зудежа и поучений. Тоже мамочка выискалась!

— "Мамочка" спит и видит, чтобы крокодилы утащили тебя на морское дно!

— Крокодилов на море не бывает, — просветил Мэл. — Двоечница.

— Сам шибко умный. Извилины в пружины завились и из ушей торчат!

— У меня-то хоть завиваются, а у тебя одна и та прямая. Крикнешь в ухо, а там эхо гуляет.

— А у тебя!..

Не найдя, что ответить, я гордо развернулась и уставилась в окно.

— Ничего, — успокоил Мелёшин. — И с одной извилиной вполне можно жить.

Буду выше грязной суеты. Не поворачиваясь, я завела руку за спину и показала болтуну неприличный жест.

— Как дети, — вынес вердикт бритый тип.

Остатки обеда протекли в молчании под звяканье столовых приборов и глухой стук тарелок. Я слышала, как парни ушли, и, выждав пару минут, развернулась. Стол опустел, и лишь одинокий Мелёшинский поднос сиял нетронутостью столовского изобилия.

Злая как тысяча чертей я вылетела из столовой. Ух, попадись мне, Мелёшин!

И искать не нужно. Он активно общался с парнями, оккупировавшими постамент у Списуила.

— Мелёшин! — закричала я издалека, направившись к статуе святого, чтобы прояснить возникшее недоразумение.

Он замер и медленно развернулся.

— Мы так не договаривались! — возмутилась, подойдя ближе.

— Ой, какие цыплятки здесь гуляют и не подозревают о голодных котярах с острыми когтями, — сказал кто-то из парней. По массам прошло оживление и смешки.

— У голодных котяр цыплятки встанут комом в горле, — парировала я смело.

Раздался дружный смех. Мэл, застыдившийся, что его увидели общающимся с бесцветной особой, кивнул в сторону, призывая отойти к зеркалу и не позорить в открытую.

— Техничка заставила убирать твои недоедки. Чего ухмыляешься? При возврате долга мы об этом не договаривались, так что я вправе разорвать соглашение, — сказала сварливо.

Мелёшин напрягся.

— Забылся, с кем не бывает? Взамен отнесу твой поднос, и будем квиты.

Забылся он! Наверняка придумал пакость, но в чем она состояла, я не сумела разгадать навскидку.

— Хорошо. Взамен отнесешь мой поднос к мойке! — пригрозила запальчиво.

Мэл пожал плечами:

— Без проблем. Завтра и уладим.

— Как завтра? — растерялась я. — Завтра не получится.

— А когда получится? — поинтересовался вкрадчиво Мелёшин.

Я почесала нос.

— Ну-у... На следующей неделе!

— Поторопись, Папена, а то у меня мозг маленький, и для памяти места не хватает, так что могу забыть, — сказал Мэл и повернулся, чтобы влиться в серьезную мужскую среду.

Я хотела сказать колкость вдогонку и уже открыла рот, но слова увязли в горле. Это заработали миндалины в височных долях, мгновенно нагоняя на меня ураган отрицательных эмоций: испуг от собственной смелости, отпустившей с привязи язык, ужас и растерянность при воспоминании об устроенном свиарнике в оранжереях, а еще... тянущую горечь от предстоящих веселых каникул Мелёшина в компании его блондинки.

Прокравшись к архиву, я протиснулась в дверь бочком, стараясь, чтобы пакет не шуршал. Архивариус не заметил моего появления, увлеченный тихим разговором с худеньким светловолосым пареньком.

Теперь быстренько затолкаем пакет между ближайших кадок с пышно облиственным пальмами. Что ж, омертвелая моя надежда, проверим, насколько благоприятен местный климат для здоровья растений.

— Добрый день, — сказала преувеличенно громко и двинулась навстречу начальнику. Он неожиданно резво вскочил, словно его поймали с поличным.

— Вам пора, — обратился строго к пареньку. — Первокурсникам не разрешается посещать архив.

Юноша согласно кивнул и направился к выходу. По пути он остановился рядом со мной и протянул ладонь для рукопожатия:

— Привет! Я Ирадий, но для тебя Радик.

Парнишка был очень худ и тонок телом, как соломинка, имел большую голову на тонкой шейке с коротким ершиком светлых волос и одинаковый со мной рост. Ирадий улыбнулся лучезарно и светло, и я не смогла не ответить улыбкой.

— Эва, — представилась и пожалала прохладные пальцы.

Что ни говори, а потрясающее начало года: с утра — море знакомств.

— Вибрирует, — сказал юноша, сделав таинственное лицо. У меня зародилось подозрение, что он не от мира сего.

— Что вибрирует?

— Твое имя. Э-ва, — пояснил он как само собой разумеющееся.

— А-а, — кивнула я с понимающим видом.

— Ирадий, вам пора! — окрикнул парнишку архивариус, но закашлялся, надорвав связки, и поэтому направился выдворять пацана вручную.

— Пока, — попрощался Ирадий с теплой улыбкой и ушел.

— Не обращайтесь на него внимания, — начал оправдываться Швабель Иоганнович. — Мальчишка учится первый год и ошалел от счастья.

— Ничего страшного, — заверила я. — Очень милый мальчик.

Начальник опять усадил меня за бесконечное переписывание бесконечных карточек. Сам же, время от времени мелькая вглубь архива и обратно, бросал на меня косые взгляды, а потом не выдержал:

— Если первокурсник говорил дерзко или неуместно, предупредите меня.

— Ну, что вы, — отвлеклась я от очередной карточки и почесала пером за ухом. — Ирадий вежливый и приветливый студент.

Архивариус посмотрел с недоверием, словно был твердо уверен в переменчивости моего мнения.

— Если вам показалось, что у мальчишки отсутствует воспитание и нет манер, скажите, — затянул прежнюю песню.

Дался ему головастый пацан. Я почти забыла о парнишке, так ведь без конца напоминают.

На чем мы остановились? Ага, на строчке: "...не включенных в реестр производителей вис-измененных предметов".

Выведя каллиграфическим почерком фразу, я порадовалась, что все-таки есть толк в

переписывании бесконечного количества карточек, и перечитала то, что написалось по-новому:

"Сборник кадастров. Обновляемый, пополняемый. Периодичность выхода один раз в год.

Редакция: Первый департамент.

Гриф секретности: "с", секретно.

Содержание: перечень лиц, не включенных в реестр производителей вис-измененных предметов".

Красиво получилось — отступы слева и справа одинаковые, интервал между строчками выдержан, красная строка тоже идеальная.

А потом сообразила, медленно и со скрипом.

Я смогу прочитать о лицах, ваяющих контрабандные раритеты, здесь, в архиве. Стоит лишь добраться до тонкой перегородки, отыскать стеллаж с литерой 122-Л и архивное пополняемое дело ПД-ПР.

Но для этого нужно избавиться от архивариуса.

Однако от начальника оказалось не так-то просто избавиться. Во время работы он не отлучался из помещения и покидал зону видимости лишь для того, чтобы выдать какой-нибудь архивный сборник невесть откуда набежавшим студентам.

Поскольку свободных мест катастрофически не хватало, архивариус перебазировал меня за служебный стол у перегородки. Я вытягивала шею в сторону коридорчика, образованного стройными рядами стеллажей, и вглядывалась в манящую глубину. Где-то там, в ожидании читателей, прозябало архивное пополняемое дело ПД-ПР.

Мое рабочее время истекло, но я не торопилась. Между делом попросила у Штусса подшивку научно-популярного журнала "Висорика в быту" за последнее десятилетие, чтобы сделать выборку к исследовательской работе по предмету Лютеция Яворовича, и периодически косила одним глазом в сторону отгороженной части архива. В результате набралось достаточно информации, ни на шаг не приблизившей меня к стеллажу с литерой 122-Л.

По дороге на дополнительное занятие по теории символистики я раздумывала над тем, что, собственно, ожидала увидеть в желанном и недоступном для меня деле ПД-ПР. Конечно же, там не будет имен, адресов и рекомендаций, как быстрее и удобнее найти того или иного мастера. Тупик, всюду тупик.

Занятие прошло в расстроенных чувствах. Я слушала вполуха и отвечала на вопросы, но вроде бы неплохо, потому что Альрик не хмурился и не смотрел строго. Когда с основными конфигурациями символов и рун было покончено, учеба продолжилась в общежитии.

Чайник засвистел, когда в пищеблоке появился Капа в домашних спортивных штанах и футболке. Живем за стенкой, а видимся раз в сто лет, — подумалось грустно.

— Привет. С прошедшим, — поздравила я парня.

— Привет. С наступившим, — ответил он и поставил свой чайник кипятиться.

Капа изменился. Сейчас он выглядел старше своего возраста, с вертикальной морщинкой, залегшей между бровей, и серьезным взглядом.

— Не видела тебя на празднике. Было весело.

— Я к отцу ездил, а по дороге завернул к Симону.

Почувствовав укол зависти, я отвернулась к окну. Хорошо, что парень вовремя понял ценность родственных связей, хотя пришел к осознанию через болезнь отца и тяжелые ожоги брата.

— Как Сима?

— Ругается, что из-за меня завалит сессию.

— Ругается — это хорошо. Значит, идет на поправку.

Капа вытащил из холодильника кусок засохшего батона, понюхал его и принялся пилить ножом.

— Хочешь чаю с сахаром? — предложила я. — У меня осталось полплитки.

— Похоже, мы питаемся одним и тем же, — сказал Капа и пояснил: — Теперь все деньги у нас идут на лечение Симона, а я сижу на социальной стипендии. Могло быть и хуже, поэтому не жалуясь.

Я похлопала парня по руке:

— Выкарабкаемся. Будем живы — не помрем.

— Ага. Дашь списать расписание экзаменов?

Я принесла Капе тетрадку и заварила себе чаю, между делом заняв стол в швабровке конспектами и тетрадями. В сумке обнаружили завалившаяся ахтулярия и брошюра, взятая у Стопятнадцатого. Сочный плод употребился внутрь, а бесполезная книжка полетела обратно. Завтра верну её хозяину.

Наломав сахару на тетрадном листочке, я собралась учить как минимум до трех утра и не заметила, как через несколько минут уснула, сидя за столом.

Утро началось, когда Аффа застучала в стену. Протерев заspanные глаза, я глянула на часы: мамочки, катастрофически опаздываю! Собиралась второпях и, опередив соседку, бросилась чистить зубы. Она ждала, пока я спешно наводила порядок во рту.

— Как тебе удалось распечатать Альрика на вечере?

— То есть? — поскольку рот был занят зубной щеткой, пришлось спросить мимикой лица.

— Раньше он не танцевал, даже на День национальной независимости.

Я мысленно застонала и выплюнула пасту изо рта:

— Твоя Лизбэт уже наточила нож?

— Напротив. После тебя Альрик осчастливил совместными танцами толпу желающих, а с Лизбэт танцевал целых два раза. Так что она в нирване.

— Ничего себе! А кто подсчитывал? — спросила я, прополоскав рот.

— Было кому, — ответила уклончиво девушка.

— А ты где потерялась? — поинтересовалась я, вспомнив о своей встрече с черноглазой мечтой Аффы на чердаке.

— Познакомилась с потрясающим четверокурсником и зажигала с ним весь вечер, — похвасталась соседка.

Я почему-то оскорбилась за Марата, словно уличила девушку в измене. И хотя понимала, что злюсь безосновательно и абсурдно, но не смогла перебороть неприятное чувство. Мне казалось, Аффа предала свою верность парню.

— Ага. Удачи тебе, — пожелала я коротко и ринулась в швабровку. Толком не расчесав спутавшиеся волосы, соорудила крысиный хвостик и, одевшись, рванула в институт.

С началом сессии столовая испытала второе рождение. С подобным ажиотажем я прежде не сталкивалась. За элитным столиком в углу питался кудрявый незнакомец, соседствовавший со мной на организационном первоанварском собрании.

Протиснувшись между столиков, я уселась на своем привычном месте.

— Здравствуйте, — сказала на всякий случай.

— Привет, — растягивая гласные, поздоровался незнакомец, оглядев меня.

Наверное, правила поменялись, — подумала я. Или началась новая игра. Осторожно огляделась по сторонам — вдруг Мелёшин наблюдает из-за колонны и посмеивается, потирая ручки в ожидании утреннего развлечения.

Мелёшин не посмеивался. Его ручки были заняты подносом, с которым он приближался к столу. Поставив поднос с тарелками, он чересчур спокойно обратился к кудрявому:

— Дегонский, это закрытая зона. Ты должен знать.

— Я бы свалил, да некуда, — пояснил тот с иронией в голосе. — Все столы заняты.

Бритый товарищ Мэла устроился по другую сторону от нежданного захватчика чужих столов и толкнул его в бок:

— Вали отсюда. Или ешь стоя.

— Не понимаю, вам тесно, что ли? — продолжал пререкаться Дегонский. — Поем и уйду, о ваших девчонках слушать не буду. Своих хватает.

— Ты сейчас встанешь и исчезнешь, — констатировал спокойно Мелёшин, но его в его спокойствии потрескивали разряды недовольства.

— Пусть она исчезнет, если вам тяжело дышится, — кудрявый ткнул вилкой в моем направлении. — Все равно ничего не ест. Какая разница, кого выбрасывать из теплой компании?

Я тронула Мэла за рукав. Он, видимо, не ожидал и вздрогнул.

— Пойду, ладно? Здесь и правда шумно.

— Сиди, — приказал Мелёшин, и узкие колечки в радужках налились ярким фосфором. — Ты не понял, — обратился он к Дегонскому. — А я не повторяю трижды.

Мэл распял правую ладонь на столе и погнал пальцами невидимые волны. На моих глазах поднос Дегонского вместе с содержимым начал оплывать точно воск и смешался в радужное пятно, растекающееся по столешнице. Редкие капли закапали на пол, а потом ручеек мраморной тарелочно-кофейной жижи проторил дорожку вниз, падая тонкой струйкой.

Некоторое время кудрявый пребывал в ступоре, но вскочил и выкрикнул:

— Думаешь, тебе всё позволено? Ты еще пожалеешь, Мелёшин!

На наш стол начали оглядываться и показывали пальцами, переговариваясь.

— Несомненно, — кивнул согласно Мэл.

— Сам напросился. Я вызову тебя в парк! — воскликнул гневно Дегонский.

— Можешь. Вызывай, — опять согласился Мелёшин.

— Отлично! Я сообщу, — парень задрал нос и, протиснувшись между столиками, удалился из столовой с гордо поднятой головой.

— Лихо ты его, — высказался бритый товарищ, откусив половину сахарной булки. — А если бы он ответил?

— Не ответил бы, — откинулся на стуле Мэл и, взяв с подноса стакан с соком, принялся неспешно потягивать. — Однозначно.

— Побежит и пожалуется на твое *soluti*^[1], - предостерег с полным ртом собеседник.

— Не побежит, — заявил уверенно Мелёшин. — Над ним весь институт будет ржать.

Я разглядывала жижу из растаявшего пластика, металла, керамики и завтрака. Дорогу у полу пробил еще два ручейка, и бывший поднос потек вниз, перемешавшись с пудингом и яйцом всмятку.

Все-таки надо было уйти. До чего неприятно! Мэл в который раз наглядно показал, как поступает с теми, кто переходит ему дорогу. Он раздавит любого, независимо от того, прав или виноват, и плевать на правила.

Посмотрев искоса на Мелёшина, я растерялась от неожиданности. Он глядел на меня, прищурившись и с некоторым разочарованием, будто напрасно ожидал какой-то реакции. Наверное, думал, что вскочу и начну громко возмущаться или демонстративно удалюсь вслед за оскорбленным парнем.

Давящий, тяжелый взгляд Мэла ощупывал меня, а в его руках перекатывалась сила, которая согнет и поставит вспльчивого Дегонского на колени. Тремя заклинаниями на выбор в парке. Я прочитала это в глазах Мелёшина.

Консультацию по основам элементарной висорики проводил Эдуардо Теolini, отдающий предпочтение черному цвету в одежде. Еще при первом знакомстве с преподавателем я обратила внимание на его ломаные и рваные движения. Он и материал преподносил так же отрывисто, но вполне усвояемо.

Небольшой кабинет с трудом вместил сдвоенную группу, заметно увеличившуюся в размерах из-за студентов, вылезших на сессию, точно грибы после дождя. Перед тем, как пообщаться на экзамене, Теolini предложил третьекурсникам разбиться на пары и к указанному сроку провести исследование в области эмоций, то бишь изучить природу какого-нибудь эмоционального процесса и проверить на практике стимулирующие и ослабляющие методы.

Эльза активно замахала рукой, привлекая внимание Мелёшина. Девушка явно набивалась к нему в пару, но препод сделал проще: список с фамилиями разбил на две части и образовал пары сначала из первого списка, зачитывая фамилию сверху и снизу, а потом взялся за второй список.

Эльзе выпало судьбою, вернее, преподавательской волею, изучать разочарование с неким Ляповатым. Судя по её лицу, соответствующему теме исследования, результаты обещали быть успешными.

Одно за другим отлетали скука, гнев, нежность, паника, ненависть, презрение и череда прочих эмоциональных процессов. По рядам прокатывались смешки, когда из очереди вылетели любовь и экстаз, доставшись каким-то несчастным.

— А удовольствие будут изучать Мелёшин...

В рядах оживились.

— ... и Папена.

Позади меня засмеялись парни:

— Говорят, Мэл — специалист по изучению удовольствия во всех видах и позах.

Мелёшин с невозмутимым видом карябал что-то в тетради, а Эльза окатила меня убийственным взглядом.

Капе, собравшему по приходу на консультацию порцию приветственных рукопожатий, по итогам преподавательской жеребьевки достались раскаяние и компания девушки-старосты другой группы. Что ж, у парня наработан богатый опыт по этой части, поэтому ему не составит труда выполнить работу.

Я снова вернулась взглядом к Мэлу, а мыслями — к утренней стычке в общепите. В ней Мелёшин поставил себя выше установленных правил, применив заклинание на глазах у десятков свидетелей. Дегонского же, не поддавшегося на провокацию, нельзя назвать трусом. Кто знает, вдруг, в отличие от самоуверенного Мэла, ему бы не сошло с рук ответное заклинание, и его в два счета выперли бы из института за нарушение студенческого кодекса?

Покуда я размышляла, Дегонский постепенно рос в моих глазах, превращаясь в дальновидного парня, не ставшего раздувать конфликт из разумной предосторожности, в то время как Мелёшин, сидя на другой чаше весов моего правосудия, опускался все ниже и ниже с адским хохотом, и постепенно у него появились хвост, рога и копыта, нарисованные фантазией. В конце концов, принципиальность Мэла в отношении личного едового места выглядит смешной. Сдался ему этот стол в углу!

После консультации я нагнала Мэла в коридоре.

— Чего тебе, Папена? Я тороплюсь, — сказал он, оглядываясь по сторонам.

— Ты подстроил исследование в паре по элементарке?

— Папена, твое мнение о себе выше, чем есть на самом деле, — сделал скучное лицо Мелёшин. — Мне без разницы, что и с кем изучать.

— Понятно.

Я развернулась, чтобы уйти, но вспомнила и спросила:

— Утром, в столовой... Вы с Дегонским на полном серьезе говорили... ну... о парке?

— Я похож на шутника? — прищурился Мэл. — Смотрю, ты распереживалась за него.

Или за меня?

— Больно надо.

— Странно. Я ждал, когда бросишься защищать Дегонского как настоящая альтруистка, — сказал насмешливо Мелёшин. — Нимб блестит — глазам больно.

— Ты спровоцировал его. Зачем?

— Хочешь заступиться? — спросил Мэл с легкой издевкой и предложил: — Заступись.

Попроси за него у меня.

— Почему у тебя? Это у Дегонского я должна просить за твою линялую шкурку.

— А ты попросишь? — заинтересовался Мелёшин. — Все-таки беспокоишься обо мне?

Умеет же человек запугать и развернуть разговор задом.

— Я не то хотела сказать. Дегонский имеет право вызвать тебя в парк, а не ты его.

— Не вызовет. Остынет, подумает, посоветуется. Еще раз подумает и откажется. А я — нет.

Сказал — и точка. Своими словами Мэл подтвердил намерения в отношении кудрявого. С непонятной целью на пустом месте устроил конфликт, а теперь пытался и меня втянуть в него.

— У тебя есть время подумать, — обронил Мелёшин и удалился.

Следом энергично и громогласно отлетела консультация у Стопятнадцатого, из которой я не поняла больше половины в силу многократного эха. По окончании занятия подошла к декану, собирающему высокую стопку из рефератов, сданных должниками и, протянув брошюрку, соврала, не моргнув глазом:

— Спасибо, Генрих Генрихович. Очень помогло.

— Прекрасно, — ответил Стопятнадцатый. — Где же вы оставили книжку на ночь?

— В архиве, — ложь полилась рекой. — А с утра забрала.

— Хорошо, что не забываете об ответственности. Сами понимаете, если бы страж задержал при входе, мало того, что позора не обрались, так исключили бы сразу и без объяснений. Вы поступили дальновидно, милочка.

Незаслуженная похвала пристыдила. Теперь я с Монькой повязана преступной нитью толщиной с канат. Совесть повелела мне вздохнуть тяжело и покаяться:

— Генрих Генрихович, вчера в оранжереях случилась неприятная история...

— Знаю, — кивнул декан и огладил бородку.

— Откуда? — вскинулась я и увяла. Конечно же, безобразие, оставшееся после обедалова, было трудно не заметить.

— Вашего участия, вернее, причастности, не установлено, — объяснил терпеливо мужчина, взял рефераты под мышку, и мы пошли, разговаривая по пути. — Вы действовали, правильно оценив обстановку. Лаборант Матусевич нарушил правила и покинул место, не закончив работу.

— Он не виноват, честно-честно! Я постучала, а он вышел и надышался... а потом мы...

Неужели всю вину возложат на него? — спросила с мольбой.

— У Матусевича выявились смягчающие обстоятельства. Оказалось, больше полугода он находился на грани нервного срыва, в котором косвенно виноват Максимилиан Эммануилович.

— Каким образом? — изумилась я.

— Единоличным решением поставил под сомнение актуальность диссертации Матусевича, которая, кстати, при необходимом материальном оснащении обещает стать революционной вехой в висорике.

— Значит, камнееды все-таки нужные? — воскликнула я, не в силах удержать радость от известия Стопятнадцатого.

— Нужные, — засмеялся мужчина. — Экая вы, Эва Карловна, беспокойная.

— А уборка? Мы там... ну... порядочно...

— Наели? — улыбнулся декан. — Меня порадует, если употребленные вами оранжерейные наработки пойдут на пользу организму.

— Спасибо, Генрих Генрихович! — крикнула я, убегая.

— Мне-то за что? — пожал он плечами. — В следующий раз мойте руки перед едой!

Желудок уркнул, пробудившись после спячки. Где там сухарики в нашей сумке?

На очереди стоял обед в обществе пресветлых персон, четко давших понять всему институту, что столик в углу столовой неприкосновенен. Бесконечная карусель, начинающая навевать на меня тоску.

В холле на глаза попался Петя, разговаривавший с другом у святого Списуила. Собеседник Пети в точности походил на него фигурой, и я тут же решила, что парни ходят на одни и те же тренировки.

— Привет! — не стесняясь, присоединилась к маленькой компании.

Петин друг вежливо поздоровался со мной, попрощался с ним крепким рукопожатием и утопал в сторону спортивного крыла.

— Привет, — поприветствовал Петя. — Ты куда и откуда?

— А-а, — махнула я рукой. — Надо идти в столовую. Поздравляю с заслуженной наградой! Хотела до тебя добраться, но помешала давка со стриптизом.

— Вот набралась девчонка, правда? — оживился спортсмен, но тут же сделал благопристойное лицо. — А я домой пошел, не стал дожидаться, когда её снимут со стола.

— Я тоже ушла. Сильно устала, да и музыка громко играла, — соврала легко и непринужденно.

— Зато с символистиком неплохо потанцевала, — сказал равнодушно Петя, но в голосе просквозила обида.

— Да ну, — махнула я рукой, — опозорилась перед всем институтом. Хотела и с тобой потанцевать, а ты исчез.

Петя оттаял, успокоенный безобидным враньем. Хотя кто знает, если бы он отыскался в толпе, то, возможно, мы потанцевали бы.

— Какие люди! — раздался позади веселый голос, и мы с Петей синхронно обернулись. Не знаю, как Петя, а я — обреченно, потому что голос принадлежал никому иному, как Мелёшину.

И просчиталась. Мэл, в куртке и зеркальных очках, сдвинутых на макушку, бережно поддерживал за талию блондинистую подружку и приветливо улыбался, словно и не он

собирался в прошлую субботу выяснять на кулаках отношения с Петей.

— Здравствуйте, — сухо кивнула я.

— Здравствуйте, — отозвался настороженно Петя.

Девушка неопределенно мотнула головой, и было непонятно, то ли она таким образом поздоровалась, то ли ей в тягость наше общество. А мы и не навязывались! — задрала я нос. Сами окликнули.

— Помнишь Иза, я рассказывал тебе о недоразумении, возникшем между моей однокурсницей и ее...

— парнем, — быстро вставила я, и Петя согласно кивнул.

— парнем, — повторил Мэл и замолчал, обдумывая услышанное. Даже улыбаться перестал на мгновение, а потом, как ни в чем не бывало, нацепил ослепительную улыбку.

Девушка вопросительно посмотрела на Мелёшина. Интересно, в каких красках Мэл живописал ей субботнюю омерзительную продажу?

— Милая, я чувствую себя виноватым, — пояснил он подружке. — Не могу спать спокойно, зная, что ко мне питают неприязнь.

Тут Мелёшин посмотрел на нас с Петей, и мы со спортсменом непонимающе переглянулись.

— Чтобы загладить вину, приглашаю вас в кафе, — предложил Мэл самым обыденным тоном, как будто в институте принято улаживать все недоразумения подобным образом. Пока я соображала, что Мелёшин имел в виду, за меня сухо ответил Петя:

— Мы бы с удовольствием, но Эва идет на обед, а я готовлюсь к тренировке.

— Уверяю, Петр, поездка не займет много времени, — начал источать сладкую патоку Мэл. — Тем более, это модное кафе, в котором можно встретить представителей знатных висоратских семейств. А уж сколько известных лиц его посещают! Можно запросто взять автограф у кинозвезды или у именитого спортсмена. "Инновация" считается обиталищем современной золотой молодежи. Слышали о нем?

Я слыхом не слыхивала о рассадниках богатеньких девочек и мальчиков, а Петя, судя по всему, слышал, потому что задумался. Чем больше расхваливал свое кафе Мелёшин, тем ниже падало мое настроение. Только эпицентра избранного общества мне не хватало. А Петя, наоборот, приосанился и сказал солидно:

— Я бы с удовольствием, но сегодня, к сожалению, материально не подкреплен. Оставил портмоне дома.

Какой он, оказывается, серьезный. И главное, ему есть, куда складывать деньги.

— Ну, что вы, Петр! Нет проблем. Сочтемся позже, как деловые и порядочные люди. Создадим задел для долгосрочных дружеских отношений, — плел Мелёшин одному ему понятную паутину, а Петя увязал в ней, я это видела. Подергала парня за рукав и зашептала на ухо:

— Петя, у тебя тренировка горит, а мне тоже... у меня тоже куча дел.

Мелёшин внимательно наблюдал за нами, и я уверилась, что он использовал *legra vi labum*^[2].

— Эвочка, — погладил мою ладошку спортсмен, — не переживай. Если...эээ...

— Егор, — напомнил своё имя Мелёшин.

— Если Егор уверяет, что поездка не займет много времени, так и быть — приглашаю тебя в кафе.

Не нужно мне ваше кафе, — застонала про себя. И как добираться в изысканное

заведение? Пешком туда и обратно?

Мелёшин будто услышал немой вопрос.

— Я за рулем, поэтому обернемся мигом, — пояснил радушно, продолжая улыбаться и поддерживать блондинку за талию. Девушка переминалась и поглядывала по сторонам. Ясно, ее не прельщала компания в лице меня и Пети.

Спортсмен чинно кивнул:

— Машина в наше время существенно облегчает перемещение по перенаселенной столице.

— И не говорите, Петр, — поддакнул Мэл. Я внимательно посмотрела на него, выискивая подвох или скрытую издевку. Как назло, Мелёшин излучал доброжелательность и был сама душевная простота.

— А... я не одета! — выдала весомый аргумент.

Раскройте глаза и посмотрите на модель рядом с Мэлом и на меня. Высокие сапоги на тонких шпильках, облегающие пятнистые брючки, коротенькая шубка нежного алого цвета и эффектный кремовый шарфик через плечо. И это все надето не на мне, а на блондинке с ухоженными волосами и профессиональным макияжем.

— Не стоит беспокоиться, — рассеял сомнения Мелёшин. — Мы поедем в демократичное заведение для просвещенной молодежи без тени консерватизма.

— Эва, не волнуйся, — начал уговаривать Петя. — Ты бывала в центре столицы?

— Нет, — ответила я, растерявшись массивной атакой.

— Не упускай шанс познакомиться с замечательным городом, — агитировал спортсмен. Вот это да! Мэл ловко перевернул разговор с ног на голову, и теперь Петя! — убеждал меня поехать к черту на кулички какую-то "Инновацию".

— А... мы точно вернемся назад вовремя? У меня остались дела в институте.

— Довезу в целостности и сохранности, — заверил Мелёшин, и огоньки в его глазах вспыхнули и погасли. Или мне показалось?

— Пошли, Эва! — потянул меня Петя.

— Прощу, — Мэл показал дорогу взмахом свободной руки.

И я неохотно согласилась.

С недовольным видом я забрала в раздевалке куртку. Пока мы с Петей одевались, Мелёшин с блондинкой терпеливо ожидали. Девушка что-то сказала Мэлу, он кивнул и заправил прядь её волос за ухо. Почему-то меня разозлила его демонстративная нежность. Напялил очки, чтобы выпендриться, а смотрится смешно — подумала сердито. Не лето на дворе.

Одевшись, мы с Петей двинулись за парочкой. Блондинка накинула на ходу капюшончик, а Мелёшин шел с непокрытой головой. Выйдя на крыльцо, я поняла, что он надел очки не для показухи. Зимнее солнце слепило глаза, выбивая слезу и заставляя подслеповато щуриться.

Девушка подхватила Мэла под локоток, и они направились к воротам института по расчищенной дорожке, а мы с Петей последовали за ними.

Я вспомнила, что в последний раз проходила мимо ряда вздыбленных ангельских крыльев с Тёмой, когда он провожал в общежитие. Как давно это было! А сейчас ноги несли меня неизвестно куда и в малоприятной компании. Наверняка на фоне модельной парочки мы с Петей смотрелись смешно: он в шапке с помпончиком-какашкой, и я, замотанная по брови в толстый шарф, вся в инее от леденеющего на морозе дыхания.

Торопилась с подмерзающими коленками, а ангелы провожали меня задумчивыми взглядами. Увеличилось количество пустующих постаментов: к обрезанным щиколоткам добавилась парочка лодыжек в середине ангельского ряда. Воруют их, что ли? — задалась я вопросом по ходу движения, но вопрос вылетел из головы, когда мы подошли к стоянке.

Если бы меня подвели к двум рядам автомобилей, припаркованных у ограды института, и попросили показать, какой из них принадлежит Мэлу, я бы и за неделю не догадалась. Машин было много, машины сияли фешенебельностью, и от обилия обтекающих и острых форм разбегались глаза.

Черный Мелёшинский автомобиль стоял в первом ряду недалеко от калитки, блестя на солнце полировкой. Он показался мне приземистым и низким, я даже проверила, наклонившись, не соберет ли днище неровности дороги, и заметила ухмылку на лице Мэла. В зеркальных очках и куртке, рядом со сказочной машиной, он казался вырванной страничкой из журнальной рекламы.

Я остановилась, не зная, что делать дальше. Мелёшин сделал приглашающий жест и сказал, любезно улыбнувшись:

— Рассаживайтесь.

Зная Мэла, я ни на миг не поверила в радушие гостеприимного хозяина. Он что-то задумал.

Нам с Петей выпала честь занять задние ряды. Спортсмен двинулся в обход автомобиля, чтобы сесть с другой стороны, а Мэл открыл перед своей спутницей дверцу, помогая расположиться на сиденье рядом с водительским местом. Заметив его джентльменский поступок, Петя бросился совершать аналогичный маневр по отношению ко мне. Распахнул дверцу, а я стояла и не могла решиться. Мне казалось, если сяду, то пути назад не будет, а так тлела слабая надежда — вдруг Петя передумает, или у Мэла окажется спущенным колесо, а лучше бы все четыре.

— Петь, пожалуйста, — пробухтела из-под шарфа, — давай откажемся! Может, в другой

раз съездим?

Спортсмен хотел ответить, но не успел.

— Проблемы? — спросил голос над ухом. Это Мелёшин, усадив свою красотку, приторно улыбался, прислонившись боком к водительской дверце. Жалко, очки скрывали его нахальные глаза.

— Нет-нет, никаких, — сказал поспешно Петя.

В итоге мне пришлось совершенно неаристократично бухнуться на сиденье, а Петя, обежав машину, устроился рядом. В салоне и на улице было одинаково холодно.

Мэл завел машину, и двигатель тихо заурчал.

— Сейчас прогреется, и поедem, — сказал Мелёшин, настраивая тумблеры на панели и над головой. Девушка достала из сумки зеркальце и начала приводить в порядок идеальные губы, обводя и подкрашивая. У меня создалось впечатление, что она принципиально смотрела на нас с Петей как на пустое место и делала вид, что на заднем сиденье никто не сопел и не возился.

Нервно выдохнув, я приказала себе расслабиться и лишь сейчас обратила внимание на убранство салона. Деревянные лакированные вставки в сочетании со светло-кофейными и черными тонами подавляли своей роскошью. В отцовской машине пахло кожей и пылью, а в Мелёшинской витали приятные запахи. Наверное, духи блондинки пропитали благовонием ограниченное пространство автомобиля.

Сумку я решила засунуть в ноги. На коврикe под сапогами расползлась небольшая лужица от растаявшего снега. Вот растяпа! Нужно сперва обстучать, прежде чем заваливаться мешком в автомобиль. На всякий случай я отодвинулась подальше от дверцы. Если замараю или поцарапаю — вовек не расплачусь.

— Хорошая машина, — степенно похвалил транспорт Петя.

Мне показалось, Мэл тихо фыркнул, однако сказал коротко:

— Да, неплохая.

Я не разбиралась в автомобилях, поэтому наклонилась к спортсмену и шепотом спросила:

— Что за марка?

— "Turba^[3]-113", — пояснил он тихо. — Последняя модель.

Понятно, отчего же не понять. Не будет же Мелёшин ездить на арбе с деревянными колесами.

В салоне потеплело. Петя снял шапку, я тоже стянула свою, размотала шарф и расстегнула куртку. Мэл что-то крутил и настраивал на панели, похожей на пульт управления космическим кораблем. Разве что не хватало круглой красной кнопки и рычагов для катапультирования. Не сдержавшись, я прыснула и зажала рот рукой. Мелёшин прислушался, но не обернулся.

Поглядывая в окно, я всё больше убеждалась в том, что Мэлу, как водителю, жизненно необходимы светоотражающие очки, потому что от снежной белизны даже у меня заломило глаза. Однако Мелёшин снял их, положив на панель, и снова занялся настройкой корабля на колесах. Я опять прыснула.

— Эва, тебе нехорошо? — спросил участливо Петя.

— Еще не поехали, а уже укачало? — съязвил Мэл, показав истинное лицо. Мое же вытянулось, но не от удивления, а от радости, что кое-кого накрыли с поличным. Вот она, Мелёшинская сущность, и никакими медовыми речами и посулами её не прикрыть.

Открыла рот, чтобы поскандальить и, дай бог, вырваться из автомобильного плена, как Мэл сказал обеспокоенно:

— Наверное, слишком тепло. С улицы не рассчитал и неправильно выставил градусы. Сейчас развеем.

Включился кондиционер, и из встроенных вентиляторов подул легкий ветерок. Что ни говори, а приятное ощущение.

— У меня тоже часто бывает, — чопорно поддержал разговор Петя. — Дезориентируюсь при резком перепаде температур.

— Знакомая ситуация, — поддакнул Мелёшин. Ну, душка и паинька.

Расположившись поудобнее на сиденье, я откинулась назад, подставляя голову ласковому овеванию. Тем временем лобовое стекло потемнело, это Мелёшин облегчал себе обзор дороги. А потом и зеркало заднего вида начало с тихим жужжанием выравниваться и подстраиваться под водителя. Оно равнялось и выставлялось до тех пор, пока в отражении я не встретила взгляд Мэла. Он посмотрел на меня и перевел внимание на дорогу, обратившись к подруге:

— Поехали?

Надо же! Он и разрешение у своей блондинки каждую минуту спрашивает: "Изочка, можно ехать?", "А сейчас можно повернуть?" или "Может, остановимся?".

Покусав губы, я уставилась сердито на затылок Мелёшина. Такими темпами мы и к следующему утру не доберемся до вашего кафе.

Блондинка сложила макияжные причиндалы в сумку, кивнула, и машина тронулась. Мэл аккуратно выехал со стоянки. Двигатель бесшумно работал, и Мелёшинский корабль величаво поплыл мимо ограды института. Я смотрела со стороны на серые панели общежития, ставшего мне временным домом. Промелькнула дыра в решетке, ведущая кратчайшим путем в район невидящих.

Мэл не свернул в квартал, куда я частенько наведывалась. Наверняка золотой мальчик не подозревал о его существовании, а мне бы доставило удовольствие проехаться по тихим улочкам, разглядывая витрины знакомых лавок и ремонтную мастерскую Олега и Марты. Эх, стыдоба-стыдобучая! Как ни оттягивала, а придется идти к ним с пустыми руками и каяться в неплатежеспособности. Завтра же схожу и расставлю все точки над і.

Машина обогнула квартал невидящих и двинулась окраиной. Я прилепилась к окошку, разглядывая места, в которых ни разу не бывала. По всей очевидности, мы проезжали спальный жилой район: за окном мелькали малоэтажные дома, попадались скверики и машины.

По мере того, как "Турба" удалялась от института, дома росли, и промежутки между ними сокращались. Вычурность фасадов уступила место унифицированным формам. Здания пестрели вывесками и рекламными щитами. Все чаще мелькали магазины и торговые центры. Автомобильный поток уплотнился и расширился. Теперь слева и справа от нас двигались в том же направлении два ряда машин.

Жаль, издалека не разглядеть интересности. Словно предугадав мою печаль, Мэл перестроился в крайний ряд, и я снова приклеилась к окну, рассматривая здания. Запоздало обратила внимание, что на дороге и на тротуарах исчез снег, даже маломальские сугробики у уличных фонарей — и те отсутствовали. На вопрос о необычной природной аномалии Петя пояснил:

— Снег специально растаивают.

Ишь ты, какие нелюбители снежных заносов. А как же зимнее настроение?

Мы ехали, здания росли. Среди них все чаще встречались архитектурные шедевры: вытянутые, пирамидальные, спиралевидные и даже прозрачные. Внутри сидели и ходили по кабинетам люди, а другие поднимались по лестницам и в лифтах.

Куда же нас везет Мелёшин? Если удастся вывести его на чистую воду, он возьмет и выкинет меня на мороз и отправит восвояси своим ходом. Я же через полминуты потеряюсь в столичном муравейнике!

Мелёшинская "Турба" проехала по сложной автомобильной развязке и, миновав несколько туннелей, ушла влево. Мы проехали мимо зеркальных небоскребов и зданий-хамелеонов, мимо узких как спички стел, стремящихся к небу, мимо диска телевизионного центра, возвышавшегося над городом на трех гигантских опорах высотой более четырехсот метров. Об этом поведал Петя, тыча пальцем в окно.

По пути встретилось здание, перевернутое вверх тормашками не хуже статуи святого Списуила. Мэл совсем замедлил ход, чтобы можно было разглядеть необычное сооружение. Девушка помалкивала и не обращала внимания на мои восторги и переговаривания с Петей. Наверняка столичный пейзаж осточертел ей до невозможности.

Тем временем поток машин еще больше расширился, и мы очутились в одной из полос. Смотреть было не на что, но Петя не отрывался от окна. Со вздохом разочарования я откинулась на кожаном сиденье. Поводила взглядом по салону, оценила потолок со встроенными светильниками, динамики колонок по бокам. Повертела головой и уставилась на Мелёшинскую макушку перед собой.

Мэл уверенно вел автомобиль: переключал скорости, периодически посматривал в боковое зеркало и плавно поворачивал руль в ту или иную сторону. Видно было, что он любовно обращался с машиной и не представлял без нее жизни.

Мы, кажется, ехали целую вечность, а поездке не виделось конца и края. Я начала утомляться. Жаль, не засекала, когда отчалили от института, наверняка прошло больше получаса. Побуравила недовольно затылок Мэла и перевела взгляд на зеркало заднего вида.

Мелёшин, не мигая, глядел на меня. Машина ехала, его руки лежали на руле, а глаза... глаза, вместо того, чтобы следить за дорогой, смотрели в упор, обжигая растопленным шоколадом.

Время застряло. Казалось, воздух около меня начал вскипать и плавиться. С каждой секундой я, словно муха, погрязала в сладком сиропе Мелёшинского взгляда, совершенно не имея сил барахтаться. Елки-палки, будут стрелки двигаться или нет?

Что-то душно в салоне, и кондиционер совсем не помогает. Судорожно оттянув ворот свитера, я невзначай глянула в окно. Рядом с нами ехала в опасной близости красная машина. Еще мгновение — и мы сойдемся с ней боками.

От страха язык прилип к небу, а в висках забухало. Мэл резко крутанул руль, и "Турба", вильнув, выровняла движение.

— Милый, отвыкай гонять, — сказала хрустальным голоском девушка и успокаивающе положила руку на колено Мелёшина.

Я с трудом уняла дрожь в руках, в пересохшем горле противно защекотало. Мэл едва не устроил аварию посреди столицы, а блондинка преспокойно занялась релаксацией паршивого водителя, будто его опасная езда считалась обычным делом.

Петя побледнел, но сохранил фасон и не показал виду, что испугался. Мелёшин, продолжая одной рукой удерживать руль, другой погладил ладонь девушки и мягко убрал с

колена. Меня аж затрясло от злости и запоздалой паники. Демонстративно сложив руки на груди, я уставилась в окно. "Ах, милый, не гони, а то помада размажется!", "Ах, милый, нам еще внуков растить, а ты лихачишь!". Тьфу, ездоки.

Конечно же, меня одолевала жуткая зависть к музыкальному голосу красавицы и ее невероятной синевы глазам. Да что там говорить, я завидовала девушке во всем. Даже в том, как она по-хозяйски расположилась на переднем сиденье. Вот если бы Мелёшин предложил мне сесть рядом с ним, я бы... я бы такое сказала, что он на всю жизнь зарекся бы приглашать меня в машину.

А он и не пригласит, разве что с очередным подленьким умыслом, поэтому не следует отвлекаться. Меня по-прежнему снедала уверенность, что в голове у Мэла засел нехороший план.

— Смотри, Эва! — обернулся Петя и поманил к себе. Я придвинулась, и он показал на виднеющуюся вдалеке громаду.

С Петинной стороны простиралось поле с редкими деревцами и пустыми клумбами, наверное, молодой парк или сквер. За полем высилось сооружение, привлекающее парня.

— Это малый центральный парк. Заложен в честь сорокапятилетия победы в войне, — не замедлил пояснить Петя. — А за ним Большая спортивная арена. Там пройдет чемпионат по легкой атлетике, в котором приму участие, — сказал он с гордостью.

— Здорово! — откликнулась я восхищенно.

А про себя ужаснулась. Пообещай я Пете присутствовать на мероприятиях чемпионата, не представляю, как бы добиралась сюда и возвращалась обратно в институт. Прижавшись к парню, я разглядывала кубические формы спортивного монстра и большую сферу над зданием, занявшую полнеба.

Неожиданно Мелёшин круто вильнул влево и завернул. Я завалилась на свою сторону, а Петя, не удержав равновесие, — на меня. Даже блондинка сдавленно вскрикнула.

— Держитесь крепче, — процедил Мэл, поглядывая то в зеркала, то на дорогу.

— А... — хотела я спросить, скоро ли доедем, а то в туалет хочется, как Мелёшин перебил:

— Подъезжаем.

И мы подъехали.

Устав от долгой езды, я выползла наружу, на ходу застегивая куртку и заматываясь в шарф, а сумку закинула на плечо. Петя, напялив шапку, тоже выбрался со своей стороны. Мэл вылез из машины и, деловито обежав, открыл дверцу перед блондинкой, помогая выйти.

Ишь, как выдрессировала. А говорил, ни перед одной бабой не прогнется, — вспомнила я и сдавленно захихикала. Мелёшин мрачно зыркнул. А и не боюсь вовсе!

Пока парочка разбиралась с застрявшей шпилькой сапога, я огляделась. Задрала голову вверх в попытке увидеть небо. Хорошо, что шапку придержала, а то бы она свалилась от вертикальной крутизны.

Улица была узкой, с двухсторонним движением, и многолюдной, несмотря на мороз, а прямо перед нами располагались большие стеклянные двери и вывеска золотыми буквами на черном: "Innovatio"^[4]. Просто и элегантно — без кричащей вульгарности, как и должно быть в приличном светском обществе.

Мы с Петей подошли поближе, не решаясь зайти внутрь. Вернее, это я не решалась, а Петя делал вид, что разглядывает окрестности.

— Не бывал в этом районе, — сказал он.

Я уже начала замерзать, когда подошел Мелёшин со своей блондинкой под ручку.

— Прощу, — кивнул в сторону дверей.

Мы с Петей предпочли двинуться следом за парочкой. Перед входом меня обдула широкая теплая струя воздуха. Двери плавно разъехались, пропуская внутрь, на зеленый ковер, имитирующий молодую траву. По обе стороны стояли в кадках цветущие вишни и осыпали розовым цветом, облетавшим от сквозняка.

— Они живые? — спросила я у Пети вполголоса. Не понять навскидку, то ли настоящие деревья, то ли иллюзорные.

— Не знаю, — ответил он также тихо.

— Здравствуйте! Рады приветствовать вас. В "Инновации" сезоны опережают время года. Сейчас весенний пик, — пояснил молодой человек в униформе со значком "Г" на груди.

— У нас заказано, — обронил Мелёшин.

— Прощу. Раздевайтесь, располагайтесь, — пригласил молодой человек.

Что значит "у нас заказано"? Неужели Мэл знал заранее, что Петя не откажется от приглашения? Однако Мелёшин развеял сомнения. Помогая блондинке снять шубку, он пояснил:

— На мою фамилию постоянно зарезервирован столик в большом зале. Круглогодичный абонемент.

Конечно, как же обойтись без абонемента в толкотне изысканного заведения?

Под шубкой девицы обнаружилась туника оригинальной вязки с пояском и расклешенными рукавами, а под моей курткой скрывался свитер грязно-зеленого цвета. Пока мы сдавали вещи в гардероб, подружка Мэла удалилась в неизвестность.

— Можно привести себя в порядок в дамской комнате, — предложил молодой человек в униформе, не отлипающий от нас ни на шаг.

Неуверенно кивнув, я направилась в указанном направлении. Навстречу выплыла блондинка, скользнула взглядом и прошла мимо. Очевидно, она была завсегдатаем кафе и давно изучила расположение нужных мест.

Войдя в дверь со значком женской фигурки в широкополой шляпе, я дезориентировалась в пространстве, решив, что попала не по назначению. Сочетание черного и золотого повергло в благоговейный трепет. Даже корзина под мусор имела цвет благородного металла. Повсюду кожаные диванчики, круглые зеркала, зеркальная мозаика на потолке, отражавшая свет многочисленных светильников. Сантехника сияла ослепительной белизной.

Налюбовавшись на окружающую красоту, я принялась наводить марафет. Коли молодой человек в униформе посоветовал привести себя в порядок, значит, в этом есть необходимость. Поглядев в зеркало, я решила, что бледновата. Пощипала себя за щеки и похлопала, создавая естественный румянец. Слабенько, но сойдет. Напоследок помыла руки и пригладила волосы. Компания терпеливо дождалась у гардероба. Блондинка переминалась с ноги на ногу в своих высоченных шпильках.

Нас проводили в большой зал. Лишь устроившись на небольшой софе вместе с Петей и отдышавшись от подступившего к горлу волнения, я смогла разглядеть помещение расхваленной "Инновации".

Мелёшин арендовал овальную нишу, являющую собой окно во всю стену. Ощущение открытого пространства впечатлило, если учесть, что за стеклом бушевала поздняя весна. Мы сидели посреди цветущего сада, в окружении молодой зелени. Волосы шевелил слабый

теплый ветерок, пропитанный солнцем, травой и ароматом цветов.

Переведя взгляд вниз, я вцепилась в Петю от страха. Пол под ногами был таким же прозрачным, и казалось, мы парили в невесомости. Внизу в каменистом русле текла быстрая горная речка, обсыпанная полянами цветущих огоньков и эдельвейсов. Ох, страсти!

— Не бойся, Эва, — взял меня за руку спортсмен. — Здесь самые лучшие иллюзии в столице, я читал. Их можно приближать и удалять.

Напротив, на такой же софе устроился Мэл со своей подружкой. Подошла симпатичная девушка в униформе и, улыбаясь, протянула папки с меню.

— Заказывайте, девушки, — предложил Мелёшин, развалившись на диване и закинув ногу на ногу.

На каждой страничке изображались картинки предлагаемых блюд и напитков, медленно поворачивающиеся вокруг своей оси. Выглядело аппетитно, и в животе у меня согласно заурчало. Но когда взгляд упал на цены, проставленные рядом с картинками, возникло неодолимое желание вскочить и убежать отсюда, куда глаза глядят. Петя вертел головой, оглядываясь по сторонам.

— Смотри, — толкнул меня в бок. — Вон сидят... за тем столом. Это два известных актера, снимаются в молодежном сериале.

— Ты и сериалы успеваешь смотреть? — спросила я, разглядывая двух субтильных парней с дикими прическами, сидящих в такой же нише.

— Нет, когда мне? У сестры все стены оклеены ихними плакатами. Они у меня вот где, — Петя провел по шее. — Расскажу ей — захлебнется от зависти.

Поскольку молодежные сериалы я не смотрела и актеров не знала, то вернулась к изучению меню, и поняла, что лучше не заказывать ничего, потому что за мое расточительство придется расплачиваться Пете, пусть пока деньгами Мелёшина.

— Мне чоху-боху, — пропела блондинка.

Что за чоху-боху такое? Быстренько пролистав меню, я отыскала таинственный заказ блондинки в разделе "диетические блюда". Чоху-боху представлял бокал с непонятной бурой жижей и калорийностью, равной 2 единицы. В его составе было намешано компонентов, перечисленных аж на треть страницы, и стоило это диетическое питание шестьдесят два висора. Мне поплохело. Я заработаю эту сумму за два месяца, в то время как девица в три глотка осушит бокал с мутным чоху-боху.

Хорошо, что хватило ума не начать обмахиваться папкой с меню на глазах у присутствующих. Делать нечего, и я с невозмутимым видом продолжила изучение диетического раздела. Оказалось, чтобы поддерживать себя в форме, требовались немалые капиталовложения. Умопомрачительные цены доходили до трехсот висоров за салатки из экзотических ингредиентов. Зачем надрывать кошелек, если можно перейти на питание, аналогичное моему: с сухариками и чаем, и результат будет налицо?

Вернувшись к началу меню, я листала, листала, а Петя снова толкнул меня и показал на мужчину, беседующего с дамой в годах и экспрессивно жестикулирующего:

— Смотри, это Антипенко! Лучший форвард нашей сборной в прошлом году.

— Ага, — поддакнула я, не поднимая головы от меню. Не отвлекайте, когда предстоит сделать важный жизненный выбор.

Долго-долго листала, а девушка-официантка терпеливо ждала с неизменной улыбкой. Поначалу я пожалела её, а потом подумала, что за всех обобранных клиентов пусть улыбается, пока не выберу. Наконец, на одной из страничек увидела коктейль под названием

"Оптимизи", наливаемый в трех дозировках. Самая большая бадья стоила семьдесят висоров, лохань чуть поменьше — пятьдесят висоров, а миска с соломинкой-зонтиком — тридцать пять. Как ни крути, а коктейль оказался самым дешевым из того, что нашлось в меню. За такие деньги буду хлебать выбранный напиток до позднего вечера да еще стенки вылижу.

— Мне "Оптимизи".

Я толкнула засмотревшегося по сторонам парня:

— Петя, выбирай.

Он схватил меню, продолжая вертеть головой, потом углубился в чтение, изучение и осознание. По мере того, как спортсмен пропитывался духом демократичности кафе, его лицо мрачнело, бледнело, хмурилось, кусало губы, и, наконец, с тяжким вздохом Петя спросил:

— Ты что выбрала?

— Какой-то "оптимизи".

— А, ну, ладно, — потер он ладони о штанины. — Мне то же, что и даме.

— "Демокрацию", — коротко сказал Мэл и вернул меню официантке. Та кивнула и удалилась исполнять наш заказ.

В ожидании коктейлей разговор не клеился. Парочка напротив углубилась в тихий междусобойный разговор.

Чтобы не скучать, я решила развлечь себя и оглядеться вокруг. Просторное помещение имело форму сплюснутого цилиндра, на плоском потолке которого медленно закручивалась черно-белая спираль, а по бокам располагались в два яруса ниши. На второй этаж вели несколько лестниц, понарошечных из-за видимой хрупкости и неустойчивости. В центре зала, занятом столами, сидели редкие посетители. Кафе не пустовало, но и не могло похвастаться многочисленностью. А зачем хозяевам давка? Оберут парочку простаков как мы, и половина дневной выручки в кармане.

Рядом с входом работал необычный фонтан. Плотные струи воды текли не только сверху вниз, но и распределялись под разными углами, игнорируя силу тяжести: снизу вверх, повдоль, по диагоналям и даже по ломаным. На водном полотне возникали и менялись объемные фигуры, словно за ширмой кто-то растягивал упругую ткань подвластной стихии.

Я загляделась на журчащее представление. Запрокинутая голова смеющегося человека сменилась протянутыми лодочкой ладонями. Затем появился силуэт орла, парящего в водных потоках, а следом на водном экране возникла целующаяся пара. У меня запылали щеки.

— Весна и ей сопутствующее, — сказал Мелёшин, раскинув руки на спинке софы. Блондинка прижалась к нему, и Мэл одной рукой поглаживал ее по плечу. — Как вам, Петр, обстановка?

— Ничего, — прокашлялся Петя. — Впечатляет.

Тут принесли заказ, я в замешательстве наблюдала, как передо мной и Петей появились два крошечных стаканчика с розовой жидкостью. И за эти мизерные порции с нас содрали по тридцать пять висоров с каждого?!

У коктейля, купленного по бешеной цене, вкус мог быть и получше, — подумала сварливо, осторожно посасывая напиток через соломинку. Петя тоже углубился в питье. Блондинка дегустировала чоху-боху, пристроившись под боком у Мэла.

Я, как могла, растягивала коктейль, но он кончился очень быстро. Желудок, не распробовавший прелести изысканного питания, требовательно заурчал.

— Ну, что, заморили червячка? — спросил Мэл. — А теперь закажем что-нибудь посущественнее.

Не успели мы с Петей и рта открыть, как он щелкнул пальцами, и знакомая официантка резво подбежала, подав меню.

— В общем-то, — нерешительно сказала я, — как бы всё было вполне вкусно. Так что... Однако желудок опротестовал мои слова.

— Наши друзья впервые в этом кафе, — обратился Мэл к девушке в униформе, — поэтому возьму на себя смелость сделать заказ за них.

Мелёшин хочет разорить Петю! — осенило меня. У парня не хватит собственных средств, чтобы расплатиться с Мэлом, и он влезет в долговую яму!

— Нет! — вставила я быстро. — Мы сами сделаем заказ. Правда, Петя?

Спортсмен неуверенно кивнул.

Я снова листала и листала меню. Не выбирать же повторно дурацкий "оптимизи". На

глаза попало мороженое в креманке — три разноцветных шарика за сорок пять висоров. Сплошное грабительство! Наверняка получится такой же обман, как и с коктейлем — креманка окажется размером с наперсток.

Ткнула в картинку и вопросительно посмотрела на Петю. Он кивнул, соглашаясь.

— Я, пожалуй, не буду, — сказал. — А даме мороженое "светофор".

Покуда блондинка тянула бесконечный диетический коктейль, передо мной возникло заказанное трехцветное мороженое, а перед Мэлом — тропический мусс.

Петя мям пальцы, подсчитывая, во сколько ему обойдется поход в кафе для просвещенной висоратской молодежи. А нечего покупаться на зазывные лозунги Мелёшина! — мелькнула мстительная мыслишка и погасла под гнетом укоризны. Конечно же, Петю не стоит винить. Я понимала его желание побывать в элитном столичном заведении.

— Петь, а давай съедим пополам, — предложила парню. — Ты — ложечку и я — ложечку.

— Смешная ты, Эва! Мы же не дети, а взрослые серьезные люди. В порядочных местах не кормят с ложечки. Кушай на здоровье.

Я приуныла. Мельком глянула на парочку напротив. Мэл, продолжая поглаживать блондинку по плечу, смотрел на меня. Вдруг сглотнул, облизнув губы, и отвел взгляд.

Наглец! Сам покупай и ешь.

Я давилась дорогущим мороженым и тяжело вздыхала. Даже водяные объемные чудеса не радовали, и пустота под ногами перестала пугать. Как представила, что могла бы безбедно существовать целый месяц на съеденные сегодня деньги, так сердце облилось кровью от упущенных возможностей. Конечно же, деньги не мои, а условно Петины, но от этого не менее жалко.

Подружка Мэла встала, оправив тунику, и удалилась походкой от бедра в дамскую комнату, притягивая к себе взгляды посетителей и Пети, засмотревшегося на стройные ноги блондинки.

Я украдкой посмотрела на часы. Обед давно промчался, консультация у Лютика близилась к завершению, а ведь мне следовало защитить исследовательские работы. Еще предстояли работа в архиве и осмотр у Альрика. Ничего себе, "мигом обернемся"!

Девушка вернулась и принялась за недопитый чоху-боху. Когда же она его доконает? Может, мы из-за неё торчим в кафе два часа? -

Ну, что? — энергично потер ладони Мелёшин. — Закажем еще что-нибудь?

— Ой, нет, спасибо. Уже не лезет, — откликнулась я и посмотрела на Петю за помощью.

— Петр, ваша дама очень стеснительна, — начал упрекать парня Мэл. — Побывать в "Инновации" и не попробовать фирменный крем-десерт "Нова" — это нонсенс.

— В самом деле, Эва, — поддакнул спортсмен. — Наверняка "Нова" тебе понравится.

Ага, еще бы ей не понравиться. За потраченные деньги нам, как минимум, должны завернуть с собой посуду, в которой приносили заказы.

"Нова" выглядела отвратительно. На картинке треугольный слоеный кусок поворачивался, кокетливо выставляя шоколадный бок, обсыпанный смесью орехов. За полосатый десерт кулинары кафе просили восемьдесят висоров. Сущее издевательство! В квартале невидящих пирожное размером с кастрюлю стоило всего один висор и наверняка было вкуснее фирменной "Новы".

— Ой, вспомнила... Мне нужно получить зачет у Лютеция Яворовича, а то к экзамену не допустят, — сказала я горько.

— Что же ты молчала, Эва? — воскликнул Петя, вскочив.

Мелёшин поглядел на часы, абсолютно не озаботившись моей бедой:

— Какая жалость! Действительно, не рассчитал время. Консультация уже закончилась, но завтра, уверен, можно наверстать упущенное.

Куда теперь денешься? Петя опустил на софу.

— И... и к экзамену по снадобьям у меня больше половины работ не сдано, — опять вывернулась я. — Пора возвращаться к учебе.

— Вернемся, — кивнул Мэл и предложил великодушно: — Кстати, Петр, могу помочь вашей девушке с курсовой без долговых обязательств. Вы не против?

— Не вопрос, — сказал растерянно Петя, взъерошив короткие волосы. — Я бы тоже помог, но занят, готовлюсь к соревнованиям.

— Понимаю вас, Петр, — закивал Мелёшин. Змея змеей, и с клыков яд капает.

— Петя, а как же твоя тренировка?

Парень махнул рукой:

— Опоздал. Но мне нужно попасть вечером в Большую арену на предварительное собрание.

— Наверное, тебе уже пора? — спросила я с надеждой.

— Нет, время есть, — разбил попытку к бегству Петя.

Я разочарованно вздохнула, продолжая лихорадочно раздумывать. Что бы еще придумать?

— Совсем забыла! У меня кот не кормлен. Точнее, не у меня, а у соседок по общежитию. Они подобрали котенка. Сами сейчас в институте, а меня попросили присмотреть, — затараторила, понимая, что экспромт выглядит невообразимой чушью, притянутой за уши.

— Разве в общежитии разрешают держать животных? — запорол идею на корню простодушный Петя.

— Нет, конечно, но держат тайком. Соседки надеются отдать его в добрые руки. Котенок такой маленький, серенький, пушистенький, — сказала я жалостливо, тут же поверив в сказанную белиберду. — Петя, хочешь взять котенка? Мальчик.

— Не могу, — ответил спортсмен с сожалением. — У мамы аллергия на шерсть.

— Жалко, — протянула я. — А вы, Егор, не возьмете котенка?

Мелёшин наблюдал за нами с весельем во взгляде.

— Не могу, потому что он загнется у меня в первый же день. Иза, возьмешь серенького и пушистенького?

Я замерла. Если девица окажется страстной любительницей котят, мое вранье разоблачат. Однако блондинка, не выпуская соломинку изо рта, отрицательно покачала головой.

— А вообще, котенок — дело святое, — проникся выдуманной историей Мэл. — Как называли?

— Никак, — пояснила я поспешно. — Незачем привязываться, если скоро расставаться.

— Что ж, пойду греть машину. Счет! — подозвал Мэл официантку. Та принесла длинную бумажку с подбитой внизу суммой, и он рассчитался одной банкнотой.

— Честное заведение, — поведал Пете. — Чаевые включены в стоимость услуг.

— Думаю, позже мы обсудим денежные вопросы, — пробормотал спортсмен, расстроенный чрезмерной длиной счета.

— Непременно, Петр. Не скучай, милая, — сказал Мэл блондинке и, мазнув пальцем по кончику её носа, ушел.

Фух, — выдохнула я с облегчением. Исчез главный вымогатель. Интересно, сколько денег улетело в никуда за три неполных часа? Я сочувствовала Пете всем сердцем, но помочь ничем не могла. Хорошо, что удалось отвертеться от крем-десерта.

Блондинка так и не допила чоху-боху, оставив больше половины в бокале, и потянулась как кошка. Петя завороченно посмотрел на нее и тряхнул головой, отгоняя наваждение. Ничего удивительного. Такие красотишки у любого испарят мозги.

У девицы зазвонил телефон. Выслушав говорящего, она поднялась и двинулась к выходу. Надо ли и нам идти? Петя тоже не знал, как быть. Вдруг девушка опять направилась прихорашиваться в дамскую комнату?

Что ж, поскольку команда "подъем" не прозвучала, посидим и подождем, тем более, нас никто не выгоняет. Я откинулась на спинку софы. Мне совершенно не понравилась поездка в это модное кафе, и компания тоже. Хотела спросить у Пети, сможет ли он оплатить расходы, но задавать подобный вопрос показалось бестактным. Между нами не настолько близкие отношения, чтобы выяснять запасы денежной наличности.

Потерла зачесавшийся глаз и, похоже, занесла соринку под веко. Я терла его и так, и этак. В глазу защипало от раздражения, а проклятая соринка продолжала покалывать.

— Петь, посмотри, мне что-то в глаз попало, — наклонилась к парню. Он великодушно принялся исполнять просьбу.

— Ничего не вижу. Лучше бы промыть водой, вдруг занесешь инфекцию.

Рядом кто-то хмыкнул. Мелёшин стоял, надев куртку, и холодно смотрел на нас.

— Машина готова. Советую поторопиться, а то котенок страдает.

Ишь, какой шустрый! Сначала выдумывал разные предлоги, откладывая отъезд, а теперь торопит и подгоняет.

— Мне нужно в дамскую комнату, — сказала я капризно и жеманно повела плечом. Мэл понял, что не обманул меня показным радушием, однако игру поддержал.

— Желание дамы — закон. Мы подождем у гардероба.

В дамской комнате я вымыла соринку и еще раз посмотрела на себя в зеркало. Ничего хорошего: глаз покраснел и припух. Пока я укупоривалась в теплые одежды у гардеробной, Мелёшин, облокотившись о стойку, посматривал на процесс облачения.

По выходу из кафе с моих плеч свалилась половина нелегкой ноши. Теперь бы добраться до института. Напоследок обернусь, запечатлевая в памяти массивные золоченые ручки и широкие раздвижные двери "Инновации". Сюда я больше ни ногой.

Спортсмен метнулся в обход машины, чтобы сесть, но потом вспомнил и вернулся, открыв передо мной дверцу.

— Спасибо, Петь.

Мелёшин наблюдал за усаживанием с легкой улыбкой, а потом и сам занял водительское сиденье.

День стремительно убывал, и в большой город сумерки напозднили гораздо раньше обычного времени. Высотные здания не пропускали скользкие лучи слабого зимнего солнца, поэтому на улице зажглись фонари, в витринах засияла иллюминация, замигали рекламные щиты.

Мэл вырулил с парковки, и машина двинулась вперед. Я совсем запуталась, куда он нас вез. Опять прилипла носом к стеклу, разглядывая вывески и освещенные окна первых этажей с призывно распахнутыми дверями. В спускающейся темноте ярче разгорались огни, и город приобрел другой вид: сказочный и нереальный.

"Турба" ехала вдоль широкого проспекта, залитого светом, и, казалось, удалялась еще дальше от пункта назначения, то есть от института. Надо же было поддаться на уговоры хитрюги Мелёшина! Больше ни в жизнь ему не поверю. Сердито посмотрела в зеркало заднего вида в надежде, что он увидит пышущий недовольством взгляд, но впустую: Мэл следил за сложным движением на дороге.

Наконец машина остановилась у какого-то здания.

— Что случилось? — всполошился Петя.

— Ничего страшного, — успокоил Мелёшин. — Провожу Изу домой и вернусь.

Он не стал глушить двигатель. Помог выбраться блондинке, изящно выпорхнувшей из машины, и повел к дверям многоэтажного здания. Парочка зашла в подъезд.

Ну, сейчас будут прощаться-миловаться, — скривилась я, а в душе начало прорастать нехорошее злое чувство.

"Ах, милый, поскорее развези лопушков по домам и приезжай. У меня голова заболела от их простоты".

"Конечно, милая, сей момент".

Ненавижу его!

Мелёшин вышел из дверей и быстрым шагом вернулся к машине. Сел, впусив облако холодного пара. Чтобы у него губы потрескались на морозе!

— Петр, могу подвезти вас на спортивное собрание.

— Правда? — вскинулся радостно спортсмен. — Но ведь Эва...

— А что Эва? — обернувшись, взглянул на меня Мэл. — Довезу в целости и сохранности, — повторил дневную фразу, и в зрачках проявились тонкие зеленые ободки, заставившие напрячься.

— Как ты, Эвочка? — спросил Петя. — Если хочешь, доедем до института, и я провожу.

— За меня не волнуйся, — ответила я как можно ровнее и спокойнее. — Иди с чистой совестью на собрание.

— Ну, хорошо, — согласился неуверенно Петя, разрываясь между желанием добраться без толкотни и давки в Большую арену и долгом ухажера, которому следовало проводить даму, а потом улаживать остальные дела. — Ты уверена?

— Уверена, не тревожься.

— Ладно. Если вас не затруднит, Егор, прошу помочь и доставить Эву до института, — ответил Петя манерно. И где научился так выражаться?

— В любом случае, по пути, — пожал плечами Мелёшин.

Так быстро меня еще никогда не возили. "Турба" летела стрелой, обгоняя сигналившие автомобили. Сияние огней слилось в одну яркую полосу. Конечно, коли Изочка сидит дома, можно погонять, ну и пусть у некоторых мороженое с коктейлем поднялось до горла. Дорвался товарищ до детских развлечений, — подумала я мрачно, вцепившись в ручку дверцы.

— Ух, ты! — не удержался Петя, когда Мэл, лихо вывернув, остановился перед спортивной громадой. — Отличная машина.

— Спасибо, — принял комплимент водитель. — Показала десятую часть своих

возможностей.

— Рановато, конечно, приехали. Еще полтора часа, — взглянул на меня спортсмен, ища поддержки.

— Петь, сам посуди, зачем мотаться туда-сюда по городу? — начала я убеждать. — Это наилучший вариант.

— Спасибо вам, Егор, — протянул Петя на прощание руку, и тот пожал ее, обернувшись.

Мой кавалер вылез из машины.

— Пока, Эва.

— Удачи перед соревнованиями!

Когда за Петей закрылась дверца, я шумно выдохнула. Свидетели сошли на других станциях, и можно начать грызню, пусть даже меня выбросят между остановками. Перелезла на Петино место, чтобы убраться из-под зеркального обзора и сложила руки на груди.

Зеркало заднего вида зажужжало, подстраиваясь под хозяина, и через мгновение на меня опять смотрели глаза Мелёшина. Не отрывая взгляда, он медленно тронул машину. Я надула губы.

— Учти, со мной номер не пройдет, — сказала с видом знатока. — Не куплюсь на твой медок.

Мэл хмыкнул.

— Как же несчастный котенок, оставленный без присмотра?

— Умер, пока мы обжирались в кафе, — огрызнулась в ответ.

— Когда тебе нужно быть на месте?

— А когда тебе нужно быть у Изочки-маркизочки?

— Хочешь попасть сегодня в институт? — надавил Мелёшин, проигнорировав шпильку.

Конечно, хочу, и желательно здоровой и невредимой.

— Вообще-то мне следовало появиться там после обеда, а не вваливаться под вечер, — ответила ворчливо.

— Когда? — повторил он, словно не слышал моих слов.

— Если с запасом, то в шесть вечера как штык.

— Хорошо, — сказал Мэл, вырливая на дорогу, и мы покатали.

Покатали по улицам и проспектам, огибая площади и проскальзывая под высокими арками. Сделали круг около большого здания, на крыше которого реял оранжево-зеленый национальный флаг, освещенный прожекторами. Наверное, это был Дом правительства, и в одном из его кабинетов работал сейчас мой отец, изредка поглядывая в темноту за окном.

При въезде на загруженную магистраль, соединявшую районы мегаполиса, в просвете туч мелькнул багровый отсвет ушедшего за горизонт солнца. Свернув, машина въехала на освещенную набережную, за чугунной оградой которой виднелось снежное пространство замерзшей реки. Дома, выходящие на набережную, казались низенькими и по-домашнему уютными в сравнении с гигантскими небоскребами. Проехав узкой лентой приречной улицы, "Турба" выпорхнула на транспортную развязку и, миновав её, поплыла вдоль знаменитых исторических зданий столицы. Остроконечные шпили Оперы, стилизованные под горные пики, первый национальный музей со ступенями, самодвижущимися по крутому серпантину, и Дворец правосудия с искривленными формами, меняющимися в течение дня, узнал бы каждый школьник.

Мелёшин показывал мне город, в котором родился и вырос, словно предлагал принять и впустить в сердце хаос зданий, лиц и машин. Как зачарованная, я всматривалась в калейдоскоп мелькающих улиц и любовалась причудливыми рисунками светящихся оконных точек в далеких зданиях.

Неожиданно машина остановилась у обочины на пустой заснеженной дороге, между двумя фонарями. Я и не заметила, как Мэл выехал из центра города. Безмолвная улица утонула в снегу.

— Приехали? — спросила, а голос почему-то дрогнул.

— Не знаю, — ответил Мелёшин, заглушил двигатель и откинулся на спинку сиденья.

Я хотела втолковать ему, мол, водитель со стажем, а не знает, куда зарулил, как снова попала в плен отражения. Взгляд Мэла обтекал и обволакивал, нежа.

— И где мы? — спросила, задыхаясь.

— Понятия не имею, — пожал он плечами. Водоворот омута раскручивался, грозя утянуть в бездонную воронку.

— Обещал же, что довезешь.

— Уже забыл, — сказал насмешливо Мелёшин. — Что поделать, короткая память.

Если Мелёшин думал, что не решусь вылезти из машины на мороз, то глубоко ошибся. У меня тоже есть принципы. Да я вся состою из принципов!

— Спасибо за помощь, — с максимальной едкостью поблагодарила глаза в глаза. — Дальше дойду сама.

Вслепую я нащупала ручку, чтобы открыть дверцу, и, зашипев от пронзившей боли, отдернула руку. Из ранки на среднем пальце обильной струйкой потекла кровь. Не успела я сунуть его в рот, чтобы утихомирить кровотечение, как меня схватили за пострадавшую руку.

— Кутеляпая, — сказал Мэл, очутившийся на заднем сиденье, и, зажав мою ладонь, принялся посасывать кончик пораненного пальца, дезинфицируя порез слюной. Палец защипало, и я дернула руку.

— Больно же!

— Не двигайся, а то откушу, — предупредил Мелёшин, оторвавшись от кровоостанавливающей процедуры.

Пришлось подчиниться. Сжав зубы, я шумно втягивала воздух, пока он водил языком по содранной кожице, вызывая болезненную пульсацию и покалывание. Измучив мою конечность, Мэл освободил ее, но ненадолго.

— Смертельное повреждение, — констатировал, оглядев царапину и не прекращающийся красный ручеек. — Только ты умудрилась пораниться в машине с уровнем безопасности F4. — И продолжил экзекуцию.

— С самым низким? — поинтересовалась с ехидцей.

В отместку Мелёшин прикусил палец, давая понять, кто и у кого находится в заложниках, и я шикнула от боли. Он снова оглядел порез. Кровь сочилась медленнее, но не свернулась. Мэл легонько подул, подсушивая ранку.

— Даже кровь у тебя неправильная. Полчаса течет и не останавливается.

— Течет, потому что гвозди торчат из дверцы, — ответила я вредно. — Кстати, водишь отвратительно. Чуть не угробил сегодня.

Мелёшин нахмурился и слизнул истощившуюся струйку.

— Если испугалась, могла бы сразу сказать.

— Ага, напоследок гаркнуть в ухо перед смертью.

Он продолжал слизывать капельки, выступающие из ранки.

— Палец грязный, смотри, заболеешь.

Вместо ответа Мэл распрямил ладонь, пошептал над порезом и начал водить рукой, накладывая невидимые стежки.

— Зачем раскрутил Петю? — спросила я строго, наблюдая за его движениями.

— Не должно загноиться, — отозвался Мелёшин тоном озабоченного хирурга, словно зашивал не крохотную царапинку, а делал операцию на сердце.

— Ты не ответил.

— Пусть твой Рябушкин поймет, что иметь девушку на дармовщину не получится. Свою девушку нужно периодически развлекать и вкладывать в нее деньги.

— Это ты вкладываешь в своих девушек, а у нас с Петей бескорыстно.

Было до сегодняшнего дня.

— Что ты разволновалась? Придет парень домой и объяснит ситуацию. Родители на

первый раз пожурят, а потом задумаются — значит, сын вырос, и пора подкидывать денюжат на развлечения, чтобы не остался за бортом жизни. Так что твой Рябушкин еще скажет мне спасибо за помощь.

— Но ведь не за сто висоров зараз!

— Сто двадцать пять с чаевыми, — ответил жестко Мэл.

Я охнула, приложив свободную ладонь ко рту.

— А что тебя удивляет, Папена? — скривился врачеватель. — За марку надо платить. Захотел твой Рябушкин в "Инновацию" — значит, должен соответствовать. А, может, ты брезгуешь посещать кафе для висоратов и считаешь, что достойна большего? Или моя машина не годится, чтобы возить тебя?

— Дурак ты, Мэл, — сказала я устало. Совсем выдохлась, и спорить совершенно не хотелось. Признаем, наконец, правду. — Машина — отличная, и кафе — блеск... кстати, спасибо за поездку по городу...

Мелёшин кивнул, продолжая аккуратно накладывать невидимые стежки. По-моему, он успел забинтовать небольшой порез тысячей невидимых лент.

— Машины и развлечения — это твой мир, а я живу на восемь висоров в неделю и отрабатываю свои деньги ежедневно по два часа в архиве, ты же знаешь... — Он подтвердил кивком, не поднимая глаз от ладони. — Поэтому сегодня... в общем, больше не верю тебе, Мелёшин. Ни единому твоему слову. В том числе и в бескорыстную помощь с курсовой.

Мэл закончил работу по спасению пораненного пальца. Ранка засохла и практически исчезла, однако он не спешил отпускать ладонь, разминая линии руки и о чем-то задумавшись.

Разомлев, я поймала себя на том, что могла бы просидеть вечность на заднем сиденье машины, смиренно подчиняясь уверенным поглаживающим движениям. Тепло растекалось по руке, размягчая и расслабляя мышцы. Неожиданно в памяти начали всплывать один за другим мимолетные знаки внимания Мэла к своей подружке, и каждый из моментов их нежности, произвольно подмеченных мной, колол острее и больнее, чем полученная ранка. Я представила, как парочка сидит вечером в машине у подъезда, и Мелёшин молчаливо ласкает пальчики девушки, а потом властно берет то, во что вложил деньги.

Мгновенная фантазия отрезвила.

— Что это? — спросил Мэл и поднес мою ладонь к глазам. Посмотрел, как линия безнадежности подавила линию оптимизма, схватил вторую ладонь и повторил отрывисто: — Откуда они у тебя?

— Что "откуда"? — не поняла я. — Откуда руки растут?

— Будто не видишь, — пробормотал он и выругался: — А, черт, совсем забыл.

И снова принялся разглядывать. Руки как руки, разве что слегка грязные. На его безымянном пальце сверкнуло кольцо.

— Это твой дефенсор^[5]? — спросила я как можно равнодушнее.

— Нет, — ответил он резко. — Значит, продолжаем общаться с хромым? Устраиваем совместные танцульки, и всё такое?

— Тебе-то какое дело? — вырвала руки из захвата. — Сам тоже плодотворно натанцевался, весь зал видел.

— И ты? — осклабился Мэл. — Разглядывала с биноклем?

Не ответив, я подхватила сумку и вылезла из машины. После прогретого салона меня словно из ведра окатило морозным воздухом. Перелезши через снежный бордюр у обочины и

натянув шапку поглубже, я зашагала вдоль ограды в неизвестность, поглядывая по сторонам. Куда же меня завез Мелёшин? Сплошь незнакомые места.

За спиной свистнули. Мэл стоял у машины и смотрел мне вслед.

— Эй, Папена! Тебе в другую сторону!

— А я прогуляюсь и освежусь! — закричала в ответ. — А то в твоей машине нечем дышать, воняет на всю округу дешевыми духами!

И побежала вперед. Лучше замерзну за углом нескончаемого забора, нежели поверну обратно. Из принципа.

Припустила, не чуя ног от холода, и неожиданно вывернула к институтским воротам, но с противоположной стороны. Вот почему местность показалась незнакомой — я никогда не ходила соседней улицей.

Ура, спасена! И ринулась на осмотр к заждавшемуся Альрику.

Обычные телодвижения профессора по анализу моего состояния разбавились пожеланием замерить повторно висорические потенциалы. Я согласилась. Вообще, на меня напала меланхолия. Наверное, извилины взбодрились после непродолжительной прогулки по морозу, а потом расклеились в тепле.

Пока мужчина перецеплял датчики и вглядывался в ноль на шкале, прислушиваясь к тонкому пisku прибора, я раздумывала о смысле своего существования.

— Как настроение? — спросил Альрик, считывая беспредельные нули из разных мест моего тела.

— Не очень. Что-то раскисла.

Он потрогал мой лоб.

— Температуры нет, горло чистое, нос не заложен. Хандра?

— Наверное.

— Не переутомляйтесь во время сессии и употребляйте больше витаминов.

Да я уже. Опустошила целую оранжерею, — подумала уныло.

— Хотите увидеть небольшой фокус? — неожиданно спросил профессор.

— Какой?

— Это не займет много времени. Пойдемте.

Альрик проводил в соседнюю лабораторию и заставил надеть при входе халат. Он подвел меня к закрытой стеклянной емкости, в противоположных углах которой возвышались две стойки, и на одной из них лежал темный камешек. Внутреннее пространство емкости щедро опутывали датчики и провода, а под крышкой нависало зоркое око камеры. На приборной доске медленно прокручивались диаграммы и прыгали стрелочки приборов.

— Внутрь лабораторного куба помещен сверхлегкий инертный материал. Каким образом, не притрагиваясь, переместить его на другую стойку? — спросил профессор.

Неожиданный вопрос сбил меня с толку.

— Не знаю, — пожалала я плечами, а потом вспомнила: — Создать портал. Но это же материальная висорика!

Одно дело сказать: "Сотвори портал!" и совсем другое дело — получить результат. В сказках герои порхают с места на место, безболезненно минуя огромные расстояния по нескольку раз на дню. В реальности же ученым до сих пор не удалось привести сказку и науку к единому знаменателю. Материальные тела не желали перемещаться в пространстве,

их структурные связи рвались необратимо, а целостность нарушалась бесповоротно. По этой причине эксперименты с живой материей находились под запретом.

Для каждого амбициозного ученого считалось делом чести внести лепту в исследование переноса предметов с помощью порталов. Интерес подогревался щедрым грантом и почестями, обещанными правительством в случае успешного результата. Сколько честолюбивых замыслов сломалось о неудачные попытки совершить революционный прорыв в данной области — не перечесть.

— В кубе работают генераторы, уплотняющие волны, — пояснил Альрик и показал на две малозаметных коробочки. — А вис-волны, связанные цепью символов, образуют пространственный портал, через который наш подопытный должен переместиться.

Под подопытным профессор подразумевал маленький кусочек непонятого материала, лежавший на стойке. Мужчина подошел к приборной доске и повернул небольшую рукоятку. Я опасливо выглянула из-за его плеча, однако за стеклом куба не происходило ничего подозрительного и внушающего беспокойство.

— Символы искажают и деформируют волны, стягивая пространство до минимума, — добавил Альрик, — Остается дело за малым — создать импульс, который подтолкнет объект в портал.

Профессор нажал кнопку рядом с рукояткой. Поначалу темный камешек ленился делать сальто-мортале, но затем начал постепенно растворяться. Не поверив глазам, я наклонилась к стеклу. Кусочек бледнел и становился все более прозрачным.

— Посмотрите сюда, — позвал Альрик.

На соседней стойке проявились слабо угадываемые контуры лежащего камешка. Предмет раздвоился, потеряв первоначальную плотность.

— Он существует? — спросила я шепотом, боясь спугнуть чудо. — Получается, не здесь и не там. А где?

— Он и здесь, и там, — тоже наклонился к стеклу профессор. — Невооруженным глазом не видно, но часть кристаллической решетки перенеслась на расстояние сорока сантиметров, а часть осталась на прежнем месте. Это большой прорыв, — добавил он, увидев мое разочарование.

Я посочувствовала несчастному кусочку, разрозненно болтающемуся в неизвестности. Живое существо давно умерло бы от болевого шока, не дождавшись, пока его переместят по фрагментам.

— А как вернуть обратно?

— Как вернуть? — переспросил мужчина. — Остановить процесс, и растягивающиеся волны вернут оторванные атомы на место. Не все, разумеется, но большую их часть.

Не позавидуешь камешку. Каково было бы мне сначала разорваться на две прозрачные половинки, а потом воссоединиться без руки или головы?

— Погодите, — сказал Альрик. — Остановить процесс...

Подойдя к большой доске на стене, он начал рисовать мелом символы, соединять их линиями, снова стирать и громоздить еще более сложные изображения. Вдоволь нарисовавшись, вернул рукоятку на приборной доске в первоначальное положение и, не дожидаясь, пока к камешку вернется его помятый вид, засунул руку внутрь куба через круглый лючок в крышке. Поводил пальцами, выписывая странные пируэты, после чего вытащил руку и отряхнул ее, наверное, от налипших волн.

— Погоды не сделает, — пробормотал профессор, снова нажав кнопку, — но процесс станет результативнее.

Процесс не просто пошел результативнее. Располовиненный камешек исчез со стойки и мгновенно проявился во всей красе на другой стороне, сияя уродливой красотой. Наверное, он и сам удивился своему физическому восстановлению.

— Вы видели? — воскликнула я. — Он перенесся.

— Он перенесся, — ответил мужчина спокойно, и лишь по бешено бьющейся жилке у виска можно было догадаться, что спокойствие далось нелегко.

— Это же здорово, да? — вглядывалась я в неестественно ровное лицо профессора.

— Да, это здорово, — подтвердил задумчиво Альрик, а потом вдруг воскликнул: — Черт побери, это невероятно! — затряс он меня за плечи. — Сегодня впервые в мире вы увидели полный перенос материального тела! Потрясающе, — забормотал он. — Конечно, нужно проверить записи и прочие показатели, но факт налицо. Эва Карловна!

А что Эва Карловна? Доверьте мне повертеть ручки и потыкать на кнопки, и я половину лаборатории перенесу, куда пожелаете.

Спустя минуту набежали ученые мужи в белых халатах, заразившиеся восторгом профессора. Одни прыгали и размахивали руками около куба с несчастным камушком, другие громко спорили с Альриком у доски. Я бы тоже с ними порадовалась, но следовало не опоздать на подработку.

В архиве наметилось столпотворение, и взмыленный начальник метался от стеллажей к студентам, одолевшим его просьбами выдать разнообразные материалы.

Сегодня случился маленький прорыв. Архивариус доверил мне выдачу диссертационных и дипломных работ прошлых лет. Хотя стеллаж находился недалеко от перегородки, я утешала себя тем, что продвижение маленькими шажками вглубь архива — тоже неплохой результат. Нужно лишь показать начальнику свою исполнительность и завоевать его доверие.

Забегавшись, забыла о разъедалах, спрятанных среди пальм. Отработав положенное время, на обратном пути я вытянула шею, надеясь разглядеть, живы ли растения, но увидела лишь синий уголок пакета. Если мягкий климат архива не реанимирует кустики, придется хоронить их в мусорном бачке туалета.

День закончился умопомрачительной зубрежкой, и к полуночи я завалилась в кровать, приготовившись во всеоружии отразить атаки Лютика на завтрашней защите работ.

С утра я опять проспала и проснулась благодаря побудке Аффиным тапком в стену. Второпях драла спутавшиеся волосы и с трудом придала им более-менее пристойный вид. В результате, опоздав, примчалась в столовую и приготовилась пререкаться с Мелёшиным, а столик в углу пустовал. Незанятый угол в переполненном зале смотрелся странно, и на меня начали коситься. Обычно мое присутствие оставалось незамеченным среди питающейся компании Мэла, но сегодня одинокие посиделки выглядели бельмом на глазу. Выждав для приличия десять минут, к окончанию которых сапог раздраженно выстукивал похоронный марш, я сорвалась и, словно огнедышащий дракон, помчалась в аудиторию.

Не успели вчера тепло распрощаться, как Мелёшин подложил очередную гадость, не предупредив, что не придет в столовую. Что ж, его утренний каприз явился отличным поводом разорвать долговой договор.

Поразмыслив таким образом, я в приподнятом настроении встретила появление Лютика

в аудитории. Очевидно, Лютеций Яворович прошел курс психотерапии, поскольку перемешался ровно и вел себя спокойно, лишь изредка вздрагивая от резких и громких звуков.

Должников и желающих добраться до экзамена набралось видимо-невидимо, и мне не посчастливилось пробраться к преподавателю в числе первых и наглых студентов. Пришлось терпеливо ожидать, нагнетая волнение и дрожание всевозможных конечностей.

Мелёшин не объявился на консультации. А зачем ему? Он и так всё знает.

Наконец, подошла моя очередь. Как ни странно, Лютик одобрил темы работ, их подачу и похвалил за проведенный анализ. Напоследок усадил меня на первый ряд и вручил листочек с двумя задачами.

— Решите, Папена, и гуляйте до понедельника, — пропищал, хлопая огромными ресницами, увеличенными линзами очков.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы избавиться от нервозности. Успокоившись, я вчиталась в содержание, сообразила, что даны несложные условия, и застрочила решение. Тут в дверь аудитории постучали, и возникшая в проеме девушка подала Лютику сложенную записку. Небольшой листочек перекочевал из рук преподавателя на мой стол. Размашистым почерком Стопятнадцатого мне надлежало явиться в деканат на большом перерыве.

По пути я прокручивала в голове тысячи предполагаемых тем для беседы: от незначущих до невероятных. Сорвала убогую снежинку с приемной, патриотически позаботившись о родном деканате, чтобы не потешались все кому не лень.

— Здравствуйте, Генрих Генрихович. Вызывали? — заглянула робко в кабинет.

— Вызывал. Присаживайтесь, милочка, не стесняйтесь, — указал декан на сопливое кресло.

Я осторожно укрепилась на седушке. Декан, устроившись за столом, постукивал по губам сцепленными в замок пальцами и поглядывал на лежавший перед ним ворох бумаг.

— Возникла непредвиденная ситуация, — сказал он и замолчал.

— Какая? — пролепетала я онемевшими губами. Сейчас Стопятнадцатый сообщит, что меня хладнокровно выбрасывают из института, потому что обман с учебой раскрыт. Или деньги родителя истреблены благодаря затратным опытам Альрика, и за молчание администрации требуются новые вливания.

— Не волнуйтесь, милочка, — заверил успокаивающе мужчина. — Для тревоги нет оснований.

Я, замерев, смотрела на него. Неприятные разговоры всегда начинаются подобным образом. Сначала собеседник ласково предупреждает о том, что можно расслабиться и спрятать сердечные капли, а потом вываливает новость из ушата и искренне удивляется, почему человек упал в обморок или получил инфаркт.

— Наоборот, есть повод для радости. Видите ли, с начала года стартовала правительственная программа, направленная на поддержку низшего звена служащих бюджетных учреждений, — сказал декан и добавил многозначительно: — Имею в виду финансовую поддержку.

Я выжидающе молчала, не понимая, к чему клонит Стопятнадцатый, а он продолжил:

— Департамент образования провел исследование и собрал статистику, которая показала, что на низкооплачиваемых должностях наблюдается значительная текучка кадров. В результате, за видимой экономией в зарплате, имеет место существенный перерасход, связанный с обучением каждого служащего навыкам профессиональной деятельности,

наделением его социальными льготами и иными благами. Гораздо полезнее закрепить малооплачиваемых служащих на рабочих местах, поэтому под эгидой Департамента была запущена новая экспериментальная программа помощи, в которую я включил и вас, Эва Карловна, уж простите за самовольство.

— Ясно, — одним ухом прослушала затяжную речь, не сообразив сразу о сути, а потом испугалась: — А причем здесь я?

Не нужна мне благотворительность, проживу как-нибудь без нее. Прописная истина — бесплатный сыр бывает в мышеловке, поэтому стойко обойду стороной лакомый кусочек. Зато хвостик будет цел, и не намывают шею.

— Поскольку вы, милочка, работаете младшим помощником архивариуса, то с легкостью попадаете в нужный список.

— Н-не хочу, — замотала головой. Ни с легкостью, ни с трудностью. Я уже расплачиваюсь за бесплатный подарок двумя висорами еженедельно.

— Эва Карловна, помощь от правительства предоставляется на безвозмездных условиях, то есть не в кредит, не в рассрочку и не под залог имущества. Боюсь, месяца через три-четыре в верхах сообразят о бесполезности благодетельных потуг и прикроют программу, но ведь данного периода достаточно, чтобы продержаться на плаву, ведь так?

Иными словами, декан предлагал воспользоваться неожиданно свалившейся удачей, пока папенька не сменил гнев на милость и не начнет снабжать мой кошелек мелкими подачками.

— То есть, если я правильно поняла, вы уже вписали мою фамилию?

— Вписал, Эва Карловна, — кивнул мужчина. — Департамент потребовал предоставить списки в кратчайшие сроки, поэтому пришлось подсуетиться.

Как всегда, декан принял решение, не удосужившись посоветоваться со мной, и опять, благодаря его заботе, я измараюсь в грязи. Конечно же, Генрих Генрихович действовал из лучших побуждений, опекая меня. Лишь он проявлял участие в моей заброшенной судьбе, за что я была безмерно признательна. И все же сейчас почему-то язык совершенно не желал поворачиваться и выдавливать спасибо.

— А как отчитываться? — спросила цинично. — Чеками за каждую покупку? Вы же сами говорили о круговороте денежных единиц в природе.

— Эва Карловна, материальная поддержка от правительства — статья затрат, идущая отдельной строкой в бюджете. Контроль над расходуемыми средствами не предусмотрен.

— Как так? — я слегка обескуражилась. — А если раздам деньги бездомным на милостыню? Без ордеров и квитанций.

— Ваше право, — подтвердил Стопятнадцатый.

Мышеловка радушно распахнула дверцу во всю ширь, завлекая огромным куском бесплатного сыра. Задумавшись о возможных подвохах, я машинально прислонилась к спинке кресла и упала на пол. Декан с грохотом вскочил и помог мне подняться.

— Пожалуй, пора менять креслице, — сказал, разглядывая разрушенное сиденье. — Вы целы? Переломов нет?

— Вроде бы нет, — ощупала себя.

Кстати, о переломах. Слава богу, при падении я весьма удачно не ударилась головой, чтобы соглашаться на аферу, предлагаемую Стопятнадцатым. Поставлю подпись не в той строчке и загоню себя в кабальные условия. Останется единственный выход: камень на шею — и вниз с чердака.

Заметив решительный отказ на моем лице, мужчина выудил из-под книжных завалов разграфленный лист, видимо, в качестве последнего и весомого аргумента.

— Взгляните.

У меня в руках оказалась ведомость на выдачу еженедельной суммы в размере пятидесяти висоров. В табличке прописались несколько фамилий, в том числе и моя, третья с конца, а напротив каждой фамилии стояли названия должностей, занимаемых по служебной линейке.

— Обратите внимание на то, сколько работников института занимают положение, аналогичное вашему, — сказал Генрих Генрихович.

И правда, в список попали младшие помощники поваров, младшие помощники тренеров, младшие лаборанты и младший технический персонал, называемый в обиходе младшими помощниками старших дворников и сантехников. Более половины счастливицов успели расписаться в получении неожиданно свалившихся с неба денег. Это же получится... — я быстро сосчитала, — двести висоров в месяц!

От неожиданного открытия ослабели ноги, и, чтобы не упасть повторно, пришлось уцепиться за книжную полку. Озарение осветило меня точно восход солнца. Я с ясностью поняла, что нужно крепко хватать и быстро бежать, пока не отобрали. Расщедрившееся правительство вскоре сообразит, что деньги ухнули в прорву, и прикроет программу поддержки младших помощников всех мастей. Я же буду кусать локти, потому что из-за глупой мнительности побоялась воспользоваться маленьким кусочком счастья.

— А моя зарплата? — спросила слабым голосом.

— Зарплата идет по отдельной ведомости через кассу института, а я отчитываюсь непосредственно перед вышестоящим руководством, — сказал Стопятнадцатый. — Так что плюсуйте оплату за подработку в архиве.

Меня закачало. В глазах защелкал счетчик, подсчитавший, что получится вдобавок больше тридцати висоров. Впереди замаячили новые горизонты, достижимые с помощью денежных знаков, всовываемых деканом. Я расплачусь с Олегом, начну сносно питаться и смогу побаловать себя разными мелочами.

— Наверное, нужно заполнить кучу бумаг, — сказала заплетающимся языком, вспомнив бюрократическую трясину, поглотившую при принятии на работу.

— Не нужно, — радостно откликнулся мужчина. — Расписываетесь в ведомости, получаете деньги — и вперед.

— А как же... анкета, справки, анализы? — ошеломленно промямлила я. — Не бывает так просто.

— Бывает, милочка, — подтвердил декан. — Сами понимаете, как обычно у нас происходит: не успело начальство сказать, как подчиненные сделали "под козырек" и приняли к исполнению. Так что дело побежало впереди слова.

— Ну, не знаю... — меня продолжало разрывать на противоречивые части.

— Эва Карловна, из-за вашего отказа придется переделывать ведомость и заново переоформлять в Департаменте, — пробасил мужчина. — Предстоит волокита на три дня. Пожалейте, милочка.

— Хорошо, — согласилась я растерянно. Расписалась подсунутым пером в ведомости, сжала хрустящие купюры и в сомнамбулическом состоянии выползла из кабинета.

В воображении полезли жуткие сцены обмана. Вдруг перо оказалось заговоренным, и когда подпись исчезнет, меня обвинят в махинации? Вдруг рядом с пятеркой проявится

пара-тройка лишних нулей?

Придет же в голову подобная чушь! Стопятнадцатый не поступит подло.

Взглянула на руку, крепко вцепившуюся в бумажки, я закричала: "Ура-а-а!". Хорошо, что молчаливо.

После того, как за студенткой закрылась дверь, Генрих Генрихович Стопятнадцатый, выждав, вернулся в кресло и вытер вспотевшее лицо платком. Положил ведомость на выдачу льготных денег в папку под заголовком "Личное" и засунул в нижний ящик стола. Покачал головой, дивясь тому, что позволил вовлечь себя в сегодняшнюю авантюру. А еще порадовался, что убедил сократить еженедельную помощь в четыре раза, чтобы исключить вопросы и подозрения, ибо холодная рассудительность приносит порой больше пользы, чем горячность влюбленного сердца.

В попытке охладить голову и вернуть соображательные процессы, я направилась на чердак, чтобы заодно проверить, получил ли Марат мой подарок, или несчастные ахтулярии замерзли в бесплодном ожидании горниста.

Горка плодов исчезла, зато на столе лежал бумажный свиток. Развернув его, я поднесла к слуховому окну, чтобы разглядеть получше. Помятый тетрадный лист был занят карандашным наброском. Сходство портрета с оригиналом оказалось достоверным, и я мгновенно узнала модель, позировавшую анонимному художнику. На рисунке, подперев голову рукой, растеклась по столу моя персона, грызя перо с мечтательным взглядом, устремленным вдаль. Летящие карандашные линии изобразили растрепанные волосы и хвостик, сбившийся в сторону. В уголке стояли инициалы автора: то ли буква М, то ли А, то ли Г.

Я задумалась, вспоминая, когда очутилась в неряшливой позе, и каким образом художнику удалось запечатлеть мою внешность. В любом случае набросок получился великолепным. Куплю рамочку и повешу портрет на стену.

Кстати, о покупках. Сегодня же верну долг Олегу, а то совесть вот-вот задушит.

Оставалось еще одно неоконченное дело, пусть и растратное.

В столовой я прошла царственной походкой к раздаче, набрала на пять висоров уйму тарелок, едва уместившихся на поднос, и направилась к столику для избранных. Сегодня Мэл разнообразил скучное обеденное время, заняв мое привычное место. Напротив Мелёшина уминал пищу его бритый товарищ. Протолкавшись между стульями, я бухнула поднос на стол и села между парнями.

— Здрасте.

Бритый кивнул, жуя, а Мэл, не отозвавшись на приветствие, уставился на продуктивное изобилие передо мной, и, показалось, облегченно вздохнул. Наверное, от радости нового витка развлечений.

— А я-то думаю, почему сегодня ночью луна шаталась, — сказал Мелёшин. — А это она раздумывала, упасть ей с неба или еще повисеть. Надо же, к Папене вернулся аппетит. Надолго ли?

— Терпи, пока буду чавкать над ухом, — огрызнулась и отважно обратилась к бритому бугаю: — Я Эва.

Надеюсь, не размажет меня за наглость легким взмахом руки. В конце концов, неприлично встречаться за одним столом, не познакомившись с человеком.

— Дэн, — ответил, растерявшись, товарищ Мэла и посмотрел на него.

Мелёшин почему-то весело ухмыльнулся ему, а потом поделился хорошим настроением со мной. В уголках его глаз собрались мелкие лучики, и лицо сделалось теплым и домашним. Я поймала себя на том, что люблю Мэлом, поэтому строго свела брови и перевела взгляд на тарелки.

— Ты, Мелёшин, обещал унести мой поднос. Не забыл?

Мэл опустил глаза, продолжая улыбаться.

— Пока помню.

— За то, что сегодня утром без предупреждения не явился в столовую, требую расторжения долгового договора.

Улыбку на лице Мелёшина точно ветром сдуло.

— Нет, Папена, у тебя недостаточно баллов, — поджал губы.

Он в своем уме? Какие баллы? Не слышала такого, чтобы на ходу менять правила. Не успела я и рта раскрыть, чтобы возмутиться наглой выдумкой, как Мэл хмуро сказал, поглядывая на товарища:

— Компенсирую несознательное поведение тем, что впредь буду уносить твои подносы на мойку.

— Правда, что ли? — не поверила я своим ушам. Воистину сегодня день чудес: Мелёшин добровольно согласился надсаживать холеные ручки. — А как быть с твоей короткой памятью?

— Напоминай каждый день.

— Обязательно. Не поленюсь ради такого дела.

— Заведи блокнотик и отмечай, — продолжал раздражать Мэл.

— И заведу! И буду обводить кружочками в календаре! — вспыхнула я.

— Хочу, чтобы по утрам кружочки были красные, а на обеде — черные, — закапризничал будущий уборщик подносов.

— Лучше у тебя на лбу крестики ставить, — разозлилась и схватила ложку.

На лице Мелёшина снова возникла непонятная ухмылка, и он поспешно уткнулся в свою тарелку. Бритоголовый Дэн покачал головой, словно умудренный жизнью старец, а я, не дождавшись ответа, чтобы применить ложку по назначению, принялась баловать вкусовые рецепторы картофельной запеканкой с мясоовощной прослойкой.

Перед походом в квартал невидящих я решила привести себя в пристойный вид. Умылась, намазалась воздушными духами и собралась обновить хвостик на голове. Чуть зубцы у расчески не сломала, пока расчесывала, и бесполезно — сзади образовался спутанный клок волос.

Я побежала к зеркалу у раковины. Вертела головой по сторонам и косила глазами в попытке разглядеть воронье гнездо, но без толку. В коридоре мелькнуло Аффино пальто.

— Аффа! Иди сюда! Посмотри, а то ничего не вижу.

— Привет, — отозвалась она, появившись в проеме.

— Глянь, у меня в волосах какое-то пугало появилось, — попросила я девушку.

Некоторое время она перебирала прядки.

— Эвка, — протянула медленно, — у тебя завелся колтун.

— Что-что? — перепугалась я. — Это заразно?

— Как сказать, — соседка явно недоговаривала, и от невразумительной фразы мне стало нехорошо. — Когда началось?

— Что началось, Афочка? — спросила я дрожащим голосом.

— Когда волосы начали запутываться?

— Не помню. Вроде бы вчера, — ответила, пугаясь еще сильнее от устроенного допроса.

— Значит, нужно поторопиться, — заключила девушка. — Пара суток, и у тебя на голове будет вертикальное стойбище, которое придется сбривать наголо.

— Мамочки! — ужаснулась я. — Как так? Откуда? Я же часто мою голову! И расчесываю.

— Какая ты, Эвка, наивная, — вздохнула соседка. — Чем чаще чешешь, тем сильнее

запутывается. Сразу видно, что раньше никому дорогу поперек не переходила.

— То есть?

— Делается просто, — пояснила Аффа. — Берется crucis^[6] и бросается как бумеранг в волосы. Выход один — состричь колтун, и чем скорее, тем лучше, иначе останешься с голой черепушкой.

Я знала о crucis, его применяли для перемешивания различных сред. Создать заклинание вслепую у меня бы ни за что не получилось, потому что для него задействовались две волны, связывавшиеся крестом. Забрасываемая "крестовина" на лету наматывала на себя все, что попадалось по пути. Стремясь вернуться в исходное состояние, вертушка из волн раскручивалась и устраивала еще большую путаницу.

— Афочка, что же делать? — заныла панически. — Я боюсь. Неужели наголо? Выстриги, пожалуйста! У меня ножнички есть.

— Обычные ножницы не помогут. Собирайся, — сказала решительно девушка.

Я метнулась за курткой.

— Здесь недалеко, — добавила Аффа, увидев надеваемый на шею шарф. — В общаге. Главное, висоры прихвати.

Дрожащими руками я сгребла наличность. И за какие грехи неожиданное наказание? Точно, это возмездие за корысть и жадность! Не успели деньги упасть в руки, как тут же уплывут от меня, как по заказу. Эх, не стоило соглашаться на уговоры декана, и, глядишь, закон подлости обошел бы стороной.

— Аффа, получается, в меня специально бросили crucis? — спросила я, когда мы поднимались по лестнице.

— Получается.

— Но зачем?

— Об этом хочу поинтересоваться у тебя, — сказала девушка, и я примолкла, задумавшись над тем, кто надумал лишить меня чубчика.

Тем временем мы забрались на третий этаж и остановились перед глухой дверью, перегораживающей коридор. Рядом располагалась панель с тремя рядами пронумерованных кнопок. Соседка нажала на одну из них — раз, другой, третий. Я переминалась, нервничая в ожидании. Что делать, если хозяина не окажется дома? Не представляю, куда бежать. Неужели исход один — гладкая блестящая голова под париком?

— Ну? — раздался недовольный женский голос в динамике. — Мне некогда.

— Вива, дело срочное, — начала Аффа, но говорившая уже отключилась.

Соседка нахмурилась и снова нажала на кнопку. Динамик опять ожил:

— Я же внятным языком объяснила. Не могу.

— Это срочно, иначе бы не пришли, — ответила Аффа.

В динамике помолчали.

— Посмотрю, но не обещаю, — произнес голос. Замок щелкнул, и дверь приоткрылась.

Теперь я поняла, почему Аффа удивлялась моему обитанию в захудалой швабровке при наличии высокопоставленного родителя. Коридор третьего этажа, в отличие от нашего, загаженного вечным ремонтом, был устлан широкой ковровой дорожкой. На стенах висели пейзажные картины и фотографии в рамках, аккуратные плафоны радовали глаза успокаивающим светом. Пахло чистотой и сытой обеспеченностью.

— Вот это да! — восхитилась я, позабыв о беде. — Красотища!

Аффа зло фыркнула:

— Пусть подавятся своей красотой, а нам и внизу неплохо живется. — И предупредила: — Я буду говорить, а ты молчи.

За дверью в ярких потеках, словно по ней долго плескали разноцветными красками, обнаружилась хозяйка — девица мелкого роста с вульгарно покрашенным лицом. Собственные брови у нее отсутствовали, зато имелись щедро нарисованные крутые дуги. Веки кричали насыщенными синими тенями, рот был покрашен гротескным бантиком, а над верхней губой занимала место жирная родинка. Волосы на голове девицы собрались в невообразимую кашу с примесями искусственных прядей.

— Я в образе, — сказала хозяйка. — А вы мешаете.

— У нее колтун, — объяснила Аффа и подтолкнула меня. — Второй день.

— Мне-то что? — пожалала плечами невообразимая красотка.

— Постриги, — попросила Аффа. — Не брить же.

— Пожалуйста! — умоляюще влезла я, и соседка мрачно зыркнула. Не могу молчать, когда на кону стоят остатки тощей шевелюры.

Вива вперила руки в бока и обошла кругом, изучая меня. Смотрины показались смешными: она была почти на голову ниже и глядела снизу вверх.

— Могу заплатить, — попробовала я увлечь девицу. Аффа скептически покачала головой, досадуя на чей-то гибкий язык, ввязавшийся в разговор.

— Наличие интересует меня не в первую очередь, — махнула рукой хозяйка и пощупала мой растянутый свитер. — Садись, погляжу.

По просветлевшему лицу Аффы я поняла, что преодолен важный рубеж — нас приняли и не отказали.

У стены стояло антикварное трюмо, густо обклеенное картинками из женских журналов с разнообразными прическами моделей. На тумбочке перед зеркалом теснилась батарея разномастных флаконов, бутылочек и коробочек. С краю была навалена гора расчесок разных форм и размеров, позади — кучка папильоток. Я уселась на предложенный деревянный табурет. Перед носом вспорхнула простыня, в которую раскрашенная девица закутала меня по шею.

Не припомню, когда в последний раз посещала парикмахерскую. Во взрослой жизни я стригла челку самостоятельно и изредка подравнивала секущиеся концы, так как волосы не желали расти длиннее плеч. Поэтому сейчас с настороженным интересом рассматривала себя в новом ракурсе и косилась по сторонам.

А посмотреть было на что. Девица жила припеваючи, занимая не одну комнату: рядом с трюмо располагалась еще одна закрытая дверь. Подоконник, широкая кровать и стол утонули под завалами тряпья, отрезков и лоскутов, на полу валялись обрезки бумаги, похожие на части выкроек. Над окном свешивались во множестве колокольчики на веревочках различной длины. За спиной отражалось большое круглое зеркало в массивной раме, завешанное черной тканью.

Оглядеться подробнее мне не дали, развернув зрение в сторону трюмо. Девица зарылась в мои волосы, перебирая их, и пару раз больно дернула. В отражении мелькали коротко стриженные аквамариновые ноготки.

— М-да, — сказала она, изучив проблему. — Накрутилось порядочно косм. Завтра было бы поздно.

Я хотела зажать рот, чтобы удержать испуганный вопль, но руки оказались спрятанными под простыней. Пришлось ограничиться широко распахнутыми глазами.

— А без стрижки не обойтись? — спросила со страхом.

— Чем дальше, тем хлеще, — пояснила Вива. — Колтун неизбежно распространяется на всю голову. Состригу как получится, а там поглядим. Не бойсь, выживешь, — успокоила мое дрожащее отражение.

Парикмахерша пощелкала большими черными ножницами.

— Заговоренные. Снимают натяжение, созданное "крестовиной". Вырежу твой клочок без последствий. Вся работа встанет в десять висоров.

Я с отчаянной решимостью кивнула и закрыла глаза, отдавшись во власть кромсания. Девушка принялась за обезображивание моей внешности, копаясь в волосах. Ощущение перебираемых прядей было приятным, если не считать того, что меня массово лишали растительности на голове.

— Готово, — сказала Вива спустя продолжительное время. — Задирай ресницы.

Из зеркала на меня смотрела я и в то же время не я. Девушка сняла простынь, и я, мысленно поблагодарив доморощенную парикмахершу, не оболванившую меня коротко, принялась жадно ощупывать изменившуюся внешность. И без того тонкие волосы стали реже и жиже.

— Отрастут заново? — поинтересовалась у Вивы.

— Отрастут, — уверила она. — Главное, чтобы ком не скрутился заново. Я, конечно, даю гарантию на выстриг, но если не хочешь прибежать через два дня, покупай шампунь с разглаживающим эффектом. Ни одна дрянь не прицепится.

— Меня устраивают обычные одноразовые пакетики, — пробормотала я неуверенно. — К тому же, с разглаживанием стоит дороже.

— Пять висоров, — девушка сунула в руки флакон. — Не намного больше. Тебе дорога твоя волосня или нет?

— Д-дорога, — согласилась с запинкой и еще раз оглядела себя в отражении. — Спасибо за стрижку, а то я шибко испугалась.

— Поражаюсь твоей простоте, — сказала мне Аффа. — Не могу поверить, что ты мыла голову обычным шампунем. Любая девушка пользуется разглаживающими добавками из элементарного инстинкта самосохранения.

— А зачем ей? — авторитетно ответила Вива. — Не похоже, чтобы она чужих мужиков уводила. Или увела?

Я энергично замотала головой.

Пришлось купить флакон с шампунем. Он вкусно пах шоколадом, и, как пояснила парикмахерша, при регулярном употреблении препятствовал спутыванию волос, в особенности насильственному.

Когда мы спустились на родимый первый этаж, Аффа сказала:

— Не смотри, что Вива странная. Первое впечатление обманчиво. На самом деле она отличный визажист и стилист, учится на выпускном курсе у нас на элементарке. Говорят, Вива общается с мертвыми, но не распространяется об этом.

— Как же ей удалось попасть на третий этаж?

— Каждый по-разному туда пробирается, — пожалала плечами соседка.

— Если на третьем этаже роскошные кельи, то на четвертом, наверное, королевские покои.

— Не знаю, не была там ни разу, — раздраженно ответила Аффа. — Мне и внизу легко дышится.

Несмотря на беспечный тон, девушке не удалось обмануть меня. В глубине души Аффю одолевала зависть. Впрочем, я испытывала похожее состояние, поэтому поспешила поддержать:

— Лучше нашего первого этажа на свете не сыскать, правда?

— Правда, — кивнула она, и мы пошли вниз.

Вымыв купленным шампунем голову, я заглянула вечером к соседкам, чтобы поблагодарить Аффю за помощь. Благодаря ей, мне удалось сохранить остатки волос и не выглядеть при этом паршиво.

Лизбэт отсутствовала, видимо, отмечала научную победу своего руководителя.

— Послушай, Аффка, стало быть, кто-то сознательно всадил в меня "крестовину"? Чтобы сделать гадость, да?

— Бедняжка, — посочувствовала девушка. — Наконец-то дошло.

— Но кому это нужно? — искренне удивилась я. — Не припомню, чтобы с кем-то ругалась или ссорилась.

— А зачем ссориться? — пожала плечами Аффка. — Достаточно потанцевать на новогоднем вечере с потрясающим мужчиной на глазах у всего института.

Вот оно что! Недаром Мелёшин предупреждал о фанатичных поклонницах профессора, которые раздавят меня, как мелкую сошку, в желании добраться до объекта вождения.

Получилась вполне женская месть. Это могла быть Лизбэт, исподтишка выпустившая бумеранг заклинания в переполненном холле. Или Эльза, питающая ко мне особые чувства. Или Изабелла, выглядывшая на публике равнодушной особой, а на самом деле задумавшая хитроумное возмездие. Это мог быть кто угодно.

Я почувствовала холодок липкого страха, спустившийся по позвоночнику. Чужой пристальный интерес пугал меня, но его последствия страшили гораздо больше.

Незапланированные траты, связанные с устранением колтуна, расстроили меня, но ненадолго. Гораздо важнее оказалось своевременное избавление от заклинания, бесчестно брошенного в спину, вернее, в голову. Не представляю, как бы я выкручивалась, не окажись в распоряжении свободных денег, поэтому весь вечер усиленно внушала себе относиться по-философски к потере наличности, иначе чудом сохранившаяся редкая поросль на голове поседеет от беспокойства и выпадет раньше времени.

Однако расслабляться не следовало. Надо мной нависла опасность других заклинаний, способных исподтишка нанести непоправимый урон. Ликвидация их последствий грозила прохудить кошелек и свести остаток денежных средств к нулю.

На следующее утро я долго разглядывала себя в зеркало, выискивая подозрительные признаки и симптомы, как-то: сыпь, покраснение, вздутие, припухлость, отсутствие ресниц и появление усов. Вдруг меня успели незаметно наградить парочкой подлых заклинаний? Организм охватила мнительность: чудились шаги за спиной, и виделись тени, заносящие руку для удара в спину.

Не найдя видимых изъянов во внешности, я собралась в квартал невидящих. Бежала по тропинке к дыре в ограде, непрерывно оглядываясь, и лишь перебежав дорогу, вздохнула с облегчением. Чтобы не идти с пустыми руками, купила в кондитерской рулет, украшенный фигурками снеговиков из крема, и огромный полосатый красно-белый леденец в виде кукиша.

Издали показалось, что мастерская Олега закрыта, но сам он оказался на месте, подпиливая металлический стержень, зажатый в тисках.

— Эва! — воскликнул радостно. — Какой сюрприз! Марта, у нас гости!

В знакомых шторочках появилась улыбающаяся девушка.

— Эвочка, я рада, что ты зашла, — сказала она, и мы обнялись. — С наступившим тебя годом! Не продрогла? На улице страшная холодина.

— И вас тоже поздравляю! Быстро бежала, поэтому не успела замерзнуть. Извиняюсь, что не пришла раньше. Теперь подрабатываю и вечером еле волочу ноги. К тому же сессия изматывает.

— Ну, что за оправдания? — махнула рукой девушка. — Пошли на кухню, расскажешь. Олег потом заглянет, как освободится.

Конечно же, под неспешный разговор был умят рулет и пирог со щавелем, испеченный рукодельницей Мартой. Она удивленно разглядывала мою укороченную прическу.

— Надоел куцый хвостик, — махнула я рукой. — Решила сменить имидж, вдруг волосы станут гуще.

— Можно споласкивать отварами трав, — посоветовала Марта.

— А ты как ухаживаешь? — потрогала я пышный кончик черной косы. — Какие густящие и жесткие!

— Никак не ухаживаю. Они мне достались по наследству от папы. У него была богатая шевелюра. Волосы как вороново крыло, блестящие и волнистые.

В моем наследственном сундучке не имелось достоинств, которыми я могла бы похвастаться, поэтому вручила девушке леденцовый кукиш:

— Передай Тёме, как приедет.

— Передам, — улыбнулась Марта. — Он давно в городе. Как и ты, с утра до ночи вкальывает. Постоянно Тёмке говорю: "Надорвешься!", а он смеется.

— Здоровья много не бывает. Все-таки нужно побережись, — пожурила я отсутствующего парня.

— А у нас с Олегом новость, — загадочно улыбнулась Марта и почему-то застеснялась. — У нас маленький будет.

— Ура! — я подскочила и бросилась обнимать ее. — Поздравляю! Очень-очень рада за вас!

— Вообще-то срок небольшой, и знают только близкие.

Меня неимоверно окрылило приобщение к узкому кругу лиц, которых девушка считала близкими. Расчувствовавшись, я зашмыгала носом.

— Нужно употреблять побольше витаминов и не волноваться, — начала вспоминать советы, почерпнутые из книг.

О детях и обо всем, что с ними связано, я имела смутное представление, однако ребенок представлялся мне светлым и незащитным существом, отчаянно нуждающимся в любви и заботе, и не было сомнений в том, что Марта и Олег станут отличными родителями.

Все-таки мне удалось всучить Олегу часть долга за замок, несмотря на громкое возмущение Марты. Ее убедили слова о том, что договоренность о стоимости работы нерушима, и если не выполнить условия, надо мной нависнет проклятие.

На обратном пути меня окликнули. Я не сразу узнала Радика, с которым недавно познакомилась в архиве. Парнишка, закутавшись в шарф, пританцовывал у книжной лавки и разглядывал толстую книгу с драконом на обложке, выставленную на витрине. Нос у Радика покраснел, шапка и шарф около лица покрылись густым инеем, и видно было, что парень окоченел, однако не спешил бежать и отогреваться в тепле.

— Чего мерзнешь? — спросила у него. — Иди домой.

— Мне пока нельзя, — отозвался он, постукивая зубами.

Я удивилась. Добрый хозяин в лютый мороз животину не выбросит на улицу, а тут изуверы-родители не пускают пацана в дом.

— А когда будет можно?

— Ч-через час, не меньше, — с готовностью ответил парнишка.

Ну, и изверги его родственники!

— Ты где живешь? — начала выпытывать у Радика.

— В общежитии.

— Не знала, — поразилась я. — На каком этаже?

— Н-на первом.

— Сходится! А в какой стороне? Я — налево-налево-налево. А ты?

— А я направо-направо-направо, — улыбнулся юноша.

— Пошли со мной в бакалею. Заодно поможешь донести продукты.

— Д-давай.

— А почему тебе в общежитии нельзя? — спросила я, когда на запредельной скорости мы побежали в магазинчик.

— С-сосед привел девушку.

— Понятно. Козел твой сосед, — констатировала я, а лицо Радика озарила светлая улыбка.

— Он неплохой, — начал защищать свинтуса, выгнавшего товарища на мороз ради какой-то девки.

— Значит, ты замерзаешь на улице, пока он обхаживает подружку?

— Захожу погреться в лавки. Уже по третьему кругу пошел, — пояснил Радик. — Мой дядя недалеко комнату снимает, но его сейчас нет дома. Я не успел предупредить.

Мы добежали до бакалейного магазинчика. Поскольку у меня неожиданно появились денежки, пусть и сократившиеся в количестве, я приняла решение устроить задел для вечерних, а также для утренних перекусов, потому что объедаться в столовой на ежедневных завтраках не получалось.

В результате набрала макарон, крупы, плавленого сыра, соли, сушек, новую порцию сухариков и, не удержавшись, карамелек. Сгрузила продукты в пакет, любезно предоставленный продавцом, и задумалась: в чем же варить макароны и кашу? Не в чайнике же. Покупать для варки специальную посудину накладно. Видимо, придется выгружать часть покупок обратно.

— У меня есть кастрюля, — сказал Радик. — Правда, варю в ней нечасто.

— А давай буду брать твою кастрюлю в аренду! — предложила я. — Все, что в ней сварится — пополам.

— Давай! — согласился юноша и бесхитростно похвалился: — У меня еще и поварешка есть.

— Отлично! Сегодня устроим царский ужин.

Радик взял пакет за ручки.

— Мне не тяжело, донесу. Только все равно не могу пока идти в общагу.

— Что за чушь! — возмутилась я. — Пошли ко мне.

По дороге спросила у него:

— Как сессия? Не боишься завалить?

— Нет, все отлично, — охотно поделился впечатлениями Радик. — Трудно, но очень интересно. Безумно счастлив, что поступил в институт.

Я искоса посмотрела на него. Преувеличенный восторг показался мне искусственным и наигранным, однако Радик светился неподдельной радостью, рассказывая о трудностях в учебе.

В общежитии я провела экскурсию по своей швабровке, и юноша очаровался плафончиком. Замер на несколько минут, разглядывая тени, бегущие по стенам.

— Жаль, кастрюли нет, а то бы воду поставили, — посоветовала я, убрав согревшиеся руки с батареи.

— Сейчас принесу, — вскинулся Радик.

— Тебе же нельзя прерывать свидание.

— В комнату нельзя, а ключи от пищеблока при мне.

— Заодно прихвати поварешку с ложкой, — крикнула я вслед.

Радик действительно принес через несколько минут алюминиевую кастрюльку с небольшой вмятиной на крышке, и процесс варки макарон стартовал. Поскольку роскошь тарелок была недоступна, мы ели из кастрюли. За ужином, приправленным бутербродами с сыром, Радик неожиданно признался:

— Я ведь не висорат, а "грязный".

Сказал будничным тоном, словно похвалил за вкусную трапезу, а я замерла, не донеся ложку до рта.

"Грязными" в обиходе называли тех, кто приобрел способность видеть волны в результате событий, связанных с риском для жизни, например, после аварии, удара молнии или комы. Таких, как Радик, недолго любили и слепые, и урожденные висораты. Первые — потому что получившие видение поднимались на ступеньку выше, а вторые — потому что презирали.

Я знала одного "грязного". В интернате был мальчик, который, однажды балуясь с друзьями в заброшенной сторожке, попал под напряжение и получил удар электрическим током. Возвратившись из больницы, мальчишка уверял, что научился производить в голове мгновенные вычисления огромных чисел, и говорил, что цифры — живые. Большинство из нас сочли его съехавшим с катушек, мол, короткое замыкание выжгло бедняге мозг, но потом мальчика отвезли на исследование, и обратно он вернулся с дефенсором — маленьким гвоздиком в ухе. Не видящие волн перестали дружить с новообретшим способностями, а висоратские сироты не принимали в свою компанию, обзывая "грязным" и "черномазым". Уж не знаю, был ли он счастлив, когда его задирали и те, и другие, хотя я не отказалась бы получить способность видеть волны, упав, например, с чердака и приложившись хорошенько головой. Чем черт не шутит? Может, попробовать на досуге?

— Поменьше откровенничай о своем висоратстве на разных углах, — посоветовала парнишке.

— Почему? — искренне удивился он.

— Люди бывают разные, — ответила я туманно. — А как ты умудрился?

— Попал в аварию на мотоцикле, — бесхитростно ответил Радик, совершенно не вникнув в мое предупреждение. — Долго болел, лежал на вытяжке. Сильно ударился головой и после этого стал видеть тех, кто живет в любом из нас.

Я с опаской посмотрела на него. Так и есть, ненормальный.

— И кто живет внутри нас? — спросила участливо, словно рядом сидел тяжелый душевнобольной.

— Они разные, — не стал ломаться парнишка. — Например, у тебя пушистый и мягкий, а временами увеличивается, будто хочет обнять и поделиться своим теплом.

Радик улыбнулся, а я задумалась над его вмняемостью. Пожалуй, не нужна мне такая странная способность как у него. Хочу подобно богам метать молнии и ругаться с небес громовым голосом. Зря, что ли, пожертвую своей головой?

— Значит, это "он"? — приложила ладонь к сердцу.

— Не здесь. — Юноша переместил мою руку в область живота.

Я засмеялась:

— Тут у меня один зверь, который громко рычит, когда голоден.

Радик поддержал мой смех. Простота и доверчивость парнишки подкупали. Он чем-то походил на Петю, но вел себя по-детски и непосредственно. Меня же, не наигравшуюся в свое время, тянуло к юноше, как если бы старшую сестру тянуло защищать и опекать неразумного брата. Да, наверное, именно так чувствуют себя старшие сестры.

Я смутилась от неожиданно нахлынувших ощущений.

— Спасибо, — открыто улыбнулся Радик.

— За что?

— От твоего зверя душа горит.

— Совсем запутал, — стукнула его по плечу. — Страшный фантазер. А волны видишь?

— Когда как. Плохо удается. Как слепой, — поделился парнишка, и я посочувствовала

ему. — Но постоянно практикуюсь. Надеюсь развить видение.

— У тебя все получится. А кто сидит внутри тебя?

— Не могу разглядеть, — ответил он с огорчением. — Беспрерывно спит и не показывается.

Да уж.

— Ты, Радик, не распространяйся о своих способностях, — дала совет. — Мало кому понравится узнать, то внутри него сидит безобразная чувырла или прожорливый каннибал.

— Уже понял, — кивнул он. Видимо, успел попасть в неприятную ситуацию.

Парнишка ел плохо, и я поругала его за плохой аппетит.

— Худосочный и бледный как поганка, потому что мало ешь. В чем душа держится?

— Успеется, — отмахнулся он. — Представь: наращу массу, ты меня не узнаешь и непустишь на порог.

После того, как Радик, наконец, отчалил со своей кастрюлей, я завалилась на кровать, размышляя о судьбе, уготовившей крутой поворот ничего не подозревавшему мальчику. Конечно же, теперь невидящие родители Радика не надыхнутся на него, надеясь, что он выбьется в люди. Значит, у юноши появились потенциалы, и ему разрешили носить дефенсор.

Раздумья и разглядывание пятен на потолке были прерваны Аффой.

— Официально предупреждаю тебя, соседка, — сказала она серьезно. — Завтра после экзамена поедем в клуб восстанавливать потраченные нервы. Мой четверокурсник достал билеты, так что к четверем будь готова к веселому мероприятию.

— Развлекательные заведения мне всю плешь проели. Никуда не хочу, — скривилась я и рассказала девушке о поездке в "Инновацию", закончив повествование тем, что Мелёшин благополучно доставил меня к крыльцу родного института.

Она слушала с большим вниманием, всплескивая периодически руками и громко вздыхая.

— Везучая, — сделала вывод соседка. — Мне вовек туда не попасть. Ты соображаешь, что побывала в самом-самом-самом...

— Соображаю, — оборвала ее. — Афка, если позавидуешь — обижусь. Думаешь приятно, когда на тебя смотрят как на бедного родственника? Не спорю, обстановка там фантастическая, но я лучше схожу во "Встречу" в район невидящих.

— А Мелёшин-то каков! — не скупилась на эмоции девушка. — Слушай, неспроста он в кафе повез, а потом по городу катал. Он на тебя запал!

— Ну, ты скажешь. Он же лип к своей Изабелке как банный лист и сюсюкался с ней.

— Значит, специально сюсюкался, чтобы ты заревновала.

— Ага, ревность среди цветущих вишен в центре столицы, — скривилась я. — Изабеллу не переплюнуть.

— Сдалась она тебе, — пожала плечами соседка. — Изабелла на порядок выше Эльзы и ценит себя как очень дорогую вещь. Она использует твоего Мэла, как использовала набитые кошельки до него. Если Мелёшин ускользнет из ее рук — не беда. Изабелла не опустится до мелочного выяснения отношений. Найдется полно желающих на красивую обертку — не Мэл, так кто-нибудь другой.

— Не утешай, Афка, бесполезно. К тому же Мелёшин меня бесит, — я демонстративно махнула рукой и порадовалась тому, что блондинка трезво оценивает ситуацию и не

страдает от болей в сердце. И тут же одернула себя. Я, что ли, страдаю? Это пусть Мэл переживает, когда его подружка найдет другого кавалера, которого будет доить. А еще меня разволновало мимолетно присвоенное девушкой "твой Мэл".

Аффины мысли не стояли на месте. Пока я разбиралась в своем отношении к Мелёшину, она переключилась на Петю.

— Интересная партия разыгрывается, — сказала задумчиво. — А Петя... Он твой парень?

— Вроде как, — подтвердила я неохотно.

— Не похоже. По-моему, он назвал тебя своей девушкой, чтобы похвастаться перед друзьями.

— Чем тут хвалиться? — развела я руками. — Погляди на меня.

— Не в открытую, конечно, и не вслух. Зато поднял значимость среди однокурсников.

— Нет, Петя не такой. Он скромный.

— Твой парень предпочел собрание, а на следующий день не поинтересовался, доехала ли ты, или Мелёшин вышвырнул тебя под колеса по дороге. Каким словом назвать подобное равнодушие?

— Ну... Петя не привык, — продолжала я защищать спортсмена.

— Глупая ты, Эвка, — пожурила девушка. — Отношения не построить на привычке. Зачем мучиться, если сердце молчит?

Я промолчала, не зная, что ответить.

— У меня вообще складывается впечатление, что твой Петя какой-то толстокожий, — вынесла резолюцию соседка.

— Аф, я сама предложила не провожать меня, а пойти на спортивное собрание.

— Всё равно, — не уступала она. — Когда мужчина питает чувства, от них кругом вибрирует. А Петя питает?

— Не знаю, — растерялась я. — Но он научится.

— Ну-ну, кот ученый. Так пойдешь завтра в клуб? — девушка перевела разговор в основное русло.

— У меня особых денег нет. Не приглашать же Петю. Он до сих пор не отошел от потрясения в "Инновации".

— Иногда полезно потрясти нервишки, — заключила холодно Аффа. — Потребуется один висор на проезд туда и обратно, и пять-шесть висоров, чтобы заказать чего-нибудь. А если какой-нибудь парень угостит, вообще получится бесплатно.

— Для чего нестись куда-то и тратить деньжищи непонятно на что, если можно поесть в общаге?

— Тебе бы о еде непрерывно думать, — упрекнула девушка. — Забыла сказать самое главное. В "Одиночество" не попасть с улицы. Туда вход только для своих и по связям.

— Спасибо, находилась по изысканным заведениям — ноги болят.

— Не спеши отказываться. Это клуб для слепых. — При ее словах я наострила уши. — Но и висораты туда вхожи. В клубе соблюдается нейтралитет: на ношение дефенсоров закрывают глаза, и там нельзя применять заклинания.

— По-прежнему не понимаю, зачем мне туда ехать. Лучше полежу в швабровке, кашу сварю.

— Непробиваемая! — вскочила соседка. — Отучишься в институте, и будет нечего вспомнить, кроме бесконечной зубрежки, а ведь вокруг тебя столица. Сто-ли-ца! —

повторила она. — В клубе выступают лучшие музыкальные и танцевальные группы! Номера — закачаешься! Завтра как раз состоится сборный концерт. Вход ограничен, и билеты розданы два месяца назад. Если не понравится, сразу уйдем.

— Подозрительно, что ты усердно меня заманиваешь, — просканировала я девушку, сощутив глаза.

— Там будет выступать Костик. Он посвятит мне особенную песню. А с Лизбэт ехать не хочу, она не любит смешанные заведения. Говорит, это вредит её репутации.

Ясно, за стенкой живет брезгливая особа с идеальной биографией.

— Ладно. Послушаем твоего певуна и сразу вернемся обратно.

— Хорошо, хорошо! — захлопала в ладоши Аффа. — Как скажешь, так и будет.

— Есть небольшая проблема. У меня работа, — сказала я и пояснила: — Подрабатываю в архиве по два часа ежедневно.

— Успей, Эвочка, пожалуйста! — девушка сложила умоляюще руки.

С подработкой я расправлюсь, а как быть с осмотром у Альрика? В свете опасных намерений неизвестных особ в отношении моей персоны стоит держать язык за зубами и впредь просачиваться незаметной тенью в лабораторию профессора.

— Придется выкручиваться, — почесала я нос.

— Обещаю, не пожалеешь! Вечеринка будет в тысячу раз лучше, чем в снобистской "Инновации".

— Будем надеяться, — пробурчала я.

Утром в институте я внимательно вглядывалась в лица встречаемых студентов, и в особенности девушек, в надежде заметить на чьем-нибудь лице злорадство по поводу моей укороченной прически. Попытка распознать виновницу с треском провалилась: или народу было откровенно наплевать на смену имиджа, или эмоции умело скрывались.

В столовой Мэл долго рассматривал мой новый состриженный вид, и, похоже, пребывал в растерянности. Почему-то ему не понравилось увиденное. Можно подумать, я сама без ума от трех уцелевших волосинок.

Завтрак получился скромным, но вкусным.

— Почему постриглась? — спросил Мелёшин.

— Жевательную резинку закатали.

— Кто? — процедил он свирепо, вызвав у меня секундный приступ испуга. Укажи я сейчас на виновника, не сомневаюсь, Мэл растворил бы его не хуже подноса.

— Не знаю, не заметила сразу, — поведала печально.

— Надо было мне сказать, я бы отклеил. Не пришлось бы отрезать.

— За очередной долг? Нет уж. Предпочту налысо.

Мелёшин потер лоб, а потом сказал, констатируя:

— Тебе неприятно сидеть рядом со мной.

Я опешила.

— Ну, почему же... — забормотала невнятно и смешалась. — Вполне. Общаемся как цивилизованные люди. Подносы мои уносишь. Просто отлично.

— Уношу, — сказал Мэл. — Продолжай.

— Что продолжать?

— Что думаешь, то и говори. Сидим, общаемся...

— Ты, Мелёшин, когда запекалку не поешь, делаешься странным. Ну, я побежала, мне нужно занять очередь на экзамен, а то опять проползу в последних рядах. Обед, наверное, отменяется, да?

— Наверное, — согласился Мэл каким-то уставшим голосом. Он так и не притронулся к завтраку.

Экзамен я сдала в первой половине дня, не успев толком разволноваться. Совсем не ожидала, что получу четверку у Лютика. Выбралась из экзаменационной аудитории и попала в кольцо ожидающих своей очереди.

— Ну, как? — накинулись желающие узнать подробности. — Зверствует?

— Нормально. Пока спокойный, так что успевайте.

Народ забегал под дверями, перепроверя надежность спрятанных шпаргалок. Знают, что не удастся ими воспользоваться, и все равно надежда на авось тлеет из сессии в сессию, от экзамена к экзамену.

У подоконника толпилась кучка парней, и среди них Мелёшин, не спешивший на встречу с преподавателем.

По пути в архив я столкнулась с Капой, поднимавшимся по лестнице.

— Отстрелялась?

— Уже. А ты готов?

— Учил как проклятый и проспал. Надеюсь вымучить тройк.

— Удачи!

— Что-нибудь случилось? — удивился начальник, когда я появилась в архиве в неурочное время.

— Сдала экзамен. На четверку!

— Поздравляю, — проскрипел Швабель. — Наведите порядок на вверенном стеллаже. Совершенно не успеваю, сшиваю новое поступление дел.

По причине экзаменов архив пустовал, поэтому прокрасться к заветному пополняемому делу ПД-ПР не представилось возможности. К окончанию рабочего времени у меня отваливались руки, передвигающие и перемещающие тяжелые кожаные переплеты с нижних полок на верхние и обратно в соответствии с каталогизационными карточками.

Со сторбленными от усталости плечами я направилась к Альрику, понадеявшись уговорить его провести осмотр. Увы, профессор принимал экзамен у четвертого курса нематериалки, поэтому попасть в лабораторию катастрофически не получалось. Пометавшись по холлу, я решила забежать в институт по возвращению из клуба.

В указанное время Аффа зашла за мной. Девушка преобразилась: собрала волосы в высокий хвост, навела яркий боевой раскрас, облачилась в короткую юбку и сапоги на высоком каблуке. Увидев мой неизменный наряд, она сделала тоскливое лицо.

— Ничего получше нет?

— Получше нет, — развела я руками.

— Ну и ладно. Что сдавала?

— Общую теорию у Лютика. На четверку, — ответила я с гордостью. — А у тебя что?

— Гадания и предсказания. Выпал вопрос по хиромантии, а я его выучила тяп-ляп. С грехом пополам ответила, зато по гаданию на кофейной гуще отыгралась. Усредненно на четверку натянула.

— Молодец, Афка, выкрутилась! Погадаешь мне при случае?

— Почему бы и нет, — согласилась девушка. — Но у гаданий очень низкая вероятность реализации. Побежали, а то не успеем к началу. Скоро должен быть автобус.

Аффа надумала срезать, и, одевшись, мы ринулись по тропинке к дыре в решетке и побежали вдоль дороги, мимо проезжающих машин. Только остановились передохнуть рядом с вросшей в снег обшарпанной автобусной остановкой, как через несколько секунд подъехал транспорт со следами ржавчины на кузове, фыркающий выхлопами и трясущийся, точно безнадежный больной.

В полупустом салоне Аффа рухнула на сиденье и, отдышавшись, сказала:

— Хорошо, что успели. Следующий подошел бы через полчаса. Не расслабляйся, ехать три остановки.

С одной стороны дороги простиралась широкая полоса редких деревьев и кустарника, по которой петляла эстакада с толстенными трубами, уходящая вдаль. С другой стороны тянулась окраина знакомого района, по нему я проезжала на Мелёшинской "Турбе". Затем автобус свернул наискосок на боковую улицу и поехал мимо безликих приземистых серых домов с редкими захудалыми балкончиками. За окном быстро темнело, и в салоне включили тусклую подсветку.

— Сейчас выходим, — толкнула меня Аффа. Хорошо, что предупредила, а то, заглядевшись, я уехала бы в неизвестность.

Выгрузившись из транспорта, мы поспешили по узкой дорожке. Автобус уфырчал, чадя черным дымом. Редкие фонари, освещавшие дорогу, давали мало света, поэтому Аффа чертыхалась, периодически проваливаясь высокими каблуками в снег.

По дороге я поглядывала на светящиеся окна в домах. Кое-где за шторами мелькали тени, но попадались хозяева, не стеснявшиеся показывать убранство помещений случайным прохожим. Освещенные окна представлялись мне кадрами из немого кино, показывавшими обрывки чужой жизни.

Я порядком продрогла, когда Аффа неожиданно притормозила, и мой нос впечатался в её спину.

— Почти дошли, — сказала соседка. — Поднажмем.

Впереди возвышался трехэтажный торговый павильон с освещенными окнами и горячей вывеской, однако девушка направилась в обход магазина, в темноту зимнего вечера. Мы очутились на заднем дворе, окруженном темными прямоугольниками зданий, по всей видимости, нежилых. Дворовая площадка была в беспорядке заставлена машинами и мотоциклами. Яркий фонарь освещал тыльную сторону павильона и кучкующуюся молодежь. В группках смеялись, громко и возбужденно переговаривались, курили.

Я заробела и замедлила шаги. Почувствовав мою неуверенность, Аффа подхватила меня за локоть и повела вперед. По мере приближения уши уловили слабую размеренную вибрацию. Фонарь высвечивал изрисованные стены здания. Слева была изображена фигура в зимней экипировке и на длинной доске, взрезающая торосы, нагроможденные горами у цоколя; справа в окружении звезд покачивалась на желтом полумесяце красивая девушка в длинном одеянии, а посередине настенного творчества уходили вниз широкие ступеньки, открывая светлый прямоугольный проем.

— Клуб в подвале, — продолжала тянуть меня Аффа. — Разрешили, потому что далеко от жилья.

Спустившись по ступеням, мы попали в широкий освещенный коридор и повернули налево, обходя по пути шумные компании. Слух отчетливо распознал низкие звуки, бьющие ритмичными басами. Повернув направо, очутились перед распахнутой дверью и скромной вывеской, на которой аккуратным ученическим курсивом было введено черным по белому: "Одиночество". Железная дверь со следами сварки была оборудована основательными засовами, утопленными в пазах. При входе стояли двое верзил с шеями шире головы и в трещащих пиджаках, распираемых накачанными мышцами.

Монотонное биение ударных раздавалось совсем рядом, за стеной, и сердце непроизвольно начало подстраиваться под ритм, а нога — постукивать в такт.

Аффа протянула бугаю две пластиковых карточки. Тот поочередно сунул билеты в считывающее устройство и вернул девушке, кивнув с серьезным видом. Отодвинулся в сторону, разрешая войти, и мы втекли в знаменитый в народе клуб.

В первый момент я оглохла от музыки и растерялась.

— Здесь нет гардероба. За своими шмотками каждый следит сам, — крикнула Аффа. Она пританцовывала, заразившись ритмичным темпом. — Работай локтями, нам нужно занять место под солнцем.

Придя в себя, я окинула взглядом небольшое помещение. Сверху по периметру тянулся балкон, занятый столиками. Первый этаж тоже окаймляла широкая ступенька-возвышение, а в центре зала пустовала площадка, над которой медленно прокручивался зеркальный шар. На заднем плане за барной стойкой, подсвеченной синим, сновали несколько парней в белых

рубашках. Сцена напротив бара освещалась разноцветными прожекторами. Простота обстановки не портила общее впечатление. В целом в помещении было чисто и опрятно.

Клуб оказался забитым под завязку: как балкон второго этажа, так и пристенное пространство первого. Кто-то кому-то махал рукой, кто-то громко хохотал. В зале стоял гвалт и гомон.

Аффа потащила меня к возвышению и втиснула между двумя компаниями, а следом вклинилась сама. Под столом, опоясывавшим помещение лентой, отыскиались два высоких треножных стула.

Мы разделись, и девушка повесила верхнюю одежду в узкой нише перед нашими носами, а затем царственно уселась на высокий стул и закинула ногу на ногу, покачивая носком под музыку. Оказывается, у нее красивые ноги, а я и не знала.

— Класс! — воскликнула она. — Прихожу сюда в третий раз. Посидим немного и позже попробуем что-нибудь заказать, а то затопчут.

Действительно, у барной стойки наблюдалась толкотня и давка. Бармены крутились как белки в колесе, выполняя заказы.

— Ну, как? — крикнула на ухо Аффа. — Нравится?

Я пожала плечами.

— Пока не поняла! — крикнула в ответ.

— Ага, — кивнула она с видом знатока. — Смотри, впитывай. Если захочешь выйти в туалет, возьми билет. Обратно впускают только по нему.

Аффа сунула мне в руки карточку и начала пританцовывать, сидя на стуле.

Освещение поменялось, и в зале потемнело, зато высветилась сцена. Вокруг захлопали и засвистели, оглушая. На сцене появилось несколько человек. Музыка изменилась, и вышедшие вступили один за другим в танец, полный сложных движений. Отработанные слаженные действия танцоров усиливали впечатление.

Наименее усидчивые зрители бросились со своих мест в центр зала, и я порадовалась тому, что помещение удачно спроектировано с учетом прыгающей и скачущей публики. С возвышения прекрасно просматривалась сцена и перемещавшиеся по ней исполнители.

Танцоры выделяли невероятные кульбиты, чем вызвали громкие аплодисменты и крики толпы. Выступление мне понравилось, и я позавидовала гибкости и пластичности танцующих.

Неожиданно Аффа сказала с раздражением:

— Не ждешь, а оно само собой всплывает.

Поджав губы, она кивнула на второй этаж. Напротив, за одним из столиков вольготно развалился пестроволосый Макес и заигрывал с девушками по соседству. Рядом с ним сидел Мелёшин собственной персоной, и, прихлебывая какой-то напиток, смотрел на сцену, а потом, словно почувствовав оторопелый взгляд, перевел глаза на меня. Сделал глоток и продолжил невозмутимо разглядывать нашу дислокацию внизу.

Как ужаленная, я отвернулась к сцене. На ней появились новые исполнители, но их песня прошла мимо сознания, не отложившись в голове. Взгляд Мэла прожигал, путая и выветривая мысли.

— Что они здесь делают? — наклонилась я к скачущей на стуле девушке.

— А-а, — махнула она рукой. — Случайно проговорилась, что после экзамена идем расслабляться в клуб, а крашенный вертихвост услышал и решил испортить мне настроение, и твоего Мэла прихватил для компании.

Я снова стрельнула глазами наверх. "Мой Мэл" потягивал из бокала и по-прежнему смотрел на меня, игнорируя поющих на сцене. Голова закружилась, и я потеряла способность внятно соображать, ощущая на себе давление пристального Мелёшинского взгляда.

Нужен глоток свежего воздуха и как можно быстрее! Рука уже потянулась к куртке, но тут на помощь пришла Аффа.

— Скоро Костик будет выступать, — толкнула меня в бок. — Давай переберемся поближе, все-таки стало посвободнее.

Основная масса зрителей теперь гужевалась в центре зала. Толпа колыхалась, галдя, и отвечала на приветствия исполнителей всплесками аплодисментов и свистом.

Подхватив одежду, мы перебрались на другую сторону возвышения и очутились рядом со сценой, но теперь Мелёшин и его легкомысленный друг оказались над нами. В голове прояснилось, и я с облегчением вздохнула. По крайней мере, начала вслушиваться в слова песен и в музыку.

— Сейчас! — возбужденно заерзала на сиденье Аффа.

На сцену вышла новая группа.

— Третий слева, — пояснила на ухо девушка. Парень, о котором она говорила, оказался симпатичным, высоким и кудрявым. — Это Костик, он достал билеты.

Как выяснилось, Костик не солировал, а играл на гитаре. Песню о перипетиях судьбы разбившегося гонщика исполнил плотно сбитый парень с розовыми волосами торчком. Собрав свою порцию аплодисментов и криков восторженных слушателей, группа удалилась со сцены.

Аффа выглядела разочарованной. Во время танца следующей группы она, не переставая, делилась со мной своим огорчением и не оправдавшимися надеждами.

— Я думала, он будет петь и перед выступлением скажет: "Посвящаю песню моей девушке".

— Если каждый певец начнет передавать приветы всем знакомым и родственникам, то концерт затянется на неделю, — начала я утешать расстроенную соседку и замерла с открытым ртом. Под свист и приветственные крики толпы на сцене появился... Тёма с гитарой в руке. Передвинул стул к краю сцены, уселся, поставил гитару на колени и выравнивал микрофоны по высоте.

— Тёмыч, Тёмыч, Тёмыч! — скандировали в массах.

По реакции вопящей публики стало ясно, что парень является завсегдатаем выступлений и пользуется популярностью в непрофессиональной среде музыкантов.

В ответ на звучные лозунги Тёма сделал жест ладонью, означавший примерно: "извиняйте, но сегодня будете разочарованы" и обаятельно улыбнулся — у меня аж дух захватило. В джемпере с двумя верхними расстегнутыми пуговицами, из-под которых выглядывал краешек футболки, парень выглядел неотразимо. Если вспомнить, при каких обстоятельствах я познакомилась с ним, а также учитывая кратковременность нашего общения, то Тёма стал для меня чем-то вроде дальнего родственника, благодаря знакомству через Марту и Олега.

Публика требовательно засвистела.

— О тех, кто сводит нас с ума на протяжении тысяч лет, — сказал парень в микрофон, и приятный голос разнесся из динамиков по залу.

Толпа воодушевленно захлопала, и Тёма запел. Без поддержки в виде ударных и

синтезатора, он пел одиноко, но оттого не хуже других исполнителей, а даже лучше. У него был сильный, хорошо поставленный голос, ни разу не сфальшививший. Заслушавшись, я не сразу вникла, что парень пел о первой женщине на Земле, введшей первого мужчину во сладость греха, и о том, что спустя много лет её дочери продолжают будоражить несчастных представителей сильного пола, толкая на безумства и безрассудство.

По мере того, как Тёма пел, мое лицо горело сильнее и сильнее, потому как в песне шла речь о Еве. Аффа тоже сообразила, на кого намекал певец.

— Эвка! — закричала на ухо, и я чуть не оглохла. — Он же о тебе поет!

— Почему обо мне? — закричала в ответ.

— Ты его знаешь? Такой красавчик! — воскликнула девушка с горящими глазами.

— Немножко знаю. Сталкивались, — кивнула я.

Все-таки Тёма пел не обо мне. Его песня была гимном хитрым бестиям, прознавшим с слабых местх простодушных мужчин и научившимся вертеть простаками себе во благо.

— О тебе, о тебе! — опровергла Аффа. — Он в твою сторону смотрит.

— Скажешь тоже, — засмушалась я и мельком огляделась вокруг. На меня никто не глазел, к тому же, Тёма пел для зала, а не для меня.

Зато последний куплет поверг в смятение. Парень признавался в своей слабости и с радостью отдавал себя в нежные руки той, что соблазнила первого мужчину на Земле, соглашаясь принять погибель из ее медовых уст. Завершающие аккорды потонули в шквале аплодисментов и криков. Аффа хлопала как сумасшедшая.

— Вот это я понимаю! — закричала она. — Как его зовут?

— Тёма. Тимофей, — ответила я, не зная, как воспринимать прозвучавшую песню. Конечно, её следует рассматривать в качестве дружеской и шутливой. Совсем необязательно, что эта песня именно про меня. Мало ли на свете девушек с таким же именем?

Но певец развеял последние сомнения. Поднявшись, он послал воздушный поцелуй в нашу с Аффой сторону под рев и свист слушателей, а потом удалился со сцены.

— И ты говоришь, что он пел не для тебя? — со сверкающими глазами спросила девушка. — Шикарная песня! Потрясающее признание!

От замешательства я была готова провалиться сквозь землю. Казалось, что взгляды присутствующих в зале сосредоточились на мне.

— Он ни в чем не признавался, — возразила громко. — Просто совпали слова из песни.

— Ага, — энергично закивала головой девушка. — Но ведь понравилось?

Пришлось признать, что Тёма исполнил песню на "отлично". У меня горели лицо, уши, шея. Руки дрожали, словно у пропойцы в последней стадии белой горячки, однако я продолжала убеждать себя, что Тёмина песня — чистая случайность и не имеет ко мне отношения. Откуда бы парень узнал обо мне и как сумел разглядеть в беснующейся толпе?

— Хочешь выпить? — спросила Аффа, когда на сцене появилась следующая группа и принялась выделывать акробатические чудеса под музыку. — Охладишь, а то вся красная.

Я растерялась, не зная, тратиться ли на коктейль или сэкономить. Наверное, эффективнее вылить его себе на голову, нежели принять внутрь. Аффа опять решила за меня:

— Подержи наше место. Быстренько сбегая, проветрюсь и принесу чего-нибудь выпить. Вдруг увижу Костика или твоего Тёму?

Не дожидаясь моего согласия, она натянула пальто и исчезла. В ожидании девушки я разглядывала шумное сборище. В целом, мероприятие оказалось веселым, а народ —

простым и без тараканов в головах. Тёмно выступление вообще сразило меня наповал. При встрече выскажу ему недовольство публичными поцелуями, пусть и воздушными.

Поглядев на часы, я вспомнила, что мне, как бедной Золушке, пора покидать бал. Гномик на часиках намекал о времени впритык, если хочу успеть в институт. Задумавшись, я не сразу заметила протискивающуюся через толпу Аффю, бледную как мел. Она бросилась ко мне и закричала:

— Эвка, там Мелёшин твоего трубадура убивает!

Уловив смысл слов, я сначала решила, что ослышалась. Тёму избивает садист Мелёшин! Вскочив со стула, бросилась к выходу. Аффа проталкивалась рядом:

— Наверху у черного выхода, — объясняла она. — Прямо по коридору.

Сообразив, что смертоубийство осуществляется на улице, я вернулась за курткой и наспех напялила. Работая локтями, полезла сквозь толпу к двери и помчалась по коридору, загибавшемуся гнутой буквой Z. Следом дробно стучала каблуками Аффа.

В голове возникали картинки одна ужаснее другой: как Мелёшин с налитыми кровью глазами душил Тёму или как запинывает скорчившегося на снегу парня.

Перескакивая через ступеньки, я выбралась на поверхность, разгоряченная подвальным теплом, и окунулась в обжигающий холод зимнего вечера. Наматывая на ходу шарф, ринулась к толпе под тусклым фонарем, окружившей угол здания.

— Пустите, — продиралась. — Пропустите же!

Народ не спешил вступаться и разнимать дерущихся. Наоборот, у каждой из сторон нашлась своя группа поддержки.

— Тёмыч, врежь ему по наглой хारे! — подзуживали одни.

— Размажь его по стенке, Мэл! — кричали другие.

Окинув противников беглым взглядом, я выдохнула с невольным облегчением. Во-первых, Тёма оказался не слабаком и дал отпор, о чем свидетельствовал кровоподтек на скуле Мэла. Во-вторых, порадовалась тому, что ошиблась в фантазиях, присвоив Мелёшину наклонности маньяка.

В это время Мэл размахнулся и ударил Тёму в челюсть. Тот отлетел в снег.

Толпа возбужденно взревела.

— Тёма! — закричала я, но мой писк потонул в воплях зрителей. Незнакомые парни делали ставки на победителя. — Мелёшин, прекращай немедленно!

Конечно же, меня никто не услышал.

— Мэл, засвети ему в оба! — надрывался в первых рядах Макес.

Тёма поднялся на ноги и, пошатываясь, встряхнул головой, восстанавливая координацию и четкость зрения, а потом ринулся на Мелёшина и, утянув за собой, повалил его в сугроб. Катаясь в снегу, дерущиеся успевали наносить друг другу удары. Они же убьют друг друга!

Выскочив в круг, образованный зрителями, я кинулась растаскивать схватившихся парней. Куда там. Мои попытки походили на комариные укусы двух взбесившихся медведей. Кричала, угрожала им — бесполезно. Бросала наспех слепленными снежками — ноль реакции. Ненароком оказалась рядом с драчунами, и они чуть не подмяли под себя, благо, меня успели вытащить за рукав из круга. Это оказалась Аффа.

— Бесполезно! — закричала девушка. — Они не соображают. Не лезь, а то и тебя зашибут!

Неужели она предлагает стоять и любоваться зрелищем взаимного убиения?

Я лихорадочно раздумывала. Нужно чем-нибудь облить борющихся парней. Но куда буду бегать туда-сюда, искать емкость и воду, они закатают друг друга в снег!

Может, разнять заклиниванием? Но каким? — вспоминала судорожно. Любое из освоенных мной вслепую, вряд ли помогло бы.

— Сделай *piloi candi*^[7]! — вцепилась я в девушку. — Чтобы их хорошенько шибануло, а?

— Здесь нельзя применять заклинания, — с жаром возразила Аффа. — Администрация закроет глаза на драку, но за использование волн попадем в отделение.

В это время драчуны чудесным образом оторвались друг от друга. Ура! — обрадовалась я. Почесали кулаками, и хватит.

Радость оказалась преждевременной. Тёма вытащил из одного кармана куртки кастет с острыми зазубринами, из другого — перчатку с шипами на костяшках.

— Сейчас из тебя, с*ка висоратская, сделаю котлетный фарш, — сказал угрожающе и медленно двинулся на Мэла. Тот сплюнул в сторону, и я ужаснулась — на снегу остался кровавый след.

— Тёма, пожалуйста! — закричала, но безуспешно. Вот когда я пожалела о своих слабеньких связках и об отсутствии рупора. Эх, кабы знала заранее, всегда таскала бы его при себе.

— За то, что кадришь наших девочек, слепошарый, — прошипел Мелёшин, — готовься всю оставшуюся жизнь работать на таблетки.

Внезапно Тема набросился на Мэла и, расталкивая толпу зевак, прижал его к стене здания, занося руку для удара. Я зажмурилась от страха. Послышался характерный смачный жвак, когда с хрустом ломаются носовые хрящи, встретившись с металлом. Приоткрыла один глаз, ожидая увидеть неизбежное. В шпукатурке осталась внушительная вмятина, а Мелёшин успел увернуться.

Не выдержав, я бросилась разнимать парней и вцепилась в куртку Тёмы, слясь оттащить его от Мэла. Однако Тёма был силен как бык. Он дважды вмазал по стене кастетом, и каждый раз Мелёшину удавалось чудом отклониться. Если бы не отличная реакция Мэла, его лицо давно бы превратилось в кровавую кашу с осколками костей и хрящей. Жуткая фантазия подстегнула меня, и я с утроенным усердием продолжила свое комариное дело.

— Тёма, паразит ты этакий, — пыхла. — Перестань уже!

Схватив горсть снега, засунула за шиворот его куртки. От неожиданности парень замер, и Мелёшину хватило секундной заминки, чтобы оттолкнуть противника от себя, хотя с видимым усилием. Тёма отлетел в одну сторону, я в другую, в то время как толпа улюлюкала и подначивала.

Свиньи! — хотела я крикнуть сборищу, но не успела. Мелёшин, оттолкнувшись от стены, расставил ноги для устойчивости и начал закручивать в каждой руке по заклинанию. Шары стремительно увеличивались в размерах, и через миг в левой руке Мэла полыхал пурпурно-фиолетовый *perve candi*^[8], а в правой — голубой шипящий *gelide candi*^[9]. Глаза Мелёшина залил бледно-зеленый свет, поглотивший радужки.

Толпа не успела сориентироваться. Прежде чем испуганные зрители попятились в разные стороны, Мэл размахнулся и спустил оба заклинания в лежащего на снегу Тёму. Ослепнув от яркого пятна, в которое слились оба шара, противник Мелёшина прикрыл рукой глаза, не сумев уклониться. Зато опять влезла я. Мне хватило времени, чтобы оттолкнуть Тёму с траектории летящего сгустка, но не хватило мгновения, чтобы самой избежать попадания.

Словно в замедленной съемке я видела, как переливающийся фиолетово-голубой шар врежется в грудь, а потом почувствовала сильный толчок, опрокинувший навзничь. Падала медленно, целую вечность, слыша крики:

— Эва! — крик Тёмы, подхватившего меня.

— Эва! — крик Мэла, растерянно разглядывающего свои руки, словно они были чужими.

— Эва! — крик Аффы, бегущей ко мне по снегу, спотыкаясь.

Толпа зевак растаяла в темноте. Рядом очутился Мэл, опустившись на колени. Взял ладошку и погладил.

— Эвочка, зачем ты полезла? — спросил дрожащим голосом и закричал: — Какого черта полезла? Без тебя бы разобрались!

— Отвянь, козел, — оттолкнул его Тёма с заплывшим глазом. — Лучше вызывай отделение. Сохрани шивую висоратскую честь и достоинство. — И сплюнул в сторону.

Я захрипела. Силилась попенять, что даже на моем смертном одре эти двое не перестанут скандалить, но язык налился неподъемной тяжестью. Тело будто нащиговали свинцом, а к конечностям привязали тяжелые гири.

— Эвочка, — схватила другую мою руку Аффа, — какая ты холодная! Два придуря! — набросилась она на парней. — Нужно срочно везти её в больницу. Мэл, ты соображаешь, что натворил?

Судя по ошеломленному виду, Мелёшин соображал туго. Нападение на другого висората, коим являлась я, причинение ему тяжких телесных повреждений, представляющих опасность для жизни, грозили заведением уголовного дела, расследованием и судом.

Повреждения, представляющие опасность для жизни! Осознание сего факта заставило меня забиться в руках Тёмы, но трепыханья походили на агонию. Мэл перепугался.

— Эва, Эвочка! Скажи что-нибудь! Не молчи, Эвочка! Где-нибудь болит?

— Где болит, Мелёшин? — передразнила Аффа. — Запулил парализацией и холодом, а теперь спрашиваешь, где болит.

— С*ка, — злобно выплюнул Тёма и погладил меня по лбу. Мэла передернуло.

— Убери от нее свои грабли, — отбросил его руку.

— А то что? Накормишь и меня? — процедил Тёма. — Чего сидишь? Вызывай скорую помощь, висоратская морда.

— Н-не, — выдавила я непослушными губами.

— Что, Эвочка? — склонился, прислушиваясь, Тёма.

— Н-не надо, — прошептала слабеющим голосом. Меня отвезут в больницу, а оттуда сигнал поступит прямиком в отделение.

— Эвочка, лучше ехать. Последствия могут быть тяжелыми, — сказал Мэл. Поглядел на свои руки и понурился.

— Как минимум две недели в больнице, — уточнил взявшийся невесть откуда Макес.

Я замотала головой и снова забилась в руках Тёмы. Нет, нет, мне нельзя на две недели в больничную койку! У меня сессия, учеба, работа! В конце концов, у меня жизнь, пусть и поганая в данный момент. И Мэл... С моим появлением в больнице его жизнь полетит под откос, начав отсчет уголовной судьбы. В эти самые минуты блестящее будущее Мелёшина испарялось и улетучивалось в тартарары, и причиной его бед стала я.

Лучше отлежусь. Залезу в норку и оклемаюсь. Ничего страшного, подумаешь, слабость.

— Всё ты виноват, — набросилась соседка на Макеса.

— При чем здесь я? — удивился парень.

— Потому что приперся, куда не звали.

— Что же, теперь и развлечешься нельзя, когда ты неподалеку?

От перебранки у меня заболели уши. Дышалось с трудом, мелкими и частыми вдохами, как у рыбы, вынутой из воды. Легкие словно зацементировало, а горло забилося песком.

— Сволочь, если не вызовешь скорую, сделаю это сам, — сказал Тёма.

Я захрипела, перемежая попытки сказать со стонами, чем сильно напугала парней и Аффю.

— Почему тянете? — закричала девушка. — Она же остывает!

Мелёшин поднялся с колен и, вытащив из куртки телефон, споро набрал номер, несмотря на разбитые костяшки пальцев.

— Это я, — сказал абоненту, ощупывая челюсть. — Нужна помощь. Nerve и gelide одновременно... В грудь... Каждый по десять в диаметре... Я... Знаю! — выкрикнул невидимому собеседнику. — Помоги.

Выслушал краткую отповедь по телефону.

— Согласен... Обещаю...

Пока он говорил, зрение начало путаться. Склонившийся надо мной Тёма расчетверился размытым изображением.

— Отлично, — выдохнул Мэл и отключился. Что-то бросил Макесу, тот ловко поймал. — Поведешь.

Привстав на колено, забрал меня из объятий Тёмы и поднял на руки. Мелёшин был горячим как грелка с кипятком, и я рефлекторно дернулась.

— Уау! — выдал Макес. — Доверяешь? А если разобью, как свою?

— К черту. Сначала довези, — Мэл решительно двинулся вперед.

— Козлина, куда ты ее тащишь? — Тёма двинулся следом. — Прячешь улики?

— Угадал, — ответил Мелёшин, пробираясь боком между машинами. — Отвезу подальше и закопаю в снегу.

— Мэл, лучше не зли! — закричала Аффа позади. — Мы в больницу?

— Нет, — ответил Мелёшин. — К Севолоду.

— Что за чудо-юдо такое? — спросил грубо Тёма.

— Мой дядя, — пояснил Мэл и велел приятелю: — Заводи и прогрей.

На меня накатило странное равнодушие. Вокруг спорили, кричали, возмущались, а мои эмоции застыли безучастной глыбой. Я вслушивалась в биение Мелёшинского сердца, и его стук вводил в транс как ритуальный тамтам.

Хлопнула дверца, и добавился новый звук — заработал двигатель машины.

— Трус, — бросил обвиняюще Тёма. — Хочешь уйти от ответственности?

— Не хочу, — ответил Мэл. — В больнице она проваляется две или три недели, а Севолод снимет последствия за один вечер.

— Что за кудесник такой? — поинтересовалась Аффа. — С трудом верится в его способности.

— Врач. Специалист по вис-травмам.

— Родственничек-убийца, как и ты, — сплюнул Тёма. — Эва, не слушай этого вруна, нужно ехать в больницу.

— Пока ее примут и осмотрят, она загнется, — парировал Мелёшин.

— Говоришь так, будто не вылезает из больниц, — хмыкнула девушка.

— Севолод рекомендовал поспешить. У нас в запасе около часа до начала необратимых последствий.

— Эва, решай, — обратился ласково Тёма. — Поедем в больницу.

— Не дави на неё, — сказал Мэл. — Эва, не бойся, Севолод поможет.

— Отдай мне её, — решительно ухватился за меня Тёма. — Угровишь и не заметишь.

— Пока вы препираетесь, время убывает, — заметила Аффа. — Нужно торопиться. Куда едем?

— Поморгай глазками, Эвочка, — попросил Мелёшин. — Поедешь к Севолоду?

Конечно, поеду! Куда угодно поеду, лишь бы поскорей избавиться от змеи, обвившей сердце и сжимающей его тугими кольцами. Я заморгала, радуясь, что веки не обездвижены заклиниванием. Зрение ослабло настолько, что лица и фигуры расплывались, сливаясь с фоном.

— Решено, — сказал Мэл с удовлетворением в голосе. — Если не веришь, езжай с нами.

— Куда? — спросил хмуро Тёма.

— В центре. Район "Кленовый лист".

— Не могу, — ответил парень угрюмо. — Туда мне вход заказан.

— Зато я могу, — влезла Аффа. — От свидетеля не отвертишься, Мелёшин.

— Учти, если с Эвой что-нибудь случится, я тебя из-под земли достану, — пригрозил Тёма.

— Уже случилось, — фыркнула девушка неодобрительно. — Наворотили дел с три короба.

Внезапно Тёма размахнулся и с силой ударил шипованной перчаткой по крыше машины.

— На память, — заключил мрачно. — Чтобы глядел и не забывал.

— Запомню на всю жизнь, — ответил Мэл.

— Куда садиться? — крикнула Аффа.

— Впереди, — коротко ответил Мелёшин и попросил Тёму: — Придержи дверцу.

Осторожно залез на заднее сиденье, удерживая меня.

— Не думай, что тебе сойдет с рук, — сказал напоследок Тёма.

— Знаю, — подтвердил Мэл. — Поехали.

Двигатель взревел, и машина резво стартовала задним ходом, наверное, выехала из скопления автотехники. Круто завернула, отчего Мелёшина потянуло набок, а вместе с ним и меня.

— Аккуратнее! — крикнул он водителю.

— Как могу, — откликнулся тот. — Или медленно и печально, или быстро и в блевотине.

— За каждый поворот буду выдергивать по перу из твоей башки, — предупредила кровожадно Аффа.

— Слушаюсь и повинуюсь, — ответил шутливо Макес, и машина стремительно рванула вперед.

Мелёшин нервно сжимал и мял мои пальцы. Я чувствовала, он глядел на меня, но не видела лица. Картинка расплзлась и затуманилась, вместо сидящего Мэла было темное пятно.

На тепло салона организм отреагировал парадоксальным образом. Меня начало морозить, и с каждой минутой озноб усиливался. Зубы застучали, тело била крупная дрожь.

— Эва, — спросил беспокойно Мелёшин, — где-нибудь болит?

Хотела ответить, что мне холодно, но вместо слов из горла вырвался хрип.

— Держись, скоро приедем, — прислонился губами ко лбу Мэл. — Она ледяная!

— Дай ее руку, — потребовала Аффа.

Мою ладонь опалило жаром.

— Плохо! — послышался взволнованный голос. — Температура тела понижается, а ткани парализованы. Скоро кровь загустеет, и сердце остановится. Не позволяй ей уснуть. Она должна быть в сознании. Эвочка, слышишь меня?

— Проклятье! — раздался над ухом голос Мелёшина. — Зрачки сужены и не реагируют на свет. Эва, ты меня видишь?

— Кто говорил, что у нас есть время в запасе? — спросил Макес.

— Кто-кто, — воскликнул зло Мэл. — Слишком быстрые изменения! Не могу понять, почему.

Я так и не узнала, трясло ли меня от вселенского льда, сковавшего тело, или тормозил Мелёшин, призывая очнуться.

Последующие эпизоды мелькали отрывками слов и ощущений.

— Согревай ее! — кричит Аффа.

Шепот над ухом, яркая вспышка в ночи и нестерпимая боль, заполняющая грудь. Вытравливающая дыхание.

Я кашляю и хриплю.

— Отлично! — слышен голос девушки.

Меня опять утягивает в черную бездну. Туда, где покой, парение, невесомость.

— Ей хуже! — голос Мэла.

— Еще!

Снова яркая вспышка, и испепеляющая лава затопляет внутренности. Хрип раздирает легкие.

— Еще!

Огонь выжигает ослепшие глаза и вгрызается в плоть, жгуче пожирая клетку за клеткой. Отстаньте. Хочу свернуться в клубочек. Хочу уснуть.

— Не спи! — меня хлопают по щекам. — Открой глаза!

Пинаюсь и брыкаюсь. Или нет: бьюсь в крепких руках. Звуки доносятся через толщу воды.

— Держись, сладенькая, — шепчет на ухо голос. — Не бросай меня.

Это Мэл. "Не бросай меня". В груди поднимается высокая горячая волна. Я закашливаюсь, словно чахоточная, и слепо шарю рукой.

— Разговаривай с ней! — кричит девушка. Не узнаю ее.

Меня гладят по волосам, дыхание опалает щеку.

— Эвочка, я не успел сказать... Эва, черт побери, не сдавайся! Неужели не хочешь врезать мне?

Хочу. Хочу впиться в твои руки и стать твоим дыханием.

— Она не реагирует! — кричит Мэл. — Пульс не прощупывается! Макес, быстрее!

— Стараюсь, — чей-то голос. Кто это? Ускорение прижимает меня к Мэлу.

— Нужен еще ardeneri^[10]! — кричит девушка. — Иначе сосуды заледенеют и поломаются!

Ослепительный свет, и новая порция боли растекается по венам.

— Эвочка, девочка моя, ты выдержишь, — лихорадочно шепчет Мэл и добавляет ожесточенно: — Я не отдам тебя гр*баным небесам, слышишь? Поотрываю твои крылья, обещаю, а нимб закину в кратер вулкана.

В кромешной тьме бреду на зовущий голос. Узнаю его, даже если оглохну. За показной бравадой чувствую отчаяние и страх потери. Согреваю остатками незамерзшего сердца, обнимаю лапами своего "зверя".

— Эва! — громкий вскрик Мэла, и его губы на моих, требующие, просящие, умоляющие. — Останься со мной. Не уходи!

Мощный толчок в груди, и новая доза прокачивается через насос. Со свистом втягиваю воздух.

— Да! — кричит кто-то. — Еще тепла!

— Не могу, — сдавленный голос Мэла. — Началась отдача.

Ему больно из-за меня! Отдача сводит судорогой пальцы, выкручивает суставы, могут отняться руки, я помню. Пока что помню.

Тянусь к нему, чтобы забрать боль.

Звонкая трель над ухом. Выплываю из забытья.

— Вытащи... В левом кармане, — просит кого-то Мэл.

Меня качает на волнах.

— Ответь, — приказывает он.

— Да, — женский взволнованный голос. — Миновали развязку. Еще...

— Пять-семь минут, — подсказывает второй голос. — Выжимаем максимально.

— Четыре минуты, — заключает девушка. — Да... Плохо... *Ardenterī candī*, раза четыре или пять... Хорошо.

— Что он сказал? — спрашивает настороженно Мэл.

— Нас ждут.

Стон разочарования.

— Макес, ты паршивый водила, мать твою, — презрительно цедит Мэл. — Тебе ни за что не уложиться в три минуты.

— Говори за себя, — отвечает холодно незнакомый голос. — Пристегнитесь, взлетаем.

Крутой поворот, визг тормозов, меня забрасывает в сторону, но сильные объятия охраняют, не позволяя упасть.

Завывание сирен. Опять крутой вираж.

— Эвочка, потерпи, уже близко.

Чувствую свое сердце. Оно замирает и снова разгоняется. У насоса перебои, насосу нужна передышка. Где же выход из черной тюрьмы?

— Давай помогу, — предлагает кто-то.

— Нет, — голос Мэла.

Он сам. И я в его руках.

Меня несут вверх. Чувствую, как безжизненно болтается рука, и хватаю пальцами воздух. Оказывается, весело ловить невидимку за хвост.

— Сюда, на кровать, — глубокий сочный баритон. — Раздевай ее.

Меня ворочают.

— Полностью? — спрашивает дрожащий голос.

— Полностью. Чего перепугался? Шучу я. Белье оставь.

Вздых облегчения и чуть слышное ругательство.

— А с тобой мы поговорим позже, Ромео.

В меня вливали. Медленно, по крупице, прислушиваясь к тому, как отреагирует организм на вторжение. Редкие капли переросли в струйки, расширившиеся до ручейков, а ручейки сливались в потоки. Два течения распространялись от запястий к плечам по мышцам, венам, сухожилиям и, соединяясь у ключиц в полноводную реку, опускались ниже, согревая и растапливая лед, сковавший ткани, снимая онемение. Шаг за шагом, миллиметр за миллиметром, каждая клеточка наливалась острой режущей болью, становясь ее эпицентром. Я протестующе застонала.

— Чувствительность возвращается, это хороший признак, — сказал кто-то.

Мою ладонь ласково погладили и поцеловали тыльную сторону.

— Когда к ней вернется зрение? — спросил тихо Мэл.

— Какой шустрый. Скажи спасибо, что сняли симптомы. Невообразимый балбес. В крошечную мышку умудрился всадить одновременно два заряда.

— Я не хотел. Только не в неё.

— Радует, что вовремя сообразил с *ardenterī candī*, он оттянул последствия.

Боль медленно утихала, но не спешила уходить, теребя ноющие нервы. Тело покалывало и пощипывало, и я непроизвольно задергалась, пытаюсь сбросить неприятные ощущения.

— Онемение проходит, кровоснабжение нормализуется, — сказал незнакомый голос. — Опасность миновала. Спустишься или останешься здесь?

— Останусь здесь, — отозвался эхом Мэл.

— Пойду, встряхнусь, — сказал голос. — Будет просить пить — не давай.

Невидимый лекарь пружинисто соскочил с кровати, всколыхнув матрас. Шаги, легкий сквозняк, скрипнула закрывшаяся дверь. Кровать опять всколыхнулась, и рядом со мной кто-то улегся. Мэл!

Он поглаживал мою ладонь, и от ласкающих касаний понемногу утихало покалывание.

— Эва, не знаю, слышишь ли меня... Прости за боль, что я причинил, — сказал тихо. — Меньше всего я хотел, чтобы пострадала ты.

Мэл замолчал, обводя пальцем линии ладони.

— Я устал. Боролся сам с собой, а потом понял, что бесполезно — ты ускользаешь от меня.

Хотела крикнуть, что не собираюсь убегать, но губы слиплись. Зато получилось легонько сжать пальцы Мэла.

— Эва! — воскликнул он радостно, а потом продолжил тише: — Что бы я ни делал, становилось только хуже. Теперь ты с другим.

Я снова сжала его пальцы.

— Тебе нужно отдохнуть, — Мэл осторожно отвел с моего лба волосы и поцеловал. — Поспи, а я скоро вернусь.

— Н-нэ, — выжала из себя и опять сдавила его пальцы, пытаюсь удержать. В горле засадило и неприятно зацарапало.

— Не бойся, ты в безопасности.

— Не-э, — стиснула я руку и вдобавок замотала головой, надеясь, что Мэл поймет мое отчаяние.

— Хорошо, Эва, я не уйду.

Он обнял меня, уткнувшись носом в висок и шевеля дыханием волосы.

— Закрывай глазки, пока буду ловить самый лучший сон, — пробормотал тихо.

Я проснулась словно от толчка. Спросонья долго не могла сообразить, где нахожусь. Незнакомая комната была большой и темной, в углу горел слабый ночник под абажуром. Кровать показалась огромной, с черными столбами по углам. У высокого окна, тускло подсвеченного уличными фонарями, стоял Мелёшин, и, засунув руки в карманы брюк, глядел на улицу.

Почувствовав мой взгляд, он повернул голову. Всмотревшись, медленно подошел и сел на краю кровати.

— Тебе лучше? — спросил, поглаживая мою ладонь.

На этот раз получилось увереннее сжать его пальцы. Мэл мягко улыбнулся и поцеловал руку.

— Видишь меня?

Повторное пожатие подтвердило ответ на вопрос.

— Отлично! — воскликнул он с облегчением. — Глазки не болят?

Я моргнула пару раз.

— Пить, — прошелестела неслышно.

— Что? — Мэл наклонился ближе, и мои губы повторили беззвучную просьбу.

— Пока нельзя, — пояснил он сочувственно. — Потерпи, Эвочка, до утра.

И я снова уснула, убаюканная нежными поглаживаниями.

Никогда не любила сны, особенно незванные и неприятные. Ах, если бы разрешалось заказывать цветные розово-пушистые сновидения, например, чтобы кататься всю ночь на аттракционах и есть мороженое вагонами!

Этой ночью я была не против увидеть один из красочных радостных снов. Но увы, после физических и душевных потрясений меня обычно навещали сновидения, полные воспоминаний, и оставляли наутро терпкую оскомину в памяти и в сердце.

Поэтому мне снился знакомый приевшийся сон.

Я сидела под столом, прячась за грубой самотканой скатертью, потому что очень любила играть в прятки, и мама специально стягивала ткань на одну сторону, устраивая маленький домик, оборудуя мое личное пространство. К тому же сегодня же был повод. Мама с большим волнением ожидала приезда особенного гостя, заразив и меня радостным нетерпением.

Я уже знала, что в самый ответственный момент выскочу из-под стола с громким рычанием, как лев или тигр, что были изображены на картинках, лежащих тощей стопочкой на подоконнике. Гость сначала испугается, затем удивится, а потом рассмеется и станет расспрашивать маму о моем здоровье и о количестве выпавших зубов, а меня — о том, научилась ли я читать и знаю ли цифры.

И вот, сидя под столом и карябая ногтем шершавую поверхность кривой ножки стола, я пребывала в растерянности. Мне никак не удавалось выбрать подходящий момент, чтобы обставить свое феерическое появление, и, похоже, удачный миг испарялся с каждой минутой.

С одной стороны стояла пара начищенных до блеска черных туфель. Такой красивой и торжественной обуви я не встречала ни разу. У нас носили самосшитые башмаки, с мягкой

подошвой, а у этих туфель были небольшие плоские каблукки, издающие резкие короткие звуки, когда их обладатель постукивал по полу.

Я любила наш пол — с неровными досками, с узкими щелочками и дырочками от выпавших сучков. Распластавшись на нем и приложив глаз или ухо к щелке, можно было разглядывать и изучать мир, скрывавшийся внизу в кромешной темноте.

С другой стороны от меня стояли мамины расшитые башмаки, окантованные синей нитью. Мне нравилось играть с ними, воображая, будто в гости пожаловали два братца — братец левый башмак и братец правый башмак. Иногда оба братца трансформировались в любящих родителей, имевших двоих деток, коими становились мои башмачки с вышитыми на них красными цветочками.

Мама сидела на скамье и нервно мяла платье, собирая его в складки и заново распрямляя. Я видела, как дрожали её руки, потому что с маминой стороны скатерть была задрана, а со стороны чужих блестящих туфель опустилась почти до пола, открывая низ серых брючин.

— Речь идет о разводе, — сказал гость. — Ты должна дать согласие.

— Попробуй пирог с малиной, — предложила мама. — Мы с Эвочкой полдня собирали. Она тоже готовилась к приезду, ждала тебя. Представляешь, исцарапала руки по локти, но не отступила, пока не набрала кружку.

— Ты слышала меня? — повторил резче мужчина. — Подпиши бумаги о разводе.

Складки на платье собрались в жгут и снова разгладились.

— Я... не понимаю, — ответила мама растерянно. — Мы думали, ты удержишься, погостишь...

— Мне нужно возвращаться сегодня, — ответил раздраженно собеседник, пристукнув туфлями. — В министерстве предлагают хорошее место, имеются перспективы для роста.

— Очень рада, — сказала мама, и в ее голосе просквозила гордость. — Никогда не сомневалась в том, что тебя ждет блестящее будущее.

— Спасибо, — ответил гость и замолчал. Мама продолжала мучить платье.

— Может, поешь? — спросила робко. — Наверное, проголодался с дороги.

— Некогда есть твою стряпню, — отказался пренебрежительно гость, и мне страстно захотелось треснуть по носку начищенной туфли, чтобы он заорал от боли и подскочил на месте. Мама готовила вкусно, пальчики оближешь. — Вот бумаги, прочитай и подпиши. На каждом листе с двух сторон.

Привстав, она взяла протянутые документы.

— Поскольку такой человек как я, постоянно на виду, репутация должна быть безупречной. Мне дали ясно понять, что на продвижение не стоит надеяться, пока мы с тобой женаты.

По шелесту бумаги я догадалась, что мама знакома с содержимым.

— Знаю, ты желаешь мне добра, — продолжил мужчина, — и не будешь чинить препятствий.

— Хорошо, — сказала она потерянно. — Конечно же, подпишу. Сейчас?

— В Совете в присутствии Главы. Я договорился, собирайся. Забыл сказать, что ребенка забираю с собой.

— Зачем? — испугалась мама. — Она же не видит.

— Придется её заставить, — ответил мужчина бесстрастно.

— Как-как? — вскрикнула мама. — Только не в лаборатории! Я не дам согласия! Она

останется здесь. Бумаги подпишу, а Эву оставь мне.

— Соглашаясь на развод, ты дашь согласие на воспитание силами и средствами отца.

— Нет! — мама вскочила с места. — Она останется со мной!

— Поразмысли своими сопревшими в глуши мозгами, — сказал мужчина и, встав из-за стола, принялся расхаживать по комнате. Черные туфли удалялись и приближались. — Я вывезу её отсюда и обеспечу будущее в цивилизованном мире.

— Какое? — воскликнула мама. — Быть рабской подстилкой? Или подопытным кроликом в научных экспериментах?

— Не прерывай, — оборвал сурово мужчина. — Мне казалось, ты мать, которая заботится о своем чаде и желает ему лучшего будущего. Об отсутствии способностей у ребенка не узнает никто. Пойми, у меня свой интерес в поддержании легенды.

— Но... — растерялась мама. — Зачем тебе проблемы с Эвой? Зачем усложнять, скрывать и обманывать? Она останется здесь, и никто на Большой земле не узнает о ней... и обо мне.

— Поздно. Пресса давно крутится около меня, разнюхивает и понемногу раскапывает. Еще чуть-чуть, и грянет скандал. Давно следовало подстраховаться и сжечь мосты. Кроме того, для карьеры полезно показать публике, что я не бросил своего ребенка на произвол судьбы.

— На произвол судьбы? — воскликнула мама горько. — Да ведь после её рождения ты появлялся здесь от силы два раза. Выпутывайся сам из своих политических катаклизмов, а нас не трогай! -

— Дорогая, ты забываешься, — сказал угрожающе гость, и я отодвинулась в дальний угол к ножке стола. — В конце концов, есть и другой выход. Из меня получится неплохой вдовец, безутешно оплакивающий жену и ребенка. Существует множество способов решения проблемы со стопроцентным результатом. Ошибку прошлого в виде скандального мезальянса избиратели простят, — с кем не бывает, все мы люди, — а моя неподдельная скорбь перекроет пятно в биографии. Обывателям нравятся слезливые мелодраматичные истории.

— Неужели ты сделаешь... это? — неверяще пролепетала мама. — Родную дочь?

Я представила, как она обхватила шею рукой, задыхаясь в порыве страха.

— Никаких угроз и запугиваний, только констатация факта. — Туфли вернулись к столу и устроились на прежнем месте. Я с ненавистью смотрела на них как на виновника бед, принесших нестабильность в мой маленький мирок, разваливающийся на глазах.

— Если ребенок сообразителен и настойчив, как ты сказала, то он выживет на Большой земле и, быть может, когда-нибудь вы увидите.

— Это не просто ребенок! Это твоя дочь, и у неё есть имя — Эва! В ней течет и твоя кровь! — выкрикнула мама и устало опустилась на стул.

— Безумно счастлив, — сказал гость, и в комнате раздались редкие хлопки. — Учти, я не шучу. Не вздумай играть по собственным правилам, будет хуже.

— Мне... можно видетсья с ней?

— Исключено. До тех пор, пока не решу, что встреча имеет смысл.

— Но оформление на выезд занимает много времени, — дрожащим голосом сказала мама, приводя весомый аргумент.

— Кому как, — ответил самодовольно мужчина. — Всё организовано. Ребенок уедет сегодня со мной. Без вещей, потому что они вызовут лишние вопросы и подозрения.

И мама заплакала. Тихо, зажимая рот рукой, чтобы не напугать меня, но достаточно громко, чтобы я услышала и подползла к ней, обхватив крепко за ногу, а она гладила меня по голове, давась рыданиями.

Я проснулась в поту. Протерла заспанные глаза и потянулась, разминая затекшие мышцы. Всмотривалась непонимающе в кремовый ребристый потолок, пока не сообразила, что это балдахин, стянутый от краев к середине и завязанный в центре замысловатым узлом. В ногах по обоим углам кровати высились резные столбы из темного дерева, на которых держалась роскошная постельная конструкция.

В комнате было светло, а это означало, что за окном давно рассвело.

Я повернула голову в одну сторону — бежевые шторы, бежевые стены, бежевый столик с ночником и бежевое кресло. Повернула голову в другую сторону — картина стала бы зеркальной, если бы не темная макушка, лежащая на соседней подушке и загораживающая обзор.

Медленно, очень медленно до меня доходило, что в одной кровати со мной спал Мелёшин и сопел, отвернувшись к стене, а его рука по-хозяйски обнимала меня.

Каравул! В памяти совершенно не отложилось, что произошло ночью. Приглядевшись, я облегченно выдохнула. Мэл уснул, не раздевшись, в отличие от меня.

Точно, я же не одета!

Уф, нижнее белье на мне, но где остальные вещи? Поди валяются бесформенной кучей на полу, и Мелёшин заметил мою неряшливость. Но ведь я не разбрасывала одежду по роскошной комнате. Кто-то меня раздел! При этой мысли загорелись щеки, а потом память обрушила лавиной события вчерашнего дня: экзамен, поход в клуб, Тёмину песню, драку на морозе, удар заклинаниями и поездку на машине в неизвестность.

Осторожно потрогала себя — вроде бы ничего не болит, руками-ногами двигать могу, по крайней мере, лежа. Пошевелила пальцами ног, покрутила растопыренной пятерней, сжала её в кулак и разжала. Я снова стала хозяйкой своего тела! Этот вывод невероятно взбодрил.

Осталось проверить слух и речь, а также способность передвигаться, не держась за стеночки. Для начала стоит одеться, а затем потихоньку слинять отсюда, — закралась вороватая мыслишка. Где же одежда? Надо быстренько отыскать юбку и свитер, какими бы кучами и под какими бы креслами они не валялись.

Отвернув краешек одеяла, я попробовала встать с кровати, стараясь не разбудить Мэла. Вот будет конфуз, если он проснется. В ответ на осторожное шевеление рука Мелёшина еще крепче обвилась около меня. Ну, и как теперь выбираться?

Мэл спал как ни в чем не бывало и досматривал цветные сны. Нащупав его ладонь на своей талии, я начала аккуратно отгибать палец за пальцем. Жутко неудобно лежать боком, и никак не извернешься. Когда в последнем шаге до избавления из неволи остался мизинец, Мелёшин снова плотно обнял меня, притянув, и, мало того, изменил положение, повернувшись на другой бок. Я лежала, боясь посмотреть: спит он или проснулся?

Оглянулась с опаской и встретилась с открытым глазом, смотрящим на меня. Это было то еще зрелище! От страха у меня зашлось сердце, а глаз моргнул, и Мэл отнял от подушки голову, явив помятое лицо со следами складок от наволочки. Чистое, без признаков вчерашнего мордобития.

— Ты как? — спросил хриплым со сна голосом и прокхыкался.

Я пожалала плечами.

— Голова не кружится? — поинтересовался он обеспокоенно.

Для проверки пришлось повертеть ею по сторонам.

— Осторожно! — воскликнул озабоченно Мэл, словно голова была стеклянной и могла разбиться. — Как зрение? Хорошо видишь?

Я кивнула. По крайней мере, Мелёшин виделся четко, с легкой небритостью, взъерошенными волосами и небольшим шрамом над бровью.

— Подожди, я сейчас, — сказал он и отпустил меня для того, чтобы потянуться. — А ты не вставай! — приказал, увидев, что пытаюсь выбраться из постели.

Полежав немного, он сел с краю, спустив ноги. Что и говорить, огромная кровать оказалась великолепной. Одеяло — легкое и теплое, матрас — мягкий и удобный, а подушки так и манили завалиться на них и дрыхнуть без перерыва трое суток.

Мэл произвел какие-то манипуляции у тумбочки и подал стакан, в котором плескалась оранжевая водичка. Со дна поднимались пузырьки от двух быстрорастворяющихся шипучих таблеток.

— Витаминно-минеральный комплекс для ослабленных вис-травмами различной степени тяжести, — пояснил он. — С апельсиновым вкусом. Тебе понравится.

Но я не решилась взять. Вдруг руки не удержат, и оранжевые пятна уляпают одеяло с матрасом? Мелёшин истолковал заминку по-своему.

— Вкусно, — заключил, сделав глоток и облизнув губы.

Потом, видимо, понял, в чем кроется причина нерешительности.

— Давай помогу.

Он помог мне сесть в кровати.

— А сейчас кружится?

Я показала узенькую щелочку меж двумя пальцами. Вложив стакан в мои ладони, Мэл обхватил их своими и осторожно поднес к моему рту. Так мы и пили вдвоем, вернее, Мелёшин поил меня: мелкими глотками с частыми перерывами. Витаминный напиток действительно оказался вкусным.

— Ты должна выпить всё. Организм обезвожен, нужно восполнять потери, — пояснил Мэл, следя, чтобы я не захлебнулась.

Когда стакан опустошился, я откинулась на подушку и потянулась. Водичка обладала чудодейственным эффектом. Мышцы на глазах наливались силой и энергией, натягиваясь как струны и требуя вскочить и запрыгать на пружинном матрасе, чтобы достать до балдахина руками.

— Без меня не вставай, — велел Мэл и направился к неприметной двери, сливавшейся своей идеальной бежевостью со стеной. Зато темная дверь напротив кровати однозначно сигнализировала о выходе из опочивальни во внешний мир.

Пока Мелёшин отсутствовал, в голове начали роиться вопросы, и чем дальше, тем сильнее меня раздирали наплодившиеся непонятности. Чтобы разрешить их и для начала внятно задать, я интенсивно прокашлялась и вздохнула несколько раз полной грудью. Ура, снова могу дышать во весь объем легких!

Наконец Мелёшин, посвежевший и с влажными волосами, появился из-за двери. А я-то какова? Наверное, с запавшими глазами и втянутыми щеками, как скелет.

Мэл подошел к кровати и протянул руку:

— Попробуем встать?

Сев на постели, я прижала в одеяло к груди.

— Эвка, что у тебя такого особенного под ним? — поинтересовался Мелёшин с мягкой иронией.

Я смутилась, а потом ответила:

— Много чего. — Получилось сипло, словно у тяжелопростуженной. — Захочу, еще и в простыню заматаюсь.

— Ты можешь, — улыбнулся Мэл, заставив меня растеряться. — Иди сюда.

Ухватив протянутую ладонь, потянул на себя. Охнув, я встала в полный рост на краешке кровати, а Мелёшин удерживал за талию обеими руками. Подняв голову, смотрел на меня, в то время как я с высоты положения разглядывала его лицо, и в памяти всплывали слова Мэла в машине — уговаривавшие, призывающие услышать. И потом, в тишине ночной комнаты, он тоже говорил. Скупое и немногословное, но достаточно для того, чтобы сейчас мое сердце забилось с перебоями, отгоняя предательскую мысль о том, что сказанное могло оказаться наигранным и неискренним.

Прошедшая ночь стала точкой отсчета других, новых отношений с Мэлом, и пусть пока непонятно, какими они будут, и какие завихрения преподнесет судьба в дальнейшем, я ни на миг не пожалела, что доверилась вчера Мелёшину.

— Ты ниже меня на две головы, — сказала гордо сиплым голосом.

— На одну, — поправил он, улыбаясь.

Оглядев здоровые руки Мелёшина, я провела по щеке там, где вчера красовалась ссадина от кулака Тёмы.

— А где боевые раны?

— Живали рядом с тобой, — ответил Мэл, поймав губами мою ладонь. — А сзади забыла укрыться.

Я почувствовала, как его пальцы поглаживают спину — приятно и расслабляюще. Глаза так и норовят сами собой закрыться. Встряхнув головой, отбросила наваждение.

— Где Аффа? — спросила, чтобы отвлечься. — И Макес?

— Уехали вчера на такси, — сказал Мэл, продолжая гладить. Палец зацепился за застежку и отпустил. Резинка легонько хлестнула меня по спине.

— И-и... — хотела я о чем-то спросить, но тут же забыла, потому что его руки ловко расстегнули крючки и продолжили беспрепятственно рисовать на спине затейливые узоры.

— И строго-настрого велела передать, чтобы ты позвонила при первом удобном случае, — продолжил Мэл, и пока говорил, его руки перебрались со спины вперед, шаря под одеялом.

Меня закачало. Чтобы удержаться на ногах, я вцепилась в плечи Мэла.

— Голова закружилась? — спросил он, и мне показалось, мурлыкнул.

— А...га, — выдавила и, не сдержавшись, выдохнула в голос, когда его пальцы начали обхаживать чувствительные места, поглаживая и сжимая.

— Зачем оно нужно? — спросил Мэл и зубами помог сползти одеялу, лишенному поддержки в виде моих рук. — Только мешает.

А после пришел на помощь своим пальцам, оказав им поддержку ртом.

— Сейчас... упаду, — просипела я, отдавшись во власть пронзительных ощущений, накатывавших крутыми валами. Мэл крепко обхватил меня одной рукой, продолжая процесс, а я не сдерживаясь, отзывалась на ласки, насколько позволяло саднящее горло, и,

прижавшись к Мелёшину, потерялась.

— Еще, — хрипло попросил он, оторвавшись на секунду.

Неожиданно Мэл начал опрокидывать меня назад, и я, испугавшись, что он уронит, крепко прижалась к нему. Однако Мелёшин, придерживая, уложил меня поперек кровати, а сам навис сверху, и, не давая очнуться, начал покрывать поцелуями лицо, шею, плечи, спускаясь ниже.

Блаженство затопило тело, заливая томлением вплоть до кончиков пальцев, шарящих по спине Мэла. Какое расстройство, что он не снял рубашку! Мне хотелось почувствовать ладонями жар его кожи, почувствовать её вкус на языке. Довольствуясь тем, что имеется, я захватила его губы, с восторгом ощущая ответный отклик.

— Да, Эвочка, — пробормотал над ухом Мэл, учащенно дыша, и куснул мочку уха. — Каждую ночь... и каждое утро... — поцеловал ямку между ключицами, — с тобой и... о тебе... — впился в шею, болезненно прикусив, и я вздрогнула отпряно-горького ощущения.

— Да-а, — сипло застонала, откинув голову, и вдруг напряглась, поняв, что его рука отодвинула ткань трусиков и пустилась дальше.

— Ш-ш-ш, не сделаю больно, — уверил срывающимся шепотом Мэл, и одним, а затем и вторым пальцем подтвердил деликатность намерений.

Подобных ощущений я прежде не испытывала. Чувствуя скользкие плавные движения, задышалась, но не от нехватки воздуха, а от мучительного удовольствия, которое нарастало, сворачиваясь в тугую пружину, и без стеснения позволила Мэлу продолжать.

— Громче! — выдохнул он на ухо, наваливаясь и двигая рукой, а я послушно следовала в такт ей, приподнимаясь.

Сладостное ощущение увеличивалось, словно снежный ком, грозя обвалиться и погresti под собою. Сердце неистово стучало в груди, реальность размазывалась перед глазами, а ладони нетерпеливо подгоняли Мэла, надавливая на его спину.

— Сейчас, Эвочка, — сказал сдавленно Мэл, и до меня дошло, что он расстегивал пуговицы и молнию на брюках.

Что-то у него не получалось, и он выругался, в то время как я захныкала от разочарования и попыталась притянуть его к себе, обхватив ногами.

— Гадство, — пробормотал Мэл, сражаясь с замком. — Погоди...

Вдруг в темную дверь забарабанили, и снаружи раздался громкий мужской голос с нотками веселья:

— Жорка, твои сладострастные стоны перебудили весь дом. Гостья не успела толком прийти в себя от вчерашнего потрясения, а ты приготовил ей следующее.

От неожиданности Мэл, а следом и я, продравшись через туман вожделения, — замерли как дети, пойманные за постыдным занятием.

— У вас пять минут, — продолжил незнакомец за дверью. — После чего зайду, произведу краткий осмотр и жду в столовой на завтрак. Слышишь, Жорка?

— Слышу! — крикнул раздосадовано Мэл. Вдохнул, приводя пульс в норму, и, перекатившись на спину, улегся рядом со мной. — Черт! — ударил кулаком по кровати.

От стыда, что, возможно, нас застукал не кто иной, как хозяин опочивальни, он же спаситель Севолод, он же дядя Мэла по совместительству, я закрыла горящее лицо руками, но, вспомнив, с каким видом Мэл воевал с ширинкой брюк, прыснула, а потом и вовсе засмеялась.

В самый ответственный момент сбруя подвела хозяина, и бегунок переключило на

Я насмеялась вдоволь, до икоты, а Мэл, облокотившись, разглядывал меня со сдержанной улыбкой.

— У тебя красивый смех, — сказал проникновенно, и меня обдало жаром. — Ямочки тут и тут, — показал на щеки.

— Спасибо, — растерялась я от комплимента, заставшего врасплох.

Мне редко расточали похвалы, а если и говорили, то я относила их не к разряду комплиментов, а к дружеской лестии. Однако восхищение во взгляде Мэла придало смелости. Притянув за шею, поцеловала его — откровенно, вызывающе, и почувствовала мгновенный отзыв. Оторвалась от губ, а Мэл по инерции дернулся следом и разочарованно вздохнул.

— Спасибо, — сказала я с интонациями роковой дивы. Правда, у этой дивы голос оказался страшно прокуренным. — Значит, ты Жорка?

— А-а, Севолоду можно всё, — махнул он рукой. — Но тебе стоит набросить что-нибудь, пока не принесут одежду.

— А где она? — забеспокоилась я. Вдруг вещички выбросили, посчитав неподходящими для изысканной обстановки, или успели извести на половые тряпки?

— Почистят и вернут. Обычное дело, не волнуйся.

Не припомню, когда успела увазюкаться. Смущаясь под взглядом Мэла, я застегнула на спине крюпочки и натянула на себя одеяло.

— А твой дядя действительно врач?

— Действительно.

— Значит, мы у него дома? Неудобно стеснять человека.

— Только ты могла подумать о неудобствах в шаге от необратимых последствий, — заметил Мэл, а мой нос высокомерно задрался в ответ. — Не бери в голову.

Тут я вспомнила и спросила, хотя вопрос прозвучал с опозданием:

— Как твои руки? Отдача оказалась тяжелой?

— Значит, ты помнишь? — отвел он глаза в сторону.

— Отрывочно, — ответила поспешно. — Очень мало. В голове всё смешалось.

— Севолод снял реакцию, ну, и подшлифовал лицо.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату пружинистым шагом вошел темноволосый мужчина с небольшим чемоданчиком.

— Доброе утро, — поприветствовал, закатывая рукава рубашки. — Как самочувствие?

Вошедший говорил красивым зычным голосом с рокошущими нотками. Я прокашлялась, чтобы поздороваться, но вместо меня ответил Мэл.

— Неплохо, — сказал, поднявшись с кровати. Засунул руки в карманы брюк и встал рядом с мужчиной.

— Вижу, — сверкнул тот белозубой улыбкой и представился, шутливо стукнув племянника по плечу: — Севолод, родственник этого поросенка.

Дядя Мэла ушел за бежевую дверь и вернулся, вытирая руки полотенцем. У Севолода была подтянутая спортивная фигура, упакованная просто, но элегантно — в светлую рубашку и темные брюки. Между ним и Мэлом имелось сходство, но с первого взгляда я не смогла определить, какое.

— Это Эва, — молвил Мелёшин. — Моя... однокурсница.

— Основные моменты мне ясны, — кивнул Севолод. — Но я хочу услышать твою гостью.

— У нее не полностью отошел голос, — опять вставил Мэл.

— Сейчас мы это выясним. Эва, придвиньтесь ближе.

Выполняя просьбу, я переползла по кровати и села с краю. Мужчина аккуратно сложил полотенце на столике и добавил:

— Опустите одеяло пониже.

Я замешкалась.

— Прежде всего, воспринимайте меня как врача, — сказал Севолод. — Представьте, что вы пришли на прием.

Я в растерянности взглянула на парня, и он утвердительно кивнул, но нахмурился.

Дядя-врач профессионально прослушал легкие, бронхи и сердцебиение с помощью какой-то воронки, нацепил на голову резинку с зеркальным кругом и проверил зрение. Постучал по рукам и ногам, заглянул в уши, горло и нос, замерил пульс и давление, словом, совершил процедуры, аналогичные осмотрам у Альрика. Я же забыла о визите к профессору!

Заметив машинальный порыв, Севолод спросил:

— Вам дискомфортно? Что-нибудь болит?

— Ничего не болит. Вспомнила о вчерашних неудавшихся планах.

— Что поделаешь, — заметил философски мужчина. — Помните, нет ничего важнее здоровья. Поскольку основные двигательные и осязательные функции вы с Жориком успели испытать при пробуждении, — при этих словах я смешалась, а Мэл уделил повышенное внимание стене, — то проверим чувствительность к перепаду температур. Сообщайте о своих ощущениях.

На руках Севолода, оголенных до локтей, наличествовала повышенная волосатость, даже на тыльной стороне ладоней росли островки черных вьющихся волосков. Я слышала от девчонок, что парни с богатой порослью на груди и конечностях считаются неутомимыми любителями женского пола, и поймала себя на том, что ни разу не видела рук Мелёшина выше запястий. В институте он ходил в свитерах и джемперах, а сейчас на нем была рубашка с длинными рукавами.

Дядя Мэла взял мою ладонь и начал ощупывать руку, взбираясь к плечу. Поначалу не чувствовалось ничего необычного, кроме щекотки, о чем я не замедлила упомянуть и почесаться. Однако дойдя до локтя, пальцы мужчины стали вдруг ледяными, и при каждом касании кожу покалывало морозными иголочками.

— Х-холодно.

— Хорошо. Дальше.

Когда пальцы Севолода добрались до плеча, ледяные уколы сменились горячими каплями, и я, зашипев, сбросила его руку.

— Неплохо, — заключил он. Мэл наблюдал с тревогой за тестированием.

Аналогичным образом Севолод проверил остальные конечности, резко меняя температурную полярность пальцев. Когда он добрался до пятки, я сишло захихикала и попыталась выдернуть ногу. Мэл расслабился и тоже посмеивался.

— У меня имелись опасения, что восстановление чувствительности эпидермиса к перепадам температуры займет несколько дней. Результаты радуют, — сказал мужчина, распрямляясь. — Присутствует легкая простуженность в виде фарингита, но в свете того, что вы могли заработать двухстороннюю пневмонию, данный диагноз следует воспринимать

радужно.

Легко отделалась — согласилась я молчаливо. Последствия могли оказаться несоизмеримо тяжелее, не окажись у Мэла волшебного дяди-доктора в родственниках, или друга Макеса, гнавшего машину на звуковой скорости, или не сообразил Мелёшин поддерживать мой угасающий организм "горячим" заклинанием — болезненным, но результативным.

Взяв полотенце со столика, Севолод опять скрылся за бежевой дверью и возвратился, на ходу разворачивая рукава рубашки и застегивая манжеты.

— Выпишу сироп для восстановления ослабленного организма. Состав концентрированный, его следует разводить водой. Кроме того, добавлю в список препараты для лечения фарингита. Рекомендую побережеться, чтобы воспаление не спустилось в бронхи.

— Спасибо, — хрипло поблагодарила я своего спасителя и замоталась в одеяло.

Всем известно, что устранение последствий заклинаний отнимает много времени, сил и средств, однако за деньги и при наличии нужных связей можно снять негативные явления в кратчайшие сроки. Заплатил — и на следующий день приступай к повседневным делам со здоровым румянцем. Если с наличием туговато, остается воспользоваться бесплатным лечением по социальной программе, и неизвестно, что перевесит: выздоровление, инвалидность или смерть на больничной койке. Так что личный доктор, совершивший чудо за одну ночь, стал для меня манной небесной. Отсюда напрашивался вывод: дядя Мэла — прекрасный специалист, востребованный в суровой жизни, изобилующей вис-травмами, и зарабатывает достаточно, о чем говорит небедная обстановка спальни.

— Пожалуйста, — ответил мужчина. — В свою очередь хочу поинтересоваться о ваших дальнейших намерениях.

— О каких?

— Я сам поговорю с Эвой, — вклинился помрачневший Мэл.

— Почему не сделал раньше? — развернулся Севолод к племяннику.

— Собирался, но не успел, — ответил тот с вызовом.

— Как же я мог позабыть, что тебе недосуг? — заметил мужчина с веселой укоризной. — Ты ведь был продуктивно занят с утра. Или непродуктивно?

Мне захотелось уткнуться пылающими щеками в одеяло, и желание немедленно реализовалось.

— Поясню вместо забывчивого Жорика, — продолжил мужчина. — Рассматривайте вчерашнее происшествие не как шалость, а как серьезную провинность человека, преступившего закон, — при этих словах Мэл опустил взгляд на ковер. — Вы вправе подать жалобу в отделение о непреднамеренном нападении с использованием вис-волн и причинении тяжких телесных повреждений. Вам должен быть известен порядок. Помните, кодекс о преступлениях начинают изучать еще в школе.

— Знаю и не буду жаловаться, — сказала я хрипло.

— Ваши заверения не могут не радовать, хотя считаю, такому разгильдяю как Жорка, не мешало бы немножко укоротить хвост для профилактики.

Я видела, что Мелёшин нервно кусал щеку изнутри, потупив взор. Меня покоробили слова его родственника о необходимости возмездия за совершенный проступок. В конце концов, Мэл не виноват, что именно мне выпало судьбой принять заклинание, о чем и сказала мужчине.

— Мой племянник польщен тем, что в его защиту выступила прелестная девушка,

пострадавшая от его же рук, — сказал Севолод. — Но случившееся не избавляет от ответственности, не так ли, Жорик?

— Дядя прав, — подтвердил смиренно Мэл. — Вчера я не сдержался, хотя был обязан. Если не ты, пострадал бы кто-нибудь другой, поэтому наказание будет заслуженным.

— Не собираюсь подавать жалобу, — подтвердила я упрямо, и Мэл бросил на меня быстрый взгляд, в то время как его дядя о чем-то раздумывал, разминая ладони.

— Возможно, вы рассчитываете получить некую сумму, которая компенсирует затраты на лечение и восстановление здоровья?

— Ничего не рассчитываю, — просипела. — Я на консультацию опаздываю, а в пятницу следующий экзамен.

Севолод продолжал гнуть своё:

— Может, вас устроит иной способ возмещения ущерба? Поделитесь вариантами, и мы обсудим их в узком кругу.

— Не приставай. Видишь же, она отказалась, — вставил грубо Мэл.

— Возможно, завтра Эва хорошенько поразмыслит и придет к другому мнению, — сказал мужчина. — А ты, Жорик, не забудь о своем обещании.

— Помню, — ответил агрессивно Мелёшин.

Севолод посмотрел на него как на неразумное дитя и сменил тему разговора, обратившись ко мне:

— За дверью ванная, можете принять душ и освежиться. Увидимся за завтраком.

Взяв чемоданчик и обменявшись взглядами с племянником, он вышел из спальни. Мы остались с Мэлом, и в комнате повисло молчание.

— Эва...

— Мэл... — сказали мы синхронно. Он опустил передо мной на корточки.

— Подумай хорошенько, Эва. У тебя есть выбор и время, чтобы его сделать, — сказал Мелёшин, глядя в глаза. — Я готов ответить за содеянное.

— Что прилип как пиявка? Выбор уже сделан, — поджала я губы. — Складывается впечатление, что ты специально убеждаешь меня в обратном.

— Не хочу давить. Хочу, чтобы ты не пожалела о своих словах.

— Не пожалею. И всё равно принуждаешь и портишь настроение с утра.

На лице Мэла промелькнула слабая улыбка.

— Пойдешь в душ?

— Пойду, — огрызнулась и отвернулась к окну.

— Тебе помочь? — спросил мягко Мелёшин.

— Сама дойду, — ответила я, не оборачиваясь, да еще губы надула.

— Хорошо, — согласился он, и у меня вырвался огорченный вздох. Думала, начнет уговаривать, а я поломаюсь и повредничаю. — Подожду снаружи.

Мэл направился к выходу.

— Что ты пообещал Севолоду?

Он взялся за ручку двери и замер.

— Рассказать обо всем отцу. Без утайки, — ответил бесстрастно, не оборачиваясь, но по напряжению, с которым Мелёшин сжимал ручку, у меня мелькнуло подозрение, что предстоял нелегкий разговор. Судя по всему, высокопоставленный родитель держал сына в ежовых рукавицах.

— Наверное, твой папаня крут на расправу.

— Крут, — ответил коротко Мэл и вышел. Я осталась одна.

Встала, ухватившись за прикроватный столб, тускло поблескивающий темной лакировкой, и оглядела комнату под другим углом.

Спальня, оформленная в сдержанных тонах, дышала элегантной роскошью. Консервативный интерьер был подобран со вкусом, без лишних предметов мебели, загромождающих помещение. На полу лежал мягкий бежевый ковер с коротким ворсом.

Подойдя к окну и волоча за собой одеяло, я выглянула на улицу. Внизу распростерлась огромная прозрачная полусфера, состоящая из многогранных сегментов, а под ней переливалось нечто небесно-голубое, разбавленное изумрудными красками. Меня не сразу озарила догадка, что под сегментным куполом плескался огромный бассейн в окружении зеленой растительности. Маленькие человечки рассекали водную поверхность и лежали в шезлонгах, выставляя напоказ телеса в купальниках и плавках. Диковинное сооружение смотрелось необычно посреди заснеженного пространства, в окружении высотных зданий.

Позади стукнула дверь, и я обернулась, чтобы высказать Мэлу недовольство его нетерпением. Вошедшим оказался не Мелёшин, а девушка в прямой черной юбке по колено и белой блузке с рукавами-фонариками.

— Здравствуйте, меня зовут Светлана, — сказала заученно и сложила стопку на кровать. — Вот ваши вещи. Если что-нибудь понадобится, обращайтесь, — и замерла, ожидая указаний.

— Спасибо, ничего не нужно, — ответила я сипло.

Девушка окинула меня любопытствующим взглядом и вышла.

Путаясь в одеяльном шлейфе, я доплелась до кровати и перебрала приятно пахнущую одежду. Заметив знакомый зелено-грязный цвет, бросила одеяло на постель и, прижав вещи к груди, юркнула за бежевую дверь.

Ванная комната, совмещенная с туалетом, дублировала спальню цветом и идеальной чистотой поверхностей. Рядом с душевой на необычных декоративных крючках висели полотенца. Я выбрала красное, похожее на моё, оставшееся в общежитии. Оставив одежду на узком столике, залезла в душевую кабину и пожалела, что не сделала выбор в пользу ванны. Душевая походила на самолет с множеством непонятных кнопок и рычажков на панели.

Вдохнув поглубже, решительно повернула краник со значком "волна". В спину подуло прохладным воздухом, и я поспешила вернуть краник в прежнее положение. Подумав, выбрала другой краник со значком "капля", теперь уж точно не промахнусь. Сверху обрушился поток ледяной воды. От неожиданности я взвизгнула и забилась в дальний край душевой, дрожа от холода и потрясения. В горле засадило от звуковой перегрузки.

— Что случилось? — послышался обеспокоенный возглас, и рифленые стенки кабины показали искаженный силуэт Мэла, влетевшего в ванную. — Эва, ты ударилась? Ответь! — застучал он по пластику.

— Н-нет, — ответила я, клацая зубами. Пробравшись боком вдоль стеночки, просунула нос через щелку в дверце.

— У тебя синие губы! — испугался Мэл. — Ведь знал же, что не стоило оставлять тебя одну. Вылезай!

— Д-дай полот-тенце, — протянула руку.

Конечно же, Мэл стянул с крючка самую большую махровую простыню. Закутавшись в нее с головой, я вывалилась из душевой кабинки.

— Ты вся дрожишь, — обнял он меня. — Что случилось?

— В-вода х-холодная, — пояснила я, заикаясь.

Мэл согревал до тех пор, пока меня не перестало колотить. Я могла простоять вечность, пригревшись в кольце его рук, и ноги не отвалились бы от усталости.

— Наверное, Севолод заждался. Сидит и ругается.

— Ни разу не слышал, чтобы он бранился, — хмыкнул Мелёшин.

Подняв голову, я встретила с его глазами. Сейчас поцелует, — мелькнула мысль. А если не сделает этого, то сделаю я. Стлотнула, и горло отозвалось болью. Вот и проявились первые признаки обострения болезни.

Мэл уже потянулся, уже наклонил голову, когда я спросила:

— У вас в душе возможно вымыться?

— То есть? — отвлекся он.

— Меня то ветрилой с ног сдувает, то леденущей водой окатывает.

На лице Мэла расцвела ухмылка и тут же погасла под гневным взглядом. Отодвинув дверцу душевой, он потрогал бьющие сверху струи и покачал головой. Сунул руку и, дотянувшись до панели, повернул краник, не побоявшись, что сверху хлещет ледяная вода, и что рубашка намокла.

— Эвка, ну, ты даешь, — сказал с укоризной и завернул мокрый рукав. — Давай объясню.

Мэл показывал, для чего предназначены разные кнопки и рычажки, а я смотрела на смуглую руку с черными короткими волосками, напрягшимися мышцами и линией выступивших вен, и вспомнила совместное пробуждение. Чтобы скрыть смущение, сказала сварливо:

— Ладно, понятно. Иди, — и начала подталкивать лектора к выходу.

— Ну, уж нет. Подожду здесь, — выдал Мэл.

— Где "здесь"? — изумилась я.

Вместо объяснения он опустил бежевую крышку бежевого унитаза и уселся на нее.

— Неудобно, наверное, — растерялась я. — Ноги затекут.

— Вполне, — заверил Мэл. — Поспешите, а то слышу дядины шаги на лестнице.

Я метнулась в душевую кабину. Второй заход получился удачным: организм понежился под массирующими струями теплой воды вкупе с фруктовым ароматом мыльной пены. При правильном подходе душевая оказалась совершенством инженерной мысли, если учесть, что в голове не отложилось назначение половины кнопок и рычажков. У меня получилось высушить себя и кабинку. Чтобы завернуться, я просунула руку за полотенцем и не обнаружила его на полу — там, где бросила.

— Мэл! Дай, пожалуйста, полотенце!

— Зачем надрываешь горло? Голос совсем сядет, — ответил он неожиданно близко, за дверцей. — Высохла? Буду подавать вещи, а ты одевайся.

Я открыла рот, чтобы поблагодарить, но тут меня осенило, что поначалу в ход пойдет нижнее белье.

— Я сама! — потребовала, но запоздало. В узкой щели показался первый предмет.

— Не сомневался, что носишь с мишками и зайчиками.

Представив ухмылку Мэла, я сказала сердито:

— Вообще-то это горошек.

— Странная форма для горошка.

— Хорошо. Если тебя беспокоит, то это сложные фигуры, и я люблю геометрию, а не

лопоухих и мохнатых, — ответила сварливо.

— Похвально, — за дверцей послышался смешок, и рука протянула следующий элемент одежды. — Приятно сознавать, что моя де... что у тебя не кисель в голове.

Я выхватила, ядовито просипев:

— Помнится, кто-то говорил, что у меня всего одна извилина.

— Да, так и сказал: одна, зато прямая и... упругая.

Шутничок выискался. Высунув руку за дверцу, я нетерпеливо пощелкала пальцами:

— Дальше!

Облачившись в привычную одежду, вздохнула с облегчением и показалась на глаза Мэлу. Оглядев меня, он протянул руку:

— Пошли.

За время отсутствия кровать в спальне кто-то застелил, укрыв атласным бежевым покрывалом. У выхода замерли в ожидании сапожки. Мне показалось кощунством утаптывание ковра уличной обувью, но Мэл разгуливал по комнате в ботинках, и я, последовав его примеру, обулась.

— Проголодалась?

Я прислушалась к себе, и в животе слабо буркнуло.

— Не особо. Аппетита нет.

— Будем нагуливать, — сказал Мэл. Повернул ручку двери, и мы отправились на завтрак с заждавшимся Севолодом.

В коридоре — бледно-розовые стены, темные двери. В промежутках — картины и гравюры, колонные выступы с необычными профилями и декоративные элементы, притягивающие взгляд. Взять тот же угловой столик на радиусной подпорке, изъеденной сырными дырками.

Своеобразные конструкции впечатляли. Похоже, хозяевам нравилось экспериментировать с сочетаемостью несочетаемых форм.

— Твой дядя оригинальный дизайнер, — заметила я, любуясь винтовой лестницей с консольными ступенями в виде черно-белых клавиш и перилами из металлического кружева.

— Это тетушка самовыражается, — пояснил Мэл неохотно.

— У нее нестандартное видение. Воплощает в жизнь специфические идеи.

— Ничего необычного. Открываешь каталог модных интерьеров, тыкаешь пальцем, исходя из настроения, и через день начинается ремонт, — пожал он плечами.

На повороте мы столкнулись с детьми лет семи — десяти: мальчиком и девочкой, внешне очень похожими друг на друга. Девочка — в строгом платье с ажурным белоснежным воротничком, а мальчик щеголял в жилетке и с бабочкой.

— Привет, Мэл, — поздоровался мальчик с Мелёшиным, а мне важно кивнул. Девочка присела в легком книксене.

— Привет, Саша, привет, Даша, — отозвался Мэл. — Налопались?

— Покушали, — вежливо подтвердила девочка.

— Куда чешете?

— Поедем в учебный центр, — ответил мальчик солидно. Ни дать, ни взять, уменьшенная копия высокого начальника.

— Носы не обморозьте, — посоветовал Мелёшин и потянул меня по лестнице вниз. — Мы торопимся. Где отец?

— В столовой, — пояснила девочка. — До свидания, — воспитанно обратилась ко мне.

— Пока, — попрощалась я хрипло, и мы расстались с чудесными вежливыми детками. Спустились на этаж ниже, и глазам явился другой коридор, развернувшийся перпендикулярно верхнему.

— Что за херувимы? — спросила я у Мэла.

— Близнецы. Младшие Севолода.

— Не похожи на него. Светленькие.

— В тетушку, — ответил он кратко, пока мы шли мимо закрытых дверей.

Ограниченность пространства начала угнетать. Кроме того, я занервничала, предположив, что в жилище кроме Севолода могла толпиться куча родственников, не считая тетушки с множеством разновозрастных детишек. И Мелёшин был частью этого скопища. Возможно, орава родственников, собравшихся в столовой, будет пристально разглядывать меня, наводя лорнеты, и обсуждать в полный голос, обсасывая найденные изъяны и недостатки. От нерадостной перспективы ноги почему-то начали тормозить, а настроение — портиться.

— И сколько этажей в королевстве? — спросила я недовольно. — Запросто можно заблудиться.

— Два, — сказал Мэл, распахивая широкую дверь и пропуская вперед. — Проходи.

На всякий случай я задрала подбородок, чтобы с достоинством вплыть в неизвестность. Первыми на глаза попались две люстры, каждая в виде стопки криво испеченных блинов, и множество мелких светильников вокруг. Взгляд проехал вниз по металлизированным серым стенам с бронзовыми вкраплениями и остановился на столе, за которым сидели Севолод и темноволосый парень примерно одного возраста с Мелёшиным. Иных лиц, пожелавших устроить ажиотаж ради знакомства со мной, не наблюдалось.

Мэл потянул меня к овальному столу с расставленными вокруг стульями из плетеной металлической сетки. Наверное, на них неудобно и больно сидеть. Неужто людям нравится издеваться над собой во славу модного дизайна?

Мелёшин думал иначе, потому что отодвинул передо мной стул и посмотрел вопросительно. Усевшись с осторожностью, я поелозила на сиденье. Как ни странно, конструкция оказалась удобной и комфортной.

Незнакомый парень, развалившись на своем месте, с большим вниманием наблюдал за рассаживанием. Получилось так, что он сидел напротив меня на краю стола. Севолод помешивал ложечкой в чашке.

— Поздновато для завтрака, — заметил и посоветовал мне: — Налегайте на питательную пищу, богатую жирами и белками.

— Хорошо, — кивнула я и уставилась в скатерть.

Стол был сервирован по высшему разряду — столовые приборы, хрусталь и фарфор. Передо мной стояла расписная чашка с полупрозрачными тонкими стенками.

— Поздравляю, — протянул парень глухим голосом с хрипотцой, обращаясь к Мелёшину. — Хотя разочарован. Рассчитывал посмотреть, как тебя выведут в наручниках, захлебывающегося слезами раскаяния. Получилось бы зрелищно, родственничек.

— Я тебе не родственничек, — отрезал Мэл.

— Егор! — осадил непонятно почему Севолод, нахмурившись.

— Удивительное невезение, — продолжил парень. — Тебе снова удалось выкрутиться, не мытьем, так катаньем.

Вместо ответа Мелёшин начал намазывать на булочку сливочное масло. Опустив глаза, я следила за движениями ножа, порхающего над масленкой.

— Стало быть, ты уговорил девушку не подавать жалобу, — не унимался парень. — Интересно, сколько раз пришлось спрашивать: два или три? Как обычно: в кровати, в душе и на столе?

— Заткнись, — процедил Мэл, отвлекшись от процесса намазывания.

— Вадим, Егор! — одернул Севолод, повысив голос. — Следите за языками.

Мои уши загорели. Потупив глаза, я не решалась поднять их, боясь встретиться с саркастической насмешкой парня и со сдержанно-снисходительным взглядом дяди Мэла. Мне казалось, все обитатели двухуровневого жилища были прекрасно осведомлены об утреннем пробуждении в спальне.

— В ваше отсутствие омлет успел остыть, — заметил Севолод и сделал неуловимый взмах рукой.

— Омлет не просто остыл, — ослабил парень. — Он заиндевел, дожидаясь. Видно, ты старался изо всех сил, выкладываясь по полной программе. Выглядишь утомленным, братец.

Мэл швырнул намазанную булочку на блюдо.

— Я тебе не братец, — сказал агрессивно. — Эва, ешь.

— Егор! Вадим! — мужчина для острастки хлопнул ладонью по столу.

Мэл взялся за вторую булочку, остервенело покрывая ее толстым слоем масла. Я чувствовала себя оплеванной.

Судя по всему, парни недолго любили друг друга, и их грызня считалась обычным делом. Однако сегодня Мелёшин не поддавался на провокации и вяло пикировался в ответ на похабные и оскорбительные слова, возможно, из-за нежелания выносить сор из избы в присутствии постороннего, коим являлась я, или сдерживался из уважения к хозяину, оказавшему бесценную помощь. Или в едких выпадах Вадима присутствовала доля правды, на которую нечем возразить.

Видя, что его не послушались, Мелёшин дернул ко мне блюдо с выпечкой.

— Сок будешь? — спросил раздраженно, словно я была виновата в конфронтации с Вадимом.

— Нет, — ответила, тоже раздражаясь.

В столовую вошла незнакомая девушка с подносом, одетая так же, как и Светлана, что принесла мои вещи в спальню. Девушка водрузила поднос на углу стола и поставила перед Мэлом и мной тарелочки с омлетом, от которого шел парок.

— Здравствуйте, — сказала я.

Она растянула губы в вежливой улыбке, а Вадим криво ухмыльнулся.

— Это горничная, если кто из присутствующих не в курсе, — просветил, конечно же, меня, давая понять, что обслуживающий персонал не относится к тем, на кого следует обращать внимание.

— Ну и что? — я пренебрежительно пожала плечами. Возьму и перездороваюсь со всеми горничными этого дворца назло снобу, сидящему напротив.

Вадим скривился, а Мэл принялся за омлет, забросив вторую руку на спинку моего стула.

— Желаете что-нибудь выпить? Чай, кофе? — спросила девушка.

— Чай, пожалуйста, — попросила я.

Моя чашка наполнилась ароматным дымящимся напитком. В это время Вадим наклонился вперед и погладил ногу девушки незаметно от присутствующих. Точнее, сделал скрытно от Севолода и Мэла, я же со своего места отлично разглядела движение парня. Вадим знал, что я видела, и, наблюдая за моей реакцией, направил руку вверх по ноге горничной, забрался под юбку и начал шарить. Девушка слабо вздрогнула, однако не подала виду. Поставив чайник, взяла чашку Мэла.

— Кофе со сливками, — обронил он, постукивая пальцами по спинке стула.

Горничная наполнила твердой рукой чашку, не пролив ни капли.

— Сахар? — просила бесстрастно, пока Вадим развлекался.

— Три кусочка, — сказал Мэл. — Эва, попробуй омлет.

Девушка невозмутимо собрала использованную посуду, составив её на поднос, а Вадим вытащил руку и демонстративно вытер о ткань юбки, сально ухмыльнувшись. Мне стало противно и мерзко. Затошнило от запаха булочек с маслом, от омлета, от чая.

Мелёшин поглощал завтрак, игнорируя присутствие раздражителя в виде Вадима, и делал вид, что того не существует на белом свете.

— Среднестатистические висоратки высокого мнения о себе, — сказал парень, сложив руки на груди и поглядывая на меня. — Они считают, что достойны большего, хотя не представляют собой ничего особенного, кроме избалованности и детских капризов. Куда

вольготнее общаться с обычными девушками без дефенсоров. Они знают, чего хотят от жизни, их преданность читается в глазах и в мыслях.

— Вадим, если узнаю, что путаешься с горничными, уволю их, — предупредил Севолод, отставляя опустевшую чашку в сторону. — Пожалей девушек.

— Уж и пофилософствовать нельзя, — подсадовал парень. — Ладно, пора отчаливать. Скучно с вами, а репетиция не ждет. Бывай, родственничек.

Мэл пропустил мимо ушей прощальные слова, уткнувшись в свой кофе, и Вадим вышел из столовой вслед за горничной.

Я чуть не возмутилась вслух, вникнув в странную логику дядюшки Мэла, пригрозившего уволить любую из несчастных девушек, если парень вздумает домогаться. Мне было понятно молчание горничной, пока Вадим лапал её в столовой. Девушка боялась потерять работу, не угодив хозяйскому родственнику, ведь непросто устроиться на новое место с подмоченной характеристикой. Парень лип к бедняжке практически прилюдно, а ей оставалось терпеливо сносить приставания и держать язык за зубами. Возможно, Вадим не обошел вниманием других горничных.

Подумав, что своим возмущением могу осложнить жизнь работающих в доме девушек, я с ненавистью посмотрела вслед ушедшему виновнику их бед, и тут меня потрясла очевидная мысль — Севолод знал! Как глава обеспеченной висоратской семьи, в которой практиковался найм невидящих в качестве прислуги, он не мог не знать о похождениях парня, потому что без защиты дефенсоров жизнь невидящих видна как на ладони.

— Эва, постарайтесь что-нибудь съесть, несмотря на отсутствие аппетита, — напомнил мужчина. — Сливочное масло снимет раздражение в воспаленном горле.

— Хорошо, — согласилась я вяло, откусив от щедро намазанной булочки.

Теперь дядя Мэла виделся мне в новом, цинично-лицемерном свете. Уважение к врачебному профессионализму Севолода померкло на фоне неожиданного открытия и разочарования им как личностью.

— Вот список лекарственных средств, — мужчина протянул листочек. — При имеющихся благоприятных результатах поберегите себя во избежание неожиданностей. Бывает так, что видимое улучшение вскорости оборачивается тяжелейшими осложнениями. Прислушайтесь к своему организму. Желательно обратиться в медпункт института, чтобы вас некоторое время понаблюдали амбулаторно.

Всенепреренно. Кларисса Марковна прослезится от счастья, увидев меня, а когда узнает о пожелании Севолода, придет в неопиcуемый восторг.

У Мэла зазвонил телефон, и, отложив нож с доброй порцией повидла на лезвии, он ответил на вызов.

— Да, это я... В порядке... Сейчас ответит. — Протянул мне телефон. — Это Аффа. Готова покалечить меня на расстоянии. Если тебя стесняет, можешь поговорить в гостиной, она напротив. Хочешь, провожу?

Я замахала рукой, мол, не ребенок, сама найду, и выскочила с телефоном в коридор.

— Аффа, привет, — сказала на ходу, открывая дверь в гостиную.

— Привет! — закричала на том конце девушка. — Точно шибану Мелёшина чем-нибудь по голове! Он передал, чтобы ты позвонила?

— Передал, — подтвердила я, усевшись на широкий подоконник в окружении узорных штор. — Было некогда.

— Как самочувствие? Вчера я согласилась уехать в общагу после того, как Мэл

пообещал вернуть тебя здоровой и невредимой. Слушай, ты заметила, какие хоромы у Мелёшинского дядьки? А почему голос охрипший?

Словесный поток дезориентировал меня, и я не сразу осмыслила заданные вопросы.

— Со мной все в порядке. Севолод оказался отличным специалистом. Это фарингит.

— Значит, скоро приедешь? — несколько разочарованно спросила Аффа. — А Мелёшин теперь носит тебя на руках? В машине он так сладко пел — заслушаться можно. Помнишь?

— Нет, не помню, — промямлила я и посмотрела на покрасневшее отражение в стекле, а потом перевела взгляд на соседние небоскребы. — Хожу своими ногами. Спрошу, подбросит ли до института. Если не захочет, поеду на автобусе.

— С ума сошла? — закричала девушка. — Ну, кто тебя родил такую простую? Скажи Мелёшину: "Ах, я слаба телом, вези меня до общежития и донеси на руках". И будь увереннее. Он должен пылинки с тебя сдувать!

Ничего себе, слаба телом, — вспомнила я активное времяпровождение в спальне.

— Ладно, Аф, как приеду, поговорим. Спасибо за беспокойство, — поблагодарила я девушку. Ведь она тоже приняла весомое участие в моей судьбе, ушибленной двойным заклинанием.

— Какое "спасибо"? — возмутилась Аффа. — Я виновата в том, что потащила тебя в клуб, хотя не следовало. Не зря ты рьяно отказывалась. Мне не следовало настаивать, но почему-то интуиция на этот раз подвела. Думала, получится особенный вечер, а вышло безобразие с рукоприкладством. У Мэла, наверное, физиономия опухла.

— Держи карман шире. Дядя полночи делал косметические маски и прикладывал огурчики на его фингалы.

— Правда, что ли? — удивилась соседка, а потом рассмеялась, поняв шутку. — Ладно, увидимся. Будь смелее, не позволяй Мэлу управлять тобой.

Хороший совет, но пока не получается. Вернее, не очень-то сопротивляюсь.

Разговор с Аффой взбодрил и поднял настроение, упавшее после общения в неприятной компании Вадима. Вскочив с подоконника, я оглядела очередной стерильно-шаблонный дизайнерский шедевр. Хоть сейчас фотографируй гостиную и выкладывай на развороте глянцевого журнала.

На стене, рядом с высоким фикусом, висела картина с изображенными на ней членами семьи Севолода. Полотно смотрелось чопорно и консервативно в массивной золоченой раме. В центре холста сидела в высоком кресле ослепительно красивая белокурая женщина. Или она действительно была молода, или художник приукрасил реальность, но женщина выглядела свежо, благоухая очарованием юности. По бокам от красавицы стояли Севолод и Вадим, оба в костюмах и при бабочках. В ногах женщины на маленьких скамеечках сидели дети, встретившиеся мне на винтовой лестнице.

Рассудив логически, я пришла к выводу, что в центре картины главенствовала тетушка Мэла. Стало быть, Вадим оказался старшим сыном Севолода и по совместительству кузеном Мелёшина.

Что ж, висоратская семейка получилась на славу с запечатленными в веках аристократическими лицами. Одни драгоценности тетушки чего стоили: каждый камешек тройного ожерелья на лебединой шее масляной красавицы был тщательно прорисован и наверняка сверкал не хуже оригинала.

Снова приглядевшись к Севолоду, я не могла отделаться от впечатления, что на меня с картины смотрел повзрослевший Мэл. Неуловимое и необъяснимое сходство заключалось не

в одинаковом расстоянии от крыльев носа до мочек ушей и не в высоте породистого лба. Кровные родственники Мелёшины смотрели одинаково — надменно и оценивающе, имели одинаковый наклон головы и одинаково заявляли права на принадлежащее им. И пусть с первого, поверхностного взгляда, зрители сошлись бы во мнении, что Севолод — подкаблучник, позволивший жене править в доме и на картине, после второго, вдумчивого взгляда, разглядевшего руку мужчины, властно лежащую на плече красавицы, становилось ясно, кто в действительности контролирует жизнь семьи.

Вадима изобразили на полотне в некотором отдалении от родственников. Почему-то между ним, Севолодом и Мэлом не чувствовалось той незримой связи, что протянулась между дядей и племянником. У Вадима и нос был сплюснутым, как у утки, и надбровные дуги выступали сильнее, и лицо казалось круглее и щекастее, лоснясь от хорошей жизни.

Наглядевшись на высокохудожественный холст, я вспомнила, что пора вернуться в общество. Подойдя к приоткрытой двери в столовую, услышала:

— Она девочка милая и простая в манерах, не морочь ей голову, Жорик.

Я остановилась. Севолод вернулся к неформальному общению с племянником и говорил обо мне. Что за простые манеры? — подумала со злым интересом. Наверное, нужно есть омлет ножом и вилкой, чтобы показать сложность приобретенных культурных навыков.

— Не заморочу, — ответил Мэл, и что-то звякнуло.

— Девушка придумает невесть что, настроит планы, — продолжал поучать дядюшка. — Не тешь её напрасными надеждами.

— Я не тешу, — сказал Мелёшин.

— Реакция твоего отца предсказуема, и все же, думаю, он оценит нетривиальный способ, с помощью которого ты выкрутился из сложившейся ситуации. Для достижения цели хороши все средства.

— Это было не трудно, — ответил Мэл.

В голове застучало от притока крови. "Это было не трудно". Это было легко. Ну и черт с тобой!

Я взялась за ручку. В конце концов, подслушивать неприлично. Однако дверь не желала поддаваться. Мало того, моя рука намертво прилипла — невозможно оторвать пальцы. Дверь застыла, точно вмороженная в вековой лед, а рука не отдиралась.

— Уверен, что девушка сдержит обещание?

— Не сомневайся, — уверил бесстрастно Мелёшин. — Такие как она, держат слово.

Не поймешь, с иронией сказал или с издевкой. Да подавись ты своими дальновидными постельными стратегиями! Я подергала рукой — пустая попытка.

— Надеюсь, ты вовремя исчезнешь с ее горизонта, чтобы ваши... э-э-э... отношения не зашли слишком далеко, — предупредил заботливо Севолод.

— Постараюсь, — подтвердил ровным голосом племянник.

— Отца порадует деловой и предусмотрительный подход, несмотря на кавардак, устроенный у клуба, — похвалил мужчина. — И зачем тебя понесло в этот клоповник?

— Были причины.

Деловой гад! — задыхаясь от растущего гнева, я пыталась отлепить ладонь от дверной ручки. В горле противно защекотало. Сейчас закашляюсь, и меня обнаружат подслушивающей под дверь, с рукой, приклеенной неизвестным заклинанием.

— На всякий случай закрепи свой успех у девушки, но не переусердствуй, — сказал Севолод, радеющий за честь клана Мелёшиных. — Кстати, милая гостя! — повысил он

голос, и я замерла, поняв, что обращаются ко мне. — В последнее время дверь клинит в шарнирах, поэтому надавите посильнее.

В столовой воцарилась тишина, потом послышался звук отодвинутого стула, упавшего с грохотом на пол.

— Ты! Ты специально подстроил! — закричал Мэл. Дверь распахнулась, и я оказалась в проеме, прижимая к груди горящую ладонь, оторванную от дверной ручки, а Мелёшин смотрел на меня, и в его глазах закручивалась смесь страха, растерянности и... надежды на то, что я не слышала последних откровений.

— Спасибо за гостеприимство. Мне пора, — пробормотала и пошла, сама не знаю куда. Не уверена, что двигалась в нужном направлении.

Позади бахнула дверь. Мэл догнал меня и развернул за плечи.

— Эва, это не то, что ты думаешь! Я имел в виду совсем не то! Черт, вернее, вообще не имел это в виду!

— Мне нужно в институт, — отвернувшись, я двинулась дальше.

Он схватил за руку:

— Выслушай меня!

— Зачем, Мелёшин? Я же ни в чем тебя не обвиняю. Где здесь выход?

Мэл нахмурил брови, словно его гораздо больше беспокоила моя инертность, нежели возможный гнев и истерика. И он подтвердил свое опасение:

— Эвка, накричи, ударь, но не отворачивайся!

Я выдернула руку из крепкой хватки:

— Как доехать до института? Где здесь поблизости остановка?

— Я довезу, — сказал Мелёшин тоном, не терпящим возражений.

— Не стоит, пока наши отношения не зашли слишком далеко, — просипела флегматично. — Пойду, мне еще нужно зайти в аптеку.

Вместо ответа он потащил меня по коридору в обратную сторону, а я упиралась, цепляясь за декоративные выступы. Если Мэл приведет обратно к дяде и устроит продолжение сеанса откровений, вылью кипяток из чайника ему на голову. Нет, зараз им обоим.

Однако Мелёшин приволок меня в небольшой холл. Подошел к стене и раздвинул её в разные стороны. Пока я потрясенно соображала, что он всего-навсего распахнул двери шкафа-купе, в меня полетели куртка, шапка и шарф.

— Одевайся, — приказал Мэл. Большое зеркало отразило мою бледную физиономию и не менее бледное лицо Мелёшина. Решимость парня пугала непонятностью намерений.

— Готова? — спросил он отрывисто, и, дождавшись неохотного кивка, схватил за руку.

За спиной захлопнулась дверь роскошного обиталища Севолода, и Мэл потащил меня по широкому коридору, как оказалось, к лифту. Я собирала ногами ковер в складки, противясь самовольству Мелёшина, который затолкал меня в раскрывшиеся двери. И он еще смеет пихаться!

Едва лифт поехал вниз, Мэл нажал на кнопку, и кабина, дернувшись, остановилась. Мелёшин вытащил пакетик из кармана куртки и, надорвав, натянул содержимое на глазок видеокамеры. Забившись в угол, я в смятении наблюдала за действиями парня. Что он задумал? Специально изолировал свидетеля, чтобы не осталось записей о нашем пребывании в лифте?

— Эва, выслушай меня, — начал Мелёшин обманчиво спокойным тоном.

— Не трогай, — промямлила я сипло и закрылась руками, сжавшись. — Не трогай, не трогай...

— Эва... — развел он мои ладони в стороны. — Я никогда не причиню тебе боль.

Он крепко обнял меня, отчего нос уткнулся в молнию на куртке Мэла. И вообще, дышалось некомфортно с учетом спертых воздуха и теплой одежды.

— К чему этот концерт? — пробурчала я невнятно, выразив недовольство на уровне его груди. — Иди, морочь голову другим.

Мелёшин освободил меня от объятий и заставил посмотреть ему в глаза.

— Гораздо лучше, когда вижу тебя, — сказал удовлетворенно. — То, что ты услышала в столовой — неправда.

— А я и не знала. Сами разбирайтесь в своем, семейном. Мне не до тебя.

— Зато мне до тебя. Севолод обязательно сообщит отцу. Поэтому пришлось говорить такое, о чем я никогда бы не сказал.

Я поглядела на Мелёшина, раздумывая. Он мог сразу завершить представление в столовой, заявив: "Ну вот, маски сняты. Незачем изображать того, кем на самом деле не являюсь" и быстренько распрощаться, потирая с облегчением руки. Однако Мэл предпочел зависнуть со мной в тесном пространстве лифта на невероятной высоте, чтобы втолковать, объяснить и оправдаться. На его лице была написана тревога, смешанная с беспокойством, и он боялся, что ему не поверят.

— Он тебя бьет? — осенило меня.

— Кто? Отец? — уточнил Мелёшин. — С чего ты взяла?

Хотел что-то добавить, но промолчал, взявшись мять мою ладошку.

— Не болит после agglutini^[11]?

— Не знакома с таким заклинанием.

— Приклеивание, — пояснил Мэл и добавил со сдерживаемой яростью: — Я не подозревал о плане Севолода. Хотел, чтобы получилось правдоподобно.

Он подул на ладонь и погладил.

— Зачем? — спросила я.

— Что "зачем"?

— Зачем нужно, чтобы Севолод поверил?

— Он мой дядя и по-своему желает мне добра, — ответил с неохотой Мелёшин. — Также как и отец. Оба уверены, будто знают, что для меня лучше, и расписали мою жизнь на годы вперед. А я не собираюсь жить по их правилам, понимаешь?

— Понимаю, — не удержавшись, я провела рукой по темным жестким волосам.

— Спасибо, — сказал Мэл. — Поэтому Севолод и отец не должны нащупать мои уязвимые места и диктовать условия.

— К-какие места? — спросила я, заикаясь от испуга, представив, как к связанному Мэлу подходит его дядюшка с раскаленным утюгом и требует выдать тайну уязвимых мест. Впрочем, чему ужасаюсь? Мой отец недалеко ушел от родственников Мелёшина.

— Ну... какие угодно, — не стал он вдаваться в подробности.

— А зачем Севолод устроил подслушивание?

— Наверное, посчитал, что убил двух зайцев: узнал о моих намерениях и, самое главное, о них узнала ты. А твоя гордость не позволит примириться с тем, что тебя использовали, так?

— Знай, Мелёшин, сколько бы в твоей голове не наплодилось коварных замыслов по поводу того, как избавиться от наказания, я не подала бы жалобу в любом случае. Так что у тебя не получилось оказать могущественное влияние на мое решение, — выдала хрипло.

Мэл мимолетно улыбнулся:

— Знаю.

Поцеловал мою лапку, и я закашлялась.

— Никаких автобусов. Садись в машину. Беспрекословно, — приказал Мелёшин. Нажал на лифтовую кнопку, и кабина поехала вниз. Я согласно кивнула, раздирая кашлем

раздраженное горло. Всё равно не знаю ни одного маршрута.

— Что это? — спросила сдавленно, махнув в сторону занавешенной камеры, и снова зашла в кашле. Мэл несколько не смутился.

— А-а, это... — освободил устройство из плена, спрятав стянутую улику в кармане куртки. — Разные полезные штучки, необходимые в быту.

— Вижу, не слепая, — пробурчала я сварливо, а Мелёшин ухмыльнулся.

Лифт плавно остановился, и двери разъехались в пустом освещенном подвале.

— Мы в подземном гараже, — пояснил Мэл и приложил ладонь к черному прямоугольнику на стене.

За стеной глухо загудело, плиты пола пришли в движение, и через появившийся прямоугольный проем в стене подкатил на эскалаторной ленте знакомый черный автомобиль.

— Прощу, — галантно распахнул дверцу Мелёшин.

Я вспомнила, как Мэл открывал её перед блондинкой, и, возможно, перед Эльзой открывал и перед другими девушками, и его дежурный джентльменский жест неожиданно разозлил. Вспомнив, с каким монархическим величием восседала на переднем сиденье Изочка, я поняла, что у меня не получится выглядеть также достойно рядом с водителем. Выбрав наилучший вариант, обошла машину с другой стороны и заметила вмятину, оставленную в крыше перчаткой Тёмы. След от шипов получился глубоким, содрал краску и оголив острые края.

Пока я проверяла, сквозная дыра получилась или нет, Мелёшин терпеливо ждал. Убедившись, что металл деформировался не насквозь, я устроилась на заднем сиденье. Мэл закрыл распахнутую им дверь и медленно обошел машину, засунув руки в карманы куртки. Подошел к моей дверце и открыл ее.

— Ну и? — спросил, вздернув бровь.

— Что именно?

— Ты куда залезла?

— Ты прав, Мелёшин. Залезла, а впереди нужно усаживаться, стараясь не наступить шпильками на ноги водителю.

Мэл посмотрел на меня хмуро и с силой грохнул дверью, заставив испуганно вздрогнуть и моргнуть. Сев на водительское сиденье, он с такой же злостью захлопнул свою дверцу. Заведя машину, резко стартовал, на ходу выставляя зеркало заднего вида на мою болезненную физиономию. На этот раз Мелёшин не устраивал кипятик в салоне, видимо, чтобы я не вспотела и не раскашлялась.

"Турба" проехала безлюдным тоннелем с жирными стрелочными указателями на стенах и вырулила из темного зева подземных ворот на поверхность. Поначалу глаза ослепли из-за внезапной смены освещения — от электрического света до естественного, к тому же отраженного снегом. Зато дорога, по которой двигалась машина, оказалась сухой и бесснежной. Мэл вел машину, уверенно ориентируясь между высотками.

— Почему здесь не растаивают снег? — спросила я, глядя в окно.

— Чтобы быть ближе к природе.

Куда уж ближе в царстве камня, металла, стекла и пластика, — хмыкнула я, разглядывая высотки. В видимой хаотичности их расположения наблюдалась некая закономерность. Вскоре дорога, по которой мы ехали, слилась с другими, образовав единый транспортный поток. Трасса вырвалась из плена зданий и повела прямой стрелой по заснеженному полю к

темному скоплению вдалеке.

— Где мы? За городом? — поинтересовалась я. — Кругом какая-то равнина.

— Это район "Кленовый лист", созданный искусственно. Сверху напоминает лист дерева, а дороги имитируют прожилки. Сейчас мы едем по дамбе, а вокруг замерзшее озеро.

— Необычно. Значит, эта дорога — черешок?

— По замыслу архитекторов — да.

"Черешок" был основательным: около десятка полос в том и в другом направлении. Мэл вел машину не медленно и не быстро, а, скорее, комфортно.

— Включить музыку? — спросил у меня.

— Нет, спасибо.

Однообразие заснеженного пространства за окном и тишина в салоне поспособствовали тому, что я снова окунулась в атмосферу столовой Севолода, задумавшись об услышанном и увиденном. Теперь меня занимал не подслушанный неволью разговор, а судьба девушек, работавших горничными. Наверное, потому что я могла оказаться на их месте, и мою память подвергали бы принудительному сканированию, чтобы проверить, не украдены ли драгоценности хозяйки, и узнать, кто спит с хозяином или с его сыном.

— Умеешь читать мысли или память? — спросила сипло у Мелёшина. Он мельком глянул на меня в зеркало заднего вида.

— Эва, тебе известно, что считают специалисты по элементарной висорике, да и то не каждый возьмется. Брать информацию из глубинных слоев памяти тяжелее, чем события вчерашнего дня или произошедшие год назад. Почему спрашиваешь?

— Ну, ты ведь сильный висорат и можешь всё.

— Заблуждаешься, — хмыкнул он.

— А Севолод? Он читает мысли или видит прошлое других людей? — продолжила я допытываться. Мэл снизил скорость, перестроившись в крайнюю полосу.

— Почему тебя это беспокоит? — спросил озабоченно.

— Просто так, — отвернулась я к окну.

— Нет, не просто. Скажи мне.

— Севолод знает, что твой кузен пристаёт к горничной?

Мелёшин резко крутанул руль, и я вцепилась в ручку дверцы, вообразив, что машина сейчас свалится с дороги на лед озера. Неужели Мэла разозлил вопрос? Сейчас начнет возмущаться и защищать своего родственника и, чего доброго, обвинит меня в поклепе.

Утонуть в проруби не получилось. "Турба" остановилась в кармане, а мимо в обоих направлениях проносились вереницы автомобилей, грузовые фуры, автобусы, образуя сумасшедшее движение. Однако в салоне машины стояла тишина, даже двигатель работал бесшумно.

— Он мне не кузен, — сказал Мелёшин враждебно, обернувшись назад. А я-то причем, если братцы недолюбливают друг друга?

Видимо, Мэл заметил мое опешившее и обидевшееся лицо, поэтому сказал:

— Извини. Он — сын тетушки от первого брака, Севолод усыновил его и дал свою фамилию.

Вот оно что. Стало быть, Вадим носит Мелёшинскую фамилию не по праву рождения. Теперь понятно, почему Мэл ни разу не назвал парня по имени.

— Кузен — не кузен, а к девушкам пристаёт, и Севолод об этом знает и потакает, — поведала о своем открытии. — Зачем их увольнять, если они не виноваты?

Мелёшин отвернулся к лобовому стеклу.

— Думаю, дядя знает. Но не потому что прочитал чью-то память, а потому что пару раз ловил его по утрам, когда он сбегал по-тихому из комнат прислуги.

— Значит, этот подонок использует девушек и подставляет!

— Использует? — усмехнулся Мэл. — Горничная, которая принесла твои вещи...

— Светлана.

— Может быть. Не знаю её имени. Сразу же, как устроилась к Севолоду, недвусмысленно дала мне понять, что готова видеть в скромной девичьей постели.

— Врешь! — не сдержалась я, вспомнив миловидную вежливую девушку, чей благопристойный образ не вязался с распушенностью.

— Как тебе будет угодно. Можешь не верить, — хмыкнул Мелёшин.

— А ты? — спросила я, и охрипший голос дрогнул. — Согласился?

Мэл выдержал драматическую паузу, глядя на меня в зеркало.

— Зачастую такие, как она, вцепляются мертвой хваткой, не брезгуя шантажом и угрозами. Поэтому отказался.

— Ты что-то путаешь, — пробормотала я неуверенно. — Чтобы вцепиться, нужны когти и острые зубы.

— Поверь, всё при ней и заточено, — ответил Мелёшин с видом знатока.

— Если не пробовал, откуда знаешь? Значит, опыт имеется?

— Не у меня. У моего знакомого, и с печальным исходом. Так что, Эвочка, горничные бывают разные снаружи и внутри.

— Но почему они не боятся, что память прочитают?

— Эвка, ты наивнее, чем я предполагал. А ведь должна ориентироваться или, по крайней мере, слышала бы об этом. Ты ведь... ну, того... вроде как тоже...

— Понятно, — задрала я оскорбленно нос. — Можешь не продолжать. Всё равно у тебя кособокая вежливость.

— На любое действие всегда найдется противодействие, — сказал Мелёшин. — Не думай, что слепые беззащитны под игом висоратства. В частности, я уверен, что горничные Севолода принимают снадобья, которые спутывают различные виды памяти или стирают события последних суток.

Если Мэл хотел ошеломить меня, ему удалось.

— Но ведь эксперименты с воспоминаниями очень рискованны! Ромашка неоднократно упоминал об этом.

— И что же, теперь не жить? — усмехнулся Мелёшин. — Любой риск должен окупаться, и неважно, какими способами. А ты, Эвочка, своим любопытным мизинчиком только что проковыряла дырочку в холсте, за которым спрятался мир хищников. Их породили правила и запреты висоратства.

Я потрясенно посмотрела на свой палец.

— Значит, есть и другие способы, чтобы жить-поживать без дефенсоров?

— Полно, но они незаконные, а некоторые небезопасны для здоровья, — заверили глаза Мелёшина в зеркале заднего вида. — Может, пересядешь вперед? Очень неудобно общаться.

— Нет, — отрезала я, поджав губы.

— Как хочешь, — мгновенно ощетинился Мэл, и, взявшись за руль, круто вывернул на трассу.

Через пять минут черешок "Клинового листа" прирос к транспортной развязке. "Турба"

неслась по проспекту, и я опять пристроилась у окна, рассматривая здания и вспоминая, видела эти места или нет. Они казались смутно знакомыми, и всё же при утреннем освещении город выглядел иным, щедро и гостеприимно предлагая познакомиться с ним заново. Солнечные блики весело играли на стеклах небоскребов, невольно поднимая настроение.

Притормозив, Мелёшин свернул к зданию, увешанному рекламными щитами и вывесками.

— Мы куда? — спросила я, встревожившись.

— В аптеку, — пояснил он, разворачивая машину и вырвав на стояночное место.

— Мне сюда не надо, — ответила я торопливо, сорвавшись на кашель.

Еще чего не хватало! Памятуя о том, во сколько обошлось посещение столичного кафе, ни за какие коврижки не сунушь в магазины в центре города. С дружелюбной улыбкой запросто обдерут как липку. Уж лучше схожу в квартал невидящих, получится гораздо дешевле.

— Дай список, — протянул руку Мэл, не оборачиваясь.

— Не дам. Я пойду в другую аптеку.

Мелёшин развернулся ко мне и потребовал:

— Дай список.

Ведь не отвяжется. Пришлось расстегнуть куртку и достать из кармашка юбки сложенную записку Севолода.

— На. Но учти, буду сама покупать.

Мэл, не читая, взял бумажку.

— Согласен. Пошли.

— Куда? — растерялась я.

— В "Аптечный рай". Сказала же, что сама купишь необходимое, — повторил он терпеливо.

— Я не это имела в виду, — запуталась в объяснениях. — Я хотела сказать, что сначала решу, когда и где.

— Папена, ты сейчас выйдешь из машины, пойдешь со мной в аптеку, и мы купим нужные препараты, — приказал Мелёшин.

— Здесь дорого, — привела я неопровержимый довод. — Лучше в другое место схожу, там дешевле получится. К тому же, у меня сейчас нет денег.

— Твое дело складывать лекарства в корзинку, поняла? — сказал раздраженно Мэл. — Остальное — моя забота.

— Ну, уж нет, — запротестовала сипло. — Не куплюсь на твои подачки.

Мелёшин ударил с силой по рулю, отчего я дернулась, испуганно моргнув.

— Похоже, ты совершенно не понимаешь, что могла умереть! — воскликнул он и потер лоб. — Не хочешь понять, что я своими руками чуть не отправил тебя на тот свет.

Я притихла, медленно, но верно проникаясь словами Мэла о том, что вчера могло случиться непоправимое, и тогда он сидел бы уже за решеткой, а я не выводила его из терпения своим упрямством; отец подыскивал бы дешевое кладбище, и мама так и не дождалась меня.

Судорожно сглотнула, и горло отозвалось болью. Мелёшин потряс бумажкой:

— Это самое малое, что могу сделать для тебя, Эва. У меня, знаешь ли, тоже есть совесть, которая не дает спать ночами.

— Ладно, Мелёшин, пойдем, — согласилась после недолгого раздумья.

— Кстати, у меня и имя есть.

— Знаю, — открыла я дверцу и выбралась на морозный воздух, чтобы скрыть замешательство. Ну, и как к нему обращаться? Мэл? Егор? Пошевелила беззвучно губами, обкатывая на языке имя. Оно показалось чужеродным и совершенно не хотелось выговариваться.

— Замотай получше горло, — посоветовал Мэл. — И рот тоже.

— Рот-то зачем? — удивилась я, но он уже потянул за шарф, укрыв заодно и мой нос.

"Аптечный рай" действительно оказался таковым: десятки окошек для расчета и стеллажи, уходящие в бесконечность. В огромном зале-ангаре прохаживались покупатели, рассматривая и изучая товары.

Мелёшин энергичным шагом направился к девушке в белом халатике и что-то спросил. Она кивнула и засеменила по проходу, а следом зашагал Мэл, махнувший мне, мол, не отставай. Девушка провела нас к одному из стеллажей с изобилием красочных упаковок и флакончиков.

— Что-нибудь еще? — просила приветливо.

— Нет, спасибо, — отпустил её Мелёшин.

Пока он изучал представленный на полках ассортимент, я пялилась по сторонам.

Напротив, у соседнего стеллажа стояла ухоженная дама в меховой шубе и выслушивала пояснения другой девушки в белом халатике. Полки были набиты средствами для поддержания молодости. Напрягши зрение, я разглядела ценники. Увидев цифры с тремя и четырьмя нулями, зрение расширило глаза и округлило их, заодно задействовав рот.

— Две ложки ежедневно... — бормотал Мэл. — Триста пятьдесят миллилитров... Черт!

Отвлечшись от травмирующих психику цен, я повернулась к Мелёшину.

— Не могу сообразить, сколько нужно, — протянул он флакон темного стекла с разноцветной наклейкой. — А-а, ну их, — сграбастал в корзинку все имеющиеся флакончики.

— Погоди-погоди, — испугалась я, увидев, что на ценнике написано "60". — Давай посчитаем. Тут написано: "Одна столовая ложка на стакан жидкости, два раза в день, курс не менее двух месяцев". Так... Пятнадцать на два — тридцать на тридцать на триста пятьдесят... Надо пять штук!

Мелёшин оглядел меня, словно заново увидел, и сказал:

— Возьмем всё.

— Зачем? — воскликнула я сипло и закашлялась. — Это много. Ты посмотри, сколько стоит!

— Я сказал, возьмем всё, — отрезал Мелёшин и двинулся к расчетному окну.

— Послушай... Мэл... — поспешила я следом. — Зачем покупать лишнее? Можно со спокойным сердцем вернуть половину обратно.

Мелёшин, будто не слыша, поставил корзинку у окошка.

— Есть что-нибудь от фарингита? — спросил у женщины за стеклом. — Чтобы за день или за два.

— Список ей покажи, — подергала я за рукав.

— Покажу, — пообещал он. — Иди, погляди пока на косметику, — и подтолкнул меня к стеллажу неподалеку.

— По списку купи, — напомнила я Мэлу.

— Ага, не сомневайся, — кивнул он и махнул рукой. — Иди, иди.

Стеллаж с косметическими новинками сиял красочными упаковками, подарочными бантами и запредельными ценами. Я перебирала нарядные коробочки под присмотром девушки в белом халатике.

— Чем-нибудь помочь? — спросила она, примчавшись из другого конца зала.

Пришлось ее огорчить. С тоскливым видом я взяла очередную упаковку, чтобы прочитать состав ингредиентов, и почувствовала руку на талии.

— Что-нибудь понравилось? — поинтересовался над ухом Мелёшин.

Понравилось да тут же разонравилось из-за поднебесной стоимости.

— Неа, — поставила я коробочку с кремом обратно.

Мэл протянул пластинку в фольге. Он выглядел довольным. Еще бы, оставить ни за что кучу денег в аптеке и радоваться от уха до уха.

— Открывай и клади под язык.

Надорвав по перфорации, я сунула в рот, как велено. На языке осел яблочно-клубничный вкус, а в горле мгновенно полегчало.

— Ну, как? — поинтересовался Мелёшин.

— На глазах помогает, — признала я. Вроде бы и голос показался не таким сиплым. — Хороший препарат.

— Держи, — Мэл протянул пакет с купленными лекарствами, а чек и список Севолода засунул во внутренний карман куртки. — Инструкции по применению прилагаются. В них подробно расписано.

Пакет оказался тяжеловатым. Сколько же Мелёшин накупил? Ну, конечно, всего лишь удвоенное количество флаконов с сиропом.

Перед выходом из аптеки Мэл еще раз проверил закупоренность моих слуховых, носовых и ротовых выходов. Подойдя к машине, я снова направилась к полубившемуся заднему сиденью.

Мелёшин помрачнел.

— Объясни, почему не хочешь сидеть впереди, — потребовал напрямую.

Не хочу — и всё. Ни за что не скажу правду.

Расселись по своим местам: я — взбаламученная и Мелёшин — взъерошенный. Он развернулся ко мне:

— Ты вообще не любишь сидеть впереди, или не любишь в этой машине?

Я отвела глаза в сторону:

— В этой машине.

— Понятно, — процедил он и вернулся к рулю. — Значит, брезгуешь сесть рядом со мной?

— Ничего не брезгую, — опровергла, посасывая лечебный леденец. Надо же, какой эффективный — уже и голос прорезался.

— Не придумывай оправданий, — сказал Мэл с кривой усмешкой. — Знаю, что тебе противно.

— С ума сошел? — удивилась я. — Что значит "противно"? Данный эпитет неуместен.

— А что уместно? — не отставал Мелёшин. — Что я должен думать, если постоянно приходится выворачивать голову, а мне не объясняют, почему? У меня вот здесь болит и ноет, — потер он шею. — Отвлекаюсь постоянно от дороги и могу запросто попасть в аварию.

Его жалоба проняла меня. После недавней короткой исповеди Мэла у аптеки я начала по-другому смотреть на разные вещи. Проще и спокойнее плюнуть на самолюбие и пойти навстречу Мелёшину, чем окончательно угробить в дорожной аварии свое здоровье, подорванное двойным заклиниванием.

— Ладно, — проворчала, и мне показалось, зеркало отразило зеленые огоньки, сверкнувшие в глазах Мэла. Данная примета могла означать, что он замыслил пакость или, наоборот, пакость удалась. Я прищурилась, вглядываясь, но Мелёшин смотрел на меня усталым взглядом замученного водителя, и никаких зеленых огоньков в помине не было.

Вылезши, обошла вокруг машины и крайне неизящно устроилась на переднем сиденье. Мэл притомился вертеть головой и даже не выбежал, чтобы помочь усесться.

— Ну, как? Теперь шея не болит? — спросила у него.

— Не болит. Не забудь пристегнуться.

Пока я возилась с ремнем, он не делал попыток подсобить, а наблюдал.

— Всё, готова, — сказала, догрызая остаток таблетки.

Мелёшин завел машину, однако не спешил трогаться.

— Ты расскажешь своему... парню о том, что случилось?

— Пете? — удивилась я. — Причем здесь он?

— Ну, девушка должна быть честной со своим... парнем, — пожал плечами Мэл. — По моему, некрасиво скрывать от него правду.

Странно, почему он вдруг озаботился Петиним спокойствием.

— Сам-то расскажешь своей Изочке?

— Расскажу, — ответил Мелёшин на полном серьезе. — Это будет честно.

У меня пересохло и запершило в горле, словно и не рассасывала недавно лекарство.

— О том, что ездил в клуб, или о том, что устроил драку?

— Или о том, что было утром.

— Пить хочу, — опять просипела я.

Мэл резво перебросил с заднего сиденья пакет из аптеки и, порывшись, достал другую пластинку в фольге.

— Освежающее и анестезирующее.

— Под язык? — уточнила на всякий случай.

Мелёшин повертел упаковку и кивнул. Когда следующая таблетка начала лечебное воздействие, я спросила:

— Вы с Петей разобрались по "Инновации"?

Мэл хмыкнул:

— Зря ты переживала за него. Рябушкин оказался деловым человеком. Мы переговорили с ним в субботу, и после экзамена он вернул деньги.

Суббота, экзамен... В голове всё перекрутилось, подернувшись белесой дымкой. Я уж и забыла, чем занималась на выходных. Взглянула на часы. Гномик настойчиво показывал, что время скоротечно близилось к обеду, а институт не стал ближе, хотя насущные будничные дела никто не отменял.

В Пете я совершенно не сомневалась. Как взрослый и ответственный человек, он не стал бы бегать и прятаться от Мелёшина, чтобы не платить по счету.

— Ну, так как? — прервал раздумья голос. — Твой Рябушкин имеет право знать?

— Имеет, — ответила я неохотно, уставившись вперед. Действительно, нехорошо скрывать от Пети. Если парень узнает из чужих уст, получится еще неприятнее.

— Думаю, самым лучшим будет, если твой Рябушкин услышит от тебя, а не от кого-то другого, — высказал Мэл мою мысль.

— Наверное, так, — поддакнула я неохотно. Не представляю, что скажу спортсмену. Едва успела подумать, как язык заранее налился чугунной неподвижностью. Что же будет при встрече?

— Это хорошо, — непонятно почему ухмыльнулся Мелёшин. Мне показалось, у него и настроение улучшилось, коли отпала необходимость беспрерывно оборачиваться назад. — И не затягивай. Честность — основа любых отношений. Могу задать вопрос?

— Валяй, — разрешила я, посасывая таблетку.

— Твой Рябушкин знает о вчерашнем типе с цацками на каждой руке?

— Чего-о? — от удивления у меня вытянулось лицо.

— О том парне, которому я заехал в глаз и по челюсти, — пояснил Мэл, имея в виду Тёму и умолчав, что парень тоже разукрасил его физиономию.

— Тёма — мой друг, и не больше.

Увидев, что Мелёшин скривился, я добавила:

— Лучше объясни, зачем ты полез в драку. Неужели он первый начал?

— Это моё дело, — ответил Мэл, нахмурившись. — Моё и певуна. Мы, кстати, не закончили общение.

— Попробуй только закончить, — пригрозила я. — Не хватило вчерашнего? Пообещай, что не полезешь на рожон.

— О голосистом скворце печешься?

— За тебя переживаю, — пояснила и взяла на заметку причесать Тёме чубчик при встрече.

На этом разговор завял. В полном молчании Мелёшин вывел машину со стоянки и двинулся по проспекту. Я снова погрязла в заоконном городском пейзаже. Этажность постепенно понижалась, серости в зданиях прибавлялось, и вскоре появились заснеженные тротуары. От пешеходов парили белые клубы, на дороге поубавилось машин. "Турба" ехала вдоль ограды института.

— Ой, Мелёш... Мэл, останови у дырки. Отсюда я быстрее доберусь до общаги.

Он с недовольным видом притормозил у обочины. Наверное, не понравилось, что его назвали Мэлом, хотя он не разрешал.

— Может, лучше к институту?

— Нет. Мне сначала нужно забежать за сумкой.

— Эва, — начал Мелёшин, и я замерла, потому что, успела немножко узнать его. Когда Мэл выбирал многозначительный, полный недосказанностей тон, значит, собирался сообщить нечто, что надолго выбьет меня из колеи.

— Эва... Я долго думал...

По его лицу и не скажешь, что идет непрерывный мыслительный процесс.

— И хочу сказать...

Затаив дыхание, я чуть не подавилась таблеткой, но вовремя спохватилась.

— Я освобождаю тебя от долга.

И...? Пойдите, Мелёшин дает зеленый свет?! Значит, он посчитал, что мой долг возмещен?

Я в изумлении взирала на Мэла, моргая как болванчик, а потом опомнилась и поблагодарила.

— Спасибо, — протянула недоверчиво. — Но почему так внезапно?

— Потому.

— А-а, это очередная порция подачек! — осенило меня. — Хватит уже. Всему есть предел! Влепил закливанием — ладно. Убрал последствия — хорошо, жить буду. Лекарствами засыпал — отлично. Теперь и долги прощаешь? Задабриваешь, значит? Ясно же сказала, что не собираюсь подавать жалобу.

— Ты что несешь? — начал разъяряться Мелёшин. — При чем здесь подачки? Никто не собирался тебя задабривать.

— Тогда зачем эта гора разнообразных подарочков, а? Вчера ты почему-то не стремился простить мой долг! — закричала я, удивляясь звонкости голоса.

— Вчера всё было по-другому! — закричал в ответ Мэл.

— Смотри-ка ты, было по-другому! — на удивление споро выскочив из машины, я хрястнула по капоту аптечным пакетом. Хорошо, что флакончики оказались пластиковыми и не разбились. — А если бы я сдохла, ты на моей могиле прощал бы долги?

Мелёшин тоже вылез из машины:

— Совсем офонарела? Ты вмятину оставила.

— Ну и что с того? — взвилась я и снова устроила хрясь на капоте. — Одной меньше, одной больше!

— Уйди от машины! — закричал Мелёшин. — А то я за себя не отвечаю!

— Ну, и целуйся со своим бампером! — пнув серебристый металл, я побежала к дырке в ограде. — Да губы не забывай вытирать!

— Больная! — донеслось вслед.

— Сам такой! — выкрикнула я и помчалась в общагу.

Прибежав, открыла дрожащими руками дверь в швабровку и бухнулась на кровать.

Что это было? — взгляд ошалело метался по потолку, прежде чем устоялся в одну точку. Это была запоздалая истерика, — пришла я к выводу и, свернувшись в клубочек, принялась бездумно вырисовывать на стене абстрактные загогулины.

Еще утром я проснулась в сказочном месте, пресыщенном достатком, а сейчас лежала в захудалой комнатухе на тощем матрасе, и не было роднее места, чем мой обшарпанный мирок. В памяти один за другим всплывали эпизоды пребывания в жилище дяди Мэла и роились в голове помимо воли.

Вчера Севолод помог не мне. Избавляя меня от скоротечных последствий заклинаний, принятых на грудь, он, прежде всего, спасал племянника. Погибни я на снегу, глядя остекленевшими глазами в зимнее небо, или на руках Мэла в машине, или на больничной койке, или среди бежевых стен опочивальни, семейству Мелёшиных пришлось бы несладко: на пороге топтались следствие, бесконечные суды, пристальное внимание прессы, пятно на фамилии и репутация с душком. Хотя именитому клану наверняка удалось бы замять дело.

Интересно, как в таком случае поступил бы отец, узнав о моей кончине? Потер бы ручки, возблагодарив судьбу за то, что избавился от обузы, и напоследок обвинил, что я сама виновата, шляясь по злочным местам? Или закатил бы выгодный скандал, чтобы на очередных выборах привлечь избирателей и оттянуть голоса в свою сторону?

Затевая подслушивание у столовой, Севолод рассчитывал, что гордость не позволит мне унижаться, и я, узнав, что меня попросту использовали, удалюсь из жизни его племянника, оскорбившись и пылая праведным гневом. Кроме того, мужчина прощупывал серьезность отношений между мной и Мэлом — это ясно как дважды два. Одно дело — рассматривать утренние трепыханья в постели как несерьезную интрижку богатого мальчика, и совсем другое дело, если выяснится, что я рассчитываю на нечто большее, а Мелёшин-младший готов осуществить мои желания. И всё же, несмотря на ушат, вылитый Севолодом, я не могла не признать, что он выполнил профессиональный долг и поступил в соответствии с врачебной этикой, показав себя отличным специалистом.

Сегодня мой нос случайно залез в жизнь богатого висоратского семейства, и впечатлений хватило сполна. Определенно, гуляния за оградой института приносят вред. Лучше спрячусь мышкой в норке и при случае буду выбираться разве что в район невидящих. И откровенничать с Петей пока не стану. А зачем? Пусть спокойно участвует в чемпионате, зарабатывает медали и кубки. Не хочу, чтобы парень расстроился из-за моего признания в посещении клуба и дрогнувшей рукой проиграл соперникам. Если всё-таки решусь поведать правду, то опущу рассказ про утро в бежевой спальне. К тому же, совершенно непонятно, почему Мэл принуждает меня к разговору с Петей. Вообще, кто он такой, этот Мелёшин, чтобы указывать, что мне делать и говорить? Не успев разобраться, сместились ли наши отношения в иную плоскость или остались неизменными, он не замедлил поучать и давать советы.

Вспомнив о лекарствах, я вытерла о простынку палец, измазанный в известке, и, высыпав содержимое пакета на кровать, ахнула от множества ярких упаковок. Перебирала, читала инструкции, дивясь мгновенному результату при применении, после чего выбрала несколько сосательных и жевательных таблеток и сложила в сумку.

Выставив на столе одиннадцать флаконов с витаминным сиропом как памятник упрямству Мэла, я начала восстановление изможденного организма. На глазок отлила сироп в стакан с водой и, размешав вилкой, выпила. Кисленько, но не противно.

А теперь — в институт. Постукивая нога об ногу, я дождалась звонка на крыльце, где вместе со мной маялись несколько студентов, и при входе приветственно помахала Монтеморту. Ну, здравствуй, обитель знаний! Такое впечатление, что крыска отсутствовала год, плутая неизвестно где.

Что ж, Мелёшин сам напросился, закрыв долг. Что говорила Аффа о моей простоте? С сегодняшнего дня заканчиваю глупить и выбрасываю наивность на помойку. Теперь буду хватать на лету вкусные куски от жизни и забуду про спасибо.

Большой перерыв начался, и я заглянула в библиотеку к Бабетте Самуиловне, где, настраиваясь на учебный лад, почитала справочник по теории заклинаний и напоследок прихватила парочку решебников. Библиотекарша тяжело повздыхала, но не нашла причин, чтобы отказать в выдаче книг.

Перед началом консультации у Стопятнадцатого аудитория гудела как разбуженный улей. Народ осознал, что мало понял и усвоил из прочитанного курса лекций, поэтому активно обменивался обрывками знаний. Ряды были заняты и плотно утрамбованы, и пришлось лезть на верхний ряд к Капе, заставив потесниться.

— Привет, как отстрелялся?

Боже, неужели экзамен случился вчера?

— Не поверишь, на четверку.

— Ого! А говорил, что плохо подготовился.

— Сам в недоумении, — подивился парень. — Слышала о вчерашних разборках в "Одиночестве"?

— Н-нет, — проямлила я, потупив бегающий взор. — А что такое?

— Говорят, местные устроили поножовщину и порезали немало наших.

— Да ну! — выдохнула изумленно. — И кто пострадал?

— Пока не знаю, — ответил Капа. — Вот и сходи куда-нибудь развлечься после таких известий.

В свете стократно разросшихся слухов я полностью согласилась с ним.

Тут появился Стопятнадцатый, и началась консультация, разносимая громогласным эхом по аудитории. Мэл сидел в крайнем ряду и перелистывал какую-то книгу. С моего места не было видно, рассматривал он полуголых девиц или формулы со схемами.

Миновав Мелёшина, взгляд плавно перетек на крашенные голубые стены и пыльные окна, отметил редкие паутинные махры на потолочных балках, выхватил лес поднимающихся парт и море разноцветных затылков, и увиденная идиллическая картина вызвала слезы умиления. От осознания хрупкости бытия на меня накатила сентиментальность. Ведь вчера я могла навсегда распрощаться с прелестями студенческой жизни, переступив последний шаг, отделяющий от гибели.

Призвав силу воли, попробовала сосредоточиться на оживленной дискуссии. Как всегда, рассуждения декана, раскатисто отражавшиеся от стен, не отложились на подкорке, в то время как другие студенты задавали вопросы и умудрялись вникать в пояснения Генриха Генриховича.

Скучая, я снова переключила внимание на Мелёшина. Смотрела, как он потер висок,

как оторвался от книги и вслушался в речь Стопятнадцатого, как засмеялся вместе с аудиторией, когда декан сказал смешную шутку, а я не поняла её, как размял затекшие плечи, как облокотился, подперев подбородок, и поймала себя на том, что люблю его расслабленными движениями, мимикой лица, небрежностью позы, чистым профилем.

Опасная тенденция. Нельзя отвлекаться на посторонние мысли, тем более, во время сессии. Что бы ни произошло между мной и Мэлом, и как бы близко мы не стали контактировать, нельзя погрязать в том, что изначально бесперспективно. Нужно сохранять трезвость рассудка, а в свете пристального внимания родственников Мэла следует прекратить все виды общения, кроме учебы.

Консультация закончилась, и бурлящий поток захлестнул выходы из аудитории. Меня благополучно вынесло волной в коридор, и я направилась на работу, употребив по дороге жевательную таблетку.

Как всегда, в архиве процветала толкотня и давка. Воспользовавшись столпотворением и тем, что широкие спины дорвавшихся до учебы студентов прикрывают меня от начальника, я метнулась к пакету с разьедалами. Открыла с замиранием сердца и обнаружила пять стволиков, обсыпанных проклюнувшимися листочками. Дрожащие пальцы торопливо погладили нежную зелень. Потрясающе! Растения вернулись к жизни, несмотря на то, что простояли несколько дней в отсутствии света, укрытые пакетом. Воистину в архиве чудесная атмосфера, возвращающая погибшие растения с того света.

С радужным настроем я протолкалась через очередь и поздоровалась с замученным начальником. Он пропустил меня за перегородку.

— Не справляюсь, — поделился горестно, — поэтому будете выдавать материалы с левой половины архива.

Ура! — чуть не подпрыгнула я от радости, но сдержалась.

— Хорошо, — кивнула спокойно. — Можете быть уверены.

Вот когда мне пригодились переписывание карточек, которым поначалу мучил архивариус. В памяти смутно отложились названия и номера дел, обозначения стеллажей и полок, что облегчило беготню по помещению. Но самым большим достижением явилось доверие, коим меня наделил Швабель Иоганнович.

Вдвоем дело пошло быстрее, и очередь страждущих постепенно рассасывалась.

— Вот это.

Не глядя на студента, схватила бумажку с названием исследовательской работы. Внизу было приписано: "Как горло?" Подняв глаза, я уставилась на Мелёшина, невозмутимо поглядывающего по сторонам.

— Ни разу здесь не был, — заметил он.

Мне-то какая разница, бывал ты или проходил мимо? Проверив по картотеке, я вернула листочек.

— Работа на руках. Загляните позже или выберите другую.

Поджав губы, Мэл отошел в сторону, пропуская очередь. Снова накарябал на обратной стороне бумажки и втиснулся, устроив небольшую грызню со студентами.

— Разуй глаза, я раньше здесь стоял... Меня не волнует, где конец и начало...

— Давай уже, — выхватила записульку из рук. Под названием научного труда было выведено неровно: "Лечишься?".

Непрерывно, и без твоего напоминания. Я опять проглядела карточки.

— В архиве нет данной диссертации.

— Что же у вас есть? — начал раздражаться Мелёшин. — Сказки для детского сада? Вообще, можно отыскать что-нибудь по данной теме? Помогай, тебя ведь тоже касается.

Я вчиталась в название "Методы и приемы стимуляции физических удовольствий", и щеки запылали. Очередь волновалась в ожидании, но, похоже, никто не заметил изменений в моем внешнем виде, кроме ухмыляющегося Мэла. Да ведь он издевается!

Я сунула бумажку под стекло на столе.

— Позже посмотрю, а сейчас отойдите и не создавайте затор.

Мелёшин хмыкнул:

— Ускоряйся. На следующей неделе экзамен, а материал не набран.

Пробравшись через толпу, он удалился из архива. Ну, и как следует понимать сей странный визит? Как перемирие? Иди Мэл намекал, что не сердится за рукоприкладство к его драгоценной машине?

Размышлять о загадках поведения Мелёшина было недосуг, я снова утонула в заказах, не забывая, впрочем, о стеллаже 122-Л. Бегая по проходу, высмотрела нужный объект в удалении на противоположной стороне. Увы, спокойно покругить около заветного места не получилось из-за крайней занятости. Если столпотворение народов, подобное сегодняшнему, будет происходить каждый день, остается единственный надежный вариант — в пятницу отстреляться пораньше на экзамене и прибежать в архив, пока основная масса студенчества будет дрожать перед дверьми экзаменационных аудиторий, а потом ринется обмывать полученные оценки.

В целом мой пыл в отношении пополняемого дела ПД-ПР понемногу угасал благодаря еженедельному подарку из благотворительной программы Стопятнадцатого, и реализация фляжки задвинулась на дальний план. Получится продать емкость с коньяком — отлично, не получится — буду употреблять понемногу по мере надобности для собственных нужд.

Закончив работу, я снова активизировала деятельность в библиотеке, периодически глотая лекарства из сумки. Сладкие добавки в их составе напрочь перебили хилый аппетит, но перед вечерним занятием у Альрика я чувствовала себя вполне здоровой и слегка голодной. Осиплость и першение окончательно исчезли, кашель практически не мучил, став редким и поверхностным.

Вулфу появился точно по расписанию, в темно-вишневой жилетке, рубашке с воротником-стойкой, и немедля приступил к занятию. Я поймала себя на том, что успела соскучиться и по профессору: по ленивой грации жестов, по внимательному взгляду, обращенному на собеседника, по особенному волнующему тембру голоса, с которым Альрик разъяснял материал.

Однако профессор не соскучился, как я. Он бросил холодный взгляд в мою сторону, приморозив к скамье, и провел письменный тест-опрос среди отстающих, который показал, что мои знания в области символистики не сдвинулись ни на миллиметр в сторону улучшения. После окончания занятия, когда студенты с облегчением высypали из аудитории, мужчина окликнул меня на выходе.

— Папена, задержитесь!

Я повернулась и, придавленная грузом заслуженной вины, поплелась обратно.

— Вчера вы не пришли на плановый осмотр, — сказал сурово Альрик. — С учетом среды перерыв составит пять дней. Это недопустимо и чревато.

— Чем?

Профессор проигнорировал вопрос.

— Надеюсь, вы найдете достаточно вескую причину, из-за которой не явились в лабораторию.

— Попробую найти, — вздохнула тяжело. — Как камешек?

— Какой камешек? — отвлекся Альрик и вспомнил: — Пока непостоянен. На один перенос тысяча неудач. Не увиливайте от темы. К завтрашнему дню вы должны придумать достаточно жуткую историю с обоснованием пропущенного осмотра и убедить меня в её правдивости.

— Постараюсь, — кивнула я, соглашаясь. Посчитает ли профессор достаточным основанием для прогула попадание сдвоенным заклинанием? — До свидания.

— До завтра, — попрощался Альрик, и зловещий тон пробрал меня мурашками по коже.

Вернувшись в общежитие, я вытянула ноги на кровати. Ну, и денек выдался — невообразимый кавардак в голове! На ночь глядя, проснулся и заурчал желудок, и одновременно раздался стук в дверь. На пороге стоял Радик с кастрюлькой и поварешкой, смущенно улыбаясь.

— Я сегодня раз пять приходил, где ты пропадала? И вчера не дождался.

— Отлично, что заглянул! — затащила его в комнату. — Сейчас устроим пир на весь мир.

Мы сварили кашу, и юноша извлек из принесенного пакетика четыре прозрачных колбасных кусочка. От них умопомрачительно пахло, и потекшие ручьем слюнки выдали страстное желание вонзиться зубами во вкусность.

— Я вчерашние не съел, тебя ждал, — пояснил Радик, когда мы расположились за столом.

— Голодал, что ли? — ужаснулась я.

— Нет, конечно, — опроверг парнишка, но что-то мне подсказало, что он обманывал. — А куда ты вчера подевалась?

— Ходила в гости и задержалась. Не возвращаться же потемну? Переночевала у друзей.

— Я уже начал волноваться, — пояснил Радик. — Хотел бежать к тётке-вехотке.

Мысль, что кто-то переживает за мою судьбинушку, подкупила и согрела.

— Прежде чем нервировать тётчку, спроси у соседки, она живет за стенкой. Зовут Аффа. Если в следующий раз надолго удалюсь от института, обязательно предупрежу, — успокоила я парнишку. — Как твой экзамен?

— Не очень удачно, — потух он. — На слабую троечку. Дядя пожурил, конечно.

— Не расстраивайся, — поддержала я Радика. Знал бы он, каким путем досталась моя первая тройка в первую сессию. — Почему твой дядя не помогает с учебой?

— Он не видит, — пояснил Радик, — но я очень ему благодарен. Он поддерживает меня и помогает материально маме.

— Не переживай за трояк, лучшее впереди, — заверила, потрепав его по голове. — Успеешь выбиться в круглые отличники.

— Было бы неплохо. Круглякам выплачивают социалку, глядишь, и дяде станет полегче.

Трудное это дело — быть круглым отличником в ВУЗе с висорическим уклоном. Фантастически трудное, поэтому социальную стипендию получают единицы. Не сомневаюсь, что соседка Лизбэт входит в их число.

— А где твой дядя работает? — приспросилась, уминая бутерброд.

— Ты его знаешь. Дядя Шваба, — пояснил парнишка, выскребая кашу со дна, а потом

поправился: — Который архивариус, Швабель Иоганнович.

— Он же мой начальник! — я чуть не выронила изо рта бутербродный кусок. — Он твой дядя? И не видит волны?

— Не видит, — подтвердил Радик.

— Но как? — растерялась я. — То есть, как он устроился в институт? Это же институт с вис-уклоном.

— А как другие работают? — пожал он плечами, облизывая ложку. — Имеет щит и типун третьей степени.

— Сколько слов? — вспомнив экзекуцию у Морковки, я пошевелила многострадальным языком.

— Дядя говорил, десять тысяч.

Вот ужас-то! Наверняка реакция после укола длилась неделю или полмесяца. И всё же тесен мир, в котором Радик оказался племянником моего начальника. Я тут же и посадила на разных чашах воображаемых весов Севолода с Мэлом и архивариуса с лопухим солнышком, подчищающим стенки кастрюльки. Выбираю второе! — отозвалось всплеском нежности сердце.

Под занавес обильного ужина на столе материализовался кулек с карамельками.

— Молодец твой дядя, — похвалила я архивариуса. — Ответственный человек. Любит свою работу.

— Иначе нельзя, — сказал, грызя карамельку Радик. — Он отсылает почти весь заработок на родину и маме помогает, и мне.

— Слушай, а приходи завтра на обед, — предложила ему. — Я теперь буду в общаге кружить. Лапши наварим. За экзамены не волнуйся. Втянешься, и всё образуется. Главное — усидчивость и терпение.

Проводив парнишку с отмытой после благородной еды посудинной, я развела новую порцию сиропа. Вместо сказки на ночь предстояло учить билеты, готовясь к экзамену у Стопятнадцатого.

Напоследок решив навестить Аффу, я вышла в коридор и наткнулась на парочку, целующуюся у двери соседок. Парень с девушкой отскочили друг от друга как ошпаренные, и пойманым с поличным кавалером оказался Костик, выступавший в "Одиночестве".

— Ну, я пошел? — спросил неуверенно.

— Конечно, милый, до завтра, — проворковала Аффа. Не видела прежде её такой: глаза сияют, улыбка загадочная, сама цветет как майский розан — и не скажешь, что зима на дворе.

Костик учтиво кивнул мне на прощанье и удалился.

— Не могла деликатно покашлять? — упрекнула девушка. — Он мне чуть язык не прикусил от испуга.

— В следующий раз так и сделаю, — согласилась я и прорепетировала, согнувшись в три погибели: — Кхе — кхе — кхе, внусятки, сяс вас огвею костывьком для пвофифактики. Подойдет?

— Подойдет, — засмеялась Аффа и подхватила меня под локоть. — Пошли, расскажешь, как прошел день.

— Никак не прошел. Мелёшин отвез в институт, я училась и работала. Неинтересно. Лучше расскажи про Костика.

— А что Костик? — мечтательно вздохнула девушка, расположившись на кровати. —

Машина у него, конечно, не идет ни в какое сравнение с Мелёшинской, но тоже ничего. Ездили в иллюзион, развеялись. Погоди-ка! — вскочила она и начала вертеть мою голову в разные стороны. — Это что? — довольно болезненно ткнула в точку под подбородком. — Засос?

— Какой засос? — ринулась я к раковине. — Сама подумай, откуда?

Зеркало беспристрастно показало небольшое потемнение на коже, ноющее при касании.

— Не умеешь обманывать, — констатировала Аффа. — Не хочешь — не говори, итак ясно. Хорошо хоть целуется?

— Хорошо, — признала я, смущаясь.

— А ревнивый какой! Уж и песенку нельзя спеть без его разрешения, сразу в драку полез, — сказала девушка, когда мы вернулись в швабровку. — Но зачастую ревность только хуже делает. Слушай, а как тебе район? А Севолод как? Не хуже нашего Альрика, правда?

— Откуда мне знать, хуже или нет, — махнула я рукой. — Главное, жива и больше не полезу в авантюры.

— А если твой Мелёшин опять надумает подраться с кем-нибудь?

— Его печаль, — пожала я плечами, а сердце предательски ёкнуло. — Пусть сам выпутывается. Мне хватило вчерашнего.

— Слушай, а Тёма-то каков! Первый начал драться нечестно, надев перчатку, — поделилась впечатлением Аффа, — а Мелёшин ответил тем, что умел.

— Оправдываешь его, что ли? — удивилась я. — Как думаешь, кто эту драку затеял? Стопудово не Тёма.

— Ладно, оба хороши, — заключила девушка. — У меня до сих пор зубастые обезьяны стоят перед глазами. При случае упроси Мелёшина, пусть сводит в иллюзион. Там новая программа, охрипнешь и устанешь визжать от страха.

— Нет уж. Достаточно развлечений.

— Не жалеешь, что согласилась ехать к Севолоду? — спросила соседка, уходя. — Может, стоило в больницу?

— Аф, я сейчас стою перед тобой? Стою. Если бы отправилась в больницу, до сих пор лежала бы на койке, а потом еще две недели провалялась и вдобавок заболела. Так куда стоило ехать?

— Что сделано, того не изменить, — заключила девушка. — Мелёшин, наверное, схлопотал долг за случайное попадание.

— Нет, наоборот, простил мой.

— Что-то я не поняла, — прикрыла дверь Аффа, так и не выйдя в коридор. — Он тебя чуть не уколошил, а потом великодушно простил тебе же твой долг?

— Примерно так.

— Ну, ты даешь, Эвка, — простонала она и постучала по моему лбу. — Ты хуже, чем простая. Мелёшин должен валяться у тебя в ногах, потому что не завели дело, а вместо этого с барского плеча прощает долги. Опять вывернулся, сел тебе на шею и погоняет. Обязательно прочищу ему мозги при встрече.

— Никто никому не садился на шею, — буркнула я, недовольная критикой и тем, что меня ткнули носом в бесхарактерность. А ведь я только-только начала жить по новому фасону. — Сама с ним поговорю.

— Давай, — согласилась Аффа. — На всякий случай прощупаю почву в другом

направлении.

— В каком?

— Не волнуйся, — уверила она. — Иди, учи билеты.

На следующее утро я позволила себе выспаться. Спешить-то некуда. Чудодейственные лекарственные препараты помогли, и от вчерашней хвори не осталось и следа, однако для упрочения позиций здорового горла не мешало прихватить таблеточки в институт.

Лежа в кровати, я потягивалась и зевала, бездумно пялясь в потолок и радуясь началу нового дня. Уж не припомню, когда мой организм пробуждался в радужном настроении.

Не сочувствуйте тому, кто жалуется на серость будней и бытовую трясиину, засосавшую с головой. Бедняга не подозревает о своем счастье, ведь ему удалось сохранить цвет волос, не поседев раньше времени от головокружительных походов, и не заработать нервный тик с заиканием благодаря рискованным развлечениям. На его месте я бы прыгала до потолка от радости, не прочь утонуть в болоте повседневности.

Впредь буду стремиться к размеренности и упорядоченности и приучусь видеть хорошее в каждом прожитом миге. Проза жизни потечет равномерно и по распорядку, скучно и пресно. То, что надо. И все же сухую корочку предстоящего будничного дня скрашивало одно немаловажное обстоятельство — Мелёшин. Как бы здравый смысл не убеждал меня в том, что стоит урезать наше общение, и какие бы разумные доводы не приводил, на задворках засело волнующее воспоминание — лицо Мэла, любующегося мной.

Я и не думала, что кто-то может мной восхищаться и нашептывать на ушко нескромности, будоража откровенными намеками. Вернее, совершенно не предполагала, что этим кем-нибудь окажется столичный принц, разбалованный вниманием и получающий желаемое по щелчку пальцев. И, похоже, Мелёшин отдавался влечению с не меньшим пылом, чем я. И теперь, бороздя взглядом по трещинкам на потолке, со стыдом и смущением признала, что мне снова хочется увидеть обжигающий шквал в глазах Мэла.

Нужно вырвать с корнем непотребные мысли, лишаящие душевного равновесия, а заодно доказать, что я не тряпка, коей меня обозвала Аффа. Для начала следует поговорить с Мелёшиным и выбрать правильное направление беседы.

Собираясь в институт, я думала о том, что скажу, и даже прорепетировала перед зеркалом, пока чистила зубы. "Мэл!" — начну разговор. Нет, не так. "Мелёшин!" Теперь гораздо лучше.

"Мелёшин, — сообщу официально. — То, что нас тянет друг к другу, не означает ничего серьезного. Просто гормоны проснулись не к месту. Гормоны перебесятся, а что останется? Сплошное разочарование. Зачем затевать сыр-бор, рискуя завалить сессию не вовремя разбуженным тестостероном?"

Хорошие подобралась слова, — похвалила себя. Действительно, что я знаю о Мэле, кроме того, что он любит машины, хвалится красивыми подружками и не прочь показать лишний раз, кто рулит в институтской песочнице? А мне и не следует знать, любит он яблоки или груши, предпочитает синий цвет зеленому или наоборот, и о чём мечтает и с кем. Опасно погружаться в подробности его жизни, и, прежде всего, из чувства самосохранения.

Шагая по дорожке, посыпанной песком, я продолжала повторять речь, тихонько бормоча под нос. На половине пути меня нагнал Капа, мы вместе добежали до института и направились напрямиком на консультацию по теории снадобий. Пристроившись хвостиком к парню, я полезла вверх, чтобы опять нагло его потеснить. Что поделаешь, если аудитория

битком набита студентами, охочими до сдачи экзамена.

Удивлению моему не было предела, когда на соседнем верхнем ряду обнаружился Мелёшин и пустующее место подле него. Возможно появление Мэла за задворках аудитории — знак свыше, чтобы развести между нами мосты. Вздыхнув поглубже, я спросила, чувствуя, что решимость облетает с меня как шелуха с лука:

— Можно сесть?

— Можно, — Мелёшин сдвинулся в сторону. — Достаточно?

— Нормально.

Усевшись, я прижалась к плечу Мэла, и он принялся крутить перо в руках. Еще ни разу мы не сидели рядом в лекционной аудитории. Я успела помаячить перед пресветлыми очами Мелёшина в роли дрессируемой крыски, побывала на верхних рядах в качестве вольноотпущенной, а чтобы бок о бок — такого не было.

Меня одолела нервозность. Казалось, что окружающие успели заметить наши совместные посиделки и начали искать скрытый смысл в пересаживании на верхний ряд. Чудилось, что поползли слухи и перешептывания с переглядываниями.

Еще мне было боязно сделать что-нибудь этакое, что разочарует соседа. Вдруг случайно икну или наступлю ему на ногу? Вдруг у меня зачесется нос или глаз? Вдруг Мелёшин обратит внимание на цыпки и обкусанные ногти? Или разглядит крошечное пятнышко на рукаве, непонятным образом попавшее туда, и которое я сама только что, к своему стыду, заметила.

Наверняка разглядел, потому что начал постукивать пальцами по столу, запоздало пожалев, что позволил сесть рядом.

В аудиторию вошел Ромашевичевский, с кислой миной поздоровался со студентами, и консультация началась. Хотя консультировать было некого. Запуганные массы притихли, боясь, что преподаватель поставит на заметку неучей, жаждущих восполнить пробелы в знаниях, и на экзамене обязательно отыграется за излишнюю любознательность. Меня же неожиданно посетила неприятная мысль о том, что погром в оранжереях, устроенный совместно с лаборантом, не пройдет даром, и экзамен по теории снадобий я могу не сдать.

Ромашка презрительно поводит носом по сторонам и принялся бесстрастно зачитывать билеты, коротко объясняя, из какого источника следует выцарапывать правильные ответы. Притихшее студенчество послушно застрочило.

Для меня же заполнение страничек отошло на дальний план. Открыв тетрадь, я вознамерилась писать, как вдруг рука Мэла медленно придвинулась к моей, и его пальцы прикоснулись, поглаживая. Сам он, как ни в чем не бывало, склонившись над тетрадью, выписывал левой рукой аккуратные строчки, хотя в моей памяти отложилось, что раньше Мелёшин держал перо в правой руке. Сейчас его почерк получался квадратным и убористым, и буквы клонились на левую сторону. Подробнее разглядеть не удалось, потому что его ладонь вдруг наползла на мою руку, накрывая.

Испуганно оглядевшись по сторонам — не заметил ли кто — я отдернула руку и спрятала под стол. Одно дело — общаться тет-а-тет, и другое дело — под прицелом десятков любопытных глаз. Я усиленно делала вид, что с Мелёшиным меня не связывает ничего общего, кроме третьего курса, однако старания оказались напрасными, и ценный материал, преподнесенный Ромашкой, просыпался как песок через пальцы. Мэл, не отрываясь от письма, отыскал мою ладонь под столом, и, устроив небольшое перетягивание каната, вернее, рук, пленил конечность.

Я снова заозиралась по сторонам. Головы уткнулись в тетради, стараясь поспеть за монотонным голосом Ромашевичевского. Если начну выдирать руку, то наделаю шума и привлеку внимание, поэтому безопаснее смириться с произволом, творящимся под столом.

Не понимаю, как Мелёшину удавалось одновременно обхаживать мои пальцы и писать, вникая в слова препода. Если бы по примеру Мэла я попыталась что-нибудь накарябать, то кроме дрожащих зигзагов на полстраницы ничего бы не вышло. Мое хладнокровие оказалось слабеньким и, протянув задохликовые ножки, скончалось практически мгновенно. Бастионы сдались, саботируя и не сопротивляясь нежащим поглаживаниям, погружившим меня в расслабленное состояние.

Чтобы не растечься безвольной лужицей, начала усиленно размышлять о том, как добиться, чтобы не Мелёшин лишал меня душевного спокойствия, а я нервировала его, и как сделать так, чтобы не он вил из меня веревки, а я плела из него коврики. Результативными могли оказаться флирт и заигрывание как тайное оружие из арсенала слабого пола.

Призвать, что ли, на помощь инстинкты, генетически заложенные в каждой женщине? Наморщив лоб, я выскребла из завалов памяти способы и приемы соблазнения, подмеченные у других девчонок. Изящно закинуть ногу на ногу и томно посмотреть на соседа из-под полуопущенных век. Точно, придавить его взглядом с поволокой. Поморгать опухшими ресниц, подняв сквозняк в помещении. Расчетливым жестом отбросить локоны за плечо, заехав локтем в глаз Мэлу. Жаль, длинных волос теперь нет, и полосатая резинка скучает на подоконнике в швабровке. Кокетливо подернуть плечиками и нарочито громко вздохнуть... При случае можно опробовать выуженные из воспоминаний методы обольщения, но экспериментировать в переполненной аудитории опасно.

Меж тем Мелёшин, поглаживая, продолжал мое погружение в пучину смиренной покорности. В конце концов, перед ним не мягкотелая тряпочка, какой меня назвала Аффа! — очнулась я, и моя рука, оживившись, пошла в контратаку. Наши конечности переплелись и закружились под столом в непонятном танце. Пальцы Мэла были гибкими и сильными, и меня взгорячила настойчивость, с которой он пресекал мои наскоки.

Остаток консультации выпал из жизни по причине того, что я с азартом увлеклась вольной борьбой под столом. На лице Мелёшина, умудрившегося четко зафиксировать в тетради слова преподавателя, зависла слабая ухмылка.

Перед звонком Ромашевичевский зачитал расписание сдаточных лабораторных занятий для допуска к экзамену, и после воздушной волны народ рванул закрывать задолженности. Я вовремя выдернула руку.

В стремительно пустеющей аудитории лишь два человека не спешили мчаться навстречу новым свершениям — мы с Мэлом. Он складывал вещи в свою сумку с легкой усмешкой. Ему можно улыбаться, у него треть тетради исписана нужными ссылками, а у меня и строчки нет. Больше ни за что не соглашусь на место под крылышком у Мелёшина, как бы ни одолевало искушение. Если он продолжит изводить подобным образом, моя сессия преждевременно финиширует.

Кстати, о завершениях. Решившись, я протараторила на выдохе приготовленную загодя речь:

— Слушай, гормоны хлещут, но от них мало толку. То есть не стоит основываться на одних гормонах.

— Говоришь, гормоны захлестывают? — уточнил Мэл, посмеиваясь. Я кивнула. Вроде бы не перепутала и правильно сказала, при всём желании к словам не привязаться. —

Значит, бьют из тебя фонтаном?

Я открыла и закрыла рот.

— А у тебя разве не хлещут? — спросила с вызовом.

— Хлещут, и ещё как, — продолжая улыбаться, Мелёшин обежал по мне взглядом.

Словно кожу содрал.

Прогресс. Мы оба признали, — выдохнула облегченно и исподтишка, таясь сурового "я", погладила самолюбие словами Мэла.

— Отношения, основанные на физическом влечении, недолговечны и бессмысленны.

Зачем их развивать? Лучше вовремя поставить знак "стоп".

Мелёшин покусал губы, но его хорошее настроение не пропало.

— Хорошо. Будем наполнять их смыслом.

— Кого? — растерялась, забыв, о чем говорила.

— Отношения. Как фарингит?

— Спасибо, прошел, — ответила я настороженно.

— Приглашаю вечером на цертаму^[12]. Хотел сразу пригласить, да ты опередила со своими гормональными водопадами.

— Они не мои, — надулась обиженно. — Вернее, не только мои.

— Они наши, — согласился Мэл. — Ну, так поедешь?

Что за цитрусовое место? Наверняка поездка с подвохом. Собственно, какая мне разница, чистосердечен Мелёшин или что-то скрывает. Я теперь окружена со всех сторон зароками — не ездить, не удаляться, не рисковать и ложиться спать в девять часов вечера, высморкавшись в платочек.

— Обещаю привезти не поздно, — сказал Мэл, увидев колебания.

Сделав вид, что хожу на всякие цитрусовые мероприятия по десять раз на неделе, я выдала отговорку, заготовленную на непредвиденный случай:

— Петя не сможет.

— А мы вдвоем, — ответил Мелёшин, став серьезным. На шутку его слова не походили.

— Как же Изочка? Дала согласие?

— Вчера объяснил ей положение вещей.

Я оторопела. Если он поделился послеклубными подробностями с блондинкой, стало быть, слухи и сплетни уже циркулируют по институту. Заметив мое ошеломленное лицо, Мэл добавил:

— Описал в общих чертах, без имен и подробностей. А вот ты не сказала ни слова Рябушкину.

— Да когда мне? — развела я руками, растерявшись от новости.

— Вчера был день, и сегодня с утра полно времени.

Неужто Мэл думал, я буду сломя голову бегать по институту в поисках спортсмена, чтобы огорошить хронограммой своих походов?

— Петя незыблем, а ты нет. Не собираюсь рисковать им.

Мелёшин сдвинул брови. Помолчал и сказал жестко:

— Значит, будем развенчивать миф о моей зыбкости. Поедешь на цертаму? Спрашиваю в третий раз.

Точно, он больше двух раз не повторяет, — вспомнилось почему-то, и потекли ручьем стандартные отговорки, обрезаемые Мэлом на корню.

— У меня денег нет.

— Они не понадобятся.

— Нужно готовиться к экзамену.

— Вернешься быстро.

— А у меня нет вечернего платья!

Вот тебе удар под дых!

— Оно не потребуется. Цертама за городом.

Пришел мой черед молчать и обдумывать. Значит, Мелёшин звал не в кафе и не в клуб, а на таинственное развлечение для золотой молодежи на природе.

— На улице ниже двадцати, а у меня фарингит толком не прошел!

— Не волнуйся, не замерзнешь.

— Знаю, тебе хочется меня угробить. Бросишь где-нибудь в лесу или на обочине. Это потому что я по твоей машине ударила, да?

— Я уже забыл о двух царапинах длиной по семь и девять сантиметров и о вмятине на капоте, — вернулся к насмешливому тону Мэл. — А ты видишь в людях только плохое, Папена.

— Жизнь вынуждает, — бросила я тетрадь в сумку. — Не поеду. Наездилась по самое не хочу.

— Дэн будет участвовать. Ставлю на него. Сегодня разыгрывают flammi^[13].

— А я причем? Вдруг помешаю выиграть?

— Поехали. Сама говорила, что в отношениях нет смысла. Значит, надо осмысливать. Сегодня приглашаю тебя, а потом ты позовешь куда-нибудь меня.

Я бухнулась на скамью. Вот так предложение! Не представляю, куда можно пригласить Мелёшина, к тому же вдвоем. В иллюзион, смотреть на чудовищных клыкастых обезьян, чтобы прятаться у него на груди, вволю навизжавшись?

Чаша весов заколебалась. Куда запропастились многочисленные зарюки в размеренной и аскетичной жизни? — напомнил отрезвляющий совестливый голосок. Стоило Мелёшину предложить очередную аферу, как моя сила воли зашаталась. Хорошо, что не клялась на крови и здоровьем близких — наверняка для того, чтобы оставить лазейку и лицемерно преступить данные обещания. Так что ни в коем случае нельзя отступать от новой упорядоченной жизни, показав решимость характера.

И всё же вдвоем — это не с какой-нибудь Изабелкой на переднем сиденье. Рядом не будет Пети, подталкивающего Мэла на необдуманные вспыльчивые поступки. "Мы вдвоем" — сказал он, приглашая на свое цуккини. И потом вдвоем. Куда захочу, туда и позову. Вдвоем.

Прислушавшись к себе, я помотала головой.

— Нет. У Стопятнадцатого сложный экзамен, а я мало выучила. Спасибо, не могу поехать.

— Ладно, как знаешь, — пожал плечами Мэл. Его хорошее настроение улетучилось. — Поеду один, но сперва переговорю с Рябушкиным о клубе. Объясню, что вышло случайно, от начала до конца. Он должен понять.

— Мелёшин, я сама! — воскликнула, увидев, что он достал телефон и начал выискивать нужного абонента в списке.

— Зачем? Нужно смотреть в глаза, мучиться. Заикаться, подбирая подходящие слова, — посочувствовал Мэл, продолжая поиски. — Решу одним махом и избавлю тебя от неудобств. Где-то у меня был записан номер его домашнего телефона.

— Ты говорил, будет лучше, если я сама скажу, — напомнила звенящим голосом.

— К лету или следующей зимой? — спросил он с иронией. — В отличие от тебя, поступаю честно и не развлекаюсь с чужими девушками за спинами их... парней. Мне не позволяет совесть. Тем более, спортсмен вышел в четверть финала.

Слова Мелёшина пристыдили. Прежде всего, потому что он был в курсе успехов Пети, а я о них ни сном, ни духом, и достижения парня могли закончиться сейчас, на моих глазах.

Мэл наконец нашел нужный номер и, приложив телефон к уху, стал дожидаться ответа. Шантажист несчастный! Я схватила его за рукав.

— Ладно, поеду, куда ты там предлагал, но ненадолго. Только не звони.

Мелёшин оборвал вызов.

— Ненадолго. Успеешь на пять раз выучить назубок свои билеты. Хватит до шестнадцати нуль-нуль разобраться с делами?

— Хватит, — огрызнулась я. — Но запомни, угрозами и шантажом камень с дороги не сдвинуть.

— Не сдвинуть, — согласился Мэл, убирая телефон в карман. — И ты этому подтверждение. Жду у института, как договорились, а в пять минут пятого передам привет твоему Рябушкину. Адъёс.

Сунул мне тетрадь с записями, по-спортивному легко перемахнул через стол и пошел вниз по ступенькам, а я смотрела вслед и не знала, что сказать и какими обидными словами уесть. Внутри, словно в котелке, бурлила и клокотала адская мешанина эмоций.

Разговор изогнулся дугой, а Мелёшин, не считаясь с моими планами, опять повернул так, как ему угодно.

На обеде пришел Радик, и мы приготовили лапшу под сырным соусом. Парнишка принес небольшой кусочек сливочного масла, остаток батона и сковородку, и я обжарила хлеб на масле. Аппетитные запахи стояли плотной стеной, заставлявшей обильно отходить слюну. Королевское пиршество насытило желудок, притупив злость и недовольство шантажом Мелёшина.

— Ты какая-то грустная, — сказал Радик.

— Бывают в жизни огорчения, — заметила я философски, выкладывая на столе сушки и карамельки. — Сегодня буду дома не раньше девяти, так что не теряй.

— Куда поедешь? — спросил парнишка, прихлебывая чай вприкуску с сушкой.

— По делам, — ответила рассеянно, катая съедобное колечко по столу.

— Тебе хочется?

— Не пойму, — вздохнула я тяжело. — Но все равно сержусь. Знать бы, выйдет что-нибудь путное из этой поездки.

— Брось монетку, — предложил Радик. — Выпадет "орел" — соглашайся. Если "решка", останешься в общежитии.

— Вдруг встанет на ребро?

— Когда на ребро, надо загадывать желание. Обязательно сбудется.

Достав полвисора, я потрясла в сложенных ладонях и бросила на стол. Денежка упала вверх значком V на рыцарском щите. "Орел".

До установленного Мелёшиным срока следовало погасить незавершенные дела. Первым в очередности стоял архив, в котором кипела сумасшедшая деятельность. На этот раз

начальник выделил мне другую сторону помещения для обслуживания студентов. Я проходила рядом со стеллажом 122-Л и видела пополняемое дело ПД-ПР, лишь протяни руку, но, увы, совершенно не нашлось времени, чтобы прикоснуться к нему. Зато послала прощальный поцелуй разъедалам, спрятавшимся среди кадок. Листочки ошутимо подросли за прошедшие сутки.

С тяжелым сердцем я направилась на осмотр к Альрику, оглядываясь по сторонам. Если поклонницы профессора увидят меня шествующей в лабораторное крыло, можно ждать новой беды в виде свеженького подлого заклинания. В коридоре оказалось безлюдно, и я, проскользнув за стеклянную перегородку, побежала на цыпочках в лабораторию. Тихонько постучала и, не дожидаясь ответа, вошла.

Мужчина, в халате, защитных очках и черных печатках до локтей, помешивал стеклянной палочкой содержимое небольшой посуды, гревшейся на спиртовке. Увидев меня, кивнул в сторону стула.

Густая смесь кирпичного цвета булькала и пузырилась, плюясь по сторонам большими кляксами. Подняв палочку и оценив клейкость протянувшейся нити, Альрик выключил спиртовку, стянул перчатки из толстой резины и поднял очки на макушку.

— Итак? — спросил вместо приветствия, тем самым разрешив начать слезоточивую жалостливую историю.

— Ну, в понедельник не удалось прийти, потому что в меня случайно попали *nerve* и *gelide*, — начала я рассказ и, увидев недоверие Альрика, замолчала.

— Довольно изобретательно, но неправдоподобно, — хмыкнул он. — Куда пришлось попадание?

— Сюда, — показала я на грудь.

— Очень интересная и лишенная логичности история, как, впрочем, все женские выдумки, — усмехнулся мужчина. — Почему вы здесь, а не в больнице?

— Мне сделали вливание.

— Необычная фантазия, — заключил Альрик, уверенный во лжи. — Продолжайте, я послушаю. Развивайте воображение дальше.

— На следующий день проснулась и поехала домой, — закончила я краткий пересказ насыщенных событиями дней. — Вот и всё.

Профессор оперся руками о стол, поглядывая на меня с интересом.

— "В меня случайно попали заклинаниями второго уровня, и, выспавшись, я отправилась на учебу" — процитировал он. — Впервые сталкиваюсь с разновидностью наинаглейшего вранья. Раздевайтесь до пояса.

— 3-зачем? — опешила я.

— Будем выводить вас на чистую воду, — сказал Альрик. Стянул халат в кирпичных пятнах и, прохромав к двери, выбросил в короб.

— Я соврала. Никто не попадал в меня заклинаниями. Накажите, и дело с концом, — разволновалась, следя за мужчиной, вернувшимся из комнаты отдыха в чистом халате.

— Папена, — перешел на официальное обращение профессор, натягивая медицинские перчатки, — за сказанное нужно отвечать. Как вы знаете, силой слов можно убить. Каждая произнесенная фраза получила направление и цель, сорвавшись с вашего языка. Однако вы поступили малодушно, отрекшись от своих слов с недопустимой с легкостью. Начнем осмотр.

Я растерялась.

— С этической точки зрения рассматривайте меня как врача и не смущайтесь, — заверил Альрик.

Что ж, деваться некуда. За свитером, брошенным на стол, последовала футболка.

— На кушетку, — показал профессор.

Залезши на высокую поверхность и ссутулившись, я опустила глаза, стесняясь смотреть на мужчину. Всё-таки тяжело воспринимать его в роли бесполого доктора.

— Расправьте плечи, — велел Альрик.

Пришлось подчиниться. Закусив губу, я рискнула взглянуть на профессора. Он, нахмурившись, водил пальцами по коже. Спустил лямки с плеч и снова вернул на место, пробежал легкими касаниями по моему животу. Внимательно осмотрел руку с колечком на пальце. Бесплезное занятие — Нектин подарок практически растаял.

— Мда... Вы не солгали. Ваше зрение слабо и не позволяет увидеть неровные зубчатые края *nerve* не меньше двенадцати сантиметров в диаметре. — Альрик показал, где проходит граница. — Внутри фиолетового контура вторая окружность *gelide*, выделенная синим. Кто это сделал?

— Вышло случайно, — отвела я глаза. — Попавший не виноват.

Мужчина постучал пальцами по грудной клетке.

— Из-за *gelide* некоторое время будет наблюдаться пониженная температура тела. Сейчас проверим. — Сунул градусник мне под мышку. — А *nerve* притупит общую чувствительность нервных окончаний.

Профессор ударил по моей коленке, и нога слабо дернулась.

— Минимальная чувствительность наблюдается в пределах круга. Ощущаете? — Он легонько ущипнул. Я дернулась, но, скорее, потому что видела щипок.

— Не больно, — подтвердила.

— Постепенно симптомы исчезнут, хотя одновременный прием двух заклинаний поставил вашу жизнь под угрозу, я прав?

— Да, — признала я неохотно.

— Для этого не нужно иметь семь пядей во лбу, потому что размеры говорят сами за себя. О, да тут несколько оранжевых пятен, — сказал Альрик с видом детектива, проводившего расследование. Невольная разминка для ума доставляла ему удовольствие. — Вас согревали, так?

— *Ardenteri*, — ответила я и, вспомнив о боли, вздрогнула.

— Первые заклинания попали точно в центр, а вот последнее смазано, потому что началась отдача, — продолжил профессор. — У того, кто пытался вас спасти, оказалось маловато силёнок. Кстати, болезненное заклинание.

Я кивнула, соглашаясь.

— Каким образом сняли последствия? Вы упоминали вливание. Где точки входа?

— Через запястья, — я протянула послушно руки, и мужчина обхватил их, потирая.

— Да, вот они. *Ardenteri rivas*^[14]. Заклинание взрезало вены, — увидев мое испуганное лицо, он пояснил: — Неявно. Тот, кто применил его, разогрел кровь и принудительно гонял по вашему организму до полного отогревания. Для реализации *ardenteri rivas* нужен огромный резерв сил и умений, чтобы кровь не вскипела, и ткани не омертвели от ожога при перепаде температур. Ювелирная работа мастера. Не откроете его имя?

Я помотала головой.

— Вам повезло, Эва Карловна, понимаете это? — покачал головой Альрик и

переключился на лор-обследование. — Специалистов высокого класса, способных на следующий день вернуть к работоспособному состоянию, можно пересчитать по пальцам.

Я промолчала. Можно подумать, перед профессором сидит легкомысленная особа, бездумно порхающая по цветочкам. И без чужих напоминаний прелести жизни давно оценены.

— Гланды припухли, но горло здоровое. Принимали что-нибудь?

— От фарингита.

— Стремительное выздоровление, — заключил профессор. — Наверняка препараты с вис-добавками.

— Да, — подтвердила я, поскольку успела прочитать составы в инструкциях по употреблению.

Мужчина прослушал легкие и снова замерил висорические потенциалы, как всегда безнадежно нулевые и ровно пищащие.

— Им оказался ваш однокурсник Мелёшин? — спросил, сматывая датчики.

Странно, что из множества претендентов на меткое попадание профессор выделил именно эту фамилию. Я покосилась на него, но не стала опровергать или подтверждать версию.

— Одевайтесь, — велел Альрик, расценив молчание как правоту своих слов. — Я предупреждал относительно Мелёшина. Раз за разом вы будете спотыкаться об его эгоизм и не отделаетесь разбитыми коленками и ссадиной на локте. Но будет поздно.

— Вышло случайно. Он здесь не при чем, — опровергла я упрямо. Не нуждаюсь в чужих советах. Сама разберусь, куда падать: на копчик или на бок.

— Логично предположить, что в отделении нет заявления о попадании в вас заклинаниями.

— Да, — сказала я недовольно, потому что настроение начало портиться. Сейчас профессор начнет упрекать в простоте и непроходимой наивности. Однако он промолчал. Затем запечатлел под микроскопом мою конечность с невидимым колечком, как выразился, "для динамики состояния" и выжал из пальца порцию крови для анализа.

На прощание мужчина сказал:

— В будущем без стеснения приходите на кафедру или сюда и в оперативном порядке сообщайте обо всех ненормальностях. Хорошо, что происшествие завершилось благополучно, но в целом я недоволен вами, — закончил строго.

Их величество вынесло венценосный вердикт. И на том спасибо.

— Хорошо. До свидания, — подхватила я сумку и просочилась незримой тенью за дверь. Не заметив Лизбэт и иных подглядывающих за углами особ, вздохнула с облегчением и побежала в раздевалку.

На ходу наматывая шарф, я выскочила из института. Мэл предупредил, что будет ждать снаружи, но крыльцо пустовало. Народ, покидая учебные пенаты, рассасывался в разные стороны, и желающих отирать колонны на морозе не наблюдалось.

Гномик на циферблате пустил вскачь первую минуту пятого часа.

Где может прятаться Мелёшин? Все-таки опять задумал каверзу. Сейчас вынырнет из засады и скажет: "Па-па-па-дам! Твой Рябушкин так счастлив, что проиграл в четвертьфинале".

На всякий случай я решила сбежать к институтской ограде, чтобы увериться в гадости.

Оглядела поредевший строй машин и не заметила знакомого автомобиля с впечатляющей вмятиной на крыше. Разочарованно развернулась, взглянув на часы. Четыре минуты пятого.

Ну, и пусть этот шутник делает, что хочет. Осточертело идти у него на поводу, — зло пнула снежный гольш.

— Па-апена, — протянул знакомый голос за спиной. — Сколько можно ждать?

Обернувшись, я самым натуральным образом остолбенела. Мэл опирался о капот высоченной черной машины, стоявшей в отдалении от основного автомобильного состава.

— Садись, не то замерзнешь и заболеешь, не долечившись, — кивнул в сторону танка.

— А... куда садиться? — промямлила, нерешительно подходя ближе. Автомобильная громада потрясла воображение, придавив своими габаритами. Рядом с ней я почувствовала себя муравьишкой. Колеса машины оказались размерами почти в мой рост.

— Иди, подсажу, — хмыкнул Мелёшин. И чего хмыкать и подтрунивать? Я, что ли, напрашивалась на цитрису или как там её?

У танка были мощные и широкие, как у трактора, шины, что послужило поводом для язвительного замечания. Мэл проигнорировал шпильку, открыв переднюю дверцу.

— Ставь ногу сюда, — показал на ступеньку и подхватил меня за талию. Подбросил вверх, и я очутилась в салоне. Не успела опомниться, а Мелёшин оказался рядом, пристегиваясь.

— Ну-у, неплохо тут, — протянула, устроившись на удобном сиденье и разглядывая внутреннее убранство в серых тонах. — Как называется игрушечка?

— "Мастодонт", — сказал с гордостью Мелёшин. — Четыреста лошадей, клиренс шестьдесят пять, полный привод, двигатель четыре и восемь.

— Миленько, — кивнула я с понимающим видом, хотя ничего не поняла в технических тонкостях.

Мелёшин ухмыльнулся и завел двигатель. Тот взревел.

— Мэл... — он посмотрел на меня. — Ничего, что так называю?

— Ничего, — ответил спокойно.

— А то мне кажется, тебя напрягает, — пояснила быстро. — Зачем мы едем на твой цитрусовый праздник?

— На цертаму, — поправил он. — Чтобы развлечься.

— А с кем-нибудь другим нельзя развлечься?

— Нет, — ответил он и, обернувшись назад, вырулил машину задним ходом на дорогу. — Пристегнулась?

Пока я занималась прикреплением себя драгоценной к сиденью, танк взял быстрый разгон и помчался, минуя жилые кварталы, по скоростной трассе, которая увиделась однажды вечером из институтского окна уходящей вдаль цепочкой огней.

Снаружи быстро темнело, лишь край неба освещался ушедшим за горизонт солнцем, и на светлой полосе выделялись темные рваные клочки редких перистых облаков. Завтра придет очередной морозный день, — спрогнозировала я и переключила внимание на дорогу. Хотя любоваться нечем: высокое бетонное ограждение по обеим сторонам и мелькающие фонари, слившиеся пятном в далекой перспективе. Высокоскоростная трасса обходила город стороной, пролегая через промышленную зону. Вдалеке дымили гигантские трубы, по которым взбирались вверх красные огоньки, а наверху светили яркие прожектора.

— Как маяки на море, — показала я на башни, из которых валили клубы густого черного дыма.

— Недалеко аэропорт. Это сигнальные огни, чтобы самолеты не пролетели ниже, чем требуется, — пояснил Мэл, глянув мельком. Он был напряжен и сосредоточен, поэтому я не решилась отвлекать его неоконченным задушевым разговором.

От нечего делать, стала наблюдать за водителем: как он уверенно держит и поворачивает руль, давит на педали, поглядывает в зеркала, нажимает нужные кнопки на подсвеченной приборной панели. Опять поймала себя на том, что люблю Мелёшиным, хотя должна источать раздражение и возмущаться его монопольным решением.

Неожиданно Мэл, не отрывая взгляда от дороги, схватил мою ладонь и приложил к губам. Поцеловал и отпустил.

Я не просто засмушалась. Меня захлестнуло волной, прокатившей от макушки до пят и моментально смывшей недовольство Мелёшинским шантажом.

— Спасибо.

— За что? — отозвалась я хрипло и кашлянула. Срочно нужна очередная лекарственная пластинка.

— За то, что согласилась.

— Я бы не поехала, Мелёш... Мэл. У меня поездки вот где, — похлопала по горбушке. — А ты вымогатель.

— Не пожалеешь, что поехала, — ответил он, вдавливая педаль газа, и от ускорения мои руки невольно вцепилась в подлокотники.

Снаружи окончательно стемнело. Внезапно трасса оборвалась, и Мелёшин свернул на городскую окраину.

— По-другому никак, — пояснил, снизив скорость, а потом вовсе притормозил. Машина попала в пробку.

Мэл побарабанил пальцами по рулю, покрутился, высматривая возможные просветы, покусал губы, заражаясь недовольством и нетерпением.

— Такое часто бывает?

— Бывает, — отрезал хмуро Мелёшин, показав, что не расположен к светским беседам.

Я обиделась. Глядела в окно на какие-то гаражи или склады и обижалась. Сам пригласил, а теперь хамит.

Мэл выругался, сдал назад, насколько позволяло расстояние между зажатыми

машинами, и вырулил на тротуар. Хорошо, что безлюдный.

— Куда? Ты правила нарушил! — воскликнула я, разгадав маневр.

— И что? — переключая скорости, отозвался Мелёшин. — Не киснуть же три часа в заторе.

Примеру Мэла последовали несколько смельчаков, а он прибавил газу. Пробка показалась нескончаемой, и тут я увидела, что вдалеке навстречу нам двигается такой же хитромудрый водитель, которому в голову пришла гениальная идея, как объехать автомобильное столпотворение.

Мы не разминемся! — застучала сумасшедшая мысль. Тротуар узок, ограждение не позволит разъехаться. Остается лоб в лоб, либо кому-то сдавать задним ходом, пропуская. Зная Мелёшина, можно с уверенностью показать на того, кому придется пятиться назад.

От волнения вспотели руки, в голове помутилось. Мэл снова выругался и добавил газу, сфокусировав внимание на приближающейся машине. Что он творит? — простонала я мысленно, ухватившись за ремень, но не рискнула лезть с поучениями под руку.

Неожиданно, в каких-то десяти-пятнадцати метрах от встречного автомобиля, "Мастодонт" юркнул в узкий просвет ограждения и выехал на дорогу. Затор остался позади, а следовавшие за нами водители оказались в ловушке, сигналиая и не желая уступать друг другу.

Я долго оглядывалась назад, выворачивая шею.

— Они там застряли.

— Их проблемы, — хмыкнул Мелёшин довольно. Судя по всему, адреналин вдарил ему в голову азартом и рискованной смелостью, в то время как мой адреналин залил страхом и запоздалой дрожью.

— Они ведь поехали за нами.

— Я их просил? — ответил резко Мэл. — Каждый сам за себя. Не успел — значит, опоздал.

Глянул на меня и подмигнул, но нахмурился, заметив неодобрение.

— Хочешь вернуться и поработать разводящей? Сопельки подтереть? — поинтересовался жестко.

— Ничего не хочу, — отвернулась я к окну. — Домой хочу.

Вместо ответа Мелёшин утопил педаль газа, и машина, рывкнув, понеслась вперед. Мне показалось, она взлетела над дорогой как самолет: ворвалась на многоуровневую транспортную развязку с десятками колец и пересечений и, взяв нужное направление, пробкой вылетела на заснеженный простор с редкими кустиками и деревьями вдоль обочины.

После городских застроек резкая смена пейзажа, высвеченного нечастыми фонарями, смотрелась необычно и странно, но глаза быстро привыкли к однообразию, найдя в нем свою умиротворяющую прелесть. За пределами освещенной зоны стояла непроглядная темень: не поймешь, то ли пустошь вокруг, то ли лес.

Я посмотрела на часы. От начала поездки прошло чуть больше, чем сорок минут.

— Долго ехать?

— Около получаса. Теперь без проблем, — сказал Мэл и включил тихую мелодичную музыку.

По обеим сторонам потянулось жидкое мелколесье, постепенно уплотняющееся. Когда фонарные столбы истаяли, закончившись, "Мастодонт", не снижая скорости, понесся по

укаганной дороге, пробивая темноту мощными фарами. Глаза ослепил свет выскочившей из-за поворота встречной машины, и Мелёшин покрутил что-то на панели, после чего смотреть на дорогу стало комфортнее.

Мерная езда настраивала на философский лад. Ощувив потребность поговорить, я развернулась боком к водителю и посмотрела на его профиль. Мэл мимолетно оглянулся:

— Что?

— Ничего. Мы не договорили о гормонах.

— По-моему, ситуация яснее некуда, — сказал он со смешком. — Но если дама жаждет осмысленности, сделаем, как она пожелает.

Почему-то меня неприятно задели слова, будто Мелёшин заявлял: "Требуешь декораций — вот они. Потешь самолюбие, хотя суть не изменится".

— Я не это хотела сказать, — заключила недовольным тоном.

— Отчего же, вполне доходчиво и понятно, — не согласился Мэл. — Одного не могу понять. Почему вы любите всё усложнять?

— Кто "мы"?

— Женщины. Придумываете какие-то правила и условности. В действительности очень просто: мы оба хотим. — При этих словах я отвернулась, смешавшись. — Зачем выискивать предлоги и оправдания своей нерешительности? Или ты боишься?

— Вовсе не боюсь, — буркнула в ответ. Совершенно запуталась, чего жду от Мелёшина и чего хочу от себя.

Загнула мизинчик. Абсолютно точно хочу нравиться ему — это раз.

Загнула безымянный. Хочу, чтобы Мэл показывал и доказывал свою симпатию — это два. Да-да, вот такая я эгоистка, и мне понравилось ощущать себя желанной, — признала, наконец, ужасную правду и успокоилась.

Загнула средний палец. Не хочу заработать ссадины на коленках, как сказал профессор, — это три. Кстати, говоря о ссадинах, он еще мягко выразился. Как бы не схлопотать душевные переломы в тесном контакте с Мелёшиным. В доверок к моральным травмам меня пугали возможные встречи с его родственниками, начиная дядюшкой, оказавшимся сильнейшим висоратом, и заканчивая обезличенными матушками, батюшками, сестрицами, братцами, племянниками и прочими кисельными растворами. Вряд ли бы их устроило новое увлечение Мэла в моем лице.

Загибаем указательный. Стратегический перст. Цель, которая оправдывает средства, вернее, причину учебы в институте — это четыре. Шаг влево, шаг вправо чреватые обрушением достижений.

Загибаем большой палец, который ложится поверх остальных, накрывая. Страх разоблачения — это пять.

— Мелёш... Мэл... Я слепая. Не вижу ни одной, самой убогонькой и плешивенькой волны. Как ты верно сказал, слепощарая.

— Это предназначалось не для твоих ушей, — ответил он, недовольный затронутой темой.

— Суть не меняется, — гнула я своё. — Вдобавок обманщица, авантюристка и преступница.

Сказала, и меня осенила очевидная истина: какой бы выбор мы ни сделали — отвернуться друг от друга и разойтись в разные стороны или примириться со своими страстями, — в любом случае финал будет одинаковым. Золотой мальчик, жизнь которого

распланирована на годы вперед, и завравшаяся серая крыска останутся затертым воспоминанием в череде бесшабашных студенческих походов, которые когда-нибудь опишет в своих мемуарах седовласый премьер-министр Егор Какоитович Мелёшин.

Взъерошенный Мэл не тянул на степенного министра. Он вел машину, крепко сжимая руль, с гуляющими желваками. Еще мгновение, и вырвет с основанием. Вроде бы о своей биографии откровенничала, а не о Мелёшинской, зачем пугать единственного пассажира устрашающим видом?

— Я сейчас вслух рассуждала? — спросила, растерявшись.

— Вслух, — процедил он, тоже оценив глубину и ширину пропасти, как ни стягивай её нитками самообмана. — И что мне делать, если хочу поехать на цертаму с тобой, а не с кем-нибудь другим?

Я промолчала.

— Как быть, Папена, если ты мне... нравишься, что ли? — закончил неуверенно Мэл.

Почему "что ли"? — хотела возмутиться, но он опередил:

— Ты как шахматист, просчитала ходы и в будущем увидела шах и мат, используя заковыристую женскую логику. Зачем заглядывать далеко, если мы можем разругаться в любую минуту? Или вдруг выяснишь, что у меня ужасный характер с кучей отвратительных недостатков, и убежишь через день, зажав нос от отвращения. Я неидеален, ты тоже. Так стоит ли изводить себя тем, что когда-нибудь произойдет? Надо жить проще.

— Значит, о моей неидеальности тебе подсказала прямолинейная мужская логика? — обиделась я на речь Мелёшина.

Он возвел глаза к потолку салона и промычал что-то сквозь стиснутые зубы. Наверное, выругался.

— Умеешь же найти нужное зернышко в стоге сена. Эва, у каждого из нас свои тараканы в голове, и возможно, ты не раз порадуешься, что вовремя помахала мне ручкой на прощанье, узнав ближе. Понятно объясняю? — Взглянул на меня. — Только не дуйся.

— И не собиралась, — обиделась, скрестив руки на груди.

Я перевела взгляд в окно в надежде увидеть маломальскую звездочку в непроглядной темени, и, поразмышляв над словами Мелёшина, решила, что во многом он прав, разве что, ошибся в моей неидеальности. Интересно, успел ли он обнаружить во мне какие-нибудь недостатки?

— Ладно, — согласилась, а про себя взяла на заметку упросить Аффку погадать. На чем угодно, чтобы стать уверенней. — Значит, тебя не беспокоит мое... невидение?

— Не беспокоит, — ответил он ровно, помолчав.

Я хотела выяснить, можно ли назвать свиданием нашу поездку на цукисту, но вместо этого почему-то спросила:

— Ты, правда, позвонил бы Пете?

— Правда, — ответил Мэл. — И позвоню, если продолжишь трусить.

В отличие от меня он сделал маленький шаг вперед и успел поговорить с блондинкой. Интересно, что Мелёшин сообщил? "Милая, я нашел тебе замену" или "Иза, прости за невинную шалость на стороне"? Да, объяснять можно по-разному.

— А почему ты решил, не поинтересовавшись, что лучше для меня?

— Что лучше для тебя, Папена? — переспросил он. — В любом случае, не Рябушкин. Ты поймешь это. Со временем.

— Спасибо за заботу, — произнесла я с сарказмом. — Но я хочу думать своей головой и

выбирать самостоятельно.

— Ты в праве, — согласился Мэл. — Держись, приехали.

В лес сворачивала утрамбованная разъезженная колея, расшарканная множеством колес, и распадалась на бессчетное количество мелких и неглубоких. Колеи петляли среди деревьев, но держали общее направление вглубь леса.

— Котяры, — ухмыльнулся Мелёшин. — Не могут без выпендрежа.

Он чувствовал себя в своей стихии. Теперь я поняла, почему Мэл выбрал танк. Машина пёрла, зарываясь в глубокий снег, и без проблем выбиралась, пробивая новую дорогу.

Внезапно лес закончился, и вдалеке, у черной кромки деревьев, высветились огни. Чем ближе подъезжал "Мастодонт", тем четче проявлялась большая поляна и беспорядочное нагромождение машин на опушке, а огни оказались кострами, освещавшими кучкующийся народ и технику.

Мелёшин круто завернул и заглушил танк в отдалении от импровизированной стоянки.

— Пошли, — прыгнул на снег.

Я открыла дверцу и застопорилась, боясь спуститься, поскольку спускаться в юбке с высоты оказалось неподручно.

— Прыгай, — протянул руки Мэл, и я рухнула в его объятия кулем, но он не обратил внимания на неизящное приземление. Снег под ногами оказался утопанным, и сапоги не проваливались. Неподалеку сновали парни и девушки, экипированные по-зимнему тепло, а меня пробил первый озноб. Игнорируя теплые колготки, мороз принялся с охотой жалить ноги.

Мэл сходил к багажнику и, вернувшись, потянул меня за собой, здороваясь на ходу и пожимая руки многочисленным знакомым. Компании перемещались, приветствовали друг друга, возбужденно перекрикивались, смеялись. В кружках горели luxi candi^[15] разных размеров, а некоторые зрители поступили проще, включив фары машин.

Протолкавшись к возвышению у сосен, Мелёшин остановился. Теперь поляна виднелась как на ладони. Костры разложили по кругу, и от жара огня снег растаял, обнажив черное замкнутое кольцо, за границей которого собрались любопытные.

— Иди сюда, — потянул меня Мэл и прислонил спиной к себе. Очертил над головой дугу и еще несколько кривых поменьше перед моим носом и за своей спиной. Вокруг ощутимо потеплело, и нос перестал замерзать.

— Держи, настраивай окуляры, — протянул приспособление, оказавшееся большим биноклем. Мелёшин повесил мне шнур на шею и показал, как сфокусировать изображение по глазам. Сам он натянул на голову вязаную шапочку и поверх очки на резинке, какие бывают у пловцов. Завершив подготовительные маневры, прижал к себе, обхватив меня за талию.

— Ну, как? — спросил на ухо. — Не мерзнешь?

Я помотала головой. Незнакомая обстановка разволновала и взбудоражила, но ощущение надежной защиты за спиной и крепкий захват рук успокоили. Все-таки позади меня парень, и не абы какой, а заботливый и беспокоящийся обо мне.

Расчувствовавшись, погладила его руки, сомкнутые на поясе, и в ответ Мэл потерял носом о мою щеку, заставив участиться пульс. Чтобы отвлечься, я занялась настройкой бинокля, после чего взялась разглядывать обстановку.

Оказывается, у многих из присутствующих были очки, похожие на Мелёшинские.

Некоторые зрители надвинули их на глаза и смотрели на поляну. Видимо, очки являлись упрощенным аналогом биноклей и оставляли руки свободными.

Около черного круга теснился народ. Мелькали лица, доносился веселый смех. Мимо нас прошли несколько компаний, выбирая подходящее для обзора место, и по-свойски поздоровались с Мэлом. Он пожимал руки, сделав, наверное, тридцать или сорок рукопожатий зараз. Интересно, почему у парней руки не отваливаются приветствовать друг друга? Об этом я спросила у Мелёшина, а он рассмеялся и еще крепче прижал к себе.

— Откуда всех знаешь? — поинтересовалась у него.

— Так получилось.

— А ты участвовал в своей цитрусе?

— В цертаме, — поправил он. — Было дело.

— И побеждал? — спросила, предвкушая ответ с детским любопытством.

— Было дело, — повторил Мэл и положил подбородок на мою макушку.

— Сколько раз? — выпытывая, я поелозила в объятиях, призывая к ответу.

— Ну... пять или шесть, — не стал он вдаваться в подробности. — Не помню.

Ага, "не помню". На месте Мэла я бы каждый день протирала и пересчитывала медальки или то, чем здесь награждают призеров. Не представляя толком цель мероприятия, тем не менее, заужавала Мелёшина и с гордостью позыркала по сторонам: все видят, что меня обнимает неоднократный победитель цукисты?

— А ноги не устанут?

— Нет. Самое большее, длится час, но это бывает редко. Сегодня всего семь участников, поэтому приличный банк.

Ну, конечно, Мэл приехал сделать ставку, как я могла позабыть?

— Точно не мерзнешь? — сунулся теплым носом мне в ухо.

— Нет. Варезки не требуются, нос не отвалился — значит, не мерзну.

— Стой здесь и никуда не уходи. Сейчас быстренько сбегаю и вернусь, ладно?

— Хорошо, — пробурчала я. Смешное указание. Куда денуть в незнакомой толчее, вдобавок на морозе?

Мелёшин исчез среди зрителей и двинулся по направлению к кругу. Ясно, делать ставку на Дэна. Я следила за перемещениями Мэла с помощью бинокля — серая шапочка то появлялась, то исчезала между головами.

Когда руки устали держать тяжеленную штуковину, опустила ее, пусть немножко повисит и пооттягивает шею. Мелёшин выбрал удачный наблюдательный пункт: впереди никто не загораживал обзор и сзади никто не нависал, гогоча и обмениваясь впечатлениями. Неподалеку стояла небольшая компания парней и девушек. Одна из них, в красивом зимнем костюмчике, показала на меня своей подруге и что-то сказала.

Вокруг веселятся дружные компании, а Мэл бросил меня в одиночестве, отдав предпочтение какой-то паршивой ставке, — подумала я с внезапной горечью и, чтобы не расстроиться еще больше, посмотрела в небо. На индиговой ткани проступили, разгораясь, мелкие звездочки-точки. В городе подобной красоты не увидишь, в крайнем случае, жиденький кусочек в просвете зданий. Здесь же, в удалении от мегаполиса, безбрежное пространство, нависая, словно собиралось придавить своим величием весь мир. По сравнению с холодной вечной пустотой проблемы рода человеческого показались мелочным и никчемным копошением.

Что-то понесло меня в тягостные раздумья, так недолго и самобичеванием заняться.

Переключившись, я снова взяла бинокль и вернулась к просмотру поляны. Несмотря на всеобщее возбуждение, у меня не получилось заразиться атмосферой мероприятия, и я чувствовала себя чужой на этом празднике жизни.

Мимо прошла компания парней и девушек, успевших согреться горячительным. Парни пошатывались и вели себя чересчур шумно, пихаясь и смеясь. Один из них, разбуянившись, невзначай толкнул меня в спину, и я едва удержалась на ногах.

— Ой, извините, — сказал виновник. — Не заметил, — раскланялся шутливо.

— Ничего страшного, — отошла я в сторону, пропуская веселую толпу.

— Двигай с нами, — предложил другой парень. — Зачем топтаться в углу? Пошли вместе, — потянул меня за собой.

— Нет, спасибо, — вывернулась и поняла, что он не отвяжется. Где же Мелёшин, нужный как никогда? — Ты иди, а я попозже приду.

Компания удалилась вперед, а подвыпивший парень застопорился.

— Точно придешь? — уточнил, покачиваясь.

— Точно-точно.

— Ну, смотри у меня, — стукнул по спине. — Жду. Тс-с, — приложил палец к губам и двинулся догонять остальных.

Фух, — выдохнула я облегчением. На всякий случай переместилась ближе к соснам, прячась от разнудавшейся толпы, и переведя дух, поняла, что начинаю замерзать. То ли потому что ушла со своего места, то ли парень спутал заклинание, размахивая руками, но я вдруг почувствовала, как прихватило нос, и застывают руки. Меня зазнобило.

Засунула руки в карманы, чтобы унять дрожь, а потом надела варежки. Посмотрела по сторонам: никому я не нужна, в том числе и Мэлу, ринувшемуся за долгожданной ставкой. Что же делать? Незаметно примерзнуть к дереву?

Потоптавшись, я приняла решение. Расталкивая кучкуюющийся народ, двинулась к единственному доступному источнику тепла — кострам, горящим на поляне. Меня окликали, со мной хотели познакомиться, а Мелёшин исчез, попросту пропал, делая свою ненаглядную ставку. Ненавижу его.

Пробившись к краю круга, я протянула к огню озябшие руки. Выяснилось, что у костров собралось немало желающих погреться, и можно облегченно выдохнуть, не выделяясь белой вороной среди полчища висоратов. Наверное, поддерживать теплый колпак над головой не каждому под силу.

У яркого огня я постепенно отогревалась и, вдыхая запах потрескивающего костра, смотрела на отлетающие искры. Пахло приятно, как во снах, в которых среди свежепобеленных деревьев тлел костерок из прошлогодних листьев.

Куда пропал Мэл, и когда начнется обещанное цуккини?

Словно отвечая на мой вопрос, глаза выхватили на противоположной стороне парня, похожего на Мелёшина. Он беседовал о чем-то с девушкой, черные кудри которой выбивались из-под шапочки. Девушка весело рассмеялась, двойник Мэла тоже. Занятый разговором, он не спешил бежать и проверять, жива я или заледенела под сосной.

На всякий случай — вдруг обозналась — направила бинокль на него. Так и есть, Мелёшин стоял вполоборота и трепался, не отвлекаясь на мелочи в виде забытой меня. Правильно, зачем тратить время по пустякам, коли срочно зачесался язык.

На глаза навернулись обиженные слезы. Ненавижу! Трижды ненавижу! Чтобы у него уши свернулись трубочкой от мороза!

В это время под рев публики в круг вышел парень в куртке и без шапки, и зрители засвистели и приветственно захлопали. Покуда первый участник прохаживался, принаравливаясь и разрабатывая руки, толпа замерла и притихла. Парень расставил пошире ноги и начал водить руками, словно прокручивал в ладонях невидимую палку. Из-под его пальцев начала выходить голубоватая искрящая лента, и чем длиннее она становилась, тем больше напоминала копье, кривое и зыбкое. Это была flammī.

Зрители затаили дыхание. Парень осторожно взял созданную молнию и стал раскручивать в воздухе, сначала медленно, затем все быстрее и вдруг, подскочив, с силой вонзил в землю. Вверх взвился столб снега и земли.

Публика засвистела и закричала. На место образовавшейся воронки бросились несколько человек с длинными линейками, чтобы замерить глубину и ширину.

— Три на четыре сорок! — закричал один замерщик в рупор, а другой развернулся к зрителям и продублировал условными знаками. По поляне прошел гул голосов, раздались хлопki.

Второй участник оказался высоким и худым. Он неторопливо создал свою flammī*, а когда с криком ударил ею в землю, сперва пышным фонтаном взметнулся снег, и лишь затем хлынул земляной гейзер, накрыв белые россыпи. Зрители дружными аплодисментами выставили высокие баллы за визуальный эффект, зато воронка оказалась поменьше в размерах.

Следующим вышел Дэн, шумно приветствуемый толпой. Парень бил себя в грудь и что-то кричал, обходя круг. Похоже, он считался фаворитом. Завершив обход, Дэн встал на свободном участке, не разрытом предыдущими участниками, создал flammī*, длинную и звенящую от напряжения, и, подпрыгнув, с силой пустил ее под ноги. Молния исчезла, впитавшись в снег, и наступила тишина.

Прошло три секунды, пять, десять. Народ растерянно загудел. Неожиданно земля под ногами задрожала и завибрировала, и зрители попятились, отступая от круга, а с ними и я, испугавшись. Раздался громкий хлопок, и в небо выстрелил высоченный залп снега и грязи, окатив не только близлежащих зевак, но и задние ряды на опушке. Народ ошалело созерцал, а потом зашелся в диком реве и воплях. Замерщик оповестил в рупор:

— Четыре девяносто в глубину.

По восторженной реакции публики, отряхивающейся от земли и снега, стало ясно, что Дэн претендует на победу. Я тоже торопливо стряхивала с себя комочки и пыль, успевая смотреть, как парень снова обошел круг, выставив ладонь и собирая приветствия поклонников.

После Дэна вышел следующий участник и приготовился создать свой шедевр, как вдруг по толпе прокатились волнение и суэта. Массы всколыхнулись, и началась сумятица. Кто-то завизжал, кто-то засвистел. Машины засигналили, включая фары, и некоторые водители рванули с места, покидая поляну.

Меня грубо толкнули пару раз, едва не затоптав, и я метнулась под сень ближайших деревьев, прижавшись к стволу. В удалении от костров резко похолодало. Толпа разбежалась, редая, а вдалеке послышалось завывание сирен.

— Эва! — закричали совсем рядом. — Эва!

Я выступила из темноты в свет костров. Поляна стремительно пустела, машины разъезжались в разные стороны, сигналив.

— Эва, черт побери! — схватил за руку невесть откуда взявшийся Мэл. — Я тебя

обыскался. Хочешь, чтобы у меня сердце остановилось? — Он потащил к машине, а я послушно перебирала ногами и тупо внимала. — Скорее! С минуты на минуту здесь будет отделение. Кто-то слил информацию!

Мы подбежали к "Мастодонту", около которого переминалась черноволосая девушка в шапочке. Именно с ней Мелёшин любезничал уйму времени, позабыв обо всём на свете. Позабыв обо мне.

— Мира — назад, Эва — вперед! — толкнул меня к танку и побежал к водительскому сиденью. — Быстрее!

Девушка резво вскочила на заднее сиденье, я же, в юбке и с биноклем на шее, возилась на подножке как каракатица, и у меня не получалось забраться.

— Эва, поторопись! — простонал с отчаянием Мэл, заводя двигатель и включая фары. — Где застряла? Все давно в машине, одну тебя ждем.

Всё, мое терпенье кончилось! Я стащила бинокль с шеи и швырнула его в снег.

— Отвали, Мелёшин, раз и навсегда!

Спрыгнула с подножки и помчалась вглубь леса по колее, видимой в свете фар.

— Эва? — позвал растерянно Мэл. — Эва!

Я бежала от машины куда глаза глядят, запинаясь и спотыкаясь. Пару раз упала, набрав полные сапоги снега, и снова выбралась на разбитую многочисленными колесами колею. Оскудевший свет фар потерялся за деревьями, и вокруг подступила темнота. Я продолжала ковылять вслепую, не разбирая дороги.

— Эва! — Услышала, что Мелёшин бежит следом за мной. — Эва, остановись!

— Ненавижу, ненавижу, — бормотала и телепалась дальше в темноту. Запнулась и кубарем полетела куда-то вниз, хорошо, что недалеко. Снег забил лицо, шапка сползла на глаза.

Отплевываясь, я попыталась подняться на колени.

— Что ты творишь? — закричал где-то рядом Мэл, поднял меня и начал трясти. — Соображаешь, что делаешь? Ты могла свернуть шею!

— Уйди! — стала отпихиваться. — Ненавижу!

Вместо ответа он подхватил меня под локоть и потащил обратно.

— Ну, в кого ты такая трудная?

— Это я трудная? — закричала, вырываясь. — Это меня такую трудную оставили одну, а колпак перестал греть через пять минут? Это меня трудную бросили в незнакомом месте, где никого не знаю? Это я такая безнадежная, да? Ну и кинь меня здесь! Оставь в покое! Зачем вообще потащил сюда?

Завывание сирен стало громче и ближе. По верхушкам деревьев мазнул луч света.

— Быстрее, Эва, — снова ухватился за меня Мелёшин. — Потом поговорим.

— Нет, сейчас, — застопорилась упрямо.

Вместо ответа Мэл схватил меня и перебросил через плечо. Шарф защекотал лицо.

— Отпусти немедленно! — начала я брыкаться и пинаться, когда Мелёшин, увязая в снегу, двинулся обратно.

Он весьма чувствительно саданул по пятой точке.

— Еще дернешься, ударю сильнее.

Я замерла. Обратный путь мы проделали в молчании, однако внутри меня клокотала взрывоопасная смесь злобы, ненависти и гнева. Хотелось разорвать, загрызть и растоптать всё, что подвернется под руку.

Сгрузив меня у машины, Мэл впихнул на сиденье и, обежав, забрался сам. Резко сдал задним ходом и поехал в неизвестность, рассекая темноту фарами.

Снег, в котором я извалялась, начал таять в тепле салона, и промочил шарф и шапку с варежками. Колготки тоже намокли, в сапогах зачавкало. Несмотря на пристегнутый ремень, меня потряхивало на кочках и болтало во все стороны; наверное, внутренности перемешались в однородную гомогенную смесь. Вдалеке в просвете между деревьями мелькнула вереница движущихся точек, но они пропали за рощей, а машину снова затрясло по буеракам. Да, "Турба" скончалась бы в первую минуту экстремального лесного приключения.

Наконец, Мелёшинский танк вырулил из неприметного лесного закоулка на дорогу, и я вздохнула с облегчением.

— Егорчик, ты молоток! — раздался голос с заднего сиденья, и я с изумлением обернулась. Сзади сидела незнакомка, с которой Мэл флиртовал на цертаме, забыв обо мне, а я совершенно забыла о том, что она ехала в машине.

— Привет! — поздоровалась со мной девушка.

— Привет! — буркнула я в ответ и занялась сапогами. Сняв их, вытряхнула остатки мокрого снега на коврик.

— Мира, — попробовала познакомиться девушка.

— Эва, — пробурчала я и размотала ставший тяжелым и холодным шарф.

Видя мою неприветливость, девушка переключилась на Мелёшина. Она поделилась восторженными впечатлениями от citrusового мероприятия, рассказала об общих друзьях, с которыми приехала, и Мэл сдержанно ей поддакивал, изредка поглядывая на меня.

Девушка не затыкалась, вспомнив о других экстравагантных сборищах, на которых побывала, и сравнила их с сегодняшней citrusовой эйфорией; поведала об изменениях в личной жизни общих знакомых, а потом перевела разговор на машины. Мелёшин поначалу осторожно кивал, посматривая на меня, видимо, оценивал степень сердитости, а потом разошелся, не в силах удержаться. Тут-то и выяснилось, что у него и девушки много общего. Оба оказались страстными любителями автотехники и принялись обмениваться мнениями о новинках и модных марках, перебивая друг друга. Мне показалось, что у Мэла началось слюноотделение, когда он расписывал характеристики гоночного автомобиля, название которого я не запомнила, зато девушка подхватила тему, вторя дифирамбами обтекаемому кузову и малому времени разгона.

За моим молчанием и оживленной беседой Мелёшина и девушки, машина домчалась до развязки и повернула на скоростную трассу, по которой стартовала от института.

Я взглянула на часы: стрелки показывали начало девятого. К счастью, сносшибательное приключение быстро закончилось, завершившись моим срывом, и почему-то у меня не возникло ни капли неловкости перед знакомой Мэла. Наоборот, в душе росло упрямство и желание делать наперекор.

— Егорчик, а мы куда? — оглянулась по сторонам девушка.

— Завезем Эву, — пояснил он, переключая скорость.

— А-а. А вы, Эва, тоже любите машины?

— Нет, — отрезала я. — Ненавижу их.

— О! — удивилась девушка. — А чем увлекаетесь?

— Учусь.

— Здорово! А где, если не секрет? Я вот в прошлом году ходила на бальные танцы, пока ногу не потянула.

— Учусь в институте, — огрызнулась я и отвернулась в окно.

— Ну, да. Понятно, — разочарованно отозвалась девушка и, посчитав, что других тем для разговора нет, обратилась к Мелёшину: — Егорчик, поедешь в воскресенье на гонки по северной трассе? Будет пятьсот кэмэ.

— Не знаю, — пожал он плечами в оконном отражении и посмотрел на меня.

— Соберутся все наши, — продолжила зудеть как комар девушка. — Маруську не узнаешь: сделала новую стрижку и выкрасилась в розовый, представляешь? Выражает протест предкам, заслывшим её в лицей. Я, говорит, против тюремных санкций и за свободу самовыражения. Она теперь встречается с Филом, тоже из чувства протеста, представляешь? Фил же... имеет привод в отделение, — понизила голос девушка и вздохнула мечтательно. — Противоречивый и мужественный. Бунтует против отца, тот обреза

кредиты по счетам. Они оба такие характерные! Революционеры!

Не сдержавшись, я фыркнула и сделала вид, что закашлялась. Тоже мне движение сопротивления. Не транжирили бы папашкины деньги, глядишь, не потребовалось бы лезть на баррикады.

— Лялечка перешла на новинки — продолжила девушка. — Катает себя исключительно на них.

— Неужели за руль села? — хмыкнул Мэл, и его собеседница рассмеялась.

— Куда ей? Коллекционирует парней с последними моделями, но на каждой гулянке обвиняет тебя в вашем расставании.

Танк дернулся, прибавив скорости. Я считала мелькающие фонари и кусала губы.

— Ей нужно меньше пить и не трепать языком, — сказала грубо Мелёшинское отражение и, взглянув мою сторону, сменило разговор: — Мира, чем сейчас занимаешься?

— Ой, учусь кататься на горных лыжах, а на прошлой неделе удалось распечатать папулю на зимний курорт. А вы, Эва, любите горные лыжи?

— Я учусь. В институте, — отчеканила, не оборачиваясь.

Девушка примолкла, но ненадолго. Язык у нее оказался без костей, и она без всякой задней мысли растрепывала подробности знакомства с Мэлом, потому что не воспринимала меня в каком-то особом ракурсе. Или потому что Мелешин не посчитал нужным сообщить. Вот и всё.

Из откровений Миры я сделала выводы, что девица культурно развивается, посещая легальные и нелегальные развлечения для золотой молодежи, несмотря на наличие строгих родителей, и что Мелёшин тоже завсегдатай шумных сборищ для избранных и ведет бурную вечерне-ночную жизнь.

Интересно, пожалел ли он, что прихватил девицу с собой? Я смотрела в окно и не могла разглядеть выражение лица Мэла. И зачем он вообще посадил девушку в машину? Если она каким-то образом попала на лесную опушку, пусть бы выбиралась самостоятельно из глуши, а не приклеивалась к разным парням.

Вскоре замелькала знакомая ограда института, и Мелёшин лихо завернул на стоянку. Обувшись в мокрые сапоги, я замоталась в шарф и схватила сумку. Мэл оперативно выскочил из машины и очутился внизу, страхуя вытянутыми руками.

— Не стоит, — ответила я холодно, но Мелёшин не послушался, стянув меня за талию.

— Провожу тебя.

— Нет, — отрезала я и побрела, чувствуя, как мерзопакостно ногам в мокрой обуви, и шарф неприятно холодит шею.

— Егорчик, мы едем? — высунулась из дверцы девушка.

— Подожди, — отмахнулся Мэл и взял меня за локоть.

— Не надо, — вырвала я руку. — Катись отсюда. Сама дойду.

— Я провожу, — не менее настырно ответил он, схватив мою сумку.

— Мелёшин, не стоит препираться. Ты упрямый, я тоже. Хочешь меня заморозить?

— Пойдем, — направился он к калитке.

— Говорю же, дойду сама. Не заставляй ждать свою... близкую подругу.

— Она говорила много лишнего, не обращай внимания, — сказал Мэл виновато. — Напросилась подвезти. Зря я согласился.

— Не оправдывайся. Всё в порядке, — уверила я нарочито спокойно. Толкнуть, что ли, его в сугроб?

— Все-таки ты ненормальная. Зачем тебя понесло в лес?

— Я ненормальная? — воскликнула с горячностью. — Помнишь, ты сказал, что не причинишь мне боль?

— Если имеешь в виду... ну, когда я ударил тебя в лесу по... — замялся он.

— Дурак ты, Мелёшин. За сегодняшний вечер сделал больно раз десять, — увидев испуг в его глазах, приложила мокрую варежку к сердцу. — Вот здесь болит. Не переставая. И знаешь что? Твой цитрус мне не понравился. Можешь хоть сейчас позвонить Пете, на здоровье. Просто не жалеешь меня прежде всего. Добиваешься каких-то своих целей, ступая по головам, по ногам, по трупам, но какой ценой?

— Ты замерзнешь, — сказал он, растерянный тирадой.

— Не могу понять, чего хочешь от меня, Мелёшин, и какие между нами отношения. Определись, пожалуйста, и отдай сумку, у меня ноги застыли.

— Егорчик, когда поедем? — крикнула нетерпеливо девушка, опять высунувшись из машины. — Давай заскочим по пути в "Вулкано". Там сегодня отличный танцинг.

— Слышал? — кивнула я в сторону танка. — Как ты мог забыть? У тебя следующим пунктом стоят танцальки, а мне нужно срочно сушить шмотки и греться в душе. Я же недолеченная, зато здорово развлеклась и наелась снега.

— Эва, зачем ты так? — отозвался тоскливо Мэл.

— Да мне осточертело с тобой сюсюкаться, когда на тебе виснут другие бабы! — закричала я, стуча зубами. — Когда они как мухи роятся вокруг тебя! Когда ты уходишь и забываешь обо мне, пропадая неизвестно где и неизвестно с кем! Я так не хочу, понял? У меня есть только мой и больше ничей парень! А ты мне кто? Однокурсник! А теперь беги и звони, стучи ему, злорадствуй! — вырвав сумку из рук Мелёшина, потерявшего дар речи, я побежала к калитке. Чуть не шмякнулась на повороте и, не оглядываясь, помчалась как ошпаренная мимо темных ангельских фигур. А Мэл не стал догонять, чтобы объяснить и оправдаться.

Прибежав в общежитие, я развесила вещички на батарее и ринулась в душ. Долго стояла под горячими струями, бездумно вперившись в кафель, и дрожала неизвестно от чего. То ли от нервного перенапряжения, то ли оттого, что не могла отогреться. Наконец, разомлевшая и распаренная, вернулась в комнатуху, напилась сиропоного раствора и залегла на кровать. Не прошло и пяти минут, как начались визиты.

Сначала ворвалась Аффа.

— Представляешь, что творится? — воскликнула она.

— Не представляю, — свесила я ноги с кровати. — Поставь чайник, а то мне неохота.

Она сбегала в пищеблок.

— Костик сказал, что сегодня закрыли клуб! — сообщила новость, вернувшись.

— "Одиночество", что ли?

— Какой же еще? — заметалась по швабровке девушка. — Администрацию обвинили в расовом подстрекательстве и спланированном жестоком избиении висората. В районе начались повальные облавы, ищут виновников.

— Да ты что! — ахнула я, прижав ладонь ко рту.

— Поэтому неделю — полторы не суйся в квартал. Всех подозрительных хватают без разбору. Говорят, нашлись свидетели, и составлен портрет активного зачинщика издевательства. Понимаешь, о ком я? — намекнула многозначительно Аффа, сев на кровать.

О Тёме, о ком же еще?

Настал мой черед бегать по коврику.

— Что же получается? Это как же называется? Что это за умелец, который перевернул с ног на голову, а? Как думаешь?

— Не имею понятия, — пожала плечами девушка.

— Мелёшин! Сообщил папуле и приукрасил: ах, его, бедняжку, излупцевали на клубных задворках в неблагополучном квартале. Папочка, не долго думая, схватил веник и пошел гонять виноватых. Поставил весь район на уши из-за побитого сыночка!

— Ребята несут убытки. У них капитал собран в складчину, а если клуб прикроют надолго, то будет нечем платить за аренду.

— А папулькино чадушко ездит на развлекашки и делает ставки! — гневно потрясла я кулаком в пространство.

— На какие развлекашки? — не поняла Аффа.

— На разные. Нет, ну, каков хамелеон! — продолжила я разоряться. — Овечка божья в волчьей шкуре.

— Неужели Мелёшин настучал? — спросила недоверчиво соседка. — Он ведь тоже приложил руку к драке.

— Не просто приложил, а начал ее. А теперь сделал, как ему угодно, и вывернул шкурку наизнанку. Знакомый почерк, не находишь?

Разговор прервал Радик с кастрюлькой под боком. Я познакомила его с Аффой, а девушке сделала знак, чтобы она лишний раз не откровенничала при парнишке. Юноша поначалу вел себя стеснительно, но быстро освоился.

Из-за лени мы не стали заниматься варкой-готовкой. На скорую руку соорудили бутерброды с сыром и остатками паштета, который принесла Аффа, а после напились чаю с карамельками.

Приход Радика и поздний перекус погасили напряжение, оставив тлеющие угольки недовольства. Если поначалу у меня тряслись руки закатать в коврик всё, что попадет под руку, то теперь я поутихла и успокоилась.

Когда девушка ушла в пищеблок за очередным чайником, Радик сказал:

— Строгая у тебя соседка и красивая.

— Почему ты решил, что строгая? — спросила я удивленно. — Не замечала.

— Она себя не балует, и зверюга у нее такая же. Дисциплинированная и знает меру.

Как же я успела забыть про внутриутробную живность каждого индивидуума?

— Ну, так скажи комплимент в глаза. То есть про красоту. Сделай приятное человеку.

— Не могу, — заробел парнишка. — Вдруг поднимет на смех?

— Ошибаешься, — взялась я за просветительскую деятельность. — Любой девушке польстит похвала. К тому же Аффа учится на твоём факультете, на третьем курсе.

— Молодец, — отозвался уважительно Радик. — А ты съездила, куда хотела?

— Съездила, — сказала я, разгрызая с шумом вдруг надоевшую карамельку.

— Значит, не зря выпал "орел"?

— Не зря, — вздохнула и сложила фантик самолетиком.пустила его, и он сразу рухнул как подкошенный. Также и в отношениях с Мэлом. Не успеешь расправить крылышки, как полет обрывается, не начавшись толком.

Когда поздний ужин завершился, и гости разошлись, я долго ворочалась в постели без

сна. Мелёшин сказал, надо жить проще, но у меня не получалось. Мысли пыхтели разогнавшимся паровозом и мешали спать, хотя на часах давно перевалило за полночь.

Повернулась на левый бок. Зря я высказала претензии Мэлу по поводу роя мух и, тем самым, показала свою слабость. Ведь он не давал мне обещаний и клятв, и даже в симпатии признался неохотно, словно не был уверен, а я завалила его обвинениями, на которые не имела прав.

Теперь на правый бок. Тогда каким образом воспринимать порывы нежности, перемежающиеся с откровенным пренебрежением? Их быстрая смена запутывает меня и заставляет искать скрытый смысл на пустом месте.

Опять повернулась лицом к голубому дереву. Всё-таки Мелёшин преследовал какую-то цель, заманивая в поездку с особой настойчивостью и не погнушавшись шантажом, и вряд ли действительной причиной явилось желание поехать со мной.

Повозилась и развернулась к стене. Обидно, что Мелёшин не посчитал нужным знакомить меня с многочисленным друзьями и приятелями, в том числе и с болтушкой Мирой, которая приходилась ему непонятно кем — то ли родственницей, то ли одной из бывших. К тому же равнодушно забыл обо мне.

Опять развернулась на левый бок. Клуб закрыли, и по вине Мэла, не иначе. Он сдержал обещание, данное Севолоду, и рассказал родителю об инциденте, но почему-то переврал события того вечера, а потом со спокойной совестью собрался на загородное развлечение. Подобное малодушие выходило за рамки моего понимания, наверное, потому что казалось дикостью и в последнюю очередь ассоциировалось с Мелёшиным.

Поворочавшись, я вперила глаза в потолок. И все же Мэл оказался прав. Не нужно заглядывать в далекое будущее, чтобы начать расстраиваться заранее. Достаточно одного дня, чтобы пошатнуть уверенность в другом человеке. В том, который засел в голове как опухоль.

Ну, когда же удастся уснуть?

А наутро — больная голова. Пульсирующая боль в висках сказалась на настроении, и без того не блестящем.

На консультации по матмоделированию процессов я просидела вареной амебой и после звонка поплелась в медпункт к Клариссе Марковне с мольбой о помощи. Фельдшерница сперва осмотрела всевозможные слизистые и покровы, прежде чем надеть спасительной таблеточкой для больной головы, зафиксировала самочувствие в медицинской карточке и вытолкала взащей.

На консультации у Стопятнадцатого я давила в бок невыспавшемуся Капе и выглядывала с галерки виновника моих злоключений. Увы, Мелёшин не объявился, видимо, отсыпался, оторвавшись на полную катушку в отличном танцинге.

На меня накатило разочарование. Убегая вчера от Мэла, я интуитивно ждала, что он догонит, остановит и объяснит, а потом раскается в свинском поведении. И в общежитии, когда ворочалась не в силах заснуть, до последней минуты надеялась, что он объявится, чтобы поговорить. Постучит в окно и попросит впустить для оправдательного разговора. Наивная.

На большом перерыве я заглянула в туалет. Взясась за ручку кабинки, чтобы выйти, как вдруг услышала дробный цокот и голоса, один из которых принадлежал Эльзушке. Следовало бы выскочить из укрытия с громким криком, чтобы у разговаривающих девиц приключилось заикание, а потом феерично удалиться, но я выбрала другой вариант и притаилась, потому что в обрывке разговора проскользнула фамилия Мелёшина.

Простучав, каблукостановились у окна. Поплыл сигаретный дым, и пришлось зажать рот, чтобы не раскашляться. То-то будет позору, если меня обнаружат подслушивающей и ославят на весь институт.

— ...Мэл не успел ответить, — поведал тихий голосок с придыханием. Такими голосками обычно нашептывают на ухо сплетни в темном углу, озираясь по сторонам. Эх, кабы посмотреть, кто говорит, да вдруг выдам себя ненароком?

— И что дальше? — отозвалась нетерпеливо Эльзушка.

— А ничего. Дегонский создал *airea candi*^[16] и окатил им себя.

— Разве такое бывает?

— Значит, бывает. Не удержал, видно. Говорят, страшный смерч создал.

Эльзушка засмеялась:

— Если говорят, что страшный, делим на сто, и на деле получается плюгавенький циклончик.

— Можешь не верить, — обиделась невидимая собеседница. — В общем, Дегонского своим же заклинанием отбросило к дереву и сильно ударило. А потом секунданты оформили как надо: отбуксировали за ограду, вызвали скорую и вовремя смотались.

— Кто за Мэлом был?

— Пестрый... Макес, — вспомнил голосок.

— Надо полагать, — отозвалась задумчиво Эльзушка. — А за Дегонским?

— Такой высокий и некрасивый, с четвертого курса.

Собеседница не ответила. Видно, затянулась сигаретой и смотрела в окно.

— А Изка что?

— Изка? — удивилась незнакомка. — Цветет и пахнет. Нашла ухажера не из наших, какого-то делового, вдвое старше.

— А Мэл что?

— Почем мне знать о Мэле? — ответил раздраженно голосок.

— Ну, подробности димикаты^[17] тебе известны, — сказала Эльза с усмешкой. — Хотя кроме секундантов никого не допускают. Откуда?

— У меня свои проверенные источники, — пояснила горделиво информаторша. — Говорят, чтобы напоследок уесть Изку, Мэл примчался вчера на цертаму с каким-то чучелом.

— С каким чучелом? — спросила заинтересованно Эльзушка, и мне почудилось, выпустила коготки, принявшись точить их об оконный косяк. А чучелом-то называли меня. Чучелом, которое привезли на край леса, чтобы позлить Изку. Блондинку, которой накануне всё объяснили.

— Не знаю, но их видели вместе. А Изка вчера как раз не поехала. Ну, Мэл увидел, что прискакал впустую, и у него сразу пропал интерес. Зато сегодня почти отыгрался.

Молот с грохотом ударил по наковальне, и наступило озарение. Вот почему меня настойчиво уговаривали поехать на зимнюю забаву! Чтобы использовать в качестве разменной пешки при выяснении своих ферзекоролевских отношений.

— Дегонский теперь не игрок, — заключила Эльза, и что-то зашелестело. Девицы встали с подоконника и медленно поцокали к выходу. Остановились напротив моей кабинки, и у меня захолонуло сердце.

— Кто бы знал, что появится третий лишний? — сказал голосок, и по дверце стукнуло. Хорошо, что я не успела отодвинуть щеколду, а сплетницы не стали проверять кабинку.

Эльзушка весело захихикала, и её поддержал тоненький повизгивающий смех.

— Мэлу полезно, — сказала Эльза. — А то мальчик зарвался: меняет подружек чаще, чем машины.

— Говорят, между ними давно нелады. Что-то они не поделили, и Дегонский запитал благие чувства к Мэлу.

Девицы опять засмеялись.

— Два быка сцепились за рога, а знаешь, кто в выигрыше? — сказала сквозь смех Эльзушка.

— Неа.

— Изка. Катается на тачке с шофером и в ус не дует.

— Точно, — согласился голосок, и каблук уцокали из туалета, а я съехала вниз по стенке, не заботясь о чистоте кабинки. Не до того было. Унять бы предательскую дрожь в ногах и охладить горящие щеки.

Не помню, сколько просидела неподвижно. Очнулась, когда стукнула дверца по соседству. Выползши, я долго плескалась у раковины, остужая покрасневшее лицо. В зеркале отражалась кабинка, на которой моя провидческая рука вывела не далее как неделю назад: "М+И+Д =?". Стоило рисовать не вопрос после знака равенства, а чьи-то ветвистые рога.

Вот так. Не я — героиня романа, а другая, из-за которой бьются в парке. Мне отвели роль второстепенного персонажа, ставшего средством для достижения цели.

Автоматически одевшись у раздевалки и считая шаги, я побрела из института, но на

повороте к общежитию заметила столпотворение у институтских ворот и услышала громкие голоса. Сходить, что ли, посмотреть? Может, там раздают по дешевке лекарства от беспредельной простоты?

Благотворительностью никто не занимался, но, несмотря на морозец, у кованой решетки оказалось тесно. В основном, толпились парни, но в сторонке я увидела переговаривающихся девчонок. Внимание собравшихся сконцентрировалось на Мелёшинском "Мастодонте", точнее, на инвалиде, коим стал танк. Разбитые фары, погнутый и вырванный с мясом бампер, проколотые и спущенные шины, глубокие вмятины на крыше и капоте, словно кто-то тяжелый прыгал по машине как на багуте; три сквозных дыры в лобовом стекле, каждая в окружении мелкой сетки расходящихся трещин, полностью замутивших стекло...

Рядом с этой красотой стоял мрачный Мэл и подбрасывал в руке телефон.

Осторожно пробравшись между зрителями, я подошла поближе. По левому боку "Мастодонта" протянулись жуткие царапины, словно их оставила царапучая пятерня, вспахавшая полированную поверхность. Или чья-то шипованная перчатка. На задней дверце нарисован белой краской глаз с закрашенным зрачком, а на передней красовалось предупреждение: "Вход заказан", и я мгновенно поняла, где Мелёшина всегда будут ждать с распростертыми объятиями.

Толпившиеся парни выдавали, в основном, ругательства и нечленораздельные междометия, поражаясь наглицизму вандалов, угробивших чудо-транспорт.

С визгом тормозов завернула и остановилась возле танка яркая гоночная машина, казавшаяся игрушечной по сравнению с "Мастодонтом". Из машинки вылезли Дэн и Макес, и, растолкав любопытных, подошли к Мэлу. Макес поглядел на поруганный автомобиль и витиевато выругался.

Я могла бы крикнуть, чтобы товарищи следили за культурностью речи, ведь в толпе стоит особа нравственно чистая, которую воротит от подобных высказываний, но представила себя на месте хозяина, над чьей драгоценной машиной поглумились с варварской жестокостью, и промолчала.

Дэн пошел в обход танка и, скрывшись сзади, присвистнул. Значит, с другой стороны зрелище не менее разорительное.

— Ну что? — спросил Макес, разглядывая анфас подбитого "Мастодонта". — Отделение вызвал?

Мелёшин отрицательно покачал головой.

— Сильно отделали, — заключил Дэн, подходя. — Днище пробито, багажник изнахрачен. Видел?

— Видел, — ответил Мэл.

— Спрашивается, как им удалось передать привет при свете дня? — спросил Дэн. — Мимо беспрерывно шляется народ, и наши без конца бегают курить.

Мелёшин пожал плечами:

— Значит, как-то удалось.

— Он не хочет вызывать отделение, — пояснил пестроволосый Дэну, точно поставил диагноз неизлечимому психу.

— Чеканулся? — Дэн присел на корточки, разглядывая остатки бампера.

Мелёшин, переминаясь, выбрал номер на телефоне и сделал короткий звонок, отвернувшись спиной к сочувствующим зрителям.

— Вызвал? — спросил Макес.

— Эвакуатор.

Дэн потрогал пальцем разбитое стекло фары, и когда оно высыпалось на снег, смачно выругался.

— Когда поставил?

— Около десяти, — сказал Мэл, засунув руки в карманы куртки.

— За... — Дэн посмотрел на запястье, — три часа они умудрились превратить машину в говешку, а никто не заметил. Тут же наверняка стоял грохот на весь район. Свидетели есть?

— Нет.

— Почему не хочешь отделение?

— Потому, — объяснил Мелёшин, и, пробежав взглядом по толпе любопытных, встретился со мной глазами. Некоторое время осознавал, потом нахмурился и отвернулся.

Попятившись, я вышла бочком из толпы, стараясь шагать неслышно, будто скрип снега мог привлечь внимание. У калитки напоследок взглянула на сборище и вздрогнула, натолкнувшись на лицо Мэла, угрюмо смотревшего мне вслед. А потом его заслонил Дэн, поднявшийся с корточек, и я пошла в общежитие на обед.

Прием пищи прошел мимо меня. Вроде бы мы с Радиком что-то варили, и я что-то отправляла в рот, жуя, но не чувствовала вкуса.

— Ты не заболела? — растормошил меня парнишка и приложил ладонь ко лбу. — Бледная, и глаза блестят.

— Разве? — удивилась я отстраненно.

— Вроде бы температуры нет. Зову, а ты как кукла. Не пугай меня больше, ладно?

— Не буду, — пообещала, но как уследишь за собой?

— Тебя что-то беспокоит? — допытывался Радик. — Зверь прикрыл лапами нос и выглядывает.

— Да-да, выглядывает, — поддакнула я машинально и очнулась: — Какие лапы? А-а, всё нормально, не волнуйся. Обычные женские проблемы.

Объяснение подействовало на парнишку безотказно. Он покраснел как рак и не лез с расспросами. И все же Радик интересовался не впустую. Что меня беспокоило? Всего лишь прорва информации, свалившейся за короткое время. Я совершенно не понимала противоречивость поступков Мелёшина: его нежность и ласковые слова и, как противопоставление, димиката с Дегонским и месть блондинке.

Мне не хватало духу признать, что искренность Мэла оказалась фальшивой, потому что я боялась окончательно разочароваться в нём.

Перед тем как зайти в институт, я оглянулась на институтские ворота. За оградой безлюдно, стало быть, Мелёшин разрешил проблему с изувеченной машиной.

На лабораторной сдаточной работе у Ромашевичевского предстояло приготовить снадобье трезвого ума и чистой памяти — такую же блевотину, которой Аффа поила меня после тяжелого коньячного похмелья.

Пока другие студенты неспешно подтягивались после большого перерыва, я удачно проскользнула одной из последних, попав в тридцатку счастливиц, допущенных к занятию. Получив у лаборанта стандартный экипировочный набор, облачилась и завалилась в помещение, оборудованное защитными кабинами. Небольшие застекленные кубы, обшитые пластиком на метр от пола, широко использовались при приготовлении снадобий, потому что легко драились после неудачных экспериментов. Проще отмывать узкое изолированное пространство, нежели, стоя на стремянке, соскребать прилипшие кляксы с высокого потолка и светильников, рискуя переломать конечности или шею.

Поскольку кабин всего пятнадцать, а студентов в полной лабораторной боеготовности — в два раза больше, предписывалось варить снадобье в парах и честно поделиться результатами труда с напарником.

У входа преподаватель терроризировал Эльзу, имевшую недовольный вид, но молчаливо сносящую издевательские намеки Ромашки на бездарность и минимализм знаний.

— Штице, ваши умственные способности странным образом скачут из крайности в крайность, — язвил Ромашевичевский, — и эта незакономерность пугает. Прихожу к выводу, что не стоит допускать вас к практической реализации задачи.

Опасаясь переключить внимание преподавателя на себя, я пробралась мимо осторожной бледной тени, выискивая на ходу незанятые кабины, и заметила в угловом кубе Мэла, склонившегося над столом, невидимым за пластиком.

За последние сутки я узнала о Мелёшине столько нового, что впору убежать, зажав нос. Поскольку бегство из лаборатории в халате и бахилах выглядело бы, по меньшей мере, сумасбродно, оставалось пройти мимо, сделав вид, что страдаю тяжелой формой амнезии, и занять соседнюю пустующую кабину.

Решение принялось мгновенно. Мне было жизненно необходимо услышать ответы на вопросы, а не довольствоваться скудными пересказами из чужих уст. Для этого я собралась потрясти Мэла за грудки хотя бы потому, что хотела высыпаться ночью, а не отлеживать бока, ворочаясь без сна. Надоело разглядывать по утрам в зеркале синюшные круги под глазами.

Направившись к кабине, рывком распахнула дверь и влетела. Пусть попробует выгнать, даже если не рад видеть.

Мелёшин посмотрел на меня и склонился над дощечкой, нарезая сиреневые листочки клопогона — ни слова, ни полслова на появление напарника. Его молчание тут же воспламенило мою агрессивность.

— Что скажете, коллега? — взяла я в руки пакетик с названием: "Клетемнера обыкн. Корневища молотые", нервно размяла слежавшееся содержимое и хорошенько встряхнула.

Мэл пожал плечами, мелко кроша ботву, окислившуюся до бордового цвета.

— Не слышу оправданий, — напирала я с отчаянной решимостью. — Жду

безрезультатно до сих пор.

— Они помогут? — Мелёшин ссыпал листовое месиво на чашку аптекарских весов. Отмерив нужное количество, переложил в лабораторный сотейник. Включил спиртовку и, поставив сотейник на огонь, засекал время на наручных часах, лежащих на столе.

Ловко у него получается, — отметила я машинально. У него всегда ловко получается.

— Ты уже вынесла обвинение, вижу по глазам, — сказал Мэл и дооформил облик ученого, надев повязку и очки.

— Разве? — Высыпав в кювету размятые корневища, я вывалила туда же цветки гробантуса и принялась растирать пестиком. Мелёшин посмотрел, но ничего не сказал.

— Из-за тебя закрыли клуб?

— Не ожидал, что задашь этот вопрос первым, — Мэл отвлекся от наблюдения за спиртовкой. — Хотя следовало ожидать.

— Зачем соврал отцу, что тебя жестоко избили?

— Я не врал.

— Теперь клуб закрыли, и хозяева несут убытки, потому что кто-то слегка приукрасил действительность, — выпалила я, яростно перетирая смесь.

— И не приукрашивал, — добавил спокойно Мелёшин. Чересчур спокойно.

— Тебя быстро вычислили. Видел, что написано на машине?

— Видел. Думаешь, прыгаю от счастья? — воскликнул он, и в голосе промелькнула бессильная злость.

— Тогда почему?

— Потому что отцу нужен повод. Гр*банный политический мотив.

Рука с пестиком замерла. Для меня слово "политика" соотносилось с циничными и хитроумными ходами родителя по завоеванию и поддержанию популярности.

— Наверное, вы не поняли друг друга, — просветила я Мелёшина, с фанатизмом вдавливая ядовитый цветочный сок в серый порошок. — Папочке можно рассказывать по-разному. Например, ябедничать с крокодилыми слезками.

— Не со слезками, — процедил Мэл. Жаль, две трети его лица скрывала повязка, поэтому приходилось прислушиваться к голосу и приглядываться к глазам, оберегаемым очками. — Я дал обещание и сказал правду: драку устроил, потому что приревновал девушку к невисорату.

Я сперва растерялась, но потом одумалась и вывалила растертую массу в сотейник. Меня теперь не пронять запоздалыми сногшибательными признаниями.

— Тут же две унции! — воскликнул Мелёшин. — А нужно ноль целых пятьдесят три сотых.

— Ну и что? — сказала я с вызовом. — Не нравится, вылавливай излишки.

Не ответив, Мэл уменьшил огонь в спиртовке и принялся помешивать смесь, давшую сок.

— Стало быть, из-за ревности все наши беды, — заключила я, вылив в миску жидкий концентрат из семян штоции, и начала взбивать венчиком. — И в Дегонского всадил заклинание тоже на почве ревности?

— Всегда удивляла скорость, с которой расползаются слухи, несмотря на принятые предосторожности, — хмыкнул Мелёшин и добавил, досадуя на себя: — Опять промахнулся. Следующим тебя разволновал бедолага Дегонский. А я надеялся, что спросишь о вчерашнем.

— Главное блюдо оставляю на десерт, — огрызнулась я, усиленно работая венчиком.

— Я не всаживал, — выключил спиртовку Мэл. — Он сам не удержал его.

— Ага, детка игралась и случайно уронила. А Изка не причем, да?

— Она в прошлом, — сказал Мелёшин, наблюдая за дергаными движениями венчика. —
Дай, взобью.

— Нет! — отодвинула я миску. — Весьма подозрительное прошлое, если из-за него потребовалось устраивать димикату.

— Это дело чести, — ответил он хмуро.

— Какой чести? — отвлекшись я, расплескала добрую треть увеличившейся массы. —
Успеваешь работать на два фронта, да? Мне много лапши не надо, всё съем и переварю, и
Изка останется при делах.

— Дай взбить, — снова попросил Мэл.

— Не дам, — замахнулась на него венчиком.

— Никакой лапши не было.

— Значит, ты соврал, что разговаривал с Изкой?

— Нет. Я поговорил с ней в тот же день, и мы расстались, — ответил неохотно
Мелёшин.

— Так же как с Лялечкой, Мирочкой, Эльзочкой... с кем еще? — начала я заводиться.

— Эва, не сваливай в кучу, — воспользовавшись моментом, он выхватил венчик и
миску, в которой пышной пеной поднялись остатки массы.

— Ничего я не сваливаю, — схватив комок рафинированной соли, стала натирать на
терке. — Если расстались, не понимаю, зачем стреляться с Дегонским.

— И не поймешь. Это мужские дела. Он подбивал клинья к Изке назло мне, и теперь
над нашей троицей потешается весь институт, — продолжил взбивание Мэл. — В туалеты
нельзя зайти: повсюду плюсики мельтешат, а я только сегодня увидел.

У меня вырвался судорожный вздох. Мелёшин упомянул о каракулях, нарисованных на
дверце кабинки в женском туалете. Или глубокомысленные строчки чудесным образом
расплодились во всех местах общего пользования? Выведи моя рука не "Д", а, допустим, "Г",
неужели Мэл калечил бы парней с фамилиями, начинающимися на эту букву?

— И ты поверил анонимной гадости? Вдруг это неправда? — воскликнула, истязая
шорканьем соляной кусок.

— Хороша неправда, если этот говн... Дегонский признался.

Я очнулась, когда ладонь в перчатке заелозила по терке, а на тарелке образовалась
кучка зеленой соли.

— То есть, между ними что-то было? — изумилась совпадению корявой
математической формулы и действующих лиц сердечного треугольника.

— Романтика прямиком из столовой, где поднос утёк, — сыронизировал Мэл, снова
включив спиртовку и поставив сотейник на огонь. Вылил взбитую массу, увеличившуюся
втрое, и взялся помешивать смесь.

— Всё равно не понимаю. Если вы с Изой того... распрощались, зачем стреляться с
Дегонским? Пусть бы шел на четыре стороны и радовался.

— Нет, — ответил жестко Мелёшин. — За подлость, устроенную за моей спиной нужно
отвечать.

— Даже если этой подлости сто лет в обед?

— Предательство не имеет срока давности, — обрубил он. Ишь, какой принципиальный
мститель.

— А на цертаму повез, чтобы позлить Изочку?

Наконец-то запомнила название, — удивилась я про себя и для профилактики беззвучно повторила без запинки.

— Мы с Изкой расстались, и теперь я не в ответе, перед кем она виляет хвостом, — сказал Мэл, уменьшив огонь в спиртовке. — А тем, кто не знал и болтал лишнее, пришлось заткнуть рты, позвав тебя.

От услышанных слов я опешила, растерянно хлопая глазами. Мелёшин без капли неловкости признался, что специально выставил меня на всеобщее посмешище, и объяснил таким тоном, словно его принудили взять меня в поездку по лесным проселкам.

— Может, стоило предупредить? — выпалила, шмякнув тёркой о стол.

— Тогда ты не согласилась бы ни под каким соусом.

Я смотрела на Мэла и поражалась его беспросветному нахальству.

— Зато, Мелёшин, теперь надо мной потешается весь институт. Придется вызывать тебя на димикату.

— Разве потешаются? — удивился он. — Я бы узнал. Не возьму в толк, почему злишься.

— Почему злюсь? — разгорячилась я, размахивая теркой. — Да потому что ты опять перевернул по-своему и выставил так, будто меня должно распирать безмерное счастье за приглашение на лесное развлечение для избранных.

— Это ты перекручиваешь, как тебе выгодно, — повысил голос Мэл. — Я поехал бы только с тобой и больше ни с кем. На остальных мне плевать.

— Зато мне не плевать! — схватив горсть медовых шариков, я швырнула в бункер измельчителя.

— Уже дошло, — хмыкнул он. — Больше ни одна муха не пролетит рядом. Следи за огнем, пока буду крутить, — и взялся за ручку измельчителя.

— Поражаюсь твоей самоуверенности, Мелёшин, — ответила я раздраженно. — Из всей речи уловил самое нужное. Правильно говорят, у кого что болит, тот о том и говорит. Между прочим, пока ты обсуждал, какую ставку сделать, я почти околела.

Мэл нахмурился, затормозив перекручивание:

— Я прочно привязал заклинание. Оно не слетело бы даже при ходьбе.

— Однако улетело благодаря пьяным парням.

— К тебе приставали? — встревожился Мэл. — Запомнила их? Покажешь?

— Там парней было человек двести или триста. Откуда бы упомянула? К тому же злилась, пока ты любезничал с подружкой.

— Она мне не подружка.

— Значит, бывшая.

— И не бывшая. Никакая. Общая знакомая.

Увлечшись препирательствами, я позабыла о кипящем вареве, и оно тут же откликнулось, выплунув вверх горячий брызг. Хорошо, что мы с Мэлом вовремя увернулись.

— Устала от твоих бывших и настоящих, — сыпанула я соленый порошок в булькающее месиво, и Мелёшин переключился на помешивание загустевшей смеси с безвозвратно нарушенными дозировками. — Устала от тех, кто общий и не общий, кто знакомый, а кто мимо проходящий.

— Упрекать прошлым нечестно, — Мэл добавил в варево медовую крошку. — Оно есть у каждого, его не спрятать и не стереть.

Богатое Мелёшинское прошлое — не чета моему жиденькому. Чтобы пересчитать

подвиги Мэла, не хватит пальцев на руках и ногах, и нужно дополнительно арендовать три или четыре конечности.

— Наверняка и у тебя есть прошлое, — заметил он.

— Есть, — я сунула под пресс две ягоды вонюлярии. По кабине поплыл противный запах.

— Вот видишь, — согласился растерянно Мелёшин. — И какое оно, твое прошлое? Безоблачное?

— Безоблачное, — сказала я ровно и вывалила ягодное месиво в сотейник. Главное, не переборщить: и с вонюляриями, и со спокойствием в голосе. Хвастовство и пафос Мэл раскусит сразу и не поверит.

— Это хорошо, что безоблачное, — заключил он после непродолжительного молчания. — Не жалеешь?

— О чем?

— О безоблачном прошлом?

— Как-нибудь переживу.

— Оно было случайно не с артистом из клуба? — не отставал Мелёшин, помешивая кипящее варево.

— Было, да прошло, — отрезала я, сыпанув навскидку розового пепла в сотейник. — И неважно, с кем. Важно, что меня постоянно тыкают носом, а я не учусь на ошибках и продолжаю влезать в неприятности.

— Эва, мне в голову не могло прийти, что потеряю тебя на цертаме. Вернулся, а там чужая компания. Поляна небольшая, зато народу — не протолкнуться. Честно, перепугался очень. Думал, ты опять влипла во что-нибудь. Пока всех обежал, цертама накрылась медным тазом.

— Странно... Вроде бы правильно говоришь, и я чувствую себя виноватой, потому что много требую. И всё же не понимаю тебя. Ты руками согреваешь и даешь прорасти добрым отношениям, а ногами тут же затаптываешь и калечишь их. Так что зря переживала, просчитывая шахматную партию наперед. Она закончилась, не начавшись.

Мэл молча помешивал смесь.

— Понятно, — сказал задумчиво. — Мы можем остаться друзьями?

— Приятелями, — уточнила я и взялась вытирать со стола пролитый и рассыпанный беспорядок. — Пете будешь звонить?

— Нет, — ответил Мелёшин, наблюдая за пузырями, возникающими на кипящей поверхности и лопающимися с громким хлопанием. — Если захочешь, сама сделаешь это.

Вот и расставились точки над *i*. Все-таки хорошо, что я решилась и прояснила, а то мучилась бы сомнениями и бессонницей.

— Теперь тебе нельзя появляться в районе невидящих.

— Спасибо за совет. Постараюсь обходить стороной, — хмыкнул Мэл.

— Сообщил отцу о "Мастодонте"?

— Нет. Стоит пока на аварийной стоянке. Что-нибудь придумаю. Может, отдам в ремонт.

Пока он говорил, от бурлящей смеси оторвался большой малиновый пузырь и, поднявшись в воздух, лопнул под потолком, забрызгав стенки кабины и меня с Мелёшиным.

— Едрит в качелю! — воскликнул тот и кинулся выключать спиртовку. Сия предосторожность оказалась напрасной — реакция началась, стремительно ускоряясь. Один

за другим из сотейника вылетали пузыри различных размеров, и, заполонив кабину, лопались, оставляя о себе воспоминание в виде малиновых клякс.

Мэл, схватив сачок, кружил по тесному пространству, пытаясь сбить пузыри в полете и загнать обратно в сотейник. Воинственный вид уляпанного экспериментатора вызвал у меня неудержимый смех.

— К-к-к... - заливалась я, наблюдая за Мэлом, уворачивающимся от разлетающихся брызг.

— Не вижу ничего смешного, — пыхтел он, поймав большой пузырь, и затолкал его в сотейник, а через секунду оттуда вылетел десяток малиновых бандитов.

— К-к-к... — повалилась я набок, хохоча.

— "Кы-кы", — передразнил Мелёшин. — Лучше возьми сачок и помоги.

— К-крышкой накрой, — простонала я, обнимая руками заболевший от смеха живот.

Когда крышка сотейника водрузилась на законное место, я оглядела кабину. Глазам явилось плачевное зрелище, если учесть, что половина приготовленного варева присыхала сейчас к стенкам и потолку.

Ромашевичевскому не понравится разбазаривание лабораторного добра впустую, и к моей характеристике добавится еще один минус, препятствующий сдаче экзамена. Хорошо, что компоненты снадобья не подлежат строгому учету, и технологические потери можно спокойно списывать без многочисленных объяснительных и визитов в первый отдел.

— Пожалуй, великодушно отдам тебе свою часть снадобья, — махнула я рукой. — А ты взамен уберешь тут.

— Хитришь, лентяйка, — стянул повязку Мэл.

Короткое молчание глаза в глаза обожгло сильнее тысячи горячих слов.

Я отвернулась к двери:

— Пойду, наверное. Разрешаешь, коллега?

— Разрешаю, — сказал Мелёшин. — Коллега.

Одаривая в архиве студентов необходимыми материалами, мои ноги бегали от стеллажей к столу выдачи и обратно, а голова думала не о предстоящем экзамене, а о Мэле, который намертво окопался в извилинах, и о его отце, воспользовавшемся информацией о потасовке у клуба и переступившем через гордость и самолюбие сына. Мелёшину-старшему оказалось выгодно извратить правду и устроить так, чтобы в районе невидящих начались репрессии. Возможно, сценарий развития событий был давно заготовлен, и не хватало небольшого толчка. Я стала средством в достижении целей Мэла, а он сам оказался средством в политической стратегии отца.

Сидя на занятии у профессора, распинавшегося о роли символистики в материальной висорике, я вдруг додумалась до того, что, приглашая меня на цертаму, Мелёшин не имел злого умысла. Он хотел поймать двух зайцев: показать бывшей подружке, что не убивается по ней, и показать мне, что значу для него больше, чем институтская однокурсница. Увы, Мэл оказался безалаберным рыцарем, а моя захудалая внешность оказалась виновата в том, что меня не восприняли серьезно.

Вечером Аффа сказала мне:

— Если до сих пор общаешься с Мелёшиным, перестану тебя уважать.

Я оторвалась от конспектов:

— С сегодняшнего дня — только на околоучебные темы. Знаешь, что его машину

раскурочили?

— Слышала, но не видела, — присела на кровать соседка. — Кто бы ни сотворил это, он перестарался. Слишком опасно. Как бы не стало хуже.

Аффа предостерегала верно. На любое действие всегда найдется противодействие, и кто знает, каким будет следующий ход в отместку за изуродованную машину висората?

Помимо тревожного будущего меня пугала быстрота и оперативность, с которой опознали машину Мэла и сделали угрожающее предупреждение. Яснее ясного, что ему отомстил кто-то из района, причем мастерски и неуловимо, ведь "Мастодонта" вывели из строя днем, в довольно оживленном месте рядом с трассой.

Эх, наведаться бы в район невидящих и передать Тёме пламенный привет и хорошую затрецину. Я уверилась в том, что парень причастен — прямо или косвенно — к погрому танка. Но как пробраться в квартал, если улицы регулярно прочесывает первый отдел?

— Эвка, ты уснула, что ли? — Растормошила меня девушка. — Помнишь мою столичную тетку?

Я наморщила лоб, вспоминая.

— Та, которая приходится непонятной родственницей по отцу. Завтра после экзамена поеду к ней с ночевкой. Маразматическая карга брызжет слюной на три метра, когда ругается. Бр-р! Зато удумала на старости лет наваять мемуары и предложила мне подработать стенографисткой. Представляешь, какой бред сидит в шизоидальной голове, потеющей под изъеденным молью париком? Она пообещала оплачивать мои муки. Негусто, но сносно.

Я засмеялась:

— Порядочная у тебя родственница. Другая сыграла бы на семейных связях и призвала к бескорыстной помощи. А твоя карга — честная и деловая тетка. Стенографию знаешь?

— Как-нибудь справлюсь, — махнула Аффа. — Удачи завтра на экзамене.

Что и говорить, удача мне не помешает. Я отвратительно подготовилась к встрече со Стопятнадцатым и предчувствовала, что утону завтра. Более половины билетов знала слабо, а добрую четверть вообще не выучила.

Не хочу думать. Ни о чем и ни о ком. Потому что устала. Буду думать о себе. Буду спать.

Как и следовало ожидать, экзамен по теории заклинаний вышел провальным. Я путалась, блеяла, запинаясь и чувствовала себя предательницей по отношению к Генриху Генриховичу, который внимал неразборчивому лепету с ласковой укоризной во взоре.

Как бы декан не вытягивал мое безнадежное фиаско, выше тройки не получилось. И то ладно, — вздохнула я облегченно. А ведь стоило чуть-чуть постараться, могла бы и на четверку натянуть, — пожурила себя и тут же успокоилась. Куда нам рваться? Все звезды с неба не собрать.

Одно радовало: заслуженный трояк я получила одной из первых, и, растолкав локтями толпу, подслушивающую у дверей аудитории, побежала на работу, чувствуя, как начинает щекотно посасывать под ложечкой с каждым шагом, приближающим меня к архиву.

По дороге старалась лишней раз не вертеть головой по сторонам, чтобы случайно не встретиться с Мелёшиным, который не спешил занимать с утра очередь на экзамен. Наверняка выпится, вылежится, сделает потягушечки и приедет к обеду на новой машине. Что это я опять думаю о нем? Мне о деле ПД-ПР нужно думать, то есть о том, как пробраться к нему, не вызвав подозрений.

Как и предполагалось, архив пустовал. Начальник сипло поздоровался, кивнув, и, будто само собой разумеющееся, поручил сортировку поступивших дополнительных материалов к имеющимся в наличии делам.

А если перепутаю папки или неправильно заполню карточки? От оказанного доверия у меня вспотели ладони, а когда взгляд упал на поступившее дополнение к манящему делу ПД-ПР, датированное периодом последних двух лет, на нервной почве зачесались руки, уши, глаза и нос.

На подгибающихся ногах я подошла к стеллажу 122-Л, словно к волшебному сундуку со сказочными сокровищами, и, встав на носочки, вытянула с предпоследней полки толстую папку с завязками, на которой было выведено аккуратными печатными буквами: "Дело ПД-ПР. Пополняемое". Донесла до стола и, затаив дыхание, бережно развязала.

Перед тем, как приступить к изучению, я замерила навскидку высоту папки и определила, что ее высота более восьми сантиметров или все десять будет — глазомер-то у меня слабоват.

Оказалось дело как дело. Началось тридцать лет назад, регулярно дополнялось брошюрованными кадастрами, отпечатываемыми в 50 экз. под патронажем Первого департамента, и представляло гигантский перечень злодейств, совершенных анонимными мастерами раритетов, а также опознавательные признаки, по которым следовало вычислять преступника в толпе и сообщать о своих подозрениях куда следует.

Выяснилось, что в реестр производителей вис-измененных предметов включено великое множество безымянных умельцев. Оно и понятно: сколько бы общество ни стремилось к совершенству, всегда найдутся желающие обойти правила и запреты.

Дело отдаленно напоминало атлас раритетов. На каждом листе слева шли изображения личных знаков и клейм неизвестных мастеров, а справа перечислялись незаконно изготовленные раритеты, сопровождаемые мелкими картинками, и давались краткие уточнения: годы наибольшей активности и степень опасности для обывателей, ранжируемая от единицы до пяти. Изредка под изображениями стоял красный штамп: "Личность

установлена" и рядом ссылка на другие дела, имевшие гриф "сос".

Пролистывая страницы, я разглядывала клейма таинственных умельцев вне закона: фигурки, символы, вензеля, абстрактные знаки, загогулины, кривые и ломаные. А сколько опасных вещей создали виртуозы-нелегалы за прошедшие годы! При чтении волосы встали дыбом и не желали ложиться обратно: в противозаконной среде пышно процветало фальшивомонетчество, изготовление поддельных удостоверений личности, усовершенствованного оружия, дефенсоров, оборудования для запрещенных иллюзий и — подумать только! — суррогатов щитов неприкосновенности.

В общем, проглядывала я пополняемое дело ПД-ПР, листала пожелтевшие страницы, и всё без толку. Нигде не нашла пометку: "Папене обратиться туда-то и к тому-то, дни приема с понедельника по пятницу, вход со двора". Даже зевать начала, устав от мельтешения значков и угрожающих штампов: "Особо опасен!" или "Не пытаться обезвредить самостоятельно!". Непонятно, кого следовало бояться — то ли отпетых производителей, то ли созданные ими вещицы.

Скоро начальник выплывает из брошюровочной и потребует отчет о проделанной работе, а у меня процесс застопорился на первом же деле, которое именуется ПД-ПР.

Протерев глаза, я еще раз широко зевнула, напустив кислород в оголодавший мозг, призывая извилины очнуться от спячки. Стоп. Прислушавшись к себе, прокрутила в памяти последние скучные полчаса и натолкнулась на нечто смутно знакомое, зазвеневшее тревожным тоненьким звончком. Не успела голова заработать, а руки уже принялись лихорадочно перелистывать назад.

Я листала, листала, чуть странички не порвала от нетерпения, и наконец нашла беспокоившее. Черный трезубец. Скромное и эстетичное клеймо.

Сглотнула, и в пересохшем горле засадило. Срочно читаем и вникаем, пока от волнения строчки не заплясали перед глазами.

"Личность: не установлена".

"Личный номер в реестре изготовителей: отсутствует".

"Активность". Составители указали дату пятнадцатилетней давности и после прочерка — пусто. Значит, "трезубец" активен и не пойман.

"Степень опасности: 5". Самая высокая!

"Примечание: О появлении новых вис-предметов с фактами установленного авторства немедленно сообщать в органы контроля по месту проживания".

"Факты авторской принадлежности". Ниже следовал перечень выявленных и арестованных улучшенных вещей, изготовленных таинственным "трезубцем". Списочек растянулся аж на три страницы. Если учесть, что согласно статистике число раритетов с опознанным авторством составляло около тридцати процентов, то реальное количество вис-предметов, к которому приложил руку "трезубец", впечатляло.

Я с жадностью вчиталась. Диапазон интересов мастера поверг меня в состояние сродни благоговейному трепету.

Ас раритетного дела любил похулиганить и создал фото пленку, полностью оголявшую изображенных на фотокадрах людей, и чудо-бумагу, трансформирующую написанный текст в картинки возмутительного содержания. Также с большим вниманием подошел к чаяниям дам, наделив необычными и полезными свойствами предметы женской косметики и элементы нижнего белья.

Помимо баловства мастер инкогнито занимался вещами посерьезнее: активно

экспериментировал с амулетами и оберегами, улучшающими возможности организма — выносливость, зрение, зоркость, силу удара, обоняние; разрабатывал ускорители роста, созревания и процессов термодинамики, осваивал максимальную вместимость при объеме, близком к нулю; не брезговал отвлекаться на изготовление фальшивых купюр, кукол Вуду, живой и мертвой воды.

Практически все изготовленные "трезубцем" раритеты имели восклицательные знаки на полях страниц, означавшие, что загадочному умельцу принадлежит пальма первенства.

Закрыв дело ПД-ПР, я завязала тесемки. Наверное, минут пять ковырялась с непослушными веревочками, а потом заметила, что дрожат руки. Оставалось дело за малым, вернее, за главным — подтвердить гипотезу. А именно: заставить профессора Вулфу заговорить.

Вывод о принадлежности клейма трезубца интеллектуальному гению Альрика пришел на ум мгновенно, и я ни на секунду не усомнилась в своей догадке, хотя доказательств кот наплакал: значок на пере, которое мужчина как-то показал в лаборатории, и желания, услышанные от профессора во время побочного эффекта типуна, поставленного мне под язык. Возможно, богатое воображение сыграло шутку, присвоив Альрику признания, которых он не делал, но его неоднозначная реакция на кое-что из озвученного мною позволила думать, что в высказываниях профессора кроется толика правды. И предстояло ее проверить.

Сегодня я дольше обычного задержалась в архиве, занимаясь выполнением порученного задания, и начальник задумчиво хмурил лоб, поглядывая в мою сторону.

— Вы отработали положенное время, — заметил, проходя мимо с кипой бумаг. — Можете быть свободны.

— Спасибо, пока не спешу. Пойду попозже.

Пока дополнения к делам подшивались, в голове вертелись сотни вариантов, как начать разговор с профессором, и с каждым новым началом выходило всё хуже и хуже. Я не могла сообразить, какой тактики придерживаться: вести себя нагло или в просительной манере, жалостливо умолять, чтобы Альрик соизволил взглянуть на фляжку, или блефовать с самоуверенным видом? Почему-то у меня не было уверенности, что мужчина возрадуется результатам расследования и благосклонно примет предложение о совместной подсудной авантюре.

Закономерно встал вопрос о доле от реализации коньячного горшочка, если случится чудо, и профессор признается в том, что он и есть тот самый "трезубец", ловко уворачивающийся от цепких лап правосудия вот уже пятнадцать лет.

— Хотите чаю? — прервал размышления архивариус, приняв мое изборожденное морщинами чело за признак крайнего утомления, в то время как я усиленно размышляла, стоит ли вообще затевать сыр-бор из-за продажи фляжки. Меня теперь регулярно подкармливают денежными подачками, и нет срочной необходимости в избавлении от спиртсодержащей емкости.

Разве можно забывать о еженедельной помощи? — дала себе хорошую мысленную затрещину. Дождусь окончания экзаменов и стрелой помчусь к Стопятнадцатому, раздающему щедрой рукой благотворительные банкноты отощавшему младшему персоналу.

Лишь поднявшись на подъемнике в холл, я вспомнила о разъедалах, на которые не взглянула по причине неожиданного открытия об Альрике.

На обеде Радик не появился в общежитии, наверное, старался изо всех сил, сдавая экзамен, чтобы не разочаровать дядю, и мне пришлось бутербродничать в одиночестве.

Вернувшись в институт, я отправилась в библиотеку и набрала учебников по символистике, ибо во вторник предстояла незабвенная встреча с незабвенным профессором на незабвенном экзамене. Составила книги впечатляющей стопкой выше головы, но ни одной строчки не втемяшилось в голову. Зато в ней циркулировали фантазии, одна красочнее и ужаснее другой — как Альрик избавляется от меня, раскрутив в центрифуге, или неумолимо затягивает *lagus*^[18] на шею.

Бабетта Самуиловна с подозрением следила за мной поверх раскрытой книжки. Наверное, одинокая студентка в пустой библиотеке выглядела странно. Все нормальные люди собирались оторваться или уже отрывались на полную катушку, сбрасывая напряжение экзаменационного дня, в то время как я выбрала сидение перед очами библиотекаря и штудирование толстых учебников.

Ближе к вечеру, сдав неподъемные печатные труды, я двинулась опустевшими коридорами в деканат за причитающимся еженедельным пособием. Человек — существо эгоистичное и меркантильное, и быстро привыкает к хорошему, поэтому предвкушение хрустящей наличности подгоняло меня, требуя ускорить шаг.

— Эва Карловна? — удивился декан. — Желаете опротестовать оценку?

— Нет, — замотала головой, мол, как вы могли подумать, подобная наглость снится мне только во снах. — Я за пособием...

— А-а, — вспомнил Стопятнадцатый. — На этой неделе вы последняя в ведомости. Не торопитесь, милочка, а зря. Там, — указал перстом в потолок, — могут подумать, что благотворительность неактуальна для низкооплачиваемых кадров.

— Очень актуальна, — заверила горячо. — Я не знала. А когда можно приходить?

— Каждую неделю, начиная со среды, — сказал Стопятнадцатый и пригласил в кабинет. — Прошу.

Там меня ждало потрясение — великолепное черное кресло с высокой спинкой и удобными подлокотниками на месте для посетителей.

— Ого! — только и смогла выдать из себя и погладила шершавую обивку.

— Вот так, милочка, — мужчина протянул ведомость и положил на нее купюру. Одну-единёшеньку, но зато какую! С двумя циферками — "5" и "0", согревшими сердце, едва взгляд упал на бумажку.

Торопливо расписавшись в единственной незаполненной строчке графы с подписями, я сказала благодарное "спасибо" и уже у двери была окликнута деканом:

— Наличествуют ли у вас трудности при подготовке к экзаменам? Я мог бы походатайствовать о дополнительных занятиях перед преподавателями.

— Не стоит беспокойства, Генрих Генрихович, всё отлично. Справляюсь по мере сил, — заверила я убежденно. Еще чего не хватало: новый апокалипсис в виде повышенного студенческого внимания. Едва о серой крыске успели позабыть, как доброжелательный дядечка снова посадит мою пятую точку на кактус.

— Если понадобится, не затягивайте. Сессия пролетит незаметно.

Точно, летит и машет крыльями, а я совсем страх потеряла, закружившись в вихре светских развлечений.

Получить заработанные копеечки в кассе оказалось проще простого, хотя штурвал на

двери и бронестекло остались прежними. Сегодня кассирные богатства охранял не Савелий, а мужеподобная тетка — косая сажень в плечах — в униформе и с дубинкой гораздо внушительней, чем у прежнего охранника. Деньгами заведовал молодой человек, тоненький и полупрозрачный, и вся процедура проистекла в полном молчании. Я приложила ладонь к считывающему оттиску и получила звякнувшие монетки, заработанные непосильным трудом.

При выходе тетка окинула меня пристальным взглядом, сканируя внешность, и наверняка занесла в базу неблагонадежных элементов, уж больно прищур многозначительный. Ну, и пусть. Зато у меня поступление в личную казну почти шестьдесят висоров! Как только я осознала свое счастье, меня охватила радость, но тут же приувяла, стоило вспомнить о визите к профессору. Может, не заводить разговор о фляжке? Мне и так неплохо живется — деньги валяются, согревая нулями.

В общем, ковыляла я на пятый этаж к закрытым лабораториям, и с каждым шагом сомнения росли и росли, пока не перевесили желание выяснить тайну. Так медленно мои ноги еще не ходили — в час по чайной ложке, а время как назло вообще не двигалось.

Замок считал линии на ладони и, пискнув, пропустил за стеклянную стену. Постучавшись, я вошла в Альриково святилище, не дожидаясь ответа. А зачем? Мне так и сказали — приходи в любое время в оперативном порядке, а понятие "в любое время" равнозначно вваливанию без стука в кирзовых сапогах по уши в грязи. И никто меня не накажет за бесцеремонность, потому что пришла в оперативном порядке.

Профессор стоял у окна и смотрел через цветное стеклышко на свет, а рядом любовалась фиолетовыми облаками Лизбэт, присосавшись пиявкой к мужчине. Они так увлеклись окрашенными просторами, что не расслышали мой топот.

— Посмотрите, Лиза, на изумительные пики в диапазоне волн длиной до пятисот нанометров!

— Вижу, Альрик Герцевич, — еще плотнее присоединилась девушка к профессору. — Потрясающие пики.

— А теперь взгляните. — Мужчина поменял фиолетовое стекло на красное и снова навел на окно. — Пики падают в волнах длиной свыше шестисот нанометров. Парадокс Блюхермахера красив, не правда ли?

— Невероятен! — согласилась девица. — Блюхермахер — столп висорической науки, как и вы, Альрик Герцевич!

— Вы мне льстите, Лиза, — сказал сухо мужчина, хотя на его месте я бы возгордилась, что меня сравнили с почившим дедушкой, успевшим выпустить собрание многотомных научных трудов, которые покрывает отборной руганью каждое поколение бедных студентов.

— Папена? — абсолютно не удивившись, обернулся профессор, а Лиза, вздрогнув, опустила руку, которую хотела положить невзначай ему на плечо.

Хороша парочка — гусь да гагарочка. Восхищаются непонятными пиками, словно чудом вселенского масштаба. Не удержавшись, я сдавленно хмыкнула.

— Продолжим после небольшого перерыва, — прямым намеком Альрик указал девушке на дверь. На ее месте я бы оскорбилась за беспардонное выпроваживание и из чувства противоречия уселась на стуле, скрестив все имеющиеся конечности. Но Лизбэт оказалась гибче и дипломатичнее. Она опустила глазки и сказала:

— Хорошо, Альрик Герцевич, — и изящной ласточкой выпорхнула в дверь, одарив меня взглядом, в котором плясали далеко идущие последствия.

— Вы пришли раньше, чем обычно, — заметил профессор. Мог бы поблагодарить за то, что его спасли от банального соблазнения.

— Сегодня были экзамены, — швырнула я сумку под кушетку и забиралась наверх.

— Успешно? — поинтересовался мужчина, доставая перчатки из ящика стола.

— Тройка у Стопятнадцатого.

— Считаете, что достойны лучшей оценки? — спросил он, ощупывая и оглядывая мои руки.

— Отвечаю на вопрос.

— Как общее самочувствие? Голова не кружится после скоростной реабилитации заклинаний? — Альрик начал прослушивать легкие. — Тошнота, учащенное сердцебиение?

— Нет. И фарингит прошел.

— Хорошо. На всякий случай будем дополнительно следить за симптомами, пока они не исчезнут, — сказал профессор, взяв градусник с соседнего стола. — Замерим температуру и потенциалы. Не возражаете?

Получив молчаливое согласие, он принес висограф и облепил меня датчиками. Пока мужчина фиксировал ровное дыхание и равновесный ноль на шкале, я исподтишка наблюдала за ним, разрываясь сомнениями. Стоит или не стоит спрашивать о "трезубце"?

— Что-то беспокоит? — спросил Альрик.

Я помотала головой.

— Беспокоит, — утвердил он, перекрепив датчики. — Не отрицайте. Непроходящее беспокойство — один из признаков паранойи и фобий. Итак?

— Хочу вас нанять! — выпалила я, решившись, и испугалась.

— Для чего? — улыбнулся профессор, следя за стрелкой висографа.

— Провести экспертизу раритета, — сказала с независимым видом, хотя от страха желудок прилип к позвоночнику.

— Для оценки существуют специализированные экспертные центры, — пояснил Альрик, продолжая улыбаться. Похоже, его забавляла абсурдность предложения. А то мне неизвестно!

— На эту вещь нет документов, — выдавила я, сглотнув ком в горле.

— Эва Карловна, — профессор приподнял бровь, выказывая тем самым удивление, — у вас на руках контрабандный предмет? Неужели краденый?

— Д-да, — призналась дрогнувшим голосом. — То есть нет. То есть не совсем. Я хочу, чтобы вы провели экспертизу.

Альрик рассмеялся.

— Папена, вы плохо готовились по символистике, иначе бы знали об ответственности за незаконное хранение и использование раритетов и за заведомое введение в заблуждение правоохранительных органов.

— Прибыль от реализации разделится поровну, — протараторила я заготовленную фразу и поникла под уничижительным взглядом профессора.

— С какой стати? — спросил он и повторил царственно: — С какой стати вы обратились ко мне?

— Потому что у вас трезубец, — выпалила и замерла с колотящимся сердцем.

— Мне нужно пугаться? — поинтересовался Альрик, медленно скручивая проводки. — Это какая-то шифровка?

— Это клеймо на раритетах, изготовленных вами.

— Папена, ваши фантазии зашкаливают, — мужчина отнес висограф и вернулся. Пока он хромал от стола к столу, я настороженно следила за передвижениями, ни на миг не поверив в профессорское спокойствие. Оно казалось обманчивым, пугая непредсказуемостью.

— Мне очень нужно, правда! — попробовала я надавить на жалость, когда Альрик начал осматривать уши. — Если бы не нужно, то не попросила.

Мужчина перешел к замеру давления и пульса.

— Начитались ереси и нафантазировали бог весть что, — обронил, и мне показалось, руку сдавил сильнее и говорить стал резче и отрывистее.

— Ай, больно! — попыталась выдернуться из крепкого захвата.

— Не дергайтесь, — сжал запястье профессор.

— Если не согласитесь, сообщу о "трезубце" по адресу, указанному в архивном деле, — пискнула я угрозу и, пискнув, поняла, что напрасно сказала. Альрик окружил меня, опершись кулаками о кушетку, и уставился тяжелым немигающим взглядом, заставляя сжиматься и таять от страха, залившего по самую макушку.

— И кто вам поверит?

— Может, не поверят, но проверят, — добавила я, готовя себе медленную мучительную смерть. Но отступать было некуда, разговор на лезвии затеян. — У вас пятерка напротив "опасности".

Мужчина рассмеялся, и смех вышел неестественный, вынужденный.

— В архиве хранится немало любопытных и шокирующих материалов, и молоденькой впечатлительной девушке обязательно придет в голову разная ерунда, которая мешает спать ночами. И тогда девушка захочет поделиться с кем-нибудь своими догадками, например с дознавателями. Не вы ли недавно кричали со слезами, что ненавидите первый отдел, а теперь согласны сунуться в капкан ради бездоказательных предположений?

— Не сунусь, — признала я правду. — Но... скажу Стопятнадцатому! И Евстигневе! И напишу во все научные журналы, вот.

Похороните меня под березками! — простонало сознание, вздрогнув от пробудившегося вертикального зрачка Альрика, и от ужаса ушло в длительный коллапс.

— Повеселите публику, — сказал медленно профессор. — Пишите, и побольше. Над вами посмеются и не примут всерьез, милый неоперившийся птенчик.

— Зато задумаются. Ваша репутация окажется подмоченной, — понесло меня на дальний конец кладбища. — Кто будет снимать табличку с титулами? — мотнула головой в сторону двери. — Стопятнадцатый?

— День ото дня вы удивляете меня всё больше, Папена. Видимо, спонтанное попадание двоянными заклинаниями стимулировало в вас отчаянную и глупую смелость. Но сегодня вы превзошли себя, — процедил Альрик, не спеша выпускать из кольца рук, и смотрел в глаза, поедая и подавляя. С каждым произносимым словом мое дрожащее тело уменьшалось, съезжаясь до размеров комочка.

Может, не поздно исправить недопонимание? — заметались лихорадочные мысли. Сделаем вид, что ничего не было, или забудем, и мирно разойдемся в разные стороны.

— Хорошо, я ошиблась. Мне пора, — попробовала выбраться, но безуспешно.

Мужчина глядел на меня и вдруг схватил за шею, сжав широкой ладонью.

— Ах ты, мелкая лицемерка!

Я страшно перепугалась. Казалось, еще мгновение, и сердце вывалится из груди,

захлебнувшись в панике. Отчаянно желая жить, замолотила руками, и, кажется, съездила профессору по лицу. Силы Альрика хватило, чтобы унять и прижать мои дрыгающиеся конечности, а на меня накатило полуобморочное состояние.

— Успокойтесь, Папена, — откуда-то со стороны донесся насмешливый голос. — Ваши страхи умиляют.

Очнувшись, с трудом сфокусировала зрение, судорожно и жадно вдыхая. Всё было на своих местах: лаборатория, кушетка, на которой сидела я, безмерно перетрусив, а рядом стоял Альрик, продолжавший снисходительно смотреть на меня. В уголках его рта скопилась кривая ухмылка.

Значит, мне привиделось тяжелое удушье и пляшущие звездочки в глазах? Я машинально потеряла шею. До чего же реальная и устрашающая иллюзия получилась — аж мурашки по коже. То ли еще будет, — обреченно отозвалось полуживое сознание.

Спасите меня кто-нибудь! И какой черт дернул мой язык ляпнуть лишнее? Сейчас шла бы домой, потирая ручки и раздумывая, как эффективнее потратить увеличившийся бюджет, а вместо этого взята в заложники стальными объятиями профессора, который просвечивает испытующим взглядом и продумывает, как быстрее избавиться от моего тела: целиком или по частям.

— Я не убийца, — усмехнулся мужчина, точно прочитал мысли. Даже дефенсор не спасает, виданное ли дело?

— Никому о вас не скажу, — пообещала я севшим голосом. — Честно-честно.

— Пойдете домой, ляжете в постельку и будете держать бредовые идеи при себе? — спросил Альрик.

— Да-да, — закивала согласно. — При себе.

— Поздно, — опустил он гильотину, и мое сердце ухнуло в пятки, а душа принялась усиленно готовиться на небеса.

— Я проведу экспертизу, — сказал профессор, и мои уши решили, что ослышались. — Вникаете? — спросил он, раздраженный моим обескураженным видом.

— Да, — кивнула я и снова уставилась на него. Накатило опустошение: заготовленные слова либо сказались, либо улетучились, и оставалось взирать бессмысленным взором на Альрика.

— Однако сохраняю за собой право изменить условия. Доля от реализации составит семьдесят на тридцать в мою пользу.

— А... — открыла рот я, проникаясь услышанным. Соглашусь на что угодно, лишь бы сбежать отсюда. Затея с выяснением личности "трезубца" вышла провальной, и я до жути боялась, что неверно подобранные слова в любой момент оборвут мою коротенькую жизнь, разъярив мужчину.

— Следующее. Мне нужна подноготная вашего раритета: что, где, когда, откуда, с кем. Ясно?

Ясно. Ответная россыпь мелких согласных кивков.

— И последнее. Вы по собственной воле расскажете о себе.

— То есть? — изумилась я, позабыв о страхе.

— Вашу биографию, — пояснил профессор. — Имена родителей и прочих родственников, место рождения и учебы, имеющиеся достижения. Кратко, но емко.

Я ошарашенно внимала, не в силах уразуметь, что от меня требовалось, а когда сообразила, то воскликнула:

— Но зачем?

— Считайте моей прихотью и научным интересом, — пояснил с ленцой мужчина и добавил: — Меня не интересуют ваши эмоциональные пристрастия, только факты.

Его слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. В полнейшей растерянности я пялилась на Альрика и лихорадочно соображала, не в силах уяснить, какую выгоду он преследовал.

— От вас потребуется изложить сухо и по существу, — сказал профессор, склонившись к моему уху. Нас разделяли считанные сантиметры, пронизанные силой и властью мужчины. Давление его воли было осязаемым, пригибая и заставляя размазываться по кушетке.

— Не могу! — схватила профессора за руки. Они оказались горячими, и я, удивившись своему порыву, отдернулась. — Пожалуйста!

— Это мои условия. Вы осведомлены в большей степени, а мне катастрофически не хватает информации о вас. Поэтому только так и не иначе. И не вздумайте бежать и трещать о своих подозрениях на каждом углу. Я знаю ваши слабые стороны и отвечу достойно, поверьте.

— Болтать не собираюсь, — начала я расчесывать ладони, забежав взглядом по сторонам.

— Ваши планы переменчивы как ветер. Определитесь, Папена, что собираетесь делать: мчаться в первый отдел, чтобы завязать дружбу с дознавателями, или шокировать научное сообщество сенсационными домыслами.

— Я блефовала, — пояснила неловко. — Хотела напугать.

— У вас получилось. Быстро учитесь, идя вперед семимильными шагами. Осторожно, как бы вас не нашли в какой-нибудь сточной канаве, — сказал мужчина, убирая руки и отстраняясь, а его желтый звериный глаз вернулся в нормальное состояние.

— Канавы замерзли, — сползши с кушетки, я встала на ослабшие ноги, не зная, радоваться избавлению или готовиться к худшему.

Прохромав к раковине, Альрик бросил перчатки в корзину и начал мыть руки, тем самым, молчаливо разрешая сбежать.

— Значит, вы не согласны?

Профессор неспешно вытер руки и вернулся к столу.

— Значит, вам не приспичило, — взял фиолетовое стеклышко и наставил его на окно. Аудиенция окончена.

Подхватив сумку я, пошатываясь, вышла из лаборатории.

Едва за студенткой закрылась дверь, Альрик с силой швырнул стекло об пол, и мелкие кусочки разлетелись в разные стороны. Стоя посреди лаборатории, с побелевшими костяшками на сжатых кулаках, мужчина долго взывал к самоуспокоению, чтобы, после того, как сердце замедлит ток крови, хладнокровно обдумать, каким образом мелкая шантажистка сумела распознать секрет "трезубца".

Через некоторое время, справившись с раздиравшей его яростью, профессор уселся, барабанив пальцами по столу.

Прежде всего, он напрасно показал девчонке перо, созданное в пору бурной студенческой жизни. Извлекая в тот вечер из ящика стола исчерпавший себя раритет, Альрик так и не понял, что им двигало — желание похвастать или иной, необъяснимый

мотив.

А ведь в свое время перо поработало неплохо и плодотворно, — усмехнулся мужчина. Услужливые студенты в нужный момент подсовывали кустарную вещь ничего не подозревающему преподавателю, а потом подделывали его почерком оценки в экзаменационных и сдаточных ведомостях.

Хотя игрушка простая, но всё же улика, — решил Альрик и, надев новые перчатки, достал перо. Прохромав к стеклянному шкафчику, взял колбу с прозрачной желтоватой жидкостью, вылил содержимое в мерный стакан и опустил в него перо.

Наблюдая, как оплывают малахит и серебро, растворяясь в жидкости, профессор перебирал в памяти вечер откровений, когда девочка прибежала на осмотр с опухшим от типуна языком и говорила удивившие Альрика вещи. Смешная наивная девочка и, как оказалось, опасная. Наверняка он проговорился о чем-то, что имело отношение к его второй, двойной жизни, и малявка соотнесла услышанное с увиденным, сделав выводы.

Все-таки поразительно до потери самообладания, что именно она узнала тайну "трезубца", а не кто-нибудь другой. Хотя "узнала" — громко сказано. Альрик с самоуверенным видом отмел подозрения, с легкостью управляя страхами девочки, и посмеялся про себя, когда она надумала заняться шантажом. Потерять уважение собратьев по науке мужчина не боялся, поскольку был уверен, что с легкостью отбредается и постарается не отдать себя на поживу дознавателям первого отдела, однако категорически не мог допустить, чтобы у Стопятнадцатого или проректрисы возникли малейшие подозрения, ибо он считал их мнение самым ценным.

Девочка, не зная того, ударила по уязвимому месту. Конечно, она сдержала бы обещание и не сказала бы декану напрямик о своих предположениях, но Альрик был уверен — когда-нибудь она начнет расспрашивать и привлечет внимание к его персоне. Ненужное любопытство вызывало беспокойство профессора, и на то были причины. В успешной карьере знаменитого "трезубца" имелось несколько грязных и постыдных предметов, за создание которых он испытывал по прошествии времени зуд угрызений совести. Пятнадцать лет назад молодой экспериментатор ставил научный интерес превыше моральных принципов, потому что азарт и стремление охватить необъятное закрывали глаза на нравственную сторону вопроса.

Если правда вскроется, он, конечно же, переживет разочарование Стопятнадцатого и Царицы, но терять заработанное с годами доверие мужчина не собирался. Слишком многое поставила на карту одна не в меру любопытная девочка, в одночасье подтолкнувшая его к краю пропасти с незавязанными глазами.

Когда в жидкости растворились последние намеки на перо, профессор добавил в стакан несколько капель из другого пузырька, и раствор приобрел зеленоватый оттенок, начав вспениваться. Мужчина включил вытяжной зонт и переставил под него стакан.

Нельзя доверять обещаниям девчонки, как бы искренне они не звучали, — заключил Альрик. Риск огромен, чтобы игнорировать первый предупреждающий звоночек о том, что тайна "трезубца" раскрыта.

Как не допустить разоблачения? Прежде всего, нужны козыри, чтобы заставить девочку молчать. Знания о том, что она оказалась слепой, недостаточно в противовес информации, которую малявка узнала о нем. К тому же мужчина дал обет молчания, и приходилось следить за речью, чтобы ненароком не убить себя. Жаль, девчонка не согласилась на третье условие, лишив его возможной форы.

Существовал и другой способ. Привязать говорливую малявку к себе, а затем незаметно подчинять своей воле, чтобы в итоге заставить думать и делать то, что захочет он.

Залог успеха — в правильно выбранном методе. Руны и символы не помогут в тонком деле. Они смываются, истираются и выветриваются, за исключением знаков, нанесенных заговоренным острием, — усмехнулся мужчина. Стало быть, их действие со временем закончится, а связь нужно выстраивать неторопливо, возводя кирпичик за кирпичиком прочную стену покорности.

Снадобья дают кратковременный результат и со временем выводятся из организма. Внушение тоже отпадает, поскольку невозможно пробиться через защиту дефенсора, разве что снять его.

Когда уровень испаряемой жидкости в стакане снизился до двух сантиметров, Альрик придумал.

Он использует силу, могущую подчинить и контролировать, удерживая связь на расстоянии даже спустя годы.

Узы его крови. И разорвать их невозможно.

Когда отголоски пережитого испуга затухли, я размяла затекшие ноги, слезши с подоконника, на котором провела около двух часов, разглядывая из окна знакомую трассу в блеске огней.

Две недели назад я сидела на этом подоконнике, а потом, завернув за угол, встретилась с компанией Касторского, заложившей крутой вираж в моей судьбе. Прошло немного времени, и все позабыли о том, что в институте когда-то учились три человека. Наверное, парни действительно оказались плохими и отвратительными личностями, если память о них закончилась через два дня, вытесненная другими событиями.

В общежитие не тянуло. Пугало, что в тесном закрытом пространстве на меня накатит паника. В институте как-никак места больше и просторнее, и нечаянные переживания рассеивались в бесконечном пространстве коридора, угасая под потолком.

Можно бы заглянуть на чердак и проверить, не развалились ли вечные груды сломанных стульев, или у стола подломились ножки от тоски, но карабкаться по неудобной лестнице вверх ради пяти минут на замороженной мансарде не хотелось.

Не зря профессор напоминал — сказанного не воротишь. Поздно плакать и корить себя за то, что в нечаянном порыве решила выяснить правду. Подумав, я призналась себе, что в любом случае любопытство не дало бы покоя, и рано или поздно закономерная беседа о "трезубце" произошла бы. Лучше раньше, чем позже, когда исчезнут на сто рядов изгрызенные ногти, а бессонница превратится в верного спутника.

Сказав "А", договаривай "Б". Не стоило надеяться на душевную беседу и радости мужчины, узнавшего, что его секрет раскрыт. Кому понравится, когда, не спрашивая, начинают рыться в чужом грязном белье и вытаскивать на свет неотстирываемые пятна? Поэтому реакцию Альрика следовало ожидать и ответить достойно, по-деловому, а не мямлить, задыхаясь от ужаса. Да, не быть нам хладнокровными героями, рубящими с плеча налево и направо.

Всё же оказалось невероятным чудом, что, случайно пролистав десятую часть сборника кадастров архивного дела, мне посчастливилось наткнуться на клеймо с трезубцем, и опять длинная цепочка случайностей привела к результату. Если бы да кабы. По сути, профессор оказался единственным подпольным мастером раритетов, в которого я могла ткнуть пальцем и заявить во всеуслышание. Наверняка, поразмыслив, Альрик надумает устранить меня как свидетельницу, в целях сохранения конспирации.

Фу ты, что только не придет в голову, — отмахнулась я от жуткой перспективы. Если бы мужчина надумал избавиться, мои ноги не покачивались сейчас, свисая с подоконника.

В конечном итоге я согласилась на два первых условия Альрика, но требование рассказать о себе грянуло громом среди ясного неба.

Нет, абсолютно невозможно выполнить его. Рассказать об отце, о тетке, о матери, которую не знаю... Да и что рассказывать? Моя биография уложится в две строчки, и ничего экстраординарного в ней нет. Годы, проведенные в интернате? Жизнь у тетушки? Сны-воспоминания или сны-фантазии? Хотя профессору не нужны догадки и предположения, его интересуют факты.

Рассуждая здраво, третье условие Альрика вполне осуществимо, ведь отец не брал с меня клятв и обещаний хранить молчание, которого добивался муштровкой и привлечением

тётки к воспитательскому делу. Поэтому особых препятствий для откровений не имеется, кроме психологических. Мне казалось, поделюсь личным, я обнажу свои слабые стороны и окажусь незащищённой и уязвимой перед чужим незнакомым человеком.

Решено. Как девушка обеспеченная, оставлю фляжку при себе, и при надобности она утешит содержимым в трудную минуту, например, сегодня: согреет и зарядит порцией оптимизма. Профессора же при случае заверю крепко-накрепко, что мой рот на огромном висячем замке, и, если потребуется, принесу клятву или обет. Опасно, конечно, но что поделывать.

Я бы сидела на подоконнике до поздней ночи, но взглянув на стрелки часов, вспомнила, что через пять минут прозвенит звонок, возвещающий закрытие института. Подхватившись, побежала в ближайшее укрытие — туалет, притормозив на том месте, где произошла судьбоносная встреча с Касторским и его дружками. Единственное, что в моих силах — пожелать им вернуться когда-нибудь к нормальной жизни.

Попрощавшись с Монтемортом, взиравшим на меня в позе сфинкса, я побрела в общежитие. Народ веселился, как мог, изгоняя остатки стресса из организмов, а у меня на сердце не осело ни грамма радости. Доползем до швабровки и поднимем тонус горячительным, чем мы хуже других?

А ключ и на треть не вошел в замочную скважину. Утекло минут пять, прежде чем до меня дошло, что с замком дело неладно, и еще несколько минут, прежде чем я сообразила, что мои шансы попасть домой, в любименькую швабровку, приближаются к нулю.

Достав фонарик, осветила в скважину. Глядела, изучала и не поняла, то ли что-то мешает, то ли, наоборот, так и должно быть. Вывод оказался неутешительным. Замок сломался в самое неподходящее время, и одновременно пришло осознание — где ночевать.

Можно рвануть к Олегу и притащить его в общежитие для ремонта, но глянув на часы, стрелки на которых приближались к десяти вечера, я задумалась. Время позднее, в районе наверняка патрулируют первоотдельщики. Неизвестно, насколько затянется ремонт, и когда Олег вернется домой. За его безопасность будет переживать Марта, а в ее положении нельзя волноваться.

Нет, за Олегом сегодня идти не стоит. Благоразумнее пойти завтра, а для начала нужно где-то перекантоваться, не спать же у собственных дверей на газетном коврикe, свернувшись в калачик.

Аффа говорила, что уедет с ночевкой, стало быть, ее местокойко пустует. Думаю, девушка будет не в обиде, если я посплю одну ночку на ее кровати, но вот соседка Лизбэт после сегодняшнего облома с профессором наверняка отомстит мне по полной программе. Была не была, придется просить и умолять красотку, и может быть, встать на колени.

Постучав в дверь соседок, я приложила ухо к двери — тишина. Ни звука, ни шороха, ни сопения с другой стороны. Поглядела в замочную скважину — в ней темень. Значит, никого нет. Но есть Капа за стенкой, и пустующая кровать его брата. Если учесть, что мы с Капой умудрились переночевать в тесном контакте, то теперь он мне как бы дальний родственник. Ну, и подумаешь, что я девушка, а он парень. Отвернется к стенке, а мне много внимания не надо.

Но и Капа как назло отсутствовал, видимо, решил порадовать хорошей оценкой отца и брата. Сговорились они, что ли?

Если сначала неприятное недоразумение с ключом воспринималось мной

отстраненно, то теперь перспектива коридорной ночевки нависла угрожающе.

Что же делать? Может, переночевать в пустующей комнате, которая закреплена за каким-то городским, ни разу не появившимся в общежитии? Товарищ и не заметит, что у него побывали в гостях, зато ему будет приятно узнать, что комната спасла кому-то жизнь. Однако для выполнения новой задачи следовало выпросить ключ у комендантши.

После острастки, устроенной администрацией института, тётка-вехотка лишь первые три дня, высиживала в общежитском холле, сторожа с раннего утра и до позднего вечера. Потом она начала потихоньку отлынивать от поста, и мне стало некому желать доброго утра, чтобы услышать ответное, поднимающее настроение:

— И тебе, звезда моя, вернуться обратно!

Затем комендантша исчезла и с вечернего бдения у входной двери, а в последние дни совсем распоясалась, вернувшись к прежнему попустительскому управлению общежитием, контролируя стук входных дверей не дольше получаса во время большого перерыва.

Пришлось долбить, наверное, минут пять, прежде чем мне открыли дверь. Сперва я не узнала намалеванную и разодетую тётеньку, и решила, что ошиблась. Хотя как ошибиться, дверь-то одна на всё крыло. Из распахнутого проема пахло ароматами маринадов, закусок и жареной курицы.

— Чего тебе? — спросила тётка-вехотка, оглядываясь, и я расслышала звон бокалов, невнятное бормотание и мужской смех. Правильно, и у комендантш бывают праздники, не всё студентов караулить, надо и себе тонус поднимать.

— У меня дверь не открывается.

— Мне-то что? — поправила тётка крашеный локон. У нее и прическа появилась?! — Говори скорее.

Конечно, надо торопиться, а то без нее сожрут и выпьют.

— Может, как-нибудь открыть? — закланчила я ноющим голосом. Наверняка у комендантши богатый жизненный опыт, и она посоветует что-нибудь дельное, например, как поддеть замок шпилькой или пилочкой.

— Дам лом, — она протянула металлическую закорюку. — Завтра вернешь.

— А... как? — растерялась я. — То есть зачем?

— Как зачем? Косяк выламывать. Иди, звезда моя да сильно не шуми, а то сразу набегут жалобщики, — сказала тётка, сталкивая меня с порожка. Правильно, иначе дверь не закроется.

— Эммушка, где вы пропали? — крикнул мужской голос из-за полосы света.

— Иду-иду, — пропела комендантша в темноту прихожей и начала интенсивно отодвигать меня: — Ступай, мне некогда, важное собрание.

— Там соседняя комната пустует, дайте ключик, а завтра я решу вопрос с замком, — вцепилась в тетку.

— Не положено, — отрезала она, выдираясь. — Комната числится. Может, там материальные ценности лежат, почему мне знать?

— Эммушка, мы вас заждались! — снова позвал невидимый мужчина.

Да подавись ты своей закуской, жук навозный! Тут моя судьба решается, а он по Эммушке соскучился.

— Спешу-спешу, Мусик, — отозвалась призывно тетка и сильным движением оторвалась от меня. — Завтра вернешь. — Кивнула на кочергу и захлопнула дверь.

Со злости пнув по стене, я взвыла от боли. Поковыляла, прихрамывая обратно в

родимую сторонушку и волоча за собой гнутый металлический обрезаек.

Нет, мое сознание не дозрело до того, чтобы увечить дверь, восстановленную с трудом и материальными затратами. Должны же найтись другие варианты! Как говорил неизвестный оптимист, перед тем как ему отрубили голову на плахе: "Безвыходных ситуаций не бывает, нужно их правильно искать".

Оставался Радик, но и он не смог бы ничем помочь. Кстати, что-то он не торопился со своей кастрюлькой.

А что, если выставить окно и влезть со стороны улицы? Не пойдет: Олег забил раму и укрепил стекла намертво, так что они выпадут вместе со стеной.

От отчаяния я захныкала, стоя под собственной дверью. Может, пойти к Олегу и Марте и попроситься переночевать у них? Точно, так и сделаю!

Вырвав листочек из тетрадки, я накарябала в тусклом свете лампочки: "Радику! Не теряй — ночью у друзей". Просунула свернутую бумажку в ручку двери, авось не сдует, и никто не утащит. Да и кто бы шастал по нашим катакомбам?

Я замерла. Тишина показалась зловещей, словно кто-то прислушивался, притаившись за углом. От страха у меня мурашки пошли по коже. Чтобы успокоиться, демонстративно напевая под нос, завернула лом в газетные обрывки, разбросанные на полу, и поставила в уголок возле раковины. Если орудие труда не искать специально, то случайно и подавно не найдут.

Надо ковать железо, пока не наступила полночь, а то меня и Олег с Мартой не пустят.

Добежав до дыры в ограде, я вылезла на дорогу, и опять мной овладела нерешительность, не давая перейти на противоположную сторону улицы. Если вдоль институтской решетки ярко горели фонари, то напротив район словно вымер: темные углы зданий, черные глазницы окон.

И никого вокруг. Одна я стою, переминаюсь и не могу определиться. Вдруг меня схватит патруль, а документов при себе нет? К тому же шляющиеся по ночам личности выглядят подозрительнее, чем при дневном свете, и меня обязательно арестуют.

Что придумать? Может, плюнуть, вернуться и вышибить хлипкую дверь, как-нибудь переночевать, а утром пойти к Олегу?

Пока я крутилась вдоль ограды, пристукивая сапогами, чтобы не замерзнуть, не сразу заметила, что по направлению ко мне неспешно шел одинокий прохожий. Он тоже заметил меня и начал замедлять шаги. Нормальные люди не бродят бесцельно в ночи по морозу, значит, у приближающегося типа имелась цель. Ой, мама, это Зимний Ночной Маньяк! Увидел невинную жертву и начал просчитывать дистанцию, готовясь к нападению.

Взвившись, я ринулась к спасительной прорехе в заборе.

— Папена! — окликнул знакомый голос, и я не сразу сообразила, что обращаются ко мне. — Папена!

К дыре скорым шагом приближался... Мелёшин! Значит, он оказался одиноким маньяком, разгуливающим по пустым зимним улицам и пугающим благочестивых девушек.

Ну, почти благочестивых, потому что в это время им следует видеть третьи сны, а не болтаться на морозе, зацепившись воротником за выступ решетки.

Почему-то меня очень обрадовал голос Мэла и он сам. Когда Мелёшин подошел, я успешно освободилась из плена ограды и имела вполне цивилизованный вид. Наверное. Люблю прогуливаться поздним вечером вдоль забора с сумкой на плече. Воздух свежий и бодрит, все легкие насквозь заледенил.

— Куда собралась, на ночь глядя? — спросил Мэл, как всегда забыв поздороваться.

— Гуляю, — пояснила, не вдаваясь в подробности. — А ты?

— И я. Гуляю.

— Понятно. Пока, — кивнула я и развернулась к родной дыре.

— Тебя проводить? — предложил Мелёшин. — Мне не трудно.

— Не стоит. Я как раз в общагу шла.

— Интересно ты шла, — хмыкнул Мэл. — По-моему, туда собиралась, — показал в сторону квартала.

— Не, уже передумала.

Может, попросить его поддеть дверь? Мелёшин сильный, у него должно получиться с минимальным ущербом для косяка. Нет, всё-таки не стоит. Попрошу, а он опять долг запросит. Лучше сама пинком свою дверь и выбью.

— Ты недавно болела, зачем горло выстушаешь? Иди домой, — предложил заботливо Мэл. Я бы пошла, если бы замок пустил.

— Слушай, Мелёшин, тебя можно попросить бескорыстно, или оказываешь только платные услуги? — спросила, постукивая зубами и подпрыгивая.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Смотря какие, — ответил он настороженно.

— Понимаешь, не могу открыть дверь, наверное, замок переклинило. У меня есть лом, может, посмотришь, как быть с дверью, а? Только просить за долг у меня уже нет сил.

— Пойдем, погляжу, — подтолкнул он к дыре. — Давай сумку.

— Я сама, не стоит беспокойства, — ответила культурно и вежливо, пролезая суетливо.

— Ты, Папена, когда вся из себя приторная, у меня зубы сразу начинают ныть, — сказал Мэл, стянув сумку с моего плеча. — Пошли, а то твоя дрожь мне на расстоянии передалась.

Мы двинулись по дорожке, причем Мелёшин шагал широко и кивал, пока я бежала рядом и поясняла сбивчиво:

— Пришла из института, вставляю, а он никак... Ну, тык-мык, к соседям, к тетке-вехотке, а она: "Только дверь выбивать"... А кочергу там оставила... Хотела за мастером сходить, но уже поздно.

— Позвонить не догадалась?

— Кому?

— Мастеру своему.

— Я его номера не знаю, — сказала растерянно. И вообще, не интересовалась, есть ли телефон у Олега.

— Значит, замочных дел мастер — из квартала?

— Ну да. Дешево и хорошо поставил. И дверь починил.

— Дешево, зато фигово. Замок быстро сломался.

— Он не мог быстро сломаться, — заверила я убежденно. — Кроме того, у Олега пожизненная гарантия.

Шагая по полутемному коридору первого этажа, Мэл запинался о незаметные ремонтные препятствия и каждый раз что-то бурчал неразборчиво.

— Вот, — показала я на свою дверь. Какая-то она грязная и обшарпанная со стороны, надо будет протереть при случае.

Оказывается, вдвоем не так уж и страшно, а гораздо веселее и спокойнее. Я принесла завернутый в газету лом.

— Значит, тут живешь? — спросил Мелёшин, оглядываясь по сторонам. Видок у коридорчика не ахти — начатые и недокрашенные стены, шуршащие изодранные газеты под ногами, одинокая лампочка, прикрытая газетным кульком, облезлые двери комнат.

— Ага, здесь Аффа, — показала я на дверь соседок, — а здесь Сима с Капой. Только сегодня никого нет, а то можно бы у них переночевать.

— У Капы, что ли? — спросил Мелёшин, опустившись на корточки и разглядывая замочную скважину.

— У кого-нибудь. Дверь неохота ломать. А если ломать, то совсем уж на крайний случай.

— Сюда бы посветить, — сказал Мэл.

— У меня есть фонарик.

— Смотри, запасливая какая, — сказал насмешливо Мелёшин. — Всегда с собой носишь?

— Ношу. Выручает постоянно.

— Там что-то есть, — сообщил он, светя фонариком под разными углами. — Что-то светлое и густое. Мед, клей... Дай ключ.

— Откуда? — удивилась я, протягивая запрашиваемое.

Мэл поковырял в скважине, вытащил ключ и осмотрел.

— Следов нет, значит, застыло и застопорило механизм.

— По-твоему, я совсем того и в свой замок понатолкала всякой дряни?

— Нет, — ответил Мелёшин, вернув мне ключ, и начал постукивать по обналочке. — Кто-то преподнес подарочек.

— То есть специально?! — опешила я. — Но почему?

— Папена, решай, кто тебе друг, а кто — портянка. Делается просто: в шприц наливается клеящий раствор и впрыскивается в нужную щель или отверстие. Пять минут — и опля! — результат налицо.

Налицо и на двери, — села я на корточки, прислонившись к стене. Сколько же имеется недоброжелателей в наличии, дайте подумать. Не нужно далеко ходить — за стенкой одна живет, которая сегодня чуть не убила взглядом.

Ах ты, поганка! — осенило меня, и я подскочила к соседней двери. Вдруг Лизбэт никуда не уходила, а сидит тихо под дверью и посмеивается в кулачок?

Прислушалась, но за дверью соседок стояла мертвая тишина. Определенно, испорченный замок — дело рук Лизбэт. Сотворила гадость и слиняла, а завтра появится к шапочному разбору, как делают преступники, подготавливая алиби. Ух, повезло ей не попасться под руку, не то я бы сгоряча живо распрямила чью-то идеальную завивку.

Заочно наделив златокудрую девицу уголовным званием, я не услышала, как Мэл что-то спросил.

— Что?

— Кто такой Радик?

Я выхватила записку из его рук:

— Тебе не разрешали читать чужие письма!

— Так оно под ногами валялось, чуть ногой не наступил, — объяснил Мелёшин. — Ты, Папена, вчера меня обвиняла, а на себя не посмотрела.

— На что это я не посмотрела? — вскинулась на упрек.

— На разных Олегов, Радиков, Капитосов, певучих артистов... — начал он перечислять.

Ни в какую не хотел Тёму называть по имени.

— Радик вообще мне как родня, — сказала я с пафосом. — Он живет в общежитии и учится на первом курсе.

— На малышей перешла?

— Сдурел? — для усиления эффекта я покрутила у виска.

— Ладно-ладно, — ответил шутливо Мэл, выставляя руки и защищаясь от моих наскоков. — Признаю, что виноват и болтаю много лишнего.

— Будешь помогать, или мне просить кого-нибудь другого?

— Слушай, Папена, кое-что предложу, но ты ведь откажешься.

— Конечно, — заявила я с апломбом. — От твоих предложений нужно отказываться, не начав выслушивать.

Мелёшин рассмеялся.

— Дверь крепкая. Могу выломать по петлям, но замок в любом случае пострадает. Могу выламывать по замку, но с той стороны металлическая пластина приличных размеров. Половина двери уйдет в щепки. — Увидел испуг в моих глазах и добавил: — Я мог бы попробовать сначала растопить, а потом вытянуть эту гадость *traheri* ^[19], но боюсь угробить механизм замка. Не знаю, что в него залили, и буду греть наобум, а вдруг там есть низкоплавкие элементы? Так что оптимальный вариант — заночевать где-нибудь, а завтра с утра будить своего мастера и тащить сюда за шкирку.

— Спасибо, конечно, но я и без тебя догадалась, только спать негде. Замок портить жалко, но придется.

— Переночуй у меня, — предложил Мэл.

— Спасибо, — сказала я, а потом сообразила, о чем речь. — То есть как у тебя? Нет-нет-нет, ни за какие коврижки!

Сумасшедшее предложение! Мне хватило денька в обществе его родни, теперь осталось сказать "здрассте" папеньке и маменьке, заявившись в Мелёшинский особняк на ночь глядя. Почему-то в голову пришло, что Мэл должен жить в особняке или в замке с фонтаном, парком и скульптурами. Его родители вряд ли обрадуются появлению на пороге сыночка с девкой непонятного происхождения. Туда допускают только породистых девиц в вечерних платьях.

— Да не съем тебя, — отозвался небрежно Мелёшин.

— Зато родственники сожрут и не подавятся.

Ни за что! Не предложение, а сплошной самоубийственный абсурд.

— Я живу один, — пояснил Мэл.

— Нет и еще раз нет, — подтвердила я первоначальное решение.

— Как хочешь, — пожал он плечами. — Переночевала бы в уголочке и потопала себе на здоровье утром домой. Я обычно сплю до обеда, так что выйдешь, дверь захлопнешь и поедешь, куда хотела.

При его словах я вдруг почувствовала, что мои бедные ножки жутко устали, что спину ломит, а мышцы ноют, что день выдался длинный и богатый на потрясения, и что неплохо бы прикорнуть в горизонтальном положении и приложить утомленную голову на мягкую подушку. Ой, как хочется, сил нет! Но поддаваться соблазну нельзя, все предложения Мелёшина выходили для меня боком, так что извините.

— С радостью, но не могу.

— Ладно, — взглянул Мэл на часы. — Уже одиннадцатый час. Бывай.

Неужели он сейчас уйдет и бросит меня здесь? И уговаривать не будет? Он пошутил, — убеждала себя. Мелёшин отдал фонарик, помыл руки в раковине, отряхнул брюки и пошел к выходу из коридорчика.

К выходу! А я останусь одна в вымершей зоне исчезнувших соседей.

— Мэл!

— Ну? — обернулся он на выходе.

— А там твоего дяди и кузена не будет?

— Не будет.

— А этих всяких...

— Не роятся, — пояснил терпеливо.

— Я тебя не стесню?

Он хмыкнул.

— Нет, Папена, не стеснишь.

— Мне много места не надо. Где-нибудь в сторонке посплю.

— В чуланчике будешь?

— Хоть где, — согласилась я горячо, а потом поняла, что он опять смеется надо мной.

Ну и пусть. — Новый долг не навесишь?

— Устал уже твои долги собирать. Поехали?

Ломик я взяла с собой, побоявшись оставить на ночь в общежитии, и Мэл положил его в багажник небольшого автомобиля, одиноко скучавшего у ворот института. Туда же поставил и мою сумку. Машинка оказалась небольшой, аккуратненькой, словно была рассчитана для поездок по городу за покупками.

— Погоди, сначала прогрею, — завел он двигатель.

— Чья? — кивнула я на приборную панель, устраиваясь на переднем сиденье и прикрепляясь ремнем. Теперь можно не ломаться и не кочевряжиться. Теперь мы друзья-приятели: никаких поцелуйчиков в руку и многозначительных взглядов в зеркало заднего вида. А жаль.

— Севолод дал, — сказал Мелёшин, пристегиваясь.

— Да ну? С чего бы? А почему не новая?

— Отец пока не знает. Поскольку дядя косвенно виноват в том, что случилось с "Мастодонтом", пусть компенсирует моральные издержки. Он, кстати, не особо сопротивлялся, — сказал Мэл, вывернув на дорогу.

На этот раз он поехал дорогой, по которой возил в кафе. Марку автомобиля я не стала спрашивать. Не успеешь запомнить, как машину тут же увечат — нездоровая тенденция. Оглядев уютный салон, отметила низкую посадку по сравнению со злосчастным танком.

На нашей окраине жизнь остановилась, готовясь ко сну, а в приближении к центру города появились вереницы машин, засияли призывно витрины, и прибавилось народу на улицах. Неужели столица не спит?

Интересно, где живет Мэл? Если он соврал про личное жилье, врежу ему сумкой и потопаю пешком до института. Батюшки! — осознала вдруг. Мы едем к Мелёшину! К тому самому, с которым мы... который меня... Я начала мять пальцы и искоса взглянула на него. За время отъезда от института Мэл и слова не сказал, уделив внимание дороге.

— Мелёшин, твоя помощь бескорыстна? — снова пристала к нему.

— Бескорыстна, — подтвердил он, взглянув в боковое зеркало и переключив скорость.

— То есть... мы ведь приятели?

— Приятели. Кто же еще?

— Ну, ладно.

Я устала в окно. Неисповедимы наши пути. Этим вечером меня чуть не придушил почетный член двух десятков научных обществ, а теперь еду в машине — подумать только! — домой к Мэлу.

— А ты случайно не на "Кленовом листе" живешь? — вдруг пришло в голову. Не переживу, если он соседствует со своим дядюшкой.

— Куда нам? Мы люди простые, — сказал Мелёшин, выворачивая с широкого проспекта на улицу поуже и потише, и я загляделась на здания, эффектно подсвеченные с разных сторон.

Хорошо, что простые — подумала я с облегчением. Чтобы отвлечься, спросила:

— Дегонский сильно пострадал?

Мэл помолчал.

— Ты в своем репертуаре, Папена. Подозреваю, назови тебе больницу, заставишь развернуться, чтобы навестить бедняжку. Не волнуйся, кости и голова целые, жить будет. У него хватило средств, чтобы пройти ускоренный курс терапии. День-два, и увидишь своего подопечного в институте.

— Он мне не подопечный.

Сказанное порадовало. *Airea candi*^[20] опасно тем, что поднимает в воздух и вышвыривает из образовавшейся воронки. Можно сильно удариться и получить не только сотрясение и ушибы, но и переломы, например, позвоночника или свернуть шею.

— Почему не подключилось отделение? Стрелялись ведь висораты.

— Отделение проходит боком, — ответил Мелёшин. — Одно из условий димикаты — неразглашение. Пострадавший берет вину на себя, иначе — позор на фамилии.

Своеобразные понятия о чести. Мужские. Или детские.

— А у кого было право выбора?

Проще говоря, мне захотелось узнать, кто являлся ответчиком, а кто — истцом. Оскорбленный имел право выбрать три заклинания, и противнику запрещалось отвечать ими же.

— Какая тебе разница? Думай о том, как будешь ворочаться полночи в душном чуланчике, — сказал Мэл.

— Не буду. Отрублюсь и начну храпеть. Сразу вставляй затычки в уши.

Мелёшин в ответ рассмеялся. Все-таки хорошо, что он встретился. Я и подумать не могла, что увижу его шатающимся у ограды института, в то время как танцинги в клубах простаивают. В самом деле, что Мэл позабыл вечером у института?

Не успела спросить. Пока я раздумывала и задавалась вопросами, автомобиль спустился по пандусу в прямоугольный проем и проехал по освещенному коридору в гараж. Мы теперь опытные, чтобы понять, что к чему, достаточно побывать разочек в гостях у дяди одного парня. Знаем, что о машинках нужно заботиться, чтобы на них нечаянно не попрыгали слоны. Интересно, как автомобиль Севолода простоял у института, и его не раздавили в лепешку. Наверное, Мэл прохаживался рядом и охранял с битой.

Когда мы вылезли из машины, он спросил:

— Заберешь сумку?

— Конечно! Завтра будешь спать полдня, а мне надо домой.

— Точно! — хлопнул Мелёшин себя по ноге. — Успел забыть.

Вытащив мое богатство из багажника, пошел к лифтам, я — за ним.

— А машина?

— Ее увезут, — махнул он в сторону.

И правда, заработала транспортерная лента и утащила автомобиль в неизвестность.

В скромное обиталище Мэла вели аж шесть лифтов, однако меня несколько удивило, когда мы вышли не на лестничной площадке, а в небольшом застекленном фойе с приглушенным светом.

— Мы где? — поинтересовалась шепотом.

— Это парадное, — пояснил Мелёшин. — Архип, привет! — поздоровался рукопожатием со здоровяком за стойкой. — Правый починили?

— Починили, — пробасил Архип, — но не совсем. Заедает, завтра буду повторно вызывать. Лучше езжайте по левому.

Мэл уверенно двинулся к левому из лифтов.

— Это кто? — спросила я тихонько, когда мы застыли в ожидании, и обернулась на здоровяка, склонившегося за стойкой.

— Ну... консьерж, наверное. Не знаю, Папена.

Из приехавшего лифта вышла пара, Мелёшин поздоровался, и я тоже кивнула для приличия. Женщина взглянула на меня, оценив за долю секунды, подхватила спутника под локоть, и они направились к застекленному выходу. Куда людей несут ноги, если ночь на дворе?

— Зачем куча сложностей? — проворчала я, когда мы заняли освободившуюся кабину. Мэл нажал на кнопку "18", и створки сошлись. — Прыгаем как кузнечики.

— Потому что правый не работал с утра. Он как раз едет напрямик.

Кабина шла мягко, без дрыганий и покачиваний. Мелёшин молчал и я тоже, потому что не знала, как себя вести: вешаться ему на шею за проявление заботы и внимания, или делать вид, что ночевки у парней — дело привычное.

Дверь квартиры Мэла оказалась обыкновенной, без инкрустации алмазами и золотом. Лестничная площадка занимала маленький квадратик площади, на все четыре стороны которого — три двери и лифт. Действительно, скромно и без лишней помпезности.

Мелёшин провернул ключом в замке и распахнул дверь:

— Проходи.

Никаких проблем. Ты живешь и думаешь, что мир принадлежит тебе. Повзрослев, узнаешь, что рядом с три окаянного желающих урвать кусок побольше. Пусть рискнут отобрать. За свою долю порвешь глотку любому, потому что имеешь право, потому что у тебя — фамилия, потому что ты — часть семьи.

Правами наделила тебя сила, перекатывающаяся по мышцам, не изуродованным инъекциями. Сила, данная предками, ставит тебя на ступеньку выше, выделяя из толпы подобных. Подобных, но не равных.

Тех, кого топчут, ты не видишь. Тебя воспитали не замечать чернь, используя её. Приучили смотреть сквозь подобострастные взгляды и низкие поклоны. Жизнь как рулетка — кому и кем повезло родиться. Или не повезло.

У тебя есть всё, что нужно для жизни. По списку: тачки, скорость, друзья, адреналин и девочки. Элитные и избранные. Самые лучшие и отборные. Никаких проблем.

Однажды появляется интерес. Мгновенно, налетев со сквозняком, занесенным новенькой в лекционную аудиторию. Твой интерес подогревается, и не нужно оборачиваться, чтобы полюбоваться на нежные тонкие черты лица. Ты видишь кожей, и, кажется, волны искривляются вокруг девчонки, щекоча тебя за загривок.

Вдруг бац! — случайно узнаешь её тайну, позорную и грязную. Кому предназначено ползать, тот никогда не взлетит, и ей не изменить свою судьбу. Как бы она ни тянулась к солнцу, выше не станет, и её тщетные попытки вызывают твое презрение. Вдвойне задевает, что ты повелся на свой интерес и прошляпил подвох, хотя должен был почувствовать в новенькой фальшивку. Стекляшку. Обидно.

Её следует проучить за обман, чтобы знала свое место. Совершенно случайно — лгунишка настолько безмозгла, что не видит за собой шлейфа, который ты привязал, — становишься её хозяином и играешь её страхами, управляешь её жизнью. Игрушка смеет высказывать собственное мнение, и тебя невероятно злит её самоуверенность. Чернь не должна забывать, что у нее нет прав.

Случайное происшествие в столовой ставит тебя перед неожиданным фактом — ты мог потерять девчонку и, не сдержавшись, показал ей свой страх. Клинышки вышибают клином — рядом с тобой новая красивая кукла, а по вечерам тебя рады видеть в лучших частных клубах.

Твоя игрушка по-прежнему считает, что имеет право жить, как ей хочется. Пусть попробует. Ты можешь убить коренастого лилипута одним словом, найденным в зачитанной до дыр дряхлой книге из отцовской библиотеки, но не собираешься унижаться. Тебе плевать изо всех сил. Ты старательно отводишь глаза от стройных ног под развратной юбкой и тут же замечаешь искушающую чувственность движений. Удачно выбираешься из плена серых глаз и через мгновение забываешь, о чем говорил, потому что загляделся на улыбку с ямочками. Замкнутый круг, мать твою. Провокация.

Однажды вечером в библиотеке ты узнаешь о себе нелицеприятную омерзительную правду. Тебя обуревают не презрение и ненависть. Это что-то другое, и нужно найти этому название, чем скорее, тем лучше, потому что ты чувствуешь — оно поглощает тебя и вынуждает совершать непредсказуемые поступки. Оно разрушает твою крепость, незаметно подтачивая твердыню, и разворачивает раком твои принципы. Оно застигает рассудок

красной пеленой, выбивая дыхание из легких, и заставляет бояться — за неё.

Взмах ресниц и румянец, разливающийся по её щекам, делают тебя уязвимым и пробивают бреши в обороне, которые стремительно разрастаются. Ты специально дразнишь её и испытываешь терпение, потому что из вас двоих ты хладнокровней. Смеешься над её наивностью и неуверенностью, а потом замечаешь, что пялился на нее, не отрываясь, добрых пять минут.

Силу воли начисто сметает в полутемном коридоре, и твое тело творит нечто невообразимое, хотя ты не хотел. Ни капельки. И ни разу не думал об том, как мог бы с ней в лифте или в машине. Её согласие выбивает почву из-под ног, и ты понимаешь, что тебе нужно. Необходимо попробовать с ней и сравнить с другими. Всего-то делов.

Ты никогда не связывался с девчонками её сорта, потому что данный сорт для тебя раньше не существовал. Намекаешь, что не прочь, и любая уцепится за хорошее предложение. Любая, но эта — упрямая и гордая, хотя не в её положении оскорбляться при просвечивающей от недоедания коже. Гордость нужно вовремя складывать к ногам благодетеля. Ты обойдешься без нее, у тебя есть кукла. Замороженная.

Злой невыспавшийся друг подтверждает догадку: "Ты заикнулся. Поимей, оцени и топай за следующей". Вот оно, подтверждение твоих метаний. Почти.

Тебя беспокоит другое, засевшее глубже. Ты изломал голову, размышляя над причинами её лжи и притворства, и вдруг осознаешь, что думаешь совершенно о другом: как она живет, с кем здоровается каждое утро, что делает каждый вечер, о чем сплетничает с соседкой и чем питается — святым духом?

На занятиях сидишь ниже, чем она, но чувствуешь, что её взгляд устремлен в твою сторону. Ты слышишь, как бешено стучит её сердце, когда намеренно провоцируешь её. Она твоя — приходи и бери, но взять становится мало. Взять и уйти — мелко и скучно. Хочется больше. Тебе нужно, чтобы она ложилась спать и просыпалась с мыслью о тебе, а еще лучше — чтобы лежала ночами без сна. Также как и ты. Да, это будет достойным наказанием для девчонки, обманувшей всех, но не тебя.

В каком-то нищем клубе внезапно открывается истина, почему тебя выворачивало наизнанку долгое время. Понимание приходит поздно, когда она умирает на твоих коленях. Ведь у вас могло получиться, — думаешь ты. В лифте и в машине. И в душе. Важно ли, что она другая? Совсем другая. Ни одна из девчонок не похожа на нее.

Она верит, что может спасти мир, но кто защитит её от мира, полного жестокости и боли? Только ты, и когда она со стоном выдыхает твое имя, ты клянешься себе, что услышишь от неё не раз, и наср*ть, что бы там не думали другие.

А потом узнаешь, что тебя использовали. В воспитательных целях, как нашкодившего щенка, потыкали носом в сделанную лужу. Преподнесли урок. Тебе не следовало опускаться до черни и валять имя в грязи. Не забывай о своей ступеньке.

Она не поймет и не станет слушать, потому что за последствия твоей выходки отвечают шестнадцать кварталов и сто тысяч человек, которые желают тебе "добра", и среди них козел, с которым она целовалась у ворот института. За это ты с удовольствием выбьешь ему зубы в следующий раз.

Ты придурок. С девчонками себя так не ведут, — говорит друг. Ты полный придурок.

Ты стоишь посередине зала и смотришь на нее, растерянную и потерявшую дар речи. Она. У тебя. Дома.

И тут тебя осеняет, что с некоторых пор в твоём списке иной порядок приоритетов.

Скромность закончилась за дверью, захлопнувшейся за моей спиной. Заливший помещение свет явил взгляду высоченный потолок сложной конструкции с обрывающимися ломаными линиями, стены терракотового и кукурузного цветов, мебель, разбросанную по огромному залу, и слева от входа — многогранное окно от пола и до потолка, около которого незнакомое растение в кадке раскинуло высоченные листья-лопухи.

— А... разуваться надо? — спросила я неловко.

— Как хочешь, — бросил Мелёшин ключи на тумбочку у входа. — Полы теплые.

Пожалуй, сниму сапоги.

— Когда мы говорили о скромности, то имели в виду разные понятия, — сказала я, поставив обувь в углу, зонированном как прихожая, хотя огромное помещение не делилось перегородками или стенами. От двери проглядывалась небольшая кухня у стены, противоположной окну.

Мэл, раздевшись, прошел к дивану в центре зала и поставил сумку.

— Не бойся, Папена, никто тебя не съест.

Фыркнув надменно, я выдвинулась в середину помещения. Высота пустого незанятого пространства над головой почему-то давила и пугала. Мне привычнее маленькие комнатухи, прикрывающие бока и тылы, а в Мелёшинской квартире возникло ощущение опасности и незащищенности.

Два креслица с оригинальными гнутыми спинками и столик между ними, очевидно, означали уголок для чтения и частных разговоров. Хотя сомневаюсь, что Мелёшин сидел в них и беседовал. Когда ему читать, он веселиться не успевает.

В центре стоял большой диван со спинкой и подушками, у окна — дизайнерский стеклянный стол для письма с парочкой таких же стульев. Рядом непонятная лежанка, наверное, чтобы, устроившись на ней, посматривать на город.

Поглядев на часы, я машинально потянулась: гномик сигнализировал начало двенадцатого.

— Хочешь перекусить? — Мэл направился в зелено-серую кухонную зону. Издали были видны столы и многочисленные шкафчики.

— Нет, спасибо. А где твой чулан?

— Вот, — Мелёшин показал на диван бутылкой с яркой этикеткой, зажатой в руке.

Как же так? Мне обещали темный, пыльный чулан с пауками! От огорчения на глаза навернулись слезы.

— Я думала, ты на нем спишь.

— Здесь есть отдельная спальня.

Да, от скромной жизни еще никто не умирал.

— Сам протираешь тряпочкой и моешь полы? — обвела я рукой квартирные просторы.

— Тружусь как пчелка, — подтвердил Мелёшин, отпив из бутылки, и облизнул получившиеся кремовые усы. — Точно не хочешь есть?

— Точно. Спать хочу.

— Хорошо. Пойду, поищу постельное белье, — направился он куда-то в сторону.

— Мелёш... Мэл! Ты здесь, что ли, предлагаешь спать? — крикнула я вслед.

— Могу уступить спальню, хочешь? — обернулся он на ходу. Подойдя к дальней стене, отворил незаметную дверь и скрылся за ней.

Нельзя Мелёшину ни в чем верить. Ни в чем. Хотя почему обвиняю его? У нас разные

представления о жизни, поэтому приводить их к общему знаменателю бесполезно.

Пока Мэл отсутствовал, я подошла к окну. Панорама ночного города с большой высоты ошеломляла зрелищем залитых огнями проспектов и высотных зданий-исполинов. Глаза выхватили быстро движущуюся ленту, промелькнувшую вдаль и исчезающую в темноте — это скоростной поезд канул в подземку. Мелкие точки фар ползли по улицам, растекаясь по своим делам. Столица, которая не спит.

— Нравится? — спросил над ухом подкравшийся Мелёшин, и я вздрогнула от неожиданности.

— Нравится. Поди специально ходишь гольшом перед окошком, чтобы на тебя любовался весь город?

— Я бы походил, — ухмыльнулся он, — но стекло одностороннее. С улицы меня не увидишь, а внутри вполне осуществимо. Подушку не нашел, не знаю, куда домработница засунула, так что отдаю тебе свою и одеяло в придачу.

— Мы так не договаривались, — возмутилась я. — Чулана нет, к тому же делишься своей постелью. Сам-то как собираешься спать?

— Выставлю температуру в спальне и буду потеть. А подушек у меня еще три, хочешь проверить?

— Не хочу, — буркнула я недовольно. — Как диван раскладывается?

— Уже постелил, — показал Мэл приглашающим жестом.

И точно, диван оказался разложен и застелен. Я отчего-то засмуцалась.

— Не стесняю тебя, Мелёшин?

— Не стесняешь, — подтвердил раздраженно, наверное, недовольный тем, что спросила о неудобстве раз пятьсот. Я, может быть, не хочу выглядеть лисичкой со скалочкой, которая, наспавшись и объев добрых хозяев без меры, спросила: "Не стесняю вас?". А хозяева и спустили её скалочкой из избы.

— Хочешь в ванну? — спросил Мэл. Заметив мои колебания, сказал решительно: — Пошли, покажу.

Он подвел к другой стене и открыл незаметную дверь, похожую на ту, что вела в его спальню. Небольшое помещение, отделанное в светло-лавандовых тонах, отдаленно напоминало ванную в доме Севолода.

— Знаешь, Мэл, пожалуй, схожу в душ, — сказала я неуверенно. — Можно?

— Нужно, — он выудил из шкафчика сложенное полотенце. — Заодно отогреешься после улицы.

— Спасибо, — поблагодарила прочувственно.

— Папена, еще раз посмотришь на меня преданными овечьими глазами... даже не знаю, что сделаю, — выдал он и стремительно покинул ванную.

Я-то в чем виновата? Всего лишь хотела показать, что благодарна за помощь и поддержку. А Мелёшин сразу — "овечьины".

Поскольку хозяин разрешил, воспользуемся моментом и облагородим тело мытьем.

У тебя нет ни терпения, ни желания его сдерживать. Обойдя на десятый раз уголки зала, возвращаешься к двери. Чертыхнувшись, дрожащей рукой выводишь торопливо нужную октаграмму и замираешь, не решаясь соединить невидимые символы, а потом натягиваешь волну, и преграда начинает истекать прозрачностью.

Она стоит у настенного зеркала, не торопясь заходить в душ, и перебирает кремы, пенки

и одеколоны. Каждый. Отвинчивает крышечку и вдыхает запах. Улыбается чему-то, закручивает колпачок и принимается за следующий. Берет бритву и разглядывает ее, а затем, смотрясь в зеркало, "сбривает" воображаемую щетину, представляя, как это делаешь ты. Кладет бритву на место. Что-то ей приходит на ум, и она смущается своим мыслям. Видит ли она, что раскраснелась?

А потом она раздевается, вешая одежду, а у тебя пересыхает в горле, и начинаешь сглатывать без конца.

Она подходит к душевой кабинке, но вдруг оглядывается и смотрит задумчиво на дверь. На тебя. Ты холодеешь. Сейчас она вылетит разъяренной фурией, и сегодняшней поздний вечер будет последним, когда ты снова обманул ее доверие. Больше она не заговорит с тобой.

Она смотрит на дверь, и, приглядевшись внимательно, ты замечаешь, что её взгляд направлен мимо. Она не видит. Ну, конечно, она не видит! — успокаиваешься ты, и тут она шлепает босиком по кафелю к двери и берется за ручку. Ты с ужасом видишь, как круглая рукоятка медленно проворачивается на пол-оборота, и понимаешь — это конец. Ноги вросли в пол и не хотят двигаться с места, а руки окаменели, приклеившись ладонями к двери.

Она замирает, и рукоятка тоже. Она раздумывает о чем-то напряженно, а потом отпускает ручку и спешит обратно к душе, забираясь внутрь.

Ты неловко разбиваешь октаграмму и идешь к холодильнику за льдом. Тебе понадобится много льда.

Бросив пару кубиков в импровизированный коктейль, осушаешь его залпом и задумываешься о том, не навести ли еще одну емкостью побольше. Пока наводишь в шейкере порцию ядерной смеси, признаешь, что задание по символистике на одномоментную видимость на расстоянии провалено. А ведь безопаснее было любоваться ею из спальни.

Тепло душа разморило меня. На этот раз мытье обошлось без эксцессов и протекло весьма недурственно.

Я выплыла из ванной, закутавшись в полотенце и неся под мышкой одежду. Пока тело размягчалась под горячей водичкой, Мэл выключил свет в зале и оставил подсветку в виде пары крохотных светильников в кухонной зоне. За шкафчиками я не сразу заметила его самого, но поздно — моя неаккуратность громоздилась небрежно сваленной кучкой шмотья на полу у дивана.

— Еще не спишь? — спросила я, испытывая неловкость, и переложила вещи на подлокотник ближайшего кресла,

Мэл покачал головой.

— На диване футболка, — сказал глухо. — Можешь ее надеть.

— Спасибо.

— Спокойной ночи, — попрощался он невзрачно и скрылся за дверью своей спальни.

А кто свет будет выключать? — хотела я крикнуть вслед, как оба светильника погасли. Огней ночного города, льющих в окно, хватило с избытком, чтобы торопливо натянуть на себя футболку с залихватской надписью на груди: "Моё!", развесить влажное полотенце на спинке стеклянного стула и улечься, сладко потянувшись. От подушки исходил слабый приятный аромат, один из тех, что я перенюхала в ванной. Мелёшин оказался любителем прибабасов для ухода за своей изнеженной кожей. В ванной теснились на полочке разнообразные пенки перед бритьем, во время бритья и после него, а уж гелей для душа,

кремов и лосьонов и вовсе не сосчитать.

Как девушка, — усмехнулась я. Нам-то что с его мужественной красоты? Нам бы завтра не проспать.

Все-таки не зря меня неприятно поразили пустота под потолком и огромное незашторенное окно. Следовало попросить Мэла занавесить его как-нибудь.

В незнакомом месте снились странные и пугающие сны.

Я сидела за своим личным столиком и раскрашивала карандашом ровные ряды незатейливых закорючек на большом листе. Тонкая бумага легко рвалась, и чтобы раскраска удалась, приходилось водить бережно, не нажимая на карандаш.

Перед глазами маячил светлый квадрат окна, на фоне которого развернулись друг к другу две фигуры театра теней, сидевшие по обе стороны большого обеденного стола. Первая фигура имела профиль с отвислым подбородком, пучком на голове и очками, сдвинутыми на кончик носа, а нос второго профиля был с заметной горбинкой.

Засмотревшись, я нажала карандашом сильнее, чем обычно, и тонкий лист порвался узкой прорехой. Какая жалость!

— Разве у тебя нет бумаги? — спросил профиль, что сидел слева. По голосу говорил мужчина. — Опять она рисует на газетах.

— Рисует и одновременно запоминает буквы. Это полезно, — опроверг женским голосом профиль справа и повернулся в мою сторону. То есть не вполне понятно, посмотрел он в окно или на меня, но я решила, что на меня.

— Не слышал о таком методе обучения, — сказал мужской профиль. — Почему простой карандаш? Я даю достаточно денег, чтобы ребенок рисовал красками или цветными карандашами.

— Она переломала их сразу же, — пожаловался женский профиль. — Никаких денег не хватит на ее ненормальность. Во всем виновата плохая наследственность.

От возведенного поклепа я закусил обиженно губу и склонилась над раскраской, но возмущаться не решилась, потому что за невоспитанный язык меня неоднократно хлестали по губам.

— Не заговаривайся, Магда. Мой ребенок не идиот.

— Я помогаю в меру возможностей, — обиделся женский голос. — Неужели ты недоволен?

— Не сердись. Нужен твой совет. Наклеывается партия: хорошая родословная, неплохое приданое. Семейка анархистская, но влиятельная.

— Сколько лет этой влиятельности? — хмыкнул профиль справа. — Тридцать?

— Более восьмисот. Основатели клана проповедовали культ Огня.

— На кровавом прошлом не сделать популярности.

— Прошлое осталось далеко позади. К их мнению прислушивается премьер-министр. При нужной подаче можно далеко шагнуть.

— Если удачно сложится, что сделаешь с ним? — кивнул очкастый профиль в мою сторону. — Ребенок тянет тебя на дно, разве не видишь? Его мать — шлюха. Нарочно не избавилась от плода, дождалась, когда стало невозможным вытравить, и принесла подарочек в подоле.

— Магда, уйми язык. Что случилось, теперь не изменить. Оскорбляя ее, ты унижаешь меня. Как-никак мы были женаты.

— Заморочила тебе голову, уголовная дрянь, — прыскал злобой женский голос. —

Блаженная, и её отродье получилось таким же.

— Магда! — рявкнул собеседник, и я испуганно сжалась от окрика. Мужчина продолжил, мгновенно успокоившись: — Тактика не изменится: ошибки прошлого и заботливый отец, беспокоящийся о своем ребенке.

— Ни одной приличной женщине не понравится, когда за твою штанину цепляется огрызок. От него надо избавиться.

— Не кощунствуй. Если судьбе угодно, чтобы ребенок появился на свет, значит, так должно быть.

Очкастый профиль оскорбленно фыркнул и отвернулся к окну:

— Как знаешь. Не хочешь прислушаться к совету и прошлепаешь партию.

— Поглядим. И зажги свет. Хватит экономить на пустом месте.

Окно расплылось, и передо мной снова появился знакомый океан, только берег был не пологий, а обрывистый и крутой. По плывущему пуху и кругам на воде, я догадалась, что океан тек в одном направлении с неспешной молчаливой величавостью, и неизбежность, с которой неведомая сила перемещала немислимые водные объемы, унося за поворот, потрясла меня.

На дальнем берегу океана кромка темного леса перевернулась, решив искупаться в воде. Глупые деревья, — посочувствовала я им. Не подозревают, что их тоже смоем в неизвестные дали.

— Посмотри, что там плывет? — спросил сзади скрипучий голос.

— Где? — вытянула я шею.

— Вон там. Подойди поближе, — подтолкнули меня в спину.

Берег был глинистым и неровным, местами целые пласты осели или обвалились, осыпавшись. Я нерешительно потопталась.

— Наверное, это плот или корабль, а на нем плывет пират, — сухой жилистый палец с вросшим ногтем ткнул на океан.

Никаких кораблей и пиратов на водной глади я не видела, но не стала признаваться в слепоте. Осторожно сделала шагжок к краю, выглядывая по сторонам. Еще шагнула и провалилась вниз.

На меня накатила паника. Пытаясь выкарабкаться, я с отчаянием хваталась за жалкие кустики и травинки, а меня неудержимо утягивало за увязнувшие ноги. В трех шагах слабый ветер шевелил подол черного платья, приоткрывая черные ботинки со шнурками, с интересом уставившиеся на меня.

Из последних сил цепляясь ногтями за землю, рыхло проскальзывающую между пальцев, я хотела закричать: "Ма-ама!", но вырвался лишь тонкий писк. От безраздельного ужаса и неотвратимости грядущего меня парализовало. Когда я сдалась и перестала что-либо соображать, меня схватили за шкуру и вытащили из черной пропасти, а потом поволокли куда-то.

— Посмотри на себя, мерзавка, — злобствовало черное платье. — Грязная неловкая девчонка! Ты испортила лучший выходной костюм. Ну, ничего, сейчас мы его отстираем.

Черное платье швырнуло меня в ванну и включило холодную воду. Плача, я выдиралась, пытаюсь выбраться, но сильные руки безжалостно спихивали обратно, намывая вместе с промокшей одеждой и окатывая ледяной водой. Грязь утекала потоками в слив.

После того, как охрипло горло, оставалось поскуливать, сжавшись в комочек, чтобы

согреться.

— Вот тебе наука, чтобы бережно обращаться с вещами, уголовное отродье, — шипело черное платье.

Зубы громко стучали, и меня колотило, как язычок в маленьком колокольчике, с которым я обычно играла, убедившись, что никого нет поблизости, так как боялась навлечь недовольство.

Очнулась оттого, что кто-то легонько тряс за плечо.

— Эва! Проснись, Эва!

— Что? — сипло забормотала, не в силах разлепить глаза. Кто это? Не сразу дошло, что надо мной склонился обеспокоенный Мелёшин.

— Ты плакала, — пояснил тихо. — Я испугался за тебя. Сначала не понял, кто пищит так тоненько. Что тебе приснилось?

— Тут много и пусто, — пробурчала сумбурно. — Места много, но оно не греет. Я замерзла. И окно большое. Вдруг кто-нибудь разобьет и залезет? Боюсь.

— Иди сюда, — сказал Мэл, залез под одеяло и притянул к себе. — У тебя лицо мокрое. Страшный сон?

— Да, — проворочала я языком, отогреваясь у теплого бока, и, прижавшись сильнее к Мелёшину, уснула.

Отличный сон под утро, отличное пробуждение и бесящий потолок. Я поняла, что неправильные формы раздражали меня невыносимо. Наверное, чтобы достать до верхней точки, необходимо заказывать подъемный кран.

Потянувшись вкусно и полно, разогрев каждую мышцу, я сладко назевалась. А при виде спящего Мелёшина, вольготно развалившегося на другой половине дивана, вспомнились ночные страхи.

Осторожно убрав руку Мэла, я выбралась из-под одеяла и на цыпочках сбегала в ванную, где привела себя в относительный порядок. Сначала решила потихоньку одеться и драпануть из квартиры, но потом подумала: взгляну напоследок, как спят принцы. В моем представлении они должны спать на спине, сложив руки на груди, словно умершие, а рядом обязан покоиться на подушке верный меч.

Забравшись на диван, я устроилась рядом с Мелёшиным, и, облокотившись, принялась наблюдать за ним. Пока бегала по своим гигиеническим делам, Мэл развернулся на другой бок лицом ко мне. Он мало походил на принца: всхрапнул, пару раз причмокнул, потер во сне щеку и обнял подушку. Я с интересом наблюдала за подрагивающими ресницами и заметила, как мимолетный отблеск слабой улыбки набежал на его лицо. Судя по всему, Мэлу снился хороший сон, в отличие от моего, ночного и безрадостного.

Не будем вспоминать о плохом, будем мечтать о хорошем. Не удержавшись, я осторожно провела пальцем по бровям Мелёшина, "разрисовывая". Волоски оказались жестковатыми. Мэл вскинул руку во сне и почесал лоб и брови, наверное, ему стало щекотно.

Меня же будто кто специально тянул. Палец прочертил линию вдоль носатого профиля и спустился ниже. Аккуратно обвел нижнюю губу, а потом верхнюю, задержавшись на ямочке. Увлечшись, я погладила слабую щетину на щеке, сначала подушечками пальцев, потом тыльной стороной ладони. Здорово!

С опозданием сообразила, что дыхание спящего изменилось, лишь когда его рука внезапно схватила мою.

— Еще напугаешь, напишу на твой диван, — сказала я шепотом на ухо.

Мелёшин сонно улыбнулся, потянулся вширь и в длину и протер глаза свободной ладонью.

— Как спалось? — осведомился хриловато.

— Нормально, — пожала я плечами. — Хорошо. Даже окно не беспокоило.

— Агорафобия? — спросил он, разминая мои пальчики.

— Что это за зверь такой? — я не спешила вырывать руку. Ласкающие поглаживания жуть как затягивали.

— Боязнь открытого пространства, — пояснил Мэл.

— Не знаю. Раньше такого не было. Только здесь.

— Значит, придется менять квартиру.

— Зачем? Наверняка ты вложил в неё много сил. Здесь немало оригинальных дизайнерских задумок.

— Мне отдали ключи, и всё. Самого утомляет эхо, — сказал он и зевнул.

Я подвинулась к Мелёшину — теплому, домашнему и понятному. И не скажешь, что может быть надменным и корчить презрительные рожи.

— Что? — спросил он.

— Ничего. Ты смешной, — подула на лоб, взъерошивая его волосы.

— Эва... — Мэл прочистил горло, прокхыкавшись. — Я не железный. Лучше не надо.

Он и не знал, что я решила. Вот так, спонтанно, внезапно, глядя на его растерянное лицо. Нужно попробовать. Хочу попробовать, потому что надоело бегать кругами как заяц.

— Хорошо, что не железный, — прикоснулась к его губам. Мелёшина аж подбросило.

— Подожди, Эвка, и никуда не уходи, — вскочил и исчез за дверью ванной.

Хотелось бы посмотреть на его лицо, когда он выйдет оттуда, а меня и след простыл. Очевидно, Мэл думал также, потому что появился в дверях через минуту — ну, скоростной гонщик, — и медленно двинулся к дивану. Я сглотнула. Мелёшин пружинисто запрыгнул и на четвереньках приблизился ко мне.

— Э-это твоя пижамка? — кивнула я на его майку и легкие трикотажные штаны.

— Она самая, — Мэл привстал и, стянув майку, отшвырнул в сторону. — Не передумала, Эва? — приблизился и навис надо мной.

Я замотала головой и облизнула пересохшие губы.

— Не буду отговаривать, потому что не хочу, — сказал хрипло Мэл. — И здесь нет дяди, который подслушивает под дверью.

— Э-это радует, — потянулась я и откинулась обратно, не решаясь прикоснуться к нему.

— Сними её, — потребовал Мелёшин, заставив меня приподняться, и стянул рывком футболку. Я думала, у меня голова отлетит, так свирепо сорвал.

Смущаясь, закрылась руками.

— Эва... такую красоту не прячут, — развел он мои руки в стороны. — Ты дрожишь. Боишься?

— Н-нет. Если бы... боялась... то не стала бы...

Мэл ещё не прикоснулся ко мне, а меня уже затрясло под его взглядом как в горячечной лихорадке. Провела робко по его груди, и последнее, что запомнила — шальной взгляд,

судорожно развязывающиеся завязки на штанах и тяжесть навалившегося тела.

Мне хватило, наверное, трех секунд, прежде чем нахлынула жаркая волна, заставив мелко содрогнуться. Мелёшин догнал меня мгновением позже. Он вздрогнул пару раз, замер, а затем скатился с дивана, усевшись на пол. Неужели ему не понравилось? Правда, я сама не поняла толком из-за стремительности событий.

На левой лопатке Мэла красовалась сложная татуировка: распростертые ангельские крылья, скрученные в жгут у основания. Каждое перо тщательно прорисовано, как у каменных крылатых, охраняющих дорогу к институту. Посередине татуировки шли сверху вниз пять поблескивающих шариков, наполовину вшитых под кожу. Я дотронулась до прохладного металла, и Мелёшин вздрогнул, но не отстранился.

— Это твой дефенсор?

— Да, — отозвался он коротко и, поставив локоть на колено, принялся грызть ноготь, так и не обернувшись. Наверное, не хотел смотреть на меня — сплошное разочарование под боком.

Дорогое это удовольствие — вживляемые дефенсоры. В отличие от внутренних дефенсоров их использование разрешалось кодексом о преступлениях и считалось пискom моды. Вживляемый дефенсор не потеряешь и не забудешь, а в случае необходимости его можно легко извлечь в амбулаторных условиях.

Меня кольнуло сожаление. Значит, кольцо на пальце Мэла не было дефенсором.

— Можно в душ? — спросила неуверенно. Он пожал плечами, мол, иди, кабинка пустует. Завернувшись в простыню, я подобрала разбросанные вещички и пошла в ванную, потому что боялась оставаться в гнетущей тишине, рядом с непонятым сердитым молчанием Мэла. Казалось, еще секунда, и из него хлынет поток недовольства.

Мое бегство было надуманным и бессмысленным. Не далее как вчера вымылась с ног до головы и опять ринулась в душ. Мелёшин решит, что я брезгливая чистоплюйка, побежавшая смывать следы отбушевавшей страсти, едва та успела закончиться.

Стоя под тонизирующими струями, я вдруг осознала, что мы с Мэлом только что стали близки, но восторг от физической близости почему-то получился размытым смазанным пятном. Я ожидала большего. Так бывает, когда пытаешься писать тупым или обломанным пером: хочется получить яркую и чистую как песня линию, а вместо этого царапается бумага, и остается жирный короткий след.

В общем, — призналась себе, — произошедшее на диване показалось до обидного малым и скоротечным. Неужели во мне живет сладострастная безудержная нимфоманка?

Вспомнив, что от частого мытья недолго стереть кожу, я выключила душ. Обсохнув, оделась и увидела, что забыла колготки в кресле, куда бросила их вчера. Как ни тяни, а придется выходить и о чем-то говорить с Мэлом, хотя можно собраться и уйти в полнейшей тишине.

Я выглянула из двери. Диван оказался собранным, а Мелёшин при параде, в рубашке и брюках, гремел чем-то в кухонной зоне. Запахло аппетитно, и меня заурчал желудок.

— Эва, издалека слышно, что ты голодна, — крикнул Мэл. — Иди сюда.

Прошлепав босыми ногами в обеденную зону, я разглядела ее в полной мере. С двух сторон шли параллельно столы, разделенные проходом, а над ними нависали шкафчики. Богатство орудий механизации кухонного труда свидетельствовало о том, что Мелёшин любил на досуге кошеварить, и в подтверждение его кулинарных талантов на большой тарелке-лепешке дымился восхитительный сырнй омлет с колбасной прослойкой.

Мэл сидел с дальнего конца стола и потягивал из кружки, наблюдая за мной. Я не могла разглядеть его, потому что он как-то неудобно пил, закрыв кружкой лицо.

— Ого! — сглотнула слюну. — Не знала, что ты умеешь готовить.

— Я и не умею. Могу разогреть, — ответил Мэл. Понятно, решил держать дистанцию. Думает, крыска сама догадается, что пора отчаливать и не липнуть. — Загляни в холодильник у тебя за спиной. Может, найдешь что-нибудь интересное.

— Ладно, — согласилась я с предложением. Сделаем вид, что нам абсолютно по барабану, и мы не убиваемся по пустякам из-за холостого выстрела.

Открыв высокий двухстворчатый шкаф, я остолбенела, разглядывая полки, набитые коробочками, баночками, контейнерами, фруктами и овощами. Сбоку стояли две бутылки молока — неужели Мэл его пьет? Выглянув из-за дверцы, я посмотрела на него. Мелёшин прихлебывал из кружки, а его глаза следили за мной. Наверное, засекал, что возьму и съем.

Захлопнув холодильник, я подошла к омлету и понюхала аппетитность.

— Чем разрезать?

— Ножи рядом.

И верно, под моим носом стоял деревянный брусок, из которого торчали десятка два рукояток. Первая вытянутая оказалась частью мясницкого тесака. Пока я удивленно взидала на свое отражение в полированной металлической глади, мою руку обхватили, и Мелёшин помог вложить топор обратно в паз.

— Так и знал, что вытянешь что-нибудь не то, — пожурил и выудил небольшой ножичек. — Хотя тебе и маленький опасно доверять. Все пальцы искромсаешь. Шкафы не мешают?

Не успела я понять, мешают они или нет, как Мэл дернул ручку одного шкафчика, и вся баррикада взмыла поверх его головы. Оказывается, шкафы висели в воздухе и перемещались вверх или вниз, когда требовалось.

— Как так? — изумилась я волшебству.

— Обман зрения, — пояснил Мелёшин, стоя позади меня. — Направляющие изготовлены из материала, который пропускает свет, не отражая и не преломляя. Эффект невидимости.

— Сильно придумано.

Потянувшись за ножом, я не удержалась от того, чтобы погладить сжимавшую руку с проступившим рисунком вен. Пальцы Мэла еще крепче обхватили рукоятку, а сам он замер и молчал. От него пахло знакомой туалетной водой, как в тот день, когда я впервые увидела Мелёшина входящим в холл института.

— Мне... я... — промямлила, не зная, какие слова подобрать, и выпалила: — Хочу еще, потому что ничего не поняла.

— И я... не понял, — признал он, ероша мне дыханием волосы на затылке и не спеша отдергивать руку.

— Наверное, очень хотела, — накрыла его руку своей, и нож звякнул, выпав из разжавшихся пальцев.

— И я... сильно хотел... — согласился он и придвинулся ко мне.

— Очень хотела... и быстро перегорела, — развернулась лицом к Мэлу, оказавшись зажатой между столом и ним.

— И я... очень... — смотря глаза в глаза, согласился он.

Привстав на носочки, я прикоснулась к губам Мэла, почувствовав на языке вкус кофе,

который он пил, а затем поцеловала, притянув к себе. И Мелёшин ответил — пылко и с упоением, взяв в тиски сильных рук.

Мне даже удалось частично запомнить, что произошло следом.

Мы целовались как сумасшедшие, а затем дрожащими руками я расстегнула рубашку, пуговку за пуговкой, спустила ее с плеч Мэла, и, любуясь рельефом мышц, гладила ладонями, ощущая гладкость и шелковистость кожи. Его грудь вздымалась, и кадык часто ходил, а радужки увеличились и потемнели.

Широким жестом он смахнул в сторону посуду, посадил меня на освободившийся стол и, заставив поднять руки, стянул свитер и футболку.

Теперь моя очередь. Расстегнув пряжку ремня и молнию на брюках, я провела по полоске черных волосков, уходящих вниз под резинку. Мэл напрягся и подался вперед. Желание в его взгляде распалаяло, разжигая в груди мучительное томление, и толкало на разнужданные поступки. Рука потянулась к расстегнутой молнии, подзуживая и испытывая стойкость Мэла, но и он не остался в долгу. Скользя ладонями по моим ногам, задрал юбку и расстегнул крючочки, спустив бретельки с плеч.

А затем трезвый рассудок канул, погрузившись в калейдоскоп чувств и эмоций, сложенный из мозаичных эпизодов.

Без стыда и смущения мы доводим друг друга до изнеможения, и от переизбытка ощущений я не в силах молчать. Под откровенными прикосновениями пылает кожа, огненный поток растекается по венам, заставляя сердце зашкаливать, а тело просит, требует, умоляет о ласке.

Грудь болезненно ноет, и, чтобы унять пытку, я выгибаюсь навстречу Мэлу. Его губы и руки приносят облегчение, которое не удержать в горле.

Обхватываю Мэла ногами, прижимая к себе. Не сбежишь.

Толчок, и мое движение навстречу. Еще один. Еще. В унисон.

Безумие нарастает в крови, отравляя вожделением, и пульсирует, концентрируясь жгучим предвкушением внизу живота.

Я хочу, хочу. Хочу тебя. С каждым проникновением глубже, быстрее, сильнее, яростнее. Тело к телу, дыхание к дыханию. Мы вдвоем, а мир подождет.

— Эва-а... — со стоном выдыхает Мэл. — Не могу больше... Давай, девочка...

Нарастает. Нарастает, взбираясь на пик, и, балансируя на вершине, замирает на мгновение. Весь мир замирает вместе со мной, а потом обваливается лавиной и стремительно катится вниз, сметая по пути.

Вспышка в глазах выключает свет и звуки. Я слепну и гложу от невыразимой сладости ощущений, разливающихся по телу. Бессильно откидываюсь на стол, не желая отпускать рухнувшего на меня Мэла.

Истома растекается по мышцам, нега превратила мысли в кисель. Время потерялось, запутавшись в удовольствии.

Почувствовав, как Мэл отстранился, я вяло посмотрела на него.

С замедляющимся, но еще шумным дыханием он разглядывал меня, опершись руками о столешницу. Обвел пальцами контур моих губ, спустился вниз по шее, между ключицами и по ложбинке до пупка. Тело отозвалось мелкими спазмами — отзвуками пронесшегося урагана.

Я сипло хихикнула.

— Щекотно.

Мэл поцеловал пупочную ямку, и я снова рассмеялась, отпуская его из замка обхвативших ног. Он двинулся на нетвердых ногах вдоль стола и налил в высокий стакан воды из графина, расплескав половину. Жадно осушил, не замечая, как тоненькая струйка потекла мимо рта на грудь. Еще плеснул воды в стакан и махом влил в себя.

Глядя на него, я сглотнула, почувствовав, как в горле гуляет суховей.

Мэл снова наполнил стакан и более уверенной походкой двинулся ко мне. Протянув руку, помог сесть и ждал, пока я с дрожащими руками пила дырявым ртом и облилась не меньше его самого.

— Спасибо, — поблагодарила, утерев губы. Посмотрела на него и смутилась. Мэл заметил.

— Ты опять покраснела. Жалеешь?

— Нет. Это было... — застопорилась я, не в силах подобрать подходящий эпитет, — великолепно!

— Да, это было круто, — признал он и, притянув меня за шею, затажно поцеловал, словно поставил точку.

— У меня такого ещё не было, — призналась я, отдышавшись. — Спасибо.

— Тебе спасибо, Эва.

Я провела по щеке Мэла. Жаль, не успела попросить, чтобы не брился. Посмотрела на него, с полуспущенными брюками, на себя, раздетую и с задранной юбкой, и опять засмузилась. До сих пор никто, кроме Мэла, не проникал в мое личное пространство и не забирался клещом в голову, вытравливая глубокий след в сердце. Воображение тут же нарисовало произошедшее между нами в виде расцветшего экзотического цветка, сбившего пряным ароматом мои ориентиры. Как теперь вести себя друг с другом? Остаться друзьями — приятелями?

— Ты голодная, к тому же дважды не пила сироп. Взамен будешь интенсивно питаться, — заключил Мэл.

Он привел себя в относительный порядок: набросил рубашку и застегнул брюки. Мне же принес знакомую футболку с надписью "Моё!" и помог слезть со стола. Ноги меня не держали, и Мэл отыскал высокий табурет. Из холодильника начали доставаться вкусности, громоздясь горой на столе, и мы начали питаться.

Усадив к себе на колени, Мэл умудрялся одной рукой складывать контейнеры в печь, разогревать их и вытаскивать, а второй рукой обнимал меня, удерживая. Правда, я сама не позволила бы уронить себя и крепко ухватилась за его шею. Мэл отщипывал кусочки, вкладывал мне в рот и тоже успевал есть. В промежутках между поеданием мы целовались, обнимались и дурачились, и снова целовались и обнимались. Я не чувствовала вкуса пищи и не замечала, что ем, потому что полностью увлеклась теснотой "общения".

— А что ты делал вчера у института? — осведомилась, опустошив кружку. Совершенно не волновало, что пью. Важнее было, забравшись рукой в волосы Мэла, взлохмачивать их и пропускать через пальцы. Я видела, что он млел, и мне нравилось, потому что нравилось ему.

— Я? — вспомнил Мэл о вопросе через какое-то время. — Я... решался, — и сунул мне в рот кусочек пирога с курицей.

— На что? — спросила, жуя.

— Ну... поговорить с тобой, — сказал он нехотя и замолчал.

Любопытно. Вытяну из Мэла правду, тем более, кажется, догадалась, как добиться желаемого.

— Зачем хотел поговорить? Собирался ходить кругами до утра? — завалила вопросами. Мэл пожал плечами, показывая, что не расположен к обсуждению, и тогда я прикусила его мочку, а потом поцеловала под ухом разок, другой. Мэл дернулся и издал сдавленный звук.

— Не... до утра, — выдавил, отклоняя голову, чтобы добровольно отдаться во власть пытки. — Эва! — попросил умоляюще. — Уже собрался... идти в общежитие.... Смотрю... ты стоишь, — закончил срывающимся голосом.

— И? — продолжила я измываться с особой жестокостью, сместив поцелуйчики в область шеи.

— Я не... не привык добиваться девушки, — пояснил Мэл сбивчиво. — Обычно они сами...

— Что сами? — не отступала я от изматывающей ласки.

— Сами... вешались... А тут ты...

— А тут я, — напомнила ему, не отрываясь от истязания. — Какая?

— Эвка, издевательница! — он обхватил меня руками и поцеловал, беспощадно измучив губы. Точно синяк на весь рот останется.

— Значит, не понравилось? — надулась я деланно.

— Наоборот, — хмыкнул он. — Посмотрим, как запищишь на моем месте.

Последующие несколько минут были заполнены возней, хихиканьем, взвизгиваниями и чмоканьями, пока я не взмолилась:

— Мэл, дай отдышаться!

— То-то же, — зажал зубами банан за хвостик и ловко очистил свободной рукой от кожуры. — Если серьезно, хотел сказать, что не умею ухаживать. То есть не знаю, как нужно ухаживать за тобой, потому что тебе не нравится то, что нравилось другим. Бросаюсь из крайности в крайность и всё запутываю.

— Мэл... — я замолчала от полноты нахлынувших чувств. — То есть ты хотел за мной...? А как же приятели?

— Ты согласна остаться приятелем? — глянул он на меня. — Я — нет.

— И я.

Просунув ладонь под рубашку, я погладила горячую атласную кожу. Прикорнула на груди Мэла, и он мягко поцеловал в макушку. Подняв голову, я неловко ткнулась под его подбородок, и снова наступила тишина, сопровождаемая шумным дыханием и чмокающими звуками. Совершенно невозможно отказаться от упоительных ощущений, неожиданно открывшихся мне сегодня. Много лет я жила, обделенная нежностью и лаской, которой с избытком одаривал Мэл, поэтому катастрофически не хватало силы воли, чтобы вовремя остановиться.

Вдруг Мэла тяготит моя чрезмерная горячность? Вроде бы нет. Он выглядел довольным жизнью и мной, сидящей у него на коленях.

— Не тяжело? Наверное, отсидела тебе ноги.

— Нет, — ухмыльнулся он. — Очень удобно. У футболки глубокий вырез.

— Ах ты! — шутливо стукнула его по руке. — Кстати, чья футболочка? Для кого берег?

— Для тебя, — попытался отвертеться Мэл.

— Так и поверила, — посмотрела я на него взглядом дознавателя.

— Кто-то подарил, уж не помню, когда, — начал оправдываться он. — Валялась в шкафу без дела.

— Правда? — прищурилась я. — Подарок одной из бывших?

— Не помню. Бросил и забыл. Честно.

— Ладно, — сказала грозно и тут же, не сдержавшись, поцеловала, хотя собиралась построжиться.

Где-то под боком заиграла модная песенка, и Мэл, чертыхнувшись, извернулся и достал из кармана брюк телефон. Я хотела подняться, чтобы не мешать разговору, но Мэл удержал меня, обхватив крепче. Посмотрев на экран, он ответил на вызов.

— Ну? — спросил в трубку. Прирожденный хам: ни здрасте, ни привета.

Телефон прокурлыкал.

— Я занят. Очень, — ответил Мэл и выслушал говорящего. — Не сейчас и не сегодня.

Опять помолчал, воспринимая поток речи.

— Не твое дело, с кем. Мне некогда, пока, — оборвал разговор, а потом, подумав, отключил телефон.

— Сестра, — пояснил, и мое напряжение спало. — Вечно лезет не вовремя. Уверяла, что забыла у меня записи любимой группы, хотя сто лет здесь не была.

— Если хочешь, не объясняй, — проявила я великодушие, хотя минуту назад сердце скручивалось от ревности к неизвестному звонку. Я ревную Мэла?!

— Объясняю, потому что хочу, — ответил он резковато. — Почему не ешь банан?

— Обьелась, — сказала я и неожиданно почувствовала тяжесть в желудке. Так и есть, незаметно мы опорожнили треть холодильника.

Я сконфузилась. Вдруг Мэл подумает: с виду малявка, а затягивает в себя как пылесос. Но, несмотря на угрызения совести, всё же решила употребить банан. Не пропадать же ему, коли очищен, а выбрасывать добро не приучена.

— Пошли в душ, — предложил Мэл.

— В душ? — удивилась я. — Уже два раза ходила.

— Пошли в третий. Вместе.

— Вместе? — от осознания его предложения щеки запылали огнем, а кусочек банана встал в горле.

— Опять покраснела, — уел меня Мэл. — Пошли?

— Ну, пошли, — согласилась я нерешительно. — А когда будем убирать свинство? — показала на беспорядок, оставшийся на столе.

— Забудь. Скоро придет домработница, — потянул он за собой. На ходу доедая банан, я старательно делала вид, что меня не шокировать совместным мытьем с парнем. Но, видимо, потрясение было ясно нарисовано на лице, потому что Мэл хитро заулыбался.

Казалось бы, ничего страшного, ведь недавно мы видели друг друга без одежды, поэтому стеснение должно пропасть, но я испытывала страшное смущение, боясь полностью оголиться. Вдруг мое тело не понравится Мэлу? Вдруг грудь мала или талия широка, или кривые пальцы на ногах?

В ванной Мэл неторопливо разделся, и пока он разоблачался, мои глаза боялись опуститься ниже дефенсора на его спине и усиленно изучали кафельные стены помещения.

— Эвка, раздевайся, — протянул он руку.

— Ты, смотрю, любишь убажывать себя разной косметикой, — перевела я взгляд на полочку, заставленную флаконами и тубиками, и начала расстегивать юбку.

— Мне плевать, — отмахнулся Мэл. — Дарят без конца: на дни рождения, на Новый год и на День независимости. Никакой фантазии.

Неловко и незротично я стянула одежду и все-таки прикрылась рукой. Мэл опалил меня взглядом:

— Не робей, Эва. Пошли.

Он вступил в кабину, потянув меня за собой. Включив и отрегулировав направление горячих струй, чтобы они не били в лицо, Мэл налил гель на пампушку-мочалку.

— Потрешь спину? — развернулся, подставив место для натирания.

Вода мочалкой, я вдруг обнаружила, что люблюсь Мэлом. Он был сухощав телосложением, не перегруженным мышечной массой, и со стройными длинными ногами, а упругие ягодички вообще вызвали новую волну удушья и пустили сердце вскачь.

Я старательно терла его поясницу, боясь опустить руку ниже.

— Интересно, — пробормотала, пытаюсь справиться с неловкостью.

— Что? — поддержал разговор Мэл.

— Интересно устроила природа, — прочистила горло и сказала громче: — У мужчин широкие плечи и узкие... бедра.

Он неожиданно развернулся.

— Могу показать, чем еще одарила мужчин природа, — бросил красноречивый взгляд вниз. Потупившись с воспламенившимися щеками, признала, что отличие существенное, и подойди я на полшага, оно упрется в бедро.

— Для тех, кто не понял, могу показать, чем природа одарила женщин, — ухмыльнулся Мэл, и, положив руку мне на грудь, легонько сжал ее, потирая темный камушек.

Я покачулась, и он поддержал меня, обняв.

— Но при всех различиях между нами есть кое-что общее, — выдохнул в губы и поцеловал. Крепко, не давая возможности оттолкнуть и улизнуть.

Сама не поняла, как оказалась прижата к стенке душевой.

— Сюда... ножку, — прохрипел Мэл, поставив мою ногу на узкий выступ кабины, и приподнял меня на руки.

Он отдавался процессу самозабвенно, опьяняя смесью агрессивной страстности и безудержного напора, и я с восторгом отвечала на резкие ритмичные движения, чувствуя, как перекачиваются мышцы под руками, скользящими по мокрой спине Мэла, как жжет его прерывистое частое дыхание, как убыстряется ритм.

Мэл простонал глухо, и, содрогнувшись, обмяк.

— Эва, прости, не сдержался, — сказал сдавленно, когда уравнил дыхание. — Очень хотел с тобой в душе.

Вместо ответа я поцеловала его. Мне тоже понравилось, до дрожи в коленях и руках.

— Что это? — неожиданно спросил Мэл и поднес к глазам брошку из перевитых прутиков. — Только сейчас заметил.

Он не обратил бы внимания вовсе, но безделушка сама показалась на глаза. Значит, мое доверие к Мэлу достигло нужного предела, чтобы он разглядел неприметное украшение.

— Обычный медальончик, — не стала вдаваться в подробности. — Я тоже мало что заметила, потому что обалденный парень не давал продохнуть.

Мэл ухмыльнулся. Ему польстил комплимент, а мне не жалко, потому что сказала то, что думала.

Мы целовались, пока одевались. И у лифта целовались, дважды пропустив. Раскрытые двери постояли и, закрывшись, уехали развозить других жильцов. Наконец-то зайдя в кабину, опять целовались, и Мэл, бросив сумку в сторону, прижал меня к стене, ища на ощупь кнопку "стоп" на панели. Шарил-шарил, притянув к себе за талию свободной рукой, а я обвила его шею и целовала.

Двери лифта распахнулись, а мы не заметили. Лишь вежливое покашливание за спиной Мэла заставило меня испуганно отшатнуться, но он не позволил отодвинуться, продолжая обнимать.

— Кто там? — спросил зловеще.

Я осторожно выглянула из-за его спины. Лифт открылся в знакомом фойе. Перед кабиной стояла невысокая темноволосая девушка, щедро замотанная в шарф лимонного цвета с большими помпонами и, посмеиваясь, наблюдала за нами.

— Какая-то девушка, — сообщила я Мэлу.

— Как выглядит?

— В желтом шарфе, и волосы короткие, — поведала я, недоумевая, почему он интересуется ее внешностью. Наверное, потому что не хочет встречаться с одной из своих бывших! — осенило меня.

Мэл медленно развернулся к невольной свидетельнице наших жарких объятий.

— А я думаю, почему лифт спустился на два этажа вниз, а потом сразу на три этажа вверх, — ослепительно улыбаясь, поделилась девушка наблюдением. — Так и катался целый час. Осторожно, Гошик, не раскачивай кабину, а то оборвется.

Я замерла. Незнакомка, по-свойски обращавшаяся с Мэлом, пронзила сердце острой иглой. А ведь он ведь обещал, что мух больше не будет.

— Не твое дело, как люблю кататься, — отрезал Мэл и, подхватив сумку, вывел меня за руку из лифта.

Зачем этот фарс? Опять кому-то что-то доказывает? — подумала я с неожиданной болью.

— Может, познакомишь? — предложила девица с улыбкой в тридцать два зуба.

Не хочу знакомиться. Уйти хочу.

— Это моя сестра, — пояснил кисло Мэл и обратился к девушке: — Говорил же, нет у меня твоих записей, и не стоило приезжать ради них.

— Баста, — представилась девица и по-мужски протянула мне ладонь, на которую я взирала, опешив. Передо мной стояла сестра Мэла и его ближайшая родственница. Ближе не бывает.

— На самом деле Маруська, — пояснил он раздраженно.

— Как хочу, так и зовусь. Погодите, еще и фамилию поменяю, — сказала с вызовом девушка.

— Сначала дорасти.

Из слов Мэла выходило, что его сестра младше, и ей не минуло двадцать лет. Совершеннолетие начиналось после достижения данного возраста.

— И года не пройдет, как назло вам стану Фросей Пупкиной! — огрызнулась девица.

— Пожалуйста, — пожал плечами Мэл. — Отец на радостях организует тебе двойное дворянство. Будешь Пупкиной-Обжоркевич. Каково? Или Пупкиной-Приставучко.

— Что захочу, то и выберу, — не обиделась девушка. — В общем, я пока Баста, а вообще Мари или Маришель, — и снова протянула мне руку. — А ты?

Я вежливо пожала ее, и за меня ответил Мэл:
— Это моя Эва. И не лезь к ней, мы торопимся.

— Эва? — воскликнула девушка. — Приятно познакомиться.

— И мне, — ответила я вежливо.

— Значит, вместе с Гошиком учитеесь?

— Вместе, вместе, — пробурчал Мэл и потянул меня к стойке с квадратным, два на два, Архипом. — Нам машину к подъезду.

Немногословный Архип кивнув, вынул из недр рабочего места небольшую досочку с темным экраном, и Мэл приложил к ней ладонь.

— Обождите две сорок пять, — пробасил здоровяк.

— Потерпим, — согласился Мэл, делая вид, что кроме нас никого в фойе нет. Баста, она же Маришель, так не считала и последовала за братом по пятам. По-моему, она рассмотрела меня раз на двадцать со всех ракурсов, но по лицу девушки невозможно было понять, понравилось ей увиденное или нет.

— Здорово, что вы в институте учитеесь, — сказала Баста с завистью. — А меня затолкали в лицей для благовоспитанных девиц. Ненавижу произвол!

— Почему? — я искренне удивилась.

— Потому что там выращивают клушек! — поделилась она эмоционально и размотала шарф, отчего помпоны начали подметать пол. — Готовят безропотных бессловесных домохозяек. А мой рот не может молчать и говорит правду, обнажая лишаи обмана и вскрывая нарывы лицемерия!

— Твоему рту не помешает хорошее воспитание и культурность речи, — ответил раздраженно брат.

— К черту культурность! — вспылила девушка и взъерошила волосы знакомым жестом Мэла. — Хочу сама строить свою жизнь.

— Скажи об этом отцу, почему ко мне прицепилась? — продолжал тот раздражаться. — Архип, когда машина?

— Одна тридцать, — отозвался верзила.

— Тысячу раз говорила, что не бессловесная собачонка, которой можно помыкать! — отозвалась горячо Баста. — И еще скажу. Когда-нибудь он поймет.

Пока брат с сестрой препирались, я исподтишка разглядывала девушку. Очень хорошенькая, с живыми выразительными глазами, подвижной мимикой лица и практически одного роста со мной. Косая челка и необычная стрижка, являвшая очаровательный беспорядок на голове, дополняли картину, делая Басту похожей на проказливое существо из сказки. И, конечно же, с первого взгляда у брата и сестры подмечалось множество схожих черт, но у девушки брови были изящнее, точеный носик смотрелся аккуратнее, и ресницы загибались круто вверх.

— А вы учитеесь на одном факультете с Гошиком? — она опять обратила на меня внимание и хитренько улыбнулась. Мне не дали рта открыть.

— На одном, — оборвал Мелёшин. — Ты зачем приехала? За записями? Повторяю, мне некогда их искать.

— Я тебе звонила, звонила, а ты телефон отключил, — пожаловалась Баста и заканючила: — Мне очень нужно! Позарез. Гошик, ну, пожалуйста!

— Назад возвращаться не будем, — отрезал Мэл. — Архип, где машина?

— Двадцать семь.

— И не надо, — согласилась девушка. — Дай ключи, верну тебе вечером.

— Нет у меня твоих записей, — уперся Мэл. — Если и были, домработница давнo выбросила на помойку.

— А она не знает, где они лежат, — вывернулась Баста.

— Ну и где?

— На... на полочке рядом со столиком! — выпалила девушка и, заметив скепсис на лице брата, выдвинула новую версию: — Вспомнила! Бросила их в тумбочку, а потом забыла. На всякий случай и в шкафу посмотрю.

— Машина у подъезда, — сообщил коротко Архип.

— Ну, Гошик! — закланчила девушка. — Правда-правда, мне очень надо.

— Лови, — Мэл с недовольным видом бросил связку ключей. — Вернешь, как обещала, и не забудь закрыть дверь.

— Конечно, — отсалютовала Баста, ловко поймав. — До свидания, Эва.

— До свидания, — ответила я, и Мэл подтолкнул меня к выходу. Случайно повернув голову, я увидела в боковом зеркале фойе, что девушка строила рожицы брату, высунувшись из лифта, а он погрозил кулаком за моей спиной.

Стеклянные двери предупредительно разъехались, выпуская на широкое крыльцо, и глаза ослепли от яркого солнечного света, бликующего на мощеных каменных плитках. Вдохнув морозный ядреный воздух, я вспомнила, что на улице никто не отменял зиму, зато у меня получилось за какие-то полсуток потеряться во временах года.

Мэл потянул вперед по многочисленным ступеням, перед которыми стояла машина Севолода, и перед тем, как открыть дверцу, снова поцеловал, а я ответила, не в силах удержаться. На этот раз романтическую обстановку спугнул клаксон. Сзади подъехало такси, и водитель возмущенно засигналил, требуя освободить проезд.

Мэл неспешно усадил меня на сиденье, бросил сумку в багажник, игнорируя пронзительные призывы поторопиться. Без суеты уселся за руль, снова притянул к себе, и мы с чувством поцеловались, после чего медленно тронул машину по подъездной дороге.

— Пусть живет, — заметил благодушно, посмотрев в зеркало заднего вида, — сегодня я добрый.

Воображение мгновенно нарисовало, как Мэл в плохом настроении выскакивает и крушит битой по стеклу и капоту бедного такси за то, что водитель посмел спугнуть покой визгливой пищалкой.

Машина вывернула в переулок между небоскребами, похожими на тот, в котором жил Мэл. Здания напоминали вытянутые арбузы с полосами зеркальных окон.

— Как тебе Маська? — спросил он, имея в виду сестру.

— Боевая девушка, — ответила я осторожно, поскольку не успела понять, но первое впечатление показалось положительным. — Видно, что компанейская.

Мэл облегченно выдохнул:

— Я боялся, что после общения с дядей и Вадимом у тебя наотрез пропадет желание знакомиться с кем-либо из моей родни. Маська бывает резка и прямолинейна, но долго обижаться на нее невозможно.

— Почему ей не нравится в лицее? — спросила я, разглядывая улицу, на которую мы выехали. Район поменялся, и здания стали ниже и своеобразнее в облике.

— Потому что оттуда одна дорога — прямоком замуж за какого-нибудь политика или чиновника.

— Понятно. — Мне казалось, в нашем институте собрались элитные макушки, а оказывается, настоящая элита жила и училась в поднебесье. — Чем плоха перспектива замужества? Не нужно ломать голову, как устроиться в жизни, если содержит муж, — взглянула на Мэла искоса.

— Каждому своё, — пожал он плечами. — Кто-то приемлет распланированное будущее, а кто-то — нет. Маська ершится и упирается обоими пятками. Совсем ребенок.

Хорошо, что ребенок не прилип баннным листом, выясняя особенности моей просвещенной натуры, а то я показала бы себя профаном, в частности, в мире музыки.

— Какая у нее любимая группа?

— Имеешь в виду записи, из-за которых она примчалась, сломя голову? — спросил Мэл и после кивка продолжил с ухмылкой: — Боюсь, она прискакала не за ними. Маська чует за сто километров перемены в моей жизни и прилетела посмотреть на тебя, а сейчас, уверен, обыскивает все уголки в квартире и прислушивается, где мы и как мы с тобой... ну, сама понимаешь.

От стыда я готова была провалиться сквозь землю, вернее, сквозь сиденье.

— Но зачем?

— Потому что любопытная как сорока и не успокоится, пока не выяснит серьезность наших отношений. Но Маська плохо ориентируется в ясновидении, поэтому из затеи с якобы забытыми записями вряд ли выйдет что-нибудь путное. Ты уж не сердись на нее.

Постараюсь. Неизвестно, во что выльется невинный интерес сестры Мэла. Не имея плохих намерений, расскажет невзначай родителям или тому же Севолоду, и начнется круговерть по спасению принца из лап жадной девицы-престолоудинки.

Мэл будто почувствовал мои опасения.

— Маська не стерва и не станет трепать языком, но на всякий случай её предупрежу. Думаю, она хотела поглядеть на мою девушку и познакомиться с ней, — сказал, выворачивая с улицы на проспект.

Наверное, почудилось, — воззрилась я удивленно на водителя. Мэл назвал меня своей девушкой? Нет, он сказал, что его сестра присвоила мне притяжательное местоимение. Я загляделась на Мэла, а он — на меня и, не вписавшись в поворот, наехал на бордюр. Машина подпрыгнула на кочке, и меня пронзило страшное озарение, чему поспособствовало внезапно увлажнившееся белье.

— Мэл!

Наверное, и лицо оказалось под стать голосу, потому что Мелёшин в мгновение ока припарковался у обочины и, отстегнувшись, обеспокоенно потянулся ко мне.

— Что случилось, Эва? Ты ударилась? Где болит?

Что ответить? Нужно решиться и сказать, что виновата, и следовало хладнокровно обдумать последствия, прежде чем подначивать на близость.

— М-мэл, — сказала дрожащим голосом. — Я... не предохранялась.

Он непонимающе посмотрел на меня, а потом вдруг со всего маху ударил по рулю, заставив зажмуриться от испуга.

— Черт!

— Просто специально не планировала... — залепетала я в оправдание. — Не знаю толком, как это делается, вернее, знаю, но...

Он обернулся и сжал мое лицо ладонями.

— Эва, не смей себя винить. Ответственность целиком и полностью лежит на мне, и я должен отвечать за последствия.

— Почему ты? Вроде бы нас было двое.

— Надо же так влететь, — пробормотал Мэл, раздумывая о чем-то, и неожиданно подмигнул: — Папена, из-за тебя потерял голову и обо всем забыл.

— Это радует, — промямлила я, растерявшись от смены его настроения. — То есть радует, не то, что забыл, а то, что потерял.

— Оно и понятно, — ухмыльнулся он, пристегиваясь, а я отругала себя на сорвавшийся с языка ляп. — Поехали.

— Куда?

— В аптеку, — сказал весело Мэл. Чего веселиться, тут плакать надо, и, прежде всего мне, наивной балбеске с практически нулевым опытом личной жизни. Правильно подметил Мелёшин — не успев толком распробовать, мне удалось с размаху впечататься носом в стену выросших проблем.

По пути я судорожно вспоминала, что слышала от девочек о способах контрацепции, на пальцах высчитывала безопасные и опасные дни, путалась и не могла вспомнить, потому что мысли скакали как зебры по вольеру. Ума не приложу, что делать, если возникнут последствия. Моя упорядоченная жизнь развалится на куски и потянет за собой предрешенное будущее Мэла.

Задумавшись, я не заметила, как машина остановилась, и очнулась, когда Мэл развернул меня к себе.

— Не бойся. Всё будет отлично. Есть препараты, которые можно принимать не заранее, а после.

— Откуда такая просвещенность? — поинтересовалась я подозрительно.

— У меня куча кузин разных мастей, поэтому кое-что знаю о ваших женских делах.

Почему-то меня не успокоили его слова.

— Учти, в аптеке буду покупать сама. А ты не подходи и делай вид, что не причем.

— Почему? — удивился Мэл.

— Как "почему"? Я девушка, и мне неловко, понимаешь?

— Хорошо. Так и сделаем.

Не зря мне показалась подозрительной быстрота, с которой он согласился. Наспех сляпанный план улетел вскорости в тартарары.

В небольшом помещении аптеки передо мной встал выбор, к какому окошку подойти: туда, где стояла дородная тетка необъятных форм, или туда, где переминалась девица, похожая как две капли воды на Изабеллу. Личные пристрастия сыграли свою роль, и я поплелась к окну с тетенькой в надежде, что та с пониманием отнесется к беде наивной студентки, которую оплели сети плотского соблазна. Мэл кружил около застекленной витрины, обклеенной рекламными листовками беззубых младенцев, и с большим вниманием разглядывал бутылочки для кормления и соски с погремушками. Меня залихорадило.

Отстояв в небольшой очереди, я приблизилась к окошку.

— Мне бы... — попросила задушевым голосом. — Когда уже поздно...

— Не слышу. Повторите! — сказала громко тётка.

— Я и молодой человек... мы вместе... — продолжала делиться невнятным вступлением к своей просьбе.

— Говорите громче! — крикнула матрона за окошком.

Глухая она, что ли?

— Здравствуйте! — прозвучал за моей спиной знакомый голос.

Сейчас всё испортит, — подумала я с тоской. И точно, дальше понеслось лихо.

— Мы занимались любовью, — пояснил Мэл с видом сытого мартовского кота и обнял меня. — Три раза за утро.

Девушка наострила ушки, практически вывалившись из соседнего окошка, а мои уши загорели, будто их намазали жгучей смесью в пять слоев. Дородная тетя переводила взгляд с меня на Мэла, и в ее глазах светилось не сочувствие, а порицание распутной и аморальной молодежи. Была б ее воля, она вытолкала нас внашею из аптеки да еще громко ославила на всю улицу.

Мэла не остановил хмурый вид продавщицы.

— Увы, не предохранялись. Крышу сорвало, — продолжил делиться подробностями. — Хотим исправить ошибку. Дайте что-нибудь безопасное и эффективное.

Наверное, Мэл подробно и доступно объяснил, потому что тетка хорошо расслышала и принесла несколько коробочек.

— Эва, выбирай, — сказал над ухом Мелёшин.

Как выбирать, если на коробочках ценники от трехсот висоров и выше? Подумав, я взяла ту, что с наименьшей ценой, и вопросительно оглянулась на Мэла. У меня имелось в наличии около семидесяти висоров, может быть, он согласится доплатить оставшуюся сумму.

— Не хватает двести пятьдесят, — шепнула ему.

— Так дело не пойдет, — сказал решительно Мэл и обратился к тетке, мгновенно перекаленившись из обаятельного парня в серьезного молодого человека, от которого повеяло арктическим холодом. — Нам нужно самое безопасное и самое надежное средство.

Та, слегка опешив от быстрой смены имиджа Мэла, протянула упаковку с нарисованным женским силуэтом.

— Лучшее на сегодняшний день, — сказала, кашлянув. — В виде жидкорастворимого порошка. Изготовлено из растительного сырья с вис-модифицированными добавками и абсолютно безвредно. Охватывает интервал плюс минус двенадцать часов после приема.

— Берем, — кивнул Мелёшин и снова превратился в рубаху-парня: — И что-нибудь на повседневку, чтобы заработало с первого дня.

— Вот, — тетка протянула другую коробочку. От ценников с нулями у меня зарябило в глазах, а сердце забилось с перебоями. Не успела я отговорить Мэла не совершать умопомрачительные траты, как он сунул карточку в окошко и в дополнение потребовал бутылку тонизирующего напитка. Конечно, после существенных потерь денежной наличности необходимо подавить стресс чем-нибудь тонизирующим, чтобы вернуть глаза в нормальное состояние.

Забрав покупки, Мэл потянул меня из аптеки и довел за ручку до машины. Порывшись в бардачке, отыскал стаканчик, налил напиток, сам распаковал коробочку и высыпал содержимое флакончика, взболтнув.

— Пей, Эва. Инструкцию потом прочитаешь, если захочешь.

— Это очень дорого, — сказала я грустно, вертя стаканчик в руках. — Моя безалаберность обошлась в бешеные деньги.

— Безалаберный здесь один человек, — ответил Мэл и помог поднести стаканчик ко рту, пока я от расстройства не вылила на себя напиток. — Из-за меня ты рискуешь своим здоровьем и будущим, потому пей и не думай ни о чем.

Небольшими глотками я влила в себя теплую газированную водичку со вкусом карамели.

— Ну, как?

Пожала плечами. Не пойму.

— А когда проявится результат?

— Он проявится через месяц или раньше, — хмыкнул Мэл. — Или не проявится, хотя здесь написано: "Стопроцентная гарантия".

Поняв, о чем он говорил, я сникла с огненными щеками. Мэл взял мои ладони.

— Опять твои руки холодные, — начал их растирать. — Что бы ни случилось, обязательно скажи мне. Будем решать вдвоем, хорошо?

— Хорошо, — пробормотала я, пытаюсь удержать в себе пузырьки газа, и спросила, замаявшись: — Не сердись, что... не подстраховалась?

— Сегодня я получил подарок, о котором боялся мечтать, а ты переживаешь, что должен сердиться, — сказал Мэл и притянул меня к себе. — Уверен, всё обойдется.

— Ты прямолинеен как дорога, — проворчала я, прислушиваясь к стуку его сердца. — Можно найти слова пообтекаемее, а не кричать на всю аптеку о том, что мы... что у нас...

— Эва, когда ты научишься называть вещи своими именами, не краснея? — ухмыльнулся Мэл. — У тебя даже ушки светятся, когда занимаешься этим.

— Ничего подобного! — опровергла горячо.

— Хочешь, докажу? — загорелся он, и как я ни сопротивлялась, разговор завершился блоком страстных поцелуев и объятий. Чахлое сопротивление быстро сдалось, потому что безудержность Мэла снова превратила меня в безвольную тряпку. Я не заметила, когда он успел откинуть спинку сиденья и нависнуть надо мной.

— Что такое "повседневка"? — спросила в перерыве между нежностями, возросшими по степени разгоряченности.

— Для ежедневного употребления, — пояснил Мэл, оторвавшись от моих губ, и добавил безапелляционно: — Опробуем завтра или сегодня. Или сейчас.

Расстегнул на мне куртку и проник рукой под футболку, двинувшись горячей ладонью вверх по телу.

— Мэ-эл, — простонала я, не в силах сдерживаться. — У меня же... замок сломан, — выдавила через силу.

Он замер и отстранился с разочарованным вздохом. Подождав, пока приведу растрепанный вид в норму, целомудренно поцеловал.

— Подвези до института, а дальше дойду сама, — попросила я, застегивая куртку и заматываясь в шарф.

— Зачем кружить? По пути заберем твоего мастера.

— Тебе нельзя появляться в районе, — напомнила легкомысленному товарищу. Судя по песенке, которую Мэл замурлыкал под нос, отличное настроение переливалось через край.

— Ну и что? — пожал он плечами. — Поди не убьют среди бела дня.

Не стоило ему говорить. Воображение живо нарисовало машину Севолода, изувеченную не хуже танка, и Мэла за рулем, с расплзающимся кровавым пятном на груди.

— Пожалуйста! — схватила его за руку. — Не искушай судьбу.

— Приятно, что беспокоишься обо мне, — поцеловал он мою лапку. — Мы промчимся стрелой, и никто не поймет, что это было.

Чем убедительнее приводились доводы, чтобы не появляться в районе невидящих, тем сильнее заражался Мэл азартом. В итоге я поняла, что уговоры возымели обратное действие. Складывалось впечатление, что ему нравилось водить красной тряпкой перед носом разъяренного быка.

— Какой адрес? — спросил, тронув машину.

— Не знаю. Всегда ходила от общежития, поэтому ориентируюсь только так, — пробурчала я, недовольная тем, что Мэл не внял убеждениям.

— Ладно, поедем по твоей карте, — ухмыльнулся он, вдавливая педаль газа. — Не бойся, ты со мной.

За окном проносились улицы и широкие проспекты, а по ним текли плотные транспортные потоки, в одном из которых ехали мы, зажатые со всех сторон автомобилями. Не столица, а гигантский муравейник.

Жизнь преподносит сюрпризы, — подумала я, разглядывая необычный архитектурный шедевр — здание с растянутыми искаженными формами, занимаемое Первым департаментом. Еще недавно Мэл был далек и недостижим, живя своей звездной жизнью, еще вчера между нами проходила жирная приятельская граница, и я убеждала себя, что ради собственного блага не следует ее переступить, а сегодня благоразумие кануло под воздействием стихийного порыва, стоило дать слабину.

Посмотрела на руки Мэла, лежащие на руле — сильные и крепкие, способные творить со мной нечто невообразимое, разжижающее волю, покосилась на него самого, излучающего уверенность и надежность, и пришла к выводу, что местоимение "мой" меняет восприятие, пробуждая собственнические инстинкты и ревность. Мэл принадлежал мне целиком у кухонного стола, и в душе тоже был моим. Руки, что сейчас поворачивали руль налево, — для меня, и объятия Мэла — тоже для меня, и даже его упрямство — для меня. Он весь — мой, обвешанный сигнальными флажками с надписью: "Чужое не лапать!".

Эгоистичность запросов в отношении хозяйствования над Мэлом потрясла меня. Я не причисляла себя к ревнивицам, полагая, что никогда не опущусь до унижения собственного достоинства, а теперь с неохотой признавалась, что хочу занимать ключевое место в мыслях и планах Мэла.

Мечтать вредно. Несбыточные мечты отвлекают и затрудняют жизнь, создавая ворох осложнений, и за одно из них следовало хорошенько поругать себя и отшлепать для остротки. Благодаря моей беспросветной простоте, Мэл расстался с денежной наличностью в объеме трех нулей, вдобавок придется дрожать осинкой в ожидании, подействует чудодейственный препарат или нет.

Но как я ни выдавливала из себя раскаяние, а не получилось выжать ни капли. Наоборот, вспомнив об обещании Мэла опробовать, разволновалась, чувствуя, как щекочет предвкушение. В конце концов, я не сопливая малолетка, чтобы каяться в случившемся и давиться угрызениями совести, — объявила себе с гонором. Как хочу, так и живу, и сессию сдам, не запачкаюсь.

Хватило бы сил по-боевому задирать нос, если не попаду в сто гарантированных процентов эффективного чудо-препарата. Вот будет номер! Не представляю, как отреагирует Мэл, когда скажу: "Кажется, я влетела". Его сегодняшняя обеспокоенность возможными последствиями и забота о моем самочувствии давали повод думать, что он поддержит и найдет выход, если не влезу в сто счастливых процентов. О реакции моего отца или родни Мэла не хотелось и заикаться.

Интересно, каким родителем стал бы Мэл? — задалась вопросом и тут же испугалась. Мысль о родительстве казалась дикой и нереальной. Я ни разу не держала грудных младенцев на руках и не имела ни малейшего представления о том, как обращаться с ними. Вот Олег и Марта наверняка морально созрели и осознанно пошли на серьезный шаг, подумав о ребенке. С бухты-барахты становятся родителями полные идиоты, не успевшие толком распробовать прелести личной жизни и влетевшие с первого раза. Такие как я.

Для пущей уверенности перекрестила незаметно пальцы и мысленно переплонула через левое плечо. Залезть бы к Мэлу в голову и узнать, о чем он думает, а то неизвестность вселяет неуверенность.

Бесснежные проспекты центра сменились белизной окраинных улочек с сугробами, наметенными по обочинам дорог. Доехав до ограды института, Мэл свернул в квартал, следуя моим указаниям, и снизил скорость. Я оглядывалась по сторонам, высматривая подозрительные машины, следящие за нами, или странных личностей, караулящих из-за углов или кустов.

Район выглядел заспанным и тихим. Субботним утром лишь редкие прохожие отважились высунуть носы на улицу, спеша по делам. Мэл, сделав круг около небольшого скверика, припарковался у входа в ремонтную мастерскую. Я решила выскочить пулей из машины, быстренько убедить Олега поехать в общежитие и также быстро вернуться обратно, как вдруг Мэл, заблокировав дверцу, потребовал:

— Признавайся, о чем думала.

— Ни о чем, — сказала я с честным лицом.

— Всю дорогу думала и кусала губы, — поделился он наблюдением. — И краснела. Пока не скажешь — не выйдешь. Итак?

— О тебе, — не стала я возражать и потупилась.

— Обо мне? — посмотрел Мэл на мои губы. — Покажи, как думала.

И я показала, притянув его к себе, а Мэл не отказывался и охотно согласился с моими раздумьями. Точно, не менее пяти минут соглашался.

— Хорошо думала, — сказал, отдышавшись. — Почаще так думай. Пошли.

Не успела глазом моргнуть, как хлопнула водительская дверь, и он выбрался из машины, разминая ноги. Я тоже выскочила наружу.

— Немедленно забирайся обратно, — начала подталкивать его в сторону автомобиля, боязливо озираясь по сторонам. Опасности могут подстергать и на пустынной улочке, например, кирпичи с неба или отпиленная сосулька с крыши. — Тебя же увидят!

— Успокойся, — отмахнулся Мэл. — Неужто меня поджидает снайпер на крыше?

Охнув, я вцепилась в него.

— Не переживай. Пошли за мастером, — потянул Мэл к мастерской.

Стойка пустовала, но едва мы с топотом ввалились в помещение, как из-за шторочек возник Олег.

— Здравствуй, Эва, — поприветствовал меня и, заметив Мэла, вежливо поздоровался: — Доброе утро.

Тот не стал высокомерничать и с дружелюбным видом протянул руку, которую молодой человек пожал. Мэл притянул меня к своей груди и обхватил по-хозяйски. Несмотря на радушие, чувствовалось, что он напряжен.

Возникла неловкая заминка. Однако придется затевать знакомство.

— Это Олег. Мастер с большой буквы, у него золотые руки. — Олег, смутившись, махнул рукой, мол, его умения преувеличены, а я заверила: — От таланта не отмахнешься. А это Мэл... Егор. Мой... парень, — взглянула на Мэла неуверенно, и он подтвердил, поцеловав в щеку, и еще крепче прижал к себе.

Я рассказывала о приключившейся беде с дверью, а сердце пело. "Это Мэл... мой

парень". Мой! И он не против! Проблема с замком казалась теперь пустячной и незначущей по сравнению с тем, что в груди росло горячее и трепетное чувство, заливавшее меня нежностью.

Погладив ладони, сомкнувшиеся на талии, я поймала ответ от Мэла, потершегося о макушку.

Олег с большим вниманием выслушал о возникших затруднениях.

— Странно, — сказал недоумевающе и начал складывать инструменты в чемоданчик: — Конечно же, посмотрю.

— На машине обернемся быстро, — предложил Мэл.

— Было бы неплохо, — согласился Олег, одеваясь.

— А где Марта? — встревожилась я, потому что обычно встречала девушку, выглядывавшую из шторочек. — Как ее самочувствие?

— Спасибо, хорошо, — улыбнулся молодой человек. — Она разносит заказы и должна скоро вернуться.

— Марта... — начала я пояснять и застопорилась. Кем же девушка приходится Олегу?

— Марта — моя жена, — добавил тот, и Мэл вздохнул облегченно. Неужели он полагал, что с Олегом меня связывает нечто большее, чем деловое знакомство на почве дверных замков? Чтобы впредь так не думал, я ущипнула Мэла за руку, а он стиснул меня и отпустил. Чем опять недоволен?

Обернуться быстро не получилось. Машиной Мэла заинтересовались два типа в полушубках, и мое сердце тревожно екнуло. Один из мужчин записывал в блокнот, поглядывая на номер автомобиля, а второй прогуливался возле, заложив руки за спину.

Я вцепилась в рукав Мэла, и он, успокаивающе погладив меня по спине, приблизился к типам с самоуверенным видом.

— Приветствую. Возникли проблемы?

— Ваша машина? — спросил тот, что прохаживался, и отвернул край воротника, показав блестящую единичку. У мужчины был кривой нос, видно, что ломаный, и густые черные брови, сходящиеся на переносице.

— Родственника, — ответил Мэл.

— Предъявите документы на транспорт.

— Не припомню, чтобы первый отдел интересовали права на машину, — сказал недовольно Мэл, не спеша выполнять требование.

— На двоих из вас обнаружены дефенсоры. Согласно шестнадцатой статье кодекса о преступлениях круг лиц, допущенных к пользованию защитными устройствами, ограничен, — произнес стандартную фразу тип с блокнотом, показав крупные неровные зубы с сильной желтизной. — Предъявите опознавательные документы и разрешение на ношение.

Стремительность, с которой первоотдельщики вычислили наличие дефенсоров у меня и Мэла, пугала.

Олег послушно подал пластиковую карточку, и кривоносый провел ее через миниатюрный считыватель. Следом Мэл, нахмурившись, протянул свои карточки. Первоотдельщик перебрал их и тоже подверг считыванию.

С каждой уходящей секундой, приближавшей мою очередь, я нервничала все сильнее. Поскольку документы остались в швабровке, запечатанной неисправным замком,

требовалось подтвердить личность, иначе с меня попросту снимут дефенсор.

Изучив документы Мэла, тип с кособоким носом развернулся ко мне.

— У меня нет при себе, — ответила я дрожащим голосом. — Остались в общежитии.

— Задерживаетесь до выяснения, — сообщил бесстрастно мужчина и сказал товарищу:

— Подгоняй транспорт.

Меня затрясло, и не по причине мороза, начавшего пробираться под куртку.

— Мы как раз собирались в общежитие, и легко устраним недоразумение, — вступился Мэл, отгораживая меня плечом.

— Машина подойдет через пять минут, а пока заполним протокол задержания, — сказал тип с блокнотиком, проигнорировав его слова; развернул сложенный вчетверо чистый бланк и начал заполнять пустые строчки, не беспокоясь за пальцы, которые заледенеют на морозе. Похоже, первоотдельщиков грели теплые колпаки.

— Давайте съездим в общежитие, — напирал Мэл. — Поездка не займет много времени.

— Не положено, — отрезал писака.

— Если не положено, то я могу удостоверить личность своей девушки, — упорствовал Мэл.

И правда, вдруг его слова достаточно? Как-никак Мэл не простой висорат, а потомственный.

— Могут удостоверить родственники или лица, наделенные соответствующими полномочиями.

Из родственников подтвердить мою личность было некому, за исключением отца, которому в таком случае придется признать наше родство. Нет уж, чтобы не мучиться, упрасывая папеньку, проще броситься под машину и постараться, чтобы сразу под четыре колеса.

Я начала оглядываться по сторонам в поисках пронсящихся автомобилей, желательно на сверхзвуковой скорости. Как назло, улица оказалась пустой и тихой, и лишь несколько ворон, облюбовавших макушку тополя в скверике, галдели, вымораживая каркающие глотки.

Глядя, как неумолимо порхает перо по бумаге, я поняла, что на этот раз увязла крепко, и теперь не получится отделаться, как в кафе, где произошло знакомство с Тёмой. Что делать, что делать? — заметались лихорадочно мысли. Попробовать опять воззвать к доброму имени Стопятнадцатого?

— А декан или проректор могут удостоверить? — спросила с надеждой в голосе и объяснила мужчине с блокнотиком: — Учусь в институте с висорическим уклоном.

— Могут, — подтвердил тот, — но лично.

— Мигом привезу! — сказал Мэл с энтузиазмом, я и уверилась, что у него получится всё: мигом оторвать Стопятнадцатого от сочинения сонетов, мигом уговорить и мигом доставить, впихнув в кукольную машинку.

— Ждать не будем, транспорт под завязку. Повезем в отделение, поскольку у нас переполнено, — сказал кривоносый. — Процедуры по опознанию проведут там.

— Это быстро? — спросила я севшим голосом.

— Затянется на сутки или двое, не раньше. Работы через край, а дознаватели валяются с ног.

Сутки или двое, — заторможено вникала я в сказанное. Не час и не два, сидя на скамеечке до приезда декана, а полновесные дни и ночи в камере в ожидании своей очереди.

В это время к мастерской подъехал небольшой грузовичок с будкой и встал у обочины позади машины Мэла. Водитель посигналил, и кривоносы́й приветственно махнул, мол, не глуши, сейчас придем. Мой взгляд выхватил небольшое зарешеченное окошко над кабиной, и я нервно сглотнула. Совершенно не чувствовала озноба и холода, вместо этого по телу потек жар, и страстно захотелось почесаться, раздирая кожу до царапин.

— У вас есть право на звонок, право на молчание, право на добровольное признание, право на смягчение наказания, — сообщил монотонно желтозубый тип, заполняя бланк. — Если вашу личность установят в течение срока, определенного тридцать второй статьей кодекса о преступлениях, срок задержания увеличивается до момента получения из Правительственного суда разрешения на снятие дефенсора.

Я начала судорожно вспоминать, какой срок моей висоратской неприкосновенности определен в упомянутой статье.

— А сколько времени дается на опознание? — спросила смятенно.

— Двадцать четыре часа.

— Но вы сами сказали, что раньше, чем через двое суток моим делом не займутся!

Первоотдельщик пожал плечами:

— Не могу знать. Подписывайте. — Протянул исписанный бланк. — И не задерживайте. Машина греется, а лимит на бензин почти исчерпан.

Я могла бы понять равнодушие уставшего и злого мужчины, третьи сутки не вылезавшего из окраинного района и выполняющего дурацкую и пустую работу, но в данный момент мне было не до понимания. В данный момент я являлась частью его работы, эпизодом, о котором он забудет, сдав в отделение ораву задержанных из грузовичка, и поедет домой, чтобы отмокать в ванне и нежиться в мягкой постели, в то время как меня втолкнут в переполненную камеру, где мне достанется стоячее место у решетки.

Получалась абсурдная логическая цепочка, имевшая единственный закономерный конец: я впустую промыкаюсь в отделении, потому что у дознавателей не дойдут руки в силу загруженности работой, а затем через сутки автоматически поступит запрос в Правительственный суд на выдачу ордера для снятия с меня дефенсора и принудительного опознания личности. Обычная процедура.

Строчки поплыли перед глазами.

— А право на звонок? — пролепетала. — Можно позвонить?

— В отделении в порядке очередности.

И когда наступит моя очередность — через два дня или через неделю, когда придет разрешение из суда? И кому звонить? Отцу, чтобы приехал, вызволил из-за решетки и придушил на ступеньках отделения? Стопятнадцатому или Афффе, чтобы придумала, как вскрыть мою комнатку, и привезла документы? Я же не знаю номер её телефона! — простонала разочарованно. Зато знает Мэл, ведь он звонил ей не раз.

Пока я в панике ломала голову в поисках выхода, не сразу сообразила, что Мэл давно отстранился и переминался в сторонке, разговаривая с кем-то по телефону. Поймал мой затравленный взгляд, нахмурился и отвернулся.

Вот и всё. Я вчиталась в протокол. По пунктам: время задержания, место задержания, обстоятельства задержания, вменяемые нарушения — циферки с точками и их расшифровка: незаконное использование дефенсора и отсутствие документов, удостоверяющих личность. Взгляд выхватил оставшийся незаполненным пункт: "Отметка о принятии под стражу" с пустой заготовкой интервала дат.

Пожизненно, — подумала я безнадежно, обводя тоскливым взглядом окрестности. Прощайте, края, ставшие мне родными!

Мэл, не отрываясь от телефона, что-то спросил у Олега, тот тихо ответил, и он вернулся к телефонному разговору. Быстро же скончалась его симпатия, едва понял, что мне не выбраться из уголовного будущего. Стоит теперь в стороночке, делая вид, что совершил большую ошибку, назвав своей девушкой, — вспыхнула я, послав Мэлу враждебный взгляд.

Нужно бежать, пока на меня не надели наручники и не повели под конвоем на эшафот под бой барабанов, — пришла в голову дикая мысль. Представила, как убегаю, а вслед раздаются меткие выстрелы, выпущенные прицельно с колена, и я падаю лицом в снег, раскинув руки. Красиво падаю, как в кино. Или нет, пригибаюсь, слыша свист пуль, и ползком скрываюсь в проулке, а потом стану живой легендой и буду прятаться от правосудия и мстить.

Решив воплотить план в реальность, я начала отступать маленькими шажками, воровато оглядываясь по сторонам. Не дав осуществить героическое бегство, рядом оказался Мэл, выудил из моих пальцев помятый протокол и, пробежавшись по строчкам, сказал по телефону:

— Соглядатаи первого отдела Иванов и Филиппов. Да. Спасибо. — Закончив разговор, сказал мне: — Ничего не подписывай.

— Не положено, — обрубил грубо желтозубый. — Подписывайте, и пройдем в машину.

— У нее есть право на несогласие, — сообщил Мэл.

Первоотдельщики переглянулись.

— Оно не распространяется на документы на бумажных носителях, — ответил носатый.

— Тем не менее, в примечании к восьмьдесят шестой статье присутствует конкретизация, в которой говорится, что к бумажным носителям относятся рукописные документы, — с видом заправского адвоката пояснил Мэл. — Данный документ нельзя считать полностью рукописным, поскольку четвертая часть исполнена машинописным способом.

— Канцелярские отговорки, — сказал тип с блокнотом и ухватил меня за рукав. — Задержание состоится в любом случае. Пройдемте.

— Поскольку протокол не подписан, взамен необходимо составить расписку о задержании согласно статье девяносто первой, — просвещенный Мэл раскрыл глаза соглядатаям, явно невзлюбившим настырного и чересчур подкованного в юридических вопросах парня.

Пока Мэл дискутировал о статьях и правах, мои ноги то подкашивались, то собирались пуститься в бегство, то приплясывали от начавшегося озноба.

Мужчина, скрипнув прокуренными зубами, демонстративно вырвал из блокнота листок и принялся карябать расписку, как вдруг у него зазвонил телефон.

— Иванов у аппарата, — отрапортовал и замолчал. Выслушав с недовольным видом, он взял из рук Мэла протокол задержания, что-то дописал и снова протянул. — Подписывайте.

Внизу было выведено неровным торопливым почерком: "Папена Эва Карловна. Личность установлена по ходатайству первого советника премьер-министра Семута З.Ч. Задержанию не подлежит".

Я поставила внизу закорючку, оторопев от небывалой чести, оказанной мне первым советником... как его там? Хотела еще раз взглянуть на фамилию, но соглядатай Иванов выхватил бумагу и, сложив, сунул в блокнот. Первоотдельщики официально попрощались с

нашей компанией, отсалютовав двумя пальцами, и отправились к урчащему грузовичку, а Мэл успел подхватить меня за талию, потому что ноги мне отказали.

Мы сели в машину. Я кое-как забралась на заднее сиденье, а Мэл с Олегом, устроившись впереди, тихо переговаривались.

Проводив глазами отъезжающий грузовичок, я наконец-то вздохнула свободно, но облегчение не наступило. Ведь сейчас меня могли увозить за глухими металлическими дверями с большим засовом вместе с другими попавшимися невезунчиками.

Внезапно заныли пальцы ног и рук, видимо, опомнились, что не успели поморозиться. Щеки защипало, и губы нещадно заболели — я вспомнила, что беспрерывно облизывала их, нервничая.

— Третий день как обложили, — пояснил Олег. — Из дома выходим с документами, после девяти на улицу не высываемся. Меня неоднократно проверяли, и каждый раз — новые лица. Все бы ничего: обычно задерживают и выпускают в тот же день, но если дела обстоят, как они разрисовали, — кивнул на грузовичок, превратившийся в крохотную точку и вскоре завернувший за угол, — то мало хорошего.

Неудачный эпитет выбрал Олег. Это не "мало хорошего", это катастрофа. Апокалипсис личного масштаба.

Я-то знала, из-за кого попала под раздачу, потеряв несколько килограммов душевного равновесия. В зеркале заднего вида, которое Мэл выровнял сразу же, едва мы загрузились в машину, перехватила его взгляд.

Хорошо, что вчера вечером проснулась интуиция, отговорившая меня пойти в район невидящих, потому что прогулка по кварталу могла закончиться плачевно. Вчера меня никто бы не спас, а сегодня пришел на помощь Мэл, на которого я зря возвела поклеп. Упрекнула в малодушии, в то время как он искал выход, по-своему, по-мелёшински, не мелочась: позвонил в правительство, оторвал серьезных дядей от совещаний и уговорил подтвердить личность одной сопливой висоратки, не выходя из кабинета. Благодаря звонку Мэла меня вызволили из дружеских лап соглядатаев первого отдела. Какими связями нужно обладать, чтобы добраться — надо же! — до первого советника премьер-министра!

И все же, несмотря на запоздалую радость спасения, на меня угнетающе подействовала легкость, с которой Мэл, оперируя высокими знакомствами, убедил кого-то из избранных удостоверить мою личность с помощью телефонного звонка и пригнать исполнительных работников первого отдела гнетом властного указания в обход установленных законов и правил.

Я поняла, что Мэл может всё.

До общежития доехали в два счета, и Мэл поставил машину на обочине у дыры в ограде. Я хотела выразить опасения по поводу сохранности имущества в непосредственной близости от района невидящих, но вспомнила, что Олег не подозревает о причастности Мэла к заварушке в районе, и будет лучше и спокойнее, если он останется в неведении, равно как и Мэлу совсем не обязательно знать, что Тёма и Олег — братья.

Комендантша, сменив одеяние вчерашней роковой женщины на знакомый засаленный халат, хотела перегородить дорогу честной компании, ворвавшейся в холл общежития, но Мэл, шествовавший впереди словно король, окинул тётку-вехотку надменным презрительным взглядом, и та замерла испуганной статуей.

— Они со мной, — махнул величественно Мэл, указав на меня с Олегом.

— Конечно-конечно, — зачастила комендантша, раскланиваясь, — пожалуйста-с. Немного не прибрано, но у нас ремонт. Принцип непрерывного улучшения!

— Вижу, — сказал недовольно Мэл. — Почему не горят лампочки на этаже? Вдруг кто-нибудь упадет и сломает ногу или руку? Непорядок.

— Сей момент, — подскочила юлой тётка-вехотка, — не успеете оглянуться, всё исправим.

Отрапортовав, она грузно кинулась в сторону своего крыла — вытаскивать из закровов лампочки, заныканные в целях сверхэкономии.

Свита в лице Олега и меня, шурша газетами и спотыкаясь о ловушки в виде забытых ведер и пустых банок с краской, проследовала за монархом, ловко огибавшим препятствия, к месту дверной трагедии. Пока молодой человек выкручивал шурупы, я проверила наличие соседей и убедилась в том, что их унесла неведомая сила и до сих пор не возвратила. Даже Аффа не спешила в общежитие. Наверное, получила от своей родственницы хорошие денежки за стенограмму мемуаров и трясет за шкуру, требуя продолжения воспоминаний.

Олег аккуратно извлек корпус замка и, щелкнув чем-то в засове, открыл дверь в комнатушку. Ура! Открыл! Моя любименькая швабровка открыта! От радости я чуть не запрыгала, но сдержалась.

— Спасибо, Олег! Если бы не ты, жить мне на улице, питаться у мусорных баков и ночевать на теплотрассе.

— Ну-ну, — Мэл оборвал поток щенячьих восторгов и прошел в швабровку, а я не успела крикнуть, что парням нельзя заходить в обиталища одиноких девушек без разрешения, тем более, когда там не прибрано. Ну и ладно. Главное, вот он — дом!

Олег показал корпус замка, залитый прозрачной зеленоватой массой, которая, застыв, образовала скопище крошечных пузырьков.

— Похоже на силиконовый, но с какими-то добавками. Сильно пенился, когда вливали, поэтому много воздушных полостей. Видно, что схватился практически мгновенно. Снаружи твердая корка, а внутри усадочные раковины.

Печальное зрелище, что ни говори.

— Взамен испорченного поставлю другой замок с защитной шторкой, — добавил Олег. — Открыть его можно только ключом с магнитным датчиком в головке. Не очень удобно, но надежно и защитит от повторения ситуации с клеем.

— Большое спасибо! — захлопала я в ладоши. — А когда поставишь?

— Замок у меня с собой. Хорошо, что захватил.

— Олег, давай обговорим работу. Верну тебе оставшуюся часть суммы и добавлю за установку нового замка.

Олег заартачился в ответ на мое предложение, уверяя, что сделает работу бесплатно. Пока мы горячо обсуждали расценки на рынке услуг по врезке замков, Мэл стоял рядом и вежливо улыбался. Наверное, ему было непонятно, почему мы торгуемся из-за каждого висора, причем, Олег — в сторону уменьшения, а я — в сторону увеличения. В итоге решили, что вручу молодому человеку двадцать пять висоров, и мы в расчете.

Пока мастер растачивал и рассверливал гнездо под новый замок, Мэл изучал скудно обставленное жилище. Обежал взглядом по стенам и мутному окну, хмыкнул, заметив жуткое голубое дерево в углу. Подошел к подоконнику и развернул рулончик с карандашным портретом. Взглянул на меня, на рисунок, снова на меня и, нахмурившись, спросил:

— Кто рисовал?

— Разве не похоже? — подобралась поближе и, встав на цыпочки, заглянула через его руку. — Вроде бы я.

— Вижу, что ты, — ответил он несколько раздраженно. — Кто рисовал?

— Кто-то из внутренников, — соврала с легкостью. — Подарили на Новый год.

Мэл положил свиток обратно на подоконник, посмотрел на плафончик, которым я очень гордилась, и меня задел равнодушный взгляд, брошенный им на импровизированную люстру.

Пока я второпях смазывала обветрившиеся губы бальзамом, Мэл разглядывал бардак на тумбочке, из которого торчали колпачки флаконов с восстанавливающим сиропом.

— Собственно говоря, здесь и живу, — сказала, елозя пальцем по столу.

— Простенько, — сказал Мэл правду, и я надулась.

— А мне нравится! — отвернулась к окну.

Мэл обнял меня, заставив посмотреть ему в лицо, хотя я упорно косила глазами в сторону.

— Опять обиделась, — констатировал. — Эва, прости меня. Само слетело. Ни разу не был в общежитии и не знал, что живешь в таких условиях.

— В каких "таких"? Очень даже неплохие условия. У-довлет-вори-тель-ные, — отчеканила по слогам.

— Эвка, глупенькая, — потерся он нос о нос и поцеловал. Каким бы невыносимым не бывал порой Мэл, а отвечать ему — сплошное удовольствие. — Переезжай ко мне, — выдохнул, оторвавшись от губ.

Отклонившись назад, я ошарашенно воззрилась на него.

— К тебе? Переехать?

— Ну да, — пропустил он прядку волос через пальцы. — Ко мне.

— Э-это слишком... внезапно, — промямлила я, сбитая предложением, свалившимся как снег на голову. Приличный такой сугробище.

— Ничего внезапного, — продолжал Мэл намурлыкивать на ухо. — Нам же хорошо вместе.

— Х-хорошо, — согласилась осторожно.

А если хорошести закончатся через день или два, или через неделю? Что, если Мэлу надоест, или окажется, что у нас несовместимые характеры?

— Мэл, мне нужно сдавать сессию...

— Сдашь, — куснул он мочку.

— И ты... всем мухам предлагал переехать? — спросила я срывающимся голосом.

— Ты первая, — опалил он губами шею.

Первая! — едва не застонала в голос.

— Ну-у... не знаю... Твоя квартира неудобная, в ней снятся плохие сны.

— Ладно, — согласился Мэл. — Когда найду новую, вернемся к разговору.

Представляю, каким будет следующий разговор: полным выматывающих ласк и провокаций. Я точно наяву видела, как Мэл вытянет из меня согласие.

— Посмотрим, — ответила неопределенно. — И спасибо за помощь. Благодаря тебе с меня не сняли дефенсор.

— Я бы не позволил. Ты попала в переделку из-за меня, поэтому не считай себя обязанной.

— Но ведь ты не виноват в том, что происходит в районе, — горячо опротестовала я, понизив голос и оглянувшись на дверь: — Тебя подставили.

— Спасибо за поддержку, — улыбнулся Мэл.

— Я собиралась сбежать.

— Сразу заметил, — засмеялся он. — От них далеко не убежишь. Накинули бы [lagus](#)^[21] и вменили сопротивление при задержании.

Вот оно как. Оказывается, никто не собирался палить в меня из ружей, а приволокли бы обратно как собачонку на поводке.

— А тот, с кем ты разговаривал, он и есть советник премьер-министра?

— Нет, — сказал Мэл и поцеловал меня в кончик носа.

— Значит, взамен ты не давал клятв и обещаний?

Он покачал отрицательно головой.

— И никому не должен? — расспрашивала с настойчивостью.

— Никому, — подтвердил Мэл и снова поцеловал, а я ответила, радостная оттого, что он не влез в новые долговые обязательства.

— Все-таки интересно, какой альтруист оказал бескорыстную помощь? — выпытывала бесхитростно, понимая, что из меня не получится интриганка, но любопытство глодало.

— Мой дед. Не заморачивайся. Последствий не будет.

Ничего себе "не будет"! Теперь Мэл подключил своего деда. Такими темпами скоро перезнакомлюсь со всей Мелёшинской семейкой.

— Он, наверное, очень любит тебя, если согласился помочь.

— По-своему, — пожал плечами Мэл. — У него тяжелый характер.

Почему-то не сомневаюсь, что у господ Мелёшиных не ангельские натуры.

— Откуда ты разбираешься в кодексе? Знаешь тонкости, о которых мне невдомек.

— Не секу в нем. Дед рассказал по телефону, а я запомнил в точности с помощью *certus ehextrul*^[22]. Дед съел собаку на законодательных нюансах. На досуге инсценирует лучшие судебные заседания, имевшие большой резонанс, и у него всегда виноватым получается тот, кого оправдали, или наоборот.

— Он юрист?

— Профессионал. В свободное время почитывает сборники законодательных актов, освежает память.

Не выдержав, я рассмеялась. Наверное, у любителя кодекса о преступлениях уйма времени, чтобы тратить его на непонятные и безнадежно запутанные законы.

— Необычный у тебя дед. Огромное спасибо ему от меня.

— Передам, — кивнул Мэл и покачал рукой кровать. — Хорошая кровать. Пружинистая.

Смешавшись, я отвела глаза от скомканного одеяла и мятой подушки, а потом сообразила, на что намекал Мэл, не имея в виду мою неряшливость.

— Отвезу твоего мастера и вернусь, — начал он напевать на ушко. — Дождись меня.

— Мэл, мне нужно на допы по символистике, — протянула я жалобно. — Сегодня последнее занятие.

— Пропусти, — попросил Мэл сладкоречивым голосом змея-искусителя.

— Не могу. Совсем забыла о сессии, а нужно её сдавать. Представь, если не появлюсь сегодня на занятиях, во вторник Альрик спустит с меня шкуру и отправит на пересдачи.

При упоминании имени профессора Мэл помрачнел, но, видимо, решил, что стоит

пойти на жертвы ради одного занятия, зато я получу оценку за экзамен, а не провалю, и не придется встречаться с Альриком на пересдачах.

Пересдачи трудны тем, что приходится отвечать весь материал по пройденным темам. Если на экзамене существует вероятность, что не попадется невыученный билет и, даст бог, можно заработать троечку, то цикл пересдач состоит обычно из трех — шести небольших экзаменов, посвященных отдельным темам курса.

С пересдачами я была знакома не понаслышке и поучаствовала в них, завалив экзамен по новолатинскому на первом курсе. Это оказалось настоящее мозговывосителство из пяти мини-экзаменов, но после всех мучений толку — почти ноль, потому что язык науки осел тонким слоем пыли в голове, а основная часть выдулась, едва был получен итоговый трояк.

— Ладно. Провожу тебя на допы, но вечером не теряйся, приду пожелать спокойной ночи, — сказал Мэл, ухмыльнувшись, и стукнул себя по лбу. — А, черт! Совсем забыл. Сегодня не получится. — Взглянул виновато. — Наше семейство приглашено на ужин.

Их семейство приглашено на ужин. Понятно. Папенька, маменька, сестрица Масенька и Мэл изволят откушать вечером в дружественной обстановке и обсудить последние светские новости. Изволю ли я обижаться на то, что у Мэла есть своя жизнь, помимо интересов, связанных со мной, и как найти золотую середину в наших отношениях, не выражая недовольство делами друг друга?

Как ни убеждала себя, что во всем нужно соблюдать меру, даже в отношениях с парнем, и что пресыщение не приносит пользы и утомляет, а не смогла удержаться от разочарованного вздоха. Зато у меня будет время, чтобы подготовиться к следующему экзамену.

— Но завтра обязательно разбуду тебя и пожелаю доброго утра. Лично, — обхватив мое лицо ладонями, Мэл снова поцеловал.

Пока Олег стучал, вставляя новый замок, мы, обнявшись, целовались посреди комнаты, позабыв обо всем на свете. Очнулась я, когда услышала голоса в коридоре, где Олег с кем-то разговаривал. Неужто с появившимися соседями?

Собеседником молодого человека оказался Радик, просунувшийся в дверной проем.

— Привет, — расплылся в улыбке. — А у тебя изменения. Любое изменение приносит новизну. Здравсте, я Ирадий, сосед Эвы по общежитию, — не стесняясь, протянул худую ладошку Мэлу.

Тот с молчаливым изумлением пожал ее, взирая на парнишку. То ли Мэла потрясла непосредственность, с которой Радик познакомился, то ли Мэл принял его бесцеремонность за беспредельную наглость, но он с безмолвной снисходительностью разглядывал тощего и несуразного головастого пацана.

— Это Мэл, мой парень, — я практически без запинки представила его Радиду.

— Очень приятно, — отозвался тот воспитанно.

— Ты меня не потерял? Я вчера оставила записку.

— Прочитал, — кивнул парнишка. — Задержался допоздна у дяди. Как экзамен?

— Не очень, — сказала я, взглянув на Мэла. Мне почему-то не приходило в голову поинтересоваться о его успехах. Зачем спрашивать, если и так ясно, что в ведомости сплошняком красуются пятаки.

— А у меня удачнее, — похвастался Радик. — Четверка за новолатинский.

— Поздравляю! Наверняка ты много готовился.

— Старался. Больше боялся разочаровать дядю. Он на меня очень надеется. Ну, я пойду. Вечером будем ужинать?

Я бросила быстрый взгляд на Мэла.

— Конечно, приходи и не забудь кастрюлю.

— А то! — подмигнул парнишка и просочился через щель, оставленную Олегом, постукивающим по двери.

— Забавный мальчик, — сказал Мэл, обхватив меня сзади. — Значит, тоже будешь ужинать?

— Тоже. Наварю полную кастрюлю каши и умну с бутербродами. — Увидев, что Мэл поморщился как от зубной боли, я засмеялась. — Когда ты ел в последний раз кашу?

— Бе-е, — скривился он. — Никогда не ел. Значит, вы с этим Радиком часто трапезничаете?

— Ага. В складчину легче живется и не так дорого.

— Хорошо, ужинайте, — постановил Мэл, словно давал разрешение на совместные приемы пищи.

И спрашивать не буду! — раздухарилась я поначалу, но потом остыла. Наверное, все-таки следовало спрашивать или рассказывать, ведь теперь Мэл — мой парень, и ему будет неприятно узнать, если что-то скрываю от него.

Елки-палки, так недолго выболтать все подробности жизни, испытывая чувство вины. Нужно решить, чем делиться со своим парнем, а чем — не стоит, и для начала посоветоваться с Аффой, она девушка, умудренная жизнью, и обязательно даст дельный совет. Нужно лишь постараться говорить отвлеченно, не упоминая о Мэле, а то соседка рассердится за своего Костика, терпящего убытки в клубе по вине некоего висората-ябеды.

— Принимай работу, хозяйюшка, — весело крикнул Олег.

Замок смотрелся как влитой на изможденной частыми выбиваниями двери. Молодой человек дал ключ и показал, как правильно открывать и закрывать. Сначала я поднесла ключ к шторочке, подождала немного, а потом подняла её вверх и вставила ключ в замочную скважину.

— Отлично! — восхитилась, проверив несколько раз безотказную работу нового замка.

На вид ключик ничем не отличался от прежнего, что порадовало, так как я успела привыкнуть к нему. Олег объяснил, что внутри нового замка установлено реле, благодаря которому шторка плотно примыкает к скважине, намагничиваясь, а когда поднесу ключ, контакты разомкнет, и шторку можно сдвинуть. Половину терминов я не поняла, зато Мэл кивал со знанием дела.

Просто, но со вкусом, и фантастически малая цена за проделанную работу.

— Второго ключа нет? — спросил Мэл, наблюдая за моими вывертами с новым замком.

— Пока не сделал, — объяснил Олег. — Это опытный образец.

Я же опять истолковала двояко вопрос, засмутившись. Вдруг человек поинтересовался, имеется ли запасной ключ на непредвиденный случай, а у меня одно на уме, — погрозила своему пылающему отражению, охлаживая румянец холодной водой. Наверное, все утро ходила пунцовая от поцелуев и намеков Мэла, и красные щеки видели и Олег, и Радик. Ох, стыдоба стыдобучая.

Вернулась, а молодой человек собирал инструменты в чемоданчик.

— Сколько должны? — спросил Мэл, доставая из кармана куртки бумажник.

— Это моя комната и мой замок, — потянула я мастера в комнату, а Мэл недовольно

нахмурился.

Рассчитавшись с Олегом, потребовала, чтобы не смел думать, будто много взял за работу. Любой труд ценен, тем более качественный.

Мэл выслушал молча хвалебную тираду талантам замочного мастера и скупно сказал: — Отвезу Олега, а ты собирайся. Встретимся в холле в институте.

И они ушли.

Грызая ноготь, я задумалась о возникшем недопонимании, и из-за чего? Из-за того, что Мэл решил оплатить расходы по установке замка, а ему не позволили.

Ох, уж эти мужчины! Оказывается, трудно иметь отношения. Прошла лишь половина дня, а я выдохлась, замучившись разгадывать причины беспрерывно меняющегося настроения Мэла.

Бегала по швабровке и собиралась. А как, собственно говоря, собираться? Всё на мне, пожалуй, повторно накрашу губы и побрызгаюсь невидимыми духами.

Положив нужные тетради в сумку, я присела на краешек кровати.

Мэл предложил переехать к нему. Невероятно!

Вскочив, налила воды из чайника и плюхнула в стакан немеряно сиропа, забыв о дозировке. Пила, а руки нервно дрожали.

Каково бы нам жилось, если Мэл будет видеть меня каждый день, непричесанную и помятую со сна, или в одной и той же затрапезной юбке? Наверняка со временем предложит купить что-нибудь из одежды, потому что не соответствую требуемому уровню, и опять мы вернемся к тому моменту, когда в полутемном коридоре я оттолкнула Мэла, предложившего деньги.

Ведь к этому дело и идет, — осенило меня. Так или иначе, если перееду к Мэлу, он возьмет на себя расходы по моему содержанию и кормежке. Ишь, как перекосялся, когда узнал о скудном рационе.

А друзья и интересы Мэла? А семейные ужины? Не будет же он брать меня с собой, а если и возьмет, то не в юбке, прошедшей огонь и воду.

А его родственники? Та же Баста или Вадим. Или Севолод и таинственный дед-адвокат.

Всесильность семьи Мэла страшила. Дед, имеющий знакомства на уровне самого премьер-министра, отец, запросто влезавший в дела первого отдела, дядя — суперспециалист по вис-травмам, следящий за репутацией племянника, кузен, который не кузен, перепробовавший всех доступных горничных и не делающий из этого тайны, сестра, которую готовят к замужеству за видным политиком или чиновником. И я, маленькая букашка, которую раздавят пальцем, чтобы не мешала наследному принцу, и тут же забудут.

Страшно, очень страшно менять упорядоченную жизнь. Мэл не узнает, но я решила. Не соглашусь на его предложение. Ни за что.

Вкрученные лампочки явили миру убожество первого этажа с проплешинами крашенных и беленых участков. Подивившись исполнительности комендантши, на которую Мэл произвел неизгладимое впечатление, я понеслась в институт быстрее ветра. Оглянувшись на крыльце, не видно ли знакомой машины, но за частой решеткой было трудно разглядеть. Вбежав в холл, забыла об обязательном воздушном поцелуе Монтеморту и ринулась к статуе святого Списуила. Свалилась на постамент, заселенный редкими студентами, и, отдышавшись, обежала глазами безлюдный холл. Мэла не видно, значит, он еще не приехал. Этак без него кончится большой перерыв, и начнется занятие. Куда же запропастился бесшабашный водитель? Неужели влип в передрагу?

Начав сопревать, я поплелась в раздевалку, чтобы сдать куртку. Раздевшись, облокотилась о стойку и, подперев подбородок руками, уставилась на стену с мозаикой из разноцветных стеклышек, на которой желто-красный королевич вел сине-зеленую русалку к трону. Не знают бедные влюбленные, что не быть им вместе, потому что они из разных миров.

Размышляя о незавидной судьбе мозаичных персонажей, я не сразу заметила, что меня кто-то приобнял. Оглянувшись — рядом посмеивающийся Мэл.

— У тебя перед глазами в ладоши хлопай — не услышишь. О чем задумалась? — спросил, раздеваясь.

— Ни о чем серьезном. Как машина? Цела?

— Цела, — подтвердил Мэл, сдав куртку в раздевалку. — Отвез я твоего Олега.

— Спасибо.

— Спасибом не отделаешься, — придвинулся он и тоже облокотился, делая вид, что с интересом разглядывает мозаику, в то время как его рука поползла по ноге под юбку.

— Ой! — дернулась я, пискнув.

— Терпи, Эвочка, — хмыкнул Мэл, поглаживая.

— Я... не смогу, — опустила голову к стойке, поняв по запыхавшим щекам, что опять покраснела как вареный рак.

— От тебя пахнет весной, — заметил тихо Мэл, пробираясь рукой вверх. — Жаркой, цветущей...

Хорошо, что у раздевалки никого, кроме нас не было, иначе я сторела бы со стыда.

— Эва! — послушался громкий окрик, и Мэл отстранился. Затуманенный взор выхватил приближающегося к нам Петю Рябушкина собственной персоной.

Опять появился не вовремя, — подумалось с досадой. Похожее выражение лица наблюдалось и у Мэла.

— Здравствуйте, Егор, — поздоровался спортсмен солидно, и парни обменялись рукопожатием. — Эва, я тебя везде искал, даже заходил с утра в общежитие, но ты, наверно, была занята.

Мэл негромко фыркнул. Еще бы, коли он знал, чем я занималась полдня.

— Поздравляю с чемпионством, — снова протянул руку парню.

Петя чемпион?! — уставилась я в изумлении и словно впервые разглядела короткий чубчик и серые глаза. Постойте-ка, ведь Петя... до сих пор мой парень! Конечно, у нас сложились странные отношения: Петя стремился к победе, участвуя в соревнованиях, а я

жила крыскиной жизнью, не вспоминая о нем, зато постоянно думая о другом.

— Да, — сказал скромно чемпион. — Первое место и золотая медаль. Собственно, по данному поводу и хочу поговорить с Эвой. Отойдем в сторону?

Я растерянно взглянула на непроницаемое лицо Мэла.

— Конечно, — кивнула неуверенно, и мы отошли к мозаичной стене. Мэл развернулся и, опершись локтем о стойку, наблюдал за нами, а я поглядывала на него, пока широкая спина Пети не загородила обзор.

— Эва, приглашаю тебя на прием в Доме правительства, который состоится через неделю.

Отвлечшись на Мэла, я не сразу сообразила, о чем говорит парень.

— На какой прием? — спросила, вытягивая шею в сторону стойки.

— Ежегодный.

Ежегодный прием, ага. В Доме правительства. В Доме правительства?! С трудом я вникла в смысл слов, а когда вникла, то пролепетала:

— В том самом доме, где правительство?

— Ну, да, — ответил Петя спокойно, хотя его руки нервно сжимались в кулаки.

— Не знаю, — пробормотала я невпопад, словно каждый день получала приглашения посетить какой-нибудь прием. — У меня вроде как сессия... куча дел.

— Эва, ты серьезная девушка и не дашь повода для сплетен, — сказал парень взволнованно и признался: — Не знаю, с кем бы мог пойти, поэтому прошу тебя.

— Вряд ли... — только и выдавила я, не в силах отойти от потрясения. — Наверное, не получится...

— Прощу тебя вернуть долг и пойти со мной. Прости, Эва, — сжал парень мою руку, — но мне нужно быть на приеме с дамой. Пожалуйста.

Я смотрела на ладонь, сжимавшую мое запястье, и почему-то пришло в голову, что Петиной силы хватит, чтобы вырвать руку у основания. Потому что он — чемпион. Затем до меня дошло, что парень напомнил о долге, подаренном ему в медицинском стационаре Морковки. А ведь он не хотел принимать, — вспомнилось вдруг.

— Хорошо, Петя. Я верну тебе долг.

— Отлично, — просиял спортсмен.

— Возникли проблемы? — спросил Мэл, появившись из-за Петиного плеча. Увидел мое лицо и помрачнел как грозовая туча.

— Наоборот, разрешились, — пояснил простодушный парень. — Я пригласил Эву на прием "Лица года", который состоится в следующее воскресенье в Доме правительства. Зачем рассказываю, ведь вы тоже будете присутствовать.

Немую сцену, виновником которой невольно стал Петя, нужно было видеть. Мэл, остолбенев, взирал поочередно то на меня, то на парня, а я таращилась на них обоих.

— Мне пора на занятие, — сказала механически, прервав молчание.

— погоди, Эва, сейчас сбегая за приглашительным, — предупредил Петя.

— Хорошо, — кивнула и проводила взглядом убегающего парня, а потом обернулась к Мэлу.

Мы стояли, разделенные официальным метром, как малознакомые люди или как однокурсники, и он не делал попыток подойти и обнять.

— Значит, ты не сказала ему о нас, — констатировал ровным голосом.

— Когда мне было успеть? — пожалала я плечами, расстроенная свалившимся неожиданно-

негаданно счастьем.

— Откажись от приема, — велел Мэл с хмурым видом. — Не ходи с ним.

— Он же потребовал вернуть долг!

— Ну и что? Откажись.

Здрасьте, приехали. Долг — это святое. Оказаться от его уплаты означает встать на путь деградации личности и сумасшествия. Как правило, попытки уклониться от возврата долговых обязательств заканчивались психиатрической лечебницей. Неужели Мэл пренебрег бы моим психическим здоровьем из-за непонятого эгоизма?

— Петя спас мне жизнь, — заявила, разозлившись. — Если б не он, я не стояла бы здесь.

— Да, — сказал Мэл, — не стояла бы, и ничего не было. Черт! — взъерошил волосы.

Совершенно не поняла, что он хотел сказать. Сожалел о том, что погибни я под люстрой, мы не стали близки, или наоборот, сожалел о том, что благодаря моему спасению судьба свела нас вместе?

Внезапно на ум пришли Петины слова.

— Ты тоже собирался на прием, ведь так?

— Собирался, — отвел Мэл глаза в сторону. — Потому что надо.

— Тебе много чего надо, — вспыхнула я. — И когда рассчитывал сказать? Примерно так же, как сообщил о сегодняшнем ужине, ненавязчиво, между делом?

— Эва, о приеме только сейчас зашла речь, я не успел и рта открыть.

— Ну, и прекрасно! Топай на свои приемы и фуршеты и развлекайся до утра, а мне нужно готовиться к экзамену.

Вскинув сумку, я побежала на занятие, забыв о Пете и о приглательном билете, но у северного коридора столкнулась со спешащим навстречу парнем.

— Вот. Начало в восемнадцать ноль-ноль, — протянул он золотую карточку. — Я заеду за тобой. Но мы еще увидимся на неделе и обговорим заранее.

— Непременно, — краем глаза я заметила, как Мэл схватил куртку и, надевая на ходу, стремительно направился к выходу.

Дополнительное занятие по символистике прошло мимо меня. Я даже не разглядела толком, какого цвета жилетка у Альрика, потому что уставилась невидящим взором в тетрадку, заново переживая ворох событий, преподнесенных длиннющим днем, которому, казалось, не будет конца и края: утро с Мэлом, знакомство с его сестрой, задержание соглядатаями и на десерт Петино приглашение — с ума сойти! — на прием в Дом правительства.

Вынув из сумки золоченую блестящую карточку с витиеватыми вензелями, положила перед собой. С одной стороны приглашения значилось "Лица года. 18 Января. Начало в 18.00", а сбоку шла гравировка тонкой нитью в виде изящной женской головки и мужского профиля за ней. С обратной стороны билета имелась аналогичная гравировка, изображавшая Дом правительства с колоннами и порталом. Роскошная изысканная вещица. Цена размовки с Мэлом.

Наверное, я зря высказала ему недовольство. Действительно, не подоспел нужный момент, чтобы Мэл предупредил о предстоящем приеме. К тому же, наверняка он регулярно посещал подобные мероприятия, не делая из них слона, в отличие от меня.

Перед занятием Петя показал фокус. Если зажать приглательный билет между

ладонями, то кожу начинает пощипывать, словно по ней ударяют полчища пузырьков шампанского, а руки потом долго пахнут игристым напитком и шоколадом.

Я снова взглянула на вязь гравировки. В Доме правительства работает мой отец, и без сомнений он появится с мачехой на приеме. Чтобы избежать встречи с папенькой и его супругой, придется прятаться по углам и за шторами, притворяясь тенью.

И все же в голове пока не укладывалось, как это будет выглядеть — я под ручку с Петей на ступенях самого главного здания в стране.

Вернувшись в швабровку, опустила без сил на кровать. Вроде бы мешки не таскала, вагоны не разгружала, а устала как древняя старушка. Может, выпить еще стакан сиропа и браться за учебу?

За стенкой что-то упало, заставив насторожиться, вскочить и приложить ухо к стене. Точно, кто-то передвигал мебель по комнате и приглушенно ругался. Этим кем-то оказалась Аффа, которую я едва не сбила, ворвавшись к соседкам.

— Как ты меня напугала, — сказала она, заикаясь.

— А уж как ты меня напугала, — возвела я глаза к потолку, и мы рассмеялись. — Зачем шкаф ворочаешь?

— Перо закатилось, даже *traheri*^[23] не помогает. Приклеилось оно, что ли?

— Как съездила?

— Отвратно, — скривилась девушка. — Больше туда ни ногой, хоть калачами заманивай — не поеду. Представляешь, тетка заявила, что заплатит, когда напечатают мемуары. Будто бы отдаст денежки с вырученного гонорара. А разве их издадут? Там в каждой строчке бред сумасшедшей старухи. Жалко, что поверила в её честность и не спросила сразу. Представляешь, мучаюсь, записываю, а она говорит: "Ася, можешь возвращаться домой, как понадобится, кликну". Я разве похожа на Сивку-бурку, чтобы прискакивать по первому свисту? Нетушки. Доброго сердца надолго не хватит, если бегать, запыхавшись. Смейся, смейся, Эвка, сама-то не лучше. Еще проще, чем я, а уж мне сама интуиция велела держать нос по ветру. Надо же так обмануться!

Утерев выступившие от смеха слезы, я поинтересовалась:

— А где Лизбэт? Хотелось побеседовать с ней по душам.

— Зачем? — удивилась соседка. — Лизбэт появится перед экзаменом, потому что уехала к родителям. Они живут в пригороде.

— Ёлки зеленые! — не сдержавшись, ругнулась я совсем не по-светски.

Пришлось рассказать историю с замком, умолчав о том, что перерыв между осознанием его испорченности и заменой на новый механизм составил больше полусуток, и что ночь, вернее, утро прошло в распутстве.

— Не может быть, чтобы Лизбэт пошла на низость. Не верю, — покачала головой Аффа.

— Поэтому хочу взглянуть в её честные глаза.

— Не понимаю мотива, — продолжала размышлять девушка. — Я могла бы подумать, что она злится из-за Альрика, но в последнее время у Лизбэт хорошее настроение, и она пару раз упоминала, что в отношениях с кое-кем наметился прорыв.

Оппа! — интересно, как этот прорыв выглядел. Наверное, в виде совместного разглядывания пиков через разноцветные стеклышки.

— Это определенно не Лизбэт, — сказала соседка. — Не вижу логики в поступке.

Кстати, о непонятностях логики, в частности мужской. Усевшись на кровать, застеленную голубым покрывалом, я начала подлизываться голоском хитрой лисоньки:

— Афочка, ты все знаешь...

— Не все, но знаю, — подтвердила она.

— Просвети, какими подробностями из жизни можно делиться с парнем?

— С каким таким парнем? — спросила с подозрением девушка, усевшись на противоположной кровати.

— Вот, например, как у тебя обстоят дела с Костиком? Рассказываешь ему всё, что с тобой случилось или случается?

— Эвка, у тебя кто-то завелся?

— Заводятся вши, — обиделась я, — а мне нужно знать, чтобы не попасть впросак.

— С твоей наивностью как не крути, а постоянно будешь в него попадать, — вздохнула Аффа. — Прежде всего, запомни: никогда не изливай душу перед парнем. Их, парней, как собак нерезаных. Если с каждым делиться сокровенным, будет больше при расставании.

Согласно логике соседки, долговременные отношения с Мэлом мне не светили.

— А как у вас с Костиком? Он тоже как собака нерезаная?

— Ну-у, — девушка накрутила локон на палец, — он милый, симпатичный, с ним весело, и целуется неплохо, но у него недостатков выше крыши, и они доводят меня до белого каления.

— Неужели? Вроде бы приятный молодой человек.

— Приятный, как же, — усмехнулась Аффа с видом мегеры. — Заглядывается на любую короткую юбку, постоянно руки потные, а когда смеется, подхрюкивает вот так, — показала она, вызвав у меня неудержимый смех. — Вот видишь!

Я попыталась припомнить хотя бы один недостаток Мэла, который доводил меня до белого каления, и кроме непонимания ничего не приходило в голову, да и то не сказала бы, что разногласия распяляли меня как плиту в пищеблоке.

— Тогда почему встречаешься с ним, если противно?

— Я не говорила, что противно, — пояснила девушка. — С ним легко и весело, но он не мой идеал, поэтому я в постоянном поиске, разве не заметно?

— Заметно.

— А почему настырно допытываешься?

— Вдруг у меня тоже завяжется что-нибудь? — пояснила я туманно.

— С кем же? — любопытствовала она снисходительно.

— С Петей, например.

— Ой, насмешила, — развеселилась Аффа. — С ним у тебя ничего и никогда не завяжется. Сердечные дела — как мгновенный укол, который вводит вирус влюбленности, а в итоге либо ампутация, либо гниющие раны. Другого не дано.

— Причем здесь раны? — спросила я испуганно.

— Это образно, когда придется расставаться с парнем. Так что там с Петей? — спросила нетерпеливо соседка.

— Пока ничего. — Сбегав в швабровку, я принесла билет. — Смотри.

Аффа разглядывала его, а потом вскочила, завизжав, и давай прыгать вокруг меня.

— Эвка! — закричала. — Ты ничего не поняла?

— Нет, конечно, — скопировала я рассудительность Пети и ткнула пальцем в направлении билета, с которым скакала девушка. — Меня пригласили сюда.

Аффа, пропрыгавшись, упала рядом на кровать, но не удержалась и затормошила меня:

— Понимаешь, куда тебя позвали?

— В Дом... который правительства, — ответила я сдержанно, не спеша заражаться радостью.

— Волшебно! Потрясающе! Это же один шанс из миллиона! Эвка, ты настоящий счастливчик! — затараторила девушка. — Точно, тогда "Инновация" и сейчас "Лица года"!

— Что-то не испытываю особого счастья, — пробурчала я. — Давай уже, объясняй.

— На другой планете, что ли, живешь? — воскликнула экспрессивно перевозбужденная Аффа. — Совсем оторвалась от жизни. "Лица года" — ежегодный прием, устраиваемый правительством. Там собираются сливки общества. Самые из самых: лучшие, красивые, популярные, богатые, знаменитые, успешные!

— И? — влезла я в восторженный монолог, внутренне холодея.

— Обычно около четырех тысяч избранных. Их фотографируют, берут интервью, снимают, каждому пожимает руку премьер-министр, а потом целый год звезд обсуждают в газетах, журналах, по телевизору. Издаются специальные каталоги, посвященные "Лицам года". Звезд разбирают по косточкам и обсасывают, оценивая костюмы, прически и стиль, — заливалась соловьем Аффа, не замечая, что я помертвела от ужаса. — Не угодишь акулам моды, и твою тушку прополощут в тазике да еще внесут в рейтинг "Пугало года".

— Мамочки, — прошептала я еле слышно. Еще секунда, и сползу в обмороке под кровать.

— Погоди-ка, — бросилась девушка к тумбочке, — у Лизбэт есть закладка в книге. Только не говори ей, что мы лазили без спроса.

Ни-ни, — заверила я с шальными глазами. Сказанное соседкой не укладывалось в голове. Не желало укладываться: ни стопками, ни штабелями, ни навалом, ни россыпью. Никак.

Аффа дала небольшую гляцевую вырезку. На цветной фотографии шел по зеленой ковровой дорожке Альрик собственной персоной в сногшибательном смокинге, и его придерживала под ручку женщина нереальной красоты в сияющем блестками платье с таким глубоким вырезом, что казалось, через секунду из него вывалится все, что можно. Хотя вываливаться было нечему — поджарая дива смотрелась плоско как доска.

Статья под фото гласила, что профессор Вулфу номинировался на "Лица года" двухлетней давности как ученый, доказавший недоказанную никем теорему о том, что пространство теоретически можно ужать до нуля, и получивший за доказательство грант на исследования в области материальной висорики.

Женщина, придерживающая Альрика под локоток, оказалась скандальной писательницей женских романов, изобилующих откровенными эротическими сценами. Сама по себе блистательная дива с фотографии ничего сенсационного не представляла и являлась дополнением к профессору Вулфу, примерно так же, как я буду являться дополнением к Пете. Зато описание внешних и прочих данных спутницы Альрика занимало аж три абзаца: дескать, она и стройна, и подтянута, и видно, что ездила по курортам (журналюги разглядели под лупой естественный загар, а не приобретенный в солярии), и грудь у нее первого размера, а вис-улучшенное нижнее белье от эксклюзивной торговой марки, и что спутница Альрика выше его на два и семь десятых сантиметра (господи, а это как высчитали и зачем?), и что на мизинчике у нее колечко с брильянтом в одиннадцать карат (чей подарок? — многозначительно вопрошал автор статьи), и что на прическу ушло пять

флаконов сверхстойкого лака с мерцающими блестками, и сколько гражданских и прочих мужей сменила дива, и еще много чего написано, но у меня глаза притомились бегать по мелким строчкам.

Об Альрике написали поменьше, но тоже сообщили, захлебываясь слюной: мол, мужчина как мороженко и успевает совмещать научную деятельность с личной жизнью Казановы, а ниже в качестве примера растянулось на целый абзац перечисление известных дам, замеченных в обществе профессора.

Начитавшись, я отвалилась назад с опустошенным взором и с не менее пустой головой. Аффа бережно выудила из моих пальцев вырезку и вложила в книжку, которую почитывала Лизбэт, одновременно разглядывая свою мечту в смокинге с повисшей на локте светской дивой. Внезапно мне стало жаль девушку. Сколько нужно терпения и выдержки, видя, как твой идеал без зазрения совести тащит по ковровой дорожке какую-то блестящую воблу, а не тебя. Профессор не заслужил преданности Лизы! — пришла в голову революционная мысль.

Плевать на Альрика и Лизу, — откликнулось уныло внутреннее "я". Через неделю мне придет конец на зеленой дорожке.

— За какие заслуги получил приглашение твой Петя? — спросила Аффа.

— Он спортсмен. Чемпион, — простонала я с отчаянием.

— Значит, кроме передач, о нем напишут в спортивных разделах и колонках газет и в специальных спортивных журналах.

Всё, умираю.

— По-моему, наша библиотека выписывает свежую прессу. Можешь почитать об ажиотаже вокруг "Лиц года". Народ делает ставки, кто и с кем появится на приеме, кто и во что будет одет, и кого потом обгадят, а кого вознесут.

Уже умерла.

— Эвка, ты придумала, в чем пойдешь?

— В чем пойду? — переспросила я тупо.

— Конечно. Не будет же премьер-министр целовать тебе ручку, а тебя сфотают в твоей вечной юбке. И прическу надо сделать, и макияж. У-ух! — взвизгнула от полноты ощущений Аффа.

— И сколько стоит поцелуй премьер-министра? — проямлила я ошеломленно.

— Точно не скажу, — задумалась Аффа. — Не меньше пяти штукарей по самым скромным прикидкам.

— Штукарей?

— Пяти тысяч, — пояснила девушка для простачков, не видевших банкнот свыше пятидесяти висоров.

Батюшки! — завыло внутреннее "я", выдирая клоки волос. Меня будут фотографировать на зеленой дорожке в юбке и в свитере под цвет дорожки.

— Твой папаня, наверное, сойдет с ума от радости. Похвалит и скажет: "Непутевая дочка, а попала в высшее общество без моей помощи", — поделилась Аффа.

Точно, папа жуть как обрадуется. Так и вижу его счастливое лицо, парализованное неожиданной новостью.

— Получается, мне нечего одеть, — проворочала я одеревеневшим языком.

— А ты попроси денег у отца, он не откажет. Это такая честь! На приеме будет сам премьер-министр.

Премьер-министр, четыре тысячи избранных и среди них Мэл, который наверняка

появится не один, — вдруг пришло в голову. И я в своей вечной юбке опозорю Петю на всю страну.

Встав, я как робот двинулась в швабровку.

— Эва, ты куда? — крикнула вслед соседка.

— За деньгами.

Занавес.

Жизнь состоит из случайностей, масштабных и не очень. Стихийно принятое решение может безвозвратно изменить судьбу. На перекрестке свернул налево, вместо того, чтобы пойти направо, и не познакомился с человеком, который мог стать главным в твоей жизни. Съел ложку подпорченного пирожного и выпал на два дня из жизни, обнимаясь с унитазом, а ведь что-то подсказывало: "лучше потратить деньги на парк иллюзий". Ученые по элементарной висорике бьются, пытаюсь управлять случайностями, прогнозируют и программируют их последствия. С развитием науки появились сложные теории, на основе которых строятся математические модели, позволяющие максимально приближенно вычислить итог той или иной случайности. Простейшим примером программирования последствий можно считать камни на перекрестках дорог, расставленные специально для витязей и добрых молодцев и предлагающие найти богатство, суженую, смерть или прочие лиха, если пойти в указанную сторону.

К сожалению, под моей кроватью не завалился вещей камень, могущий указать правильную дорогу, поэтому, будучи на перепутье, я бросалась из крайности в крайность. Лихорадочная, на грани истерии, деятельность сменялась ледяным спокойствием, с точностью до наоборот. Спросить совета было не у кого, вернее, нельзя.

Позже, возвращаясь к событиям этого и последующих дней, я часто задумывалась над тем, какие силы свыше заставили меня поступать так и не иначе. Как повернулась бы моя жизнь, прими я другое решение взамен того, что потянуло нить судьбы дальше?

Наличность. Деньги. Банкноты. Звон монет. Пять тысяч как спасение.

В висках молотом стучала кровь, в голове творился ералаш. Придя от Аффы, я бесцельно вышагивала по комнатушке, и странное дело, мысли не желали выстраиваться стройным и упорядоченным рядом. Их вообще не было, моих мыслей.

Решив пойти на мозговой штурм, я бросилась к тумбочке и вытащила фляжку; плеснула коньяка, прикрыв доньшко стакана, и за один присест влила в себя. Терпкая горечь обожгла горло, насыщая обоняние ароматами гвоздики, дуба, лаванды, миндаля. То, что нужно, и не следует заедать, чтобы сохранилось послевкусие на языке.

Пяти минут хватило, чтобы успокоиться, продуть легкие глубокими вдохами и начать воспринимать реальность, усевшись на кровать.

Вспомнив о вырезке, спрятанной в книжке Лизбэт, я представила фотографию, на которой будет изображен сияющий Петя в смокинге, поднимающийся по зеленой ковровой дорожке, а рядом я, приклеившаяся к локтю парня, и про меня напишут в статье три абзаца, не забыв заглянуть под юбку и пересчитать количество волос на голове. Отвратительно.

Но хуже всего то, что в поисках материала журналисты начнут перерывать биографию, и вот тут-то на всю страну прогремит родство с папенькой. Возможно, данный факт не вызовет сенсационного переполоха и, новость вскоре сойдет на нет, но стоит предусмотреть вариант, когда мое имя начнут склонять на всех углах и вытаскивать на суд публики различные подробности жизни. А если вдобавок умудрюсь запнуться и упасть под многочисленными вспышками фотографов или лягну что-нибудь не к месту во время телевизионного интервью, тогда опасность пристального внимания журналистов возрастет неимоверно, и не стоит рассчитывать на быстрое затухание интереса к моей персоне.

Плохо, очень плохо. Нужно звонить отцу и просить денег, как предложила Аффа.

Распишу свою жизнь в оптимистичных и радужных красках, повторю слова соседки о собственной непутевости и великой удаче, выпавшей вместе с пригласительным билетом, и постараюсь разжалобить. Папенька не допустит, чтобы дочь опозорила его облезлым видом на всю страну, потому что в таком случае обсуждать будут не только меня, но и жаднющего родителя-скрягу.

Поднявшись с кровати, чтобы бежать в деканат и позвонить от Стопятнадцатого, я снова села.

А если отец не согласится? Нет уверенности, что его не беспокоит предстоящая шумиха, и тогда он потребует отказаться от приема. Или, рассудив логически, надумает подстрелить двух зайцев: красиво избавиться от моей занозы, заставив дать обещание или клятву, и сохранит в чистоте имя и чин. Я не смогу возратить долг Пете и съеду с катушек, а родитель наплюет на грозящее мне сумасшествие и сдаст в психушку. Сам же в очередном интервью скажет, что причина возникшей ненормальности не ясна, и что виновата я сама, не уладив дела со своими долгами. Потом он пустит слезу, вставит пару патетических фраз, и общество пособолезнует несчастьем убитого горем родителя. Даже если в лечебнице с меня снимут дефенсор — не беда, потому что там не будут выяснять, какие воспоминания в голове душевнобольного являются правдой, а какие — плодами воспаленного воображения.

Разбушевавшаяся фантазия не сумела остановиться и начала живописать сцены отцовских угроз и унижений, и чем больше я думала о перспективе сумасшествия, тем активнее убеждалась в том, что лучше держаться на расстоянии от папеньки. Позвоню в самом крайнем случае, когда подопрет безвыходное положение.

Поскольку привлечение отца к участию в подготовке к приему откладывалось на неопределенный срок, закономерно встал вопрос, какие еще существуют способы добывания денег? О займе в долг не стоило и думать: никто не одолжит нищей студентке деньжищи без гарантий и процентов. Можно встать на преступный путь и замарать руки грабежом или убийством. Я поглядела на свои лапки с цыпками. Придет же в голову нелепейшая чушь!

Просить Мэла о безвозмездной помощи не буду, потому что наши отношения неустойчивы. Кроме того, я ничем не хуже хваленого висоратов, и у меня свои понятия о чести.

Оставался еще один вариант. Фляжка и Альрик, который пообещал провести экспертизу. Придется соглашаться на третье условие профессора, потому что терять мне нечего. Не сыграет особой роли, если Альрик узнает подробности детства неделей раньше, чем журналисты. К тому же мужчина сам сказал: ему нужны не домыслы, а факты, которых набиралось с гулькин нос. Ничего сверхсекретного не сообщу: жизнь у тетки, жизнь в интернате, студенческая жизнь — без сенсаций и шокирующих подробностей.

С каждой минутой идея продажи коньячной баклажки становилась всё привлекательнее, пока не засияла путеводной звездой. И почему я сразу не приняла предложение профессора? — отругала себя за трусость и чрезмерную таинственность. Сейчас держала бы в руках заключение экспертизы, и не сегодня-завтра Рыжий сообщил бы, возьмет на реализацию контрабандный товар или нет.

Решено. Еще не поздно, и Альрику должно хватить времени, чтобы провести экспертизу раритета, но теперь диктовать условия буду я. Сумма от реализации разделится поровну, и мы дадим взаимные обеты: я — о сохранении тайны "трезубца", профессор — о сохранении моих тайн, если таковые найдутся.

Бросив фляжку в сумку, я начала лихорадочно собираться, чтобы сбежать в заветную

лабораторию на закрытом пятом этаже. Буду тверда как кремень и невозмутима — именно так совершаются сделки века.

— Куды мчишь? — притормозила меня вахтерша. — Несёсси сломя голову. Словно реченька должна течь, а не топотать стадом коров.

Ой, в руку поучение бабуси! Как нельзя кстати пригодится через неделю на великосветском приеме.

Отшатнувшись от бдительной охранницы, я с размаху впечаталась во что-то массивное и несваливаемое торпедами вроде моей особы.

— Ох, ты, горюшко луковое, — запричитала вахтерша. — Очечки пора носить, девонька. Не ровен час, убьешь важную персону.

— Полно вам, Василиса Трофимовна, — прогудел знакомый бас, и я отлепила нос от неподвижной скалы. — Важнее вас в институте не сыскать, — похвалил вахтершу голос, и та хихикнула как девочка, приняв комплимент.

Потирая выступающую часть лица, я распознала в говорящем Стопятнадцатого, добродушно поглядывавшего на меня. Декан вознамерился отчаливать домой, поскольку был в длинном зимнем пальто с меховым воротником и с шапочкой-пилоткой на голове.

— Эва Карловна, куда торопитесь, на ночь глядя? — проявил участие мужчина.

— Вроде бы не ночь пока, — взглянула на часы. — Я к Аль... к профессору Вулфу. Срочно.

— Да ведь он уехал около двух часов назад.

Что же делать? Ушел домой и не придет до понедельника, когда каждая минута на счету! — затрясло меня.

— Генрих Генрихович, миленький, помогите, пожалуйста! — вцепилась я в рукав декана.

— Что с вами, милочка? У вас жар? — встревожился Стопятнадцатый.

— Нет. Понимаете, я пришла на внеурочный осмотр, потому что имею подозрения, — понизила голос до шепота.

— Какие подозрения? — насторожился мужчина, и вся таинственность пропала из-за громкого баса. Абсолютно не умеет человек перешептываться. То-то бабуся развернула в нашу сторону ушки радаром.

— Связанные с осмотром, — пояснила я, утягивая Стопятнадцатого под люстру. — Нужно срочно показать кое-что Аль... профессору, потому что беспокоюсь.

— Можете показать мне, — встревожился не на шутку декан.

— Нет-нет, Генрих Генрихович, профессор велел сообщать сразу ему. Он набирает статистику.

— Говорите, набирает? — погладил бороду Стопятнадцатый. — Интересно. Видите ли, милочка, уставом института запрещено сообщать адреса работников института по этическим соображениям и во избежание недоразумений, равно как и номера телефонов. Ваше дело не может подождать до понедельника?

Я замотала головой. Никак не может. У меня должна быть фора по времени, если Альрик не согласится на мои условия. Иначе придется убить кого-нибудь из-за денег.

— Что ж, пройдемте, — сказал мужчина, расстегивая пальто и снимая меховую пилотку. Что можно обогреть в мороз крохотным кусочком меха? Три волосинки и половину извилины, — хмыкнула я, спеша за Стопятнадцатым в деканат.

В кабинете Генрих Генрихович вытащил из ящика стола записную книжку и чистый лист бумаги. Вертясь от нетерпения в новом кресле, я ждала, когда он выведет размашистым почерком адрес и номер телефона.

— Надеюсь, Эва Карловна, срочность себя оправдает, — сказал, протянув листок.

— Спасибо, — прижала я бумагу к груди. — Обязательно оправдает.

— Попрошу не распространяться о полученных сведениях и при первой же возможности избавиться от них. Рассчитываю на вас.

— Непременно.

— Можете позвонить из моего кабинета и предупредить профессора, — любезно предложил декан.

Как бы не так. Буду выдавливать из себя несуразицу и мямлить, а Альрик как скажет громовым голосом: "Что за чушь вы несете? Не было никакого уговора и статистики!". Стопятнадцатый услышит гневный рев профессора из трубки и раскроет вранье. Или Альрик ничего не поймет из моего мыканья и перезвонит декану, чтобы тот объяснил причину невнятного звонка, и выяснится неправда.

— Было бы неплохо, — кивнула я и подошла к столу с трясущимися поджилками. Хорошо, что Генрих Генрихович деликатно отвлекся на чтение книги, которую снял с полки, и расположился в кресле, отвернувшись к окну.

Нажав кнопки на телефоне, я затаила дыхание, слушая гудки в трубке.

— Алё, — сказали в ухо мужским голосом. Мне невероятно повезло.

— Здравствуйте, Альрик Герцевич, это я.

— Какой тебе Альрик Герцевич, балда? Набирай правильно номер.

— Я подъеду, как договаривались, — сказала, молясь про себя, чтобы абонент не рассоединился.

— Подъезжай, глухомань несчастная, вместе прочистим уши, — развеселился на другом конце собеседник. — Адрес знаешь?

— Знаю, не беспокойтесь. До свидания, — попрощалась и повесила трубку.

— Ну как? — поинтересовался декан. — Договорились о встрече?

— Спасибо, Генрих Генрихович, договорились. Велел срочно приезжать.

— Коли так, обязательно поезжайте, — сказал мужчина, вновь натягивая пилотку. — Надеюсь, повода для беспокойства нет?

— Конечно, нет. Все вопросы решаются в рабочем порядке, — заверила я твердым голосом, возрадовавшись, что до Стопятнадцатого не долетели обрывки телефонного разговора.

Всего-то потребовалось нажать пальцем не туда, перепутав последнюю цифру.

Почему он дал адрес Альрика, с легкостью нарушив строгие правила, стоило девочке попросить, заглядывая умоляющими глазками? Хотя и существовало вето на разглашение информации о личной жизни работников института в виде клятв и типунов, однако некоторые запреты не распространялись на участников триумvirата, как в шутку называла проректриса конфиденциальный союз трех ученых.

Пожалуй, суть отношений, зародившихся чуть более десяти лет назад, мало кто понял бы. Поначалу сработались Стопятнадцатый и Евстигнева, частенько исполнявшая обязанности ректора, который бывал в постоянных разъездах и выбивал льготы и дотации для института, проталкивал ВУЗ в научных программах, урегулировал вопросы в

департаментах и участвовал в бесконечных конференциях и съездах. Поэтому фактически власть сосредоточилась в руках проректрисы. Но сложно управлять в одиночку огромным институтом и принимать судьбоносные решения, зато, как выяснилось, легко советоваться со Стопятнадцатым, к тому же у Евстигневой и декана оказались близкие взгляды на жизнь и общие научные интересы.

Зачастую спор между двумя закономерно тянет полотно выбора в противоположные стороны, и для разрешения разногласий требовалось мнение непредвзятого арбитра, коим случайно стал Альрик, в ту пору перспективный молодой ученый. Поначалу Стопятнадцатый приспрашивался, выясняя невзначай точку зрения доцента Вулфу по тому или иному спорному вопросу, и находил суждения разумными, доводы — неопровержимыми, а принципы — схожими со своими убеждениями. Вскоре доцент Вулфу получил приватное приглашение от Евстигневой присоединиться к узкому кругу лиц, допущенных к неформальному управлению институтом.

Так и сложился триумvirат, негласно управляющий жизнью ВУЗа и принимающий стратегически важные решения, который состоял из проректрисы, Стопятнадцатого и Альрика. Возможно, если бы существование подобного союза было предано огласке, троице вменили в вину превышение должностных и служебных полномочий со всеми вытекающими последствиями, но ни один из участников трио, на плечах которых держалось равновесие и стабильность института, не преследовал корыстные цели или личную выгоду.

Некоторые догадывались о деятельности нелегального тандема. Ромашевичевский не раз намекал проректрисе, высказывая пожелание войти в число избранных, стоящих у руля институтской власти, но получал вежливые и категоричные отказы в виде искреннего недоумения и непонимания поднятого вопроса.

Что касается Альрика, то мало кто знал, кроме декана и Евстигневой, что за выдержкой и хладнокровием блестящего молодого ученого скрывается горячий и противоречивый характер, полный страстей: к науке, к женщинам, к семье. Наследие мифических предков подарило профессору невероятную интуицию, великолепное чутье, отличную реакцию, зрение и слух в сочетании с неординарным и острым умом, а особые дружеские и доверительные отношения, сложившиеся с годами между троицей, позволили Стопятнадцатому опекать Альрика с отеческой заботой. Поэтому упоминание студенткой о накоплении статистических данных успокоило мужчину. Он не мог отказать профессору, собиравшему материал для важной научной работы.

Пока Стопятнадцатый запирает деканат на тысячу замков, ноги ринулись вниз, а сердце пело. Как там сказала Аффа? Я счастливчик? Да я насквозь везунчик! — напевала, прыгая вниз по ступенькам, и лишь добежав до Монтеморта, наблюдавшего за мной молчаливым сфинксом, сообразила, что не знаю, как добраться до Альрика, и не знаю, откуда можно позвонить, не вызвав подозрений.

Спрашивать у кого-либо опасно, звонить с институтских телефонов бесполезно — из каждой трубки торчат уши. Попробую позвонить с телефона Аффы, если разберусь, как удалить номер после звонка.

Для начала определимся с местом назначения и рванем в библиотеку.

Бабетта Самуиловна, озадаченная запросом, притащила из стеллажных глубин тяжеленный том — подробную карту столицы.

В спешке я искала написанную деканом улицу, путая страницы и клетки, в которых

следовало смотреть. Оказывается, таковых улиц имелось в столице аж шесть. Три из них имели возрастающую нумерацию: Первая Позитивная, Вторая Позитивная и Третья Позитивная. Четвертая улица именовалась Малой Позитивной, пятая была просто Позитивная, без прикрас, а шестая оказалась Позитивной плюс.

Я потеряла уйму времени, прежде чем сообразила, что закорючка, нарисованная Стопятнадцатым, — не запятая, а пресловутый плюс. То-то мне никак не удавалось найти дом с нужным номером.

— Библиотека закрывается, — объявила Бабетта, и студенты столпились кучкой у стола.

У меня еще есть время, — уговаривала себя не нервничать, листая торопливо странички. Вот он, дом на пересечении улицы Позитивная плюс и проспекта Свободы. Наверху страницы значилось: "Центральный район".

Не успела я разглядеть паутину транспортных линий, проходящих рядом с домом, как над столом нависла библиотекаря с поджатыми губами.

— Всё, — хлопнула я книгу с громким бахом, и Бабетта Самуиловна унесла её, согнувшись в три погибели.

Выйдя из института, я взглянула в зимнее черное небо, и на меня снова накатила паника. На улице ночь и звезды, каким образом добраться до Центрального района? Заплутаю среди незнакомых улиц, и удостоверение личности не спасет. Как недавно предрек профессор, найдут меня утром в сточной канаве, припорошенную свежевывавшим снегом.

Я страшный везунчик, — повторила как мантру и неожиданно успокоилась. Что-нибудь придумаю.

Дойдя до общежития, открыла дверь новым ключом, и, не раздеваясь, завалилась на кровать. И опять мне не дали упиться всласть невероятным везением и свалившимися бедами. Пришел ничего не подозревающий Радик с кастрюлькой и поварешкой, принес вдобавок прозрачные ломтики колбаски, и забурлила готовка ужина.

Помешивая кашу, я представляла, как Мэл сидит сейчас за столом, укрытым белоснежной скатертью с вышитыми фамильными гербами по краю, как сверкает хрусталь, и в свете люстр играют драгоценности дам. Мэл берет вилку с двумя зубчиками (на этой фантазии я запнулась. Почему именно с двумя? А-а, чтобы сложнее и изысканнее) и отточенным с детства движением берет кусочек серобуромалинового желе, отправляя в рот. Однозначно желе, мы же о кашах слыхом не слыхивали, — раздраженно размешивала я содержимое кастрюльки, чтобы не пригорело.

Опять же Петя, будь он неладен со своим приемом. Из-за него мне придется связаться с Альриком и проявить недюжинные деловые качества, чтобы убедить в партнерстве. Еще неизвестно, согласится ли профессор во второй раз на мое предложение. Все-таки Мэл прав, следовало давно рассказать парню обо всем, не боясь за нервный срыв на спортивной арене. Сейчас бы в ус не дула, а дула бы на горячую кашу.

Несмотря на раздражение, выплеснувшееся в сторону Пети, моя совесть завозилась червячком, заставляя прикусить губу и признать правоту упрека. Мэл, в отличие от меня, знал, что Петя стал чемпионом, и, по всей видимости, следил за успехами спортсмена. Помнится, он как-то сказал, что парень вышел в полуфинал чемпионата, но данная новость пролетела мимо моих ушей, не став сенсацией, зато сегодня воздалась сторицей.

Что за жизнь творится? — вздохнула я, намазывая бутерброды. Даром мне не нужно ваше светское общество, а оно само липнет ко мне и засасывает как клоака: стечением

обстоятельств и разными случайностями.

Если Альрик не согласится провести экспертизу, на запасном пути стоял вариант на крайний случай — разговор с отцом, которого вряд ли приймет известие о том, что непутевая доченька умудрилась пробиться в высшую лигу висоратского общества, сама того не желая. Признать по правде, я страшно боялась звонить родителю. Вдоволь хватило последнего телефонного разговора, в котором меня обвинили в легкомысленном поведении, не стесняясь в выражениях.

— Знаешь, какой зверь сидит внутри твоего парня? — спросил Радик между делом, гремя ложкой о стенки кастрюли.

От неожиданности вопроса я закашлялась, поперхнувшись, и парнишка постучал по спине.

— И какой же? — вытерла заслезившиеся глаза.

— Никогда таких не видел. Тёмный и непредсказуемый, и постоянно изменялся: то замирал, словно прирученный, когда твой парень поворачивался к тебе, а то уплотнялся и скрежетал когтями, когда он смотрел на меня и на Олега.

Я выслушала байку с открытым ртом. Тоже сказал — одомашненный. Попробуй привести такого в загон, повышибает двери копытами и умчится в прерии. Уже умчался, и дня оказалось мало.

— А Олега откуда знаешь? — спросила не в тему, зачарованная пугающим описанием зверя Мэла.

— У меня же дядя в том районе живет, — напомнил парнишка.

— Слушай, Радик, пожалуйста, не упоминай при соседке о Мэле и о том, что он мой парень. Она его недолюбливает. Ладно?

— Ладно, — согласился юноша. — А твой зверь рядом с ним ложится на спину и признает поражение.

— Неужели? — неприятно удивилась словам Радика. Поражения нам не нужны. Это мы должны всех поразить, в особенности через неделю.

Отмыв кастрюлю и распрощавшись с сотрапезником, я столкнулась на выходе из пищеблока с сердитой Аффой. Она протянула телефон:

— Тебя. В следующий раз отключусь сразу. Неужели продолжаешь общаться с ним?

Я поднесла телефон к уху.

— Алло.

— Привет, — раздался голос Мэла, и сердце ухнуло вниз. Обо всем забыла, даже о его вредности и разногласиях.

— Привет, — сказала и затаила дыхание.

— Поужинала? — спросил он, и в телефоне послышалось приглушенное звяканье и негромкий гул, словно рядом с Мэлом переговаривалась толпа желающих отведать изысканные яства.

Аффа укоризненно смотрела на меня, скрестив руки на груди.

— Поужинала. А ты? — ответила я на ходу, поспешив в душ. Закрывшись на защелку, облегченно выдохнула.

— И я. Здесь скукотища смертная.

— Бывает, — выдала общую фразу. Не посещала великосветские ужины, поэтому не знаю, сочувствовать или радоваться.

— Эва, я хотел сказать... — произнес Мэл и после недолгого молчания добавил: —

Прости, был неправ. Конечно, ты должна уплатить долг. Просто мне тяжело видеть тебя рядом с другим.

— И мне тяжело.

Несмотря на вселенскую тяжесть, внутри завопило и запело от радости, срываясь на фальцет. Мэл позвонил!

— Думаю о тебе, — сказал он, и в трубке стихли посторонние звуки. Наверное, тоже уединился в пустой комнате или в туалете.

— И я.

Уже всю плешь проела думами о тебе, упрямый Мэл, и символика не лезет в голову, как ее не всовывай.

— Спасибо. У тебя не возникнет проблем с подготовкой к приему?

— Нет, конечно, — ложь с легкостью слетела с языка. Скорее папенька отвезет меня в сумасшедший дом, нежели попрошу Мэла о помощи. — Я уже поговорила с отцом, он оплатит расходы.

— Это хорошо.

Мы помолчали, и Мэл сказал:

— Завтра приеду. Сладких тебе снов, Эва.

— Спасибо. И тебе тоже.

Вот такой разговор состоялся между нами. Когда я вернула телефон Аффе, она сказала недовольно:

— Надеюсь, ты понимаешь, что творишь.

Я тоже надеюсь. Вернулся, нагулявшись по прериям, — подумала умиленно.

— Как хочешь, а телефон больше не дам. Пусть он больше не звонит и сотрет мой номер, — добавила раздраженно девушка.

Я попыталась оправдать Мэла, но соседка не захотела слушать и ушла в свою комнату, хлопнув дверью. Таким образом, появилось осложнение в виде обиженной Аффы, которая не доверит телефон, чтобы позвонить профессору. Я было всколыхнулась в порыве очередной безнадежности, но мгновенно успокоилась. При надобности позвоню от комендантши с общежитского телефона.

Половину ночи я пыталась учить билеты, но, в конце концов, сорвалась, взбудоражившись, и бросилась рисовать примерную схему по реализации фляжки со стрелочками и датами: когда Альрик должен провести экспертизу, когда передам раритет Алессу, когда парень реализует товар и отдаст проценты от сделки. Поставила большой знак вопроса рядом с пунктом: "продать фляжку". Что, если Рыжему не удастся сбавить вис-улучшенную вещь в короткие сроки, и продажа растянется на неделю или дольше? Как бы то ни было, стоит поторопиться и встретиться с Альриком.

Совсем забыла спросить у Аффы о расписании общественного транспорта. Узнаю завтра, как помирюсь, — подумала, укладываясь в постель. Перед тем, как провалиться в сон, вспомнила слова Мэла в аптеке и улыбнулась, потягиваясь. Занимались любовью...

Под утро мне приснился зверь, похожий на большую кошку. Он ложился на спину и смиренно поднимал лапы, спрятав острые когти.

Воздушные пузыри неторопливо поднимались со дна и лопались на водной поверхности.

— Срединный фильтр забился, — сказал темноволосый мужчина, обегая хозяйским взглядом аквариум, занимавший треть стены. В стекле отражались очертания волевого лица, привыкшего управлять и отдавать приказы.

Кабинет скудно освещался настольной лампой, бросавшей свет на письменный стол, и водный мир под яркими люминесцентными лампами выделялся броским пятном зелени, колышущейся в водных слоях.

— Может, не стоит препятствовать, Артём Константинович? Молодое дело не хитрое. Поссорились — разбежались. Страсть перегорит, и внимание Егора переключится на другой интерес, — сказала женщина, стоявшая рядом навтыжку. Её высокая стройная фигура смотрелась ладно в консервативной форме — прямой темной юбке ниже колен и строгой белой блузе, застегнутой наглухо.

Мужчина, заложив руки в карманы брюк, перевел внимание на неповоротливую рыбину, сонно шевелившую плавниками и зависшую в одном положении. Еще три похожих рыбины замерли в неподвижности на различной высоте в разных углах аквариума.

— Твоими устами да медок пить, Тисса. Дела обстоят гораздо хуже, и с каждым днем он запутывается сильнее. Сегодня заявил матери, что хочет поменять квартиру, не объяснив причин. За последние дни с его карт сняты значительные суммы. Для кого и на какие цели?

— И прежде расходы были не меньше, — сказала Тисса.

— Но не на контрацептивы! — воскликнул мужчина и кивнул в сторону стола, на котором лежала раскрытая папка с бумагами. — Ни одна из его пассий не создавала проблем. Умные понимающие девочки, не питающие иллюзий. Моя бабка говорила: кобель не вскочит, если сучка не захочет. Она долго его муржила и умело подготовила. Вспомни декабрьский отчет из первого отдела, когда их случайно задержали при плановой облаве в том же районе. Теперь девчонка натянула ему на нос, сама знаешь что, и будет вить веревки, выпрашивая желаемое. Мужчина под женским каблуком жалок.

— Не думаю, что всё так страшно.

— Ты и не должна думать, а выполнять, — сказал собеседник и, отодвинув панель, нажал на небольшую кнопку. В боковой стене аквариума открылась ниша, из которой выплыла маленькая оранжевая рыбка с длинными вуалевыми плавниками и юркнула в заросли монструозной кабомбы. Заспанные рыбины, уловив неясные вибрации, открыли выпученные глаза и начали медленно перемещаться в направлении источника колебаний.

— Вспомните историю двух влюбленных. Чем больше препятствий чинили родственники, тем сильнее юноша и девушка упорствовали в своих чувствах и в итоге покончили с жизнью. Дайте им волю, и они разбегутся в разные стороны, самое большее, через месяц. С вашим сыном трудно ужиться, — сказала женщина, наблюдая за юркой рыбкой, мелькавшей между колышущимися травянистыми плетями.

— А если не разбегутся? Если через отмеренный тобой срок он заявится и скажет: "Женюсь" или "Отец, у тебя будет внук"? — мужчина отвлекся от созерцания водной жизни и взглянул на Тиссу.

— Судя по запасам контрацептивов, не будет, — ответила она вежливо, но с едва различимой насмешкой в голосе.

— Не ехидничай. Имя девчонки?

Тисса открыла тонкое досье, которое держала в руке и прочитала с единственного вложенного листа.

— Папена Эва Карловна. Место рождения — прочерк. Мать — прочерк. Отец — Карол

Сигизмундович Влашек.

— Влашек? Тот самый Влашек? — спросил мужчина заинтересованно. — Любопытно. Дальше.

— Первый неудачный брак и развод. Дочь взята на воспитание. Учится в институте с висорическим уклоном на третьем курсе...

— Знаю, не продолжай, — оборвал он. — Почему разные фамилии?

— Папена — фамилия матери. В одном из интервью Влашек заявил, что воспитывает дочь в духе подлинного висоратства и не потакает капризам, заставляя добиваться успехов самостоятельно, без поддержки его влияния. Вырезка в папке, нужно подчеркнуто.

Ошарашенная впечатлениями большого пространства, оранжевая рыбка ринулась изучать коряги и валуны, разложенные на грунте. Выискивая укромные уголки, она не заметила, как над ней нависла большая темная тень, закрывшая свет ламп.

— Папена... Папена... — задумался мужчина. — Не вспомню навскидку. Что еще с Влашеком?

— Второй брак, Айва Падурару, двое разнополых детей старшего и среднего школьного возраста.

— Припоминаю. Влашеки вышли из когорты взлетевших на волне висоратства, — сказал задумчиво мужчина. — Последний из них удачно женился на стерве из одряхлевшей семьи, но с хорошей фамилией и связями. И все же мне не дают покоя прочерки в свидетельстве девчонки. Многовато для небольшого документа. Покопай ненавязчиво и не привлекай внимание. Егору незачем знать. В последнее время он стал неуправляем.

— Возможно, расстроен событиями, связанными с клубом.

— Забудь о слове "расстроен"! Расстраиваются слюнтяи. Зол или в ярости — вот что нужно. Я преподал ему жизненный урок. С чернью нельзя церемониться и расшаркиваться с поклонами, её нужно держать в кулаке, — мужчина продемонстрировал крепко сжатую кисть. — Тогда появится уважение. Словом, займись девчонкой. Найди что-нибудь, любую зацепку, могущую помочь. Личное дело, контакты, интересы.

Слишком поздно оранжевая рыбка сообразила, что резвится на подводном раздолье не в одиночку. Ленивость неповоротливых рыбин испарилась, уступив место ловкости вертких тел хищников, загонявших жертву с профессионализмом стайных охотников, и вскоре забившаяся в угол рыбка исчезла в пасти с множеством острейших зубов. Лишь кончик вуалевого плавника медленно опустился на дно.

— Неплохо. Чуть больше двух минут. Не теряете сноровки, ребята, — сказал мужчина и постучал по стеклу. — Устал как собака. Ужин вышел отвратительным, зато знакомства оказались полезными. Сделай массаж как обычно, но уложись в полчаса.

— Конечно, — кивнула Тисса и расстегнула верхнюю пуговицу блузы.

Назавтра планы, связанные с фляжкой, были перечеркнуты обещанием Мэла, пригрозившего приехать с утра.

Проснувшись, едва за окном начали сереть рассветные сумерки, я привела себя и комнату в относительный порядок и принялась ждать, представляя с замиранием сердца, как раздастся стук в дверь. Открою, а на пороге будет стоять Мэл, и я повисну на его шее и поцелую, показывая, как успела соскучиться, а Мэл крепко обнимет меня.

Время шло, он не приезжал. Может, я проснулась слишком рано, а столичный принц не привык вставать раньше обеда?

Попробовала взяться за учебу, но безрезультатно — мысли неустанно вились вокруг коньячной баклажки. Если Мэл появится, о сегодняшнем визите на дом к профессору придется забыть. Подумав так, я смирилась и перенесла встречу с Альриком на завтра. Все-таки декан оказался провидцем, интересуясь, нельзя ли подождать до понедельника. Так или иначе, судьба определила, как и с кем провести выходной день.

Утро разгоралось, но его герой не торопился пожелать мне отличного настроения. Уйма времени пропала впустую из-за этого Мэла, — подумала я раздраженно, отбрасывая конспекты в сторону. И подготовка к экзамену не получается, и профессору не позвонила, а ведь каждая минута на счету. За то время, что я бесцельно пялилась в окно, глядя, как светлеет небо, можно не раз договориться с Альриком о встрече. Край солнца заглянул в щель между занавеской, наградив угол у двери узкой полоской света, а засоня и не думал приезжать. Неужели пошутил?

Разозлившись, я решила, что в отместку тоже заставлю его поволноваться и придумаю стоящий повод для беспокойства. Пока же отправилась мириться с соседкой, проверив по часам и по шороху за стеной, что она проснулась.

— Аффа, можно?

— Привет, — отозвалась девушка, расчесываясь. — Давай не будем портить друг другу утро.

— Давай. Если Костик не идеал, почему болеешь за него?

— А как иначе? — соседка бросила щетку на стол. — В конце концов, дело не конкретно в нем, а в принципе. Кроме Костика в историю с клубом втянуто много людей, и это несправедливо. Разве я не права?

— Права, — признала я со вздохом. — Аффа, подскажи, как доехать до Центрального района?

— Зачем тебе? — прищурилась она.

— Дело есть, но не могу сказать, какое. Туда ходит какой-нибудь транспорт?

— Не нагулялась, лягушка — путешественница? — спросила беззлобно девушка. — Центр большой, и автобусных маршрутов по городу больше тысячи. Придется ехать с пересадками. Езжай лучше на такси.

— На такси? — озадачилась я. — Но ведь это дорого.

— Моя тетка — карга живет в Центральном районе, и я всегда вызываю такси, потому что обходится быстрее и без проблем. Если поедешь по "экономному" тарифу, то потратишь десять висоров и два на чаевые, зато доставят к подъезду.

— Ну, не знаю, — протянула я неуверенно. — Надо подумать. А обратно как?

— Так же.

Двенадцать туда, двенадцать обратно, итого двадцать четыре. Наличные есть, а до еженедельного подаяния по средам дотянем, нам не привыкать. К тому же, на такси доставят как драгоценную посылочку прямым к дверям, и не придется плутать по незнакомым улицам, отмораживая нос и пальцы.

— А как вызвать машину?

— У меня сохранилась парочка номеров. Значит, не скажешь, зачем едешь? — спросила Аффа.

— По важному делу.

Соседка хотела что-то сказать, как вдруг зазвонил телефон, лежавший на тумбочке. Взглянув на экран, девушка нахмурилась.

— Больше не звони, понял? — ответила рассерженно на вызов, не удосужившись пожелать доброго утра. — Досвидос. — И рассоединилась.

— Говорила же, чтобы твой... — начала высказывать мне недовольно Аффа, как телефон опять зазвонил. — Чтоб его!

Снова схватив аппарат, она вылила свою сердитость в трубку:

— Уже сказала и повторять не буду!.. Ну и что?... Подумаешь! — фыркнула презрительно. — Не боюсь!.. Ладно, — согласилась неохотно, — но в последний раз и при мне, а потом пойду и сменю номер. На! — сунула мне телефон в руки.

— Алё, — сказала я растерянно под прицелом уничижительного взгляда соседки.

— Разъярил я её, да? — вместо приветствия поинтересовался Мэл.

— Не знаю, — посмотрела виновато на девушку. — Наверное.

— Главное, найти подход к человеку, и тот раскроет дружеские объятия, — сказал он с насмешкой, в то время как Аффа сканировала мое лицо. — Как спалось, Эва?

— Неплохо, — ответила я кратко. Не буду же сюсюкаться, когда стоят над душой и слушают разговор.

— Твоя соседка рядом? — спросил вкрадчиво Мэл. — Дай-ка ей трубочку.

— Не дам. — Хватит с меня испорченных отношений с девушкой, а он не может уgomониться и усугубляет конфликт. — Спалось хорошо. — Ответ получился резковатым.

— Славно. А я полночи не мог уснуть, кое о ком думал, поэтому проспал, — повинился Мэл. Неужто бессонница приключилась из-за меня? — Эва, прости, пока не получится приехать. Дед в отместку попросил навести порядок в семейной библиотеке к встрече с аудитором. Они сегодня приезжают с плановой проверкой, поэтому задержусь у деда допоздна.

— А-а, — только и смогла сказать с понимающим видом. — Всё-таки долг?

— Не долг, — уверил Мэл. — Но услуга.

— Может, тебе помочь? — предложила я из вежливости. Как никак по моей вине он будет дышать книжной пылью и тянуть мышцы, расставляя бесценные фолианты по полкам.

— Спасибо, Эва, лучше готовься к экзамену. Как освобожусь, приеду и привезу телефон, а то соседка-фурия сживет тебя со свету.

— Вроде бы не собирается, — сказала я осторожно, поглядывая на девушку, внимавшую отрывочным фразам.

— Ты скучала, Эва? — от его голоса по телу пробежали мурашки.

— Да.

— Я тоже. Увидимся вечером, сладкая.

Сладкая! Радостно встрепенувшись, я встретила с суровым взглядом Аффы.

— Хорошо, — ответила кратко.

— Дай-ка напоследок телефон своей соседке, — попросил ласково Мэл, и я послушно выполнила просьбу.

— Тебя.

Девушка неохотно поднесла трубку к уху и, выслушав телефонный монолог, покраснела.

— Да пошел ты! — воскликнула возмущенно и, отключившись, задумчиво забарабанила пальцами по столу.

Наверняка Мэл сказал ей что-то неприятное. Вот ведь поросенок. Умеет испортить всё, с чем соприкасается. Как-то неловко за него. Я чувствовала, что еще чуть-чуть, и добрым соседским отношениям придет конец исключительно из-за хамской настырности Мэла. Наверное, стоит удалиться на цыпочках.

— Знаешь, Эвка, — сказала вдруг девушка. — Не хотела тебе говорить, но я навела справки об этом... Мэле. У меня есть проверенные источники... из его окружения. Правда, пришлось прибегнуть к кое-каким... доводам... В общем, он решил переспать с тобой ради интереса.

— Неужели? — застыла я, ужаленная словами. Нет, Мэл не стал бы. Интерес заканчивается, когда меня выпроваживают поскорее с глаз долой после бурного утреннего времяпровождения, а потом делают вид, что незнакомы. А если со мной едут в район невидящих на свой страх и риск, это непохоже на пустой интерес. Кроме того, именно я дала повод Мэлу вчера утром, а он вовсе не собирался форсировать события. Или собирался? Вдруг клей в замке — дело его рук, спланированное заранее? Нет, невозможно, — убеждала себя, вспоминая время, проведенное с Мэлом. Он был искренен, так же как и его упрямый характер. Ну и пусть интерес! Зато он оказался взаимным, и я не жалею ни о чем.

Но сказанное Аффой все же царапнуло душу.

— Будь начеку и не поддавайся, — предупредила соседка и добавила со злостью: — А то получит, что хотел, и разрезвонит всем и каждому.

— Спасибо. Постараюсь глядеть в оба, — поблагодарила я за запоздалое предостережение. Настроение испортилось, и на меня чуть было не навалилась хандра.

Во всем нужно видеть хорошее. Мэл будет занят днем, и воскресенье неожиданно освободилось. Ура, нет препятствий, чтобы нанести визит достопочтиму Альрику! Не раскисать! — приказала я себе и решительно направилась в сторону комендантского крыла, чтобы позвонить, поскольку рассчитывать на лояльность Аффы не приходилось. К ней теперь вообще не подступиться.

По мере приближения к жилью тетки-вехотки слышались глухие удары и трескотня, оказавшиеся в приближении строительным долбежом и сверлением. Общежитская благодетельница решила произвести масштабную перепланировку в своих владениях и сносила напрочь стены.

Втянув носом пыль, витающую в воздухе, я многократно и громко прочихалась, и на звуки, отличные от строительных, из пылевого тумана появилась комендантша в знакомом засаленном халате.

— Ты, звезда моя, не к месту! — выдала она луженой глоткой и подтолкнула к выходу. — ...

Дальнейшие слова потонули в грохоте и шуме дрели.

— Мне бы позвонить! — прокричала я, надрываясь. — Срочно!

Тётка-вехотка отвела меня в угол недалеко от места строительных работ, где под осыпавшейся штукатуркой отыскался ущербный телефон с треснувшим корпусом. Хозяйка растворилась в мистическом тумане, а я, шурясь, набрала нужный номер, сверяясь с бумажкой и стараясь не ошибиться.

Рядом амбал в комбинеzone взялся за дрель, и мои уши оглохли. Сколько можно сверлить, не останавливаясь? Так он проделает дыру до улицы.

Морщась от громкого шума, я вслушивалась в далекие длинные гудки и пропустила момент, когда произошло соединение. Опомнилась, когда в трубке сердито закурьлыкала.

— Здравствуйте! — закричала, чтобы мой голос распознали на другом конце. — Мне нужно срочно с вами увидеться!

Трубка что-то прокурьлыкала. Ничего не слышу.

— Сделайте потише! — показала знаками бугаю с дрелью, но он не понял язык жестов и, решив, что его призвали увеличить производительность, навалился на дрель, сверля с еще большим усердием.

— Можно подъехать к вам через час-полтора? — завопила я в трубку, не называя имен в целях конспирации.

В трубке курлыкнуло, и раздались короткие гудки, заглушенные очередной канонадой ударов, обрушивших кусок стены.

Отлично, профессор дома, и я услышана. Рвану к нему без промедления. Как сказала Аффа, у каждой девушки должны быть малюсенькие тайны, которыми можно не делиться со своим парнем. Мэл и не узнает о криминальной задумке, перекладывая без тревоги стопки книг в библиотеке деда.

После строительного бума у тетки-вехотки тишина родимого коридорчика показалась умиротворяющей. Вернувшись, я постучала в комнату к соседкам.

— Афочка!

Девушка распахнула дверь:

— По-моему мы достаточно наговорились за утро.

— Афочка, дай, пожалуйста, номер. Я вызову такси.

Попробую второй раз позвонить от комендантши, хотя не уверена, что меня расслышат в шумном бедламе.

— К нему поедешь? — скривилась презрительно соседка.

— К кому? — спросила я испуганно. Неужели Аффа догадалась? На всякий случай нащупала листок с адресом в кармашке юбки.

— К этому своему, — кивнула девушка в сторону тумбочки, и я поняла, что она имеет в виду Мэла.

— Нет, к отцу из-за приема, — приоткрыла я завесу тайны, покрывив душой самую малость. Причиной авантюрной поездки действительно послужил прием, за исключением человека, которой поможет попасть на блистательное мероприятие.

— Ладно, — сказала соседка гораздо приветливее. — Сейчас вызову такси, машина обычно ждет у ворот. Успеешь собраться за десять минут?

— Конечно, успею.

Ринувшись в швабровку, я забегала суетливо, не забыв проверить фляжку в сумке и запасы наличности на непредвиденный случай.

— Вызвала, скоро подъедет, — заглянула Аффа в комнату и протянула листочек с рядками цифр. — По верхнему номеру позвонишь, и тебя довезут обратно. Учти, нужно договариваться на берегу.

— Это как? — спросила я, положив бумажку в сумку.

— Прежде чем ехать, говоришь водиле: "Десять и два сверху", и при расчете не возникнет вопросов. Если не предупредишь заранее, тебя будут катать три часа по городу, а потом потребуют не меньше сорока висоров. Поняла?

— Поняла. Спасибо, Афочка! — неуклюже поблагодарила я девушку, испытывая неловкость из-за недавней размолвки, объектом которой стал чересчур разговорчивый товарищ Мэл. Обязательно выскажу ему, чтобы впредь был сдержаннее в словах, иначе по его вине лишусь соседской поддержки, не раз выручающей в трудную минуту.

— Не за что, — пробурчала Аффа. — Машина должна уже подойти. На всякий случай я написала внизу свой номер. Так и быть, подожду до вечера и не буду его менять. Так что звони, — улыбнулась она.

Я в ответ тоже улыбнулась, и напряжение немного спало.

Несмотря на выходной день, у институтских ворот было припарковано несколько машин, и среди них выделялся клоуном веселенький зеленый кузов такси с малиновыми ромбиками по бокам.

— Здравствуйте, — сказала я, забираясь на заднее сиденье. — Мне в Центральный, за десять и два сверху.

— Замётано, — ответил водитель сипло, и такси юрко вывернуло на дорогу. — Адрес?

Я назвала пункт назначения. Сослепу после яркого зимнего солнца, не сразу разглядела, что у мужчины густая кучерявая борода и усы, из которых торчал нос картошкой. Когда таксист поворачивал голову, чтобы посмотреть по сторонам, мне казалось, что к его лицу приклеена каштановая мочалка.

А потом мне стало не до водителя. Я вникала в термин "тариф экономный". Таксист обгонял и подрезал машины, нарушал правила движения, мчался проходными дворами и непроезжими переулками, яро жал на клаксон и ругался на всяких-разных, ползущих как черепахи и мешающих ездить по-человечески. Меня болтало и заносило на поворотах, и чтобы случайно не вылететь из машины на очередном крутом вираже, пришлось вцепиться покрепче в ручку двери. Естественно, при лихой езде не удалось полюбоваться столичными красотами.

Когда такси резко затормозило, я поначалу не сообразила, то ли пришел конец поездке, то ли автомобиль остановился на перекрестке перед светофором. Не удивлюсь, если глаза вращались по кругу, причем в разные стороны.

— Приехали. Как заказывали, к подъезду, — сообщил водитель, обернувшись кучерявой мочалкой в мою сторону.

— С-спасибо, — выгребла я припасенную мелочь из кармана куртки и подала мужчине. Хорошо, что заранее подготовила деньги, а то стрясенные поездкой мозги соображали туго.

Выбравшись из машины, которая тут же скрылась за поворотом, я поняла, что меня укачало. Несколько минут ушло на то, чтобы, присев на лавочку у подъезда, отдышаться и вернуть ясность ума, но морозец не позволил долго расслаживаться, погнав к двери. И тут на меня не к месту напала неуверенность. Оглянувшись на безликие высотные здания вокруг, я испугалась. Что, если Альрика не окажется дома, или декан ошибся в адресе и номере

телефона? Придется выходить к проспекту и придумывать, как вернуться обратно в общежитие.

В конце концов, здесь не хуторской отшиб, а столица, — образумила себя. Чай, не погибну на глазах у горожан. Хорошо подвешенный язык доведет куда угодно.

С колотящимся сердцем я нажала на цифры 3, 2 и 8. Послышались гудки. С каждым пронзительным сигналом сердце бухало как сумасшедшее. Какая вожжа попала под хвост и толкнула меня приехать к великому Альрику домой? Сплошное безрассудство в центре столицы у незнакомого подъезда! Обождала бы до понедельника и без приключений встретила с мужчиной в институте, спокойненько обговорив новые условия сделки. Ой-ёй, хоть бы профессора не оказалось дома!

После четвертого гудка в динамике раздался щелчок.

— Слушаю.

— Я... это, — пробормотала и прокашлялась. — Здравствуйте, это Папена. Мы договаривались о встрече.

В динамике наступила тишина. Не уверена, что мужской голос принадлежал Альрику. Наверное, перепуталась очередность кнопок, или водитель доставил меня не к тому дому. Судя по всему, в квартире 328 жил лысый пузатый мужик в растянутом трико, который, почесывая волосатую грудь под майкой, с трудом соображал, какая-токая Папена намылилась к нему в гости.

— Добрый день, Эва Карловна, — произнес медленно голос из динамика. — Проходите. И дверь бесшумно открылась.

Наверное, я переволновалась, потому что в памяти совершенно не отложилось, как ехал лифт, по-моему, целую вечность и сразу под облака; совершенно не отложилось, как разъехались створки, открывая небольшой коридорчик на нужном этаже. Зато отложилось, что возле распахнутой двери стоял Альрик собственной персоной, чуть наклонив голову и засунув руки в карманы брюк. Как всегда безупречный и идеально одетый.

Даже дома не позволяет себе расслабиться и расхаживает в жилетках и вышитых сорочках, — отметилась машинально.

— З-здрасте... Я звонила сегодня утром, вы сказали, что можно подъехать. Правда, было очень шумно и плохо слышно.

Альрик посмотрел на меня, разглядывая, а потом засмеялся, и подъездное эхо отразило красивый смех.

— Значит, это звонили вы, Эва Карловна? А я решил, что друзья из института подшутили, решив поздравить весьма необычно.

— С чем поздравить? — растерялась я, позабыв о деловой хватке, расшатанной поездкой в такси.

— С днем рождения, — улыбнулся Альрик. — Прошу, проходите.

Сегодня кто-то именинник. А кто-то влип.

— Простите, не хотела мешать, — попятилась я к лифту. — Как-нибудь в другой раз...

— Эва Карловна, если приехали, не стоит поспешно уходить, — протянул руку мужчина.

— Очень неудобно, — пробормотала, разглядывая протянутую ладонь. — Зайду попозже...

Что я несу? Когда попозже? Прогуляюсь по морозцу и через два часа снова заявлюсь посиневшей ледышкой?

— Идите сюда, — велел Альрик, и ноги подчинились приказному тону. Горячие пальцы профессора обхватили мою руку и потянули в просторную прихожую, отделанную светлым деревом. Из коридора доносились голоса, взрывы смеха, звяканье посуды. Наверняка праздничное застолье организовано не хуже, чем светский ужин Мэла, и моя вездесущая юбка попадет под пристальное внимание гостей.

Мужчина помог раздеться и дождался, пока сниму обувь. Тощая курточка уместилась поверх шуб и пальто, коими был набит под завязку трехстворчатый шкаф. Ой, мамочки, поздравить именинника пришли как минимум сто человек!

Мельком глянув в зеркало, я торопливо пригладила растрепавшиеся волосы.

— Пливет! — раздался детский голосок, заставивший замереть. Из-за угла выглядывала лукавая мордашка чудесной черноволосой девчушки.

— Иди ко мне, котенок, — Альрик подхватил девочку на руки, шутливо затормозил, и она весело рассмеялась.

Я вытаращилась на идиллическую картинку папы и дочки. Неужели у профессора есть дети? В голове не укладывается!

— Это Сиба или Сибулька, — сказал он, щечка девочку, а та заливалась и выворачивалась из его рук. — Моя племянница и страшная негодница.

Мужчина спустил смеющуюся девчушку на пол, и она убежала по коридору, топая.

— Пойдемте, — не спрашивая согласия, Альрик взял меня за руку и повел вслед за ребенком, потому что понял: я останусь в прихожей, не сдвинувшись с места.

Несколько шагов показались вечностью, пока мы не очутились на пороге комнаты, залитой солнечным светом. После полутемного коридора зрение не сразу перестроилось, и я притормозила, боясь запнуться и расстелиться на полу перед гостями именинника. Пол, кстати, бросился в глаза первым — крупная плитка с орнаментом из оранжевых, синих и красных кругов, призванным поднимать увядшее настроение и вселять оптимизм, несмотря на наглое вторжение.

— Прошу, Эва Карловна, — краем глаза я заметила руку, взмахом предлагающую войти.

Голоса стихли, и мечущийся взгляд выхватил в центре комнаты сервированный стол и гостей, повернувших головы в нашу сторону. От смущения я не знала куда деваться, топчась на месте. Профессор опять решил за меня: подвел к столу и, отодвинув свободный стул, втиснул рядом еще один.

— Прошу, — предложил галантно, и мне пришлось усесться на предложенное место.

Передо мной в мгновение ока оказались тарелка, фужер и столовые приборы. Альрик устроился под боком.

— Познакомьтесь, это Эва Карловна, коллега по институту. Моя матушка Медея

Артуровна, — представил темноволосую женщину во главе стола. — Моя сестра Инга и ее муж Айк, — показал на пару, сидящую напротив и смотревшуюся очень гармонично. — Мой брат Лейв и его жена Паола, — показал на гостей слева.

— Здравствуйте. Очень приятно, — пискнула я, стушевываясь.

Последняя пара выглядела гораздо моложе присутствующих. Брат Альрика и его жена были едва ли старше меня. В это время прибежала знакомая шустрая девочка и забралась на колени к сестре именинника.

— Сибиллу вы знаете, и где-то в квартире потерялись два других моих племянника: Максим и Алеф. Если натолкнетесь на них, не пугайтесь.

В глубине жилища послышался боевой клич, и гости рассмеялись.

— Я предупреждал, — сказал муж Инги. — Не следовало показывать им индейские маски. Плакали наши головы. Сегодня мы все останемся без скальпов.

За столом снова раздался смех.

— Альрик, почему не ухаживаешь за гостьей? — напомнила матушка профессора. — Не томи, девушка замерзла с дороги.

— Конечно, ухаживаю, — опроверг он. Фужер наполнился багряным вином, а на тарелке появилась внушительная гора вкусок, от вида и запаха которой ручьем потекли слюнки.

В целом родственники профессора, собравшиеся по случаю дня рождения, вели себя просто и непринужденно: сыпали остротами и веселыми историями, смеялись и подшучивали друг над другом. Я старалась есть аккуратно и благовоспитанно, вежливо улыбалась над бородатыми анекдотами и байками и украдкой разглядывала присутствующих, отметив про себя, что члены семьи Вулфу обладали некоей особенной привлекательностью, мгновенно притягивающей взор и не отпускавшей от себя. Они красиво смеялись, красиво жестикулировали, красиво ели и пили, и тому причиной являлась не только утонченность, данная благородным воспитанием, но и врожденная грация и гибкость. Мужчины были широкоплечи и мощны телосложением, женщины стройны и не обделены соблазнительными формами. Среди них я выделялась мелкой бледной поганкой.

Большое крепкое семейство, можно лишь позавидовать их дружности. Разве что жена Лейва показалась мне несколько капризной особой, но, наверное, так и должна вести себя женщина, чтобы молодой муж кудахтали как наседка и заботливо ухаживал, подкладывая лучшие кусочки.

Неожиданно Лейв, встретившись со мной глазами, подмигнул. Пойманная врасплох за подглядыванием, я сконфузилась и поспешно заинтересовалась обстановкой столовой.

В помещении царили минимализм и аскетизм линий, приправленные сдержанной элегантностью, чем-то напомнившей мне вылизанные хоромы дяди Мэла. Отсутствие безделушек, которыми хозяйки обожают заполнять пустующие уголки для накопления пыли, указывало на то, что единовластным хозяином жилища являлся мужчина без лишней сентиментальности, а именно великий и необъяснимый Альрик. Большие окна зрительно увеличивали пространство, создавая впечатление, будто просторное помещение распирает от избытка кислорода. И правда, дышалось легко, а в воздухе плыл аромат, перебивавший съедобные запахи. Благоухание исходило от приземистой вазы с розами посреди стола. Букет был настолько плотным, что, казалось, стебли с белыми бутонами вот-вот разорвут сосуд на мелкие кусочки.

В общем, мои глаза смотрели по сторонам, уши внимали разговору, а рот усердно

работал, пережевывая. Время, которое предполагалось потратить на уговаривание профессора, ушло на поедание аппетитных блюд.

Маленькая Сибилла то прибегала в столовую, то снова исчезала в коридоре, и когда родители поочередно отправлялись на ее поиски, в глубине квартиры слышались громкие вопли и визги вперемешку с боевыми кличами и вытьем.

Периодически раздавались звонки, и Альрик поднимался и тоже уходил в коридор. Услышав первый раз звонкую трель, мне пришло в голову, что ждут запоздавшего гостя, чье место я нахально заняла. Однако вернувшийся профессор сообщил буднично, что получил поздравление по телефону от начальника Департамента по науке.

Пока длилось пиршество, именинника беспрестанно поздравляли научные общества и коллегии, академики и министры, собраты по науке и друзья, и чтобы ответить на очередной звонок, Альрик исчезал в проеме комнаты. Каждый раз, когда он усаживался на место, матушка профессора тревожно поглядывала на него, видимо, беспокоясь за увечную ногу, натруженную непрерывными подъемами и ходьбой.

Постоянные отлучки Альрика тоже послужили поводом для шуток.

— Стоило организовать банкет в твоем кабинете, — сказал Айк, уминая отбивную размером с лапоть. — Прихлебывал бы винишко и беседовал со своими членами-корреспондентами, не отходя от стола. Заодно подискутировал селекторно о последних открытиях.

— Сегодня братец изменил своим принципам, — заметила Инга, вытирая платком вспотевший лобик дочери, снова прибежавшей из коридора. — Обычно в день рождения он отключает телефон, и до него невозможно дозвониться.

Наверное, Альрик не стал обрывать связь с миром, потому что ждал важного звонка, и возможно, от Лизбэт. А я почему-то думала, что девушка поздравила профессора ранним утром, подняв его, сонного, с постели.

— Сам не пойму, — ответил мужчина, посмеиваясь. — Но если бы отключил, то Эва Карловна не дозвонилась бы и не разыграла меня.

Точно, не дозвонилась бы, надрывая связки, не бросилась, сломя голову, навещать профессора на дому и не объедалась бы сейчас вкуснотенью.

— Значит, вы работаете вместе с Альриком? — спросила приветливо матушка профессора, обратившись ко мне. Сколько ей лет? Очень красивая женщина и выглядит молодо.

— Нет, — ответила я вежливо, промокнув губы салфеткой. — Работаю в архиве.

"Следует говорить мало, с достоинством и по существу" — вспомнились слова учительницы этики из интерната. Скоропалительное попадание пушечным ядром к Альрику на день рождения можно считать репетицией предстоящего через неделю мероприятия, и если я буду робеть перед кучкой гостей, то стоит ли говорить о многотысячном сборище?

— Мы гадали, почему Алька сегодня без дамы, — снова подмигнул Лейв, обнимая молодую жену. — А он великий конспиратор и притворщик.

Профессор, улыбаясь, положил руку на спинку моего стула. Наверное, он решил отметить день рождения, прозябая в одиночестве, потому что дама сердца уехала к родителям. Хотя вряд ли это Лизбэт. Она не отказалась бы от приглашения кумира и с утра заняла место за праздничным столом.

Вот как несправедливо поворачивается жизнь: кто-то не спит ночами и грезит о своем идеале, а кто-то бесцеремонно вторгается в разгар веселья и уплетает за обе щеки, сидя бок о

бок с недосыгаемым божеством всех студенток.

Пригубив вино, я отметила приятный вкус напитка и случайно поймала взгляд главы семейства Вулфу, с легкой полуулыбкой наблюдавшей за мной, а затем её внимание переключилось на запыхавшуюся девочку, которая прибежала из коридора и кинулась обнимать бабушку.

Меня бросило в жар. Ну, вот, незваную гостью внимательно изучили и нашли кучу недостатков. Громко чавкаю и неправильно держу вилку; неприветлива и замкнута; сгорбилась и одета не по случаю — сразу видно, что примчалась, не догадываясь о значимости сегодняшней даты.

Отложив вилку, я потупилась.

— Эва Карловна, не смущайтесь, — сказал на ухо Альрик. — И не бойтесь матушки. Последние лет десять она примеряет фату невестки к каждой моей знакомой.

Осознав сказанное, я схватила бокал и залпом выпила половину содержимого. В голове зашумело.

— Не будете её разубеждать? — спросила именинника заплетающимся языком. — Это нехорошо.

Он взял из моих рук бокал и поставил на стол.

— По крайней мере, сегодня я избавлен от допроса по поиску спутницы жизни, — пояснил тихо с несходящей улыбкой.

Слава богу, я ничего не пила и не ела в данный момент, иначе бы поперхнулась или подавилась.

— Не стоит обманывать, — сказала неуверенно, взглянув на профессора.

— Должно быть, это провидение, Эва Карловна, что вы дозвонились и приехали, иначе родственники съели бы меня с потрохами вместо десерта, — сказал он с весельем в голосе.

— Значит, вы ничего не поняли из моего звонка? — спросила я, перевернув вилку, и на моих глазах она превратилась в ложку. Металл плавно перетек на противоположную сторону ручки, приняв форму небольшой лодочки.

Одно дело читать о подобных фокусах, и совсем другое — увидеть наяву. Я опасливо потрогала пальцем свершившееся чудо. Заметив мое потрясение, Альрик сказал:

— Вилка, она же ложка, она же нож — три в одном благодаря символам в видоизмененной кристаллической решетке. Под упругой оболочкой металл поддерживается в вязкопластичном состоянии и смещается при изменении центра тяжести, принимая определенную форму.

— А как сделать нож? — спросила я, наблюдая заворуженно за превращением ложки в вилку и обратно.

— Возьмите рукой, как если бы держали нож, и слегка встряхните.

Для опытного подтверждения профессор обхватил мою лапку своей ладонью и показал, как нужно делать. Металл потек вниз, принимая форму столового ножа, и горячая рука Альрика отпустила мою, беспричинно задрожавшую.

Чтобы скрыть замешательство, я с невозмутимым видом покрутила чудо-нож, и, дождавшись, когда образуются зубчики, взялась гонять вилкой одинокую горошинку по тарелке. Мужчина хмыкнул и снова наполнил посудину внушительной горкой вкусовостей.

— Альрик Герцевич, не подумайте, что я голодная, — посмотрела умоляюще на него. — Уже объелась.

— Не стесняйтесь. У нас любят поесть и не морят себя диетами, — улыбнулся он. —

Кто звонил, я не догадался и решил, что надо мной подшутили коллеги из лаборатории.

— А почему сегодня приглашены только родственники? — ляпнула я и испугалась за нескромное любопытство.

— День рождения в кругу семьи свят для меня, а остальные подождут до завтрашнего дня.

Мне не понять, — подумалось понуро. Завидно до чертиков. О моем последнем дне рождения отец вообще позабыл и не поздравил. Я сама сделала себе подарок, купив мороженое.

— Не переживайте, — профессор истолковал по-своему накатившее на меня уныние. — Ваш вопрос вполне уместен.

— Простите, не хотела испортить праздник.

— Покажу вам кое-что. Думаю, восторгаться текучей ложкой скучно, — сменил тему именинник и прикоснулся к зеленому листу из тугого букета. Словно по мановению волшебной палочки, розы превратились в огненные лилии, запыльхавшие оранжевым костром посреди стола.

Гости восхищенно ахнули и захлопали, даже капризная жена Лейва побила ладошки.

— Попробуйте, Эва Карловна, — предложил профессор, и я осторожно коснулась яркого цветка. Лилии исчезли, и вместо них появились ромашки с невероятными расцветками лепестков: малиновыми, черными, красными, зелеными, розовыми. Пока присутствующие, восторгаясь, разглядывали чудо флористики, в столовую внеслись двое мальчишек с разукрашенными краской лицами и уселись на свободные места с другого края стола.

— Я же говорил, у них нюх на сладости, — сказал Айк жене.

Увидев фокусы с цветами, мальчишки тут же принялись экспериментировать, хохоча, когда шары гортензии превратились в подсолнухи, а акварельно-голубые георгины сменили облик, став зарослями колючих кактусов.

— Разве такое бывает? — спросила я у Альрика, с трепетом следя за удивительными превращениями.

— Иллюзии, — пояснил он. — Когда развеются, букет станет статичным.

— Любите живые цветы?

— Моя матушка. Белые розы — её любимые. Без неё не было бы меня.

Вот оно что. Букет из тысячи бутонов явился своеобразным символом признательности профессора к матери, благодаря которой он появился на свет. Может, мне тоже высказать благодарность папёнке за свое рождение? Представила, как говорю элементарное "спасибо", и поняла, что мой рот никогда не выдавит это слово.

Пока общество развлекалось с цветочными иллюзиями, я через силу впихнула в себя праздничное изобилие с тарелки. Как оказалось, вовремя, потому что в столовую вплыл торт, который несла матушка именинника. Айк отогнал хулиганов от букета и велел им утихомириться. Пацанва присмирела под незыблемым авторитетом отца, но ненадолго.

Торт оказался изумительным как по внешнему виду, так и по содержанию. На вершине сказочной снежной горы горела одинокая свеча в виде буквы "А", и по пляшущим бликам я вдруг заметила, что за окном начало темнеть. Мальчишки захихикали, перешептываясь, а Альрик, снисходительно улыбнувшись, задул огонек и разрезал ножом шедевр кулинарии. Гости захлопали, еще раз поздравили именинника, и мальчишки пустили салют из мелких

бумажных клочков, засыпав ими стол. Сдалось мне, на эффектные конфетти были изорваны последние научные записки профессора. Я посмотрела на бесстрастного Альрика. Наверняка он знал, что ценные наработки следует держать подальше от малолетних вандалов, и предусмотрительно спрятал в тайное место.

Зажгли люстру, и в столовой стало уютнее. Каждый получил по внушительной порции торта, но не успела я съесть и двух ложек, как блюдо опустело, причем мужчины докладывали себе по два и по три куска. Еще бы, попробуй, прокорми исключительную мышечную массу сухариками и ключевой водой. Маленькая Сибилла увозила мордашку и нарядное платье в креме, и мать увела её за руку, чтобы умыть и привести в порядок.

После чаепития мой живот надулся как арбуз, и я тайком икнула от переедания. Первыми откланялось и ушло шумное семейство сестры профессора со всеми имеющимися племянниками. Следом попрощались Лейв с женой, и остались мы втроем: я, Альрик и его матушка.

— Чудесный праздник, — поблагодарил он мать. — Ты, наверное, устала. Приляг, отдохни.

— Вот еще, — фыркнула женщина. — Сейчас быстренько перемоем посуду, и поеду домой.

— Я прекрасно справлюсь сам, — попробовал настаивать именинник.

— Эвочка, поможете? — обратилась женщина ко мне, проигнорировав последний аргумент.

— Конечно, — кивнула я, посмотрев растерянно на профессора, и поймала его сочувственный взгляд. Меня проводили на кухню, где матушка Альрика взялась споро перемывать тарелки, а я протирала их и составляла стопочкой. Мужчина занялся тем, что приносил грязную посуду из столовой.

— Альрик, когда вилки и ложки сами будут появляться в раковине, чтобы не приходилось бегать за ними? — посетовала Медея Артуровна, проявляя беспокойство за больную ногу сына. — Помнится, ты работал над этим вопросом.

— Еще работаю, мам, — поцеловал ее в щеку Альрик, составляя фужеры в мойку. — Непрерывно работаю, а заодно над тем, чтобы они вообще не появлялись в раковине.

— Как так?

— Представь, зачем тратить время на мытье? Надо придумать посуду, которая бы самоочищалась без посторонних усилий.

Медея Артуровна показала на угвазданную тарелку:

— После Максима ни у одной посуды не хватит резерва, чтобы самоочиститься.

— Тогда проще вылизывать её, — добавил Альрик и получил от матери шуточный шлепок по плечу.

— Нет уж, лучше мыть, — покачала она скептически головой. — Так надежнее.

Не удержавшись, я рассмеялась.

— А вы, Эвочка, родом из столицы? — спросила женщина, звякая посудой в раковине.

— Приехала из провинции.

Наверняка потенциальной свекрови придется не по сердцу потенциальная невестушка — меркантильная провинциалка. Вдруг коварная девица спит и видит, как окрутить какого-нибудь одинокого столичного профессора?

— И как вам здесь? Нравится?

— Не знаю. Суматошно.

— Правильное слово, — согласилась Медея Артуровна. — На лето всегда уезжаю из города. Он душит и вытягивает из меня силы. За зиму устаю и морально заболеваю. Вот пристрою Альрика и совсем уеду отсюда.

— Мама, я не ребенок, чтобы меня к кому-нибудь пристраивать, — вставил профессор, расставляя в шкафчике вымытые фужеры.

— Не сомневаюсь, но не могу видеть, как ты маешься один-одинешенек, — сказала женщина, протягивая мне вымытую тарелку.

— И не маюсь, — терпеливо опроверг Альрик. — Мне нравится моя жизнь.

— Надеюсь, Эвочка тебя переубедит, — продолжала гнуть свое неугомонная матушка.

Меня-то зачем притянули? Я вопросительно взглянула на мужчину, и он сделал неуловимый знак, мол, потерпи, осталось немного.

— Я тоже надеюсь, — сказал со сдержанной улыбкой.

— Вот и славно, — сказала Медея Артуровна, вытерла руки и сняла передник. — Поскорей бы, а то если тебя не прибрать к рукам, останусь без внуков.

Интересно, она принесла фартук с собой, или у Альрика всегда наготове парочка передников для любительниц помыть посуду? — заинтересовалась я, а потом сообразила, о чем говорила женщина, и в стеклянной дверце шкафчика отразилось мое лицо с алыми щеками, словно их натерли свеклой.

— У тебя восемь внуков, — парировал именинник. — Неужто мало?

— Внуков много не бывает, — возразила его матушка, распрощалась со мной и напоследок тихонько обронила Альрику, рассчитывая усовестить:

— Бережнее обращайся с девочкой. Смотрю, совсем ее запугал.

Я в замешательстве подошла к окну, рассматривая в уплотнившейся темноте очертания зданий и точки светящихся окон. Уж не знаю, за кого меня приняло семейство Вулфу, но я и на сантиметр не поднялась до указанной планки.

— Хорошо, — мягко сказал мужчина. — Пойдем, провожу. Такси ждет внизу.

Я не услышала, как хлопнула входная дверь, наверное, потому что она закрылась тихо. Вздрогнула, когда Альрик очутился рядом, тоже глядя в окно.

— В ваших глазах вижу бездну вопросов, — сказал весело. — Выговоритесь.

— Какой этаж? — выпалила я первое пришедшее на ум.

— Двадцать девятый.

Ого, какая высотища! Тут же закружилась голова, и я поспешно отодвинулась от окна.

— А почему нет посудомоечной машины?

Мужчина хмыкнул:

— В физическом труде нахожу удовольствие, кроме того, выкраивается время для размышлений. Зачастую хорошие идеи приходили мне в голову именно у раковины.

— Лизбэт вас поздравила? — вырвалось у меня.

— Лиза? — удивился профессор. — Нет. А должна была?

Я пожалала плечами. Что поделаешь, если язык — враг мой.

— Расскажите родственникам, что они... ну, ошиблись? — замялась, растеряв нужные слова.

— Расскажу, — улыбнулся Альрик.

— У вас дружная семья. Завидно.

— У меня две сестры и три брата, но не все живут в столице. В детстве родственные

связи видятся в другом свете, и между нами велась жесточайшая конкуренция, как во всех многодетных семьях. Впрочем, я распространяюсь о себе, хотя должен выслушивать вас, Эва Карловна, — развернулся он ко мне. — Вы обдумали мои условия и приехали в выходной день, чтобы сообщить об этом. Приспичило?

— Да, — опустила глаза. — Срочно. Но я хочу кое-что изменить.

— Интересно. Суть изменений?

— Проценты от сделки делим пятьдесят на пятьдесят, то есть поровну, — выпалила я на одном дыхании.

Мужчина некоторое время раздумывал.

— Согласен. Что-нибудь еще?

— Да. Мы дадим взаимные обеты.

Профессор прохромал к небольшому столику, освещенному настенной бра, и сел на табурет.

— Видите ли, Эва Карловна, за свою жизнь я дал достаточно обетов, чтобы теперь жить с оглядкой из-за постоянного риска сказать или сделать что-либо лишнее. Сегодня вы ненароком проникли еще глубже в мой мир, а у меня до сих пор нет информации о вас. Какой в ней толк, если она останется за печатью обета? Мое последнее слово — обет дадите вы. На иное не соглашусь.

Я открыла и закрыла рот, не зная, что ответить. Почему-то не сомневалась, что второе условие Альрик примет без лишних вопросов. Наверное, обманчивый вывод пришел в голову после пары часов, проведенных с профессором в кругу его семьи. Мне казалось, благодушие и сердечность мужчины распространились и на меня, но как он заметил ранее, семья для него — святое, несмешиваемое с делами, то есть со мной.

А ведь Альрик сам сказал, что я оказалась спасеньем от прилипчивых родственников, жаждущих женить его на первой попавшейся девице, — подумала с обидой и отвернулась к окну, чтобы мужчина не разглядел лица. Бесплезно прятаться, расстроенная физиономия отлично проецируется в окне. Вот вам первый срыв в плане. Профессор отказался давать обет и хочет подстраховаться. Логично, и мне придется играть по его правилам.

— Согласна, — повернулась я к Альрику.

— Прекрасно, — заключил он по-деловому. — Совместим клятвopoжатие по сделке с обетом. Поскольку сегодня новолуние и день наименьшей активности волн, для пущей уверенности приму от вас обет на крови.

— На крови? — переспросила я, решив, что ослышалась.

— Не волнуйтесь, Эва Карловна, обойдемся без кровавых жертвоприношений и вскрытых вен. В новолуние, как вы можете помнить, обещания и клятвы имеют наименьшую силу, и при умелом подходе можно уклониться от их выполнения.

— Но я не смогу! — воскликнула, возмущившись наветом. Мало того, что у меня нет ума и способностей, а как ни скрывайся, рано или поздно обязательства найдут любого клятвooтступника, и тому немало подтверждений. В истории висорики приобрел легендарную известность аферист мирового масштаба Венька Золотой зуб, который заключал сделки в безлунные дни, а потом сматывался, не выполнив условия договора. Его хитрости и таланта хватило на восемь лет пряток, прежде чем он в одно мгновение сошел с ума и стал овощем. Психика Веньки не выдержала накатившего возмездия за десятки обманутых людей. По сравнению с гением аферы я — ноль без палочки.

— Как знать, — заметил философски профессор. — Итак, вы согласны?

Колебания были недолгими.

— Хорошо, — согласилась я ослабевшим голосом и опустилась на соседний табурет.

Мужчина достал из шкафчика фужер, плеснул в него вина, и, макая палец в спиртное, вывел на столе сложную квадрогранную печатью обета. Затем Альрик ушел из кухни, и пока он отсутствовал, я встревоженно егзила на табурете. Перспектива кровопролития замкнула в голове клеммы, отпуская поводья страха. Вдруг профессор потребует отрезать палец или ухо?

Появившись в проеме, мужчина положил на стол небольшой футляр и флакончик с прозрачной жидкостью.

— Это спирт для стерилизации. Эва Карловна, вы побледнели. Не волнуйтесь, на моей и вашей ладонях будут сделаны неглубокие надрезы, которые затронут поверхностные капилляры. Порез быстро заживет, и через день-два вы не вспомните о нем.

Я судорожно вздохнула.

— Вы можете отказаться, — предложил Альрик.

— Нет времени. Соглашаюсь на ваше условие.

— Неужели безвыходная ситуация?

— Да.

— Помните шаблон обета на новолатинском?

— Приблизительно, — нервным движением я отбросила мешающую челку назад.

— Для верности напишу на бумаге.

Мужчина исчез из кухни, и опять потекли томительные минуты ожидания. Появился он с листком, исписанным убористым почерком.

— Держите.

Я приняла бумагу дрожащими пальцами. Альрик тщательно вымыл руки в своей любимой раковине, вернулся к столу и, открыв футляр, вынул с бархатного ложа небольшой ножичек с заточенной головкой. Скальпель!

Взгляд заметался по столу между печатью рун. В моей памяти всплыли обрывки знаний из курса символистики: прямые линии проводить справа налево и ни в коем случае наоборот, больше пяти символов в одну руну не соединять, волны связывать в нечетном количестве.

Много лет назад один ученый-висорик обнаружил описание ритуала обета в древнем трактате о ведьмах, пылившемся в хранилище рукописей некоего монастыря. Неожиданная находка оказалась манной небесной для маниакально настроенных ученых, у которых руки и прочие органы чесались до сенсационных открытий. Не прошло и года, как правила обряда перевели на сухой язык обоснованных символов и формул, отчего сила церемонии возросла неимоверно, подпитываясь энергией невидимых волн. Необходимость в жертвоприношениях отпала, а ритуал стал цивилизованным и культурно прилизанным. И теперь, по вине близоруких очкариков, охочих до научной славы и известности, я сидела на кухне напротив самого привлекательного мужчины на свете и, оцепенев, наблюдала за приготовлениями. Красноватые разводы на столе, сплетенные в знаки, выглядели зловеще в электрическом свете, напоминая о том, что скоро прольются реки чьей-то крови. Я поежилась.

Альрик объяснил, одновременно растирая свою ладонь ваткой, пропитанной в спирте:

— Жидкость не высыхает, потому что на символах завязаны волны, которые гасят энергию испарения в стремлении высвободиться. Теперь ваша очередь, — обхватил мое запястье и энергично освежил влажной ваткой полигон для дачи обета. — Не сжимайте.

Руку-то я не сожму, зато внутри всё сжалось и сморщилось до размеров усохшего огрызка. Неизбежность предстала во всей красе: назад пути нет, и профессор пойдет до конца — нацедит трехлитровую банку моей кровушки и выпьет до дна, а потом утрет красные усищи и отвалится как сытый клещ.

Пока фантазии заворачивалась слоями темных извращений, Альрик взял скальпель и безжалостно провел по своей ладони. словно загипнотизированная, я смотрела, как темно-красные капли окропили столешницу. Не дав опомниться, мужчина молниеносно провел острым лезвием по моей раскрытой кисти, и прежде чем рука рефлекторно дернулась назад, крепко схватил, ладонь к ладони, чтобы наша кровь смешалась.

— Слова обета, — напомнил, удерживая рванувшуюся лапку. — Проговаривайте четко, иначе придется полосовать повторно.

Сглотнув, я начала читать слабым голосом, стараясь не отвлекаться на острую боль:

— *Ego ad propitius anime et sin violenti voto faciri non in sensos, at in exhiberos: neve dicti, neve acti non gestari secretum nigeri tridensa et omnes, quido cum contensus. Sic adipisci egi invitabilu mut ultra violari faciro.*^[24]

Дочитала, и хватка профессорской руки чуть ослабла. Альрик неуловимо улыбнулся, явно довольный сделкой. Еще бы не радоваться: он и денежки получит в случае удачного исхода дела, и тайну сохранит, а мне теперь нужно молиться, чтобы первый пожизненный обет оказался успешным, и о "трезубце" упоминалось только в мыслях.

Разомкнув объятие рук, мужчина обмазал палец кровью с ладони, вывел в центре квадрогаммы руну, закрывшую печать обета, и тут же занялся обработкой порезов. Видимо, из-за того, что сила пожатия оказалась велика, моя рана практически не кровоточила. Почему-то вспомнился вечер в машине Мэла, когда из крохотной царапины кровища текла

безостановочной струей.

Пошевелив пальцами, чтобы прогнать онемение, я зашипела, когда профессор протер порез спиртом, удерживая трепыхнувшуюся руку.

— Необходимо, чтобы зажил самостоятельно без стимуляции и обезболивания, — сказал, умело перебинтовывая мою лапку и не обращая внимания на свою посеченную ладонь.

Как камень, — подумалось с невольным страхом и уважением. Альрик также быстро обработал свой порез и умудрился укутать его в бинт здоровой рукой.

— Болит? — спросил, когда я сморщилась от нового болезненного витка, попытавшись согнуть пальцы.

— Есть маленько, — пожалала равнодушно плечами. Вот еще, не собираюсь показывать свою слабость. В моем возрасте лишь единицы смельчаков связывают себя пожизненным обетом, так что теперь я круче всех желторотых студентиков, вместе взятых.

Как назло, зачесался язык, чтобы поделиться с кем-нибудь новостью, прихвастнув в обязательном порядке.

— Неприятные ощущения скоро пройдут, — пообещал профессор, вернув инструмент экзекуции в футлярчик.

— Не думала, что бывают обеты с взаимным кровопролитием.

— Для обряда я использовал смешанный состав крови: вашей и моей. Печать не откроется в случае смерти любого из нас, — ответил Альрик, намекая на себя.

Каков перестраховщик! Когда я отойду на небеса, о "трезубце" подавно никто не узнает. Если он умудрится скончаться раньше меня, цепи обета не разорвутся, и профессор сохранит свое имя чистеньким на веки вечные, чтобы не разочаровать многочисленных родственников, друзей и влюбленных фанаток. Они придут на его могилу, положат цветочки и прослезятся, прочитав благочестивую эпитафию на надгробной плите, а я буду стоять в тени кладбищенского дерева и посылать мысленные ругательства "трезубцу" в загробный мир, потому что если начну ругаться вслух, то тут же отправлюсь к покойнику за компанию.

Отгнав скорбную картинку, я перевела взгляд на стену и только сейчас заметила, что она не просто выкрашена монотонной голубой краской, а имела тщательно подобранные переходы оттенков, весьма правдоподобно похожие на небо и зрительно расширяющие узкий пенал помещения. Очевидно, Альрик любил открытые пространства и ухищрялся различными способами создавать иллюзию простора в условиях мегаполиса.

— Знаю, что раритет при вас. Несите его сюда, — сказал мужчина, переключив мое внимание со стены на более волнующие вещи.

Я бросилась в прихожую к сумке, сиротливо жавшейся к шкафу. Долго возилась с замком, потому что берегла перебинтованную конечность, вышедшую из строя на неопределенное время. Всё-таки не роботы мы, чтобы как Альрик игнорировать боль, пусть не смертельную, но не дающую забыть о себе. Вернувшись с булькающей фляжкой на кухню, я ощущала себя мученицей, агнцем божьим, отданным на заклятие во имя великой цели. Стол, послуживший алтарем стихийного ритуала, сиял стерильной чистотой без винных разводов и подсохших капель крови.

— Вот, — протянула я баклажку.

Профессор осмотрел каждую выпуклость и ямку на чеканке, заметил значок V, перечеркнутый единицей, и хмыкнул. Отвинтив крышку, осторожно понюхал, а потом обмакнул кончик пальца и облизнул.

— Неплохая вещь, — признал, подбросив фляжку в руке. — Коньяк хорош, спору нет. Объем пол-литра или, точнее, четыреста восемьдесят с мелочью. Откуда алкогольный рай?

В силу вступило второе условие сделки.

— Вытащила из бардачка, когда отец вышел из машины.

— Зачем?

— Назло ему.

— Когда вы взяли емкость, сколько в ней было жидкости?

— Примерно четверть.

— То есть вы знали, что фляжка является раритетом, и сознательно умыкнули её?

— Ничего я не знала, — ответила, уязвленная словами мужчины. — Схватила первое попавшееся под руку и сунула в сумку. Когда фляжка закончилась, хотела выбросить её, а она снова оказалась полной.

— Сосуду требуется время, чтобы сгенерировать жидкость требуемой консистенции. Хорошее дело не терпит суеты, — пробормотал Альрик. — Рисунок выбран не случайно, что же говорить о начинке? Уникальная вещица. Могу заключить, что фляжка являлась именным подарком вашему батюшке. Кстати, как его имя?

Клятвопожатие требовало искренности, и я назвала.

— Не удивлен. Давно предположил, что Влашек — ваш отец.

— Откуда? — изумилась я, позабыв о покалывании в порезанной ладони. Наверное, профессор туго забинтовал её.

— Кто при власти занимает пост, достаточный, чтобы устроить дочь в институт с вис-уклоном? Высокопоставленный чиновник. Много ли отыщется в нашем правительстве руководителей с редкой фамилией Папена и именем Карл или Карол? Беглый поиск по фамилии не выявил результатов, и я переключился на выборку по вашему отчеству. Заинтересовавших меня чиновников обнаружилось четверо. Первый — дряхлый старик, советник в отставке уже лет двадцать, второй занимает малый чин, чтобы обладать соответствующими полномочиями и связями, третий молод, чтобы быть отцом взрослой дочери. Методом исключений отсеялась кандидатура заместителя министра экономики.

— Да, это он, — признала я жуткую тайну. Всё равно о ней вскоре узнают.

— Почему у вас разные фамилии?

— По словам отца, чтобы я самостоятельно добивалась успехов в жизни без протекции и воспитывала в себе сильную личность.

Профессор мимолетно улыбнулся. Наверное, сопоставил меня с твердым волевым характером и провел между этими понятиями жирный знак неравенства.

— Почему Папена?

— Потому что фамилия матери. После развода с ней отец женился во второй раз.

— Общие вехи биографии вашего батюшки мне известны. Информацию легко найти в периодических изданиях и прочей справочной литературе.

Конечно, невозможно срывать от обывателей факты из жизни видного политика. Благодаря отличной карьере мой родитель удостоился нескольких строчек в третьем томе дополнений к Большой универсальной энциклопедии.

— У вашего отца много достижений, и могу предположить, что он еще не достиг своего потолка, — добавил Альрик, намекнув, что до шлагбаума со знаком "Стоп" моему папеньке рановато, и что мой папенька в самом соку и готов к новым свершениям. Неужели следующей остановкой будет пост министра или — фантастически крамольная мысль —

должность премьер-министра?

— Фамилия Папена мне незнакома, и её нет в генеалогических справочниках. Ваша матушка происходит из "новых" висоратов? — допытывался профессор.

Знатно он подошел к вопросу! Урвал бесценные минутки у времени, отведенного для научных опытов, и изучил многотомные родословные, рассчитывая найти какую-нибудь зацепку обо мне.

— Разве у родителей-висоратов может родиться "слепой" ребенок? — ответила я вопросом на вопрос.

— Такое бывает. Очень редко, но бывает. Так называемый *sindroma unicum Gobuli* ^[25], встречается один раз на двести тысяч. Вы можете не знать об этом узкопрофильном научном термине. Исаак Гобул обнаружил и изучал генетическую мутацию, возникавшую, если один из родителей являлся висоратом новой волны.

Рассказывая, Альрик говорил медленно, обдумывая каждое слово, потому что коснулся скользкой темы о моей бесталанности, довлеющей над ним обетом молчания. А ведь профессору ничего не стоит укокошить меня, не вызвав подозрений, и освободиться от груза пожизненных обязательств, — пришла в голову неожиданная мысль, заставив с испугом воззриться на собеседника. Нет, если бы он захотел, то давно сделал, — успокоила себя, вспомнив слова: "Я не убийца".

— К сожалению, работы Гобула посчитали неактуальными и перестали финансировать, но кое-какие наработки сохранились, правда, разрозненные и неупорядоченные, в частности, статистика, — закончил мужчина краткую лекцию.

Я задумалась. Хотелось бы мне оказаться синдромом, о которой рассказал профессор? Какая выгода в том, что меня назовут несчастливым исключением из двухсот тысяч, которым повезло родиться со способностями? Сколько не меняй шило на мыло, называя красивыми терминами, а ничего не изменится — волны по-прежнему останутся недостижимыми.

— Вы заблуждаетесь. Моя мать не видела волн, как и я, поэтому исследования вашего Гобула — не обо мне.

Сказанное было правдой. За годы, проведенные у тетки, мне неустанно вдалбливали, кто я есть на самом деле — берздарщина, перенявшая от матери всё самое плохое и отвратительное, обуза для отца, пятая нога у собаки, дармоедка и прихлебательница.

Профессор помолчал.

— Вы видите с ней?

— Нет. Отец не разрешает во избежание слухов.

— Как же вы общаетесь?

— Никак. Перед разводом отец забрал меня от матери и отвез к тетке. Точно не помню, мне было лет пять или шесть, а может быть, четыре.

Альрик задумчиво смотрел на меня, постукивая подушечками пальцев, а я с деланной безучастностью уставилась на настенную синь. Вот бы полететь птицей, расправив руки-крылья, на край света, где не бывает проблем и бед! Увы, от горестей не спрятаться в дальнем углу, закрыв как в детстве лицо руками. Беды рыщут как голодные псы и чуют поживу, настигая повсюду.

— Как зовут вашу матушку? — спросил мужчина, как мне показалось, с жалостью. А и не надо меня жалеть. Мне вашей жалостью не напиться и не согреться, только душу травить.

— Не знаю, — ответила я, сделав вид, что увлеклась качеством бинтования порезанной

руки.

Сколько снов-воспоминаний прошло через меня, а ни разу не аукнулось и не вспомнилось мамино имя, как и ее облик. Зато осталось воспоминание о ласковых руках и тихом голосе, слегка растягивавшем гласную "а", напевая колыбельную, кусочек которой врезался в память:

"Для любимой доченьки
Выключу все звездочки
И укурю ангельским крылом... "

Но Альрику незачем знать. Он пожелал услышать сухие факты, а не забитый соплями, швыркающий нос, поэтому сцепим зубы и сожмем рот полоской.

— Где вы жили до того, как уехали с отцом?

— Помню отрывочно. Где конкретно, не знаю, но в небольшом доме. Кровать в углу и стены из круглого бруса. У меня руки были постоянно в занозах, потому что дерево необработанное. Зато как пахло! Еще помню сад у дома, и вроде бы весна, потому что побеленные стволы у деревьев, а у двери стояли грабли.

Пока я говорила, профессор внимательно слушал.

— Не густо. Остались какие-нибудь вещи или фотографии?

— Была одна, мелкая и нечеткая, но ее порвал... Касторский, — вспомнила о бывшем однокурснике и черно-белом квадратике, но лицо улыбающейся женщины с фото истерлось из памяти, как я ни силилась восстановить образ.

— Пробовали разыскать её?

— У меня уговор с отцом. Получаю аттестат, и он дает мне адрес матери. Осталось вытерпеть совсем немного, — сказала я с иронией и, стянув с шеи шнурок с брошкой, подала Альрику.

— Что это? — поднес он безделушку к глазам.

— Наверное, от мамы, но не уверена.

— Интересно, — сказал мужчина, вглядываясь в узор. — Ждите здесь.

Он ухромал из кухни, забрав с собой бесценное сокровище, и у меня будто легкие наполовину обрезаю. Я тревожно вглядывалась в коридор, наливаясь паникой, и едва не бросилась разыскивать профессора по квартире. Хорошо, он недолго отсутствовал, вернувшись на кухню с большой лупой в руке.

— Занятная штучка, — сказал, устраиваясь на табурет. — Хотите чаю?

Я замотала головой. Так обьелась на год вперед, что пояс юбки натер мозоль на раздутом животе.

Альрик навел увеличительное стекло на витые прутики.

— На редкость кустарная и безграмотная вещь, созданная разве что тем, кто не видит волн. Если усилить узор нужными символами, видоизменить плетение и завязать парочку волн, ваше украшение работало бы как сильнейший передатчик эмоций на большие расстояния. Несмотря на грубейшие ошибки, видно, что мастер талантлив, хотя и работал интуитивно. — Мужчина протянул мне лупу и брошку. — Посмотрите, прутики обвязаны волосом, как и междуузлия. Склонен думать, что он принадлежит тому, кто хотел принимать ваши эмоции с другой стороны.

— С другой стороны? — переспросила я непонимающе.

— Да. Я уже говорил, что украшение могло бы работать мощным передатчиком, но рассылает слабые импульсы, и не уверен, что они доходят до адресата. Но при потрясениях,

связанных с большими переживаниями, сигнал может усиливаться.

— Я и представить не могла! — воскликнула, изучая под увеличительным стеклом шероховатости переплетения. Наверное, мама надела брошь на меня, надеясь поддерживать связь таким образом. — Но как работает передатчик?

— Медальон согревается теплом вашего тела и излучает эмоции в зависимости от биохимических показателей организма. Он работает по принципу духов, реагируя на повышение температуры, учащение сердцебиения, частоту дыхания. Вещица грубовата, как если бы мастер создавал ее наобум. Имеются зачатки знаний по висорике, но на подсознательном уровне. Так было до начала висоризации.

— А почему брошка невидима?

— Невидима? — удивился Альрик.

— Когда надеваю её, она пропадает для чужих глаз, но иногда показывается.

— Могу дать то же объяснение, — сказал он, подумав. — Вы начинаете доверять человеку и успокаиваетесь. Пульс замедляется, как и сердцебиение, мышцы расслабляются, наступает фаза "доверительного спокойствия", и медальончик чудесным образом возникает из ниоткуда, хотя вы носили его, не снимая. Это подарок вашей матушки?

— Не могу сказать с уверенностью. Наверное.

— В узоре использованы необычные символы, — сказал профессор и потянулся за брошкой, которую я неохотно вложила в его ладонь. — На первый взгляд неказистые перевитые прутики, но на деле древние знаки, встречавшиеся у некоторых народностей, живших более трех тысячелетий назад. В качестве исходного материала взята ольха. Недурственно, весьма недурственно, — пробормотал он, увлекшись рисунком плетения. — Позвольте зарисовать?

— Нет, — отказала я резковато.

— Ваша воля, — сухо согласился Альрик, вернув брошь, которую я немедленно надела на шею, и с души словно камень упал. — Ни разу не встречал украшение, подобное вашему. Можно сказать, исключительное.

— А я встречала.

— Неужели? И где? — спросил профессор, подойдя к плите, и поставил чайник греться.

— Здесь, в столице.

— Среди висоратов считается дурным тоном носить бездарные вещи, — заметил Альрик с усмешкой в голосе. — Наверняка вы видели украшение на ком-то из "слепых", и наверняка оно не имело ничего общего с узором на вашем медальоне. Обычная бижутерия.

— Так и есть, — внезапно вспыхнула я, раздражаясь от его снисходительного тона. — Бижутерия на "слепом" с западного побережья.

Мужчина развернулся и, опершись спиной о стол, пристально посмотрел на меня.

— Вряд ли. Приезжие с западного побережья не разгуливают по столичным улицам, заводя знакомства с девушками.

— Этот человек носил браслет со звеньями, в точности повторяющими рисунок на брошке, — повторила я с упрямством. — И он приехал с побережья.

— И что же делал ваш знакомый в столице, простите за любопытство? — спросил Альрик.

Любопытство не порок. Мне удалось поразить профессора, которого трудно чем-либо удивить, всего лишь показав невзрачную самодельную брошку на шнурке. Ишь с каким интересом начал расспрашивать, аж глаза заблестели.

Что делал Марат в столице? Три года обслуживал институтский горн, имея кровоточащие знаки на спине. Как пить дать, незаживающую треограмму вырезали с определенной целью, и парню пришлось выплачивать мучительный долг. Возможно, Альрик сталкивался с горнистом в институте, а может, они никогда не встречались, потому что ВУЗ огромный, и в нем работает уйма народу.

Пусть Марат уехал домой, я не скажу о нем. Профессор начнет расспрашивать и уточнять подробности: где, когда, почему; непременно что-нибудь заподозрит, станет выстраивать свои знаменитые логические цепочки и сделает сногсшибательный вывод, о котором не будет молчать. Кто знает, вдруг мой ответ навредит "солнечным" горнистам? На чердаке парень упомянул, что ему нельзя разгуливать по институту. Вдруг ребята, обслуживающие горн, втихомолку нарушают разные запреты, а я неосторожным словом навлеку на них наказание?

— Вопрос затрагивает интересы другого человека и не относится к сделке, — ответила я твердо.

— Не относится, — согласился мужчина и выключил плиту, невзирая на едва зашумевший чайник. Видимо, расхотел чаевничать. — Однако своими словами вы дали пищу для размышлений. Я мог бы помочь, будь у меня больше информации.

Предпочитаю самостоятельно пережевывать съестные запасы для ума. Если браслет Марата умел прятаться от чужих глаз, как и моя брошка, то я заметила украшение, потому что парень поверил мне. Не могу подвести его.

— Спасибо, справлюсь сама.

— Как будет угодно, — ответил сухо профессор и подошел к столу. — Вернемся к делам насущным. Над созданием вашего раритета поработала команда талантливых мастеров, которая задействовала уникальное оборудование. Фляжку я забираю. — Увидев испуг в моих глазах, он объяснил: — На проверку, разумеется. По окончании работ крышка сосуда будет замурована, и в довершение получите заключение на бумажном носителе.

— Сколько времени уйдет на экспертизу? — спросила я, разволновавшись. Вот оно, счастье! Совсем близко, стоит лишь протянуть руку. Не зря мне пришло в голову примчаться в выходной день, чтобы подпортить имениннику праздник своей настырной физиономией.

— К чему спешка? Вас что-то подгоняет? — увильнул от ответа Альрик.

Я попыталась показать деловое хладнокровие:

— Вопрос не по существу.

— Не по существу, но если хотите, чтобы я поторопился, объясните причину. Условиями не оговорено, когда необходимо завершить работу, а ею можно заниматься сколь угодно долго, например, до лета.

Всё пропало! — подпрыгнула я в отчаянии на табурете. Надо же умудриться позабыть об одном из важных пунктов — сроках сделки! Видно, не получится из меня хитромудрого дельца, как ни пыжься.

— Мне вручили приглашение, совсем неожиданно, на прием "Лица года". Вы знаете об

этом мероприятии, — пояснила я жалобно. — А денег у меня нет.

— Вас пригласили? — изумился мужчина и нахмурился, посерьезнев. — Ваш сокурсник Мелёшин?

— Нет, — растерялась от внезапной суровости тона, и будто пелена спала с глаз: я вдруг поняла, что Мэл и профессор недолюбливают друг друга. Несмотря на разницу в возрасте и отсутствие общих интересов, испытывают неприязнь друг к другу, которую с трудом сдерживают. — Знакомый студент с факультета внутренней висорики. Занял первое место на чемпионате и получил два билета на прием.

— Обратитесь за помощью к отцу. Уверен, он не пожалеет средств на событие года.

— У нас очень натянутые отношения, — отвела я взгляд.

— И вы нашли выход, решив продать раритет, украденный у собственного отца, с которым у вас натянутые отношения?

— Да, — признала я, неприятно задетая тем, что Альрик назвал меня воровкой, хотя он прав.

— Разве батюшка не догадался, что вы стащили у него уникальную вещь?

— Наверное, нет, иначе давно бы потребовал вернуть.

— Ценные предметы не бросают небрежно в бардачок машины. Их хранят под бронированным стеклом на бархатной подушке, не оставляя ни на секунду без выключенной сигнализации. Халатность вашего батюшки настораживает. Могу предположить, что он получил фляжку неофициальным путем, не являясь законным владельцем, и поэтому помалкивает о пропаже.

Когда я вникла в слова профессора, увлекшегося рассуждениями, меня прошиб холодный пот. Догадка, осенившая Альрика, казалась нереальной, но в то же время правдоподобно объясняла бездействие родителя. Если фляжка имеет приличную ценность и является именным подарком какого-нибудь высокопоставленного руководителя, отец свернул бы горы в поисках пропавшего раритета. Поскольку меня никто не тряс, требуя признаться в краже века, умозаключение о причастности папеньки к подозрительным делишкам ударило по голове словно обухом.

Нет, нет, нет и еще раз нет, — убеждала я себя. Мой отец не такой: он слуга общества и стоит на страже его благополучия, он добропорядочный гражданин и не замешан в грязных махинациях, он кристально чист перед народом и вышестоящим начальством. Но пронизательность Альрика, сделавшего очередной логический вывод, просочилась струйкой сомнений, подточив веру в родителя, которого я возвела на пьедестал честности и неподкупности. Если предположения профессора верны, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы имя отца было упомянуто в истории с фляжкой, иначе мне придет конец, быстрый и беспощадный. Папенька пойдет ко дну, скомпрометированный сомнительной аферой, но успеет скрутить мне шею и завязать длинный трепливый язык узлом. Ой, мамочки!

— Пожалуйста, не говорите никому! — кинулась я к мужчине и, упав на колени, вцепилась в его рукав. — Он меня убьет! Непременно убьет!

— Успокойтесь, — Альрик поднял меня на ноги, обескураженный внезапным порывом. — Мы теперь партнеры и должны доверять друг другу.

Усадив меня на табурет, он всунул в руки стакан с водой. Зубы застучали по стеклу, а страх сковал судорогой горло. Кое-как мне удалось сделать несколько глотков, в то время как профессор наблюдал за попытками напиться.

— Дайте руки, — потребовал, когда я поставила стакан на стол.

Мужчина тщательно оглядел протянутые мной руки. Наверное, ему не понравились обгрызенные конечности в цыпках. Я тоже поднесла ладони к глазам.

Плотное бинтование на правой руке не задело ниточку, проявившуюся на пальце тонкой цепочкой звеньев-волосинок. А ведь из моей памяти давно исчезло странное колечко, обнаруженное после прогулки по институтским подвалам. Оно не причиняло дискомфорта и не беспокоило меня, но почему-то взволновало Альрика. Вот почему он регулярно осматривал мои руки, и вовсе не плохие анализы являлись причиной визитов в лабораторию на пятом этаже!

Осознание очевидной истины обвалилось тяжестью реальности.

— Альрик Герцевич, что со мной? — спросила срывающимся голосом, предчувствуя истеричный слезопоток. — Я опасна? Меня кто-то укусил? Во мне теперь вирус, да? Поэтому меня осматривают через день? Не хочу его! — принялась сдирать ногтем "колечко", расцарапывая кожу. — Вырежьте его, пожалуйста! У вас же есть скальпель!

— Угомонитесь, Папена! — прикрикнул мужчина, встряхнув меня, и от неожиданности я прикусила язык. Острая боль отрезвила. — Никакой опасности, слышите? Взаимосвязь не установлена, но причин для паники нет. Ситуация под контролем. Сейчас дам успокоительное, которое вы выпьете.

— Хорошо, — согласилась я апатично, уставившись в пол.

Профессор накапал в стакан капель из пузырька, вынутого из холодильника. Проследив, чтобы я опустошила до дна, снова обхватил мою не порезанную обетом ладонь и стал поглаживать, изучая хаос линий.

— Две недели, — пробормотал он. — У вас случались перепады настроения? Тревожные предчувствия? Может быть, страхи или подавленность?

— Не помню, — задумалась я над вопросами. — Вроде бы не было.

— Завтра придете на осмотр в обязательном порядке. Повторяю, повода для беспокойства нет: как с рисунком на пальце, так и информацией, которая останется между нами, — вынес резолюцию Альрик. — Понятно, Эва Карловна?

— Понятно, — кивнула я, зачарованная командным голосом.

— Не вздумайте самостоятельно предпринимать какие-либо действия, — продолжал повелевать мужчина. — В частности, по вытравливанию рисунка или по спуску в подвалы института.

— Зачем в подвалы?

— Мало ли, — ответил неопределенно профессор. Наверное, решил, что брошусь институтские катакомбы в надежде отыскать Некту, чтобы начистить волосатую харю за самовольное кусание невинных студенток. Или Альрик беспокоился вовсе не обо мне, а о трехпалом жителе подземелья? Вдруг он знает о чуде-юде, обитающем в запутанных коридорах, но почему-то скрывает правду?

— А если я умру? — спросила с убитым видом. — Вдруг я медленно умираю, день за днем?

— Папена, на вас можно пахать двадцать пять часов в сутки, — утешил собеседник. — Рассматривайте произошедшее в подвалах как досадное недоразумение, которое я обязательно разрешу со временем.

Ничего себе мелочи! Меня укусило непонятное существо и, возможно, инфицировало неизвестным науке вирусом, а мне предлагают успокоиться. Вместо того чтобы увиливать и оправдываться, уважаемый профессор мог бы сказать честно, мол, тренируйся закрывать

глаза и красиво складывать руки, чтобы выигрышнее смотреться в гробу.

— Почему оно появилось? — повертела забинтованной рукой с "колечком". — Я думала, оно давно исчезло.

Альрик опять притянул мою ладонь к себе.

— Болит? — спросил, потирая легонько "цепочку" на пальце.

— Неа. Немножко чешется.

— Есть предположения по поводу природы вашего "колечка", но озвучивать пока не буду в силу неподтвержденности данных. К тому же недостаточно опытного материала. Но уверяю, Эва Карловна, жить вы будете и обязательно попадете на торжественный прием.

— Меньше всего мечтала об оказанной чести, — пробурчала я недовольно, хотя новоиспеченный деловой партнер был не причем.

— Насчет подробностей из вашей жизни, — продолжил непререкаемым тоном мужчина, и я уставилась на него замороженно. — Завтра, как придете на осмотр, завершим сделку. Получите заключение и взамен выполните оставшуюся часть уговора. На улице темно, как планируете добираться до общежития?

— На такси. Ой, неужели завтра всё будет готово?

— Сомневаетесь, Эва Карловна? — спросил высокомерно профессор.

— Ни капельки, — замотала я головой и с восторгом ответила: — Наоборот, потрясена!

— У вас есть каналы сбыта?

— Есть.

— Надежные?

— Да. Мы уже имели совместные дела, — прихвастнула я, умолчав о том, что дела с Алессом касались простенького клятвопожатия.

— Хорошо. Собирайтесь и ждите меня. Я сейчас оденусь.

— То есть?

— Отвезу вас, а то не ровен час, завезет такси в тмутаракань, и останусь без своих процентов. Партнера нужно беречь, холить и лелеять, — сказал мужчина, вновь перейдя на шутливый тон.

В смятении я застегивала куртку и обматывалась пятью слоями шарфа. Неужели великий и исключительный Альрик отвезет меня к общежитию? Что-то невероятное! Наверное, его укусил добрый комарик, выбравшийся из зимней спячки.

И Альрик действительно отвез меня домой, благородно и по-рыцарски, но это было после, а поначалу он набрал код на панели домофона и выставил таймер на две минуты.

Мы спускались в лифте в молчании, и на меня накатило смущение. Профессор заполнил собою крохотное пространство лифтовой кабины, а черная куртка делала его еще шире и квадратнее. Как и Мэл, он не удосужился надеть головной убор, игнорируя кусачий январский мороз.

Машина Альрика стояла у подъезда в небольшом кармане с заведенным двигателем. Мой спутник элегантно распахнул дверцу, и мне не оставалось ничего иного, как усесться на переднее сиденье. Профессор устроился рядом. Несмотря на его габариты, салон автомобиля оказался достаточно вместительным, чтобы мужчина не смотрелся глыбой, хотя машинка выглядела такой же игрушечной, как у дяди Мэла.

Альрик вел машину уверенно, не пользуясь зеркалами. Я же разглядывала сверкающие огнями здания, мимо которых проносился автомобиль. Правда, любоваться было неудобно,

потому что водитель вывел машину в самую дальнюю высокоскоростную полосу.

При подъезде к общежитию меня вдруг посетила идея. Лучше поздно, чем никогда.

— Альрик Герцевич, сверните сюда, пожалуйста, — показала я на перекресток у района невидящих.

Он не подал виду, что удивлен просьбой, и повернул в указанном направлении, остановив машину у продуктовой лавки.

— Подождите чуточку, я сейчас! — крикнула ему, вылезая из автомобиля и прихватив с собой сумку. Пусть меня проверят пять патрулей подряд — документы при мне. Увы, никто специально не караулил за углом, и через пару минут я снова села в машину профессора.

— Вот, — протянула большое красное яблоко. — С днем рождения! Простите, больше ничего не пришло в голову.

Мужчина повертел подарок в руках и вдохнул яблочный аромат.

— Спасибо, — улыбнулся и вытер фрукт салфетками из бардачка. Оттуда же достал складной ножик и ловко разрезал сочное яблоко на две половинки.

Альрик отрезал по дольке и угощал меня, не забывая о себе. Поначалу я категорически отбрыкивалась:

— Это для вас.

— Позвольте угостить своего партнера, — он обаятельно улыбнулся, и у меня не хватило духу отказаться. — На будущее скажу, что предпочитаю мясо во всех видах. — Заметив мое расстроенное лицо, рассмеялся: — Эва Карловна, не принимайте на свой счет. Подарок мне понравился. Но учтите, на экзамене буду спрашивать по всей строгости и не сделаю снисхождение.

— Конечно, Альрик Герцевич! Вовсе не думала подкупать вас. Вернее, я об экзамене и не думала. В голове сидит эта проклятая фляжка.

— Плохо, — сказал мужчина, сменив беззаботный тон на строгий выговор. Какой непредсказуемый товарищ! — Завалите экзамен — пойдете на пересдачи.

— Попробую сдать с первого раза, — ответила с деланной веселостью, а внутри все подкосилось от страха перед неизбежной двойкой. — Альрик Герцевич, я знаю, вы были на "Лицах года". Каково это?

Он посмотрел на меня с улыбкой:

— Очень хочется туда попасть?

— Что вы! Совсем не хочется. Не смогла отказаться по причине долга.

— Сочувствую. В таком случае действительно потребуются деньги. Учтите, вас осмотрят с головы до пят, а особо ретивые еще и рентген сделают.

Не удержавшись, я рассмеялась, и Альрик тоже. Мимо проехала одинокая машина, осветив нас фарами. Наверное, фургон первоотдельщиков поехал в последний рейс до отделения. Меня передернуло.

— Полагаю, вы не сказали отцу об участии в приеме.

— Нет.

— Советую предупредить его хотя бы за час до начала мероприятия. По крайней мере, ваш батюшка успеет сориентироваться и ответит на вопросы журналистов, не выставив себя посмешищем. В противном случае последствия его гнева будут непредсказуемы, я прав?

— Наверное, да, — признала, представив, как журналисты пристают к папуле, требуя рассказать о дочке, а он недоумевает по поводу того, что я оказалась на одном приеме с ним.

Все-таки к рекомендациям профессора стоит прислушаться, он повидал гораздо больше

меня и умудрен жизнью.

Покончив с яблоком, Альрик вытер нож салфеткой и положил в бардачок.

— Покажите руку.

Я протянула забинтованную конечность. Боль от пореза притихла, став терпимой. Мужчина погладил палец, отмеченный вирусносным Нектой, но не стал подносить ладонь к лицу, чтобы разглядеть получше. Видно, ему хватило скудного света уличных фонарей.

— Рисунок почти исчез, — заключил он, и я, выхватив руку, неверяще приблизила к глазам. Колечко ушло под кожу, снова превратившись в невидимку.

Что же это такое? Хочу — появляюсь, хочу — пропадаю. Хочу — даю жить спокойно, хочу — треплю нервы.

— Оптимистичная тенденция вселяет уверенность, — заявил профессор, упреждая новый виток вопросов, подозрений и страхов. — Не загружайте голову ненужными пустяками, а готовьтесь-ка к предстоящему экзамену.

Здорово, когда кто-то принимает за тебя решения, тем более такой умный и дальновидный как Альрик. Профессор не будет бросать впустую слова на ветер, — успокоила я себя. Если он сказал, что можно не обращать внимания на укус вероломного проводника из катакомб, так и быть, потерпим, пока не найдет способ избавиться от "подарочка" мохнатого Некты.

Без приключений мы добрались до институтских ворот, и Альрик заглушил двигатель.

— Большое спасибо. Наверное, я отвлекла вас от важных дел, — потупилась неловко. Поздно каяться, когда испортила человеку светлый праздник дня рождения.

— Наоборот, Эва Карловна. Большого удивления при вашем появлении на пороге квартиры мне не приходилось испытывать. Сказать по чести, заинтригован тем, какой фортель выкинете в следующий раз. Кто дал адрес?

— Стопятнадцатый. Сказала, что мне нужно на срочный осмотр, потому что у нас договоренность.

— Однако, — только и ответил мужчина. — Впечатлен. Пойдемте, провожу.

— Не стоит, вы и так потратили на меня много времени.

— Считайте мое внимание вложением инвестиций. Очень хочется получить пятьдесят процентов. Не прощу себе, если в двух шагах до общежития случится что-нибудь непредвиденное.

У меня вытянулось лицо. Не поймешь, то ли шутит, то ли говорит серьезно.

Профессор успел выйти из машины и открыл передо мной дверцу, предложив руку. Джентльмен с повадками хищника, — промелькнула мысль. Не упустит своей выгоды, даже расточая комплименты.

Мы прошли мимо ряда с ангелами. Сегодня вечером все постаменты оказались заняты — бродячие хозяева ступней и лодыжек вернулись, заняв свои места. Остановившись, я протерла глаза, разглядывая каменные лики, терявшиеся в тенях, куда не доставал свет фонарей.

— Что-то не так? — спросил Альрик, замедлив шаг.

— Не знаю, — пробормотала я неуверенно. — Ангелов забирают на реставрацию?

— Компания крылатых в сборе вот уже больше тридцати лет. За каждый год существования института прибавляется по ангелу. Считается, если этот период прожит без проблем и потрясений, значит, альма-матер находилась под защитой высших сил.

— А если случаются трагедии? — вспомнила я о пожаре в столовой. Можно ли отнести предновогоднее происшествие к бедам, способным лишить галерею нового постамента?

— Когда такое происходит, в наказание ангелов разворачивают лицами в противоположную сторону на весь следующий год за то, что плохо отгоняли напасти.

— А такое бывало?

— Бывало, — ответил профессор, нахмурившись. Видимо, вспомнил о неприятном событии из прошлого, но потом засмеялся: — Эва Карловна, вы купились на институтский фольклор.

— Пойдемте, Альрик Герцевич, а то замерзнете, — потянула его по аллее.

— Вы опять недооценили меня. Куртка создает локальный теплый колпак, который выдерживает до минус шестидесяти по Цельсию.

На ступеньках общежития мы остановились.

— До свидания, — сказала я. — Спасибо, что не отказали.

— До свидания, — профессор поцеловал галантным жестом незабинтованную руку, вызвав мое смущение. — Надеюсь на плодотворное сотрудничество.

Развернувшись, Альрик пошел, прихрамывая, по дорожке, а я смотрела вслед статной фигуре, пока та не скрылась за поворотом.

Новолуние не влияет на эффективность ритуала, и нет нужды скреплять обет кровью. Вышло удачно, что пигалица не знала об этом.

Чужой запах обволакивал ее, забывая обоняние. Едва раскрылись двери лифта, Альрик понял: мальчишка подобрался к ней ближе, чем обычный однокурсник, и стал чем-то большим и значимым.

Мгновенно принятое решение поначалу ошеломило, но проснувшийся азарт и предвкушение лишь обострили охотничьи инстинкты. Альрик переиграет сопляка, привязав малявочку к себе. В первые дни число ли-эритроцитов в крови ничтожно мало, но вскоре их количество увеличится. Достаточно пяти процентов, чтобы чувствовать связь и ненавязчиво диктовать свою волю.

Он развлечется, дергая щенка за усы, и нащелкает по носу, отобрав камешек, с виду неказистый и без ювелирной огранки, но дающий на свету удивительно чистую и глубокую цветовую гамму.

Кто говорил о совести? Она отдыхает.

Ур-ра! — скакала я по комнатухе, не в силах усидеть на месте. Завтра Альрик отдаст заключение на фляжку! Всё получилось, как я и загадывала. Отлично! Мне страшно повезло. Для полного счастья оставалось дожидаться Мэла. Поди, уморился, бедненький, рассортировывая дедушкины книги по полкам, и еле ноги волочит.

Листочек с адресом профессора изорвался на мелкие клочки и выбросился в унитаз. На этот раз бумажную мелочевку затянуло в канализацию без проблем.

Выйдя из туалета, я столкнулась в коридорчике с румяным Капой, только что прибывшим в общежитие по морозцу.

— Привет! — поздоровалась, искря энергичностью. — Сто лет тебя не видела. Как батя и Сима?

— Привет, — ответил парень, ковыряясь ключом в замке. — Батя завтра выходит на работу, Симон тоже держится молодцом. На следующей неделе его переведут в наш стационар.

— К Морковке?! Зачем?

— На реабилитационный период. В больнице не потянем, слишком дорого, а институт возьмет символическую плату. К тому же братан надеется сдать сессию, а дома и стены помогают.

— Сима молодец. Можно потом его навестить?

— Знаешь... пока не стоит, — замялся Капа. — Он... стесняется, что ли. Раньше нас с трудом различали, а теперь у него... в общем, лицо еще хуже, чем у препода по символистике.

— А что у препода по символистике? — начала я судорожно вспоминать необычности в облике Альрика.

— Ну, ты даешь! — хмыкнул парень и напомнил, показав, где проходит шрам у профессора: — У него же здесь... и здесь.

Наверное, отираясь около мужчины, я успела привыкнуть к нему, потому что совершенно не замечала ущербности. Ущербными бывают мозги или душа, а недостатки во внешности не имели для меня значения.

— Не буду же я молча пялиться на Симино лицо. Поздоровуюсь с ним и поболтаю.

— Лучше потом, — ответил парень с неохотой. — Сначала спрошу у него.

— Говорят, сейчас делают хорошие косметические операции, — вспомнила я одну журнальную статью.

— Делают за приличные деньги. Придется братану подождать, потому что по сусекам пусто. Будем набирать наличность.

Значит, по окончании реабилитационного периода Сима вернется в институт с обезображенным лицом, чтобы учиться, пока отец не наскребет сумму, необходимую на операцию. Сумеет ли парень выдержать, замечая, что на него пялятся и показывают пальцами? Надеюсь, у Симы хватит силы духа и твердости характера, чтобы не принимать близко к сердцу праздное любопытство зевак — мелочь по сравнению с тем, что он сделал самое главное: сумел выжить.

— Ладно, только ты обязательно спроси у брата, — напомнила я парню, а про себя решила, что если Сима откажется от посещений, приду без спроса в институтский

медстационар. У меня ведь дар заявляться туда, куда не звали.

Услышав голоса, выглянула из своей комнаты Аффа.

— Как съездила? — спросила она первым делом. — Я уж думала, не зайдешь, потому что обиделась.

— И я думала, что ты обиделась. Съездила удачно.

— Классно! Выбрала стилиста?

— Зачем?

— Как зачем? — удивилась девушка. — Нужно подобрать правильный и запоминающийся образ. На тебя будет смотреть вся страна. В прямом эфире, представляешь?

Я не представляла, но спорить с соседкой не решилась. Кошмар! Вообразила, как репортеры кричат в микрофоны: "Внимание, сенсация на экранах ваших телевизоров! Грандиозное падение на зеленой дорожке!", а на заднем фоне камера выхватывает меня, расстелившуюся под вспышками фотокамер и утянувшую за собой несчастного Петю. Нет уж, лучше выбрать незаметный образ, чтобы журналисты, увидев мою неземную красоту, позевали со скучающими лицами и накинулись на других гостей, просвечивая им внутренности.

— А стилист точно нужен? Может, как-нибудь без него?

— Ни в коем случае, — заявила категорично Аффа. — Зная тебя, скажу с уверенностью, что ты вряд ли соорудишь что-нибудь достойное. Нужно быть в курсе последних тенденций моды, а ты в ней полный ноль.

— Ноль, — подтвердила я собственную балбесность.

— Наличие имеется?

— Появится в конце следующей недели, — сказала с наглостью банкира, чей банк лопнул пять минут назад.

— Без аванса никто не согласится, — критически поджала губы соседка, размышляя. — Есть у меня одна мыслишка... и она мне нравится. Понедельник — легкий день, и завтра удача будет на нашей стороне.

— Спасибо, Аф, — поблагодарила я девушку и спросила жалостливо: — А этот... не звонил?

— Не звонил, — отрезала она. — И не выводи меня из себя. Я только к вечеру успокоилась.

Мало приятного в том, что Аффа, бескорыстно принимающая участие в моей судьбе, вступила в конфликт с моим парнем. Я очутилась на линии военных действий, и каждый выстрел противников попадал рикошетом в меня, заставляя чувствовать виноватой по отношению к воюющим сторонам.

Соседка заметила перебинтованную руку, и мне пришлось выдумать, что случайная царапина получена в поездке к отцу.

— Ох, Эвка, непутевая ты, — посочувствовала девушка. — Прости, что утром высказалась резко. Может, он и не болтун, но держись от него подальше. Он эгоист и попользуется тобой, не дав ничего взамен, потому что относится к категории "потребителей".

Осуждая, Аффа имела в виду Мэла, но я не стала её разубеждать. За короткое время близкого общения он подарил столько, сколько я не получила за всю свою жизнь, сделав меня богаче — мечтами, желаниями, страстями, надеждами.

Вернувшись в швабровку, взялась за ум. Поскольку Радик гостевал у своего дяди, необходимость в готовке отпала, а я наелась экспромтом на год вперед, навязавшись в гости к потрясающему мужчине. Какая большая у него семья, — отвлекшись от зубрежки, невольно сравнила семейство Вулфу с родственниками Мэла, которых мне довелось увидеть. Не пришлось долго раздумывать, кого из них наградить высокими баллами. Возможно, профессорская родня сделала нелицеприятные выводы в отношении меня, но им хватило воспитанности, чтобы промолчать и не подать виду, и я добавила плюсики за приличия.

Сегодня Альрик открылся передо мной в новом свете, показав себя почтительным сыном, любящим братом и заботливым дядей для племянников, однако его непредсказуемость озадачивала и в то же время волновала. Как я ни старалась, но не смогла воспринимать его бесполом преподавателем. Альрик был настоящим мужчиной: с искрами, вспыхивающими в глазах, когда он смеялся; с пристальным взглядом, которым, прищурившись, смотрел на меня, раздумывая о чем-то; с природной магией обаяния, выбивающей почву из-под ног и лишаящей душевного равновесия. А проклятая *bilitere subsensibila*^[26] его прикосновений просто убивала меня, прокатывая по обнаженным нервам волнами удовольствия. Ум и опыт профессора внушали уважение, а весомые и правильные слова заставляли прислушиваться к ним. Словом, мужской идеал с большой буквы снова заполнил мысли, отвлекая от учебы.

Отгнав кое-как образ Альрика, я вознамерилась честно-пречестно продолжить заучивание, но вспомнила о "колечке" на пальце и погладила замотанную в бинт лапку. Боль прошла, и порез начал потихоньку чесаться.

Завтра добьюсь от профессора более или менее внятного объяснения, чем мне может угрожать подарок подвального жителя. Определенно, мужчина недоговаривает, и если продолжит изображать наивную простоту, обращусь к декану за поддержкой. Пусть построжится и надавит на Альрика.

Я снова учила и вдабливала, не забывая поглядывать на часы, и умудрилась пропустить, когда стрелки сошлись на цифре "12". Мэл так и не приехал. Видно, случилось нечто из ряда вон выходящее, — подумала тревожно, укладываясь спать. Отсекала саму мысль, что интерес, о котором говорила Аффа, угас. Ведь Мэл пошел на конфликт с соседкой, позвонив вчера и сегодня утром, и его настойчивость о чем-то говорила.

Засыпая, я вспомнила о брошке и о разговоре с профессором. Вынув украшеньице из выреза майки, обвела пальцем перевитые прутики и поцеловала, послав в пространство заверение: я обязательно приеду! — для пущей уверенности подтолкнув мысленный позыв и придав ему ускорение.

Сомкнув глаза, дала себе установку: сдам сессию и засяду за поиски достоверной информации о западном побережье, благо позволят длинные каникулы и рабочее место в архиве, где хранится много полезной информации, и трижды секретные грифы на папках не помешают новой цели.

Ночью меня разбудил громкий стук на улице. Прошлепав босыми ногами по ледяному полу, я выглянула в окно. Ветер гнул деревья и пытался сорвать крыши с домов. По черному небу стремительно летели белесые рваные хлопья облаков, а невидимый лист железа на кровле грохотал под порывами ветра, силящегося сдуть город с лица земли.

Погода менялась, и менялась моя жизнь.

Под утро приснился странный сон, оставшийся в памяти предощущением ожидания.

Толстые, в несколько обхватов стволы, покрытые мхом. Упирающиеся в небо кроны, пропускающие по крупицам слабый сумеречный свет. Мрачный лес, замерший в ожидании, и я у корней гигантского дерева — пылинка в вечности.

С утра Мэл не появился и не пришел на сдаточную работу по символистике, и я не находила себе места, вертясь на скамье и гипнотизируя дверь аудитории.

Завтра экзамен, а его нет. Потоки студентов вливались в большое гулкое помещение, чтобы потрудиться на благо сессии, а Мэл изволил проспаться важное занятие после изматывающего труда в дедовской библиотеке. Может, сходить на факультет к элементарщикам и расспросить Макеса? Так и сделаю. Подожду до большого перерыва и схожу.

Приняв решение, я погрузилась в процесс защиты наспех сляпанной работы.

Альрик сдержал слово, вычеркнув вчерашний день из своей памяти. Сегодня он был неизменно элегантен, а красный цветок в петлице делал его похожим на щеголеватого франта. По рядам прошел шепоток, долетевший до меня: у препода день рождения.

Девчонки как одна пришли в коротких юбках и обтягивающих кофточках и с помощью зеркала проверяли крутизну покрашенных ресниц и идеальность губ, чтобы посылать воздушные поцелуи своему идолу.

Профессор вызывал зараз по несколько человек за длинный стол рядом с лекторской трибуной и выслушивал заготовленные студентами речи. Меня поразила скорость, с которой Альрик проглядывал многолистные труды и задавал вопросы по существу, мгновенно находя слабые места и прочие минусы исследовательских работ.

Девушки защищались хлопотнее, чем парни. Они эффектно забрасывали ногу на ногу, поздравляли профессора с прошедшим днем рождения, выслушивая сухое "спасибо" или "благодарю", деланно краснели или бледнели и жеманно поводили плечами, отвечая на вопросы преподавателя. У меня сложилось впечатление, что еще на отборочном этапе студентки решили застолбить места в группе пересдач, чтобы видеться с Альриком каждый день во время каникул, уж больно много девиц отсеялись ни с чем. Похоже, мою недоразвитую в символистике персону ожидало нечто подобное.

Когда дошла очередь до меня, профессор успел развалиться на комфортном стуле со спинкой и скрестил ноги, притомившись выслушивать невнятное беканье недоучек. Небрежно пролистав мою тощую работу с двумя детскими выводами в заключении, он разгромил в пух и прах куцые размышления о символьной видимости на расстоянии и, задав пару наводящих вопросов, на которые я вымучила нечленораздельные "э-э-э..." и "м-м-м...", со скучающим видом вывел в ведомости слово "допущена" в графе "теория". Рядом в графе "практика" стояла тройка, согласованная загодя Стопятнадцатым.

Вот счастье-то! — выползла я из аудитории, изойдя семью потами. Наверное, профессор не захотел портить себе продолжение праздника и последующие каникулы. На красоток в коротких юбках можно любоваться безотрывно, в то время как серая крыска под носом вызовет тоску и уныние на частых пересдачах.

Еще порадовало, что после большого перерыва народ двинется стройными рядами на практическое подтверждение навыков по символистике, а мой папенька уже оплатил авансом замученную троечку, и у меня нашлось свободное время, чтобы пойти и встряхнуть из пестроволосого дружка Мэла правду о том, куда пропал его товарищ.

По мере приближения к холлу моя решительность постепенно слабела, пока не

снизилась до минусовой отметки. Я находила идею все более нереальной и сумасшедшей. Вдруг элементарщики дружно засмеют меня? К тому же вместе с Макесом учится Аффа, которая сразу поймет и скажет брезгливо: "Совсем докатилась! Бегаешь за парнем, не отличаясь от стада брошенных овец. Где твоё достоинство?"

В общем, я маялась, уговаривая себя и решаясь, а можно было не мучиться пустыми сомнениями. Институтские двери открылись, и в холл вошли два принца с непокрытыми головами, — пестроволосый из-за разноцветных перышек и темноволосый, — и направились к раздевалке. Я заскользила следом, лавируя между студентами и стараясь не потерять из виду синюю куртку с меховым капюшоном. Мне показалось, Мэл выглядел уставшим и измотанным. Может быть, у него дома произошло несчастье, и он не посчитал нужным вовлекать меня во внутрисемейные проблемы?

Пока парни разоблачались и сдавали куртки, я очутилась с противоположного краю как раз напротив них. Тут Макес заметил меня и толкнул товарища в бок. Мэл поднял глаза и... ничего. Стоял и смотрел, не отрываясь, без тени эмоций на лице. Что же случилось? Воображение рисовало картины, одну ужаснее другой: что умер кто-то из близких Мэла, например, дед, или Мэл узнал, что он приемный ребенок, или отец лишил его наследства. Тьфу, ну и фантазии.

Пока страсти-мордасти накручивались на веретено, Мэл что-то сказал другу, и тот, бросив на меня быстрый взгляд, ушел к постаменту со святым Списуилом.

Я сглотнула. Неужели Аффа оказалась права в том, что интерес испарился, и сейчас последует развод мостов?

Мэл медленно двинулся по направлению ко мне и остановился в трех шагах, засунув руки в карманы брюк.

— Как дела? — поинтересовался, не поздоровавшись. Привычное дело.

— Привет. Нормально. А вот как у тебя дела? Почему не пришел на защиту сдаточной? — спросила я торопливо и остановилась, чтобы отдышаться.

— У меня тоже нормально, — ровно ответил Мэл. — Что делала вчера?

— Готовилась к экзамену, — слетело с легкостью с языка. Чем меньше знает мой парень, тем крепче будет спать.

— И как? Плодотворно? — продолжал он расспрашивать.

— Вполне, — пожалала я плечами. — Сегодня удалось защититься.

Мэл обегал по мне оценивающим взглядом, вверх-вниз и снова вниз-вверх, и я внутренне похолодела от тревожного предчувствия.

— Значит, провела день в учебе? И обо мне не вспоминала, наверное?

— Провела и вспоминала, — ответила я бодро.

— Надо же, — усмехнулся Мэл. — Тогда держи на память.

Он вытащил из сумки пачку цветных картинок и бросил на стойку. При ближайшем рассмотрении картинки превратились в цветные фотографии, и при взгляде на первую мое сердце остановилось. На ней я садилась в клоунское такси с малиновыми ромбиками у институтских ворот.

В висках забухало, изображение поплыло перед глазами.

— Полистай, Папена, там много интересного.

И правда, фотки оказались захватывающими.

...Я выхожу из такси у знакомого подъезда.

...Я сижу на лавочке, отмораживая пятую точку, и с тоской гляжу на дверь.

...Я нажимаю кнопки на подъездной панели.

Почему дрожат руки, а глаза боятся взглянуть на Мэла?

Последующие снимки были сделаны на длинной выдержке и получились слегка размытыми, потому что дело происходило вечером. Мне ли не помнить?

...Я и Альрик выходим из подъезда.

...Я сажусь в машину, а Альрик придерживает дверцу, помогая усесться.

...Я выбираюсь из автомобиля, и профессор протягивает руку.

...Я иду под ручку с мужчиной вдоль аллеи с ангелами.

...Я стою на ступеньках общежития, а Альрик целует мою лапку.

Божебожебожемой! Влипла. Попала, как кур в ощип.

— Ну, как? — спросил глухо Мэл.

— Крупный план, — ляпнула я невпопад, закусив губу.

— Стократное увеличение без потери изображения, — скривился он. — Значит, допы не помогли? Решила заработать хорошую оценку другим путем?

Как назло, подходящие слова упорхнули из головы, оставив лишь пустоту. Как оправдываться, когда твой парень уличил во лжи, и фотографии беспристрастно зафиксировали тебя в компании с тем, кого он не переносит на дух?

— Это не то, что ты подумал... — объяснила я с горящими от стыда щеками.

Мэл зло ухмыльнулся.

— Смотрю на тебя, Папена, и понимаю, что ты ничем не отличаешься от других. "Это не то, что ты подумал", — передразнил, в точности скопировав растерянную интонацию. — А что я должен думать, увидев тебя с ним? Скажи!

— У нас деловые отношения, ничего личного...

— Говоришь, ничего личного? — Он рывком вытянул из недосмотренной пачки фотографию, на которой я и Альрик смеялись, повернувшись друг к другу. Наши веселящиеся профили запечатлелись на фоне обивки автомобильных сидений. Красивое фото, хоть сейчас на выставку.

— Есть и другие ракурсы, — просветил едко Мэл. — Хорошие деловые отношения, которые длились шесть с половиной часов у него дома.

— У него был день рождения! — воскликнула я, решившись взглянуть на Мэла. Зря. Его лицо перекосило от ярости.

— Двух зайцев убила? Помчалась поздравить с праздником и заодно отработала оценочку?

Я задохнулась от гнусности предположения.

— Ничего подобного! Там было полно гостей! А встреча действительно состоялась по делу, — сказала звенящим голосом. Ведь не верит, по разгневанному лицу и побелевшим костяшкам видела, что не верит. Я бы тоже не поверила.

— Какие могут быть дела с преподом вне стен института? Объясни простому лопуху, — спросил Мэл с обманчивым спокойствием.

— Н-не могу... Я обещала... — посмотрела на него с мольбой. Поверь же, что не вру!

— А ведь ты, Папена, хорошо пристроилась, — сказал ровно Мэл, хотя его

самообладание натянулось как струна. — Использовала спортсмена, так и не поговорив с ним, использовала меня, "готовясь" к экзамену на дому у препода, теперь используешь и его, — кивнул на фотографии. — Потому что тебе удобно и легко. Кто следующий в очереди?

— Никто! — выкрикнула я и понизила голос, потому что на нас начали оглядываться. — Твои догадки — чушь и ерунда!

— Придется вызывать его на димикату, — сказал он с досадой. — Что за невезуха с бабами?

Только не димиката! Это же нонсенс — студент, бросающий вызов преподавателю. Мало того, что Мэл заранее обречен на поражение, потому что преподавательский *spiritus intacti*^[27] не пропустит ни одного заклинания, после димикаты Мелёшина вышвырнут из института со скандалом и с грязным пятном в личном деле. Но чертова висоратская честь не позволит Мэлу спустить позор на тормозах, и он не отступится от провальной идеи.

— За него боишься? — спросил Мэл, видимо, заметив мое безмолвное потрясение.

— За тебя, — сделав шаг навстречу, я остановилась. — Не вызывай. Пожалуйста!

Он хмыкнул.

— А на колени встанешь?

— Встану, — согласилась вполголоса. — Не вызывай.

— Одно утешает, — ответил Мэл лениво, поедая меня глазами, в которых загорелись тонкие зеленые ободки. — Никто не знает о том, что я тебя... поимел. Для коллекции. Так и быть, пусть твой хахаль, — кивнул на фотографии, — продолжает хромать на одну ногу, а не на обе.

Меня аж подбросило. Козел! Поимел он меня!

— Он не мой! — выкрикнула, позабыв, что нахожусь в общественном месте с многочисленными ушами. — И ничего не было, гусь ты длинношей!

Мэл развернулся, собравшись уходить, и обронил через плечо с нехорошей улыбочкой:

— Теперь у тебя будет уйма времени на деловые отношения. Зато я опередил его, хотя не был первым. Кто снимал сливки, а, Папена?

— Снимают достойные, — огрызнулась я в ответ на гадливые слова, и его рука сжалась в кулак, а изумрудные ободки расширились, накрывая радужки.

Мэл процедил:

— На благородство не претендую, и так неплохо живется. Мой тебе совет — прибери фотки.

Намек ясен. Фанатки профессора растерзают и меня, и улики.

Мой бывший парень направился к товарищу, дожидавшемуся у Списуила, и друзья скрылись в юго-восточном коридоре. Они ушли, а я обессиленно привалилась к стойке.

Мерзко, мерзко. И не отмыться — от собственной лжи, от похабной грубости Мэла.

Вот и закончилась песня на первом куплете. Для нереальных везунчиков.

Отвлечение номер 2 к прологу

Лейтмотив: безвыходных ситуаций не бывает

За сорок шесть лет до описываемых событий

Кирилл гнал на запредельной скорости, благо маячок на крыше помог расчистить полосу, заставляя водителей жаться к обочине и пропускать машину с синими правительственными номерами.

Пот заливал глаза, руки дрожали, норовя отпустить руль.

Он должен успеть. Обязательно успеет, иначе и быть не может. Ему рано подыхать по собственной глупости.

Автомобиль свернул с дороги на аллею, на повороте пропахав колесами газон и расшвыряв мусорные баки, содержимое которых рассыпалось по идеально подстриженному травяному ковру. Тенистая аллея промелькнула стремглав, приведя к трехэтажному беломраморному особняку в окружении столетних дубов, и машина резко затормозила на площадке, засыпанной розовым щебнем. Бросив дверцу открытой, Семут с трудом выбрался из машины и шатающейся походкой глубокого пьяницы поднялся по ступеням. Ноги налились тяжестью, и каждый шаг отдавался в голове острой болью.

Осталось немного: пройти через просторный холл с зеркалами, подняться на второй этаж по изгибающейся лестнице с резными перилами и, постаравшись не налететь в гостиной на мебель, спрятанную под чехлами, доползти до ванной.

Чем ближе, тем хуже. Слабость парализовала мышцы, и пришлось передвигаться, держась руками за стену, подолгу отдыхая. Последние шаги дались с трудом — в час по чайной ложке. В голове звенело, зрение плясало, а тело затрясло в ознобе.

Проклятье! Кирилл умудрился не рассчитать силы, устраивая по просьбе Волеровского демонстрационный показ на светском рауте. Он знал лимит своих возможностей, но сегодня на создание *soluti*^[28] ушло больше времени, потому что волны ускользали, потревоженные вспышками на Солнце.

В следующий раз нужно скрупулезно просчитывать силы, но это будет в следующий раз, и до него ещё нужно дожить.

Волеровский был предусмотрительнее, нося с собой инъекционный портативный пистолет, и тщательно следил за тем, чтобы в барабане всегда имелись четыре запасных ампулы. В каждой из них находилась доза, рассчитанная на килограмм массы тела премьер-министра, должность которого Волеровский занял после гражданской войны.

В свое время Кирилл легкомысленно отказался от эксклюзивной разработки ученых "Виса-2" и сегодня поплатился за беспечность. Если он выкарабкается, то обязательно закажет такой же пистолет с барабаном на десять гнезд, — пообещал себе клятвенно. Или нет, на двадцать.

Горло обложило режущими спазмами — ни охнуть, ни вдохнуть. Семут ослабил узел галстука и рванул ворот рубашки. Одежда душила его, до вылезавших из орбит глаз и нестерпимого жжения в легких.

Ввалившись в ванную, он добрался до настенного шкафчика. Как оказалось, вовремя, потому что онемевшие мышцы натянулись судорогой, скрючившей пальцы; суставы с хрустом вывернуло, причиняя адскую боль. По позвоночнику потек расплавленный металл, выбивая слезы и принуждая согнуться от нестерпимой муки.

Кирилл не помнил, как ему удалось открыть потайную нишу, наверное, зубами. Не помнил, как заправил ампулу в барабан и, корчась, выстрелил в бедро через штанину.

И упал.

Он успел. Ежедневная доза ушла в кровь, сегодня на два часа раньше.

Очнувшись, Семут долго смотрел в потолок, прежде чем понял, где находится, а потом вспомнил, как очутился в ванной. Ладони оказались в крови, а зеркало на дверце шкафчика разбито.

Чертовы волны. Сейчас начнется рецидив — третья стадия после временного затишья. Длится не дольше минуты, но проистекает вечность.

Зрение прояснилось, предметы выделялись резче, фокусируясь с немислимой четкостью, до рези в глазах, пока Кирилл не разглядел витавшие в воздухе мельчайшие пылинки. От соприкосновения с ними кожа зазудела, покраснев. Мужчина сдерживался из последних сил, но все-таки начал расчесывать кровоточащие ладони и лицо.

Уши уловили слабое жужжание мухи, попавшей в паутину в пыльном углу, и трепыхание крыльев насекомого ударило взрывной звуковой волной, оглушив перепонки. Семут застонал, зажав уши руками. Он не успел подготовиться, и беруши остались лежать там, где мужчина бросил их в последний раз — в спальне.

Тело вдруг стало невесомым, готовым рассыпаться трухой на миллиарды частиц. Кирилл почувствовал, как бежит кровь по сосудам — он мог бы разорвать и склеить любой из них; видел, как сокращается сердце — он мог бы остановить стучащий двигатель и запустить его вновь; слышал, как слабо пульсирует желудок, перерабатывая выпитый на рауте бокал вина, и как раскрываются меха легких, принимая кислород. Он наблюдал кипучую деятельность клеток и микроорганизмов, пожиравших друг друга и плодившихся со страшной скоростью.

Он видел волны, будь они неладны. Все беды от них.

Кряхтя, Семут поднялся и, глядя в осколок зеркала, не выпавший из рамы, привел себя в порядок, отмыв кровь с рук и лица. Рубашку придется менять, как брюки и белье. Опять обмочился.

Стоило обработать порезы антисептиком и заклеить лейкопластырем, но для висората примитивное лечение считалось недопустимым, и Семут, схватив волну, принялся "зашивать" ранки. Руки слегка дрожали, поэтому латание вышло небрежным.

Закончив с царапинами, он побрел, ссутулившись, в спальню, чтобы переодеться, и по пути раздвигал плотные шторы на окнах.

На время ремонта жена уехала к родителям. Да, с некоторых пор Кирилл женился — на красивой молодой женщине с неплохими провидческими способностями. Семья жены, имевшая корни, уходящие в начало первого тысячелетия, согласилась на условия правительственного режима в обмен на инъекцию вис-сыворотки. О продажности не шло и речи. Всем хочется жить сытно, в тепле и комфорте, при чинах и должностях. Зато тесть не нарадуется: пусть зятюшка из новоявленных висоратских выскочек, зато недавно приобрел большой особняк в элитном районе, с фонтаном и конюшней. Правда, пока нет лошадей, и не набран штат обслуживающего персонала, но они обязательно появятся, когда закончится ремонт. Как-никак тесть породнился с первым заместителем премьер-министра, и для его дочери, ставшей второй леди страны, созданы все условия — дорогие машины, драгоценности на заказ, дамские салоны, роскошь безделья и возможность управлять вис-волнами.

Волеровский исходил желчью. На практике выяснилось, что резервы человеческого организма ограничены. Оказалось, мало видеть волны и уметь возмущать их. Требовался запас сил, чтобы управлять невидимой стихией. При должном мастерстве создавались зараз шесть или семь простеньких заклинаний или два-три сложных, после чего начиналась отдача.

Висоратам, вводящим сыворотку регулярно, приходилось туго. Вдобавок к ежедневным безрадостным ощущениям при инъекциях прибавлялся риск отдачи, когда, затратив усилия на создание заклинаний, организм начинал саботировать, требуя время на восстановление: появлялись сонливость, усталость, апатия, мышечные боли и судороги, ухудшение зрения, чрезмерный аппетит. После отдачи уменьшался и интервал между приемами дозы.

— Дармоеды! — орал Волеровский на правительственном совещании, направляя гнев на притихшее руководство научных городков, вызванное к круглому столу с повинной. — Неужели нельзя придумать постоянный источник подпитки помимо энергетических коктейлей или разовых амулетов?

Повинной не получилось. Ученые развели руками. Законы Вселенной не обмануть — энергия постоянна и переходит из одного состояния в другое. Внутренняя энергия организма превращается в энергию возбужденных вис-волн, которые, в свою очередь, отдают энергию объектам, на которые направлены. Поэтому у каждого висората имелся свой предел отдачи, зависевший от индивидуальных особенностей организма — выносливости, умений и наследственности.

— Это наше слабое место, — переживал Волеровский, делясь бедой со своим заместителем Кириллом Семутом. — Приходится принимать столько дряни, что моя печень не справляется. Я вкальваю сыворотку и пью тонизирующие препараты, а затем заедаю их микстурами. Насквозь пропитался лекарствами.

Волеровскому было грех жаловаться. Он относился к единицам счастливицков, которые переносили инъекции удовлетворительно.

— Многие используют улучшенные вещи, — сказал Кирилл и достал небольшое плоское кольцо на цепочке, которое носил под рубашкой.

— И надолго его хватает? — поинтересовался скептически Волеровский.

— На раз или на два. Тьфу-тьфу, до отдачи дело не доходило, вовремя останавливался.

— На подзарядку, наверное, уходит уйма времени?

— Свойства амулета восстанавливаются около трех суток, поэтому у меня есть набор на каждый день недели.

— Смотрите, не запутайтесь в днях и медальонах, — усмехнулся Волеровский. — И все же меня доканывает зависимость от стимулирующих средств. Организм сживаете с ними, а это пагубная привычка. Вдруг вы забудете надеть свою побрякушку? Отдача тут же прикончит вас.

— Что поделаешь, Эогений Михайлович. Со временем наши ученые придумают что-нибудь колоссальное.

— Надеюсь. Пока же преимущество на стороне урожденных висоратов. В их крови течет сила, веками копившаяся в генах предков. Вы знаете, что они могут сотворить *reducti*

[\[29\]](#) многокомпонентных структур, не утруждаясь особо?

Кирилл понимающе хмыкнул. Заклинание считалось чрезвычайно сложным и не удавалось никому, кроме добровольцев из урожденных висоратов, принимавших участие в закрытых опытах.

— У нас наметилась стагнация, — заметил как-то Волеровский на заседании правительства. — Идет пробуксовка по многим направлениям. Известные заклинания давно отшлифованы и переведены, в то время как в частной собственности пропадает без дела множество сведений, передающихся из поколения в поколение, и хозяева не спешат делиться своими секретами.

— Может, вменить высокий налог на пользование старинными первоисточниками или придумать иной способ изъятия? — спросил министр финансов.

— Принуждение озлобляет, — возразил Волеровский. — Общество до сих пор не оправилось от гражданской войны, социальная напряженность не спадает. Мы держимся на плаву благодаря достижениям висорики. Остались сильные влиятельные кланы, которые сочувствуют побежденным, и хотя они открыто не выражают недовольство, на поддержку не стоит рассчитывать.

— Замкнутый круг, — сказал министр внутренних дел. — Я тоже за принудительное изъятие частных источников информации.

— Безвыходных ситуаций не бывает, — не согласился Волеровский. — Предлагаю обдумать возможные варианты и на завтрашнем совещании высказать свои идеи.

На следующий день слово взял Чехий Семут, занимавший пост заместителя министра по науке и по совместительству старший брат Кирилла Семута.

— Лояльность кланов можно получить за дозу вис-сыворотки и возможность занимать руководящие должности. Но, разумеется, необходимо заранее оговорить доступ к клановым реликвиям и библиотекам, и организовать строгий учет.

За столом поднялся недовольный гул голосов.

— Революционно, — заметил Волеровский. — Вы согласитесь уступить свой пост урожденному висорату?

— Мы создадим при министерствах департаменты, наделим их полномочиями и ответственностью — чем не высокая политика?

— Грядет засилье бюрократизма, — высказался кто-то из присутствующих.

Однако Волеровскому пришлось по нраву предложение Семута:

— Чиновников много не бывает, а наш бюджет позволяет слегка раздуть аппарат. Объясните насчет сыворотки.

— Будем работать с лояльными гражданами, которые согласятся контактировать. Зачем принуждать насильно? Все знают, что урожденным висоратам требуется одна или две разовых инъекции для пожизненного закрепления эффекта видимости волн, в отличие от тех, кто вынужден регулярно принимать сыворотку.

Счастливики, — подумал Кирилл, вертя перо. Им не нужно каждый день умирать и возрождаться в муках, боясь, что когда-нибудь могут отказать почки или отнимутся ноги.

— Здесь мы проигрываем, — продолжил брат. — Чтобы удержать позиции, наша аналитическая группа предлагает начать новую демографическую политику, направленную на оздоровление общества и создание задела для будущих поколений. В частности, сделку с кланом, пошедшим навстречу, можно скреплять брачным контрактом. Мы получим клановые секреты в обмен на вис-сыворотку и детей, которые появятся в браке.

Гул за столом усилился.

— Урожденные потребуют приобщить их к достижениям висорики, — сказал министр иностранных дел.

— Организуем систему обучения. К примеру, создадим институты, поскольку пестовать вис-способности с детского возраста мы считаем нецелесообразным. В ВУЗах будут обучаться те, кто примет наши условия. Естественно, придется ограничить доступ к научной литературе для непосвященных. Как говорится, заплатил — получи.

— Необычно, — покрутился в кресле Волеровский. — К примеру, вы, Кирилл, можете осчастливить какую-нибудь девушку, владеющую семейными секретами телепатии или телекинеза.

— Я? — удивился Семут и, не удержав перо, уронил его на пол.

— Выбор хорошеньких девушек велик, но следует подходить к делу с умом, — заметил Чехий. — В первую очередь нужно учитывать наличие родословной. Первый отдел подготовил список семей и кланов, которым следует уделить внимание и начать работу по агитации, ненавязчиво и без принуждения. Наши специалисты уверены, что семейства, упомянутые в списке, скрывают как уникальные раритеты, так и обширные знания, передающиеся из поколения в поколение — обряды, ритуалы, заклинания и прочие секреты.

При последних словах глаза Волеровского жадно сверкнули. Он проглотил наживку.

Позже список получил условное название "Тысяча" по количеству упомянутых фамилий. За третьим номером в него были внесены господа Мелёшины, седьмую строчку занимало семейство Вулфу.

— Не совсем понятно с одариванием сывороткой, — поинтересовался министр юстиции. — Неужто вы рассчитываете на лояльность клана, сделав парочку инъекций своей предполагаемой супруге? Её семья не расстанется запросто с добром, копившимся веками.

— Право на вис-сыворотку получают здравствующие члены клана, согласившиеся сотрудничать. В качестве заправки развернем рекламную кампанию о том, что по результатам исследований родившимся детям передастся способность видеть волны по наследству от родителей, если тем сделали инъекцию. Дополнительно объявим во всеуслышание, что через год эксперименты с визоризацией официально будут закрыты, а эталон сыворотки законсервирован. Обычно сжатые сроки создают панику и давку. Надеюсь, бонусов достаточно, чтобы привлечь хотя бы часть урожденных на нашу сторону.

— Вполне, — кивнул Волеровский. — Скандально и авантюрно. Метким выстрелом мы убьем еще одного жирного зайца: достижения висорики не пойдут прахом и достанутся в наследство нашим детям.

Присутствующие промолчали, потому что знали — в любой момент сыворотка прикончит их одного за другим, и всё, за что они боролись, окажется впустую. Поэтому при вдумчивом подходе демографическая программа имела далеко идущие последствия.

— Как же остальные? — спросил нерешительно молодой чиновник, сидевший неподалеку от Семута-старшего.

— Кого вы имеете в виду?

— Ну... присутствующие... и население...

— Программа висоризации уже четвертый год реализуется для верных и преданных делу людей. Конечно же, прекращать ее не собираемся и продолжим в узком кругу, — пояснил брат, а Кирилл хмыкнул. Попробуй, прекрати, и организм в два счета скрутит без ежедневной дозы. — Те, кто не посчитает нужным пойти с нами в ногу, через год отсеются сами собой: как висораты, так и обыватели. Кто-то займет места в верхнем ряду, а кто-то

останется стоять.

— Решено, — Волеровский хлопнул ладонями по столу. — Вам, Семут, поручаю в кратчайшие сроки разработать уточненную стратегию. Нам срочно требуется насытить информационный голод. Засим тему закрываем.

— Поступил вопрос от министерства науки, — сказал секретарь. — Для исследований обрабатываемых заклинаний понадобится рабочий материал. Добровольцы по найму не покроют потребность, когда нахлынет вал опытных отработок.

— М-м-м... — задумался Волеровский. — Безвыходных ситуаций не бывает. Да возьмите хотя бы западное побережье! Чем впустую прохлаждаться на пляже, пусть поработают бескорыстно на благо отчизны. Заодно навсегда запомнят, как чревато устраивать мятежи, приводящие к гражданской войне.

Приехавшая вечером жена сообщила Кириллу новость. У них будет ребенок. Его ребенок, который сможет видеть волны без каждодневных инъекций, изматывающих душу и тело. А уж Кирилл позаботится о том, чтобы подарить ему новый, совершенный мир.

Врушка, врушка...

Может, Мэл сказал правду, и я живу, как мне удобно? Не специально так поступаю, но почему-то паразитирую на доверии окружающих.

Подсознательно оттягивала разговор с Петей, придумывая различные отговорки и занимаясь самоуспокоением. Подсознательно убеждала себя, что не стоит выбалтывать секреты парню, который теперь не мой парень. Всего-то на вопрос: "Что делала?" следовало ответить: "Представляешь, пришлось поехать к преподу, потому что..." и придумать подходящую причину визита к Альрику. Глядишь, разговор обернулся бы по-другому, и финал мог выйти иным. Мэл, конечно, встал бы на дыбы, и пришлось бы постараться, чтобы объяснить, почему на фотографии у меня и профессора веселые лица, вместо того, чтобы сидеть со скучным и серьезным видом. И опять я бы погрязла во лжи, потому что мне так удобнее. Получается, неудобно жить, глядя правде в глаза.

Из нас двоих Мэл повел себя честно. Он поговорил с синеглазой блондинкой и пусть не называл имен, но всё же расстался с ней и неустанно подталкивал меня к объяснению с Петей.

Подойдя к чердачному окну, я распахнула створки. Ночное ветрило принесло потепление, и серые тучи, нависшие над городом, разродились к полудню редким мелким снегом. Выставленная наружу рука ловила пролетающие снежинки, и они таяли на ладони, превращаясь в крошечные слезки. Поплакать и мне, что ли?

После тяжелого разговора с Мэлом, я, захватив куртку, бросилась на чердак, чтобы без посторонних глаз пережить в одиночестве свое фиаско. Думаю, не спрячусь я наверху, любой встречный понял бы, что меня бросил парень.

После оглядывания окрестностей, по которым успел соскучиться взгляд, пачка фотографий, презентованных Мэлом, была вынута из сумки и подверглась просмотру в хронологическом порядке. Без сомнения, снимки сделал тот, кто следовал за мной от ворот института и терпеливо дожидался у профессорского дома, не поленившись убить целый день на наблюдение. Но откуда неизвестный фотограф мог знать, что я решусь вылезти в воскресный морозный день из теплой комнатухи и поеду в центр города, в котором толком не бывала?

Вывод напрашивался сам собой. Фотограф не знал. Его приставили следить за мной, и если я отправилась бы, к примеру, в район по соседству, он добросовестно увековечил бы на пленке мою прогулку по лавочкам и визит к Олегу и Марте.

Неизвестный фотограф ездил на достаточно быстрой машине, чтобы поспеть за сумасшедшим таксистом и не потерять из виду профессора-гонщика. У неизвестного фотографа имелся хороший фотоаппарат, чтобы стократно приблизить объектив без риска быть замеченным. У неизвестного фотографа нашлось время, чтобы отпечатать снимки в хорошем качестве и передать заказчику, который вручил их Мэлу.

Просуммировав слагаемые, я утвердилась во мнении, что за мной вел наблюдение профессионал. Хладнокровный и невозмутимый. Профессионал, которому наплевать, за кем гоняться по городу и проводить долгие часы в ожидании, сидя в машине. Потому что его наняли.

Кто? Быть может, Эльзушка или Лизбэт? Вряд ли. Танцорша разрешила бы проблему

проще, вцепившись мне в волосы в туалете, а у поклонницы профессора не хватит денег на услуги частного детектива, к тому же слежка за будущим мужем не имеет смысла, потому что девушка знает о широком диапазоне его "интересов".

Возможно, следопыта нанял Мэл, чтобы проверить честность своей девушки, или самое вероятное предположение — моей жизнью заинтересовались его родственники. Как долго за мной следили? День, два, неделю?

Я представила, как толстая пачка фотографий лежит на столе, а отец и дядя Мэла отбирают "горяченькие" кадры. Вдруг меня караулили не только у дверей общежития, но и в нашем закутке установили камеры? — зашло от страха сердце. Забраться в швабровку не получилось бы — замок Олега отсекал всякую возможность, а в душе или в туалете вполне могли прилепить незаметный глазок. Гады. Надо будет привлечь Аффю к расследованию, не называя имен.

Еще раз просмотрев фотографии, я хотела порвать, но потом решила показать профессору. Попрошу придумать что-нибудь толковое, например, как оправдаться перед Мэлом.

Конечно, выглядит чересчур самонадеянно: подойти к бывшему парню и сказать: "Извини, не хотела тебя расстраивать, поэтому пришлось малость приврать". Он не поймет. Как понять и поверить, если твоя девушка провела несколько часов в обществе великолепного мужчины, от которого безостановочно текут слюни у всех особей женского пола?

Да ведь Мэл заревновал! — принялась я взбудораженно расхаживать по чердаку. Мэл взревновал со всей силой своей висоратской чести и не погнушался сделать мне больно, сказав обидные слова. Стоит ли радоваться потрясающему открытию, пришедшему на ум с опозданием, или злиться на хамство?

Мотаясь бесцельно по тесной мансарде, я увидела на столе белый клочок, придавленный какой-то палочкой и поначалу незамеченный из-за тени, бросаемой от угла. Палочка оказалась картонной трубкой из-под петарды, выстрелившей в седой древности. На сложенном вдвое тетрадном листочке неизвестный автор оставил послание некоей "Э", написанное летящим почерком и простым карандашом. Кроме меня, никакие Э не бродили в окрестностях чердака, поэтому я решила, что послание предназначается мне, к тому же, кое-какие ориентиры в записке подтвердили догадку.

"Здравствуй, Э! М. перед отъездом сказал, что можно обратиться к вам. Большое спасибо за фрукты, они выручили сполна. Можете достать для новенького? Заранее спасибо. А."

Сколько времени провела записка на чердаке в ожидании адресата? Наверняка не меньше недели после того, как уехал Марат, и, возможно, автор послания ежедневно поднимался под крышу, чтобы удостовериться, ушел ли призыв к Э по назначению.

"Спасибо, А." Агнаил? Я задумалась над содержанием. Марат уехал — это хорошо. Вместо него приехал другой парень, молодой и зеленый, которому тоже вырезали треограмму на спине, и он тяжело переносит незаживающие раны. Немудрено, на его месте я без конца ныла бы и плакала от постоянной боли.

А. попросил о новой порции ахтулярий. Если употреблять фрукты внутрь или смазывать их соком глубокие раны и язвы, то чувствительность нервных окончаний притупляется на продолжительное время. Проблема состоит в том, что после погрома в оранжереях меня не подпустят к оскверненным ахтуляриям и пушечный выстрел. Не красть же их?

Сперва я решила написать ответ для А. с извинениями и отказом в помощи, но передумала. Положив записку в сумку, поплелась в общежитие обедать. Я теперь свободная девушка, не обремененная отношениями с парнями.

Радик, с которым мы не виделись почти два дня, начал рассказывать о времяпровождении у дяди, но заметил мою отстраненность и замолчал. Я на автомате сварила лапшу и намазала бутерброды. Ела машинально, лишь бы занять рот. Очнулась, когда в руке оказалась карамелька.

— Очень плохо? — спросил парнишка.

— Плохо, но жить можно, — пробормотала я, освободив конфетку от фантика. — Готовишься к экзамену?

— Ага, только плохо получается. Соседи постоянно шумят, и напарник по комнате не дает толком сосредоточиться. По возможности хожу к дяде и сижу в библиотеке или в архиве.

— А ты приходи ко мне. У нас тихо. Но учти: когда учу, то повторяю вслух. Заткнем уши ватой и будем зубрить.

Радик хихикнул:

— Спасибо. Если прижмет, приму приглашение.

— Обязательно принимай и не церемонься.

— Запасайся ватой, — пригрозил он шутливо. — Ужинать будем?

— А то как же!

Про себя я решила, что после еженедельной порции в пятьдесят висоров обязательно пополнию рацион чем-нибудь вкусненьким. Хватит держать дух в черном теле.

— Слушай, мне сейчас нужно на работу, а потом на осмотр. Появлюсь вечером, так что можешь остаться здесь. Никто тебя не съест, — ухватилась я за идею.

В самом деле, чего мне бояться? Фляжка у профессора, деньги и документы ношу теперь при себе, не вынимая из сумки, а других ценностей в швабровке нет. К тому же, я не сомневалась в честности Радика.

— Ну, давай попробуем, — согласился он с заминкой. — Сейчас сбегая за конспектами.

— Мчи уже. Одна нога здесь, другая там.

Видно, юношу прижало, коли он вернулся через пару минут, даже кастрюлька не успела отмыться. Что за свинтусы живут рядом с парнишкой, если он не может спокойно подготовиться к экзамену?

Перед уходом я объяснила беженцу, кто есть кто в наших краях, чтобы Капа случайно не намылил ему шею, приняв за воришку. На всякий случай напомнила об Аффе и её соседке и потопала в альма-матер трудиться.

Работа кипела и спорилась. Разливаемые моря студентов бурлили и пенились в архиве, и замученный начальник бегал между стеллажами, выполняя заказы.

Прежде чем окунуться в рабочую суету, я сунула нос между кадками и обомлела. Роскошные, высотой под метр, кусты мыльнянки оккупировали уголок под пальмами. Пышная шапка листвы растолкала прочие растения, красуясь сочными удлиненными листьями с желтоватыми прожилками.

Получится целое ведро вытяжки! — обрадовалась я, воодушевившись прекрасными результатами реанимации. Осталось дождаться, когда прожилки потемнеют, и можно собирать урожай. В естественных условиях пришлось бы ждать больше недели, но я опять

сделала ставку на авось и благоприятный климат архива, понадеявшись, что послезавтра сниму первую пробу с вытяжки на лабораторке у Ромашевичевского.

Чудеса, да и только. Почти две недели ушло на то, чтобы к мертвым растениям вернулся их первоначальный вид без подкормок, дополнительных подсвечиваний и опрыскиваний. Стояли себе сиротинушки, жалась друг к другу и озеленялись с нездоровой стремительностью. Может, в помещении радиация или какое-нибудь другое излучение? — огляделась я опасливо по сторонам. В течение дня через архив проходили толпы студентов, так что вряд ли администрация института находилась в неведении и стала бы рисковать здоровьем учащихся.

Поздоровавшись с архивариусом, я влилась в работу и бегала наравне с ним, выдавая студентам нужные источники. Стоило погордиться тем, что у меня выработались профессиональные навыки: заявки выполнялись быстро и без путаницы, а ориентирование между стеллажами значительно улучшилось. Однако гордиться не хотелось. Хотелось заново пережить сцену у раздевалки, с завидным мазохизмом ковыряясь в памяти и вспоминая обвинения Мэла и его циничные слова.

Смогла бы я поверить ему, окажись у меня на руках фотографии, на которых мой парень выходил с Изабелкой или, скажем, с Эльзушкой из её дома, где провел полдня? Естественно, они не птичек в окне считали и не к экзамену готовились, — сердито шмякнула сборник докладов на стол. Не заболело бы мое сердце при взгляде на снимок, где Мэл улыбался открыто своей спутнице, сидя с ней в машине? Держал ли он её за руку? Что они обсуждали с живым интересом, и какая шутка их рассмешила? Неужто Мэлу было веселее с ней, чем со мной? А потом... глядя честно в глаза, он выдумал бы невероятную ложь о времени, потраченном на вытирание пыльных полочек в библиотеке деда. Черт, да я бы...! Я бы камня на камне не оставила от его вранья! — свирепо швырнула подборку статей перед студентом, и он испуганно моргнул. Я бы вывела Мэла на чистую воду и наблюдала с мстительным удовольствием, как вытянется растерянно его лицо, когда он поймет, что пойман с поличным, как начнет жалко оправдываться и лепетать что-то бессвязное, а я уйду, неприступная и гордая, с обманутыми чувствами, наговорив напоследок много жестоких и обидных слов, чтобы посильнее уязвить Мэла, и чтобы он не думал, будто мне больно и внутри жжет, не ослабеваю.

Да, я бы так и поступила в своей драматической фантазии, но в реальной жизни не мне довелось размахивать фотками перед носом обманщика. В действительности получилось наоборот, и щеки плавились от стыда, когда меня уличили во лжи.

Заработавшись, я не заметила, как пролетело время, и, торопливо попрощавшись с начальником, двинулась по направлению к важному пункту назначения — то бишь в закрытую лабораторию на пятом этаже. Пока ноги взбирались по ступеням, голова не бездействовала, а усердно думала.

Я признала себя виноватой в том, что обманула Мэла. Но! Исключительно из благих намерений, которые, как говорится, устилают шипами дорогу в ад. Обвинения Мэла беспочвенны, и я докажу ему. Придется объяснять обтекаемо, чтобы не подавиться собственным языком, но у меня всё получится, и Мэл еще извинится за гадкие слова.

С каждым шагом, приближающим к стеклянной перегородке, моя уверенность росла, и, прижимая палец к электронному замку, я придумала: попрошу профессора поговорить с Мэлом. Пусть Альрик объяснит парню, что подозрения не имеют под собой оснований, ведь,

в конце концов, обвиняющий перст указал на нас обоих. Да, именно так. Профессор скажет Мэлу: "Очнись, малец, меня не прельщают шмакодявки в зеленых свитерах и вечных юбках. Меня прельщают деньги, желательно в золотых монетах", и Мэл, покумекав своими висоратскими мозгами, поймет суть намека.

Размечтавшись, я запоздало унюхала вкусные запахи, витавшие в коридоре. Точно, сегодня же Альрик получает поздравления от коллег, и наверняка по этому поводу состоялся сабантуй. Придется переждать праздничный бум в библиотеке и заглянуть попозже. Я было развернулась, чтобы уйти, как вдруг дверь лаборатории распахнулась, явив моим глазам профессора в белом халате. Мужчина почему-то не держал бокал с вином, и из-за двери не слышался гомон институтских гостей.

— Эва Карловна, — поприветствовал сухо. — Проходите. Я сейчас вернусь.

И похромал к выходу, не удосужившись дождаться ответа. Кто же испортил ему продолжение праздника?

Сегодня что-то новенькое. Профессор оказал мне доверие и не стал запираить дверь на ключ, разрешив вломиться в лабораторию и похозяйничать. Как я могла забыть? Мы же теперь партнеры.

В помещении оказалось по-рабочему стерильно и чисто: ни воздушных шариков, ни транспарантов "С днем рождения!", ни стенгазеты с детскими фотографиями и смешными самодельными стишками. Покружив между столами, я заглянула в комнату отдыха, до безобразия аккуратную и унылую — ни пылинки, ни соринки. Хотя бы капельку бардака сюда, и сразу станет уютнее. Со скуки решила развлечься с окном: постукивала по стеклу в ожидании замутнения морозным инеем, а затем возвращала первоначальную прозрачность.

— Эва Карловна? — повторил сзади голос, заставив вздрогнуть от неожиданности. Неужто Альрик потерял меня и ищет в центрифуге?

Конечно, не потерял, а стоял в двери с недовольным лицом. Подумаешь! И мы умеем супить брови и строжиться загадочно.

— Покажите руки, — велел мужчина, когда я уселась на предложенный табурет. Теперь понятно, что интересовало профессора в первую очередь. "Ниточка" Некты испарилась вчера чудесным образом, затаившись на неопределенное время.

Хмыкнув, Альрик принялся разматывать с осторожностью бинт, и порезанная ладонь зачесалась. Я заелозила.

— Неужели болит? — удивился он.

— Чешется.

— Так и должно быть. Взгляните.

Порез зажил, а о воскресной экзекуции напоминала тонкая светлая полоска шрама, протянувшаяся поперек ладони.

— Вскоре и она исчезнет, — заверил мужчина, в то время как я пораженно уставилась на чудо быстрого заживления, а потом всласть почесала ладошку. Вчера профессор сказал, что должно зажить самостоятельно, без стимуляции. Неужели возможно, чтобы порез пропал за сутки?

— Вы по-прежнему сомневаетесь в моем мастерстве, — сказал Альрик сухо. — Я предупреждал, что скальпель заденет поверхностные капилляры, и рана быстро затянется.

— Вовсе не сомневалась. Просто невероятно. Вы профессионал своего дела, — сделала я безыскусный комплимент.

Профессор слегка оттаял. Почему-то его совсем не радовал праздник. Может,

расстроился, оттого что коллеги не пришли поздравить?

— Альрик Герцевич, я знаю, что вы знаете.

— О чем? — спросил он задумчиво, продолжая осматривать мою ладонь со всех сторон.

— Вы знаете, кто укусил мой палец.

Мужчина взглянул на меня.

— Что вас интересует в первую очередь: происхождение укуса, судьба вашей фляжки или... что-то другое?

Да всё меня интересует, но не знаю, с чего начать.

Определившись с приоритетами, я потянулась к сумке и достала пачку фотографий. Профессор просмотрел их, задерживая внимание на каждом снимке.

— Мда... Откуда они у вас?

— Дали сегодня. Мэ...Егор Мелёшин.

Альрик ничем не выдал своей нелюбви к упомянутой фамилии, затеяв просмотр по второму кругу.

— Он следил за вами? Зачем?

— Не думаю, что он сделал их сам, потому что... ну, он бы не удержался и выскочил из машины... в общем, не стал бы ждать, пока вы... пока мы...

— Если вы хорошо знаете своего однокурсника, то рассуждения логичны. Значит, следил кто-то другой и передал Мелёшину фотографии, — заключил мужчина, швырнув пачку на стол. — Беспокоитесь из-за снимков?

— Нет, то есть да. Альрик Герцевич, пожалуйста, скажите ему, что у нас была деловая встреча! Он поверит, потому что у вас авторитет, а я кто?

— У Мелёшина был повод для упрека? — поинтересовался профессор, и на его лице мелькнуло нечто похожее на удовлетворение, или мне показалось.

— Был, — выдавила я, ощущая себя препарированной букашкой под внимательным взглядом собеседника. — Мы как бы... начали встречаться, и тут приключилась поездка к вам домой. А я не предупредила о ней.

— Ну, и накрутили вы, Эва Карловна, — сказал весело мужчина. — Теперь становится понятным сегодняшнее поведение Мелёшина.

Я непонимающе уставилась на Альрика в надежде, что он объяснит логику поступков моего бывшего парня.

— Ваш друг учинил драку перед практической защитой знаний по символистике.

— Мэл?! — выдохнула я изумленно. Слова профессора явились полнейшей неожиданностью.

— Как его называть — решать вам. Мелёшин применил рукоприкладство и был препровожден в ректорат для выяснения обстоятельств и принятия решения о наказании.

Батюшки! — всплеснула я руками, не сдержавшись. После встречи у раздевалки Мэл ринулся разукрашивать физиономию соперника! То есть, конечно же, лицо. Лицо профессора.

— Так он вас...?! Он вам...? — пролепетала я, уставившись на Альрика и выискивая места, куда мог приложиться кулак Мэла.

Боже мой! Сгоряча Мэл наворотил дел, посягнув на преподавательский суверенитет, и с треском вылетел из института под громкие фанфары. И всё из-за меня. Наверняка получилось то еще представление на глазах всего курса.

— Не могу судить, что произошло бы, появись Мелёшин в аудитории. К счастью или к сожалению, он повздорил с однокурсником, не дойдя двух шагов до двери, — успокоил профессор с легкой усмешкой.

У Альрика нашелся повод, чтобы поднять себе настроение. А мне как быть? Радоваться, что Мэл не донес свой гнев до препода, или переживать за несдержанность бывшего парня?

— Что ему вменили за драку? — взглянула я умоляюще на собеседника.

— Моральную и материальную компенсацию пострадавшему, штраф в пользу администрации ВУЗа и несколько часов исправительных работ в стенах учебного заведения.

Фух, — выдохнула я с невольным облегчением. Не исключили и не привлекли отделение или первый отдел. Хорошо, что Мэлу хватило ума (или наоборот, не хватило) не воспользоваться в драке заклинаниями, тогда без разговоров вылетел бы из института, или пришлось бы опять прибегнуть к помощи дяди, деда и прочих советников премьер-министра.

Может, Мэл выпустил пар и теперь успокоится? Бедняга тот парень, что попался на его пути. Наверное, сказал не те слова под руку или недостаточно любезным тоном.

Внезапно мне пришло в голову, что Мэл не оставит попыток добраться до профессора, чтобы отомстить за уязвленное самолюбие и поруганную честь. Нет-нет-нет, нужно срочно убедить оскорбленного товарища, что случилась досадное недоразумение, иначе он опять влипнет в историю.

— Альрик Герцевич, завтра он еще что-нибудь устроит! Поговорите с ним! Скажите, что у него нет оснований!

— Мелёшин не ребенок, хотя ведет себя именно так. Думаю, пока разговор не возьмет силы, — сказал Альрик, откинувшись на стуле. Ясно-понятно, звезда мирового научного масштаба не отложит свои дела в сторону и не сорвется с места, чтобы объясняться с парнем, к которому питает тщательно скрываемую антипатию.

— Почему?

— Потому что сейчас он похож на пороховую бочку с незажженным фитилем. Стоит поднести спичку, и произойдет взрыв. Его однокурсник неосторожной фразой получил перелом носа и множественные ссадины. Пока что Мелёшин не внемлет доводам и прочим объяснениям.

— Что же делать? — заломила я руки в отчаянии.

— Выждать. В конце концов, у него своя голова на плечах. Через два-три дня Мелёшин остынет и выслушает.

Но за два дня Мэл обязательно натворит новых бед!

— Слишком долго!

— Сейчас, Эва Карловна, любые оправдательные словеса будут как об стенку горох. Разве вы не изучали основы психологии?

— Изучала... в интернате, — проямлила я пристыжено.

— В неуравновешенном состоянии человек способен на безрассудные поступки. Не

стоит распалить горящий костер, подкидывая дрова. Благоразумнее дожидаться, когда он потухнет сам собой, и на углях запечь пищу.

Образное сравнение профессора произвело на меня впечатление, но гнетущее чувство осталось.

— Хорошо, — согласилась я неохотно. — Но если Мэ... Мелёшин не остынет? Он не отступится, пока не...

— Не волнуйтесь, Эва Карловна, — улыбнулся мужчина. — На провокации не поддамся. Ну что, убедил я вас?

— Убедили, — кивнула я неуверенно.

— Прекрасно. Продолжим.

Подойдя к окну, Альрик достал из небольшого металлического ящичка, уместившегося под телефонной этажеркой, фляжку, которую и вручил мне. Горлышко оказалось обклеено полоской из мягкого на ощупь материала, заходившей одним концом на корпус емкости. Сбоку полоски появилась небольшая печать из белого сургуча, на которой стоял оттиск — маленький черный трезубец. Теперь не представлялось возможным открыть фляжку без того, чтобы не сломать печать и не разорвать полоску.

— Фляжка замурована. По резьбе проходит пломба, а знак трезубца подтверждает соответствие раритета информации, указанной в экспертизе.

— Спасибо! — поблагодарила я взволнованно.

— За что? — улыбнулся профессор. — Это моя работа и мои проценты. Выполните свою часть сделки и получите заключение.

Фляжка вернулась к Альрику.

— Итак, вчера мы остановились на том, что отец забрал вас от матери, и больше вы её не видели.

— Да. Он заставил её подписать бумаги о разводе и отвез меня к тетке на воспитание.

— Где она проживала?

— Где-то в провинции. Небольшой поселок в глуши. Наш дом стоял у леса на отшибе. Пройдя краем поселка, можно было попасть к реке.

— Вы жили вдвоем?

— Да. Тетка всегда ходила в черном платье, наверное, носила траур. Раз в месяц приезжал отец. Однажды он привез дефенсор и велел никогда не снимать его.

— Как долго вы прожили у тетки?

— До восьми лет.

— А учеба? Школа?

— Меня не пускали. Научилась грамоте в интернате.

На новом месте надо мной потешались и подшучивали все кому не лень — из-за необщительности, замкнутости, странностей и незнания элементарных вещей. Поначалу меня определили в группу умственно отсталых, но вскоре я догнала остальных детей в развитии, опровергнув прозвище ограниченной идиотки и не оправдав ожиданий тетки. Позже, вспоминая о годах, прожитых в поселке, я пришла к выводу, что тетушка специально стремилась вырастить из меня придурковатую деревенскую простушку, изъясняющуюся на пальцах, невоспитанную и дикую. Перед приездами отца она наводила блеск и лоск и заставляла выучивать коротенькие стишки, чтобы продемонстрировать прекрасное образование, получаемое на дому без посещения школы. Изредка я лазила тайком от тетки в книжный шкаф в гостиной и с великой осторожностью перелистывала толстые фолианты,

боясь порвать или помять хрупкие страницы. В основном, меня интересовали картинки, но книг с иллюстрациями катастрофически не хватало.

— Каким образом вы попали в интернат?

— Когда умерла тетка.

Никогда не забуду этот день, с предельной ясностью отпечатавшийся в памяти. И до сей поры мне мнятся запахи и звуки деревенской глуши, уносящие воспоминаниями в детство. На занятиях по психологии нам объясняли, что это ощущение дежавю.

Тетка всегда гнала меня из кухни, боясь, что когда-нибудь я доберусь до ножа и прирежу ее спящей или поверну газовый вентиль, и она задохнется во сне. Мне позволяли питаться в небольшом чуланчике рядом с кухней, куда приносили еду.

За завтраком, случайно двинув локтем, я уронила чашку с чаем, и она разбилась. Как сейчас помню, смотрю растерянно на темную лужицу и крупный зеленый горох на белых осколках, а в чуланчик залетает тетка и начинает кричать, называя меня словами, набившими оскомину. С утра у нее приключилось плохое настроение, и ругательств ей показалось мало. Схватив за руку, она потащила меня в комнату, где отходила ремнем, а перед уходом заставила стоять в углу на коленях, разбитых о ступени, пока меня волокли наверх по лестнице.

Давясь рыданиями, я размазывала злые слезы по щекам. Уж не знаю, что на меня нашло, но в тот день решила — всё, хватит. Убегу. Я достаточно взрослая и могу позаботиться о себе.

В кормежке мне отказали, и тетка периодически заходила проверять, послушно ли выполняю наказание, и если обнаруживала, что сижу, пребольно таскала за волосы.

— Мерзавка, — шипела, мутыская меня, а я царапалась, сопротивляясь. Сил у женщины было немерено, и она гасила в зародыше слабое вякание. Позже, в интернате, Алик сказал, что отличительным признаком сумасшествия является сочетание немощного тела и невероятной силищи.

— Это ты мерзавка! — крикнула я, выдираясь и отталкивая занесенную надо мной руку.

Тетка замерла с клоком вырванных волос.

— Что-о? — изумилась она, отступив.

Воспользовавшись секундным замешательством родственницы, оторопевшей от невиданной наглости, я вскочила и, не обращая внимания на боль в коленках и спине, ринулась к двери:

— Ненавижу тебя! Ненавижу! Старая гнилая ведьма!

Терять было нечего. Я знала, что тетка убьет меня, когда очнется от столбняка. Она же стояла, беззвучно открывая рот, и ее лицо наливалось багровостью. Наверное, женщину поразил мой богатый словарный запас.

— Убегу и всем расскажу, какая ты выдра! Что бьешь детей и пьешь их кровь! Черная ворона! — крича на ходу, я выскочила в коридор и быстрее ветра слетела по лестнице. Бежать к парадной двери не имело смысла — предусмотрительная карга всегда запирала ее. Но из кухни вел запасной выход, и я знала, где тетка прятала ключ. Только бы успеть, пока она не догнала меня и в ярости не переломила хребет.

Быстрее, быстрее! Выдернув один за другим ящички из стола, я побросала их на пол. В тот момент было не до аккуратности — жизнь отсчитывала последние секунды. Мне слышались приближающиеся шаги, и в воображении предстала тетка с ружьем наготове, чтобы выстрелить промеж глаз. Страх подстегнул, и я с удвоенной скоростью принялась

ерошить содержимое ящиков. Найдя долгожданный ключ, торопливо всунула в скважину. Руки тряслись, от страха поднялись волосы на голове. Один поворот, второй — переключило замок, что ли? В отчаянии я надавила плечом и вывалилась на ступеньки, усыпанные первыми желтыми листьями. Мало что соображая, ринулась в ближайший подлесок, начинавшийся за забором, напролом через калитку, не подумав закрыть ее за собой.

Забившись в какой-то кустарник с исцарапанными руками и ногами, я затихла и прислушалась. Никто за мной не гнался, с шумом ломая деревья. Шелест листвы, звуки лесных птиц, запахи травы, нагретой солнцем — умиротворенная тишина мало-помалу успокоила. Прячась в зарослях, я представляла картинки, когда меня найдут и вытянут за шкуру из кустов. Наверное, тетка сразу утопит в реке.

Время шло, про меня забыли. Дело близилось к вечеру, появились мошкара и комары, выгнавшие на небольшую полянку, с которой хорошо просматривалась крыша дома.

Свободна! — озарила светлая мысль. У меня получилось!

Что делать со своей свободой, я не знала. Куда пойти, куда податься? К соседям? Я видела их раньше издали, потому что тетушка не отличалась дружелюбием и не заводила близких знакомств, общаясь по необходимости и улаживая дела по телефону. Прогулки по поселку производились под конвоем, и мне запрещалось играть с местными детьми. Как же я завидовала чумазой ребятне, бегущей по улице с гиканьем и криками!

Неожиданно дал знать о себе голод, усиливаясь в геометрической прогрессии. Видимо, нервное перенапряжение спало, и проснулся волчий аппетит. Я не успела толком поесть сегодня, да и вчера меня покормили последний раз в обед непонятной тюрей. Но страх оказался сильнее возмущенно урчащего желудка. Вдруг меня ищут по поселку с собаками, а тетка ожидает у калитки, поглядывая по сторонам и похлопывая по ноге плеткой? Бр-р-р.

Стараясь не шуметь, я осторожно пробралась к забору по зарослям папоротника и заглянула в щелку между досками. Солнце, садящееся за кромку леса напротив, ослепило глаз. Пришлось перемещаться с опаской вдоль плотной ограды и найти место, чтобы солнечные лучи не мешали подглядыванию.

Во дворе оказалось тихо, никто не бегал кругами, клича меня по имени и ругаясь нехорошими словами. Дверь, через которую я выбежала, осталась открытой, и калитка жалобно поскрипывала, брошенная незапертой. Странно. Наверное, тетка устроила ловушку в доме и решила завлечь меня в нее.

Далекий лай собак вывел из прострации. Гавкали соседские псы, а не свора, спущенная по моим следам. Съехав спиной по забору, я опустилась на корточки. Что делать?

Красный шар солнца вскоре скрылся за лесом, однако тетка не торопилась зажигать свет. Обойдя по периметру двор и обжегши крапивой ноги и руки, я убедилась, что в окнах не горит ни одна лампа. Точно, старая ворона притаилась у двери с сетью, чтобы набросить, когда войду.

Понемногу темнело, и за забором стало неуютно и страшно. Лес, приветливый днем, помрачнел к ночи. За каждым деревом мнились чудовища, а непонятные шорохи пугали не меньше тетки.

Новый приступ голода, скрутивший болезненными спазмами желудок, выгнал меня из укрытия, лишив осторожности. Как трусливый заяц, ежесекундно оглядываясь по сторонам, я проскользнула к крыльцу, не став закрывать за собой калитку — вдруг придется давать стрекача? Сняв тапочки, в которых бродила по лесу, на носочках прокралась в темную кухню. Никто не ждал меня, и на полу царил разруха, которую я устроила, ища ключ. Тетка

не проигнорировала бы подобное разгильдяйство. Вне зависимости от степени свирепости она свято блюла порядок, поэтому нетронутый свинарник и открытая дверь озадачили.

Воспользовавшись моментом, я бросилась к шкафчику и вытащила мешок с печеньем, которое получала поштучно по выходным. Набив карманы, настороженно застыла — мне ответил стрекот кузнечиков на улице. Сунув печенюшку в рот, принялась посасывать, чтобы голодный хруст не услышали чуткие уши тетки. Да и насыщение наступало быстрее, нежели глотать, не жуя.

Хорошо, что на улице не успело стемнеть, и можно было ориентироваться, не зажигая свет. Стараясь держать в поле зрения запасный выход, я пробралась по коридору, останавливаясь через каждый шаг и прислушиваясь.

В доме царило безмолвие. Может, старая ворона ушла за подмогой, и поиски переместились в другом направлении?

Осталось сложное — забраться по скрипучим ступеням. Замирая от страха, я поднялась на второй этаж и первое, что увидела — распахнутую дверь в спальню. Тетушка никогда не оставляла ее настежь и на ночь закрывалась на ключ, боясь, что вытворю какое-нибудь безобразие, хотя сперва запирала меня в крошечной комнатке.

Приблизившись мелкими шажками и осторожно заглянув в спальню, я поначалу не сообразила, есть ли в ней кто-нибудь. У незадернутого окна, на фоне сумеречного неба, сидела в кресле-качалке тетка и спала.

Уморилась, бедная, гоняться за мной и потеряла осторожность, — злорадно подумала я, на цыпочках прокралась до своей каморки и, стараясь не шуметь, притащила стул. Закрыв дверь в спальню, подперла спинкой, а для сигнализации — вдруг родственница проснется и надумает выйти — поставила на сиденье кувшин.

С возрастом я осознала, что сия предосторожность не спасла бы, вздумай женщина отыграться за утренние оскорбления, но тогда в меня вселилась смелость. Я бесстрашно спустилась вниз, топая и бахая дверями. Зажгла на кухне свет, и, закрыв калитку и запасной выход, принялась за пиршество. Перевернув вверх дном шкафчики, нашла множество съестных припасов: консервы, конфеты, сушки, пряники, сухари. Порадовало содержимое холодильника — пусть скудное, но сытное.

Вспомнив о побеге, я вытянула из-под раковины сумку с картофелем и вывалила его на пол. Наскоро побросала в освободившуюся тару всё, что попало под руку, и оттащила к калитке — пригодится, когда буду удирать.

Ох, и обьяелась я тогда! Тетка выдавала конфеты по большим праздникам, поэтому красочные обертки сразу привлекли внимание. Первая же сладкая штукавина взорвала вкусовые рецепторы острым наслаждением. Я проглотила с торопливой жадностью половину кулька, как хлеб, пока не почувствовала, что больше не лезет. Меня начало клонить в сон.

Решив, что опасно подниматься наверх, улеглась на кухне, прямо на полу, прежде расставив вдоль коридора доморощенные ловушки. Пусть мы не висораты и не умеем видеть волны, но на что-то годимся. Кружкам и бокалам, вынутым из сервизного шкафчика, предстояло предупредить о приближении тетки, когда она спустится вниз и спросонья разобьет добрую половину посуды.

Во время беспокойного сна я часто просыпалась и подолгу вслушивалась в ночные звуки. Пробуждение принесло солнечное утро, пропитанное предвестием осени, и меня, осыпанную фантиками, со ртом, измазанным в шоколаде.

Не больно-то прячась, я умылась, позавтракала конфетами и, зажевав парочкой примитивных бутербродов, отправилась проведать тетку. Замерев, приложила ухо к двери и наконец решилась ее отпереть. В узкую щелку я рассматривала родственницу, спящую в кресле-качалке. Лицо женщины разгладилось, и привычная складка между бровями исчезла.

Стул снова "запер" тетку, и начался поистине королевский день исполнения моих желаний: обжорство без меры, прыганье на диване, беготня по дому и гуляние во дворе. Я осмелела невиданно, играя за калиткой, но не забывала поглядывать на окно теткиной спальни и на всякий случай проверила сохранность сумки с продуктами.

Старая карга не держала телевизор. Она считала достижение прогресса пустой тратой времени и денег, отдавая предпочтение газетам, которые регулярно доставлял поселковый почтальон. Я часто наблюдала из окна, как упитанный усатый человек в униформе и фуражке проезжал по улице на велосипеде и перебрасывал через забор свернутые в трубку газеты, а сегодня сама забралась на перекладину и, отталкиваясь ногой, каталась на калитке туда-сюда, и никто не ругал меня и не бил.

Вечером самостоятельно приняла ванну и вымыла волосы. С гордостью разглядывала свое отражение в зеркале: вот я какая взрослая — не обожглась кипятком и не залила водой пол.

Тетка сидела в прежнем положении, и мне показалось, ее лицо осунулось, а черты стали тоньше. Не может человек спать так долго, — подумала я. Уже вторые сутки пошли, а она не встает с кресла.

Подумала — и тут же утешилась. Завтра разберемся.

Перед сном собрала по дому гремящую мелочевку: тазы, кастрюли, ведра и соорудила баррикаду на стуле у теткиной двери. Спала я в своей каморке, чутко прислушиваясь к звукам, но сон не шел ни в какое сравнение с другими ночами — никто не дал оплеуху вместо пожелания спокойной ночи, и желудок молчал, сытый и довольный. Я стала свободной и делала то, что хочу!

На следующее утро, собравшись с духом, я пробралась в спальню, сдвинув в сторону нагромождение вещей и оставив путь для отступления. Тетка по-прежнему спала. На кровати валялась раскрытая коробка с лекарствами, рядом на тумбочке — полный стакан, а тетушкины руки лежали на подлокотниках кресла. Наверное, она не дотянулась до питья и уснула на ходу.

Лицо женщины пожелтело и еще больше осунулось. Под глазами залегли темные круги, нос словно бы ввалился внутрь. Я ткнула пальцем в плечо сидящей, а потом осторожно прикоснулась к руке. Тетка не двигалась, и ее ладонь оказалась холодной и безжизненной.

Дело неладно, — мелькнула тревожная мысль. Люди не спят долго без потягиваний и зеваний.

Так я впервые увидела смерть, но не поняла, что это такое. При взгляде на неподвижную родственницу, застывшую каменным изваянием, мне вспомнилась картинка, увиденная в одной из книг. На ней художник изобразил сидящую в такой же позе девушку с длинными волосами, а стены, пол и потолок покрывали зловещие красные узоры с потеками. Казалось, через миг нарисованная фигура встанет и, не открывая глаз, пойдет на зрителя с вытянутыми вперед руками.

Выскочив из спальни, я заперла понадежнее дверь гремящей пирамидой и, вспомнив о телефоне, направилась в гостиную. Если позвонить отцу, как это делала тетка, он приедет и заберет меня.

Аппарат притулился на столике: белый корпус с рядами черных кнопок, и провод, уходящий под ковер. В трубке монотонно гудело. Может, тетка и записывала телефонные номера, но, бегло осмотрев гостиную, я не обнаружила ни блокнота, ни захудалой бумажки с цифрами. Играясь, наугад понажимала на кнопки и рычажки. Нет, так проблему не решить. Хорошо жилось в одиночку до поры, до времени, пока не пришло осознание — в непрекращающемся теткинском сне есть что-то неправильное, и если она не просыпается, кто-то должен ее разбудить.

Выйдя из двора в проулок, я потопталась около калитки, но побоялась удалиться от дома. Мне казалось, стоит отвернуться, и пристанище, пусть и нелюбимое, перелистнет ветром как страницу в книге, а закладки не останется. В общем, играла я в проулке, не решаясь выйти на дорогу, пока меня не окликнули. Две женщины, каждая с корзинкой, прикрывали глаза ладонями козырьком от яркого солнца. Они шли мимо и заметили меня.

— Здравствуй, девочка! — сказала одна из них. — Ты живешь здесь?

— Да.

— Это ее племянница, — сказала вторая женщина первой и обратилась ко мне: — Твоя тетя хотела забрать отрез на платье, но не пришла. Может, она заболела?

— Нет, — разглядывала я их.

— Странная девочка, — снова сказала вторая женщина, скорее всего, для себя или для подруги. — Слышала, она держит ее в строгости.

— Бедный ребенок, — посочувствовала первая женщина. — Можешь позвать свою тетю?

— Не могу, — ответила я бесхитростно. — Она спит. Уже третий день.

— Как так? — удивились женщины.

— Не знаю. Спит — и всё. У себя в кресле, — показала я рукой на окно теткиной спальни.

Женщины переглянулись между собой.

— Пойдем-ка, дитя мое, попробуем разбудить твою тетю, — сказала одна из женщин, и я проводила их к дому.

Потом, конечно, начались ахи и вздохи, звонки по телефону, какие-то машины, чужие люди, которые ходили и освещали комнаты яркими вспышками.

— Бедняжка, — посочувствовал кто-то в гостиной. — Три дня в доме с мертвецом.

Начальственный баритон сказал:

— У покойницы имелись родственники. Найдите их и поставьте в известность.

— Слушаюсь, — отчеканил мужской голос.

— К ней регулярно приезжал брат, — сообщила та женщина, что пожалела меня на улице.

— Куда бы пристроить ребенка, пока он не приедет? Отдавать в приют хлопотно, много мороки при оформлении.

— Пусть побудет у нас, — предложил сердобольный женский голос. — Одним ртом больше — мы и не заметим. К тому же девочка как воробышек, не объест. Живем неподалеку, через три дома за углом.

— Хорошо. Не забудьте оставить расписку. Запротоколируй.

— Слушаюсь.

Таким образом, я очутилась в доме незнакомой женщины, волей случая встретившейся мне в тот день на улице. Три дня, прожитые у нее, показались волшебной сказкой, с лихвой

перекрывшей явь будней у тетки. Меня жалели и опекали, подкладывали лучшие куски в тарелку, выделили отдельную комнату и мягкую постель, и хозяйка время от времени гладила по голове, вздыхая.

— Охохонюшко, птичка-воробышек. Кто бы знал, что за птенчик живет неподалеку? Видно, несладко тебе пришлось, — повторила она фразу, сказанную вечером в ванной при виде синяков и ушибов на моем теле.

Чудесная душевная женщина, и я на всю жизнь запомнила ее доброту, только имя не узнала, а спросить побоялась.

— Чудная какая-то, — сказал сын хозяйки, мой ровесник, своей сестре, младше года на два.

Они пошептались.

— Пойдем играть, — предложила девочка.

Я застеснялась. Вдруг мои развлечения покажутся странными, или играю не так, как надо? Но вскоре любопытство подтолкнуло присоединиться к хозяйским детям, которые отнеслись ко мне дружелюбно и приняли в свою компанию.

Три счастливых дня в этой дружной семье пролетели как один миг, а потом за мной приехал отец.

Вот так вот. Одна фраза вместила крутой поворот в жизни. Позже мне часто снилась тетка, раскачивающаяся в кресле, от скрипа которого я просыпалась в холодном поту. Лишь в интернате, повзрослев, поняла: женщина умерла из-за моей дерзкой выходки. Видимо, сердце не выдержало, а лекарства не помогли. Я убила свою тетку. Я — преступница. Яблоко от яблони недалеко падает.

— Что было после? — оторвал от воспоминаний голос Альрика.

— После?

Выпав из реальности, я не сразу сообразила, где нахожусь. За окном стемнело. Еще не скоро день наберет силу, и солнце начнет жарить до позднего вечера.

— После смерти вашей тетушки, — напомнил профессор.

— Отец устроил меня в интернат с круглогодичным пребыванием. — Я назвала район и город. — Государственное учреждение смешанного типа для детей висоратов и тех, кто не видел. Попадались и "грязные".

— Знаете о "грязных"? — удивился единственный слушатель.

— Я много о чем знаю. А в целом, ничего интересного. Училась, жила. Получила свидетельство об окончании школы при интернате, а когда приехал отец, попросила отвезти к матери. Он ответил отказом и поставил условие: аттестат о висорическом образовании взамен на её адрес.

— Логика его решения понятна. В последнее десятилетие стало модным кричать на всех углах о династиях и преемственности поколений. Вы удачно подоспели, закончив интернат, покуда ваши брат и сестра не вышли из школьного возраста. Ваш батюшка попал в струю и собрал несколько звезд на политическом небосклоне, пропагандируя политику правительства и подкрепив свою преданность поступлением дочери в ВУЗ с висорическим уклоном. Кстати, куда вас приняли?

Я назвала захудалый колледж в провинции, откуда выпускали паршивеньких специалистов, не блещущих искромётными знаниями, для работы в сельской глубинке.

— Зато там жилось проще. Учебников вечно не хватало, и разрешали пользоваться литературой в общежитии.

— Вообще-то вынос источников информации за пределы учебного заведения запрещен кодексом, — нахмурился Альрик.

Я пожала плечами. Как было, так было.

— По какой причине сменили место учебы?

— Одолела первую сессию и прокололась перед второй, вернее, перетрусилась. Соседка готовилась к контрольной и повторяла стихийные айгеа^[30] заклинания, а я случайно запуталась в них и перемешала. Испугавшись, позвонила отцу. В таких случаях он велел сообщать сразу же.

— Где следующая остановка?

Я назвала другой ВУЗ — институт в южных районах страны.

— Там жарко. Настоящее пекло. Меня хватило на летнюю сессию и на половину зимнего семестра. Однажды соседи по общежитию решили подшутить. Я проснулась, связанная путами, и не смогла освободиться самостоятельно. Надо мной долго смеялись, и пошли разговоры.

— Достаточно потянуть за кончик волны, чтобы узелок развязался, — пробормотал профессор.

— Да. Но я не видела ни узелков, ни веревок, поэтому позвонила отцу. Он перевел меня в институт на севере.

— Знакомое место, — улыбнулся мужчина. — В студенчестве проходил там практику

по обмену. Богатый традициями ВУЗ.

— Да, основательный. Само здание чего стоит — шпили, арки... Настоящий рыцарский замок. Я сдала зимнюю сессию и благополучно проштрафилась ближе к летней. Обман заподозрил въедливый преподаватель. Он пошел с предположениями в ректорат, но удачно попал в руки к нужному человеку, который курировал меня. Мой покровитель рекомендовал как можно скорее покинуть институт, и я опять позвонила отцу.

— Таким образом, вы окончили второй курс в четвертом по счету ВУЗе. Где?

— Небольшой колледж в предгорьях. Оттуда напрямиком приехала в столичный округ.

— Почему?

— Это суровый край, и там живут суровые люди. А я трусиха. Однажды в пешем походе студент сорвался в пропасть, а я шла следом и не помогла ему. Парня вытягивали впятером с помощью *leviti airi*^[31] и спасли, а мне создали все условия, чтобы добровольно покинуть колледж. В тех местах не прощают малодушия. Пока отец договаривался с нужными людьми, я жила в небольшой гостинице в пригороде столицы. Наверное, он посулил золотые горы, и меня приняли сюда.

— По ВУЗу на одну сессию, — констатировал профессор.

— Да, знакомая закономерность. К лету придется снова менять место жительства.

— Познавательное. В вашем возрасте не каждому удастся повидать мир, — сказал Альрик, вытягивая увечную ногу.

Сомнительное счастье путешествий. Меня кружит как листок на ветру, и повсюду я чувствую себя чужой.

— Почему не взбунтовались? Заявили бы, что не поддадитесь на шантаж и насильственное принуждение к учебе.

— Пробовала. Отец сказал, что со мной произойдет несчастный случай со смертельным исходом.

Профессор хмыкнул:

— Пустая угроза.

— Может, и пустая, но он никогда не бросает слов на ветер. Буду "гулять" по ВУЗам до тех пор, пока выгодно отцу. Наверное, проблемы, создаваемые мной — мелочь по сравнению с пользой, которую он получил.

— Ваш батюшка речист, — согласился мужчина. — Горячо поддерживает правительственный курс и на хорошем счету. Он уверенно продвигается вверх.

Наш батюшка медленно, но верно взбирается на вершину политического олимпа, и безмозглая дочь не воспрепятствует достижению цели.

— Что ж, вы выполнили свою часть сделки. Мне достаточно информации, — закончил профессор беседу по душам.

Я вздохнула. Откровения подняли со дна памяти неприятные и постыдные моменты биографии, и муторная взвесь не желала оседать. "Во всем нужно видеть хорошее, — говорил Алик. — Как бы хреново не было, знай — могло быть хуже, поэтому радуйся тому, что есть". И учил: "Всё, что ни делается — к лучшему. У всякой гадости есть цель: сделать тебя выносливее, закаленнее и сильнее. Разбив нос на мелочи, ты не сломаешь шею в большом деле". Раньше в каждой неудаче я искала плюсы и хорошие стороны, они позволяли смотреть в будущее с надеждой. В последнее время совсем позабыла о заповедях интернатского друга, выручавших в трудную минуту.

— Какой толк в том, чтобы быть вашей синдромой?

— Никакого, — ответил Альрик. — Исследования свернуты, интерес к теме давно угас, поскольку из нее нечего выжимать.

Циничные слова покоробили. Не завидую тем, кого признали особенным и сделали рабочим материалом для опытов ученых, извлекающих пользу целиком или по частям.

— Значит, диагноз неизлечим?

— Это не болезнь, Эва Карловна, — ответил мужчина мягко. — К сожалению, мутация пожизненна.

То есть неустранима. Это судьба. Рулетка. Выброшенные кости. Вскрытые карты. Кем и где угораздило родиться.

Альрик дохромал до сейфа и, достав долгожданное заключение об исследовании раритета, протянул мне. На офсетном листе сверху значилось заглавными буквами, выполненными на печатной машинке: "Независимая экспертиза".

Ниже, в первом пункте "Объект исследований" указывались визуальные характеристики фляжки — вместимость, масса нетто и брутто, диаметр в широкой и узкой части, эллипсность и прочие количественные уточнения, вплоть до вогнутости доньшка и числа витков на резьбе.

В следующем пункте "Внешние признаки" перечислялись отличительные приметы сосуда: материал — серебро с двумя десятками добавок, названия которых ничего не говорили; подробное описание чеканного рисунка вплоть до угла наклона копья, поворота головы героя и числа колец у издыхающего питона; количество повторений фразы *non dispi funda*^[32] и расположение клейма производителя.

Далее следовала строка "Предназначение". Конечно же, производство органической жидкости от янтарного до темно-коричневого цвета с отсутствием осадка, заданной температурой, плотностью, вязкостью, кислотностью, крепостью и составом, классифицируемой как коньяк.

"Суть улучшений". Тут я вообще оказалась не при делах. Высокоумная белибердень — математические и структурные формулы, знаки и символы, перемежающиеся цифрами — заняла добрую половину листа. Как печатная машинка сумела выдать нечитаемую абракадабру?

"Гарантийный срок/число/количество/сумма поколений". Прочитав, глаза расширились и долго не могли сузиться. Единица на десять в шестой. Миллион порций крепчайшего напитка отличного качества. Так и есть — упомянута полная генерация, то есть алкогольный гейзер забулькает лишь в опустевшей фляжке, а половинный объем заполняться не будет.

Меня пронзила жадность. Внезапно расхотелось разлучаться с коньячным чудом. Может, перейти с опта на розницу и продавать спиртное из-под полы на розлив?

"Период генерации" — 30 мин. Голова кругом. Это же кран с открытым вентилем! Собственный заводик на дому! Чем не повод для открытия подпольного бара?

Триумфом гениальности Альрика стала печать белого сургуча со скромным оттиском черного трезубца, расположившаяся внизу листа — какая же, как и на фляжке.

— Невероятно! — восхитилась я и, потеряв дар речи от переполняющих чувств, пожирала глазами результат профессорского труда.

— Оригинал заключения можно вынести из института, как и фляжку. Возьмите вдобавок ксерокопию. Она сделана на бумаге из личных запасов, поэтому Монтепорт не откликнется. Советую отдать посреднику сначала копию для предварительной оценки и

поторговаться, а затем заключать сделку и отдавать оригиналы.

— Да, — я заворожено уставилась на лист, не поняв ни слова из сказанного.

— Эва Карловна, — тронул за плечо мужчина.

— А? Что? Здорово, Альрик Герцевич! Вы волшебник!

Он принял комплимент, благосклонно улыбнувшись, и повторил речь.

— Как оцениваете фляжку?

— Дайте подумать, — профессор потер лоб. — С учетом того, что я давно отошел от дел... Инфляция, расходные материалы, двухсторонний риск... Не меньше двухсот тысяч.

— Ты-тысяч? — протянула я, не сразу вникнув в размеры суммы. Цифра, озвученная Альриком, приравнивалась мной к полету на Луну или куда подальше.

— Торгуясь, стойте на половинной доле от реализации, иначе посредник решит, что вы в безвыходном положении, и специально снизит цену или будет давить, требуя перераспределения процентов.

— Хорошо, — кивнула я, а в ушах стояло: "Двести тысяч". С ума сойти! Если профессор не ошибся в предположениях, после дележа долей у меня на руках останется пятьдесят тысяч. Мама дорогая! Да меня ухлопают при выходе из лаборатории!

Власть денег огромна, пусть они пока мифические. В каком-то полузабытье я вытерпела осмотр с замерами, взятиями, прослушиваниями и заглядываниями. Забыла обо всем, даже о "колечке" и о проблемах с Мэлом. Глаза заполонили кучи монет, или нет — высоченная гора, сверкавшая золотом как новогодняя елка.

Напоследок мужчина сказал:

— Если посредник предложит цену ниже, чем я назвал, поясните, что гарантийный срок заложен на жидкость указанной крепости, и понижение на каждый градус имеет аналогичное число генераций, умноженное на тысячу, так что фляжка начнет вырабатывать сивуху ближе к концу света. Специалист прочитает об этом в разделе "Суть улучшений".

— Запомнила, — взглянула я на листок. Наверное, символ бесконечности в третьей строчке как раз характеризует эффективность работы раритета. Представила, как Солнце когда-нибудь остынет и планета погибнет, а фляжка вмерзнет лед, но продолжит генерировать коньяк.

— Желаю удачи на экзамене. — На прощание Альрик намекнул на бессонную ночь, которую следовало посвятить безумной зубрежке.

Торопясь в общежитие по свежевывавшему снегу, я с подозрением оглядывалась по сторонам. Лишь прибежав в швабровку, выдохнула с облегчением: мой мирок защитит от недобрых завистливых взглядов, охочих до бездонных коньячных фляжек. Все-таки каков папенька, самый честный и неподкупный в мире. Бессовестно умыкнул уникальнейшую вещицу, а я бессовестно стырила у него. Яблоко от яблони недалеко падает.

Радик дождался со сваренной кашей и бутербродами, покрытыми прозрачными колбасными ломтиками. Меня же обуревала лихорадочная суетливость, и от переизбытка чувств я чуть не расцеловала парнишку.

— Спасибо, Эва. Ты меня выручила, — поблагодарил он за убежище, предоставленное для подготовки к экзамену.

— Не за что, — отозвалась я, витая мыслями непонятно где. — Проблемы не возникли?

— Не. Пока варил кашу, познакомился с соседом, он разрешил звать его Капитосом. Как думаешь, можно?

— Отчего же нельзя, если разрешил.

— Хорошо, что у тебя поднялось настроение. На обеде ты была очень грустной.

— А-а, не обращай внимания. Давай лопать.

И мы застучали по стенкам кастрюли. Сумку я поставила в ноги, боясь упустить из виду. Теперь вся надежда на фляжку, и нельзя её профукать.

Оказалось, не так уж трудно переступить через себя и поделиться непримечательным прошлым, приблизившим к уплате долга Пете. Сумма, озвученная профессором, ввела в благоговейное оцепенение. Я, конечно, рассчитывала выгадать на продаже несколько тысяч, но чтобы пятьдесят! Хотя мечтать о золотых россыпях — то же самое, что делить шкуру неубитого медведя. Третья часть задачи выполнена, но остались не менее важные две трети — договориться с Алессом и до конца недели получить долю от реализации раритета.

Вот удивится парень, увидев оттиск черного трезубца на экспертизе. Как пить дать, подавится запеканкой. Завтра встречусь с будущим посредником, а сегодня не мешает поучить билеты к провальному экзамену по символистике, не то пойду на пересдачи, увязнув в контрабандной кутерьме.

Запланированный вечер трудяжки, измученной учебой, не состоялся. Финал великосветского ужина прервала запыхавшаяся Аффа, и я застыла, не донеся бутерброд до рта.

— Ты тут сидишь!

— Сижу, — подтвердила догадку соседки. — Присоединяйся.

— И ешь! Собирайся и пошли скорее.

— Куда?

— За стилистом. Надеюсь, еще помнишь?

— Не успеваю забывать. Прямо сейчас пойдём?

— А когда? Вдруг она передумает.

— Кто? — на ходу дожевывая бутерброд, я перекинула сумку через плечо и направилась к двери. — Радик, ты за старшего.

— Вива, — пояснила девушка.

— Которая меня обкромсала? — остановилась я.

— Разве плохо вышло? Поверь, могло получиться хуже, возьми за тебя любитель. Пришлось бы выстригать раза на три и отдавать денежки за каждую стрижку, да еще без гарантий. А Вива делает без обмана и качественно.

Я вспомнила странную мелкую девицу без бровей.

— По-моему, она не похожа на хорошего стилиста. За собой не может уследить, не говоря о том, чтобы подобрать образ для меня.

— Вива возьмет дешевле, потому что студентка, а на внешний вид не обращай внимания. Она еще удивит тебя.

— Неужто к ней записываются загодя за два месяца вперед? — съязвила я, поднимаясь по ступеням.

— Может, и записывались бы, но Вива соглашается работать не с каждым. Её нужно заинтересовать.

За разговором мы взобрались на третий этаж.

— Ты уже поговорила с ней? — поинтересовалась я у Аффы.

— Еще нет, но сегодня наш день. Чувствую, что дело выгорит.

Точно, почему бы ему не выгореть синим пламенем, если счетчик наличности замер у

отметки "ноль"?

На этот раз Вива открыла без долгих уговоров, видимо, сегодня действительно был удачный день, потому что Венера врезалась в Сатурн, или Юпитер сошел с орбиты. Доморощенной стилистке удалось поразить меня вечерним платьем насыщенного бирюзового цвета с открытой спиной, волочившимся по полу. Атласная лента на голове, удерживающая фиолетовое перо над ухом, и густо насурьмленные брови придавали Виве трагически-загадочный образ. При взгляде на собранные в хвостик волосы, явившие миру богато оттопыренные уши, меня начали глодать сомнения в профессионализме хозяйки.

Вива сразу узнала меня, несмотря на плотный график сверхпопулярного стилиста и нескончаемый поток желающих сменить свой образ. Ага, роятся толпами около пятнистой двери и ночуют на коврике в надежде, что их осчастливят красивыми бровями, уходящими к линии волос.

— Опять кудри начесали? — спросила она у Аффы.

— Пока нет. Мы за другим. Нужен стилист и учитель политеса. К воскресенью.

— Для кого?

— Ей, — показала пальцем соседка. — Идет на "Лица года".

Вива развернулась и уставилась на меня.

— Это... и в Дом правительства?

"Это" обиделось и оскорбленно отвернуло в сторону нос. Не нужен мне никто. Сама справлюсь, дайте только фляжку продать. Пройду по ковровой дорожке, подброшу денежки вверх, и меня не разглядят за золотым дождем.

— Занятно, — обошла вокруг девица, шелестя платьем. — Сложно, но можно. За подбор стиля пятьсот, за политес — триста. Предоплата полностью.

— В том-то и дело, — встряла Аффа, едва я открыла рот. — Деньги появятся в конце недели.

— Будет наличка, будет политес.

Ответ яснее ясного. Зачем впустую топтать коврик, пора освободить место для других, жаждущих изысканного стиля. Я повернулась к двери, чтобы уйти.

— Вива, представь, твоя марка на "Лицах года" и в журналах, газетах, на телевидении, — начала уговаривать соседка. — Ей поцелует руку сам премьер-министр, а все дамы изойдут черной завистью, увидев твоё мастерство.

— Увидев такое, они будут хохотать до упаду, — скривилась девица.

Всё, надоело выслушивать оскорбления. Если суперпрофессионалка думает, что молча проглочу колкости, то не на ту напала. У меня имеется большая кадка собственного достоинства. И какой, к черту, политес? Ложкой и вилкой есть умею, а улыбку для фото натяну до ушей, лишь бы лицо не треснуло.

— На себя погляди. Пошли, Аффа, — взялась я за дверную ручку.

— Эва, погоди, — растерялась соседка.

— Ладно, — девица неожиданно сменила гнев на милость. — Тогда штукарь за всё.

— Согласны, Вивочка! — захлопала в ладоши Аффа.

Непонятно, стоило ли радоваться подозрительной удаче. Только что улетела в никуда целая тысяча из несуществующей золотой горы, а у соседки на лице нарисовалось необыкновенное блаженство, словно она отрыла сундук с сокровищем.

— Начнем, не мешкая. Скидывай сапожищи и выходи сюда, — приказала хозяйка, и я, послушно разувшись, встала в центре комнаты. Теперь не имело смысла уходить, громко

хлопая дверью.

— Да уж, — сказала Вива, отойдя подальше и скептически оглядев меня. — Надень, — бросила черные туфли.

Боже, что это оказались за туфли! С лошадиным каблуком высотой сантиметров десять, отчего ступням предстояло подняться перпендикулярно полу.

— Не налезут, — кряхтела я, засовывая ногу в колодку.

— А ты постарайся, и налезут. Они настраиваются на нужный размер.

И правда, туфли чудесным образом растянулись и не жали, смотрясь как влитые.

— Пройдись, — велела свеженанятая училка светских манер. Сделав два шага, я запнулась и едва не шмякнулась носом о пол. Хорошо, успела выставить руки, а то ходила бы со сплюснутым лицом.

— Отвратно, — заключила Вива и разогнула мне плечи, так что лопатки с хрустом сошлись у позвоночника. Я взвыла. — Вот как надо. Запомни, на приемы не ходят в тапочках, так что придется ежедневно тренироваться. Туфли тебе аренду, ходи в них каждую свободную минуту.

— Разве в них можно ходить? — пропыхтела я, силясь сделать шагок.

— Ходить, бегать и танцевать, а не ковылять как черепаха, на полусогнутых. Как освоишься, перейдем на шпильки. Есть полвисора?

— Есть, — ответила я, удивившись вопросу.

— Зажмешь ягодицами, — встав сзади, девица хлопнула руками по моим бедрам, — на голову положишь книгу потяжелее и вышагивай от двери до окна и обратно. Десять раз достаточно.

— А почему потяжелее?

— Чтобы надолго запомнилось, когда упадет на ногу. В следующий раз будешь аккуратнее. На, возьми, — Вива протянула моток вязальных ниток. — Размотаешь в линию на полу. Наступать будешь строго на нить, поняла?

— Поняла, — вздохнула я тяжело.

— Не будет она ничего делать, — вставила хихикающая в кулачок Аффа, пристроившись на табурете у трюмо. — Пусть здесь попробует.

Для первой пробы пришлось снять колготки и отбросить прочь стеснение.

И пытка началась. Лошадиные копыта норовили ускакать, книга падала и больно била по ногам, монетка сразу же закатилась под стол, и мы искали её добрых пять минут, а ровная линия нити превратилась в сложный перевал, который я, как ни силилась, но не смогла преодолеть.

Девушки заливались смехом, глядя на неуклюжие попытки дефиле.

— На зеленой дорожке не место сутулости. — Вива стукнула меня по спине. — Шаги не мельчи, но и не топай как великанша. Не хмуриться! Смотри перед собой, втяни живот и улыбайся.

Хоть что-то у меня получилось — смотреть вперед. Невозможно одновременно улыбаться и шаркать в ужасных парнокопытных туфлях.

— За неделю из нее не сделать человека, — посетовала девица.

— Вивочка, постарайся, — соседка сложила ладони в умоляющем жесте.

— Уяснила домашнее задание? — спросила сурово училка политеса.

— Уяснила, — ответила я, ковыляя по комнате и усердно стуча каблуками.

— Значит так. Зеленая ковровая дорожка длиной пятьдесят метров. Машина

останавливается в начале пути. По обе стороны фотокамеры, журналисты, телевизионщики. Вспышки, крики, суматоха. Для снижения чувствительности глаз придется надеть светопритупляющие линзы. Аффа, записывай.

Схватив листочек с трюмо, соседка застрочила карандашом.

— Может, купить линзы с иллюзиями? — загорелась она. — К примеру, зрачки как у змеи или в виде снежинки, а? Или огненный взгляд! Или флаг страны! Движущиеся картинки тоже смотрятся классно — летящая комета или крутящееся колесо. Я видела в каталоге, выглядит сногшибательно.

— Однозначно с иллюзиями в глазах появятся две трети приглашенных, — скривилась Вива. — Спаси и сохрани тех, у кого журналюги отыщут две одинаковые картинки. Их растерзают.

— Да, — поникла соседка. — Пресса утопит в грязи. Хотя идея хороша, признай.

— В клубе, но не на правительственном приеме.

Я вслушивалась в поучительный диалог. Столичные штучки — это вам не каша на воде. Конечно, и до провинции докатились новомодные волны, но народ на периферии не зря считался консервативным. На выпендренников показывали пальцами и не сдерживались в грубых выражениях. Смельчаков, рискнувших бросить вызов провинциальному болоту, обзывали попугаями.

Вспомнив о зеленых ободках в зрачках Мэла и зверином глазе профессора, пробуждавшемся в моменты ярости или злости, я поинтересовалась:

— Это дорого?

— Всё-таки захотела? — воскликнула радостно Аффа.

— Безвкусица, — фыркнула личная стилистка. — Пошло и вульгарно. Знаешь, в чем подоплека фокусов с линзами? Слабаки жаждут быть похожими на сильных, но, подражая, выглядят дешевками. Породу видно по глазам с естественной мозаикой, которая проявляется в определенных жизненных ситуациях.

— Если у человека зрачки стали вертикальными, значит, он сильный висорат? — не отставала я, допытываясь.

— Нет, мозаика — признак аристократизма и генеалогического дерева на нескольких страницах, хотя встречается не в каждом поколении. По крайней мере, так написано в литературе, — ответила Вива, удивив меня прилежанием в изучении глазных иллюзий.

Её слова кое-что прояснили. Я считала, что Мэл пижонит, демонстрируя последний писк модного зеленого фосфора, а, оказывается, устрашающие ободки передались ему по наследству. Хватило трех раз, чтобы уяснить — радужки парня меняют цвет при вспышках агрессии или когда Мэл задумывает подвох. Что касается Альрика, то его причуды оставались за гранью понимания, но мужчина вряд ли бы уподобился примитивным подражателям.

Что и требовалось доказать. Оба они — и Мэл, и профессор — начали свои родословные с Адама и Евы или раньше них.

И как меня угораздило связаться со столичным принцем? — опалила паническая мысль. Кто я и кто Мэл? Завравшаяся серая мышка без способностей и наследник известной фамилии. Мы живем в разных мирах, у нас нет ничего общего и вряд ли появится, но, наплевав на различия, меня необъяснимым образом тянет к Мэлу, успевшему прочно обосноваться в голове.

— Хватит молоть воду в ступе, — сказала строго Вива. — Никаких иллюзий в глазах.

Решено.

Хорошо, что она отвлекла, а то неизвестно, до чего бы я додумалась.

— Пункт второй. Серезки носишь? Тогда придется использовать клипсы с фильтрами для уменьшения слухового восприятия. С ними не оглохнешь и поймешь речь премьера. Из-за многократного эха трудно разобрать слова, а фильтры отсеют звуковой резонанс, и звуки станут чище и тише. Записала? — спросила Вива у соседки.

— Угу.

— Третье. Выйдешь из машины и пройдешь по ковровой дорожке ровно тридцать метров. Обязательно слева от кавалера, держа его за сгиб локтя, не ниже и не выше. Ясно?

— Не упомяну всего, — растерялась я от обилия ценной информации.

— Аффа, пиши.

— Пишу, пишу.

— А как узнать, где закончатся тридцать метров?

— Это тайна для умных девочек, — улыбнулась хитро девица. — О ней мало кто знает. По бокам дорожки идут колонны. На отметке тридцать метров увидишь знак на одной из них. Обычно это черта на высоте двух-трех метров. И не верти головой как на деревенской ярмарке.

— А что дальше?

— Вот что. Вы остановитесь и повернетесь к началу дорожки, причем нужно делать разворот лицом к партнеру и взять его под локоть другой рукой. Будешь улыбаться и считать про себя до шести. Шесть секунд, пока вас сфотографируют для истории, журналов и каталогов. Затем развернетесь, опять лицом друг к другу, и пройдете оставшиеся двадцать метров.

— Не смогу, — пропищала я. — Это ужас!

— Это начало, — пообещала Вива. — Всё интересное впереди.

Я простонала. Будь проклят Петя со своим приемом!

После лирического отступления о правилах утаптывания зеленых дорожек продолжилась экзекуция с ходьбой по натянутой нити. Аффа играла роль кавалера, волочившего меня до секретной отметки на колонне, коей являлась хихикающая Вива. Повернувшись лицом к воображаемой публике, я улыбалась во все тридцать два, отсчитывая про себя секунды...

Затем Вива показала, как следует сидеть в машине и выходить из нее, когда кавалер, то бишь Петя, протянет руку.

— Ноги скрестить и слегка вбок. Вот так. Вкладываешь ладонь, ставишь сначала одну ногу, опираешься, следом вторую, и выпархиваешь, легко и воздушно. Никаких прыжков, подскоков и повисаний на шее партнера.

Выпархивать из машины на копытах не получалось. Зато получалось вываливаться тяжелым мешком и падать коленями на пол. В общем, кошмар и непрекращающийся смех девчонок.

На прощание Вива вручила обещанные туфли и моток ниток, велев тренироваться и еще раз тренироваться. Следующее занятие было назначено на завтрашний вечер, причем надлежало явиться беспрекословно в силу переменчивого настроения преподавательницы политеса. Когда же готовиться к экзаменам?

Ковыляя вниз по ступеням на негнущихся ногах, я покряхтывала от боли.

— За что мне такие муки?

— А как ты хотела, Эвочка? Нам, женщинам, значительно труднее, чем мужчинам.

Нужно соответствовать.

— Чему?

— Уровню.

Наверное, Аффа меряет по себе. У каждого из нас своя высота планки: кто-то прыгает и тянет руки в попытке достать до неё, а кто-то ползает и не печалится.

Я остановилась в лестничном пролёте, чтобы передохнуть и размять ноющие ступни.

— Наверное, дороговато нанимать стилиста за тысячу.

— Потраченный шукарь — мелочь для приема на высшем уровне, — опровергла с жаром соседка. — Тебе должно быть известно, сколько стоит профессионал со звездным именем.

— Не имею понятия. Отец не шибко баловал, — поспешила я оправдать собственное незнание.

— Оно и видно.

— Откуда Вива знает разные мелочи о "Лицах года": как идти, куда смотреть, кому улыбаться?

— Разведка — ключ к успеху, — поведала девушка. — Всего лишь понадобилось прощупать почву и узнать, что Вива мечтает стать специалистом высшей категории и обслуживать мероприятия в верхах. Поэтому она изучает нюансы их организации. Я, конечно, сыграла чуток на чужих амбициях, но ведь получилось! Хотя в качестве клиента ты далеко не сахар.

— Я?! По-моему, у меня исключительное терпение. Могу терпеть сутками, неделями, годами...

— Веками, — добавила Аффа, хихикнув. — Пошли уже, нескончаемая добродетель, хочу доучить оставшиеся билеты. Но советую жить с Вивой дружно. Вы теперь связаны: твой незабываемый стиль напрямую зависит от её настроения, а будущее Вивы как стилиста зависит от успешности твоего выхода в свет. Так что постарайся и не подведи.

Причем здесь я? Пусть адресует пожелание девице, которую наняли за сумасшедшие деньги ублажать меня. Хотя сумасшедших денег пока что нет, но обязательно будут. К тому же непонятно, то ли хвалить соседку на шпионские наклонности, то ли загодя ругать за то, что втянула меня в аферу с капризным личным стилистом.

Радик терпеливо дожидался уморившуюся хозяйшку швабровки, увлекшись чтением конспектов.

— Ничего, что я полежал немножко? — спросил испуганно, вскочив с кровати.

— Ничего, — махнув рукой, я швырнула сумку в угол и, дотопав на раскоряку до стола, навела витаминного сиропа.

— Что случилось? — забеспокоился парнишка.

— К воскресенью я должна стать первой красоткой на селе, — пояснила и вкратце рассказала о репетиции в апартаментах на третьем этаже. Пока я описывала процесс походки от бедра, юноша ухахатывался, держась за живот, и у меня тоже поднялось настроение. Так и следует поступать впредь — воспринимать с юмором наваливающиеся трудности.

Я хотела продемонстрировать Радике дефиле в копытных туфлях, но ноги категорически взбунтовались, опухнув с непривычки.

— Подержи в прохладной воде, — посоветовал парнишка. — Желаю успехов. Завтра похвалишься результатами.

— Ох, если бы, — махнула я рукой.

После душа мне немного полегчало. Тяжела ты, женская доля, — вздохнула, массируя ступни и щиколотки.

По пути в швабровку я столкнулась с Лизбэт и от неожиданности забыла поздороваться. Она тоже не спешила сердечно приветствовать после долгой разлуки и рьяно чистила зубы, делая вид, что рядом с ней никого нет.

— Ты залила клей в скважину? — спросила я без предисловий. К чему расшаркиваться, мы не на правительственном приеме.

Лизбэт прервала полировку рта. Видимо, соседка успела рассказать историю с заклинившим замком, потому что девушка не удивилась вопросу.

— Сама разбирайся со своей дверью. Я её не трогала.

— Так и поверила!

— Хочешь — верь, хочешь — проверь.

— Как же, проверишь тебя, — пробурчала я.

— Попроси любого ясновидца с элементарного. Он вычислит, кто лапал твой драгоценный замок.

И как мне в голову не пришло? — прикусила я губу от собственной простоты. Ведь можно было привлечь Аффю к расследованию, заткнув совесть, вопящую, что кое-кто беззастенчиво эксплуатирует соседку. Еще Радик ест каши под боком — пусть бы тренировался определять замочных преступников на практике, правда, он зеленый неопытный студент, пытающийся сдать свою первую сессию.

Однако в разумном предложении Лизбэт пряталась закавыка: о помощи следовало просить своевременно, потому что по нашему коридорчику болтались все кому не лень, и за прошедшие дни следы успели потускнеть.

Ясновидение считалось стопроцентно достоверной областью науки в первые полчаса после какого-либо события, а затем картины прошлого стремительно размывались, становясь со временем мутными и неопределенными. Сильный ясновидец сумел бы с большой точностью рассказать спустя годы о прошлом, но висораты с таким даром встречались очень редко, и они не станут тратить время на вынюхивание подробностей диверсии в завшивленном общежитском коридорчике.

Даже если попрошу Аффю, и она изучит место преступления, то в лучшем случае скажет: "Орудовал одиночка с чулком на голове и очень спешил". Минимум информации, которую впитали недокрашенные стены и облупившаяся дверь. Какой толк в том, торопился этот упырь или медлил, тихонько посмеиваясь, покуда делал свое черное дело? Вот если бы соседка объявила: "Вижу Лизбэт, озирающуюся по сторонам и достающую из-за пазухи литровый шприц с надписью "КЛЕЙ", то улики оказались бы неопровержимыми.

— Здесь же проходной двор, — заключила я разочарованно. — Стоило искать по горячим следам.

— В таком случае продолжай подозревать в свободное от экзаменов время, — сказала Лизбэт, пожав плечами, и проскользнула мимо.

Какова змеюка! Не упустит случая поддеть и показать, кто самый умный и языкастый. Повыдрать бы ей волосенки, а то кудри слишком хороши не в пример моей редкой шевелюре.

Склока не получилась, и я побрела в швабровку. Не успела улечься, чтобы почитать конспекты перед сном и положить тетрадь под подушку для лучшей усвояемости, как появилась взбудораженная Аффа.

— До сих пор не могу успокоиться, — сказала она взволнованно. — Походи-ка еще в туфлях.

Пришлось выполнить просьбу, и девушка залилась смехом, повалившись на кровать.

— Извини, — сказала, когда я сбросила копыта и рухнула рядом. — Просто не могу остыть. Меня всегда заражает атмосфера приготовлений и долго не отпускает. Представь, нужно подобрать платье, прическу, туфли, аксессуары, учесть кучу разных мелочей. Потрясающе! Наверное, я страшная шмоточница и вообще, легкомысленная, но теперь не смогу остановиться. Можно завтра пойти с тобой к Виве?

— Конечно, можно.

— Я думала, ты стеснялась, когда мы над тобой... ну, угорали.

— Фигня, — махнула я рукой. — Бывают в жизни огорчения похуже. Слушай, а Лизбэт поздравила с днем рождения кандидатуру номер один на должность супруга?

— А как же! Альрик устроил для институтских праздничный обед на большом перерыве, и Лизбэт попала в число приглашенных. За столом её и Альрика разделяли два человека. Она извинилась за то, что не поздравила в воскресенье, а он ей в ответ: "Что вы, Лиза, какие могут быть оправдания? Семья — это святое". Ой, не могу, он такой лапочка! Семейственный.

Ну, да, лапочка с карманным скальпелем. Хотя стоит в тысячный раз признать, что Альрик — гениальный ученый, проведший экспертизу фляжки в рекордно сжатые сроки.

Я представила, как смущенная Лизбэт, накручивая локон на пальчик, лепечет, потупив взор: "Ах, сударь, простите, что не выступила в роли будильника в ваш день рожденья по причине поездки к родителям", а Альрик милостиво вещает: "Ничего страшного. Я сам примерный семьянин и от своей будущей жены жду того же", после чего они сливаются в крепком объятии родственников по духу личностей.

— Как у тебя с Костиком? — отвлеклась от фантазии.

— Обещал позвонить, — соседка вытащила телефон из кармана халатика. — Представляешь, сегодня открыли клуб.

— Хорошая новость, — порадовалась я за Аффу и всех униженных и оскорбленных из района невидящих. Может, и патрулирование отменили?

Клуб, Мелёшин, слезка, — логическая цепочка прошла красной нитью мозг. Я открыла рот, чтобы спросить у девушки, не заметила ли она своим сверхтонким чутьем что-нибудь подозрительное в нашем закутке, как в дверь постучали.

— Можно? — в образовавшуюся щель просунулась кудрявая голова улыбающегося Костика.

Взвизгнув, Аффа бросилась навстречу нежданному гостю и выпорхнула в коридор. Какой внимательный и заботливый парень: не стал звонить, а пришел, чтобы лично пожелать спокойной ночи. Похоже, соседка не отпустит Костика быстро и просто, уж больно её разгорячил поход к Виве.

Тут я заметила телефон, оставленный девушкой впопыхах на столе.

— Куда путь держим? — спросил Мак, вжимая педаль газа. Дворники методично счищали снег, который таял, улетаая на дорогу, блестящую в свете фар.

— Плевать, куда, — ответил Мэл, глядя в окно.

— Скажи хоть, почему?

— Отвали.

— Значит, у вас что-то было?

— Было, да сплыло.

— Она горячая шгучка или как?

— Холодная.

— Тю-ю. Я люблю, когда кровать раскаляется и до утра не остывает.

— Люби.

Машина свернула с проспекта на автостраду.

— Зря Ляпе по мордасу съездил. Он-то ни при чём.

— Зря, — согласился Мэл. — Чуть-чуть не дошел, а он под руку попался.

— А кто причём? — тут же влез Мак.

— Отвянь.

— Нет уж, предупреди заранее, чего ждать, чтобы я знал, из какого г*вна тебя вызывать.

— Тебя не просили.

Через минуту:

— Ладно, спасибо, Мак.

— Проехали. Хотя ты прилично набрался. В следующий раз зови для компании меня или Дэна.

— Хорошо.

— Тебе светит первый ряд на пересдачах у хромого.

Мэл скривился, будто съел хины, но промолчал.

— И будешь махать веником в спортзалах.

— Помашу, на гимнасток погляжу.

— О, я бы тоже не отказался! Батя как?

— Батя никак. Вернее, даже очень как. Но я пока не сказал спасибо, потому что не уверен, что это подходящее слово.

Раздалась телефонная трель.

— Оп-па, — сказал Мэл, поглядев на экран. — Твоя краля звонит. Язва редкостная.

— Конкретизируй, какая.

— Та, которую на прошлой неделе зажимал в раздевалке после тренировки.

— Афка, что ли? Знатно её потискал, но потом она оплеуху закатила — полдня челюсть ломило.

— Что ей нужно, на ночь глядя? — спросил задумчиво Мэл, смотря на мигающий значок входящего вызова.

— Пожелать спокойной ночи?

— Ага, чтобы я до утра не уснул. Спасибо, хватило по уши. Да отключишься ты или нет?

— Боишься?

— Вот еще, — фыркнул Мэл и нажал на соединение. — Ну? — спросил грубо и вдруг подобрался, сжав свободную руку в кулак.

Телефон закурлыкал женским голосом.

— С чего ты взяла? — ответил Мэл. — И не собирался.

Трубка замолчала, но он не спешил отключаться и, замерев, слушал тишину. В телефоне

снова заговорили, и Мэл, закрыв глаза, обессилено откинулся на спинку сиденья, точно каждое слово резало по живому.

— Мне по фигу, — сказал. — Делай, что хочешь.

Выслушав очередное объяснение, ответил звеняще:

— Стало быть, за него просишь...

Трубка горячо запротестовала.

— Я не debil, чтобы из-за какой-то бабы рушить жизнь. Баб много, а жизнь одна.

Рассоединившись, он швырнул телефон на панель, но тут же схватил и удалил номер из списка.

— На Афку не похоже, — заметил Мак, взглянув искоса на друга. — Она орет громко.

— Разворачивайся, — приказал Мэл.

— Куда? Мы же собрались обкатать мою новую лапочку...

— Давай в "Вулкано". На всю ночь.

— Уау! Вот это мне нравится, — воскликнул Мак, эффектно вырубивая на встречную полосу и вклиниваясь в поток машин. — Выпивка, танцы, девочки — самые лучшие в городе.

— Самые лучшие, — пробормотал Мэл, взглянув сердито на телефон, а потом решительно засунул его в карман куртки.

На другом конце города последний абонент Мэла вывел дрожащими пальцами номер на экране и подтвердил "да" на высветившийся вопрос: "удалить номер из списка контактов?"

Неизвестно, грыз ли абонент полночи ногти в расстройстве или злился на себя, на твердолобого Мэла и на дурацкие стечения обстоятельств. А может, он уснул через пять минут крепким сном, попустительски наплевав на подготовку к завтрашнему экзамену, потому что вымотался морально и физически.

Возобновившийся снег укрывал ночной город белым покрывалом.

С утра соседи словно сговорились и встали спозаранку, образовав давку у раковины и очередь в душ. Наверное, девушек и Капу нервировал предстоящий экзамен, заставивший продрать глаза раньше обычного, в то время как меня нервировали скопом: встреча с посредником, экзамен по символистике, телефонный разговор с Мэлом плюс размолвка в целом. От переизбытка нервозности недолго заработать суицидальную депрессию, поэтому я расположила приоритеты в порядке убывания важности, а именно: задвинула на задний план проблемы с бывшим парнем и встречу с профессором, чтобы без помех подготовиться к предстоящему сражению деловых интересов.

Вернув Аффе телефон, я открыла рот, чтобы попросить прощения за звонок без разрешения, но девушка опередила, извинившись.

— За что?

— За то, что удрала вчера, не сказав ни слова, ни полслова, а ты ждала.

— Разве ж тебя дождешься, если в гости пришел парень? — поддела я беззлобно, и соседка смущенно отвела глаза. — Надеюсь, не поругались?

— Нет, — улыбнулась она. — Пожелали друг другу удачи на экзамене.

Ну да, так мы и поверили, что невинные детки пожелали успехов в учебе и разошлись каждый в свою сторону.

Я не стала мазаться духами, чтобы трансформировавшийся запах не выдал с потрохами мой мандраж. Перед уходом перепроверила наличие копии заключения в сумке и побежала в институт, но бег замедлился рыхлым снегом, укрывшим дорожки. Дни начали прибывать: чернота утреннего неба приобрела прозрачность, точно на акварельный лист капнули воды и размазали густоту кисточкой.

Воздушный поцелуй возвестил Монтеморта, стерегущего пустой холл, о моем приходе. Сегодня у стража настроение было не ахти, и он, просканировав меня красными угольками, сложил голову на лапы, отказываясь стучать в ответ хвостом. Ну и ладно, мы не в обиде. У нас тоже бывают плохие моменты в жизни. Наверное, у Моньки несварение из-за ржавых шурупов и гнутых гвоздей.

Оглядевшись по сторонам — чтобы никто не увидел и не подумал, будто я безмозглая девица, верящая в дурацкие легенды — забралась на постамент у святого Списуила и потерла задранную пятку статуи, навощенную до блеска сотнями студенческих рук. Мне должно повезти на экзамене, мне обязательно повезет, — повторила трижды, закрыв глаза. День пройдет на ура.

Как и следовало ожидать, рыжий завтракал за столом, тесно заставленным тарелками. Я невольно позавидовала парню, уплетавшему манник с клубничным джемом. Зависть вызвало не разнообразное меню Алесса, а способность его желудка воспринимать и усваивать пищу в ответственный экзаменационный день. Мало того, что от волнения у меня напрочь пропал аппетит, при взгляде на тарелочное пиршество к горлу подступила тошнота.

Деловое сражение стартовало.

— Привет, — уселась я напротив парня.

— Привет, — сказал он, отправив в рот полную ложку. Я сглотнула, пытаюсь подавить приступ тошноты.

— Взгляни, — протянула копию заключения экспертизы.

Алесс неторопливо вытер руки салфеткой и, взяв предложенный лист, изучил содержание отпечатанных строчек. Затаив дыхание, я подала глазами невозмутимое лицо парня в ожидании, что он воскликнет: "Что я вижу? Неужели тот самый знаменитый трезубец? Как тебе удалось найти его и уговорить?". Однако Алесс не вскочил и не стал размахивать руками. Он свернул листок и вложил в карман брюк.

— Поглядим, оценим, — сказал, взявшись за ложку.

— Насколько затянется оценивание? — заерзала я на стуле.

— Что, время поджидает?

Черт, наверное, спалилась. Сейчас парень без труда вычислит, что я сгораю от нетерпения и прилагаю нечеловеческие усилия, чтобы не раскачиваться на задних ножках, нервно барабанив пальцами по столу.

— Все нет, — пожала я равнодушно плечами. — Стою на перепутье, потому что наклеивается другой клиент, так что поторопись.

Жалко, столовую не оборудовали зеркалами. Неизвестно, получился ли блеф, или на моем лице отобразилось реальное состояние дел. Остается надеяться, что вид достаточно самоуверенный и хамоватый.

Алесс потер веснушчатую переносицу:

— Покажу нужным людям, они проверят и оценят.

Что ответить? Если заговорю о повторной встрече, чтобы узнать резолюцию нужных людей, рыжий догадается, что мне приспичило продать раритет, и возьмет в оборот кабальными условиями. Плохо, что никудышный умишко не позволяет прокручивать в голове несколько вариантов развития беседы.

Пока я раздумывала над тактическими ходами, парень разрешил заминку.

— Если что, дам знать. Сам найду.

Рассудив, что излишняя порывистость повредит делу, я ответила рассудительно, поднявшись с места:

— Не затягивай. Бывай.

— И тебе того же, — пожелал Алесс, вернувшись к прерванному завтраку.

Таким образом, мордобития интересов не получилось. Подождем, что скажут нужные люди, и скрестим пальцы на удачу.

Я выучила безнадежно малый мизер билетов и, чтобы сдать экзамен по символистике, мне должно было фантастически повезти, что приравнялось к вероятности падения Луны на Землю. Давай, падай, бестолковый спутник. Зря, что ли, блестит пятка скульптурного товарища?

Поднимаясь на третий этаж, я надумала втиснуться среди первых сдающих, чтобы поскорее развязаться с экзаменом, но затем решила сменить стратегию. Поплечусь в последних рядах. К тому времени поток студентов морально вымотает Альрика, и профессор устанет до невозможности. Борясь с зевотой, он заслушает вполуха бессвязную речь и поставит желанный тройка, не задав ни одного вопроса.

Толчая у экзаменационной аудитории подтвердила правильность выбора. Несмотря на раннее время, около дверей крутились завихрения студентов. Девчонки в коротких юбочках и кофточках с глубоким декольте проверяли идеальность боевого раскраса, парни бесцельно кружили по коридору, не зная, куда себя деть. Даже Капа явился заранее, бледный и собранный, и читал конспекты, примостившись на подоконнике.

И лишь Мелёшин проигнорировал экзамен, не став занимать очередь с утра пораньше. Он появится, — успокоила я себя. Мэл всегда приезжает в институт к полудню. Он обязательно придет, из упрямства и принципа, потому что сам сказал вчера, что не собирается портить своё будущее из-за разных мелочей.

Время икс приближалось, толпа росла. Выяснилось, что очередь начали занимать накануне, поэтому при всем рвении мне не светило попасть в аудиторию раньше обеда. Ажиотаж из-за права первым сказать профессору "здрассе" был непривычен. Прежде я ни разу не сталкивалась с лихорадочной активностью, посвященной сдаче экзамена.

Чтобы толкущихся студентов не смыло воздушной волной, расписание звонков в экзаменационные дни изменялось. До трех часов дня разрешалось беспрепятственно подслушивать под дверьми аудиторий или нарезать круги, нервничая, или обсуждать ход экзамена, оккупировав подоконники, зато после указанного часа интервал между звонками сокращался, и воздушные волны освежали институтские пространства каждые полчаса, выдувая из коридоров следы утренних переживаний.

Неожиданно по массам прошло оживление. Два незнакомых парня вклинились в волнуемую толпу третьекурсников. Гул усилился, голоса стали громче. Оказалось, что гости пришли с четвертого курса. Один из них, чернобровый и толстый как бочка, протиснулся ко мне и спросил:

— Купишь конспекты?

— Зачем? — растерялась я. — У меня свои на руках.

— Как знаешь. Продам со скидкой пять процентов.

— Так ведь экзамен через пять минут! Конспекты не спасут.

В самом деле, нормальные люди загодя беспокоятся о наличии тетради с записями лекций, а не стоя на пороге у смертушки.

— Зато пригодятся на пересдачах. Возьму недорого, десятка со скидкой.

Мой рот изумленно открылся и закрылся. Под десяткой продавец подразумевал не десять висоров, а... десять тысяч! Или, говоря жаргоном Аффы, десять штукарей.

— Н-не, — замотала я головой, ошалев от предложения.

— Отличное состояние, разборчивый почерк, — нахваливал парень. — На полях ссылки на книжные источники, есть вставки сверх даваемого на лекциях материала.

— Спасибо, мне не надо.

Толстый делец развернулся и двинулся через толпу в обратном направлении, предлагая студентам купить конспектики всего лишь за десятку.

Судя по всему, четверокурсники вылавливали отчаявшихся студентов, готовых выложить любые денежки ради заветной оценки. Наверняка отчаяние возникало на том этапе, когда человек, прогуляв семестр, в определенный момент осознавал, что крах неизбежен, а в тетради нет ни строчки, и никто не даст списать конспекты по доброте душевной.

Упасть и не встать. Сумасшедшая цена за несчастную тетрадку! Может, тоже продать свои записи, а фляжку придержать? Нет, торговля потерпит крах. Мои каракули не купят и за пять висоров: почерк кривокопый и неразборчивый, с множественными сокращениями слов, к тому же конспекты не раз пригодятся мне самой.

Я и не подозревала о существовании в институте коммерции подобного рода. При правильном подходе можно торговать всем: снадобьями, рефератами, сдаточными работами, теоретическими записками к лабораторкам. Остается лишь позавидовать безликим умникам,

разбогатевшим на полоротых студентах. Если бы у меня хватило ума заниматься интеллектуальным трудом, то ничтожный оклад младшего помощника архивариуса показался бы плевком в бескрайнем море заработанных денег. Увы, коли судьба обделила способностями, придется задействовать старательность и прилежание, чтобы пойти и отработать еженедельные восемь висоров.

Время, отпущенное для нагнетания истеричной обстановки у экзаменационной аудитории, я потратила с пользой в архиве, где рассортировывала папки с делами по нужным полкам.

Начальник страдал очередным обострением аллергии. Он непрерывно чихал и тер платком нос, отчего тот покраснел и распух. Из сострадания мне пришло в голову пожалеть архивариуса.

— Швабель Иоганнович, сегодня экзамены, и в архив никто не придет. Можно взять отгул и отдохнуть, подлечиться.

Мужчина посмотрел на меня с подозрением.

— Не могу. Долг обязывает, — прогундосил и высморкался.

И откуда выискался столь ответственный товарищ? Скоро у него носопырки отвалятся, а он всё равно с маниакальным упорством ковыляет на работу.

Швыркая и утирая нос, начальник скрылся в брошюровочной, а я воспользовалась моментом одиночества и навестила разьедалы, порадовавшись зрелищу роскошных листьев с потемневшими прожилками. Надежда на скоротечное созревание оправдалась, и теперь концентрация активного вещества в растениях достигла максимума.

Уняв радостно забившееся сердце, я притащила сумку, которую выстлала бумагой, найденной в ящике стола. Аккуратно отрывая по листочку вместе с черешком, складывала на дно, стараясь не причинять повреждений сочной зелени, иначе едкий сок вызвал бы раздражение кожи или ожог глаз. В отсутствие средств защиты приходилось действовать осторожно и без спешки. Листья мыльнянки подвнут к завтрашнему дню, зато в них останется достаточно сока, чтобы сделать драгоценную вытяжку.

Набив сумку и разогнув спину после праведных трудов, я утерла лоб и оглядела бушующее флористическое царство. На глаза попало растение с древовидным стволом, подпирающее ветвями потолок. Молодые побеги были усыпаны невзрачными желтыми цветочками, которые при малейшем колебании воздуха сбрасывали с тычинок пыльцу, витающую по помещению.

Теперь понятно, почему начальник чихает, и лекарства ему не помогают. Остается посочувствовать Швабелю Иоганновичу и порекомендовать запастись терпением, потому что цветущий куст — ничто иное как обсыпальник прилипчивый, называющийся в обиходе наглючкой. Когда он зацветает, никакие силы не могут прервать процесс, длящийся до двух месяцев. Само растение относится к бесполезным и безвредным, пока не распускаются цветы, чья пыльца является сильнейшим аллергеном. На месте архивариуса я спилила бы толстый ствол обсыпальника под корень или выбросила бы кадку на помойку, чтобы не мучиться.

— Швабель Иоганнович, до свидания, — крикнула я, отворив дверь крохотного помещения в углу архива.

Похоже, единственным местом, где начальник чувствовал себя сносно, была брошюровочная с высоким столом и тисками для прошивки многостраничных документов.

Мужчина перестал хлюпать носом и, мне показалось, даже повеселел.

У дальней стены занял место легендарный ксерокс, единственный на весь институт, и допуск к копированию имелся лишь у моего начальника. Конечно, как уйти с работы, несмотря на потоки соплей? Вдруг Швабель отпросится, как припрется какой-нибудь лаборант с запиской от Царицы и захочет снять копии с важного документа. Так что придется патриоту архива стоически трудиться со слезящимися глазами и швыркающим носом.

Закинув потяжелевшую сумку на плечо, я двинулась к месту экзаменационных боев, пропуская студентов, спешащих навстречу со счастливыми лицами — тех, кто выстоял в сражении с преподавателем и в награду получил оценку в ведомость.

Как и предполагалось, очередь перед дверью уменьшилась в несколько раз.

— Кто последний? — крикнула я в пространство. Кто-нибудь да откликнется.

— Держись за нами, — ответили из кучки парней, заселивших окно неподалеку. Закинув сумку на соседний подоконник, я приготовилась ждать, рассудив, что в последние минуты не имеет смысла судорожно перелистывать конспекты и повторять шепотом термины и теоремы.

Все равно время пропадает впустую, — подумала чуть погодя. Хоть память освежу. Достав тетрадку, я принялась вяло просматривать схемы базовых символов и рун, и пока листала, меня не отпускало свербящее чувство. Вскинув по наитию голову, я встретилась глазами... с Мэлом. Оказывается, он затесался в компанию парней по соседству и, устроившись на подоконнике, слушал рассказы тех, кто сдал экзамен.

Если бывает так, что внезапно пропадают голоса и смех в коридоре, если из легких исчезает воздух, и начинаешь задыхаться, если кажется, что прошла вечность, а на самом деле пронеслись доли секунды, то со мной произошло именно это.

Пришел! Все-таки Мэл пришел! Пусть в последних рядах, но он здесь.

Повернув голову, Мэл смотрел на меня, а я — на него. Он выглядел немножко помятым, а небольшой вихор на макушке требовал пригладить его. А еще обнять и поцеловать моего Мэла, который уже не мой.

Черт знает что. Не ожидала, что соскучусь по нему так, что засосет под ложечкой.

Телефонный разговор подтвердил, что Мэл находится в неадекватном состоянии, и пока до него невозможно достучаться. Профессор оказался прав, когда сказал, что объясняться с парнем — пустая затея, а я не послушалась мудрого совета. Неизвестно, как Мэл воспринял вечерний звонок. Вдруг в гневе разбил телефон вдребезги? Наверняка мои неосторожные слова подлили масла в огонь, а ведь хотелось сделать как лучше. Хотя получилось как всегда.

Мэл неуравновешен и непредсказуем, — пришло в голову. Бежать бы от него без оглядки и больше не заговаривать, но вместо этого я смотрела на причину частых бессонниц, не в силах отвести глаз.

На лице Мэла появилось слабое подобие улыбки, и я ответила тем же. Есть контакт! С опозданием поняла, что лицо полыхает огнем. Батюшки, наверное, мою светофорную физиономию заметили все однокурсники!

Рядом шумно плюхнулись. Других мест, что ли, нет на белом свете?

— Эвка, ты еще не ходила? — послышался голос Капы.

Не мешай и исчезни, пожалуйста. Я еще не нагладелась на... своего Мэла.

Капа был лицом не краше меня — раскрасневшийся и измученный. Какое облегчение!

Теперь никто не подумает, что причиной моей румяности явился Мэл.

— Не ходила. Жду свою очередь.

— У меня пятак. Прикинь, попался третий билет.

Вот жалость! — едва не воскликнула я вслух. Нет, чтобы дожидаться меня на экзаменаторском столе, самый легкий билет выпал какому-то дылде, живущему по соседству.

Капа продолжал делиться подробностями, сбрасывая накопившийся адреналин:

— И препод какой вопрос ни задаст, а я знаю ответ. Страшная везуха, представляешь?

Впервые попала такая халява.

Наверное, мое везение переметнулось к парню. Переползло ночью по коридорчику, пока я спала, и пролезло в комнату к Капе. Правильно, с ним интереснее, чем с серой крыской.

— Поздравляю, — протянула я и хотела было снова взглянуть в сторону соседнего окна.

— Препод сегодня зверствует. Поймал Дегонского, когда тот пытался вытянуть нужный билет. Дега выпил накануне снадобье обострения интуиции, а препод унюхал и выгнал с экзамена. "Если желаете поиграть в жмурки, назначаю встречу на пересдачах". Как думаешь, клопогон дал стойкий запах или сидоров корень?

— Сидоров корень, — ответила я автоматически, пораженная чувствительным обонянием профессора. — Действительно, лютует.

— Половине девчонок велел снять побрякушки, потому что обнаружил на них заклинание отвлечения, чтобы незаметно списывать. Приказал Перовскому сдать телефон, учуяв конспекты, занесенные в память, а потом специально издевался, задавая утроенное количество вопросов. Ляпу выдворил за шаргалки, — делился парень.

— Это как? — наморщила я лоб, пытаясь вспомнить незнакомое заклинание.

— Натуральные шпоры на бумажных гармошках, которые вытаскиваешь из-под манжеты и списываешь.

— То есть обычные бумажки? — силилась я уразуметь суть хитрости.

— Обычные, — подтвердил Капа. — Не улучшенные.

Да уж, позорище висоратства. Хоть бы писал невидимыми чернилами или использовал бумагу с нулевой толщиной.

— Короче, не пытайся мухлевать. Вычисляет сразу и выгоняет бесповоротно. Занесет в черные списки — замучаешься ходить на пересдачи.

— Спасибо за предупреждение. Учту, — поблагодарила я парня, хотя и не думала списывать, потому что знала — это бесполезно.

Все-таки Капа — счастливчик. Пойдет сейчас, насвистывая, с пятеркой в кармане и со спокойной совестью оторвется на полную катушку. Заодно его отец и брат порадуются отличной отметке.

— Удачи тебе, — поднялся с подоконника сосед.

Проводив его взглядом, я покосилась в сторону кучки ребят, за которыми заняла очередь, и замерла, неприятно пораженная. К парням присоединились девчонки, и увеличившаяся компания оживленно общалась, а возле Мэла стояла Эльза и что-то рассказывала, эмоционально жестикулируя.

Ишь машет руками, словно ветряная мельница, — подумала я с внезапно нахлынувшей злобой. Вдобавок задело, что Мэл, сидя нога на ногу, внимательно слушал и улыбался облезлой египетской кошке.

Что со мной? — удивилась сверкнувшему зарницей недовольству. Непонятно, почему разговор Мела и девицы кольнул меня острой иглой. В самом деле, неужели людям нельзя пообщаться? Общаться можно, а улыбаться — нет, — заверещал тоненький голосок на ухо. Нельзя, чтобы близко и интимно. Нельзя, чтобы ей, а не мне.

Какая интимность? — заорал голос в другое ухо. Вокруг толпа, куча народу, однокурсники обсуждают сегодняшний экзамен. Интересно, Штице сдавала честно или пыталась схитрить?

Я успела забыть, до чего она хороша — в облегающих брючках и сапожках со шпильками. Подумаешь! Неделя не минет, как пройдусь походкой от бедра в туфлях с высокими каблуками, и все ахнут от зависти.

Тут Мэл рассмеялся, очевидно, в ответ на какую-то шутку, и Эльза подхватила красивым смехом. Следом развеселилась вся компания, словно парней абсолютно не волновала приближающаяся очередь на экзамен.

Сердито перелистнув страницу, я углубилась в чтение, хотя не видела ни строчки. Внимание сконцентрировалось на соседнем окне: глаза косили, а слух обостренно внимал.

Из аудитории вывалились выдохшиеся студенты с упаренными лицами.

— Следующие, — прошел гул по коридору. — Пять человек.

Парни по соседству, в том числе и Мэл, подхватили сумки и направились к двери.

— Егорчик, ни пуха, ни пера! — крикнула Эльза.

— К черту, — обернулся Мэл.

Меня захлестнуло волной раздражения. Он послал ослепительную улыбку драной египетской кошке, а в мою сторону не взглянул ни разу.

— Кто пятый? — послышались голоса у двери. — Это последние, или еще кто-то остался?

Конечно, остался, — спрыгнула я с подоконника и, взяв сумку, побежала к аудитории.

За спиной раздался дружный девчоночий смех.

Ожидания не оправдались. Альрик выглядел как свежесорванный огурчик, в отличие от десятка экзаменуемых, сидящих на разных рядах и на различной высоте с таким расчетом, чтобы расстояние между ними исключало взаимопомощь и списывание. Студенты имели замордованный и измочаленный вид. Вскоре и мне предстоит стать похожей на выжатый лимон.

У экзаменационного стола тоже сидели несколько страдальцев и, хмуря лбы, чиркали на бумажках. Они одолели обязательную часть программы и пытались набрать баллы в произвольной, то бишь отвечали на дополнительные вопросы.

Я подошла к столу, когда парни, выбрав билеты, рассаживались по местам.

— Прошу, — широким жестом профессор обвел разложенные белые прямоугольники. Жалкие семь штук. Наверняка по закону подлости пятый уже выпал, и восемнадцатый ушел, и двадцать четвертый достался кому-то другому.

Поводив рукой над билетами, я прислушалась к внутреннему голосу, а Альрик со сдержанной улыбкой наблюдал за неуверенными движениями. Наверное, за сегодняшний день он насмотрелся и наслушался достаточно, чтобы хохотать в полный голос. Чем втихомолку посмеиваться, лучше бы посочувствовал ограниченному выбору билетов.

Капа сильно преувеличил действительность, повествуя о зверствах профессора. Тот ни капли не походил на ужасного людоеда, поедающего живьем бедных учащихся, и лучился бодростью, выделяясь контрастом на фоне уморенных студентов.

Решившись, я схватила билет из серединки. Единственное подходящее место оказалось на первом ряду посередине, а слева у окна сидел Мэл и шуршал листами.

— Папена, вы забыли бумагу для письма.

Пришлось вернуться к столу за бумагой. Пока я занималась ходьбой, Мэл так и не отнял голову от парты, углубившись в написание ответа. Хорошо, что он не бросился на профессора, едва зашел на экзамен. Нет худа без добра. Пусть вчера Мэл грубил по телефону, все же уговоры возымели действие, и теперь он из упрямства не вступит в открытую конфронтацию с преподавателем.

Неплохо. Во всем нужно видеть плюсы. Мне удалось выловить ложку меда из бочки дегтя — чем не повод для оптимизма?

Так, подумали о Мэле, а сейчас пора возвращаться в реальность.

Почему его допустили к экзамену? — отвлеклась я, проигнорировав самовнушение. Ведь вчера Мэл не пришел на сдаточную работу и провалил практическое занятие, почесав кулаки об однокурсника. Может, снова кто-то из родственников надавил на нужные рычаги?

Хватит бездельничать! Время идет, а я засоряю голову ненужностями. К тому же причина этих ненужностей сидит неподалеку и в упор меня не замечает. Строчит, аж перо дымится.

Вздохнув, я вчиталась в билет под номером 55. Подходящие цифры для отличников, но содержание отвратительное. Совершенно незнакомый билет, потому что я успела дойти лишь до тридцать седьмого.

Пока настраивалась на нужный лад, экзаменатор отпустил восвояси пятерку студентов, сидевших у стола, и следующая партия обреченных заняла их места.

"Причины несовместимости символистики и технического прогресса, обоснование

причин" — значился первый вопрос.

Я задумалась. В памяти всплыли отдельные фразы о конфликте вис-волн с электромагнитными, а обоснование с графиками и амплитудами — хоть убей — совершенно не отложилось на подкорке. Ладно, что-нибудь натрепим.

Второй вопрос. "Общие принципы создания предметов с вис-улучшениями".

Поскольку написано "общие", то и рассказывать буду в общих чертах, начав с сотворения мира.

Далее. "Эскиз типовой пентаграммы, изменяющей структуру неодушевленных предметов".

А-а, это просто, наплетем про яблочко на блюдечке с голубой каемочкой, благо пример Альрика, растворившего стену на лекции, до сих пор стоит перед глазами. Чем не изменение структуры неживого предмета? А вот с эскизом сложнее, точнее, совсем никак.

Вдруг случится чудо, и препода вызовут в ректорат по срочному делу, или он захочет в туалет, или неожиданно уснет на месте? Посмотрев на профессора-живчика, я поняла, что нафантазированные чудеса имеют вероятность ноль целых ноль десятых.

Пока чесала пером за ухом, пока задумчиво глядела в окно и бросала укромные взгляды на Мэла, отстрелялась вторая пятерка мучеников, и к экзаменаторскому столу стеклась следующая партия студентов. Представление на базарной площади продолжилось. Альрик бомбил без устали, нисколько не утомившись выслушивать заикающиеся голоса. Заваливал вопросами с подковырками и выводил оценки в ведомости.

Поскольку мои знания поросли мхом, а на листе бумаги написалось всего три строчки, я заскучала. Бесполезно бродить в памяти, если там пусто. Разве что покричать и погонять эхо.

Аудитория заметно поредела, лишь в четырех местах торчали головы, склонившиеся над партами. Это парни из последней пятерки, в том числе и Мэл, рассредоточились по рядам и старательно вспоминали знания по символистике. Наверное, никто не пытался списывать, полагаясь на самих себя, потому что препод не учуял подозрительных махинаций и не указал на выход.

После того, как профессор отпустил еще пятерых студентов, наступило временное затишье. Альрик, сидя нога на ногу, просматривал какой-то журнал, и я забеспокоилась. Самостоятельно выходить к столу или вызовут скопом?

— Папена, вижу, вы готовы, — поднял голову мужчина. — Прошу к столу.

Кто? Я?! В одиночестве? Нас же пятеро, значит, сдаваться должны все зараз.

— Думаю, присутствующие согласятся пропустить даму вперед, — обратился Альрик к аудитории, и та молчаливо согласилась.

Растерявшись, я бросила отчаянный взгляд на Мэла, но он, отвлекшись от писанины, пристально следил за экзаменатором, теребя губу. Одно из двух: или забыл схему *veluma silenche*^[33], или что-то задумал. Поскольку наличие умственных способностей парня не вызывало сомнений, напрашивался второй вариант. Мамочки! Значит, его спокойствие наигранно. Только бы он не натворил бед!

Вскочив с места, я направилась к столу, держа Мэла в поле зрения, и уселась так, чтобы видеть краем глаза его фигуру.

Сдавалась дама отвратительно. Альрик и наводящие вопросы задавал, и намекал, и за меня рассказывал, а всё без толку. В ответ профессор получил отрывочные проглатываемые

слова и невнятные фразы. На горизонте замаячила стена пересдач высотой до неба, впрочем, я давно с ней смирилась.

Надо отдать должное Альрику, он не ковырял в ухе со скучающим видом и не зевал, прикрывая рот рукой. Мужчина бесстрастно выслушивал очередную порцию беканья и задавал следующий вопрос.

— Объясните, Папена, почему запрещено изготовление улучшенных предметов без разрешения соответствующих органов.

Почему-почему... То ли супермастер инкогнито не знает?

— Потому что соответствующие органы контролируют их производство, а нарушителей преследуют по закону.

— Это следствие, но у любого следствия есть первопричина... — начал вытягивать меня Альрик.

Может, и есть, но я пропустила её мимо ушей на занятиях, занятая иными важными проблемами.

— Которая кроется в опасности криво сляпанных раритетов, — закончил профессор.

Какая такая опасность? — воззрилась я удивленно.

— Взять, к примеру, горшочек с кашей, — сказал мужчина многозначительно, и я поняла, что подразумевалось под керамической посудиною. — Раритет, изготовленный по лицензии, будет варить кашу требуемого качества строго гарантированное число раз с соблюдением всех гигиенических и санитарных требований.

Стало быть, горшочек, состряпанный в кустарном подполье, начнет генерировать прогорклую кашу на болотной воде с плавающими мухами на закуску.

— Я бы не поручился за контрабандный котел, — продолжил профессор. — Зачастую мастера раритетов грешат браком и дефектами при изготовлении улучшенных предметов. В любой момент у горшочка прогорит дно или треснет глазурь. Но поломка может иметь катастрофические последствия, если давление в емкости возрастет и разорвет сосуд, а осколки причинят смертельные ранения. Или, например, перемкнет матричную сетку символов, заложенную при формовке изделия, и каша получится с добавлением веществ, вызывающих отек легких, удушье и смерть.

Ничего себе безобидный горшочек! Никогда не куплю самодельные раритеты, — решила я на будущее.

Своим пояснением Альрик подарил еще один бонус к продаже фляжки. Я вспомнила, как он рассказывал на дополнительном занятии, что изготовленные в лабораториях и на заводах раритеты в обязательном порядке тестируют на лучших стендах, и производители отвечают своей репутацией за безопасность при использовании. Очевидно, устав от мычания, мужчина решил, что с меня как с козла не взять молока, и что по незнанию я провалю успешную продажу баклажки, поэтому поспешил помочь иносказательно в надежде, что сделка еще не загублена.

Спасибо, возьму на заметку, — бросила я благодарный взгляд.

— Неплохо, Папена, — заключил профессор, постукивая пальцами по столу. — Ваш ответ тянет на троечку.

Я решила, что ослышалась. За невразумительное кваканье жалко ставить даже двойку.

Беспомощно обернувшись, я увидела, что перо в кулаке Мэла согнулось дугой, а сам он, не мигая, смотрит на профессора, и, как показалось, с зеленым блеском в глазах. Ой-ёй-ёй! Конечно же, оценка незаслуженна, это поймет и слепой, и глухой, и тупой. Не нужна мне

благодарность преподавателя! Что подумают люди? Что подумает Мэл?

Он уже подумал, — оглянулась с отчаянием в его сторону. Мэл не сводил глаз с мужчины, а перо исчезло между сжатыми пальцами.

— Задам последний вопрос, — сказал Альрик, метнув быстрый взгляд в левый угол аудитории. Пропави он пропадом со своей неприязнью! Ведь обещал не провоцировать Мелёшина.

— Несмотря на риск приобретения некачественного раритета, подпольное производство находит своего покупателя. В каких случаях?

— Потому что дешевле, чем лицензионные вещи? — спросила я неуверенно.

— Не обязательно, — возразил мужчина. — Улучшенные вещи пользуются спросом, если авторство принадлежит мастеру с незапятнанным именем. Некоторые клейма анонимов легко узнаваемы и стали своеобразными торговыми марками.

Ага, например, черный трезубец, при упоминании о котором на лице Алесса не дрогнул ни один мускул. Так что профессору не грозят широкая известность и почитание. Наверняка он изготавливал подпольные раритеты, которые сразу же ломались и взрывались.

— Что ж, вы дотянули до четверки, — сказал Альрик, выводя "хорошо" в ведомости напротив моей фамилии.

Я уставилась на него ошалело.

— Это какая-то ошибка, — пробормотала, заикаясь.

Слева что-то шлепнулось и гулко покатило по полу, а затем грубо слепленный серебристый блинчик затормозил о мой сапог и упал на бок. В неровностях лепешки угадывались контуры пера, склеенного чудовищной деформацией. С грохотом отодвинулся стул, и на лице профессора промелькнуло удовлетворение, которое ему не удалось скрыть.

Замерев, я наблюдала, как Мэл встал со своего места и демонстративно рвал исписанные листы с ответами — неспешно, один за другим. Звук рвущейся бумаги разносился в замершей аудитории с утроенной отчетливостью и поверг меня в состояние оцепенелого ужаса, потому что являлся предвестником взрыва.

Взяв сумку, Мэл сгреб клочки и прошествовал к экзаменационному столу, где высыпал, устроив настоящий дождь из обрывков. Профессор хладнокровно взирал на усеянную бумажными лепестками столешницу, скрестив руки на груди.

Я подскочила на стуле. Сейчас Мэл создаст разрушающее заклинание или схватит препода за жилетку! Надо остановить парня, пока он не кинулся с кулаками!

Но Мэл сдержался, наградив профессора на прощание убийственной зеленью глаз. Когда за ним закрылась с грохотом дверь, мужчина смахнул с плеча бумажный клочок, а я, очнувшись, заметила, что моя рука нервно теревит ворот свитера, растянув и без того растянутую горловину.

Только что Мэл подписал себе приговор, и Альрик недрогнувшей рукой вывел в ведомости рядом с его фамилией: "отказ".

Пошатываясь, я выползла из аудитории. Меня обступили, забросав расспросами о том, сколько раз и куда покусал свирепствующий препода, но на шутки не было сил. Да и о чем рассказывать? О том, что профессор Вулфу, талантливый ученый без страха и упрёка, пользующийся незыблемым авторитетом, воспользовался ситуацией и устроил неприглядное представление? Или о том, что Мэл, правдами и неправдами добившийся допуска к экзамену, в мгновение ока уничтожил имеющиеся достижения? Ему не спустят с рук

публичное оскорбление преподавателя, и опять Мэл заработает всевозможные штрафы и будет драить институт от чердака до вахтерской каптерки.

Чего он добился, покинув аудиторию? Своим уходом выказал презрение Альрику, а заодно и мне. Наверное, я выглядела в глазах Мэла расчетливой стервой, получившей хорошую отметку непонятно за что, хотя ума в наличии — всего полграмма. Боже мой, о каких оправданиях может идти речь, если к моему вранью прибавилась оценка, притяннутая за уши?

Посидев на подоконнике, я направилась окружным путем на чердак, чтобы остудить горящие щеки и вскипевшие мозги. Коридоры опустели, у экзаменационных аудиторий остались лишь те, кто плелся в хвосте сдающих, и сочувствующая публика. И Эльза пропала. Наверное, дождалась Мэла и, заметив его невменяемое состояние, предложила успокоить в каком-нибудь кафе или клубе. Драная кошка с облезлым хвостом.

И в плохом нужно видеть хорошее, — бормотала я про себя, шагая по переходу. В частности, Мэлу достало ума не распустить руки. Я видела — уходя, он едва сдерживался, чтобы не развернуться. Стало быть, его неприязнь к профессору сильна, и у них взаимное противостояние. Неужели меня использовали как средство для обострения вражды?

Вывернув из бокового коридора, я напоролась на... Мэла, сидящего на ступеньке лестницы под люком. Увидев меня, он поднялся. Значит, Мэл не ушел с танцоршей, чтобы утешиться в ее компании, а решил спустить пар и отыгаться на мне вместо профессора. Он догадался, что я ринусь на чердак, и устроил западню. Ой, ужас, кому-то пришел конец!

Я пятилась, пока не уперлась спиной в стену. А позади глухой угол, из которого не выбраться. Ма-а-ама!

Мэл приблизился не спеша, и расширившиеся зеленые колечки в глазах заставили меня зажмуриться от страха. Похоже, сегодня непрекращающийся праздник лета.

— Не бойся, — сказал он с усмешкой. — Женщин не бью.

Я боязливо открыла глаза. Мэл стоял в двух шагах и, засунув руки в карманы, смотрел на меня — цинично, оценивающе.

— Можешь начинать.

— Что? — прокаркала я хрипло и прокашлялась.

— Оправдывайся.

Неестественно спокоен, — отметилось отстраненно. Как пороховая бочка с фитилем. Поднесу спичку, и следов от меня не останется.

— Я не знала, что он поставит тройку, — ответила, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Четверку, — поправил Мэл.

— Д-да, четверку. И приготовилась к пересдачам.

Не успела я моргнуть, как Мэл очутился рядом и уперся руками в стену, перекрывая пути отступления. Я сжалась, отводя взгляд, потому что боялась обжечься кипящей зеленью.

— Знаешь что, Папена? — Он наклонился к уху, и по моему телу прошла невольная волна дрожи. — Хорошие отметки просто так не даются, их нужно заслужить. Ты уже отработала свою четверку или получила авансом?

— Ничего я не отработывала и не собираюсь!

— Тогда за какие шиши особое расположение? — мучил Мэл своим дыханием. Он стоял совсем близко, стоило лишь протянуть руку и коснуться обманчиво благодушного лица.

— Не знаю!

Мэл еще придвинулся, и свободное пространство между нами сузилось до пары сантиметров.

— Может, за регулярные походы на пятый этаж? Дай вспомнить... По понедельникам, средам и пятницам.

— Откуда ты знаешь? — поразила до глубины души. Я же пряталась и шифровалась, крадясь на цыпочках и выглядывая из-за угла. Неужели за мной следили не только на улице, но и в институте?

— У местных птичек длинные хвосты, на которых они разносят сплетни, — понизив голос, Мэл наклонился еще ближе, и два сантиметра, разделяющие нас, исчезли.

— Я ходила на медицинские осмотры, — горячо возразила, не поднимая глаз. — Ничего не было!

— Он не врач, чтобы посещать его через день. Или вы играли в ролевые игры? — ухмыльнулся похабно Мэл.

— Ни во что мы не играли! Он брал анализы, измерял давление, пульс, смотрел глазное дно — и всё!

— Почему он, а не Морковка? — продолжал выпытывать Мэл.

— Потому что после случая с Касторским мне велели регулярно ходить на пятый этаж и не предавать огласке.

— С Касторским? — переспросил Мэл озабоченно, но через мгновение его тон стал приказным: — Сегодня же поговоришь с ним и откажешься от осмотров.

— Почему?

— Почему? — удивился Мэл и с яростью саданул кулаком по стене, заставив зажмуриться от испуга: — Объясню тебе, почему. Потому что меня бесит его высокомерие и спесь! Потому что он решил, будто может взять чужое. Потому что он лапал мою девушку, и между ними что-то было!

— Никто меня не лапал и ничего не было! — опротестовала я и утонула в раскаленном изумрудном море.

— Заезженная пластинка, — скривился Мэл.

— На себя взгляни. Чуть не облизал Эльзушку, жалко, платка не оказалось под рукой, чтобы подтирать слюни! — выкрикнула я и прикусила язык. Зря сказала. Мэл решит, что перед ним патологическая ревнивица.

Он замолчал, соображая, о чем речь, а потом неприятно ухмыльнулся:

— Значит, понравилось смотреть, Папена? Смотреть и запоминать, чтобы прокручивать в голове днем и ночью. И ведь нет никакой возможности стереть из памяти эти чертовы картинки.

Я чувствовала разочарование и боль Мэла, они были и моими тоже. Протянула ладонь к его щеке, но Мэл сбросил прикосновение, мотнув головой.

— Мне пришлось дать обет, потому что... потому что так нужно, — сказала я с отчаянием. — Но нас связывают только дела.

Не стоило переводить разговор на профессора, лучше бы он крутился около Эльзы. Глядишь, Мэл понемногу утихомирится бы, наслушавшись моих ревнивых возгласов, и мы смогли бы внятно поговорить. Упоминание об Альрике подействовало на него как сухая трава на огонь. Я оказалась прижатой к стене, и Мэл поцеловал меня — агрессивно, истязая рот.

Следовало отрезвить наглеца — дать пощечину, оттолкнуть или наговорить уйму гадких

слов. Вместо этого я без раздумий сделала первое, что пришло в голову. Рука обхватила Мэла за шею и притянула, а язык начал вытворять нечто сумасшедшее — честное слово, в том не было моей вины. Рассудок канул куда-то вместо того, чтобы сопротивляться. Осталась лишь одна потребность — отдать себя и впитать близость Мэла.

Я и не подозревала о том, как сильно соскучилась по нему, аж сердце заныло. Прижималась к Мэлу откровенно, бесстыдно и целовала иступленно, не уступая ему. Пусть он мучил мои губы и прикусывал болезненно, пусть стискивал в объятиях, не позволяя вздохнуть, пусть наказывал — на грани жестокости, сминая волю и подавляя, — я принимала его таким, каков он есть.

Тянулась к Мэлу и не сразу сообразила, что он отстранился и что-то сказал.

— Что? — зашевелила онемевшим ртом.

— Ему ты также пела? — повторил Мэл, дыша, как загнанный.

— Как?

— Громко и требовала не останавливаться.

Скабрезные слова облили ледяной водой. В голове совершенно не отложилось, о чем я только что просила Мэла. Врет он всё!

— Руки убрал, — процедила. Хотела, чтобы вышло гордо, а получилось тускло, и Мэл, конечно же, не послушался.

— Или он делал это сзади? — спросил вполголоса, прикусив мочку, и моя кожа покрылась мурашками.

— Отвянь! — попыталась я вырваться. Безрезультатно.

— А твое тело было таким же отзывчивым? — Он прошелся пальцами по спине, заставляя меня прогнуться.

— Сейчас врежу! — вспылила, но Мэл не проникся угрозой. — Я не стала говорить, что еду к нему, чтобы не отвлекать тебя! Откуда мне знать, почему он поставил четверку? Вот спущусь вниз и узнаю! И скажу, что хочу ходить на пересдачи и маячить каждый день у него под носом!

Мэл замолчал, и я поняла, что его раздрают противоречия: с одной стороны, его самообладание испарялось при мысли о причине положительной оценки за экзамен, с другой стороны, исчезла угроза частых встреч с профессором. Так ведь на пересдачи будет ходить четверть курса, кроме меня, в том числе и Мэл.

— И вообще! — раздухарилась я, воодушевившись временным затишьем. — Складывается впечатление, что тебе и ему требовался повод, а мне приходится отдуваться в ваших разборках.

— Ладно, Папена, — протянул лениво Мэл. — Я придумал, как простить тебя.

Мои брови поднялись от удивления.

— За что прощать?

— За вранье. Ты признала это.

Признала, — вздохнула я покаянно. Не стану спорить.

Несмотря на видимое спокойствие, вернувшееся к Мэлу, он по-прежнему излучал враждебность. Это ощущалось по поднявшимся волоскам на моей коже и слышалось по фамилии, которую он называл, забыв об имени. Это виделось по горящим ободкам в глазах, которые не желали гаснуть. Об этом кричала моя интуиция.

На месте Мэла я бы тоже не успокоилась легко и быстро, требуя доказательств раз за разом, изводя и терзая, пока, в конце концов, не удостоверилась бы и не успокоилась.

Поэтому к разговору об Эльзе мы еще вернемся.

— Ты находчивая и отчаянная девочка, — сказал он, овевая дыханием щеку, и я затрепетала. — С легкостью срываешься и мчишься в неизвестность. За твою смелость дам тебе шанс.

Мэл достал из кармана брюк маленькую карточку и ловко опустил в растянутый ворот моего свитера, где она закрепилась как раз в ложбинке.

Я в замешательстве замерла. Вынуть карточку не представлялось возможным, потому что Мэл удерживал меня. Он же раскусил мою реакцию на прикосновения и безжалостно пользовался своим преимуществом, предпочтя вести разговор нашептываниями на ушко.

— На ней адрес. Сегодня вечером, после девяти ты приедешь.

— К-как?

До чего же отвлекала теснота нашего "общения"! Я теряла нить разговора, а Мэл беспрерывно поглаживал мою спину и дышал над ухом.

— Сама придумай. Ты выкрутишься.

— Мне н-нечего надеть...

— Тебе не понадобится одежда, — голос Мэла опустился до шепота, заставив меня сглотнуть. — Потому что будешь просить прощения.

— Просить? Как просить? — проямлила я, растерявшись.

— Как спрашивают маленькие лгунишки? — Меня затрясло от воркующей интонации. — Губами... руками... собой... Лгунишкам придется умолять не раз и не два... И может быть, я прошу тебя.

— Может быть? — переспросила я, с трудом соображая, о чем говорит Мэл.

— А как ты хотела? Твое невинное вранье стоило мне очень дорого.

Я думала, речь пойдет о размерах потерь, но Мэл не стал заострять внимание на подсчетах, видимо, убытки касались седых волос и угробленных нервов.

— Заодно отметим твою удачу на экзамене.

Его слова прозвучали как издевательство.

— У меня не получится... наверное... — выдавила неуверенно. Я теперь ни в чем не уверена.

— Изыщи время, — сказал Мэл, и в его голосе зазвенел металл. — Повторять не буду. Ты откажешься от осмотров и приедешь сегодня вечером. Не разочаровывай, Папена. Ты горячо убеждала меня в том, что "ничего не было", и я почти готов поверить. Но для полной уверенности не хватает последней капли. Хочу знать, что тебе важно, чтобы я поверил.

— Важно! — воскликнула я и смутилась.

Он отстранился, отпуская меня, и я чудом удержала равновесие, чтобы не рухнуть на ослабевших ногах.

Мэл стряхнул с рукавов джемпера несуществующие пылинки, пригладил волосы и пошел в сторону лестницы, насвистывая. Неловкие пальцы залезли за ворот свитера и извлекли маленькую карточку с буквой М в равностороннем пятиугольнике и адресом курсивом.

— А как...? — окликнула я охрипшим голосом удаляющегося Мэла.

— Покажешь, и тебя пропустят, — не оборачиваясь, ответил он и исчез в пролете, а я сползла по стене.

Ура, я объяснилась с Мэлом! Правда, разговор получился не ахти, но наивно рассчитывать на великодушие парня. После резких слов по телефону и скандальной сцены на экзамене, встреча под люком стала настоящим чудом, в преёскурант которого вошли жаркие объятия, опять лишившие меня здравомыслия.

Не все потеряно! — звенел в голове колокольчик, пока я быстрым шагом направлялась в лабораторию Альрика. Почти бежала, не оглядываясь по сторонам и не притормаживая перед поворотами. К чему скрываться, если тайное стало явным? Чем больше секретов, тем больше подозрений и слухов, а мне нечего стыдиться. Почти.

Не боясь, выскажу профессору бездну претензий, потому что мы партнеры.

Электронный замок сработал, запустив в стерильную зону пятого этажа, но профессорская лаборатория оказалась закрытой. Экзамену пора давно закончиться, ведь после фееричного ухода Мэла в аудитории остались трое последних студентов, не считая меня. Эх, не повезло парням. Наверное, Альрик отыгрывается сейчас на них, улучшая отвратительное настроение, засыпанное бумажными клочками.

Коли экзамен не завершился, придется ждать под дверью, чтобы перехватить профессора тепленьким и вытрясти признания. Как назло, полоса невезения распростерлась бескрайним полем, потому что из соседней лаборатории выглянула Лизбэт в белом халатике. Вот она, потенциальная врагиня и преступница, которая снесет тараном любые препятствия на пути к цели! Наверняка это соседка по общежитию пустила слух о моих визитах на пятый этаж.

Я взглянула с ненавистью на светлые кудряшки девушки. Руки так и тянулись обкромсать растительность на её голове, укоротив до ершика. Поглядите-ка на красотку! Сдала экзамен и, не запыхавшись от стресса, прибежала трудиться на благо материальной висорики вместо того, чтобы расслаблять натруженный мозг как все нормальные люди.

— Он на кафедре, — сказала Лизбэт и ушла обратно, хлопнув дверью. Стопудово разозлилась, увидев меня, и забыла, зачем выпорхнула в коридор.

Интересно, соврала она про кафедру или нет? Точно, соврала и дала неверное направление, чтобы отвадить от своего высокоумного принца, который оказался вовсе не принцем, а обычным смертным, в котором я разочаровалась. Однако на всякий случай стоит проверить слова Лизбэт.

Итак, Альрик завернул на кафедру материальных процессов, месторасположение которой нам неизвестно. Для начала пройдем знакомой дорогой до административного этажа, встанем лицом к родному деканату и начнем обход по часовой стрелке, читая таблички на дверях.

По пути из одного крыла в другое на ум пришел ультиматум Мэла, и в голове снова замкнуло. При мысли о том, как мне предстояло выпрашивать прощение, извилины переключились напрочь. Я вообще мало что соображала, находясь в опасной близости от Мэла. У чердака мне опять не хватило сил прекратить страстные обжимания, и неизвестно, чем закончилось бы "общение", если бы Мэл не отстранился.

Незабвенный полуторный этаж встретил тишиной и слабым сквозняком. Оно и понятно,

от экзаменов устали как студенты, так и преподаватели и прочий персонал, причастный к интеллектуальному терроризму, поэтому в равной степени рванули освежать ротовые полости и укреплять расшатанные нервы.

Отойдя от двери любимого деканата, я пошла в обход, зачарованно разглядывая двери. Все-таки на полуторный этаж нужно ходить с экскурсией, чтобы любоваться рукотворными чудесами, потрясающими воображение.

При разглядывании необычных конструкций попалась дверь, на фасаде которой красовалась двухмерная проекция черной дыры. Взгляд прилип к ней, а рука потянулась, чтобы потрогать. Еще чуть-чуть, и меня аннигилировало бы и растворило в древесной структуре, покрытой светлым лаком. Хорошо, что сознание вовремя прояснилось.

Бесцеремонность — мое второе имя. На стук и скрип двери обернулись несколько мужчин. Бородачи и очкарики, устроившись в приземистых креслах, вели оживленную беседу, которая застопорилась при моем появлении. Одним из любителей размять язык после изнуряющей экзаменовки оказался профессор Вулфу. Увидев меня, он поднялся из кресла.

— Папена? Что-нибудь произошло?

Святая простота на публике. Не далее как полчаса назад спровоцировал Мэла, поставив мне незаслуженную оценку, а теперь спрашивает с невинным видом, что случилось.

— Произошло, — поведала я голосом благовоспитанной девицы.

— Прошу прощения, — обернулся Альрик к собеседникам. — В диспуте временно не участвую.

Мужчины вернулись к горячему спору о материях и сферах. Наверное, я беспардонно оторвала профессора от бесценного общения с коллегами, но угрызений совести по данному поводу почему-то не испытывала. Мне требовалось разрешить собственные проблемы.

— Пройдем в лабораторию. — Переступив порог, Альрик увлек меня следом.

— Нет, — ответила я с вызовом. Голос прозвучал непривычно громко, отразившись от коридорных стен.

Профессор оглянулся по сторонам:

— Что вас смущает?

— Многое. Наверх не пойдем.

— Хорошо. Заходите, — распахнул дверь кафедры.

При нашем появлении спорящие опять замолчали.

— Не обращайтесь внимания, — махнул рукой Альрик, открыв дверь в смежную комнату.

В крохотном помещении, предназначенном для чаевничаний и кратких перекусов на бегу, я уселась на высокий стул и закинула ногу на ногу. Подумала и вдобавок перекрестила руки на груди, приняв оборонительную позу на языке жестов.

Мужчина осмотрелся и нарисовал на дверном косяке невидимые символы, цепляя к ним невидимые волны. Проделав то же самое с окном, он оперся спиной о кофейный столик.

— Вы поступили неосмотрительно. Только что несколько свидетелей заметили наше уединение. Всё-таки следовало подняться наверх в рабочую среду.

— Осточертела осмотрительность! — воскликнула я запальчиво. — Из-за нее мне закатали *сгусис*^[34] в волосы и залили замок клеем. Что будет дальше?

— Не вижу связи, — пожал плечами профессор. — Объясните, почему.

— Да потому! Потому что вы мужчина, Альрик Герцевич, а не преподаватель! Вот Лютик... Лютеций Яворович — он препод, Ромашка... то есть Максимилиан Эм...

— Не утруждайтесь, — улыбнулся профессор. — Я прекрасно понимаю, о ком идет речь.

— Ромашка — тоже препод и Стопятнадцатый — препод, а вы — интересный симпатичный мужчина, словом, идеал и совершенство, и скоро мне откроют голову за встречи в вашей лаборатории!

— Кто откроет?

Вот балбес, а ведь считается гениальным ученым с исключительной логикой.

— Ваши фанатки. Поклонницы. Лизбэт, в конце концов.

— Причем здесь Лиза? — удивился непрошибаемый товарищ.

— Как причем? — я поиграла бровями для пущей выразительности. — Она питает надежды и наверняка не без основания.

— Какие надежды? — изумился профессор. Чем бы его вразумить да потяжелее?

— Проехали. Альрик Герцевич, половина института надеется на ваше внимание, а тут я прогуливаюсь по закрытым лабораториям. Поэтому особо решительные поклонницы не стали бездействовать и намекнули, что почём. В общем, впредь не собираюсь ходить на пятый этаж и вообще отказываюсь посещать осмотры.

— Не предполагал, что возникнут осложнения... подобного рода, — сказал растерянно мужчина. — Пойдите! Отказ от визитов в лабораторию ясен. Мотивируйте отказ от осмотров.

— Мне известно, зачем они нужны, — для иллюстрации я повертела рукой с колечком Некты. — Если оно проявится, значит, есть причина для беспокойства, чтобы сразу прибежать к вам. Вот и все.

— Когда прибежите, будет поздно, — профессор порывисто оттолкнулся от стола и сел рядом. — Проще и безопаснее предупредить, нежели устранять последствия.

— Вы до сих пор не объяснили, что это, — протянула руку, которую Альрик машинально погладил. Я вырвала её и прижала к груди.

Только что мои пальцы зарывались в волосы Мэла, а тело с радостью откликалось на его настойчивые притязания, поэтому прикосновения профессора показали предательством по отношению к парню.

— Что-то не так? — спросил Альрик, взглянув пристально.

— Не так. Поставив несправедливо четверку, вы сделали назло Мэ... Мелёшину, хотя накануне говорили, что не станете подначивать его, — выпалила я на одном дыхании.

— Продолжайте, — разрешил мужчина, улыбнувшись.

Он еще смеется! Сам предупреждал об опасности подбрасывания дров в костер и, не мешкая, подкинул большую вязанку. А пламя, поднявшееся до потолка, придется гасить мне сегодня вечером, и я вроде как... не против, — признала с загоревшими щеками.

— Вы были пристрастны и нарушили преподавательскую этику! Вы, гениальный ученый с мировым именем!

— Спасибо за комплимент, — снова улыбнулся Альрик, совершенно не вникнув в суть выпада.

— Я не о том! У вас авторитет, репутация. Зачем вы поставили четверку?

— Предпочтете ходить на пересдачи?

— Да! То есть нет, конечно... Если вытянула несчастливый билет, то ходила бы и учила!

— Вас раздрают эмоции, — заметил мягко профессор. — Забавно наблюдать.

А кто стал причиной повышенной нервозности? Сам же виноват как и Мэл. Оба хороши.

— Вам не нравится Мелёшин! — выпалила я, поделившись наблюдением, и мужчина поджал губы. — Не нравится, — добавила упрямо. — И поэтому вы специально поставили четверку, хотя следовало отправить на пересдачи.

На переносице Альрика появилась глубокая складка. Встав, он подошел к окну и обратил взор на улицу.

— Вы правы. Мелёшин не нравится мне по причинам личного характера, но антипатия сложилась не к конкретному юноше, а к фамилии в целом. Волей случая сегодня был разрублен гордиев узел, и вы должны сказать спасибо, Эва Карловна, вместо того, чтобы бросаться обвинениями.

— За что спасибо? — Я взглянула на мужчину как на умалишенного.

— Я не раз предупреждал относительно Мелёшина, но вы продолжаете вести себя как непослушный ребенок.

Где вы увидели детей? — вскинулась я возмущенно, но профессор сделал знак утихомириться.

— Начнем по порядку. В частности, с рисунка на пальце. Действительно, вас укусило обитающее в институтских подвалах существо, с которым вы никогда не встретились бы, спустись на подъемнике. — Упреждая вопрос, готовый сорваться с моего языка, Альрик продолжил: — Существо поселилось внизу после неудачного эксперимента, и в настоящее время не представляется возможным избавиться от незваного жильца. Поэтому спуск в подвалы из коридоров запрещен.

— Он... мог меня съесть? — спросила я потрясенно.

— Возможно. Существо никому не показывалось, кроме вас.

— Но я не видела его!

— Не видели, зато слышали и осязали, что само по себе исключительно.

Бог мой! Если бы меня сожрали на второй день пребывания в институте, то ничего не случилось бы — ни общаги с соседями, ни Нового года с Маратом, ни Пети с его приемом, ни конфликта с Касторским, ни Мэла. Ни-че-го. Никто не узнал бы, куда я подевалась, потому что ни один разумный человек не спустится в катакомбы, чтобы прогуляться по ним километров этак...нцать. Вспомнили бы о моей пропаже месяца через два-три, объявили бы розыск для галочки и написали бы в свидетельстве о смерти: "Пропала без вести". Отец получил бы бумажку на руки и вздохнул с облегчением, что его совесть чиста.

— Почему он меня не съел, а укусил?

— Сие неизвестно, — ответил мужчина, продолжая любоваться пейзажем за окном.

— Тогда почему укус проявился после встречи с компанией Касторского? И когда вы упомянули об отце.

— Существует понятие "психической границы", преступив которую организм уничтожает себя как личность: стирается память, отключаются врожденные и приобретенные навыки и рефлексy, прекращается мыслительная деятельность. Остается физическая оболочка. Как правило, "граница" приближается в стрессовые моменты, и чем сильнее страх, тем реальнее перешагнуть черту. Встретившись с Касторским, вы испытали безотчетный ужас.

— Да, — призналась я. — Думала, еще чуть-чуть, и не выдержит сердце.

— Когда зашла речь о вашем батюшке, вы испытали страх перед обнаружением

подозрений и последствиями, поэтому рисунок начал проявляться.

— Почему? То есть, что это означает?

— Пока не знаю, — сказал Альрик, коротко взглянув на меня, и снова обратился лицом к улице. — Не могу дать иного объяснения кроме того, что проявление "кольца" на пальце отражает вашу психическую стабильность.

— Но почему он сделал это? В смысле, зачем укусил? — пробормотала я ошарашенно, пытаюсь наскрести в памяти воспоминания о прогулке по катакомбам.

— В подвалах обитает существо с интеллектом, абсолютно отличающимся от человеческого. Мотивация его поступков необъяснима и не поддается логике. Вы обещали не повторять поход по подвалам, помните?

— Помню.

— Прекрасно. Не то я представил, как пойдете объясняться, чтобы раскопать правду, и из-за вашей настойчивости бедняга кусатель забьется в дальний угол, где утонет в горьких слезах раскаяния.

Не сдержавшись, я фыркнула.

— Его пробовали поймать?

— Предпринимались неоднократные попытки, пока сверху не поступило указание оставить существо в покое и закрыть спуски. В заключение отмечу, что укус подземного жителя не ставил целью манипулировать вами или лишить жизни, но продолжаю настаивать на регулярных осмотрах.

Я заартачилась:

— В них нет необходимости. Теперь ясно, чего следует опасаться, поэтому прибегу сразу же при появлении "колечка".

Наглядевшись на зимний пейзаж, мужчина отвернулся от окна и дохромал до соседнего стула.

— Мне необходимо посоветоваться с Генрихом Генриховичем.

— Стопятнадцатый знает о существе? — изумилась я. Поистине сегодня день открытий.

— Знает. И поверьте, опекает вас со всевозможной заботой и регулярно интересуется динамикой осмотров.

Что ни говори, а приятно, когда кто-то беспокоится о тебе.

— Как от него избавиться? — я повертела рукой с подарком Некты.

— Пока не представляется возможным, — признал профессор. — Напрасно вы упираетесь, отказываясь от периодических осмотров. Я смог бы тщательнее изучить рисунок и нашел бы выход со временем. Еще раз подумайте, чего лишаетесь. Но при любом решении настоятельно рекомендую не афишировать встречу с подвальным существом во избежание неприятностей.

Как бы далеко не забрасывал удочку Альрик, обещая помощь в избавлении от "колечка", всё ж не куплюсь на червячка. Для меня важнее, приехав вечером по адресу на карточке, уверить Мэла, что со встречами на пятом этаже покончено. В конце концов, я покуда жива и здоровехонька, а всякие там психические границы и столбы постараюсь обходить стороной.

Однако предостережение держать язык за зубами следует выполнять, чтобы не заработать проблем на свою шею. Если сболтну лишнего, они нацепляются друг на друга как пыль на наэлектризованную палочку. Я не смогу внятно объяснить, почему пошла не туда и не в ту сторону; у администрации института, умолчавшей о ЧП, возникнут неприятности; профессор и Стопятнадцатый попадут под подозрение, потому что не просигнализировали в

первый отдел о контакте обычной студентки и таинственного существа из подземелий. Всем будет худо из-за моей способности вляпываться в различные осложнения.

— Ладно, — согласилась я с необходимостью соблюдения тайны. — Что скажете на остальные обвинения?

Мужчина негромко рассмеялся.

— Рассматривайте четверку как моральную компенсацию за встречу с нашим подземным чудовищем.

— Альрик Герцевич! — задохнулась я от возмущения, потому что он не потрудился придумать приличное объяснение. — Как вы могли?

— В начале разговора вы назвали меня идеальным. Прежде всего, я... — замялся он на мгновение, — человек и ничто человеческое мне не чуждо. Признаю, проявил слабость. Пойдете жаловаться или потребуете пересмотра оценки? Учтите, Монтемонт погасил ведомость, и откат результатов экзамена будет непростым.

— Даже не знаю... — пробормотала я неуверенно.

— Меня удивляет ваша реакция на полученную оценку. Я мог бы понять негодование, если вы строили бы планы, связанные с символистикой, или имели другие честолюбивые замыслы. К примеру, Лиза связывает свое будущее с символьной механикой, и знания пригодятся ей в голове, а не в строчке ведомости. Так ли велика беда в полученной четверке? Зато перешагнете зимнюю сессию и уверенно доберетесь до летней. Кто знает, вдруг злой рок, витающий над вами, исчезнет, и вы задержитесь в столице дольше одного семестра?

Хотелось бы, — согласилась я молчаливо. Надоело менять адреса, пароли, явки.

— Из-за моей оценки Мелёшин будет ходить на пересдачи.

— И не только. Он виноват в собственной несдержанности. Я мог бы объявить во всеуслышание, что Мелёшин применил без разрешения *plasticini*^[35] на экзамене, — профессор вынул из кармана жилетки серебристый блинчик. — Однако он отделается административным наказанием за хулиганское поведение.

Я растерянно обвела пальцем бугристости бывшего пера, слипшегося в плотную лепешку. Стоило поблагодарить мужчину за то, что он сохранил в тайне проступок Мэла.

— Несколько человек, кроме него, стали свидетелями незаслуженной четверки, — сказала, опустив голову. — Наверное, поползут слухи.

— Не поползут, — успокоил Альрик. — Студенты видели показательное выступление Мелёшина, но не слышали разговора у стола. Мелёшин же применил знакомое вам *legra vi labum*^[36] и опять без санкции преподавателя. Как видите, во всем, что касается вас, он стремится к тотальному контролю.

Небольшая поправка, уважаемый профессор. Мэл норовит контролировать всё, что касается и вас. На сегодняшнем экзамене он проштрафился по самые уши. Достаточно, чтобы его безоговорочно отчислили из института, невзирая на заступничество свыше.

И все же, несмотря на то, что студенческое будущее Мэла висело на волоске, слова профессора о собственничестве парня разволновали меня. Мэл осознанно пошел на нарушения правил, потому что ревнует. Ревнует! Мой Мэл, — улыбнулась я с нежностью.

Неожиданно в голову пришла следующая неприятная мысль.

— Тогда почему его допустили к экзамену? Вы специально устроили так, чтобы Мэ... Мелёшин узнал о четверке?

— Не переоценивайте мои возможности, — хмыкнул весело Альрик. — Рядом с вами

сидит злодей мирового масштаба, который подстроил совместное пребывание с Мелёшиным в последней "пятерке".

Мне стало стыдно за скоропалительное обвинение. Действительно, как было предугадать, что я поплетусь в хвосте сдающих и окажусь в одной компании с Мэлом?

— Извините.

— Принимается, — улыбнулся мужчина. — Мелёшина допустили к экзамену по ходатайству Генриха Генриховича при условии, что долги будут закрыты позже.

— Простите, — совсем сконфузилась я и кинула на Альрика виноватый взор. Действительно, нехорошо вышло.

— Бросая упреки в защиту Мелёшина, вы упустили из виду одну немаловажную деталь, — сказал профессор и, заметив мою озадаченность, пояснил: — А именно фотографии, которые занимают место в ящике стола в лаборатории. Полагаю, вы догадались, кто явился заказчиком снимков.

Я не ответила, кусая губы. Молчание — знак согласия.

Фотографии успели вылететь из головы, уступив место прояснению отношений с Мэлом, а ведь увесистая пачка кадров стала катализатором его ярости.

— Целью компрометирующих материалов имелось развести вас и Мелёшина в разные стороны. По-прежнему рассчитываете встречаться с ним? — задал неожиданный вопрос мужчина.

Я смущенно пожала плечами. За меня ответили пылающие щеки.

— Я не вправе давать советы, Эва Карловна, но у меня имеется кое-какой жизненный опыт. Прошу выслушать нижеследующие размышления и принять правильное решение, — продолжил Альрик бесстрастным тоном ученого. — Рассмотрим вариант, когда Мелёшин успокоится и выслушает ваши оправдания. В случае примирения заказчик снимков вновь приложит усилия, чтобы расставание с Мелёшиным случилось раз и навсегда — кому нравятся холостые выстрелы? Возможно, на этот раз дело не ограничится фотографиями, и в вашем жилище установят жучки. Наверняка начнут рыться в биографии, посетят ВУЗы, в которых вы учились, поговорят с бывшими однокурсниками и преподавателями. На вас соберут подробное досье, учтут малейшие мелочи и сделают соответствующие выводы. Нанятые профессионалы, не ограниченные в средствах, представят отчеты в короткий срок, а заказчик в нужный момент использует информацию против вас или вашего отца. Неужели из-за неустойчивых отношений с молодым человеком вы с легкостью поставите под угрозу главную цель, к которой настойчиво стремитесь?

Скажите проще, я забыла о ней, увлекшись сердечными метаниями, — опустила взгляд, полный раскаяния.

А мужчина меж тем говорил и говорил:

— При наличии связей и денег даже тщательно скрываемая информация станет доступной, а если умело предать ее огласке, то резонанс потопит вас, семью вашего батюшки и его карьеру. В частности, отличный повод для скандала — предстоящий прием. В ваших интересах, Эва Карловна, чтобы о миленькой девочке написали пару строчек, упомянув вскользь о родстве с высоким чиновником, и забыли на следующий день. Допустим, вы не поймете намек, сделанный при помощи компрометирующих снимков, и наладите отношения с Мелёшиным. Что предпримет заинтересованная сторона? Для начала вашу биографию начнут трепать и мусолить, перетаскивая из газет на телевидение и обратно. При этом на суд публики вытащат множество неприглядных фактов. Для

любителей почесать языками и поточить зубы раскопают ваши уязвимые места, о которых вы и не подозреваете. Специально извратят факты и преподнесут падким до сенсаций обывателям в мерзком и грязном виде. Взять те же фотографии. Негативы попадут в прессу и растиражируются с заголовками на первых страницах: "Связь дочери заместителя министра с преподавателем института! Студентка — днем, любовница — ночью! За что получают оценки в ВУЗах — сенсационные подробности в нашем выпуске!"

При этих словах я поперхнулась воздухом и закашлялась. Моя фантазия оказалась недостаточно богатой, чтобы разглядеть во встрече с Альриком тайное свидание двух голубков. Отвратительно. Бесплезно прикрывать пылающее лицо ладонями, потому что на щеках давно выскочили волдыри.

— Продолжать? — поинтересовался невозмутимо профессор, словно рассказывал скучную лекцию. Я отчаянно замотала головой, но он, не заметив, продолжил: — В итоге, желание быть вместе с Мелёшиным потопит вас и вашего отца — бурно и стремительно, на радость врагам. Соответственно, ваша цель останется недостижимой. Картина ясна, или добавить красок?

Яснее некуда! — схватила я за голову. Великий стратег Альрик разложил по полочкам то, что я подсознательно отталкивала от себя в силу наивности. Простая, глупая девочка, по незнанию привлекающая к себе чужое пристальное внимание.

Рассуждения мужчины, логичные и жестокие в своей правильности, явились для меня ударом под дых. Нокаутом, от которого невозможно закрыться. Еще неизвестно, что сильнее — физическая боль или душевная, разливающаяся под грудиной с каждой меткой фразой Альрика.

Профессор прав, тысячу раз прав. Впустив в сердце Мэла, япустила проблемы, тянувшиеся за ним. Сейчас мне нужно затаиться как никогда и постараться пережить злосчастный прием без последствий.

А цель? Как получилось забыть о ней? Как вышло, что за считанные дни мои ориентиры развернулись в противоположную сторону?

А Мэл? Мой Мэл, которого я теряла в эти самые минуты, внимая словам Альрика, беспощадно бьющим в центр мишени под названием "угроза разоблачения".

Как утопающий хватается за соломинку, я стиснула в ладони брошку, которую выдернула из-за ворота свитера. Стояла на перепутье, а сердце рвалось на части, сводя с ума от боли. Либо Мэл и грандиозный скандал, который погубит меня, либо аттестат о висорическом образовании и заветный мамин адрес.

По сути не было никакого выбора, лишь констатация факта.

Рушилось на глазах. Обваливалось как неустойчивая пирамида из карт.

И я нашла выход. Шмыгнула носом раз, другой — и заплакала навзрыд. Как ребенок, которого раздражили конфетой и отобрали, не дав толком распробовать, — правильно меня назвал профессор. Ревела, размазывая слезы по щекам.

В руке очутился белоснежный платок.

— Это страсть, не более, — сказал тихо Альрик. — Она скоротечна. Ею нужно переболеть.

Умеет же человек утешить, — хлюпнула я расстроено, и затихший было плач перешел на новый виток.

И опять профессор прав, — судорожно всхлипывая, закрыла я лицо платком. Это выброс гормонов. Это взрывной характер Мэла, который я толком не узнала. Это его

родственники, которые раздавят меня, не задумываясь, а Мэл попереживает и переключится на другую счастливицу. Это моя цель, до которой осталось пройти два шага, не перечеркнув достигнутое излишней беспечностью.

Это два полюса — я и Мэл.

Я не заметила, когда мужчина ушел из кухоньки, и оставив меня в одиночестве. Проплакавшись, долго успокаивалась. Подойдя к окну, смотрела, как в вечернем парке шумная кампания лепит снеговика и попутно бросается снежками.

Достав карточку из кармашка юбки, я порвала её и ссыпала обрывки в урну у двери. Прости, Мэл, наши пути расходятся.

Заглянув на кухню, Альрик увидел, что слезно-плакучий выплеск закончился, уступив место апатичности. Включив в крохотном помещении свет и поставив чайник кипятиться, мужчина достал из створок буфетного столика вазочки с печеньем и засахаренными фруктами.

Во всем нужно видеть хорошее, — размышляла я флегматично, наблюдая за перемещениями профессора. Хорошо, что окончательный разрыв с Мэлом произошел на ноте недопонимания и обид. Будет значительно проще принять его презрение и ненависть, но на горизонте скоро появится новая проблема: как набраться решимости и выдержать враждебность, которую Мэл обрушит на меня при следующей встрече.

Подумаю об этом позже. Не сейчас.

Чаепитие происходило в молчаливой обстановке, сопровождаемое похрустываниями и прихлебываниями. Но почему-то в рот ничего не лезло. Пилось и елось мало, и почти не думалось. Мимоходом всплывали обрывочные фразы.

"Во всем, что касается вас, он стремится к тотальному контролю"...

"Потому что он решил, будто может взять чужое"...

"Будешь просить прощения... губами, руками, собою..."

Невпопад вспомнившиеся слова: "Студентка — днем, любовница — ночью" вызвали прилив жара к щекам, и я искоса взглянула на профессора, с задумчивым видом помешивающего ложечкой в чашке. Рядом со мной сидел не абстрактный преподаватель, приходящий утром в институт и покидающий вечером рабочее место. У мужчины, занимавшего соседний стул, имелись интересы, обязанности перед кем-то, права на кого-то. В конце концов, у него наличествовала личная жизнь, и он проводил с кем-то вечера и ночи.

Воображение нарисовало два обнаженных тела, сплетенных в объятиях. Шелковые простыни, отблески свечей, приспущенный балдахин, россыпи розовых лепестков, черный ажурный чулок на спинке кровати, экзотические ароматы... Длинные стройные ноги, обхватившие мужские бедра... Хриплый шепот, стоны... Изгиб изящной шеи, водопад темных кудрей, рассыпавшихся на подушке...

Проклятая фантазия умудрилась впустить на кухню запахи и звуки чувственной сцены. Отгоняя дурман, я потерла нос и поспешно отвернулась к окну, чтобы Альрик не увидел мое лицо, но, видимо, сделала это недостаточно быстро, потому что он не донес чашку до рта и со стуком поставил на стол.

Чаепитие сошло на нет. Профессор молчал, я — тоже, терзая взглядом оконную ручку.

Затем ровным преподавательским голосом Альрик разрешил не приходить завтра на осмотр и обещал подумать, как выпутаться из двусмысленной ситуации, в которую я попала по вине его сногшибательной мужественной внешности. Все-таки мне удалось поразить профессора заявлением о том, что на его драгоценную персону посягает почти две тысячи барышень и Лизбэт в их числе.

— Пойду, наверное, — сказала я неуверенно, стараясь не встречаться с ним глазами.

— Конечно, — не замедлил отозваться Альрик, словно выжидал, каковыми окажутся мои первые слова. — Сегодняшний день стал насыщенным на события. Отдохните, чтобы с новыми силами стремиться к новым вершинам.

Точно, заоблачные выси как раз для альпинистов-неудачников без страховки.

Напоследок профессор напомнил о соблюдении безопасности в подвале, куда мне придется спускаться для работы в архиве, и велел ни в коем случае не выходить за границу освещенной зоны.

Вяло попрощавшись, я взвалила сумку на плечо и двинулась в общежитие. Умники с кафедры исчезли, и некому было засекаать, сколько времени студентка провела наедине с умопомрачительным мужчиной. Шла, пиная снежный гольш. Оказалось, так просто и так трудно — провести ампутацию отношений. Вжик, — и отпилить пилой всё, связанное с Мэлом. Но то ли пила попала тупая, то ли операция прошла без наркоза, потому что снова заныло слева под ребрами, мешая дышать.

Моя рассеянность не осталась незамеченной.

Радик, пришедший на ужин, пребывал в радостном настроении. Похвалившись четверкой по сенсорике, он заявил, что без моей поддержки у него "фиг бы чо получилось". О "победе" в символистике я предпочла умолчать, и варка макарон сопровождалась короткими "да", "нет" или пожатием плеч в ответ вопросы, коими меня засыпал парнишка. Сообразив, что сотрапезница не испытывает особой радости из-за полученной оценки, Радик приуныл.

— Сегодня особенный день! Мы перепрыгнули на следующую ступеньку! — воскликнул он с воодушевлением, надеясь расшевелить амебу, которая с постным лицом пробовала макаронину на степень готовности.

— Перепрыгнули, — согласилась я. — Готовы. Тащи в швабровку.

И снова погрязла в меланхолии.

Лишь поев, вспомнила о листьях разъедалы, томящихся в сумке, и выложила ровными рядками на подоконнике.

— Для чего они? — спросил вертевшийся под боком Радик, которому запретили прикасаться к листочкам во избежание травмы.

— Завтра на лабораторке приготовлю пятновыводитель вишневого компота. У меня привилегия, — похвалилась зачем-то и вспомнила о Мэле, подтрунивавшем надо мной, когда я эту привилегию зарабатывала. Вспомнила и опять погрустнела.

— А это что? — влез парнишка, выудив застрявший меж стебельков клочок бумажки.

Бумажкой оказалась записка таинственного А., о которой я совсем позабыла. Незачем мучить просителя неизвестностью. Завтра отвечу, что в сад с ахтуляриями мне не попасть, и что по оранжереям расклеены листовки с моей физиономией и грозным предупреждением: "Внимание! Особо опасный вредитель! При обнаружении подлежит немедленному уничтожению!"

Эх, кабы не привилегия в приготовлении любого снадобья, Ромашевичевский с удовольствием изгнал бы меня поганой метлой со всех лабораторок, не замедлив придумать унизительную причину.

Наше с Радиком общение прервала Аффа, ворвавшаяся в комнатушку. Схватив меня за руки, она закурилась вокруг каруселью.

— Пятерка! По теории элементарки пя-тер-ка!

Вот уж не думала, что из-за какой-то оценки взрослая и умная девушка будет скакать как малолетний ребенок. Мне четверка душу не греет, чтобы как соседка превратиться в беззаботную юлу.

— Здорово! — присоединился к восторгу парнишка, уставший от моей скучности в

столь знаменательный хорошими отметками день.

— Почему расхаживаешь без туфель? — налетела с упреком девушка. — Запомни, если хочешь одолеть прием, ни днем, ни ночью не забывай о нем. Практикуйся каждую свободную минуту.

Под осуждающим взглядом я вытащила из-под кровати злосчастную обувь и надела.

— Ого, какая ты! — воскликнул Радик. — Высокая и немножко не Эва.

— То есть? — Я сделала осторожные шажки к двери, боясь упасть.

— То ли еще будет! — воскликнула соседка. — погоди, перед приемом вообще её не узнаешь. Сделаем принцессу из сказки.

— Жаль, — сказал юноша и, усевшись на кровати, молча наблюдал за моими перемещениями и оживлением Аффы.

Сегодня ноги двигались увереннее, закабаленные ужасными каблуками, но вскоре устали и заныли в щиколотках. В конце концов! — возмутились конечности. — Мы рождены не для балета, а для серых крысок.

— Гораздо лучше. Правда, шаги мелковаты, — похвалила девушка и пригрозила: — И не снимай! Сейчас разберусь с делами, и двинем к Виве.

Напомнив о дальнейшем расписании светского вечера, соседка упорхнула из комнаты смерчем. Я тяжело рухнула рядом с Радиком.

— Аффа решила, что у меня есть успехи, — хмыкнула, сбросив туфли и массируя ступни. — Почему тебе жаль?

— Просто так. Прежняя Эва мне больше нравилась.

— Да ведь я никуда не делась. Думаешь, радуюсь ходульному кошмару?

— Не знаю, — вздохнул Радик. — Вдруг ты изменишься?

— Держи карман шире! — опровергла я воинственно. — Мы еще посмотрим, кто кого!

— Посмотрим, — согласился юноша. Несмотря на мои уверения, он сник.

После ухода расстроенного Радика я задумалась. Он решил, что сегодняшние новшества в моем облике станут со временем атрибутами жизни и превратят в разукрашенную хладнокровную стерву. И тогда не будет совместных обедов и ужинов, а наша дружба зачахнет. Ну уж нет. Не на ту попал. Никакие копытости не сломят наш дух.

Жестокая Аффа запретила переобуваться, поэтому пришлось проделать путь до третьего этажа в туфлях, которым, как выразилась соседка, следовало прирасти ко мне намертво.

— Может, и спать в них?

— Если потребуется, — согласилась девушка. — Ради поставленной цели.

Все-таки перебор для второго дня обучения, — стенала я, карабкаясь по лестнице за жизнерадостной Аффой и цепляясь за перила.

— Прием продлится не менее пяти часов, — сказала Вива, заметив мою кислую физиономию, ставшую еще кислее после обнадеживающего пояснения. — Повторим урок.

Сегодня моя личная стилистка вырядилась в спортивный костюм с отвисшими коленками и дополнила облик оранжевым гребнем на голове, крайне несочетаемым с сережками в виде фиолетовых колец, достающими до плечей девицы. От её невообразимого вида у меня скоро набьется оскомины.

Согласно требованию училки политеса следовало не только дефилировать по комнате, но и комментировать свои действия вслух: как иду, когда поворачиваюсь, кому улыбаюсь.

— Пей средства для улучшения памяти, — сказала она сердито, выслушав невнятный

рассказ о поведении на зеленой дорожке, сопровождаемый неровным цоканьем. — Зачем стараться, если заранее видно провал?

— Вивочка, пожалей! — умоляюще сложила руки Аффа, заступаясь. — После экзаменов язык в косу заплетается.

Не только язык, но и душа, — подумала я мрачно, взглянув мельком на часы. Половина седьмого и темень за окном. И почему одна балда порвала карточку, не запомнив адрес? Надо же быть такой недалёкой! Хоть сейчас беги и склеивай.

— Хорошо, — согласилась недовольно стилистка, будто не толклась утром перед экзаменационными дверями, и взмахнула рукой с малиновыми ногтями-саблями: — Продолжай.

И туфли понесли меня по комнате.

— Я тут подумала, — сказала девица Аффе, наблюдая критично за ковыляниями. — Накануне приема стоит принять успокоительное, а то её так и сфотографируют с глазами по сто висоров каждый.

Соседка прыснула.

— Записывай, что ли, — потребовала Вива и продолжила ликбез непросвещенных студентов, рвущихся на прием "Лица года". Я прогуливалась, топоча и слушая, а Аффа фиксировала ценный материал.

— Миновав зеленую дорожку, вы попадете в Большой парадный холл, а через него в Большой торжественный зал. Не бойся, не заблудитесь.

— Скучно, — пробурчала Аффа. — Всё у них большое, и ни капли фантазии в названиях.

— Надо же как-то возвеличиваться, — парировала стилистка. — Большой зал предназначен для заслушивания речи премьер-министра и рассчитан на четыре тысячи мест, расположенных в партере, бенуаре, бельэтаже и трех ярусах. На ваших билетах не указаны посадочные места. Нужная информация проявится, когда войдете в Большой парадный холл. Но учти, размахивать на публике билетом считается дурным тоном. Нужно вести себя с достоинством.

— К чему сложности с распределением мест? — поинтересовалась соседка, словно не мне, а ей предстояло выяснять, куда приткнуться во время торжественной речи.

— Об этом в источниках не упоминается, — пожалала плечами Вива. — Наверное, для остроты ощущений. Говорят, будто ряд и место проявляются на билете случайным методом, и невозможно предугадать, кто окажется соседом: какой-нибудь министр или кинозвезда.

— Значит, мы с Петей можем оказаться в разных углах зала? — ужаснулась я перспективе затеряться в толчее среди знаменитостей.

— Ваши билеты связаны. На каждом из них должен быть особый значок в уголке. Так что программа случайного выбора места посадит вас где угодно, но рядом.

— И в первом ряду? — втиснулась засиявшая Аффа.

— И в первом.

Не вижу повода для восторгов. Я бы с удовольствием забилась на самый верхний ярус и в самый дальний угол, лишь бы не сидеть впереди, боясь лишний раз пошевелиться и ощущая затылком присутствие четырехтысячного зала. Вдруг не вовремя зачесется нос, или захочется чихнуть? А это провал, потому что обычно чихаю звонко.

Вдруг судьба выберет в соседи... отца и его женушку? Или мне достанется место около Мэла и его спутницы? Кстати, за какие достижения ему выпала честь протирать штаны,

слушая речь премьер-министра?

— Четыре тысячи, которые прославили отчизну, — пробормотала я, забыв о выгугле, но Вива живо напомнила, подтолкнув.

— Неа, — вставила слово Аффа. — Из всех гостей от силы человек двести-триста заслужили право быть "лицами года", как например твой Петя из-за победы на чемпионате. Остальные гости — элита. Избранные, верхушка. Так что считай, тебе несказанно повезло.

Кому бы отдать свою везучесть? — скривилась я и тут же распрямила лопатки, заметив, что Вива собирается подправить мою осанку.

Стало быть, счастливиц, добившихся успехов в различных областях, окажется мизер по сравнению с именитыми особами и наследниками громких фамилий, например, с теми, у кого вспыхивают зеленые ободки в глазах в моменты ярости.

Гномик на часах старательно толкал стрелку к семи. Толкнулось сильнее обычного и мое сердце.

— При входе в зал вам выдадут лорнеты, после чего вы с кавалером пройдете к своим местам. Проходы достаточно широки, чтобы не протискиваться боком, при этом необязательно здороваться с сидящими. Потом... как его... Петя поможет тебе устроиться и сядет сам. Обмениваться приветствиями с соседями также необязательно. Ты девушка юная, поэтому приветствуются скромность и стеснительность. В конце концов, это не панибратский междусобойчик верхушки, а серьезное мероприятие, освещаемое прессой и телевидением. Останется самое трудное — не уснуть во время торжественной речи. Обычно она длится до полутора часов, во время которой камеры выхватывают зевающих или спящих, и пренебрежение к премьер-министру увидит вся страна.

— Может, принять бодрящее снадобье, чтобы не захрапеть? — предложила Аффа.

— Сначала выпить успокоительное, а потом бодрящее? — передразнила Вива, и соседка поняла, что сморозила глупость. Оба снадобья вступят в конфликт, и самое безобидное, что меня ожидает — вечер в обнимку с унитазом.

Радостей от приема с гулькин нос, зато испытаний — не перечесать. Кстати, еще чуть-чуть, и натруженные ходьбой ноги отпадут как сухие листочки от дерева. Я закусил губу, героически телепая по комнате.

— В общем, нужно слушать или делать вид, что слушаешь. В нужных местах хлопать, в нужных — смеяться, потому что в речи премьер-министра присутствует пара-тройка официальных шуток. В финале выступления подняться вместе с залом и аплодировать стоя, обычно не менее минуты. После проигрыша гимна официальная часть считается закрытой и наступает неофициальная.

Сообразив, что продолжение следует, я запнулась и для поддержки ухватилась за Аффу, позабыв об отваливающихся ногах.

— Как?! Еще не конец?

— Выйдя из Большого торжественного зала, ты одолеешь одну треть приема, причем самую легкую, — выдала зловеще Вива, будто рассказывала сказочку-страшилку на ночь. — Перед следующим занятием изучишь в библиотеке атлас видных политических деятелей. Любого из них ты увидишь на приеме, и, возможно, с некоторыми придется вести беседу. Ты должна иметь общее представление о том, кто и каким ведомством руководит.

— А... — опешила я, услышав о задании. А когда готовиться к следующему экзамену?

— Всё, устала я от вас, неблагодарных, — махнула рукой девица. — На этой неделе сократи до минимума практику с волнами, чтобы не истощить организм случайной отдачей.

Поняла?

Хоть это указание стопроцентно выполнимо.

Тяжко вздохнув, я поцокала за Аффой вниз, в швабровку, и сбросив ходули, с наслаждением вытянула ноги, вызволенные из туфельных оков. Даже позвоночник ныл, обиженный чрезмерной нагрузкой. Надо срочно заняться массажем конечностей, иначе завтра не смогу ходить, и придется ползти по-пластунски в институт. А там будет Мэл.

Забывать! Не думать о нем!

Вскочив с кровати, я ринулась в душ — прогреть мышцы, измученные изнурительной тренировкой. Прием! Учеба! Мама! — повторяла про себя раз за разом, отгоняя таким способом нежеланные мысли и образы.

Размяв ступни, улеглась на кровати. Скорее бы уснуть. Не хочу думать ни о чем. И куда запропастился чертов Морфей?

Как я ни вертелась, а сон упорно не желал приходить в половине девятого. Полчаса! Осталось полчаса, — вскинулась я и обессиленно рухнула на кровать.

Где сейчас Мэл и что делает? Меряет шагами неизвестную комнату, поглядывая на часы, или, развалившись в кресле и закинув ноги на столик, невозмутимо потягивает коктейль?

Тени от плафончика едва заметно колебались. Минуты неумолимо приближали меня к точке невозврата. К моменту, когда Мэл поймет, что не стоит ждать. Что я лгуныя и предательница.

Чтобы не расплакаться, закусил кожу на кулаке. Хватит убиваться о том, что бесперспективно. Живут же люди, чьи проблемы и рядом не стоят с моими из-за мелочности последних. Кому-то сейчас гораздо хуже, чем мне. Кто-то борется за выживание и радуется, что еще один день отвоеван у смерти. А я тут, в тепле и довольстве, распустила нюни...

Страшно представить, что устроит Мэл. Воображение молчало, запуганное его непредсказуемостью. Вдруг ненависть Мэла изольется откровением о моей слепоте? Возьмет и в отместку расскажет всем об аванюре с учебой в институте?

Значит, такова судьба, — вздохнула я, и фигурка льва, догоняющего жирафа, размылась пятном на стене. Значит, все-таки будем плакать.

Швыркнув, протерла глаза и проморгалась. Реветь нельзя. Нужно в спешном порядке найти отвратительные недостатки у Мэла, которые уронят его в моих глазах. Вдруг... он специально пригласил меня, задумав пакость? Решил отомстить, подстроив ловушку, в которую я бы угодила. Вот какая я дальновидная: раскусила мерзкие планы и не купилась, поэтому ни в чем не виновата. Да уж, убедительное самовнушение.

А стрелка как назло ползет черепашным шагом, от которого в груди затягивается тревожный узел.

Что за подлая моя натура? — завертелась я на кровати. Ведь можно позвонить Мэлу и сказать, что не приеду. Выдумаю любой повод и услышу злой голос в трубке, приказывающий мчаться к нему, сломя голову. И я сорвусь и полечу.

Вскочив, снова упала на кровать. Как позвонить? Номер стерт из телефона Аффы моей рукой. Я своей рукой обрубил концы.

Можно кинуться в ночь к нему домой, вызвав такси, но я и адреса не знаю. Какая же непроходимая дура! — уткнулась с отчаянием в подушку. Он ждет, сминая свой телефон в очередной блинчик. Он смотрит в окно, примеряясь, какие из двух движущихся точек

остановятся у его подъезда, и когда откроется дверца машины.

Девять, ровно девять!

Я — здесь, он — там, разделенные сутолокой вечерних улиц. Вот и всё. Его подозрения оправдались: ему предпочли другого. Того, который умный, который преподаватель. Который неспроста ставит положительные оценки при отсутствии знаний. Одна мелкая продажная тварь дала понять, что смешала Мэла с г*вном, и за это он разделается с ней, по-своему, по-мелёшински, не мелочась.

Вскочив, я бросилась к окну и прислонилась пышущим лбом к ледяному стеклу, вцепившись в подоконник. Сколько времени прошло, прежде чем пол перестал шататься?

Вернувшись к тумбочке, взяла нераспечатанный флакончик с витаминным сиропом. Теперь я дрянь, расчетливая и хладнокровная. Подумаешь, запнулась... о Мэла. Отряхнусь и уверенно пойду дальше натопанной дорожкой, уводящей в сторону от освещенной трассы бывшего парня.

В дверь постучали, негромко, но требовательно, и последний глоток попал не в то горло. Сдавленно прокашлявшись, я подкралась к двери и приложила ухо.

Аффа никогда не стучала, как и Радик, быстро приучившийся входить по-свойски. Капа вообще дорогу ко мне забыл, занятый собственными проблемами, а если и стучал, то не так. Может, Лизбэт, устав от сердечной тоски, надумала излить душу и помириться?

В голову пришла шальная мысль. Только один человек мог примчаться, на ночь глядя, чтобы самолично придушить меня в собственной постели, взглянув напоследок в лживые глаза. И сейчас он стоял в коридорчике, прислушиваясь к трусливому дыханию за тонкой перегородкой и разминая пальцы, чтобы был крепче захват на чьей-то куриной шейке.

Он приехал! Он выбьет из меня признание, и неизвестно, чем завершится этот вечер, быть может, страстным примирением, и тогда прогнозы профессора относительно моей скорой гибели окажутся стопроцентно верными.

Я не готова встретиться с Мэлом лицом к лицу. Не смогу. Мне не хватит сил справиться с его напористостью, и всё вернется на круги своя.

Облившись холодным потом, я притворилась, что в комнате никого нет, и что незваный гость ошибся адресом. Не будет же рассвирепевший товарищ крушить дверь, привлекая внимание общественности.

Очередной стук заставил вздрогнуть всем телом, а потом кто-то весьма ощутимо пнул по двери, не собираясь уходить. Если не открою, терпение Мэла лопнет как воздушный шарик, и он разнесет ни в чем не повинную хлипкую преграду, подняв на уши общежитие и тётку-вехотку. Та не замедлит пожаловаться куда надо, и к прочим хулиганствам Мэла добавится погром в общежитии.

Повторный, более сильный пинок сотряс дверь и меня. Не успев толком придумать, что скажу Мэлу и решусь ли вообще открыть рот, я распахнула дверь. Лицо вытянулось от удивления при виде нахала, помешавшего душевным мукам.

— Ты?!

От неожиданности нахал отклонился назад, но с достоинством вернул себя в вертикальное положение.

— Нет, не я, — сказал Алесс, опуская руку, замахнувшуюся для очередного долбежа по двери. — Разбудил?

В неясном освещении коридорчика бросились в глаза россыпи веснушек, щедро усеявшие щеки и нос парня. Одет он был по-домашнему: в темный пуловер, трикотажные штаны и кроссовки на ногах. Складывалось впечатление, что рыжий допоздна гостевал у друзей в общежитии и решил заглянуть ко мне, чтобы попросить... соли. Или спичек. Они всегда исчезают в самый неподходящий момент. А может, надумал занять денег, потому что кончилась закуска, и выяснилось, что в карманах гуляет ветер.

— Спала, говорю? — Алесс повысил голос, видимо, решив, что я спросонья глуха, слепа и нема.

— Почти, — не стала вдаваться в нюансы свободного времяпровождения.

Облегчение при виде рыжего оказалось столь велико, что я не удержалась от истерического хмыка. На всякий случай выглянула по-шпионски за дверь, чтобы проверить, не спрятался ли за углом кто-нибудь подозрительный.

Парень тоже окинул взором недоремонтированные красоты закутка, но не стал делиться своим мнением. А то мне неизвестно, что у всех, побывавших в нашем коридорчике, появляется одинаковое мнение об общежитском уюте. Однако скудность интерьера не означает, что к облезшей краске на деревянном полотне разрешается безнаказанно примериваться всеми видами конечностей.

— Обязательно лупить по двери? — спросила раздраженно и в то же время успокаиваясь, потому что визитером оказался не тот человек, которого я боялась увидеть. — Не заметно, что ли, что не в бункере живу?

— Заметно, — согласился Алесс. — Хлипковато.

Хлипковато ему! Смотря как стучать, — понесло меня.

— Вот бы по твоей дверюшке проехать пару разочков. Посмотрим, как забегаешь, — забрюзжала я вредно, встав на защиту родного жилища.

— Баш на баш. Разрешаю, — ухмыльнулся рыжий, явив щербинку между зубами. — Приходи в гости.

— Приду, да так, что твоя дверь выпадет, — изливала я недовольство, полезшее пенной шапкой. Мне бы порадоваться, что спокойной ночи решил пожелать Алесс, а не кто-то другой, разозленный до крайности. Но нет, почему-то кольнуло разочарование, что не кто-то другой истязал непрочную дверь, стуча и пиная по хилой преграде.

— Дело есть, — сказал парень и, выудив из кармана листок, помахал ксерокопией экспертизы.

Со своими страхами и переживаниями я не удосужилась увязать приход рыжего с продажей фляжки. Или с отказом от ее реализации.

Меня пробрал озноб. Если Алесс не согласится сотрудничать, остается падать к папуле в ноги и умолять о помощи в обеспечении наличностью — тот самый запасной вариант на случай полнейшей суицидальной безысходности.

— Будем в коридоре общаться или как?

— Заходи. — Я неохотно пропустила нежданного гостя в свою крепость, но встала таким образом, чтобы загородить тумбочку со спрятанным коньячным сокровищем. Что поделаться, если при выборе тайников мою фантазию напрочь отрезает.

Парень понял, что радушие хозяйки не простирается дальше двери.

— Держи, — протянул листок, и я взяла, стараясь, чтобы рука не задрожала.

Решив взять быка за рога и пойти наступление первой, спросила небрежно:

— Что скажешь?

— Интересная штукаенция. Пятьдесят.

То есть как "пятьдесят"? — растерялась я. Алесс сказал, пятьдесят тысяч? Мне не послышалось?! Значит, он согласен выступить посредником, и скоро у меня появятся деньги. Ура!!!

Постойте-ка, почему всего пятьдесят? Маловато будет. Профессор упомянул о минимуме в размере двухсот тысяч, а я слепо верила Альрику в вопросе оценки раритетов. К тому же, в моем воображении золотая гора доставала макушкой до неба и не собиралась таять ни при каких условиях. Что за наглость: предлагать за алкогольную драгоценность сущую мелочь?

Жадность ответила за меня.

— Сфигали. Не меньше пятисот, — сказала и прикусила язык. Вот я сморозила! Товарищ покрутит у виска и развернется, хлопнув дверью.

Но парня не свалила означенная мной цифра. Он решил свалить меня и хладнокровно начал торг.

— Большой риск, потому что вещь уникальная, — мотивировал спокойно. — Сто.

Хоть в шаге не мелочится: удвоил зараз первоначальную цену. Оказывается, рыжий — тот еще фрукт. Ростом едва ли выше меня и тощ как глист, а ворочает сумасшедшими деньжищами, не боясь. Попробую и я снизить цену по-королевски.

— Ну и что. Зато коньяк отличного качества до конца света. Четыреста пятьдесят.

Сейчас скажет: "Скатертью дорога. Чао-какао", и уйдет приканчивать остатки закуси.

Нет, Алесс, не уйдет, — зазудел тоненький голосок. Не для того парень навестил меня в общаге и не стал дожидаться утра, чтобы поговорить в институте. Значит, ему тоже срочно приспичило.

Я приободрилась, а рыжий привел следующий довод:

— Сложное устройство. Неисправности не подлежат починке. Сто пятьдесят.

Ситуация выглядела нереальной. Мы перебрасывались абстрактными тысячами висоров как камешками: рыжий понемногу подсыпал горсть гальки на свою чашу весов, а я с большим нежеланием облегчала свою часть. Когда же чаши уравновесятся?

В ответ на претензию парня ввернулся козырь, подсказанный Альриком:

— Не парься. Это же первая правительственная, у них лучшие стенды. И в космосе обкатывали, и в жерло вулкана сбрасывали. Четыреста.

Каково? Накуси-выкуси! — взглянула я висока на своего визави. Данный факт не оспорить.

Но рыжий и бровью не повел. Последней упомянутой им суммой стали сто пятьдесят тысяч. Неплохо. Поделив поровну и еще раз пополам, выгадаю около сорока тысяч. Хорошо. Вернее, очень хорошо. Просто отлично. Правильнее сказать: "Прекрасно!", но Алесс пока не догадывается о самовольном дележе, и, возможно, не согласится с ним, потребовав себе большую часть.

И опять я дала маху. Следовало сразу оговорить распределение процентов от продажи, как велел профессор. А он велел настаивать на двух равных долях для посредника и для меня, как для участников сделки. В общем, практически приказал упереться рогом, — и ни шагу назад, отстаивая свою часть и честь.

— Какие проценты? — удивился рыжий, выслушав предложение о способах распиливания прибыли. — Сто пятьдесят — это твоя доля.

— Как так? — опешив, я потерла лоб, принявшись усиленно складывать и делить в уме, потому что запуталась из-за непредвиденного отступления в плане.

После продажи половина денег причиталась Альрику, следовательно, мне светило... семьдесят пять тысяч в звонкой монете! Это горные хребты монет, бороздящие вершинами облака. Это бескрайние реки наличности, чьи берега теряются в дымке у горизонта. Это фантастический мир меркантильных грез, которые осуществляются с продажей фляжки.

Парень принял затуманившийся взор за признак согласия.

— По рукам?

— Эксперт оценил минимум в сто пятьдесят...

— Вот видишь! — воскликнул Алесс, не сдержавшись.

— На нос, — закончила я звенящим голосом. — Итого триста на двоих.

Даже не видя своего лица, чувствовала, что глаза нездорово блестят. Нужно вовремя остановиться, — зазвенел отрезвляющий звоночек, тут же затоптанный вспышкой азартной алчности.

— Твой эксперт не дурак, — признал рыжий. — Но переборщил. Крайняя цена — двести. Больше не дам, потому что зависит не от меня.

Шестым чувством я поняла, что он не будет повышать. Мне бы согласиться и ударить по рукам, но с языка слетело:

— Дурак не дурак, а сказал, что если не выгорит с тобой, то задействует свои связи. Двести пятьдесят, и точка.

Рот сказал и закрылся, а я обмерла. Не будь свидетеля, с удовольствием отхлестала себя по губам, имевшим наглость ляпнуть лишнее. Сейчас мне покажут красочную фигу, и я побегу за Алессом как собачонка, умоляя не принимать всерьез пустую болтовню, и он раскроет мой суперпупермегаблеф. Катастрофа!

Прогноз сбился с убийственной точностью, когда парень взялся за ручку двери, чтобы покинуть жилище мелкой и безмерно жадной до денег крыски. Правильно, его терпению пришел конец. Мой последний шанс уходил, а я бестолково застыла посреди комнаты, сраженная провалом своих деловых интересов.

И тут на меня снизошло озарение. Видно, существуют высшие силы, которые в нужный момент дают нам, грешным, тумака по затылку, чтобы привести в чувство.

Что со мной происходит? Совсем недавно я жила на жалкие восемь висоров в неделю и безмерно радовалась, зарабатывая монетки честным трудом, а сейчас торгуюсь до одури из-за случайных денег, на которые не имею прав. Неужто и убить смогу ради наживы?

Наверное, что-то этакое вылезло на моем лице, потому что рыжий обернулся напоследок, чтобы сказать: "Прощай, дуреха!", но промолчал.

В повисшей тишине я затаила дыхание, молясь, чтобы стук бешено колотящегося сердца не выдал меня с головой. Время растянулось гусеницей, неторопливо ползущей на секундных ножках.

— Согласен, — кивнул, наконец, Алесс. — Двести пятьдесят. Скрепим уговор

клятвопожатием.

Держите меня четверо! Верно говорят, что и от счастья падают в обморок.

Чтобы унять дрожащие ноги, я присела на краешек тумбочки.

— А когда будут деньги? — задала важный вопрос. После воскресенья денежное раздолье уже не понадобятся.

— Не знаю. Как получится. Тебя подгоняет? — просканировал взглядом парень.

Не поймешь, то ли огорчен суммой сделки, то ли не наладуется, что облапошил овечку вроде меня. А овечка, обрадовавшись без меры, решила показать напоследок вставную челюсть от пираньи и ляпнула новый блеф:

— Эксперт сказал, что по своим каналам реализует до выходных. Он может всё.

Сказала, и преступная душонка заплакала горячими слезами. Второй раз мне не простят излишнюю болтливость и оскорбительные намеки на неспособность быстро проворачивать сделки века.

— Да ну? — удивился рыжий, узнав о выдуманном всемогуществе "трезубца". — Проверим. Обожди чуток, треба перетереть с нужным перцем.

Пока парень общался по телефону с помощью мудреных жаргонных словечек, я делала вид, что мне глубоко фиолетово. Или розово. Или вообще бесцветно. Потому что поставила на кон всю свою удачу и ждала.

Наконец, гость наговорился.

— Бабло появится в пятницу, — ошастливил, засовывая телефон в карман штанов.

Скоро! Скоро! Скоро! Анонс уголовного преступления века! Чудесное погребение студентки под завалами банкнот!

От избытка чувств я готова была прыгать до потолка. Нет, лучше дождусь, когда Алесс уйдет, и примусь скакать и гарцевать как лошадка, весело помахивая хвостом. Пусть деньги заработаны нечестным путем, всё же награда оказалась достойной, ибо препятствия стоили того: я нашла таинственного мастера раритетов и уговорила его сотрудничать, доконала Алесса неумной жадной наличности и с риском отвоевала двести пятьдесят тысяч висоров.

— Значит, пучком?

— Кем? — озадачилась я непонятным словом.

— Согласна, говорю?

Состроив задумчивую физиономию, я потерла подбородок и возвела глаза к потолку. Страсть как захотелось почесать ладони и погрызть ногти.

— Согласна.

Кто бы сомневался.

Таким образом, основные вехи сделки определились. Затем из тумбочки была извлечены фляжка с оригиналом экспертного заключения, и Алесс хмыкнул при виде доморощенного сейфа. Наверняка про себя ухахатывается над моей простотой, но не подает виду.

Теперь рыжий знает, что вскоре я стану обеспеченной дамой, которой нужно где-то хранить деньги, и для этой цели как нельзя лучше подойдет обшарпанная тумбочка. И тогда даже уникальный ключ Олега не спасет от гостей, жаждущих прибрать чужую наличность к рукам.

О, ужас! Оказывается, мало выщарапать свою долю. Нужно уберечь богатство от завистливых глаз. Конечно, рано смотреть с подозрением на почти партнера, но не мешало бы обезопасить себя, чем я и занялась, лихорадочно соображая.

— Передашь наличку в институте. В библиотеке, — заявила твердо, выбрав альма-матер в качестве места явки. Пусть рискнут отобрать, и тогда мой визг докатится до подвала с Нектой.

— Как скажешь, — пожал плечами парень, не удивившись требованию. Видимо, понимал, что с получением денег мои проблемы только начнутся.

Бедная Бабетта Самуиловна! Живет себе спокойно, книжки на полках расставляет и не подозревает, что скоро хранилище знаний превратится в точку встречи организованной преступности.

Колесики в голове закрутились, закручивая извилины. Все-таки с денежным мешком безопаснее в институте, нежели в общежитии. Когда получу от Алесса ведро с золотом, сбегаю к профессору, чтобы поделиться добычей, и заодно спрошу, как сохранить одновременно жизнь и деньги. Альрик раздобреет от свалившейся на него доли и даст дельный совет, за какими щелями и плинтусами надежнее прятать пачки с купюрами.

— Скажи, как вышла на эксперта, — попросил парень.

— Не могу. Нельзя.

— Дам тебе... положим, ещё двести, если сведешь с ним, а?

Я ошеломленно уставилась на парня. Он со мной в тайный сговор, что ли, хочет вступить? Ишь, делец конопатый. Надумал подкупить, чтобы познакомиться по знаменитым "трезубцем".

И вот что страшно. Прислушалась я к своей совести, а она молчит. Мол, бонус в размере двухсот штукарей никому не помешает. Так что профессор поступил весьма дальновидно, предвидя слабость моего духа и обезопасившись обетом.

— Не получится. Точно, — помотала я головой. — Бесполезно.

— Фиг с ним. Забудь. Соври ему, что продала за двести, и заberi себе оставшиеся пятьдесят. Заслуженные, — снова закинул удочку Алесс, подбивая обмануть профессора.

Чего он добивается? Ходит кругами вокруг "трезубца" и испытывает меня на верность деловому партнеру.

А вдруг рыжему вовсе нет дела до меня, и его главная цель — загадочный эксперт и по совместительству легендарный мастер раритетов, неуловимый для правосудия более десяти лет?

Алесс не вчера родился и сразу понял, что я заключила сделку с "трезубцем" и не смогу переступить клятву. А как обойти преграду, если очень захотеть? К примеру, пометить банкноты заклинанием-маячком, коим Мэл заговорил следы по моему волосу, чтобы отыскать на чердаке.

Произойдет следующее. Получив долю от продажи фляжки и поглупев от счастья, я побегу к профессору, чтобы поделиться наличностью, и тут-то про Альрика узнают. Конечно же, в отличие от меня, слепощарой, профессор раскусит подвох с первого взгляда на висоры, но окажется поздно — тайна "трезубца" раскроется.

— Деньги должны быть "чистыми", — заявила я тоном прожженной уголовницы. — Без жучков: технических и висорических.

— Принято, — согласился Алесс, не подумав возмутиться недоверием.

Так, этот момент обговорили... Какие же подводные камни могут возникнуть при получении желанных денежек? Я думала и соображала, поглядывая на парня, но всё впустую. Как назло, ничего дальновидного в голову не пришло, и в итоге прямо у двери мы завершили сделку клятвопожатием, после чего к новому партнеру перекочевали, собственно,

предметы сделки. Глядя, как он оглядывает и ощупывает раритет, я испытала чувство потери — такой же горькой, как вкус коньяка.

Фляжка стала для меня своеобразным талисманом. Её содержимое поддерживало в трудную минуту, поднимая повисший уныло нос. Глоток горячительного напитка пробуждал во мне личность, единственную и неповторимую, и давал силы смотреть гордо, не пряча голову как страус.

Алесс отравился проворачивать темные делишки, а я не далее как в эту пятницу получу сто двадцать пять тысяч! И пусть проблем не убавится, после ухода партнера с плеч свалилась тяжесть, давившая с тех самых пор, когда Петя вручил билет на прием.

Достав из тумбочки золоченую карточку, я тщательно осмотрела билет, поворачивая к свету. Наконец, на стороне с изображением мужского и женского профиля отыскался небольшой значок, похожий на меч или на кинжал, выгравированный в верхнем левом углу. Благодаря значку, я заслушаю речь премьер-министра, сидя рядом с Петей, и, возможно, исполнившись патриотических чувств, спортсмен возьмет меня за руку на глазах у миллионов телезрителей.

Я вздохнула. Ну и что с того? Ведь Петя — мой парень, если кто-то успел забыть, и настала пора освежить наши отношения. А Мэл останется в прошлом — залётный мотылек, терпкая и сладостная боль жарких объятий.

Но до приема еще надо дожить, старательно тренируясь у Вивы и запоминая наставления, чтобы не опростоволоситься на мероприятии года. Я ни за что не попаду в верхние строчки рейтинга "Пугало года", — дала себе установку. Не для того мне пришлось искать, просить, требовать и умолять, чтобы стать посмешищем в одном шаге от уплаты долга.

Мысли перетекли к фляжке, которая начала путь по поиску нового владельца. Если мне обещана немислимая сумма, то какова же реальная стоимость фляжки? Страшно подумать.

А мне и не следует задумываться для сохранения крепкого сна и хорошего настроения. Достаточно того, что до конца своих дней я буду бояться огласки незаконного деяния, если с кого-нибудь из участников преступной цепочки снимут дефенсор*.

И всё же количество нулей в доле казалось настолько большим, что у меня попросту не получалось оценить масштаб подпольной операции по продаже раритета. В моем представлении денег было не просто много, а МНОГО.

Наверное, можно снять комнату или квартирку в районе невидящих. Да-да, неподалеку от мастерской Олега и Марты — там же, где арендует жилье мой начальник Швабель Иоганнович. Небольшое уютное гнездышко, только мое и больше ничьё!

Или купить машину! Или устроить праздник живота, заказав ужин в самом изысканном и дорогом ресторане столицы. В конце концов, можно стать завсегдаем "Инновации" и каждый раз приезжать туда на такси и не за "десять и два сверху", а полноценно, потратив на поездку не менее пятидесяти висоров. В один конец.

Я смогу выбирать, что мне угодно надеть, потому что льет проливной дождь или палит солнце, а вечную юбку оставляю как напоминание о суровых буднях бывшего младшего помощника архивариуса. По улитой компотом одежде давно плачет помойка. Все равно скоро я накуплю сотни кофточек и брючек, поэтому незачем мелочиться и цепляться за потертые джинсы и свитер непонятного цвета.

Стоп! — поток фантазий затормозился, а взгляд застыл на страшнющем нарисованном

дереве в углу. Меня одарили правом приготовить снадобье по своему усмотрению. А я возьму и вместо пятновыводителя приготовлю обезболивающую мазь. Не бог весть какую, с минимумом стандартных ингредиентов, зато вот оно, решение проблемы А., попросившего о помощи. А созревшие листья разьедалы-мутанта преподнесу в качестве благотворительного подарка, и Ромашевичевский проникнется щедрым бескорыстным даром.

Жаль, конечно, отказываться от затеи с удалением вишневого компота, когда приложено немало усилий. Но помочь новенькому горнисту важнее, чем очистить запачканную одежду, которая больше не понадобится богатой студентке.

Я вдохновилась неожиданно пришедшей в голову идеей. Значит, не закисло еще мозги. Значит, серое вещество годится на что-то!

Лежа в постели, глядела на узкую полоску света на потолке, проникшую через щелку у шторки, и сравнивала свою судьбинушку с механизмом, в котором вертятся колеса и маховики, скрипят шестеренки, крутятся то в одну сторону, то в другую, и бросают меня из крайности в крайность. Вся моя жизнь, начиная с осознанного детства, моталась из плюса в минус, но почему-то именно здесь, в столичном институте, остро ощутились резкие перепады. Нервотрясения, чтоб их. Скачки удач и невезения воспринимались мной как само собой разумеющееся, но, похоже, сейчас кто-то свыше решил поиграть игрушкой моей судьбы и, развлекаясь, раскручивал её туда и обратно, не задумываясь, что когда-нибудь механизм переклинит, и он сломается.

И опять приснился знакомый сон. Лес, шорохи, небо, закрытое листвой где-то в немислимой вышине, сумрак уединения. Странное призрачное место приняло меня, разрешив примоститься на толстом корне у земли, покрытой красноватой хвоей.

Но в сегодняшнем сне кое-что изменилось.

У леса был хозяин. Сильный, единовластный. Тот, что уверенно обходил территорию, проверяя владения бесшумной поступью, с несбившимся дыханием.

Но вдруг треснула ветка под нечаянным движением, высоко под кронами пронеслись невидимые птицы, налетел порыв ветра — и снова наступила тишина. С одной лишь разницей — хозяин почуял в лесу чужака. Меня.

Не успев испугаться, я проснулась с учащенным сердцебиением. Может, это вещий сон? Сновидение имело целью что-то сказать, а я не поняла особых знаков в силу толстокожести. Чтение сверхъестественных штучек подходило для товарищей с тонкой нервной организацией, например, для Аффы или Радика.

Однажды в интернате мне приснилась оседланная комнатная собачка директрисы с удилами во рту, а напослезавтра животное издохло из-за проглоченной пуговицы, попавшей не в то горло. Хорошо, что в этот день была не наша с Аликом очередь.

Он тогда сказал, что мне приснился вещий сон, и упряжь на спине собаки указывала, что псина отправится в дальний путь в мир мертвых. В ответ я покрутила пальцем у виска. Вредная животина приснилась потому, что допекла невероятно, ибо тех, кто по каким-либо причинам провинился, заставляли присматривать за домашним питомцем директрисы. Конечно же, мы с Аликом не вылезали из личных рабов её величества моськи.

Как мне жилось в дни, оставшиеся до приема? Как-то.

Спалось, елось, умывалось, слушалось, смотрелось по сторонам, разговаривалось и пыталось шутить. Тянулось, медленно накручиваясь, минута за минутой, и торопливо подгонялось неувлимыми мгновениями.

Я томилась ожиданием обещанных денег, приближающегося приема, встречи с Мэлом и совершенно не тяготилась сессией, потому что забыла о ней. Идет учеба стороной — и ладно, лишь бы не мешала бурной жизни. Словом, крыска невиданно обнаглела.

Шутка, конечно. Сессию никто не отменял, но переживания, связанные с экзаменами, отошли на второй план, поблекнув на фоне иных эмоциональных процессов. Символично, ибо для допуска к экзамену по основам элементарной висорики предстояло защитить исследовательскую работу по удовольствиям как по важной человеческой эмоции. Совместную с Мэлом.

Не знаю, как обстояли дела у соавтора, а у меня и конь не валялся: ни строчки, ни полстрочки. В голове не укладывалось, как мы с Мэлом сядем напротив преподавателя, чтобы отстаивать сделанные выводы по итогам плодотворных практических занятий.

Вообще, при мысли о Мэле у меня язык прилипал к нёбу и начинали противно дрожать коленки. Я до ужаса боялась встретиться с парнем. В любой момент могла отвориться любая дверь: в институтский холл, в аудиторию, в библиотеку, в столовую или в комнату в общежитии, чтобы подарить мне сомнительное счастье утопленничества в фосфоресцирующей зелени глаз.

Еще неизвестно, какой монетой оплатит Мэл за оскорбление висоратского самолюбия серой бесталанной крыской, преспокойно обманывающей институт и столицу в придачу. Да что там говорить — бессовестно врущей всему миру. Наверняка он придумает самую изощренную месть и не замедлит её реализовать.

В элементарной висорике есть понятие неспециальной реализации образов. Чем чаще думаешь о каком-либо событии или ситуации или о конкретном человеке, тем выше вероятность воплощения дум в настоящей жизни.

Нельзя заикливаться на страхах, — вразумляла я себя. В самом деле, не произошло ничего из ряда вон выходящего. Обычная жизненная ситуация: девушка и парень расстались, причем о том, что они успели связать себя шаткими обязательствами, знают только парень и девушка. Так что, кто кого бросил и кто виноват в расставании, останется между неудавшейся парочкой. И что же, теперь жить, не дыша полной грудью, и не высовывать носа из швабровки, шарахаясь от собственной тени? Нужно быть сильной и уверенной в себе и для начала перестать думать о Мэле. Совсем. Словно бы не существовало никогда Егора Мелёшина на белом свете. Пустое место — и то есть, а Мэла нет. Испарился, исчез, сублимировал, растворился. Уплыл бестелесным облачком, чтобы строить карьеру видного политика.

Самовнушение не помогало. Как оказалось, проще вообразить пустое место, чем выбросить из головы Мэла, мрачно хмуящего брови. Едва прекращался какой-нибудь мыслительный процесс, как просвет между раздумьями занимал образ парня. Память услужливо преподносила улыбающегося Мэла или встревоженного Мэла или Мэла

задумчивого, но чаще — Мэла невменяемого с горящими ободками в глазах, за спиной которого тянулись руины и пепелища, и я тут же забывала о том, где нахожусь, или теряла нить разговора.

Как бы то ни было, дни текли, и мне пришлось примириться с постоянным беспокойством, открывающим утром мои глаза, и с трудом утихомиривающимся ближе к ночи. Причиной непрекращающегося волнения стал неудобоваримый коктейль из предстоящих разноплановых "развлечений", к которому прибавилось напряжение, связанное с Мэлом.

Я и сама запуталась в мешанине чувств, сплетшихся в сложный клубок: тоска по парню с лихвой перекрылась нервозностью и дерганностью.

Мозг, донельзя перегруженный потрясениями ушедшего дня, забастовал, и в результате я проспала консультацию по основам элементарной висорики. Первые мгновения после пробуждения были спокойны как штиль на море, но сразу же после потягушек и порции утренних зевков стихия взбудоражилась.

Раз, — и волна с рокотом намыла картинку экзамена по символистике. Два, — и следующая волна, накатив, принесла трепет уединенной встречи под люком. Три, — и пенные гребешки, отступая, обнажили смятение правильными и жестокими словами умного человека с жизненным опытом. Четыре, — и на берег выплеснулась эйфория после победы в схватке интересов.

И так по кругу и до бесконечности, не давая сосредоточиться на учебе и заставить себя взяться за перо, то есть за исследование.

Собравшись, я двинулась в институт, и растревоженному сердцу вторило тусклое зимнее солнце, мелькавшее между кавалькадами перистых облаков, проносящимися по пастельному ковру небесной сферы. Под стать настроению порхали и мысли, перескакивая друг через друга.

В институте будет Мэл. Каким-то образом нам нужно сделать сообща работу и защитить результаты. Скоро я стану богатой. Придется открывать рот и что-то говорить Мэлу — холодно и сухо. Равнодушно. Ненавижу Петю — он во всём виноват! С какой целью Некта укусил мой палец? Нужно собраться с духом и доказать самой себе, что я решительная и могу справиться с любой проблемой. Монька, привет!

А Мэла в институте не было. Это стало понятно перед лабораторной работой по теории снадобий. Народу пришло — не протолкнуться. Все собрались, кроме Мэла.

Отсрочка встречи вызвала у меня вздох невольного облегчения. Благодаря привилегии и вывешенному на двери списку счастливиц, я беспрепятственно попала в лабораторию с первой партией студентов, которым предстояло сотворить снадобья, выбранные согласно жеребьевке. Меня же ожидала обезболивающая мазь для А.

И опять Ромашевичевский с презрительным видом полоскал достоинство Эльзы, а она, поджав губы и отведя в сторону взгляд, терпеливо сносила оскорбления, переминаясь в сапожках с высокими шпильками.

— Максимилиан Эммануилович, у меня привилегия, — оторвала я препода от важного дела.

— Помню, — скривился Ромашка, собрав кожу гармошкой на длинном носу, и показал на стол у стены. — Найдите свой заказ и подходите к окну выдачи ингредиентов.

Надеюсь, вы не забыли, что мыльнянка вис-модифицированная отсутствует в наших запасниках?

Эльзушка сдавленно фыркнула. Заботливость препода граничила с издевательством: какой толк в пятновыводителе, если нет самого важного компонента?

Хлопнула дверь, заставив меня испуганно вздрогнуть и обернуться. Крайний куб у окна занял мальчик-одуванчик. Слава богу, это не Мэл! — отлегло от сердца.

Отыскав среди исписанных листочков тот, на котором значилось: "Папена Э.К. 3-ий курс, немат. висорика" со списком ингредиентов, я снова подошла к Ромашевичевскому, который продолжал вполголоса пилить Эльзушку за непроходимую тупость, причем столь тонко и изящно, что при всем желании не подкопаться к оскорбительно-снисходительному тону и не подать жалобу в деканат.

И почему препода пристал к Штице? На потоке есть орава студентов гораздо безнадежнее, чем драная египетская кошка.

— Максимилиан Эммануилович, — опять отвлекла я Ромашку. Однозначно, бесцеремонность выйдет мне боком.

— Что вам угодно, Папена? Поспешите занять куб, иначе его займут другие.

Видя, что его указание и не подумали выполнить, а, наоборот, продолжают стоять под боком и причиняют психологический дискомфорт, Ромашевичевский с неохотой разрешил девице удалиться и переключил внимание на мою персону.

Вместо благодарности Эльзушка окатила меня злобным взглядом непримиримого врага, заставив пожалеть о прерванном монологе препода. В следующий раз пусть хоть до ночи тренирует барабанные перепонки нудными нотациями — мне наплевать. Между прочим, из-за Штице моя привилегия истратится на пустячный пятновыводитель вместо стоящего снадобья, поэтому требуется исправлять данную несправедливость.

И опять я вздрогнула от стука закрывшейся двери. Это староста соседней группы прошла к окну выдачи ингредиентов.

— Повторюсь, Папена, у нас нет в наличии ни мыльнянки, ни её аналогов, — повторил Ромашка для непонятливых, не сдерживая сарказм. Мол, как хочешь, так и вари свою бурду.

— А можно заменить пятновыводитель на мазь?

— Не получится, — улыбнулся препода довольно. — В наличии ингредиенты под ваш заказ, и не более того. На данном этапе поздно что-либо менять. К тому же, вы израсходовали лимит во время последнего визита, — напомнил о кубе, угвозданном малиновыми пятнами. — В отходы списано более половины компонентов, а само снадобье оказалось неработоспособным.

Злобная душонка носатика заплясала от радости, заметив мою расстроенность. Сегодня ахтулярии Ромашки будут отмщены. В его представлении мне следовало плакать от бессилия, потому что приготовленный пятновыводитель заведомо не заработает без вытяжки из листьев разьедалы и протухнет на следующий день.

По издевательской усмешке препода я поняла, что ему не жаль компонентов, которые потратятся впустую. Мне бы плюнуть и отвернуться гордо, но записка А. придавила самолюбие.

— Максимилиан Эммануилович, мне очень нужно сделать мазь. А мыльнянка у меня есть, я могу приготовить вытяжку.

— Откуда? — спросил подозрительно мужчина.

— Вылечила погибшие растения. Пожалуйста! — попросила я жалостливо. — Можно

заменить это, — помахала листочком, — на мазь? А вытяжку сдам в запасник.

Видно, аховый из меня делец. Или Ромашка питал ко мне особые "дружественные" чувства. Или не поверил в сказанное.

— Смеетесь, Папена? Мыльнянке требуются особые условия произрастания и не менее полугода реабилитации. Если, конечно, вы имеете в виду те экземпляры, что подлежали списанию. Впрочем, неважно. Из-за ваших быстро меняющихся запросов другие студенты недополучат нужные ингредиенты. Процентровки составов рассчитывались заранее, поэтому замена снадобий невозможна. Идите и трудитесь, — любезная улыбка препода превратилась в волчий оскал.

Гнида буратинистая! Видите ли, жлобство его взяло. Знает же, что на мазь потребуется чуть больше десятка компонентов вместо двадцати трех в пятновыводителе, не включая вытяжку из листьев мыльнянки.

Нет, Ромашке было не жалко. Просто Ромашка пошел на принцип. Оказывается, и у преподав есть принципы, когда дело касается разграбленных оранжерей.

Ну, и подавись!

Снова скрипнула дверь. Привычно вздрогнув и оглянувшись на крепыша в полосатой кофте, я подошла к окошку выдачи ингредиентов и протянула листочек. Миловидная лаборантка начала отливать, отсыпать и отрезать, взвешивая, завязывая и завинчивая. Каждый ингредиент сверялся со списком и отмечался галочкой рядом с наименованием, после чего занимал место в небольшой корзинке.

Пока меня обеспечивали составляющими будущего пятновыводителя, я, вытянув шею, разглядывала богатство запасника и истекала слюной. Неужели Ромашке трудно переменить решение? Вон стоит пятилитровая бутылка с настойкой белены розовой, а для мази потребуется всего сто миллилитров. На верхней полке приткнут флакон из гофрированного стекла, в котором мухоморный концентрат не выпадает в осадок, и рядом пристроилась эмульсия из маковых зерен в китовом жире — как раз то, что нужно для снижения болевых ощущений.

Пока никто не видит, можно шепотом попросить лаборантку о подмене ингредиентов, — придумала я хитрость, но тут же одернула себя. Зачем подставлять человека? Ведь девушке придется отчитываться за расход материалов по моему листочку.

Прихватив по пути экипировочный комплект, я потащила корзинку в свободный бокс. Меня обурежала растерянность. Что же теперь делать? Хочешь — не хочешь, а придется готовить пятновыводитель. Вчера вечером планы были радужны и оптимистичны, а сегодняшний день обнажил гнусную принципиальность одного носатого препода.

После облачения в халат и шапочку с бахилами на столе начали выкладываться ингредиенты из корзинки. Итак, приготовить мазь не удастся. Печально, но не будем унывать.

Натянув перчатки и защитные очки, я вывалила листья разъедалы из сумки и принялась кромсать, выкладывая небольшими кучками на разделочную доску. Едкий сок брызнул на стенки куба. Вот тебе, вот! — как кровожадный мясник измельчала в крошево подвялившуюся растительную массу, представляя зловредного препода в качестве жертвы.

В труде пришло успокоение. Увлечшись, я перестала вздрагивать каждый раз, когда кто-нибудь проходил мимо лабораторного куба, и отбросила в сторону проблемы, изъевшие мозг и спокойствие.

Когда из бокового отвода колбы закапала дымящаяся жидкость, огонь в спиртовке был уменьшен. Вот она, долгожданная вытяжка, которая обеспечила бы институт ценным компонентом на веки вечные, не помешай предвзятая вредность Ромашевичевского. Так не доставайся же ты никому, вернее, доставайся мне, старательной трудяжке. Сырье — моё, результат труда — тоже мой, поэтому заберу его с собой и продам при случае. Другие торгуют конспектами, а я — вытяжкой из листьев мыльнянки.

Придется использовать оба пузырька из корзинки: первый — для будущего снадобья, второй — запасной, на случай так называемого "боя", если моя неповоротливость и неуклюжесть разобьет первый сосуд. Я же буду предельно осторожна. В одну посудину налью приготовленный пятновыводитель, в другую — вытяжку из листьев.

Плохо, что для пятновыводителя выдают пузырьки из обычного стекла, которое может лопнуть в любой момент. Для хранения вытяжки из листьев разъедалы годится лишь протравленный хрусталь, или, на худой конец, любая пластиковая емкость.

Повезло тем, кому выпало жребием готовить пероральные снадобья. Таким студентам вместе с корзинкой ингредиентов выдали пластмассовую бутылочку, правда, в количестве одной штуки, потому что её уж точно не разобьешь. Разве что погрызть и поточить зубы.

Слив мутноватую жидкость с лимонным оттенком в зажатый на штативе пузырёк, я придумала, как обеспечить безопасное хранение вытяжки. В общежитии перелью мутную жижу в освободившийся флакон из-под витаминного сиропа.

Сама удивилась, как получилось быстро и сноровисто приготовить заветный пятновыводитель. Все-таки могу похвастаться без ложной скромности, что теория снадобий — мой конек. Как же долго я стремилась к густой и тягучей массе мандаринового цвета! И пусть порция маловата, её хватит, чтобы вишневые пятна исчезли с одежды.

Жаль, не удалось уговорить мстительного Ромашку подойти гибко к просьбе о замене снадобий. Придется отказать А. в помощи по причине преподавательской вредности, но всё равно стыдно и неловко, словно я твердо пообещала человеку выполнить его просьбу и напрочь забыла. И все же к невольному разочарованию в собственных силах примешалось удовлетворение от удачного результата лабораторки, поднявшее настроение на несколько градусов.

Однако всё хорошее, поднявшись на две отметки, имеет тенденцию обрушиваться вниз на два десятка, особенно если вовремя вспомнить, что за дверью толпятся студенты, среди которых ждет своей очереди Мэл и высматривает меня, чтобы прилюдно выказать презрение.

Прибрав и подтерев в кубе, я положила пузырьки в сумку. Сдав лаборантке корзинку с отходами и расписавшись в лабораторной ведомости, поплелась к выходу.

Ромашевичевский куда-то исчез, не став подкарауливать меня, чтобы напоследок спросить с ехидцей: "Как поживает ваша тюря, Папена?", поэтому никто и ничто не мешало остаться в лаборатории до скончания века, прислушиваясь к гулу голосов в коридоре, чередующемуся со звонками. Но всю жизнь среди кубов и мензурок не проведешь, когда-нибудь захочется и покушать, и в туалет.

Решившись, я выскользнула из лаборатории в узкую щелку и, опустив голову, чтобы не встречаться ни с кем взглядом, потекла вдоль стеночки, ожидая в любой момент окрика. Сливаясь с голубой краской, семенила, пока случайно не столкнулась с чьей-то спиной в белом халате, выходящей из соседней двери.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Извините, — пискнула, покосившись в сторону студенческих масс.

— Приветствую, коллега! — раздался знакомый голос, и я, вздрогнув, подняла глаза на неожиданное препятствие.

Передо мной стоял тот самый лаборант, с которым мы бесстрашно укрощали строптивые лианы в оранжерее и разгромили сад с ахтуляриями, вдобавок варварски утоптав стерильные боксы бесстыжими ногами. Бесстрашие приключилось тогда, а сегодня из-за него мне показали фигу в приготовлении мази.

— Здравствуйте! — ответила я, осторожно оглянувшись назад, потому что не успела разглядеть Мэла в толпе.

— Знаете, я часто рассказываю моим малышам о вас, и они признались, что вы им нравитесь, — мужчина сделал загадочное лицо.

Как же его зовут? — наморщила я лоб, вспоминая. Стопятнадцатый говорил о неудачной попытке лаборанта... м-м-м... Матусевича написать диссертацию по результатам наблюдений за уникальными камнеедками. Точно, мне довелось столкнуться с фанатиком камнеедного дела!

— Очень приятно, передайте спасибо малышам, — поблагодарила я счастливого отца многодетного семейства. — До сви...

— Можете передать им лично, — улыбнувшись душевно, мужчина распахнул дверь. — Прощу!

Не успев удивиться тому, что делает выводок лаборанта в институте, и не увидев Мэла меж спинами и лицами студентов, я шагнула в открывшийся проем.

Как оказалось, малыши гнездились на насестах в глубоких нишах, занимавших две трети просторного помещения. Надежно укрытые за стеклом, они потели при 62,7 градусах Цельсия и принимали душ из опрыскивателей, увлажняющих замкнутое пространство ниш смесью сахарно-водяной пыли.

— Мои малышатки, — засюсюкал Матусевич, постучав по стеклу. — Чудесны, не так ли?

— Чудесны, — согласилась я осторожно, разглядывая ряды полочек, протянувшиеся снизу доверху и плотно набитые камнеедками окаймленными. Лучше соглашаться и делать восторженное лицо, чтобы не спровоцировать психически неустойчивого товарища.

Я с тоской посмотрела на дверь. Как бы поскорее сбежать отсюда, пока вытяжка не проела пузырек, сумку и пол, начиная от третьего этажа и до подвала? Представив, как едкая жижа капает через сквозную дыру на затылок Некте и образует плешь, хихикнула в кулачок и успокоилась. Все ученые — помешанные индивидуумы, и каждый из них ненормален по-своему, — сделала я философский вывод и решила не бояться влюбленного в свое дело лаборанта, считавшего, что камнееды умеют общаться.

— Они не просто чудесны, а потрясающи! Величественны! Невероятны! — запел дифирамбы Матусевич. — Мной доказано, что у них наличествуют зачатки интеллекта и умение делиться информацией! И впереди немало грандиозных открытий.

Я присмотрелась к раскрытым темно-фиолетовым сферическим половинкам, опущенным по краю частыми острыми зубчиками. Каждое чудо занимало отдельный горшочек-насест, и сотни горшочков теснились на полочках.

— А правда, что они едят камни?

— Хотите спросить, оправдывают ли они свое название? — прищурился мужчина.

— В литературе об этом не говорится наверняка, точнее, никто из исследователей воочию не наблюдал процесс переваривания или перемалывания.

— Ваш интерес льстит мне и малышам! — воскликнул Матусевич. — Значит, вас тоже привлекает изумительная красота, кажущаяся неживой?

Я умолчала о том, что прочитала о камнеедах в книге под названием "Извращенные выдумки природы или тупиковые ветви эволюции" в рамках второго курса теории снадобий.

— Что-то в них есть, — протянула многозначительно, но меня оборвали.

— Всего лишь "что-то"?! — возмутился неуравновешенный лаборант. — За ними великое будущее! Камнееды еще откроют новую веху в висорике! Но об этом пока умолчу, — понизил он голос. — И у стен есть уши, к сожалению.

Нужно срочно отвлечь возбужденного товарища от скользкой темы, иначе сегодня меня запихнут в одну из ниш, чтобы наблюдать воочию за процессом переваривания, то есть перемалывания.

— Поздравляю с успехом! — похвалила я перспективного ученого. — У вас отличная лаборатория, а экземпляры камнеедов на удивление в хорошем состоянии.

— О, да! Мне выделили отдельное помещение, но пока не создали все необходимые условия. Сейчас бумаги для получения гранта находятся на рассмотрении там, — он показал пальцем в потолок, — но средства уже потекли. Скоро я избавлюсь от нежелательного соседства. После окончания ремонта мне выделят треть этажа в крыле Г! — закончил с гордостью мужчина.

— О-го-го! — воскликнула я, потому что не знала, что еще можно сказать. Наверное, попасть в крыло Г — великое достижение, коли лаборант раздулся от важности.

— Диссертация движется семимильными шагами, но приходится работать с оглядкой, — опять понизил голос Матусевич.

— Почему? — я тоже перешла на полтона ниже.

— Потому что, — изрек он и указал на малозаметную дверь между нишами. — Следует не терять бдительность, пока нас не переселят в надежное место.

— А-а... что там? — заразилась я таинственностью и немножко забоялась.

— Завистники... Конкуренты... Подглядывают и подслушивают... И вынюхивают. Для этого им не нужно особо напрягаться.

Тут я сообразила, что мнительный лаборант намекал на Ромашку-изверга, который посчитал изучение камнеедов пустой блажью. Получается, за стеной находилось помещение с кубами, в одном из которых я готовила пятновыводитель не далее как полчаса назад.

— Там другая лаборатория? — показала я на дверь.

— Поверьте, я бы с радостью забаррикадировался от недругов и недоброжелателей, но комната предоставлена мне во временное пользование. Зато в крыле Г будет, где развернуться, — размечтался мужчина и опомнился: — А? Что? Да, это дверь со смежной лабораторией, к счастью, запертая. В наше время не стоит надеяться на обычный ключ, но делать нечего. Остается смиренно ждать переезда.

Матусевич говорил и говорил, а я слушала и слушала, наострив уши и периодически вставляя комплименты камнеедам окаймленным. Видимо, беднягу переполняли переживания по поводу сохранности научных экспериментов и работок, поэтому в мои уши вливалась бездна лишней и в то же время весьма ценной информации:

Помещение предоставлено на период ремонта в крыле Г, поэтому охранных заклинаний

здесь нет. Но хозяина камнеедов настораживает, что и за стенкой не спешат отгораживаться капканными ловушками, а этот факт говорит о многом! Очень подозрительно, но терпимо. Что поделать, коли лаборант страдает рассеянностью, и ему приходится прятать единственный ключ от двери здесь же, в камнеедовом царстве. Он бы с радостью запулил гадкую штуковину в окно, но придумал хитрее — спрятал её в одной из ниш под насестами, и ни один нехороший человек никогда не догадается искать ключ там.

Прервавшись, лаборант посмотрел так, что я сразу поняла, кого он подразумевает под нехорошим человеком. Меня.

Ибо, плавая в нескончаемом речевом потоке, меня осенило, как помочь просьбе автора записки с чердака. А именно: из помещения с камнеедами попасть в лабораторию Ромашевичевского и, взяв в запаснике нужные ингредиенты, приготовить болеутоляющую мазь, после чего тем же манером покинуть место преступления.

Очень просто, как всё гениальное. К тому же, у гения преступного замысла имелся хороший козырь — отсутствие охранных заклинаний между лабораториями, что является несомненным плюсом для слепощарых воришек.

Для надежности следовало воплотить преступный замысел в глухую полночь, когда весь честный и благородный народ, включая Ромашку, будет спать и видеть третьи сны.

Намешаю мази совсем чуть-чуть, и даже препод со своим знаменитым носом не почувствует убыль компонентов в запаснике. Осталось придумать, где спрятаться до закрытия института и как попасть в комнату с камнеедами, а оттуда — в лабораторию Ромашки. Всего-то делов.

О том, как незаметно покинуть альма-матер, я не задумывалась. А зачем? Для этих целей есть тупиковая лестница в северном коридоре на втором этаже. Та самая дверца из банка.

Все-таки вкус к преступной жизни у меня в крови: передался по наследству от маменьки и папеньки, умножившись в квадрате. И совесть гибкая — молчит в самые ответственные моменты, когда надо хватать себя за шкуру и основательно трясти, чтобы из головы вылетели рискованные и безумные идеи. Кстати, в настоящее время эта самая голова кивала, поддакивая речам стоящего рядом мужчины, и прокручивала план будущего преступления, усовершенствовав некоторые моменты:

- переждать закрытие института на чердаке, для чего одеться потеплее;
- чтобы не запутаться ночью в лабиринтах переходов и коридоров, заранее прогуляться по предполагаемому маршруту и вбить в зрительную память план передвижения;
- чтобы не разбудить бдящего сторожа громким топотом, придется разуться;
- мазь, приготовленную с пылу с жару, отнести на чердак и покинуть институт налегке. Если меня застукают при попытке выбраться из здания, то не найдут улики.

Я словно разделилась на две части. Одна моя половина хладнокровно лила бальзам на растравленное самолюбие Матусевича, отчего тот пел соловьем и отвечал без утайки на задаваемые вопросы, а вторая половина ошеломленно внимала первой, поражаясь наглой авантюре, и не могла выбрать — смириться ей или возмутиться.

Меж тем гимны и оды непревзойденным камнеедом окаймленным и их покровителю текли нескончаемой рекой впережку с ненавязчивым выуживанием информации.

Какой вы умный и дальновидный и правильно поступаете, подстраховываясь от недоброжелателей. А как запирается входная дверь? Ой, правда, электронный замок? Потрясающая комбинация цифр! Придумать оригинальный код не каждому под силу. Подумать только, обратная геометрическая прогрессия за минусом трех! А камнееды выглядят прелестно. Обычно они гибнут в искусственной среде, а ваши малыши чудесны. Сразу видно, у кого в институте золотые руки. Говорите, третий ряд? Да, вон торчит головка ключа. До чего необычное решение проблемы! Что вы говорите? Да-да, и я, кажется, начинаю понимать, как они общаются. Согласна, камнееды — удивительная выдумка природы.

Тьфу. Противна сама себе, зато узнала всё, что хотела.

Навскидку выходило, что сотворить преступное деяние проще пареной репы, если в качестве плацдарма воспользоваться комнатой с камнеедами. Для успешности операции стоило не забывать о стороже и шмыгать по институту незаметной призрачной тенью.

Распровавшись, наконец, с лаборантом, неохотно отпустившим единственного слушателя, я выкарабкалась из камнеедового царства разгоряченной и с горящими щеками. Будем надеяться, мужчина списал мой возбужденный вид на неземную радость от общения с его малышами.

Бесстрастной расчетливости хватило ровно на три ступеньки лестничного пролета, прежде чем вышла из оцепенения моя благоразумная часть и кинулась вбивать в голову правильные вещи.

Надо быть полной сумасбродкой, чтобы решиться на кражу снадобья, — увещевало здравомыслие. Если меня поймут, пусть и без мази под мышкой, то выгонят из института с позором за умышленное нарушение правил. Тут уж не оправдаться, что, мол, живот скрутило и пришлось застрять в туалете до глубокой ночи. Заалеют от стыда и щеки папеньки, у

которого давно приготовлена востра коса для непутевой дочки. Заточена и стоит в уголке, на всякий случай.

Почему вместо предосторожности меня опять несет на амбразуру, чтобы помочь незнакомым людям? Разве мне больше всех надо? Я должна сидеть тихо, забившись в норке, и носа оттуда не показывать, а про записку А. забыть и не вспоминать. Так и поступлю — нарисую соответствующий транспарант, повешу над кроватью и буду проникаться содержанием. Правильно, зачем брать на себя чужие проблемы? Со своим грязным бельем бы разобраться. Каждый из нас живет как умеет: кто-то притворяется не тем, кто он есть на самом деле, а кто-то радуется пролетевшему дню, несмотря на нестерпимую боль в спине.

Вот и ладненько, — сказала моя рациональная половина. Прежде всего, нужно думать о себе.

Но если посмотреть в другом ракурсе... Наберу в запаснике ингредиенты и замешаю мазь при свете фонарика, благо в процессе приготовления не требуется создание избыточного давления или вакуум.

Пошли вон! — замахала рассудительность, отгоняя преступные идеи, словно тараканов.

А усатым было отчего разбегаться, ибо моя легкомысленная составляющая перешла в наступление. У меня все получится, — нашептывало искушение. Рецепт мази проста, а ингредиенты наличествуют в запаснике Ромашевичевского — я успела разглядеть, пока получала корзинку. Освобожу еще один флакончик из-под сиропа и приспособлю для мази. Увеличу концентрацию активных веществ и уменьшу впитываемость, чтобы одним мазком натереть десять кровотокающих спин — и опля! — ватага горнистов будет пользоваться приготовленным снадобьем не меньше года.

Что за гадство? — поглядела я тоскливо по сторонам. Пора хлестать себя по щекам или стучаться лбом об стену, чтобы отрезвиться. Ни к чему проявлять ненужное геройство. Через два дня любое болеутоляющее средство в аптеке станет моим, даже с четырьмя или пятью нулями на ценнике. Так что ни-ка-ких афёр! — пригрозила внутреннему "я". Никаких героических партизанских вылазок!

"Я" согласно закивало и напомнило о вытяжке, угрожающей растворить половину института. Пришлось бежать в общежитие, распахивая локтями встречных-поперечных и придерживая сумку под мышкой, чтобы не расплескать и не раздавить пузырьки с содержимым.

Проводив меня скучным взглядом, Мотеморт богато зевнул, явив миру пасть, начищенную до зеркального блеска, и сомкнул с металлическим лязгом челюсти.

А я что? Я — ничего. Сама честность и порядочность, потому что пузырьки не считаются казенным имуществом и, соответственно, не ставятся на приход, равно как и снадобья, в процессе приготовления которых необратимо изменяется химический состав ингредиентов.

Вместо реферата по удовольствиям я писала реферат своего дня.

Сначала — в общежитии, где разобралась с вытяжкой и — наконец-то! — с одеждой, запачканной вишневым компотом. Замочила свитер со штанами и добавила пятновыводитель, вспенившийся оранжевой шапкой. Покуда шоркала, полоскала и отжимала, в памяти всплыли события того дня, когда компот из стакана неожиданным образом перекочевал ко мне на грудь. Вспомнилось злое лицо Мэла, когда он кричал на Эльзу: "Я тебя просил?"

Мой Мэл... который уже не мой, без соплей и истерик, и меня абсолютно не волнует, куда он запропастился в разгар сессии. Наверное, пишет в поте лица работу по удовольствиям.

Егор, Жорик, Егорчик...

Я шепотом повторила имя, перекатывая рокочущую "р". Почему-то оно не ложилось на язык и казалось чужеродным.

Усилим воли я переключилась на подсыхающие вещички, и сердце запело, любуясь результатом упорного труда. Что ни говори, а прикоснуться к звездам, пробившись через тернии, очень и очень приятно. Пусть через два дня у меня появится десяток новых юбок, брючек и кофточек, серый свитер с ромбиками останется в памяти, как верный боевой друг, с которым мы пережили много счастливых минут и стойко перетерпели сваливавшиеся неудачи.

Следом состоялся торопливый обед с Радиком. Парнишка спешил на консультацию по теории резервов организма, а я намеревалась выполнить урок Вивы и в качестве дополнительной нагрузки написать хотя бы титульный лист исследовательской работы по удовольствиям. О ночном походе за приключениями на собственную горбушку и думать не могли! — показала себе воображаемый кулак.

— Постирушки? — кивнул Радик на веревку, натянутую посреди комнаты.

— Долгожданные, — пояснила я со ртом, набитым кашей. — Предупреди, если надумаешь учить. Дам ключ.

— Сегодня у меня практики до скончания дня, — сказал с тяжелым вздохом парнишка. — Пока не сдам — из института не уйду. Плохо, что волны не приручаются.

— Фигово, — посочувствовала я и тут же исправилась на оптимистичный тон: — В смысле, здорово. Мне бы твою настойчивость. Не вешай нос, у тебя обязательно получится.

Есть положительные кочки в трясине жизненных гадостей! — радовалась я достижению в виде отстиранной одежды, торопясь в институт. Внезапная мысль затормозила мои ноги на крыльце. Нет ли на стоянке автомобиля Мэла?

Бесполезно выискивать. Если его машина и стоит у ворот, то это новая эксклюзивная модель взамен изувеченных "Турбы" и "Мастодонта", неотличимая от прочих роскошных автомобилей.

Взбудоражившись возможной встречей, я двинулась в архив осторожно, словно трепетная лань, и на всякий случай обошла по большому радиусу постамент со святым Списуилом, который оккупировала шумная группа парней. Увы или ура, но Мэла среди них не оказалось, о чем подсказали многочисленные отражения в зеркалах. Отсутствовал и загадочный пестроволосый товарищ Мэла.

Подвальный коридор у подъемника встретил тишиной и гудением ламп. Гигаватты ослепительного электрического света обжигали сетчатку, заставляя привычно щуриться. Поворот направо — к кабинету завхозши, поворот налево — путь во владения архивариуса, а наискосок зиял провал коридора, в котором, как просветил профессор, обитало существо, подарившее мне странную отметину на пальце.

Мое внимание сместилось на руку с "колечком". Ничем непримечательная конечность, и цепочка из тонких волосинок давно спряталась под кожу, не причиняя дискомфорта. Из объяснений Альрика выходило, что "подарочек" имел свойство проявляться в особых случаях, когда меня одолевал беспредельный ужас в смеси с безнадежностью. Какая в этом

польза для дарителя "колечка"? Естественно, о моих выгодах не шло и речи, потому что я их пока не заметила.

Ноги подвели меня к границе света и тьмы. На самом деле разделяющая полоса была нечеткой и размытой. Свет, ослабевая и растушевываясь в полумраке, постепенно угасал в глубине черного зева, уступая плотной и осязаемой ночи.

Монотонное гудение светильников навевало сонливость. Свет мощных прожекторов, казалось, искажал пространство, делая его ирреальным, похожим на картинку постапокалиптического бункерного будущего. Если вспомнить, что на бетонные потолочные плиты давит многометровый слой земли и вдобавок громада институтского здания, то чувствительные особы могли заработать обострение всевозможных фобий.

Слабый сквознячок колыхал прядки волос, принося из черных коридорных недр затхлый запах и ощущение бесконечности узкого запутанного пространства. Темнота жила своей жизнью — шуршала, поскрипывала, вздыхала.

Возможно, сейчас из ночной глубины смотрел тот, кто стал моим проводником на второй день пребывания в институте и подарил "колечко". А возможно, существу нет никакого дела до меня, ведь, как сказал Альрик, я столкнулась не с человеком и не с животным.

Еще профессор взял обещание не рыскать по подвалам в попытке выбить правду из странного невидимого Некты. Наверное, решил, что не стоит играть с судьбой, ибо во второй раз она не смилостивится, и непредсказуемый обитатель подземелья разорвет меня на части или сожрет живьем, не оставив мокрого места.

Конечно же, я не собиралась рыскать в катакомбах, коли пообещала. Взамен меня осенило ненадолго опустить правую руку в темный кисель коридорного проема, а в случае опасности быстро отдернуть.

Закушенная губа, выплеск адреналина в кровь, а в распахнутых глазах предвкушение чего-то особенного — примерно так выглядела наиглупейшая идея, тут же реализованная. Затаив дыхание, я протянула руку в сторону зияющей черной дыры, каждую секунду ожидая, что меня схватят и утянут в преисподню подземелий.

— Забери обратно, — послала тихий зов во мрак и замерла, признав, что с небогатым воображением жилось бы гораздо спокойней, и не лезли бы в голову бредовые мысли, требующие немедленного воплощения. — Сними, — повторила просьбу и потрясла запястьем.

На речистый монолог — ни ответа, ни привета. Ищи ветра в поле, то есть кусачего шутника, разгуливающего сейчас по многокилометровым подвалам и решающего насущные нечеловеческие проблемы.

Ну, и дурацкая вышла затея с рукой! Идиотическая, впрочем, как большинство моих задумок, хотя казалось, будет легко и просто вступить в контакт с существом.

Обидевшись на Некту, обманувшего ожидания, я хотела было прервать спонтанный опыт, как вдруг кончики пальцев начали затягиваться чернотой, поползшей с ладони на запястье и выше, словно кто-то невидимый натягивал на руку длинную перчатку с крагами, волшебную мягкую и немножко щекотную.

Не в силах пошевелиться, я изумленно наблюдала, как рука пропала по локоть во тьме, будто отрезанная. Мрак по ту сторону границы уплотнился, выгоняя свет и превращаясь на глазах в явственную преграду. Сквозняк подевался невесть куда. С одной стороны черной "двери" осталось мое тело с головой, заторможенно сообразившей, что все-таки удалось

влипнуть в передрагу, в то время как часть руки исчезла, окунувшись во мглу, и по ощущениям было непонятно, то ли конечность покалывает, то ли пощипывает, то ли это игра разнузданного воображения. Может, с меня снимают "колечко" за плотной ночной шторой?

Мамочки, пора начинать паниковать и устраивать истерики!

Я старательно разжигала в себе страх и пыталась выдавить соответствующий вопль, но испугаться не получилось. Наоборот, верилось, что мне не причинят вреда. Темнота не выглядела угрожающей. Она не торопилась приглашать, но и не отпускала, точно хотела узнать поближе.

Неожиданно заработал подъемник, и я машинально дернулась, выпрямляясь. Наваждение пропало, черная "дверь" растворилась, оставляя меня посередине коридора, растерянно пялящуюся в темный зев проема, из которого снова потянуло слабым сквозняком.

Трое студентов прошли в архив, и чтобы не прослыть странной в их глазах, я с безмятежным видом двинулась следом. За спиной послышался вздох разочарования. Неужели во мне? Вспомнились слова профессора о том, что не следует обольщаться, примеряя человеческие эмоции к жителю институтских подземелий. Скорее, Некта расстроился, что не удалось освежевать и съесть любопытную мушку. Спугнули-с монстряку.

В архиве я оглядела предмет рискованного экспериментаторства и убедилась, что правая рука в целости и сохранности. Правда, пришлось напрячь зрение, чтобы различить едва видимые "волосинки" на пальце. Значит, владелец колечка не пожелал его снять. А я-то надеялась!

Заказы студентов выполнялись, а мозг неустанно трудился, думая, как всегда, не об учебе. Поначалу мои мысли занял Некта или то, что проживало за границей света. Я пока не решила, что делать дальше: более не искушать себя опасными для жизни опытами или снова вступить в контакт и донимать существо до тех пор, пока оно не заберет "подарочек" обратно.

А вдруг вовсе не Некта соорудил в коридоре ночную штору, а другой монстр? — неожиданное предположение остановило меня у стеллажа. Вполне логично, что там, где обитает одно чудовище, отыщется местечко и для других жутких созданий. Наверняка подвалы кишмя кишат существами похлеще милашки Некты, и мне могли запросто отгрызть руку — да что там, за пару секунд перемололи бы в пыль, не помешай счастливая случайность.

Вот я простофиля! Взяла и, не подумавши, сунула руку в неизвестность. Как говорится, зрелая мысль расходится с делом, запаздывая на несколько роковых секунд, — данным утверждением в полной мере можно охарактеризовать мою натуру, которая находилась в миге от скоропостижной кончины и чудом её миновала.

Хватит. Если беспрерывно думать о кошмарах, то недолго свихнуться. Переключусь-ка на что-нибудь другое.

И я переключилась. На Мэла. В голову пришло, что он вполне может появиться в архиве, поэтому остаток работы проистек в нервном поглядывании на дверь и растущем напряжении. Когда минули положенные часы оплачиваемого труда, я наспех распрошала с начальником, хлюпавшим носом, и рванула наверх, не оглядываясь на обиталище подвального чудовища, едва не оттяпавшего мою конечность.

Проклятье, где же Мэл? Появился бы, и дело с концом, — мысленно застонала, кружа

по периметру холла и стараясь не смотреть на свои взъерошенные отражения в зеркалах. Скоро устану бояться встречи с парнем.

Реферат дня продолжился получением еженедельных пятидесяти висоров у Стопятнадцатого. Пусть мои ручки скоро обмоются в золотом ручье, всё ж мелочевка не помешает.

Я не сомневалась в честности Алесса как партнера. Клятвопожатие являлось гарантом сделки, и если рыжий обманет, его постигнет возмездие в виде быстрой гангрены, распространяющейся по телу скорее тока крови по сосудам. Спасения от этой напасти нет, несмотря на известный постулат: на каждое действие всегда найдется противодействие.

Клятвопожатием называли древний ритуал — сложный, но надежный и популярный у преступных личностей, таких как я. Его формула была успешно расшифрована учеными-висориками и адаптирована наукой к современной жизни. Даже невидящие могут заключать сделки с клятвопожатием, для чего достаточно запомнить последовательность надавливания пальцами на костяшки будущего партнера, а также не запутаться в очередности, с которой меняется переплетение рук.

Различные вариации клятвопожатий усвоились мной в интернате, где были хорошие учителя. Однажды нас повезли в городской госпиталь на экскурсию в отделение жертв злоупотреблений. В изолированной палате, за стеклом, лежало нечто, отдаленно похожее на человека — гноящийся черно-красный бесформенный обрубок в бинтах. "Посмотрите, дети, перед вами пример нарушенного клятвопожатия", — просветила воспитательница. — "Мой вам совет: по возможности избегайте клятв, обещаний и обетов. По статистике девяносто девять процентов мучительных смертей случаются по причине нарушения обязательств — сознательных или из-за безалаберности. А теперь поглядим на редкий случай янтарной чумы". Мы с Аликом плелись последними. "Не передумала?" — спросил он. "Нет", — ответила я решительно и сжала кулаки, чтобы унять подкатывающую тошноту. Алик хмыкнул: "Ладно. Тогда сегодня после отбоя в каптёрке. Начнем ликбез".

Генрих Генрихович вернул меня к действительности.

— Как сессия? — проявил участие, сложив замком руки на животе, пока я складывала банкноту в кармашек сумки. — Продвигается?

— Угу, — кивнула я, увлеченно застегивая молнию. Потрачу-ка полученные висоры на праздник живота. Хватит разглядывать небо через прозрачные кусочки колбасы.

— Не ожидал, Эва Карловна, — сказал декан, заставив меня насторожиться. — Думал, станете частой гостьей в деканате с просьбами о помощи. Ну, вы понимаете, о чем речь?

Я снова кивнула. Конечно, понимаю. Стопятнадцатый морально приготовился к тому, чтобы отбиваться от моей прилипчивой персоны, умоляющей о халявных оценках. А тут перед ним студентка — умная, загадочная и при четверках. Почти заслуженных.

— Не забывайте, милочка, что можете прийти с просьбой в любое время, не стесняясь, — напомнил великодушно декан. — Усилия приложим, проблемы укокошим. Обтяпаем красиво и... э-э-э... м-м-м...

— Спасибо, — проникшись образностью оптимистичного лозунга, я закончила: — ... и станем жить счастливо.

— Непременно! — воскликнул мужчина и потянулся за пером, чтобы оставить для потомков новый экспромт.

У меня возникло подозрение, что предложение Генриха Генриховича скоро пригодится,

когда с треском провалится защита работы по удовольствиям.

Реферат дня исписался до середины и завернул в библиотеку, где предстояло изучить фотографии политических лидеров и руководителей, с которыми наше светлейшее сиятельство будет вести умные беседы на приеме.

Навыки отточились до автоматизма. Я осторожно отворю дверь, загляну и удостоверюсь, что Мэл разлюбил чтение в общественных местах, после чего уверенно войду в мир книг и учебников.

Похоже, Мэл плюнул на сессию, — подумала я тревожно, поднимаясь по ступенькам. Он провалил один экзамен, специально провалит оставшиеся и сменит ВУЗ, чтобы не ходить с бесстыжей крыской по одним и тем же коридорам.

Нет, Мэл не такой, — успокоила себя, подходя к библиотеке. Он сам сказал, что не собирается портить жизнь из-за пустяков, то есть из-за девчонок. Скорей всего, у него обнаружились веские причины, чтобы игнорировать разгар сессионной поры. Что же с ним приключилось?

Витку беспокойных фантазий помешал Петя, вышедший навстречу. Я давно заметила, что у него появилась способность выныривать из ниоткуда и одним махом усложнять мне жизнь. Судя по всему, парень плодотворно позанимался в библиотеке и собирался получить на следующем экзамене уверенную покатистую пятерку. В отличие от меня.

— Привет! — обрадовался спортсмен. — Я как раз шел к тебе.

— Привет. А зачем?

Как ни странно, я совершенно не соскучилась по Пете. Рассталась с ним после вручения золотого билета и не горела желанием снова увидеть. Достаточно того, что парень капитально затруднил мое существование, потребовав возврат долга. Быть может, он решил, что своим предложением облагодетельствовал меня до глубокой старости, но мне подобное счастье вовек не нужно. Из-за приглашения на прием навалилась куча проблем. Вот кто во всем виноват — Петя!

Выявив козла отпущения, я начала потихоньку раздражаться.

Ну, спроси, дружок, как мне живется, о чем думается. Полюбопытствуй об успехах в учебе, о том, как провожу свободное время и есть ли оно у меня. Ведь ты — мой парень! Разве тебе неинтересно всё, что связано со мной? — буравила я парня недовольно взглядом в надежде, что едкие мысли прожгут дыру в тугодумной голове.

Как оказалось, Петю интересовало прямо противоположное. Не зря он направлялся в общежитие.

— Понимаешь... — начал чемпион и замялся. — Тут такое дело... Поскольку я тебя пригласил...

О, боги, неужели он потребует билет обратно? — забилося учащенно сердце. Вдруг Петя нашел более достойную персону для посещения приема, чем я?

— В общем, мама хочет с тобой познакомиться! — выпалил он и покраснел.

Я не сразу вникла в суть сказанного.

— Чья мама?

— Моя. Приглашает сегодня на ужин, чтобы обсудить кое-какие моменты перед приемом, — протараторил Петя, наверное, долго репетировал.

Вот так обыденно, в коридоре, в двух шагах от библиотеки, парень приглашал меня в гости, чтобы познакомить с родителями.

Караул! Спасите кто-нибудь! Только чужих мам не хватало для полноты ощущений.
А мне и надеть нечего, — подумалось невпопад. Постирушки-то не высохли.

Итак, Петина маменька решила подстраховаться и совместить приятное с полезным, устроив смотрины перед приемом. Хотя насчет приятностей я преувеличила. А польза, вернее, необходимость имелась одна — провести тщательную ревизию проффурсетки, запудрившей мозги любимому сыночку, который, развесив уши, вручил билет, не посоветовавшись с родителями. Видимо, Петенька подумал не тем местом и теперь опозорится на всю страну, придя с чучелом на событие года.

Опоздал Петенька, — позлорадствовала я. Умные мальчики сначала выбирают и отсеивают кандидаток, пусть с помощью родственников, а уж затем одаривают эксклюзивными золотыми билетиками. А у спортсмена вышло задом наперед: сначала пригласил, а потом мамаша промыла ему мозги. "Сынуля, что ты натворил? Вдруг эта девица — неотесанное полено без манер, или ходит в одной и той же вечной юбке? Срочно привози её, пока не поздно. Будем осматривать и исправлять ситуацию".

Нет уж, не дождетесь. Не хочу, чтобы меня изучали как зверюшку в зоопарке. Начнутся расспросы: а из какой вы семьи? а какова длина родословной? а где живете? а кем видите себя в будущем? а какой вис-резерв? а ходите ли в театры и музеи? а какие любимые заклинания? а читаете ли классиков? а кто любимый художник? а рассчитываете ли захомутать нашего Петеньку?

По итогам интервьюирования мама чемпиона сделает выводы о бессвязности моей речи, об отсутствии интеллигентности, о замухрыжном внешнем виде, и, как следствие, о провале на приеме.

"Петенька, раскрой глаза и посмотри, кого ты привел, — скажет родительница удрученному парню. — На нее же без слез не взглянешь. Если хочешь, чтобы твоя спортивная карьера закатилась, не успев подняться на небосклоне — ступай с этой лягушонкой на прием. Но учти, мое слабое сердце не выдержит подобной срамоты".

Если ужин с родителями спортсмена пойдет по данному сценарию, нужно обязательно принять приглашение! — осенило меня. Петя не станет перечить строгой маменьке и попросит вернуть билетик.

Соглашаться или нет? — заметалась я, выбирая. Вспомнила о теоретической и практической частях урока Вивы и о нулевом уровне подготовки к предстоящему экзамену. Представила в лицах унижительный ужин в гостях у парня и сказала мстительно:

— Извини, Петя, но не получится.

Увидев, как вытянулось лицо парня от расстройства, я едва не переменила решение.

— Почему? — протянул он огорченно.

— Спасибо за приглашение, но у меня полнейший аврал. Экзамен на носу да еще подготовка к приему беспокоит.

— Значит, готовишься? — просиял спортсмен.

Готовлюсь, и еще как. Если бы взгляд обрел материальность, то на месте Пети дымилась бы кучка золы.

— Я думал, стоит обсудить, как вести себя на приеме и что говорить... — объяснил он сбивчиво. — Знаешь о дорожке?

— Не волнуйся, — отмахнулась я небрежно. — Пройдем как по маслу. Главное, чтобы ты знал.

— А-а, ну, ладно, — успокоился Петя и простодушно вывалил тайну семейного сговора: — Просто мама предложила... Я, конечно, был против. Зачем лезть с советами? У тебя же своя голова на плечах. Но мама настояла...

Вот маменькин сынок! Хотя за комплимент спасибо. У меня не просто голова, поворачивающаяся на шее, а бездонный кладезь фантазий и разнообразных уголовных идей.

Сделав суровое лицо, я с деловитым видом ответила:

— Петя, повторяю, я бы с удовольствием, но зашиваюсь — сил нет. Ночами не сплю — учу. У меня каждая минута на счету. Сейчас вот иду набирать материал по эмоциям.

Эх, как ладно и убедительно совралось. Добавить бы синюшные круги под глазами для колорита.

Мимо прошла группа студентов, и мы с Петей потеснились в сторону, пропуская.

— Ну, хорошо, — согласился неуверенно парень. — Начало в шесть вечера. Я заеду в общежитие к четверем.

— Зачем так рано?

Примчимся раньше всех и будем топтаться перед Домом правительства битых полтора часа в ожидании, когда распахнут двери.

— В самый раз. Вдруг на дорогах пробки? Если приедем раньше, то покатаемся где-нибудь в окрестностях. А в начале шестого откроется дорожка.

Об этом Вива не говорила. Получается, за час до начала приема на зеленом покрытии должны покрасоваться две тысячи пар. Наверное, гости потекут непрерывным потоком.

— Хорошо. Значит, в четыре, — отметила я час икс для себя.

— Эва! — взмолился мой парень. — Может, передумаешь? Мама хотела, чтобы...

Поздно твоя мама захотела, — захохотал злодейски внутренний голос. Надо было думать раньше, когда напомнил мне о долге. И вообще, сейчас запросто оскорблюсь на откровенную подоплеку приглашения. Я вам не лошадь на ярмарке.

— Петя, еще раз спасибо, но увы, никак. Занята по самое горло, — для достоверности я провела ребром ладони по шее. И ведь ни капельки не соврала.

Парень тяжело вздохнул. Сам виноват, что не выбрал красотку вроде Эльзы или Изабеллы. Таким девицам плевать, к кому цепляться на зеленой дорожке. Им важнее продефилировать под вспышками камер и потом хвастаться фотографиями в глянцевого журнале.

— Ну, я побежала?

— Конечно, — согласился удрученный чемпион. — До встречи.

Протиснувшись между занятыми столами, я урвала уголок у окна и плюхнула сумку. Бабетта Самуиловна не подала виду, что удивлена запросом: атласом политических деятелей страны и стопкой журналов, на верхнем из которых значилось: "Лица года. Закулисье". Согласно датам выпусков бульварная пресса пеклась как горячие пирожки, выходя в тираж ежедневно. Еще бы! Побежали самые горячие денечки: до приема осталось всего ничего.

Отгородившись сумкой от соседа, читавшего толстый-претолстый справочник с формулами невероятной длины, я схватилась за фолиант, разъясняющий, кто есть кто на политическом олимпе.

От обилия фотографий, фамилий и чинов запестрело в глазах. Тогда был выбран другой путь — изучать атлас, сверяясь с оглавлением, согласно которому важность занимаемых должностей понижалась с увеличением нумерации страниц.

С первой фотографии на меня смотрело внушительное лицо — полноватое, с кустистыми бровями, носом-сливой, большой залысиной и жиденькой волосатостью на голове. Премьер-министр Рубля Леонисим Рикардович.

Знакомый товарищ. Наблюдал за моей жизнью с портретов, развешанных в учреждениях, в которых довелось учиться. Дополнительно мелькал в выпусках новостей по интернатскому телевизору, к которому нас периодически допускали в целях просвещения. В моих смутных воспоминаниях он остался объемным по конституции, с расстегнутым пиджаком и без галстука.

По словам Аффы, премьер-министр лично пожмет руку Пете, а мою лапку поцелует, после чего нас сфотографируют вместе.

Я пригляделась внимательнее к человеку, принимающему судьбоносные решения в масштабах страны. Одно его слово — и где-то начнется военный конфликт или заключится перемирие. Или чья-то карьера оборвется, а чья-то — двинется в рост. А тут я сморожу глупость на глазах первого лица государства. Теперь понятна озабоченность Петинной маменьки. Предстоит наиважнейший прием, а не разухабистая пьянка-гулянка в клубе. От того, как Петя покажет себя, зависит его будущее. Не думаю, что парень планирует продвигаться по спортивной стезе, иначе для чего он поступил в институт с висорическим уклоном.

Ниже фотографии Рубли располагались портреты пяти советников и девяти помощников. Следом шло правительство в составе двадцати министров, и при каждом министре — по два заместителя.

На одной из фотографий я увидела отца и сравнила с другими высокопоставленными чиновниками. Что ни говори, а папуля смотрелся молодцевато рядом с одутловатыми, обрюзгшими, облысевшими и сморчковыми физиономиями.

На последующих страницах шли портретные снимки начальников Департаментов и их заместителей. В завершающей части атласа располагались фотографии членов Высшего правительственного суда и Высшего законодательного совета.

Все портреты, а также подписи под снимками: "такой-то такойтович, должность такая-то" были изучены внимательнейшим образом, но чем дольше и тщательнее я изучала, пытаюсь запомнить, тем больший ералаш получался в голове.

По итогам изучения атласа меня немало потрясли два факта, вызвав усиленное сердцебиение и повышенную тревожность.

Факт первый значился под фотографией молоджавого темноволосого мужчины приятной внешности с пытливым прищуром глаз. "Первый советник премьер-министра Семут Сергей Чехиевич". Я вспомнила, это он ходатайствовал по телефону перед первоотдельщиками у мастерской Олега и отмазал меня от ареста.

Семут С.Ч. - первый из пяти советников, а, значит, самый приближенный. Тот, кто первым после супруги желает доброго утра и стоит за креслом монарха во время важных переговоров, нашептывая, казнить посла или помиловать. Не менее влиятелен, чем премьер-министр и не менее опасен. Если на приеме выпадет общаться с первым советником, сомневаюсь, что мой благодетель вспомнит о том, что когда-то замолвил за меня словечко.

Факт второй сокрушил спокойствие значительно больше первого. Начальником Департамента правопорядка оказался никто иной как Мелёшин Артём Константинович — еще один родственник Мэла. Возможно, его отец или дядя номер два.

У мужчины с фотографии было волевое лицо с цепкими глазами и скептически

поджатыми губами. Пронизывающий взгляд, казалось, мгновенно распознал во мне отпетую обманщицу и уголовницу, отчего страстно захотелось спрятаться под стол. Меня пробрал озноб.

"Для дэпов нет ничего невозможного, — предостерегал Алик. — У них собраны досье на всех, ныне живущих, и на тех, кто еще не родился. Мы все у них под колпаком. Опасайся Первого Д^[37], но прежде всего опасайся ДП^[38]".

Он знал, о чем говорил. Если Первый департамент курировал специальные вопросы, связанные с висорикой, то Департамент правопорядка, отделения которого растянулись сетью по стране, отслеживал беззакония общей направленности: ловил и арестовывал преступников, вел следствия и опекал тюрьмы и колонии. Хотя назначение обеих структур было одинаковым — служить церберами правительства.

Внимая словам друга, входившего в одну из бесшабашных интернатских банд, могла ли я представить, что когда-нибудь меня угораздит связаться с парнем, родня которого заправляет Департаментом правопорядка?

Плохо. Не просто плохо, а хуже не бывает.

Только сейчас я осознала степень риска. Сблизившись с Мэлом, я практически ходила по лезвию. А ведь мне намекали, и не единожды. Намек первый — показательно-наказательная акция в районе невидящих после инцидента у клуба "Одиночество". Намек второй — профессиональная слежка и оперативность, с которой напечатали фотографии с профессором.

Легкость, с которой реализовывались означенные намеки, пугала до чертиков. Для дэпов нет ничего невозможного... Как и для Мэла. Наверное, у Мелёшиных это семейственное.

Ну, почему? Почему меня заклинило на нём? Крайне неподходящий парень и крайне не вовремя. Где бы взять силы, чтобы держаться от Мэла как можно дальше, ниже и глубже?

Продышавшись, я заставила себя успокоиться.

Так. Сосредоточимся и начнем размышлять логически. Руководителей Первого Д и ДП будем обходить стороной или же спрячемся при их появлении.

Именно так и поступлю, — решила я твердо, хотя под ложечкой защекотало искушающе и захотелось хотя бы одним глазком посмотреть на Мелёшина А.К. Возможно, потому что Мэл похож на него и потому что... он его сын?

Глупые идеи не доводят до добра. У меня патологическое умение влезать в неприятности. Сейчас главное — не упасть на приеме в грязь лицом, в прямом и переносном смысле. Поскольку Петя — победитель чемпионата, стало быть, придется общаться с чиновниками, имеющими отношение к спорту и здоровью. С кем еще?... Мы — студенты, значит, следует охватить образование. У молодежи, то есть у нас, могут поинтересоваться чем угодно — начиная от пристрастий в музыке и заканчивая устремлениями в жизни. Поэтому нужно постараться не выглядеть ослом, вернее, ослицей, в вопросах культуры и науки.

Кошмар! Надеюсь, не придется беседовать с министром обороны.

Загрузившись информацией, я отложила атлас в сторону и посмотрела на свое отражение в окне — худое, изможденное проблемами. Заострившийся подбородок, тоскливый взгляд. Будешь тут упитанной, когда жизнь расчесывает нервы с завидной регулярностью.

Ага, развеим стресс и изучим стопку бульварной прессы.

С обложки верхнего журнальчика ослепительно улыбался кудрявый красавец в смокинге. Одна рука в кармане брюк, а пальцы второй демонстрируют знак V. Вокруг жеребчика красовались лозунги, щедро обсыпанные вопросительными и восклицательными знаками: "С кем появится на приеме Осиенда Лавес???" или "8,9!!!" или "Осиенда: вся правда о бисексуальности!!!!" или "Кто очаровал ловеласа Осиенду на благотворительном концерте???"

О кудрявом мачо Осиенде я в помине не слышала. Оказалось, это популярный певец и любимец слабого пола. Статья о Лавесе разместилась на десяти страницах и дополнялась кучей небольших, но четких фоток: знойный красавец в плавках на яхте, он же на лошади играет в поло, он же лихо катится со снежного склона на лыжах. А уж о плотских слабостях певца автор статьи не поленился расписать в мельчайших подробностях. В завершение светских сплетен читателям предлагалось сделать ставки на то, с кем появится Лавес на приеме, во что будет одет, отчебучит ли какую-нибудь шутку, и насколько повысится или упадет его рейтинг.

На последующих страничках журнала в коротких заметках упоминалось о других популярных личностях, которые наводнят Дом правительства в день приема. Поток бульварных слухов разбавляли вкрапления интересных фактов из закулисного мира "Лица года": сколько эбена и бархата потрачено на реставрацию Большого зрительного зала, почему в Большой Холл ведут тридцать семь ступеней, а не больше и не меньше, какие добавки использовали в краске для потолка, чтобы создать эффект бесконечного пространства.

Половину журнальчика занимали букмекерские сводки мелким шрифтом, а также реклама и адреса фирм, принимающих ставки. В основном, читателям предлагалось угадать, кто и с кем появится на приеме, кто во что вырядится, кто войдет в рейтинг "Пугало года", кто станет сенсацией года, кто устроит скандал года, чьи рейтинги зашкалят до невысказанных высот, а чьи — свалются на дно, и так далее.

В верхних строчках букмекерских таблиц перечислялись фамилии, рядом с которыми стояли трехзначные или четырехзначные числа сделанных ставок. Это означало, что объекты — лица популярные и известные, вроде Осиенды Лавеса, и вокруг их имен возникла нешуточная шумиха. В нижней части таблиц упоминались "темные лошадки" с мелкими числами ставок или вообще с нулями.

Я проглядела все таблички, но фамилию Пети не нашла.

Отложив журнальчик с бисексуалом Осиендой, взяла следующий. На обложке красовалась умопомрачительная светская дива в роскошном вечернем платье рюмочкой. Стало быть, в каждом из номеров в качестве гвоздя программы наличествовала статья о какой-нибудь сверхпопулярной звезде, а в дополнение прилагалась куча информационной мелочевки.

На этот раз, после интервью и биографии киноактрисы Малалы, имеющей "7,9!!!!" в сигнальном кружочке и несколько лозунгов вроде "Сердобольная Малала взяла на воспитание девятнадцать болонок!!!" или "Сколько стоит слеза Малалы???" или "Сердце Малалы открыто для любви!!!", шел внушительный блок с фотографиями ученых, получивших приглашение на прием. Вкладка напоминала атлас политиков, разве что номинанты на звание "Лица года" выглядели более раскованными и не зажатыми. Под каждым снимком, кроме имени, области науки и имеющихся достижений, стояли разные

циферки, от единицы до трех. Наверное, это оценки за фотогеничность.

Пролистав журнал вдоль и поперек, я нашла на первой странице разъяснение: циферки являются предварительным рейтингом по шкале популярности, который не превышает десяти.

Теперь понятно, что означают числа возле фамилий и в сигнальных кружочках. Бедные ученые — очкарики и бородачи. Их рейтинги не идут ни в какое сравнение с рейтингами известных певцов и актеров. Впрочем, самих ученых вряд ли заботят низкие показатели популярности, чтобы хвататься за сердце и зарабатывать инфаркт.

Наконец, в следующем журнале, после статьи о модели Исе Купара (причем я так и не поняла, женщина это или мужчина) обнаружился блок с фотографиями спортсменов, удостоившихся чести посетить "Лица года". Чемпионов в разных видах спорта оказалось не так уж много: представители легкой и тяжелой атлетики, боевых искусств, плавания, хоккея, бильярда и даже шахмат и преферанса.

Среди спортсменов отыскалась фотография Пети в полный рост, сидящего на спинке лавочки. На его широкую спину был накинут свитер с рукавами, завязанными на груди узлом.

Я полюбовалась парнем. Аккуратный мальчик с приветливой улыбкой и рейтингом 4,1. Неплохо. Получше, чем рейтинги научных бородатиков.

В окончании журнальчика в таблицах со ставками отыскалась Петина фамилия. Да уж, не густо: всего две ставки в графе "Стиль/одежда" и нули в остальных шести графах.

Отложив в сторону журнальчик, я задумалась. От того, как Петя проявит себя на приеме, зависит, взлетит его рейтинг или опустится в минус. Соответственно, рейтинг парня рухнет, если я умудрюсь испортить впечатление о нас обоих. Все-таки, для чего нужны эти цифры? Надо поинтересоваться у Вивы.

Взяв следующий журнальчик с очередным красавцем на обложке, имеющим рейтинг "8,5!!!!" (а почему бы не написать статью о каком-нибудь спортсмене-легкоатлете вместо раскрашенных кукол кино и эстрады?), я лениво пролистала. Все, что мне нужно, уже нашлось.

Лучше бы я не брала журнал в руки, потому что в этом номере имелась обширная вкладка, посвященная тем, кто появится на приеме не по заслугам, а по праву рождения — детям богатых и известных людей. Об элитных детках рассказывалось объемистее, нежели о спортсменах или ученых. Теперь понятно, о ком упоминалось в силу необходимости, а о ком — из-за популярности.

Дочки знаменитостей выглядели все как одна киношными красавицами с рейтингами от четырех до шести, и чтобы унять раздражение, я придумала, что на ретушь каждой фотографии ушла уйма времени. Среди девушек не обнаружилось ни одного знакомого лица.

Зато среди богатеньких сыночков нашелся Макес собственной персоной, идентифицированный как Максим Звенигородцев. Парень красовался на фотографии, прислонившись спиной к приземистому серебристому автомобилю. Читателям предлагалось угадать, пожертвует ли пестроволосый тип раскрашенной шевелюрой ради предстоящего приема. Максим Звенигородцев имел рейтинг 6,3.

Я перевернула страничку, и взгляд упал на снимок... Мэла, шагавшего по дорожке, усыпанной осенними листьями. Темное на желтом смотрелось эффектно. По правому краю фотографии располагались пять... нет, шесть... овалы, и в каждом — лицо симпатичной девушки.

Рядом с фамилией Мэла стоял рейтинг 6,6. Наверное, это круто. И еще Мэл собирался пойти на прием с одной из девушек, чьи лица в овалах сияли счастливыми улыбками. Парню было из чего выбирать. По крайней мере, составители журнала предоставили ему и читателям такую возможность.

Я вгляделась в девичьи мордашки, насколько позволили мелкие изображения. Ни Изабелке, ни Эльзуске не посчастливилось затесаться среди претенденток. В наличии имелись четыре темноволосых девушки и две блондинки — Лилия, Маринелла, Августа, Дария, Светолина и Заздра.

Ну, и имечки! Я выбрала блондинку, у которой, как мне показалось, нос скашивался набок, и глаза разъезжались в разные стороны, с именем Заздра Рокитянская, и решила сделать ставку на нее. Конечно же, девушка на фотографии выглядела идеальной красавицей с длинной гривой роскошных волос. Просто мне хотелось думать, что у каждой из претенденток имеется какой-нибудь дефект во внешности. Потому что так спокойнее.

Захлопнув журнал, я швырнула в стопку просмотренных. Подумав, снова схватила и, стараясь не привлекать внимания, осторожно вырвала страничку с фотографией Мэла. Сосед по столу покосился, но промолчал. Бабетта Самуиловна, увлекшись тихим разговором с очкастым библиофилом, вообще ничего не заметила и не заподозрила наглого покушения на библиотечную собственность.

Сделав уйму загибов и сложив журнальную страничку до размеров раздувшегося спичечного коробка, я затолкала его в кармашек юбки. Зачем мои руки сотворили это? — ужаснулась содеянному. Мазохистка фигова.

Остальные журнальчики пролистывались абы как. Лица слились в нескончаемую карусель, равно как и ставки, восклицательные знаки и рейтинги.

Уморила меня светская жизнь. Пойду-ка домой. Полежу, в потолок погляжу.

И пошла. Монтемонт устроив голову на лапах, смотрел в одну точку. Плевать он хотел на вырванные из бульварной прессы странички и чихал на одинокую студентку, бредущую к выходу с расстроенным лицом. И ведь не хотела я убиваться, а само собой получилось.

Выкинуть его — из головы, из сердца, из жизни. Не знать его. Вычеркнуть одним росчерком пера.

Хотелось пострадать и пожалеть себя. А еще придумать, как потратить увеличившуюся наличность. При мысли о предстоящих покупках на душе прояснилось. Все-таки для слабого пола походы по магазинам сродни наркотической зависимости, помогающей отвлечься от тяготы беспробудных будней.

Не успела я составить список будущих приобретений, как прилетела неугомонная Аффани, велела переобуться в учебные туфли, потащила на третий этаж к великой стилистке всех времен и народов.

— Почему грустишь? — спросила соседка после неудачных попыток растормошения.

— Жизнь задалбала.

Сегодняшний маскарадный костюм Вивы вызвал ноющую зубную боль. Короткую юбочку клеш и длинные пестрые гольфы-чулки выше колен дополнял растянутый линялый топик. Хорошо, что трагически насурьмленные брови сохранились в прежнем виде.

Глядя на девицу, я вообразила, что появлюсь на приеме, полосатая как зебра, или вся в черном, как вдова, и похвастаю перед премьер-министром: "Ах, какая у меня личная стилистка! Настоящее сокровище! Талант с ушами!", и Петю тут же наградят рейтингом минус десять за неотразимый наряд спутницы.

— Тренируешься? — училка политеса показала на туфли, и, дождавшись утвердительного кивка, заключила: — В пятницу перейдем на шпильки. Будем брать новую высоту.

Куда уж выше? — проворчала я про себя, но вслух возражать не стала.

Практическое занятие в точности повторило мучения предыдущих дней. Я расхаживала по комнате, Вива флегматично вещала, успевая следить за моей осанкой и походкой, а соседка протоколировала ценные указания.

Все-таки прогресс налицо, — погордилась я собой, взглянув мельком на отражение в трюмо. Ноги не заплетались, и получалось вышагивать почти красиво вдоль разложенной на полу нити. Моя стилистка так и сказала:

— Задницей нужно уметь вилять. Не колыхать бесформенными булками, а соблазнительно покачивать бедрами. Тогда мужики изойдут слюной и добровольно наденут на себя поводок.

Я представила, как за мной бежит орава парней на четвереньках и с высунутыми языками, и настроение приподнялось, вылившись в утроенное тренировочное рвение. Из воображаемой машины получалось выбирать почти без казусов, после чего доходить до нужной отметки под ручку с воображаемым кавалером, разворачиваться и заученно улыбаться во всю ширь.

— А как рассчитывается рейтинг, и для чего он нужен? — спросила я у Вивы, стараясь, чтобы не колыхалось, а покачивалось.

— Читала "боевые листки"? — уточнила она.

— Звучит как сводки с мест сражений.

— Примерно так. Это ежедневные выпуски о "Лицах года".

— Пролистала, — ответила я и смутилась, вспомнив о вырванном листочке. — Правда, не разобралась, что к чему.

— Это поначалу. Потом вникнешь. Рейтинг рассчитывается, исходя из суммарного

количества упоминаний о человеке за истекший год — в печати, на телевидении, в радиоэфире.

— И кто же подсчитывает? — изумилась я.

— Специальный вычислительный центр при организационном комитете.

— Но как они узнали заранее, что Петя станет чемпионом?

— Никак. Через сверхскоростные счетчики непрерывно прогоняются все существующие записи, и по формуле высчитывается предварительный рейтинг, который заносится в базу данных.

— А если бы не Петя занял первое место, а кто-нибудь другой?

— Машинам без разницы, чью фамилию подсчитывать. Операторы вводят, а к концу дня на выходе печатается результат.

— Но это же... грандиозно! — воскликнула я, поначалу не найдя эпитета описанному Вивой размаху. Перед глазами возникли огромные турбины, не останавливающиеся ни на секунду и прокачивающие тонны информации, чтобы отсеять по крупицам упоминания о Пете в прессе или по телевизору. А вникнув в суть, я возмутилась:

— Получается, подсчитывают нечестно! О Пете знают лишь по спортивным колонкам, а об этом... Осиенде стрекочут все кому не лень.

— Как тебе Лавес? — влезла в диалог соседка. — Правда, пусечка?

— Какой-то потасканный, — пожалала я плечами и, уперев руку в бок, продолжила дефиле. Мне показалось, что и походка стала четче, почти как у модели, и ноги гудели гораздо слабее, привыкнув к дискомфорту высоких каблуков.

Аффа закатила романтично глаза.

— Ну и что? Зато Осиенда красив как порочный ангел.

— Скорее, как шелудивый бес, — добавила училка политеса. — Согласна, в подсчете рейтингов есть несправедливость. Поэтому их называют предварительными. Окончательные рейтинги сформируются после приема. Надо, чтобы положительных отзывов оказалось больше, чем отрицательных.

— У меня же нет рейтинга, — напредила я.

— Зато у твоего кавалера есть. Поэтому необходимо оставить о себе благоприятное впечатление или, на худой конец, нейтральное.

Что и требовалось подтвердить. Либо вместе с Петей ухнем в яму, либо воспарим к небесам.

— И что делать с этими цифрами? Можно обменять их на деньги?

Аффа рассмеялась, а Вива улыбнулась.

— Ничего не делать. Хочешь, повесь вместо медали или забудь. Хотя некоторые готовы удавиться за популярность.

— Значит, надо быть пайнкой и всем угождать? — Неловко развернувшись, я едва не завалилась на бок. Чтобы удержаться на ногах, ухватилась за черную ткань, наброшенную на круглое зеркало напротив трюмо.

— Осторожно! — крикнула Вива, бросившись на помощь. — Не зевай по сторонам, — сказала раздраженно, поправив плотную вуаль, не успевшую сползти с зеркала.

Я почувствовала себя неловко.

— Извини.

Стилистка придирчиво оглядела занавешенную раму и успокоилась.

— Не обязательно строить из себя сладкую девочку. Иногда скандальное поведение

вызывает бурю восторгов и зашкаливающие рейтинги. Но метод от противного прокатывает для эпатажных звезд. Не отвлекайся, топай по кругу.

И я потопала. Однако стучать каблуками молча было скучно.

— Ты тоже читаешь "боевые листки"? — поинтересовалась я у Вивы.

— Читаю. И сделала пару ставок.

— На Эвку?! — подпрыгнула на стуле соседка.

— На неё нельзя ставить. Она — спутница по приглашению, — разъяснила девица. — Я поставила на представление.

Аффа пошуршала листочками:

— Не помню такого. Мы остановились на том, как не уснуть во время речи премьера.

— Сейчас расскажу. После выступления премьер-министра у вас будет пятнадцать-двадцать минут, чтобы освежиться и попудрить носик. В общем, сделаете необходимые дела и перейдете к следующему этапу — концертной программе в Большом амфитеатре. Там атмосфера посвободнее, и можно усаживаться, где заблагорассудится. Поэтому старайтесь занять места поближе к арене. Ежегодные представления — апогей регламента приема. Их содержание держат в большом секрете и следят, чтобы не произошла утечка информации. Поэтому ставки на концерт зашкаливают. Народ свихнулся, вычисляя, какой сюрприз подготовили режиссеры-постановщики в этом году.

— И у тебя крыша поехала? — хихикнула Аффа.

— И у меня, — согласилась девица. — Сделала ставку на левитацию и чревоушение.

— А что говорит твоя интуиция? — спросила я у соседки.

— Она говорит, что тебе понравится, — ответила та, не задумываясь.

— Точно, — кивнула Вива. — Представление — наилучшая часть вечера. В общем, смотри, наслаждайся и не сдерживай эмоций. Если уж, глядя в телевизор, сердце замирает от красоты декораций и начинки, то в амфитеатре будет смотреться в тысячу раз лучше.

— А потом? — влезла Аффа.

— Потом — суп с котом. После представления публика переходит в Большой банкетный зал. Не бойся, сидеть за столом рядом с премьером не придется. Завершающая часть приема состоит в том, что номинанты на звание "Лица года" фотографируются с премьер-министром и кратко общаются с ним, а гости циркулируют по залу и беседуют на разные темы.

— А есть-то когда? — удивилась соседка. — Уж за полночь перевалит, а Эвка останется голодной.

— Туда приходят не лопать, а себя показать. Официанты будут разносить на подносах шампанское, вино и закуски. Запомнила, как зовут советников и министров?

— Не всех, — покачалась я смиренно.

Пусть у меня худая память, никогда не признаюсь, что в ней мгновенно и навсегда выжглась фамилия начальника Департамента правопорядка.

— Двойк тебе. Нужно отличать министров от их заместителей. Если обратишься к собеседнику по имени-отчеству, можешь получить плюс к рейтингу кавалера.

Что за непруха? Мало того, что сессия зажимает со всех сторон, еще и на приеме придется зарабатывать оценки.

— На сегодня достаточно, — смилостивилась Вива. — Завтра будем расшаркиваться с премьером и беседовать с советниками.

— Это как?

— Вот так. Устроим репетицию. Аффа будет твоим кавалером, а я — премьер-министром. Забудешь, как меня зовут, в два счета вылетишь из института.

Мы с соседкой рассмеялись. Хорошая угроза. Сразу захотелось побежать в библиотеку и снова зарыться в атлас политиков.

На родимый первый этаж я спускалась уверенно, но уставшие ноги заныли сильнее и начали слегка заплетаться. Притопав в швабровку, сбросила туфли, оказавшиеся не такими уж страшными и вынула из кармашка юбки сложенный бумажный коробок. Расправив листочек на столе, я разглядела мятые загибы и впиалась глазами в фотографию с Мэлом. Интересно, куда он размашисто шел, не обращая внимания на объектив камеры?

Рамочка в виде овалов с претендентками портила весь настрой. Схватив ножницы, я обкромсала наспех неудачниц, оставив центральную картинку с Мэлом. Снова разглядела, чтобы без помех любоваться парнем, и неожиданно мне стало жалко себя. Мой тайный порыв ничем не отличался от секрета соседки Лизбэт, бережно хранившей в книге вырезку о кумире своего сердца и души. А ведь совсем недавно я снисходительно посмеивалась над симпатией девушки к профессору.

Мэл отсутствовал весь день в институте. Что с ним произошло? Может, в пропаже парня есть моя вина?

Вдруг он мчался в машине на большой скорости и, не справившись с управлением, перевернулся? Лежит в больнице при смерти или... Или медицинская помощь опоздала.

Вскочив, я заметалась по комнате.

Вдруг Мэл отправился на свой танцинг и повздорил с каким-нибудь уголовным авторитетом? Лежит сейчас с ножевыми ранениями у мусорных баков на задворках клуба и умирает.

Скорость наматывания кругов по швабровке возросла.

Мэл, Мэл... Где же ты? Парализован *nerve candi* и медленно замерзаешь где-нибудь в глуши, не в силах добраться до телефона. Тьфу, какая глушь в столице, где плотность населения — десять человек на один квадратный метр?

Я схватила конспекты, но руки тряслись, и строчки плясали перед глазами. Тетрадь зашвырнулась на стол. Нервно прохаживаясь по комнате, я не заметила, как выхлебала в три присеста флакончик с витаминным сиропом. Изгрызла ногти на сто рядов и раз десять выглянула в окошко.

Нужно успокоиться, но как? Не думать, не представлять, ибо каждая последующая фантазия накручивала всё более тяжкие испытания для Мэла и в итоге — неизбежный летальный исход.

Надо занять голову и руки делом, чтобы отвлечься от пустых растравливающих мыслей! — осенило меня.

Хорошее решение. Осталось придумать стоящее занятие до глубокой ночи и для начала прогуляться, освежить извилины.

И одеться потеплей, чтобы не замерзнуть.

И взять пустой флакон из-под выпитого сиропа.

Дойду до института, и если вахтерша не пустит на порог — значит, судьба.

Вымытый флакончик я сунула в карман куртки. Натянула высохшие штаны, напялила два свитера — один на другой, проверила наличие варежек и фонарика и отправилась охлаживать мозги.

Значит, судьба. Стрелки на часах показали десять минут до закрытия парадного входа. Ни вахтерши, ни сторожа на посту, лишь Монтеморт застыл изваянием с откинутым хвостом и замершим в одной точке взглядом.

Дойду до люка и если по пути столкнусь с кем-нибудь, то оправдаюсь заболевшим животом.

Значит, судьба. В приглушенном свете безмолвных коридоров я поднялась на верхний этаж и забралась на чердак, а через мгновение звонок возвестил о закрытии института. Красивый печальный наигрыш, вышибающий слезу, пролетел по пустому зданию и угас на звонкой ноте.

Воздушная волна ударила по люку. Вот и все. Половина десятого, и я под крышей — тарашусь в темное зимнее небо через открытое мансардное окно.

Успокаиваюсь вроде как. Освежаюсь.

Хорошая идея — занять голову и руки делом, чтобы отвлечься. Особенно, если дело происходит на ночь глядя, в институте, закрытом на сто замков с вис-ловушками, и предстоит пересечь здание из одного конца в другой, спустившись на три этажа ниже.

А нам все по плечу, когда руки чешутся сотворить что-нибудь этакое. Криминальное, к примеру.

Поглядывая на часы чаще, чем минутная стрелка делала круг по циферблату, я выждала долгие пятнадцать минут, ставших мучительными не по причине проснувшейся совести, а из-за навалившихся мыслей — о Некте, о Петинном приглашении домой, о приеме, об отце Мэла и о нем самом, — и с облегчением скатилась по ступенькам, дальновидно оставив на чердаке куртку с верхним свитером и сапоги.

Крышка люка, опускающаяся днем бесшумно, загремела в вечерней тишине преувеличенно громко. Метнувшись в темный угол, я затаилась с колотящимся сердцем. Что делать? Бежать отсюда, пока не подоспел сторож, или выждать в темноте — вдруг не заметит?

Время шло, а охранник альма-матер не спешил расследовать причину подозрительного громохання. На всякий случай я высунула голову в лестничный пролет и прислушалась. Звенящую тишину — аж уши закладывало — не нарушал ни топот, ни сердитые ругательства разбуженного сторожа.

А дальше меня повело дело. Иных путей, как дойти до лаборатории Ромашевичевского, не заблудившись, я не знала, поэтому решила возвратиться в холл и проскользнуть из одного коридора в другой, после чего добраться давно изученной дорогой к месту преступления.

После закрытия институт изменился. Лестницы и переходы погрузились во мрак, лишь кое-где горели одинокие аварийные лампочки, создавая настоящее раздолье для воришек, прячущихся по темным углам. Недостаток освещения частично компенсировался окнами, пропускавшими свет уличных фонарей, поэтому видимость была достаточной, чтобы не удариться сослепу о стену и не свернуть на лестнице шею впотьмах.

Покуда глаза не привыкли к полумраку, я неуверенно спускалась по ступеням, замирая после каждого шага и вглядываясь вперед, но вскоре приноровилась и короткими перебежками приблизилась к холлу. Из-за того, что основную часть светодиодов в люстре погасили, зал выглядел мрачновато и таинственно.

Казалось, сердце бухало на весь первый этаж, грозя разорвать грудную клетку. Выглянув из-за угла и не заметив движения в пустом холле, я юркнула в соседний проем и прижалась к стене. Засек ли меня Монтеморт или сделал вид, что спит с открытыми глазами?

Уняв разгоряченное дыхание, я заскользила вдоль стеночек, притормаживая в темных закутках и прислушиваясь к тишине.

Видно, сегодня удача пребывала в хорошем настроении и обратила на меня внимание, торопя и подталкивая в спину. А решимость, с которой я вознамерилась изгнать из головы любые намеки на некоего парня, привела на нужный этаж, не позволив заплутать в коридорах, похожих друг на друга как близнецы.

Миновав лабораторию Ромашевичевского, я очутилась у соседней двери и, нажав на кнопки электронного замка, замерла в напряженном ожидании. Вдруг Матусевич успел сменить код, или палец ошибся, перепутав комбинацию цифр? Тогда завоет охранка, и меня поймают!

Пока замок раздумывал, открываться ему или нет, у меня пересохло в горле, а в глазах потемнело. Так что когда электронное устройство с тихим щелчком возвестило о принятом коде, я чуть не свалилась на пол от облегчения.

И обитель камнеедов распахнула объятия.

Ниши со спящими растениями слабо подсвечивались лампами зеленого света. Чтобы добыть ключ от смежной двери, требовалось отпереть одну из ниш, но при разгерметизации террариумного пространства сработала бы "вопилка". Об этом я узнала из утреннего доверительного разговора с Матусевичем, как и о том, что помещение оборудовано системой автоматического регулирования климата с датчиками аварийной сигнализации, после чего мужчина с гордостью продемонстрировал ручное отключение сирены и программу настройки параметров микроклимата.

Вспомнив об утреннем показе, проворные уголовные ручки споро взялись за дело, переведя систему в ручной режим и обезвредив "вопилку". Затем ловкие преступные пальчики открыли боковую крышку ниши и выудили обыкновенный неинтересный ключ из-под поддона с камнеедами, а ноги бесшумно подвели к двери, смежной с соседней лабораторией.

Приложив ухо к преграде, я зачем-то прислушалась и с осторожностью вставила ключ в замочную скважину. Скрип несмазанных петель, указывавший на то, что соседи не жаждут общаться с помощью общей двери, заставил испуганно съежиться. Выждав какое-то время и приведя дыхание в норму, я на цыпочках прокралась в лабораторию Ромашевичевского и, лавируя на ощупь между черными квадратами кубов, двинулась к высветленному с улицы прямоугольнику окна.

Конечно же, меня одолевал страх, но боязнь темноты, бывшей прибежищем страшилищ из детских кошмаров, трансформировалась в нечто иное, тревожное и затягивающее одновременно. Риск поимки с поличным насыщал организм смесью адреналина и азарта ударными скачками.

Опустив жалюзи, я включила фонарик. Хорошо, что чистоплюй Ромашка поддерживал стерильный порядок в помещении, не то пыльная цепочка следов на полу выдала бы меня с головой.

Перед дверью запасника ноги неволью затормозили, а пальцы, протянутые к дверной ручке, замерли. Меня вновь одолели сомнения. Ромашевичевский вполне мог поставить капканные заклипания, беспокоясь за сохранность редких и дорогих ингредиентов. Дерзнуть

или отступить? — заколебалась моя решимость.

В конце концов, я уже плыву по преступному течению и не собираюсь останавливаться в шаге до цели! Коли у нас неделя ставок, то смело поставлю на авось.

Выдохнув, я рванула дверь запасника. Выждав пару минут, в течение которых на меня никто не набрасывался, не стягивал в узел, не заматывал в паутину и не подвешивал за ногу вниз головой, — перешагнула порог.

Луч фонарика, пошарившись по полкам, выхватил нужные бутылки и банки с ингредиентами. В узком луче света я отливала и накладывала в колбы, найденные в шкафчике под окном выдачи, а руки совершенно не дрожали, и мозг хладнокровно анализировал, просчитывая варианты наиболее эффективной дозировки.

Стекло скупно звякало, жидкости тихо булькали.

Лишь один раз я застыла с трепыхающимся сердцем и открытым флаконом в руке. Мне почудились шаги в коридоре. Выключив фонарик, обратилась в слух, а в голове застучало: если меня схватят, немедля выпью яду, чтобы избежать позора, благо всё необходимое под рукой.

Минуты летели, мухоморный концентрат испарялся, щекоча обоняние кисловатым запахом. Наконец, крышка флакона была закручена, а отобранные ингредиенты составлены в корзинку. В лабораторном кубе при свете фонарика компоненты смешивались, доливались, взбивались, нагревались и растирались. Я не стала облачаться в халат и бахилы, предположив, что у Ромашевичевского каждый комплект на счету, и недостачу легко обнаружат.

Хорошая вышла мазь. Как и полагается — прозрачная, густой консистенции и с легким кирпичным оттенком. Правда, с неприятным запахом, но терпимым и быстро выветривающимся, если растереть. Еще я надеялась, что правильно подобрала дозировки компонентов, и приготовленного снадобья при экономном расходовании хватит надолго. Для опытного подтверждения не мешало бы размазать шарик мази, например, по лабораторному столу, но китовый жир замучаешься удалять с поверхности, а улики мне не нужны.

После того, как теплая вязкая масса была переложена из кюветы во флакончик из-под сиропа, наступила очередь основательной уборки в кубе. Столь же тщательно я прополоскала, протерла и расставила лабораторную посуду. Приходилось двигаться с опаской и просчитывать движения, чтобы не греметь и случайно не разбить хрупкие емкости.

Напоследок я окинула взглядом место преступной деятельности, проверяя, чтобы предметы находились на своих местах и выглядели нетронутыми. Убыль ингредиентов из бутылей и банок казалась внешне незаметной.

Маневры по возвращению в комнату с камнеедами окаймленными повторились с зеркальной точностью, разве что перед тем, как покинуть лабораторию Ромашки, я натянула рукав свитера на ладонь и стерла возможные отпечатки пальцев в тех местах, которых, как помнилось, касались мои руки. Сделав два оборота, ключ занял место в тайнике за поддоном с горшочками-наседами, а система климат-контроля в нишах опять перешла в автоматический режим. И снова в ход пошел рукав свитера, уничтоживший отпечатки пальцев. Эх, не мешало бы проветрить оба помещения, но слишком опасно.

Покуда под рукавом свитера исчезали последние улики, растения в горшочках взирали на меня сферическими половинками и, возможно, о чем-то думали, обмениваясь

информацией.

"Принесу вам горсть самых вкусных камешков, только, пожалуйста, не говорите никому!" — послала я мысленный призыв малышаткам, нежащимся под скудным зеленоватым светом. Кто знает, вдруг у камнеедов обнаружится функция запоминания, и они расскажут хозяину о взломщике?

За спиной с тихим щелчком закрылся электронный замок, и преступная особа Папена двинулась в обратный путь к чердаку, держа в кармане свитера теплый и потяжелевший флакончик с мазью.

Я все сумею, все смогу! — напевала про себя залихватскую разбойничью песенку. Теперь меня не пугала возможная встреча со сторожем. Подумаешь, дряхлый дедушка. Завижу его издалека, отступлю в тень и затихну, а добрый старичок прошаркает мимо и сослепу не разглядит чужака на вверенной территории.

В общем, сама не заметила, как чувство страха притупилось.

Спустившись этажом ниже и пройдя метров двести, я вдруг вспомнила, что раньше срезала по переходу большой угол, и, минуя холл, выходила к столовой. А от общепита недалече до чердака.

Так и поступлю. Зачем будить спящую собаку, мозоля глаза Монтеморту?

Резво двинувшись по намеченному пути, я свернула влево, затем вправо, вниз по лестнице на два пролета и... снова по коридору. Странно, раньше его здесь не было. А следом — новый переход с окнами по обе стороны, хотя в этом крыле все коридоры и переходы прежде были глухими.

Вернусь-ка обратно и хорошенько обдумаю правильный путь. Куда мне спешить? Вся ночь впереди, — успокоила себя шуточкой и нервно усмехнулась.

Переход, коридор, поворот влево, поворот вправо, опять коридор, снова переход... Где же лестница?

Нету лестницы. Совсем.

А я заблудилась.

Что выбрать: двинуться налево или направо? Или остаться на месте, пока я не заблудилась окончательно и бесповоротно? Дождусь, когда появится сторож с обходом, вынырну из тени и спрошу наилюбезнейшим тоном: "Не подскажете, как добраться до первого этажа, а лучше — до чердака?" Для усиления эффекта перейду на замогильный голос, чтобы получить заикающийся предынфарктный ответ старичка.

Или другой вариант: не томиться в ожидании мимо проходящих сторожей и прочей институтской живности, а начать кричать: "Ау-у!! Есть кто-нибудь живой?" Кому надо, тот ответит.

Нет, стоять посреди перехода и ничего не делать — по меньшей мере, неразумно. Нужно двигаться. В движении жизнь. Никакой паники, всё под контролем.

Пойду сперва в правую сторону. Где-то я читала, что если идти постоянно вправо, то обязательно отыщется выход из любого запутанного лабиринта.

Конец перехода, направо по коридору, опять по правому переходу, снова поворот направо... Тупик! Что за недоучка-архитектор проектировал учебное здание? Приложить бы гениального творца лбом об стену, что не к месту перегораживает путь.

Тогда поступим наоборот. Пойдем по принципу "только налево" и нисколько не будем паниковать.

Двигаться налево вышло удачнее: никаких тупиков и иных неожиданных преград, но вскоре коридор с одинокой лампочкой над окном начал казаться очень уж знакомым. По-моему, я ходила по кругу.

Чередование "лева" и "права" вывело мои ноги к лестничному пролету. Ура! Все лестницы ведут в холл! Я обрадованно кинулась вниз, не обращая внимания на подмерзающие на бетонных ступеньках ноги.

Нижний пролет лестницы вывел в глухой коридор с редкими дверями и ответвлениями переходов и туннелей.

За что же такая невезуха? — скривились губы, приготовившись заплакать. Я-то думала, судьба отнеслась ко мне благосклонно, и удача перешла на мою сторону на сегодняшний вечер. А оказалось, они устроили западню. Поначалу усыпили бдительность, а затем наотмашь вдарили, отрезвив. Дескать, зарвалась девочка с жадной рискованных приключений. Мы сторожа уложили спать — а ей мало. Мы охранки на дверях сняли — а ей не имеется. Мы звуки приглушили — а ей хоть кол на голове теши. Значит, надо дать по шеяке для профилактики. Так сказать, устроить шоковую терапию для тех, кто не оценил своего счастья.

Свернув в ближайший переход, я вывернула в коридор, имевший заметный уклон вниз.

Вот теперь можно паниковать. Ма-а-ма-а-а-а!

Неужели я под землей? Почему? Ведь предупреждающих знаков и табличек по пути не встретилось, хотя Стопятнадцатый говорил, что после ЧП с Касторским и друзьями спуски в подвалы закроют крепко-накрепко и снабдят соответствующими надписями: "Не спускайся — сожрут!"

А пусть бы и подвал. Заодно повидеюсь с Нектой. Мы с ним еще не все вопросы обсудили. И ведь не нарушу обещание, данное профессору, потому как ноги неспециально привели меня неизвестно куда, то бишь в катакомбы. "Прошу прощения, что без

приглашения. Нельзя ли остановиться в вашей гостинице на ночь?" И захлебнись на радостях темнотой спящего подземелья.

Тишина сводила с ума, закручивая мысли в крутые спирали.

Институт, который вовсе не институт. Какое-то заколдованное царство. Уверена, если пройду по этим коридорам при дневном свете, то громко посмеюсь над собой. Небось выяснится, что за углом выход в холл, или неподалеку проходит полуторный административный этаж.

Интересно, есть ли в здании второй с четвертью этаж или четвертый с тремя десятками? С ума сойти от засилья дробной этажности.

Прислонившись к стене, я поджала пристывшую ногу и вслушивалась в звенящую тишину. Рановато нам терять рассудок. И мозгов недостаточно, чтобы зарабатывать сумасшествие.

Как выход — переждать где-нибудь ночь. А ночь — это... (посмотрела я на часы)... почти девять часов, лежа в коридоре, свернувшись калачиком, или за одной из дверей по обе стороны коридора. Что за ними? Аудитории, лаборатории, тестовые, спортивные раздевалки... Не факт, что помещения не заперты, а проверять опасно — вдруг сработает охранка или активируются капканные заклинания, которые я не вижу.

Поменяв ногу, я поджала другую ступню. И как прикажете выбираться из путаницы узких туннелей? Вдруг здесь никто не появляется неделями или месяцами? За это время от меня останется обглоданный скелет.

Лю-ю-юди! Еще чуть-чуть, и я с радостным визгом повисну на шее прогуливающегося сторожа. Или на Монтеморте. Спускают ли на ночь псину с цепи? А что, неплохое дополнение к охране — бегают и жрет всё, что попадает на глаза.

Меня передернуло от перспективы встречи с зубастым стражем. Опять воображение не к месту разгулялось. Только паники сейчас не хватало. Рассуждая здраво, чрезмерно упитанная фигура Моньки указывает на то, что он не усердствует с беготней по запутанным этажам здания.

Я опять поменяла ногу, поджав под себя, как птичка.

Решено. Дойду до первого же поворота и буду искать для бивака уголок потемнее и потеплее.

Пройдя метров тридцать и вывернув из коридора, я едва не натолкнулась на... двух мужчин в белых халатах, выходящих из двери. Тело отреагировало моментально, шмыгнув обратно и прижавшись к стене. Сердце забухало молотом. Заметили меня или нет?

Вот так номер! Время идет к полуночи, а кому-то не спится, как и мне. Наверное, это ученые, которые проводили важный эксперимент, потребовавший непрерывного многочасового наблюдения.

Мужчины переговаривались, голоса приближались. Коллеги по опытам шли в мою сторону!

Сдирая спиной краску, я заскользила вдоль стены. Забилась в первый попавшийся угол, где полумрак, и забыла, как дышать. В висках стучало, словно кувалдой.

Ученые показали из-за угла и остановились на перекрестке коридоров: один мужчина повернулся спиной ко мне, закрывая второго — повыше и покрупнее. Они не спешили разбежаться по домам, решив продолжить разговор там, где затормозили.

Неужели в лаборатории не начесались языками? — вспыхнула я раздражением и начала

мысленно подталкивать товарищей в белых халатах. "Вам давно пора домой, к женам, детям и собакам, а я прокрадусь следом и выберусь из треклятого лабиринта" — внушала человеку, стоящему спиной ко мне.

Наверное, я как-то не так внушала, потому что мужчина уходить не собирался, а отодвинулся, открывая моему взору лицо коллеги. Приглушенного света хватило, чтобы по бородке и громоздкой конституции узнать Генриха Генриховича Стопятнадцатого собственной персоной. В это время ученый, стоявший спиной, сместил вес тела на другую ногу, и меня посетило озарение, что ночной спутник декана — никто иной как глубокоуважаемый профессор Альрик Вулфу.

Ну и встреча! Они-то что забыли в институте глухой ночной порой?

Первым желанием было кинуться к декану и профессору с воплями облегчения. Повезло, что ни говори! — возблагодарила я судьбу, хотя она здорово проучила меня за легкомыслие.

Но спустя секунду пришлось отказаться от первоначального порыва. Шутки шутками, а когда пройдет удивление от моего фееричного появления, я не смогу привести внятную причину ночного пребывания в институте и буду врать напрапалую. Конечно же, мужчины почуют неправду, ведь Альрик умудряется видеть мою лживую натуру насквозь. Мне не поверят и не спустят на тормозах очевидное нарушение студенческого кодекса. Я лишусь доверия Стопятнадцатого, а ведь впереди маячит экзамен с нулевой степенью готовности к нему.

И все-таки фантастика — декан и Альрик в пяти шагах от меня. Застыв соляным столбом, я боялась пошевелиться, чтобы не выдать свое присутствие малейшим движением. Эх, надо было намазать лицо углем или сажей, — вспомнила о маскировочном шпионском трюке. Наверняка моя физиономия горит издали семафором.

Зря нервничала. Мужчины не собирались тратить время на осматривание темных углов.

— Осточертело, — сказал зло профессор. — Отказываюсь. Сюда я больше я не ходок.

— Твои слова сгоряча, — в мягкой деликатной манере ответил Стопятнадцатый. — Уверен, ты скоро остынешь и признаешь, что у нас нет выбора.

— Выбор есть всегда! — воскликнул Альрик. По сжатым кулакам в карманах халата и раздраженному перемиранию с больной ноги на здоровую было заметно, что он сердится. — Я дам подписку о неразглашении, обет, клятву! В конце концов, приму самое тяжелое зелье забвения!.. Что еще?... Обвешусь усилителями забывчивости! Но к скальпелю не притронусь.

При упоминании об острорежущем инструменте я обратилась в слух, забыв, что притворяюсь стеной.

— Нет, Альрик, — пробасил декан, — ты прекрасно знаешь, что вернешься сюда. Тебе не позволит совесть. И сострадание.

— Сострадание? — изумился собеседник и, мне показалось, криво усмехнулся. — Звучит как издевательство. В сложившейся ситуации данный термин неуместен.

— Могло обернуться гораздо хуже. Нам невероятно повезло, что Первый департамент уступил, разрешив привязку в стенах института, — внушал Стопятнадцатый. — И подумай о них. В иных условиях их попросту изувечили бы, потому что не знают ни жалости, ни меры. А у нас лаборатории с новейшим медицинским оборудованием. Стерильность, анестезия, длительный реабилитационный период...

— Говорите так, будто здесь курорт, — процедил профессор. Вынул что-то из кармана и сунул в рот. Когда он повернулся в профиль, я разглядела какую-то палочку. Сигарета!

Раньше от Альрика не пахло никотином.

Декан был солидарен со мной.

— Ты же не куришь, — напомнил, пока профессор судорожно чиркал зажигалкой. Та отказывалась работать, и мужчина бросил сигарету на пол, выругавшись под нос.

Чувствовалось, что он взвинчен донельзя. Помня о редкостной невозмутимости и хладнокровии Альрика, я в изумлении взирала на него из своего убежища.

— У тебя переутомление, — продолжил декан тоном заботливого врача. — Я тысячу раз говорил и еще раз повторю: как бы ты не предавался самобичеванию, мы поступили единственно правильно. И гуманно.

— Привесьте мне крылья и поставьте на аллее в теплой компании, — ответил с сарказмом Альрик. — Скорее, мы сгорим в аду за извращенную трактовку общечеловеческих ценностей. А ведь есть выход, Генрих Генрихович. Остановить, сломать гидру!

— Не нам с тобой решать...

— Я давно думаю над этим вопросом, — будто не слыша, продолжил профессор. — Набросал кое-что. В целом, несложно и без последствий: для института и для города. Для страны.

— В нашу сторону давно косятся. По министерству циркулируют слухи о неблагонадежности. Не стоит усугублять подозрения.

— Придумаем подходящее алиби. Спишем на естественный физический износ или на природные аномалии, — сказал собеседник и цинично усмехнулся: — Ведь их немало под фундаментом института, не так ли?

Стопятнадцатый покачал головой.

— Не сейчас, Альрик, не сейчас. Возможно, позже. Мне нужно подумать. Знаешь, что ректор поселился в министерстве? Старается ради нас, закрывает прорехи на подштанниках.

— Или подыскивает теплое местечко?

— Опять вылезла твоя мнительность, — ответил декан с укоризной.

— Разумная предосторожность. Пойдем, — профессор махнул рукой, и мужчины двинулись по коридору.

О, слава вам, высшие силы! Увлечшись разговором, собеседники не заметили меня, размазанную по стене. Однако, сегодня у Альрика отвратительное настроение. Попадешь ему случайно под руку — придушит и не заметит.

Голоса удалялись, и я, опомнившись, двинулась следом. Даже если меня застукают и схватят, пусть это сделают Стопятнадцатый или профессор.

Осторожно заглянув за угол, я заметила, как мужчины повернули налево, и припустила за ними. Притормозив перед поворотом, опять высунула нос и увидела, как белый халат мелькнул вправо. Так и перемещалась короткими перебежками, торопясь за деканом и профессором, и, увлекшись погоней, успела запомнить, куда мне требовалось попасть.

Станный вышел разговор, — задумалась я, крадясь вдоль стены. О чем или о ком увлеченно спорили мужчины? Вернее, спорил Альрик, а декан невозмутимо осаживал эмоциональные всплески молодого коллеги. Жаль, нет возможности подслушать продолжение разговора — беседующие удалились на приличное расстояние.

Выглянув из-за угла, я чуть не ткнулась в спину Альрика. Метнулась обратно и слилась со стеной, вжавшись. Не заметь, не увидь, не услышь! — умоляла, зажмурившись.

— Что случилось? — прогудел Стопятнадцатый. Близко спросил, почти над ухом.

Профессор ответил с опозданием. Наверное, отсеивал от ночной тишины чье-то частое

от бега дыхание.

— Ничего. Показалось. Пройдем ко мне?

— С удовольствием, — согласился Генрих Генрихович, и мужчины двинулись дальше.

А я, облившись потом от перенапряжения, съехала по стене на корточки. Вообще-то уже первый час ночи, чтобы предаваться удовольствиям.

Оглядевшись, я поняла, что вышла к лестнице, ведущей в закрытую лабораторию Альрика. Есть счастье на белом свете! Отсюда к чердаку есть короткая дорога, и моя зрительная память сейчас будет отдуваться как миленькая.

Домчавшись до люка, я забралась наверх. Натянула оставленные на чердаке вещички. За время отсутствия одежда промерзла, но меня так перетрясло в лабиринтах этажей, что холод не ощущался. Флакончик с мазью занял место на тумбовом столе. Жаль, без сопроводительной записки, но, надеюсь, А. не дурак и поймет, как распорядиться снадобьем. На всякий случай завтра продублирую ночную посылку посланием.

Взяв сапоги под мышку, я спустилась с чердака и направилась к тупиковой лестнице в северном коридоре. Теоретически данный путь был давно проложен пером на схемах, предоставленных деканом, пока их не порвал друг Касторского. Практически требовалось восстановить из закоулков памяти обрывочные кусочки карты и постараться снова не заблудиться.

Наверное, местный домовый утопал спать, уморившись кружить меня по путанице переходов и коридоров, потому что после недолгих хождений ноги привели прямоком на второй этаж к нужной двери с перекладиной, где я и обулась.

Попробовала пошевелить узкий брус, и он с легкостью приподнялся в пазах и вернулся на место. Эхо стука разнеслось по лестнице, наверное, от холла и до крыши, заставив меня замереть. Вообще, этой уголовной ночью я только и делала, что без конца затаивалась и прислушивалась, напрягая барабанные перепонки. Скоро уши превратятся в подвижные локаторы как у марсианина.

Пришлось повозиться, прежде чем перекошенная перекладина одним концом опустилась вниз, а вторым — приподнялась над пазом. Дверная створка, на удивление, не закрипела, будучи отворенной, и лицо ударил ледяной шквал, хотя трескучие морозы недавно отступили. Видимо, из-за ночных походов мой организм разгорячился как после бани.

Я не стала открывать дверь широко, потому что поднятый брус держался на соплях. Не ровен час, загремит по ступеням до холла, прямоком в лапы к Монтеморту, и докатится до сторожа, трущего заспанные глаза.

Протиснулась в узкую щель, и сапоги загрохотали по крохотной металлической площадке. Да что же сегодня за ночь? Усиливает звуки так, словно вопят мощные динамики.

Опять притаившись, я выждала, нет ли погони. Осталась не менее важная заключительная часть — заметание следов. Просунув руку в щель между створками, на ощупь поддавила брус, уповая на удачу. Перекладина неустойчиво зашаталась, приготовившись вывалиться из пазов. Но мне требовалось, чтобы она опустилась шлагбаумом на законное место.

Закусив губу, я сомкнула обе створки и слегка дернула дверь. Ни ответа, ни привета. Пришлось дернуть посильнее, и сердце в который раз за сегодняшнюю ночь остановилось в тревожном ожидании. А затем раздался громкий бах, и дверь всколыхнулась.

Разве что мертвеца, объединенного Нектой сто лет назад и закопанного в дальнем углу подземелья, не разбудил упавший брус. А упал он аккуратно в пазы, вернувшись в первоначальное нетронутое положение, ибо дверь оказалась плотно запертой.

Ура! Избавление! Свобода!

Спасибо вам, высшие силы! — обратилась я к небесам и, натянув варежки, спешно спустилась по ступеням. Лестница кончалась метрах в двух от снежного покрова или выше, но непредвиденное осложнение показалось левой мелочью.

Меня охватило радостное пьянящее возбуждение. Тело рухнуло гирей в сугроб, наметенный непогодой и трудолюбивыми расчищателями дорожек. Отряхнувшись, я сообразила, что на снегу останутся отпечатки сапог в качестве прямых улик, поэтому пришлось топтаться по насту правее и левее места падения.

Когда я, уморившись, остановилась передохнуть и оценить поле проделанной работы, складывалось впечатление, что под окнами института повалялось стадо слонов. Неплохо. Главное, чтобы подозрение упало не на меня.

Стоящее дело завершилось, миссия выполнена — в голове гуляла пустота.

Отряхнувшись, я поплелась до общежития, и с каждым шагом конечности наливались свинцовой тяжестью, точно на меня взвалили задачу по разгрузке ста вагонов с галькой для камнеедов окаймленных. Поднять голову к ночному небу и поискать звезды не достало сил — шея одеревенела, не желая поворачиваться.

Комендантша совсем распоясалась, — подумала я недовольно, вползши в общежитие и оббив кое-как снег с сапог. На дворе темень и глухомань, а двери настежь, и никто не охраняет покой студентов. Но с другой стороны, тогда я не попала бы домой, — размышляла флегматично, собирая шаркающими ногами полиэтилен и газеты. Нет, все равно бы попала, — заключила, ковыряясь ключом в замке. Как сказал Альрик: "Выход есть всегда".

Ввалившись в тепло и уют родной норки, я успела стянуть куртку и шапку, прежде чем завалилась на кровать и уснула беспробудным сном.

— Я устал, — заявил Альрик и сделал большой глоток обжигающего кофе. — Мне снятся лица этих детей.

Стопятнадцатый и профессор расположились в креслах в комнате отдыха и вели неспешный разговор двух людей, привыкших беседовать далеко за полночь.

— У тебя исключительная твердость руки и идеальные привязки к горну, — похвалил декан. — Мальчишки не испытывают и сотой доли страданий, нежели в Первом департаменте. Ты же знаешь, там не церемонятся. Мясники, — вздохнул тяжело.

— Мне повесить медаль на грудь? — усмехнулся профессор. — Нужно решать. Мое терпение на исходе. Собственно, оно истончилось на первой же привязке.

— Что придумать, кроме саботажа? Мы не можем сопротивляться открыто. За себя я не боюсь, но репрессии заденут семьи, и регалии не спасут. К тому же свято место пусто не бывает. Уберут нас и поставят других, готовых расшибить лбы от исполнительности. Например, Ромашевичевского.

— Ромашка... — пробормотал Вулфу, усмехнувшись.

— Что? — не расслышал собеседник.

— Не обращайтесь внимания. Предупреждаю честно, Генрих Генрихович, не с вами, так в одиночку, но я закончу разработки, и когда-нибудь проклятая труба замолчит. Навсегда.

— Не горячись. Это не твоя война, Альрик.

— Чья же?

— Их. И они проиграли её сорок семь лет назад.

— А-а, вы тоже считаете? — если профессор хотел уесть собеседника, то у него не получилось.

— Да, — признал Стопятнадцатый. — Каждый год первого января прибавляю по единице.

— Значит, вы развели их и себя по разные стороны баррикад?

— Я этого не говорил, — возразил декан, задев чашкой с чаем по блюдцу. — А ты? Твоя семья тоже не участвовала в мятеже.

— Потому что вынужденно уехала на восток.

— Однако Вулфу присягнули на верность новому правительству.

— Да, черт побери! — ударил Альрик кулаком по столу, отчего крышка кофейника подпрыгнула, звякнув. — До сих пор не могу простить деда. За меня сделали выбор задолго до моего рождения. Поверьте, своего согласия я никогда не дал бы.

— Не знай тебя, подумал бы, что твои слова — гольный пафос. Решение старейшины клана не оспаривается.

— Что вам известно о западном побережье? — сменил тему профессор.

— В рамках общеобразовательной программы. Леса, болота, реки, мошкара, повышенная влажность...

— И суровый климат, — дополнил Вулфу.

— Особо не интересовался, потому что не было нужды, — пояснил суховато декан. Нападки собеседника заделали его за живое.

— И меня мало заботила жизнь на краю света, пока однажды мне не рассказали историю. В ней нет выдумки и вранья, потому что очевидцем являлся мой отец. Будучи гражданским летчиком, он участвовал в секретной компании незадолго до повальной висоризации. Его эскадрилью с завидной срочностью перебросили из одного конца страны в другой, чтобы — можете представить? — стоять в оцеплении.

Слова текли медленно, точно Альрик, вспоминая, профильтровывал через себя давние события, при которых не присутствовал, но о которых узнал от близкого человека.

— Дело происходило летом. Жара, плюс тридцать четыре в тени и пеший перегон — шесть километров по грунтовке до железной дороги. Вдоль пути тройное оцепление — первачи, военные, собаки. Скажите, зачем было унижать людей?

Стопятнадцатый пожал плечами. Что тут скажешь? Без упоминаний имен, дат и мест, он сразу сообразил, о чем речь.

— Но унижение состояло далеко не в этом, — тон Альрика стал резким. — Ссылных предупредили: они могут забрать только то, что донесут на себе до эшелона. Остальное останется на дороге. Знаете, что на западном побережье температура зимой опускается до минус тридцати и ниже? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Все — мужчины, женщины, старики, дети — шли в теплых шапках, сапогах, валенках, шубах, куртках, тулупах. И несли грудных детей, завернутых в одеяла. Разве не дикость в середине июля?

Декан смущенно крикнул.

— Младенцев тоже переселяли?

— Да. Высылке подлежали все здравствующие поколения семей каждого из повстанцев — от мала до велика. Ссылным запретили брать лекарства, поэтому мужчины несли соль.

Обыкновенную поваренную соль в мешках в качестве антисептика. На своих руках и спинах переселенцы умудрились донести до эшелона продукты, инструменты, хозяйскую утварь, бытовые мелочи... Даже о прялках не забыли.

— Надо же... — пробасил Стопятнадцатый и, отставив чашку, смущенно огладил бороду. — В таких подробностях... У вашего батюшки прекрасная память.

— Это семейное. Собственно, об участии отца в операции мне поведала мать. А он рассказал ей незадолго до смерти.

— Разве ваш батюшка не давал клятв и обещаний о молчании?

— Как ни странно, нет. Целью победителей имелось показать, напугать и приструнить, чтобы устрашало и передавалось из уст в уста. Отца впечатлило. Участникам оцепления запретили вмешиваться, велели лишь вовремя удалять с перегона вещи, которые теряли обессиленные люди. Один старик не выдержал на жаре и упал с сердечным приступом посреди дороги. Он нес чемоданчик со скорняжным и портновским инструментом, который тут же забрали первачи. Девушка, шедшая со стариком, плакала, стоя, над телом, пока не затерялась среди ссыльных. Старик так и остался лежать на дороге — в теплых рукавицах, меховой шапке и унтах.

— Значит, если бы упал человек...? — с легкой запинкой спросил Стопятнадцатый, не закончив вопрос.

— Они и падали. Запинались, спотыкались — и падали, — пояснил собеседник. — Около тридцати человек на более чем шесть тысяч ссыльных. Их оттаскивали в грузовик — живых и умерших. Какова их дальнейшая судьба, отец так и не узнал.

Декану не удалось сдержать судорожного вдоха.

— У женщины, несшей грудного ребенка, приключился тепловой удар. Рядом идущие поддержали её ценой скинутых на землю припасов. Зато они не дали упасть ребенку, — усмехнулся криво Альрик. — Кто знает, вдруг младенец умер в первую же зиму от переохлаждения или недоедания? Может, стоило бросить его и не жертвовать двумя мешками крупы и муки ради лишнего бесполезного рта?

— Ты говоришь страшные вещи, — покачал головой декан. — Даже звери милосерднее людей.

— Напрасно идеализируете животный мир, Генрих Генрихович. В голодные годы некоторые виды оставляют своих детенышей умирать, потому что не могут прокормить потомство.

— Тебе виднее, — согласился хмуро собеседник.

— Каким бы унижениям не подвергали побежденных, они остались людьми с большой буквы. Потому что чище и сострадательнее нас с вами. Возможно, даже чересчур. Если победители рассчитывали поставить их на колени, то это не удалось — ни тогда, ни сейчас, — заключил отрывисто профессор. — Ни один из мальчишек не пикнул и не пожаловался, а ведь вы представляете, какво носить привязку.

— Понятия не имею, — пробасил Стопятнадцатый и потер лоб. — Но уверен, что больно.

— Те, кто попал на западное побережье и сумел выжить, были, есть и будут сильнее нас. Я подразумеваю не физическую силу или иные особенные умения, а имею в виду общность, единение людей, родственных по духу и по крови. Это видно в глазах их детей. Они ведут себя как щенки из одного помета. Крепко держатся друг за друга, — улыбнулся Альрик.

— Получается, ссыльных вывозили на целину?

— Целины там от силы процентов десять — пятнадцать. Остальное, как вы правильно заметили, леса и болота. Необжитый край — ни жилья, ни инфраструктуры.

— Раньше ты не поднимал эту тему, — спросил декан. — Почему сегодня?

— Не знаю. Захотелось поделиться, — пожал плечами профессор и внезапно поднялся: — Вы слышали?

— Нет, — встрепенулся Стопятнадцатый. Мрачность рассказа придавила его.

Тяжело прихрамывая, Альрик вышел из комнаты отдыха. Хлопнула дверь лаборатории, и потянуло легким сквозняком.

Вернувшись через несколько минут, мужчина только и сказал:

— Показалось.

Декан тоже поднялся.

— Пожалуй, не поеду домой. Переночую в деканате. Хотя вряд ли удастся заснуть. А вы?

— Останусь здесь, — ответил коротко Альрик.

Стопятнадцатый молча кивнул и вышел.

Им было нечего сказать друг другу.

Вглядываясь в темноту за окном, профессор вспоминал тягостный полуночный разговор, а также и причину неожиданных откровений, находящуюся тремя этажами ниже, в изолированной лаборатории с грифом секретности "СОС"^[39] и узкоограниченным доступом.

Сегодня как никогда мужчина почувствовал, что тиски города душат его.

Альрик умолчал о том, что среди первачей, активно участвовавших в оцеплении, оказался Георгий Мелёшин — двоюродный дед студента Егора Мелёшина, ставший впоследствии главным комендантом западного побережья.

Также он не счел нужным сообщать декану, что мать почему-то поделилась воспоминаниями отца именно с ним, Альриком, тогда еще выпускником института, не став посвящать остальных детей в события минувших дней. Наверное, потому что твердо уверилась своим нечеловеческим чутьем, что именно он исправит когда-нибудь ошибку деда, совершенную более сорока лет назад, и очистит фамилию Вулфу от налипшей грязи избранного висоратства.

Кто это смотрит на меня из зеркала, щуря спросонья глаза? Это же я, продрыхшая сном покойника до позднего утра и с трудом разлепившая ресницы.

После сладких потягиваний и зевков народился первый вопрос: "Почему не разобрана постель?" А следом возник и второй: "Откуда на мне сапоги и два свитера, причем верхний надет задом наперед?"

Вопросы сдуло, и начали всплывать — неспешно, как медузы к поверхности моря — подробности экспромтного преступления. Того самого, которое удалось. Которое не планировалось тщательно и не разрабатывалось поэтапно, но закончилось результативно, несмотря на очевидный прокол с плутанием. Виват мне, неуловимой преступнице!

Утренний душ взбодрил, подняв настроение. Приводя тело и дух в порядок, я обнаружила на пальце "колечко", проявившееся бледным рисунком звеньев-волосинок. Значит, подарок Некты чутко впитал и отразил ночные страхи о том, что меня схватят, и что безвозвратно сгину в коридорных лабиринтах.

Идти или не идти к Альрику? Покажу разукрашенный палец, и мужчина начнет допытываться, выясняя причину вылезшего "колечка", или затеет новый виток обследований.

К чему усложнять позитивно стартовавший день? Дома у профессора ниточки звеньев тоже проявились, а потом благополучно исчезли, когда я успокоилась. Вот и сейчас повод для волнений исчерпан, и Нектин сувенир исчезнет к обеду без посторонней помощи.

В конце концов, я махнула рукой. Не пойду к Альрику.

Сборы в институт сопровождались незатейливым мотивчиком, намурлыкиваемым под нос. Вырезка из журнала заняла место под подушкой, щедро взбитой и поставленной треугольным парусом. Расправив складки на покрывале, я полюбовалась делом рук своих.

С утра мысли о Мэле отступили на второй план, их отодвинули свежие впечатления о ночной аванюре. Правильно говорят, клин клином вышибают: чтобы не думать об одном, нужно загрузить мозг чем-нибудь другим.

Всё-таки ловко я придумала — использовать смежную дверь между лабораториями. Оказалось, совсем нетрудно обратить себе во благо полезную информацию, полученную от лаборанта.

Заподозрил ли Ромашка взлом? Если заподозрил — а нюх у препода двухсотпроцентный, — то ему не составит труда понять, откуда ветер дует, то есть каким манером вор пробрался в лабораторию. Не долго думая, Ромашевичевский схватит соседа за грудки и начнет трясти, требуя сказать правду, или, чего доброго, обвинит в краже. Бедняга Матусевич! Наивный и доверчивый человек, открывшийся мне. Когда покровитель камнеедов сопоставит очевидные факты, то вспомнит, что не далее как вчера в плодотворной беседе выложил свои секреты некоей студентке-третьекурснице. Это означает, что скоро на моих запястьях сомкнутся наручники. Или в кандалы закуют лаборанта, оправдания которого Ромашка назло не станет выслушивать и с радостью избавится от него как от чирья на попе. Или, не долго думая, арестуют нас обоих — меня и разговорчивого Матусевича.

Поганка мелкая! — выругалась и заходила туда-сюда по комнатушке. Я легкомысленно подставилась сама и подставила чудесного душевного товарища, пусть и слегка со странностями. Теперь лаборант, прижатый бывшим научным руководителем к стене,

потеряет веру в людей, потрясенный моим подлым предательством.

Нет-нет-нет, в случившемся лишь моя вина! Пока не поздно, нужно исправить ошибку. Признаюсь, и будь что будет. Если Матусевичу вменяют пособничество во взломе, я и моя совесть станем злейшими врагами. Одно дело, если криминальное похождение преследует возвышенные благородные цели, и совсем другая песня, если при их достижении пострадает невинный человек.

Нервничая, я запуталась в штанинах и чертыхнулась. Так дело не пойдет, — присела на краешек кровати, приказав себе успокоиться. Трусить нельзя. В преступлении века нужно сознаваться с королевским достоинством, если, конечно, до шокирующих признаний дойдет дело. Вдруг фантазия разбушевалась, а на самом деле Ромашевичевский не заметил ничего подозрительного? Слушает очередную симфонию на кафедре, покачивая ногой в такт ударным, и в ус не дует.

Спеша в институт, я притормозила возле утоптанного снежного поля и огляделась по сторонам. Мимо в обоих направлениях курсировали группки студентов, и никто не кричал возбужденно, показывая пальцем: "Смотрите! Ночью кто-то выбрался из института во-он по той лестнице!"

Мимо проходящим было наплевать. Они торопились на зачеты и консультации, не подозревая, что девушка, застопорившаяся на дорожке и озирающаяся по сторонам, на самом деле опасная уголовница.

Перед тем, как открыть парадную дверь, я осмотрелась. Прощайте, колонны, прощайте, крылатые хранители альма-матер, прощайте, ступеньки с отбитыми углами! Возможно, мы видимся в последний раз.

Под институтским козырьком покачивалась новая иллюзия, разительно отличающаяся от однотонной заснеженной картинке. Архитрав поглотила широкая радуга, увитая толстыми гирляндами цветов, лениво сыпавших лепестками. Красочный иллюзорный дождик рассеивался, не долетая до зрителя, зато доносил до обоняния слабый запах летней грозы и скошенных трав.

Красиво и оптимистично. И почему я раньше не замечала? Наверное, потому что была занята — решала мировые проблемы.

Зайдя в холл, я подозрительно посмотрела на Монтеморта, а он — на меня. С меньшим подозрением псына зыркнула на ввалившихся следом парней, а потом переключила внимание на шумный зал. Похоже, Монька с утра подозревал всех и вся, забивших первый этаж института.

Оглядываясь по сторонам, я направилась к лаборатории Ромашевичевского. Сделаю так: пройду мимо с простейшим выражением лица и одновременно настрою слух и зрение на подслушивание и подглядывание. Если опасения насчет карьерной гибели Матусевича подтвердятся, не буду медлить с признанием.

Хоть и трудно, но нужно, — сглотнув, я дернула дверную ручку помещения с камнеедами. Заперто. Значит, выяснение подробностей взлома сместилось в плоскость смежной лаборатории, что и подтверждали громкие голоса, доносившиеся из двери, открытой по соседству.

Наихудшие опасения подтвердились. Ромашка унюхал противоправное действие.

На ватных ногах я доползла до двери и осторожно заглянула.

В помещении шла рутинная лабораторная работа у четверокурсников, а неподалеку от

выхода проректриса и Ромашевичевский общались на повышенных тонах. Наверное, обсуждали подробности ночного вторжения.

Евстигнева Ромельевна выглядела элегантно и с намеком на кокетливость, как и подобает даме, занимающей ответственный пост. Собранные в пышный пучок волосы акцентировали внимание на величественном профиле Царицы, а властный голос вызывал желание немедленно бухнуться на пол и целовать ноги проректрисы аки жалкий смерд.

— Подайте жалобу по форме, — долетел обрывок фразы, с коей Евстигнева Ромельевна обратилась к преподу. — Пока я не вижу причин для привлечения специалистов по элементарной висорике.

Ой, плохи дела! Если Ромашка докажет необходимость присутствия ясновидца, тот прищурится как следует, прислушается и распишет в подробностях ночные перемещения среди кубов.

Куда подевался Матусевич? В моем представлении ему отводилась роль одного из главных действующих лиц разоблачительной пьесы. По всем признакам лабораторка началась давно, и удивительно, что Ромашевичевский забил тревогу с большим опозданием.

Препод незамедлительно объяснил проректрисе и тем, кто прятался за дверью:

— В ясновидении не будет пользы. Лаборанты курируют занятия с утра, и следы успели затоптать, прежде чем я вернулся с кафедры.

— Максимилиан Эммануилович, с какой стати уверенность во взломе? Сигнализация срабатывала?

— Нет, но...

— Охранные заклинания активировались?

— Нет, но...

— Я не могу начать внутреннее расследование на основании вашего... тонкого чутья.

Тонкий, едва различимый флер иронии в словах проректрисы уловил бы не каждый, но Ромашевичевский заметил и возмущенно засопел.

— Неизвестные украли часть ингредиентов!

— Что-нибудь пропало? — продолжала расспрашивать Царица.

— Нет, но я чувствую, что их объем уменьшился.

— Вы сверялись с журналами учета?

— По записям невозможно установить с точностью до грамма количество того или иного ингредиента на текущую дату. Лишь приблизительно. Но снятие остатков в конце месяца покажет! — пригрозил Ромашка.

— Прекрасно. Заодно проверим ваши излишки и недостатки.

Наступило молчание, прерываемое тихим звяканьем стекла и еле слышным жужжанием — четверокурсники активно готовили снадобья.

Я снова высунулась из-за двери.

Препод беззвучно открывал и закрывал рот, не в силах вымолвить ни слова. Наверное, оскорбился тем, что Евстигнева Ромельевна косвенно обвинила его — честнейшего из доцентов! — в махинациях с учетом ингредиентов и в попытке возвести поклеп.

— Требую немедленной инвентаризации! — возопил Ромашевичевский, обретя дар речи.

"Требую немедленной сатисфакции!" — покривлялась я, передразнивая.

— Для проведения инвентаризации потребуется закрыть лабораторию до следующей недели, — отрезала проректриса. — Во время сессии такое невозможно. Вот закончатся

экзамены — и пожалуйста.

— Это он! — воскликнул препод и указал на смежную дверь. — Больше некому. Ключ у него!

Мое сердце забилось часто-часто, собираясь выпрыгнуть из груди. Ромашка догадался! Не зря он доработался до должности доцента. Сейчас Царица прикажет позвать лаборанта под пресветлые монаршьи очи, и понесется карусель дознания.

Но Евстигнева Ромельевна не спешила бить в ладоши, чтобы привели холопа.

— Напрасно возводите поклеп, Максимилиан Эммануилович, — ответила с легкой досадой. — Матусевич улетел вчера в северный ВУЗ за отзывом на свою диссертацию и вернется к окончанию выходных.

Матусевич улетел?! Я не ослышалась?

Очевидно, алиби лаборанта не подвергалось сомнению, потому что Ромашевичевский замолчал, перестав скандалить. Наверное, понял, что сморозил глупость, выдвинув необоснованное обвинение.

Судя по тому, что проректриса привела в качестве неопровержимого доказательства отсутствие Матусевича, весь институт знал о конфронтации невольных соседей. Мнительный лаборант и слышать не хотел о бывшем научном руководителе, не говоря о том, чтобы видеть. А уж мне-то какое облегчение!

Случайно или нет, но Царица разбомбила в пух и прах требование Ромашки о проведении расследования, а хозяин камнеедов, не успев побывать в качестве обвиняемого, тут же был заочно реабилитирован. А ведь если в помещение за смежной дверью запустить самого дохленького ясновидца, он сразу бы указал на меня. Плохо, что не удалось проветрить комнату с камнеедами, в таких случаях следы обычно испаряются за шесть-семь часов. Будем надеяться, что к возвращению Матусевича они рассеются хотя бы наполовину.

Задумавшись о местных научных интригах и о профилактике проветривания помещений, я не успела вовремя отбежать от двери и сделать вид, что совсем случайно оказалась рядом с лабораторией Ромашевичевского.

— Папена?

С высоты королевского роста на меня смотрела Евстигнева Ромельевна — строго и вопросительно.

Проректрису я побаивалась и испытывала к ней благоговейный трепет. В отличие от декана, относившегося ко мне с отеческой заботой и участием, Царица казалась дамой непредсказуемой и себе на уме. Даже профессор, видевший меня насквозь, теперь не вызывал опасливой настороженности, хотя поначалу исходил враждебностью.

Добавляло нервозности и то, что Евстигнева Ромельевна знала мою постыдную тайну, но ни разу — ни словом, ни делом — не позволила понять, каково её мнение по поводу присутствия в институте беззастенчивой лгуни, не видящей волн. Однако я почему-то уверилась, что от проректрисы не стоит ждать снисхождения и пытаться давить на жалость.

В общем, Евстигнева Ромельевна стояла совсем близко, и только сейчас я заметила тонкие лучики морщин, разбегающиеся от уголков её глаз.

— Я... это... мне сказали, Генрих Генрихович здесь, — соврала сбивчиво, почувствовав, что загорелись щеки. Попалась! Глупее ответа не найти.

— Да, он собирался подойти, но ему пришлось отлучиться по другим делам, — сказала Царица, сверля меня взглядом.

Ой, она поняла, что это я! Вернее, догадалась, кто шастал ночью между кубов Ромашки

и подвел препода под монастырь с будущей инвентаризацией.

— С возникшими вопросами можете обратиться ко мне, пока Генрих Генрихович занят, — предложила проректриса.

— А... нет. Лучше подожду... — проямлила я в ответ.

— Как угодно, — отчеканила сухо Евстигнева Ромельевна и застучала каблуками, удаляясь от лаборатории.

Царица уходит! Ромашка остался ни с чем! Матусевич улетел на веки вечные! Следы преступления потерялись во времени и пространстве! А я пойду питаться, потому что дело движется к обеду. Только пережду звонок на чердаке.

Складывалось впечатление, что ночью я нарезала круги по запутанным этажам в совершенно чужом здании. В свете дня лестницы и коридоры выглядели такими знакомыми, что оставалось удивляться, как меня угораздило заблудиться в трех соснах, то есть в двух коридорах.

Флакончик стоял там, где его оставили. Рано волноваться, что адресат не забрал посылку — еще и полусуток не прошло после ночной вылазки. К тому же, видимо, из деликатности А. не стал хапать чужое имущество.

Покатав остывший пузырек между ладонями и отвинтив колпачок, я понюхала. Холод стабилизировал свойства мази, сыграв роль консерванта. Осталось вырвать из тетрадки листочек и настроичить неровным косым почерком: "А! Ахтулярый нет. Есть мазь. Одна горошина наружно за прием. Э."

Придавив записочку флаконом, я подошла к окну, которое забыла затворить ночью. Раскинула руки и глубоко вздохнула, обратив взгляд к серо-голубой небесной палитре.

Я сильная. Я всё смогу и покорю все цели!

Ах, столовая, набитая битком галдящим студенчеством! Люблю тебя ностальгической любовью, особенно борщик с удвоенной порцией второго, ватрушку, вафельную трубочку с шоколадной начинкой, фруктовый мусс и два стакана компота. Удовольствие для живота обошлось в двенадцать висоров. Ну и ладно. Пора привыкать и не экономить на каждой монетке.

Найдя свободное местечко у окна, я водрузила поднос и принялась обедать, с чувством, с толком, с расстановкой, успевая поглядывать по сторонам. Сколько времени общепит мучился без меня? Уж и не припомню.

Вдалеке сидела Аффа с сокурсницами. Я помахала ей, но девушка не заметила. Не отказалась от прелестей столовского питания и Штице, занявшая вместе с блондинистой свитой стол у стены. Компания институтских красоток ковырялась в зеленых салатных кучках и вяло переговаривалась. Скучно бедняжкам без мужской поддержки, даже трава не хочет пережевываться.

Почувствовав взгляд, Эльзушка посмотрела в мою сторону и нацепила на лицо презрительную маску. Ха, я тоже не лыком шита и научена играть в гляделки. Мы так бы и таранили друг друга на расстоянии, но подружка о чем-то спросила Эльзу, и та отвернулась.

Среди тесноты шумного зала пяточок незанятого пространства в дальнем углу смотрелся странно. Этакая мертвая зона запрета. Даже отсутствуя, Мэл не давал забыть о себе, и никто из студентов не решался занять пустующий стол.

Наверное, Мэл выловил в супе муху и теперь брезгует ходить в столовую, как и его

товарищи. И пусть парню разонравился общепит, и в столовую он больше ни ногой, все же на сегодняшней консультации он точно появился. Или нет?

Отложив ложку, я начала грызть ноготь. Спросить, что ли, у облезлой египетской кошки, пришел Мэл на консультацию по матмоделированию процессов или нет? Не может быть, чтобы не пришел. Без сомнений, он доказал заданные теоремы и развязной походкой направился в библиотеку, чтобы поставить точку в исследовательской работе по удовольствиям.

Мэл приехал, он здесь, — уверяла я себя, забыв о ватрушке. Где ему еще быть? Не лежать же в коме изломанной куклой, не справившись с управлением.

Живо представив Мэла, замотанного в бинты как мумия, я вскочила, чуть не уронив на себя содержимое подноса, и тут же села. Питающийся народ не обратил внимания на мои скакания. Мало ли, вдруг кусок котлеты попал не в то горло?

Что за напасть такая? — простонала я в отчаянии. Опять в голову полезла чушь, напрочь лишаящая спокойствия. Может, отрубить источник проблем, и станет легче?

— Поела? — раздался над ухом знакомый голос, заставив подскочить от неожиданности.

Обернувшись, я увидела Алесса с сумкой через плечо. Протискивающиеся между столами студенты обходили парня, делая большой крюк, или вовсе сворачивали в сторону.

— Почти, — нервным движением я показала на поднос с недоеденным пиршеством.

— Тогда через десять минут в библиотеке.

— Зачем? — уставилась я удивленно на рыжего, забыв о раненном Мэле.

— Завершать сделку, — сказал Алесс и направился к выходу из столовой. Перед ним расступались, образуя широкий коридор. Ишь как уважают человека... или боятся.

В оставшееся до назначенной встречи время я лихорадочно запихивала в себя несъеденное. Глотала, не жуя, и торопливо запивала.

Парень сказал, что хочет завершить сделку. Поскольку я выполнила свою часть договоренности, значит, настала его очередь. То есть рыжий отдаст мою долю?! Значит, у меня появятся ДЕНЬГИ?!

Ладони вспотели и руки зачесались. Меня заколотило. Фруктовый мусс застрял в горле, и пришлось выпить залпом второй стакан компота, чтобы продавить вставший поперек ком.

— Что так рано? — уселась я за столом рядом с Алессом, листавшим альбом с репродукциями известного художника. — Вроде на завтра договаривались.

В обычное время я бы тоже полюбовалась мрачными работами живописца, но сейчас мне было не до уродливых и гротескных форм. Спокойствие далось нелегко. В оставшиеся до встречи минуты я, забежав в туалет, выплескала на лицо ведра три или четыре холодной воды из-под крана.

Большой формат книги понадобился парню не для того, чтобы восторгаться масляными пейзажами и натюрмортами. Рыжий поставил раскрытый альбом торцами, отгораживаясь от бдительной Бабетты Самуиловны и остального мира. Последовав его примеру, я закрылась справочником по матмоделированию.

— Так получилось. — Партнер выложил из сумки толстый футлярчик и подвинул ко мне. — Открывай.

Черный футляр с закругленными бочками на ощупь был пошит из плотного и шершавого материала и открывался с помощью замка-молнии. В моей голове не

укладывалось, что сейчас я стану обладательницей сумасшедших денег — вот так запросто, буднично, спрятавшись за учебником. Мне казалось, передача наличности будет торжественной и значимой и обрушится на меня важностью события.

— Материал задерживает все виды излучений, в том числе и волны, — пояснил рыжий, по-своему истолковав заминку. — Так что рентгенить не получится. Ну, и остальные условия соблюдены.

Подхватив язычок, я потянула влево и под откинутой крышкой футлярчика обнаружила плотно уложенные прямоугольные пачки, утянутые в целлофан и перевязанные сложной решеткой из бумажных ленточек. Самое время сглотнуть.

— Пересчитывать будешь? — поинтересовался шепотом парень.

На каждой ленточке были нарисованы замысловатые узоры, поверх которых медленно ползла непрерывная строчка: "Первый правительственный банк". Из-под ленточек, обхватывающих крайнюю пачку с банкнотами, проглядывала цифра 100.

Сейчас упаду. Купюра в сто висоров!

Алесс сокрушил, сказав:

— Двадцать пять, и в каждой по десять штукарей. Сто на сто.

— Вижу, — кивнула я, стараясь из последних сил, чтобы голос не дрожал.

Пересчитала пальцем пачки, сбившись два раза и начиная подсчет заново. Ну и пусть рыжий посмеивается. Я таких денег в помине не видела. Не знала, что они могут существовать, сконцентрировавшись в одном месте и в сумасшедшем количестве. Для меня и пятьдесят благотворительных висоров считались огромной суммой.

Алесс не посмеивался. Он сидел с сосредоточенным видом.

Так и есть. Ровно двадцать пять пачек. И в каждой по десять тысяч. Тысяч!

Ой, мамочки! Сейчас у кого-то приключится истерика.

— Всё устраивает? — поинтересовался парень.

— Ага. — Я зачарованно уставилась на бегущие по бумажной ленточке буквы, и мое согласие завершило сделку.

— Ладно. Бывай. Если что, обращайся, — поднялся с места рыжий, прихватив альбом с репродукциями, а я осталась сидеть, осознавая и соображая.

Какая сессия? Какая исследовательская работа? В голове осталось лишь свалившееся богатство, придавившее меня тяжелой плитой невыразимого счастья.

Мозг находился в ступоре, потому как не мог сообразить, что делать дальше. Кажется, нужно поделиться с соучастником, то есть с партнером, — вспомнила я затоможенно б Альрике. Точно, пойду сперва к нему.

Мимо прошел студент со стопкой учебников, и я, опомнившись, опустила крышку футлярчика. Закрыв сундучок с сокровищем, положила в сумку и прижала к себе. Теперь только так: носить под мышкой и не выпускать из рук ни на секунду. И потопаю в лабораторию профессора, не боясь подглядывающих фанаток. Не до них мне — золотая гора руки оттягивает.

Словно во сне я сдала учебник библиотекарше и направилась на закрытый пятый этаж. Шла автоматически, не разбирая дороги, и вдруг заметила, что будто и солнце светит ярче, и раздвинулись стены. Голова закружилась от переизбытка кислорода и одуряющих запахов... трепетных, обещающих... Неужели весенних? Не умереть бы от радости, не дойдя двух шагов до Альрика.

Вместо неизменной Лизбэт в коридоре попался очастый бородач в белом халате. Он просветил, что профессор принимает практикум у второго курса в лабораторном крыле, и рассказал, как добраться, даже упрашивать не пришлось.

Чем мотаться по коридорам с сумкой денег, рискуя собственной безопасностью, надежнее подождать партнера под дверью аудитории, — решила я. А если кто-нибудь начнет выдирать сумку, завизжу так, что мало не покажется.

Двинулась в лабораторное крыло, и по пути на меня накатила мнительность. То затылком ощущался чей-то тяжелый пристальный взгляд, то спешащие навстречу студенты смотрели с нездоровой жадностью.

Ускорив шаг, я побежала дальше. Побыстрее бы добраться до места, и плевать на конспирацию. У меня уважительная причина в виде двухсот пятидесяти штукарей.

Ой, мамочки! — замолотило сердце, осознав размеры суммы.

Пришлось затормозить, чтобы отдышаться и унять круги в глазах. По лестнице скатилась толпа первокурсников, и я крепче прижала сумку, прислонившись к стене. Мне казалось, проходящие знают о том, что у меня под мышкой. Их глаза хищно сверкали, а пальцы стремительно вытягивались и скрючивались на глазах.

Я потрясла головой, отгоняя фобию. Что это со мной? Неужели рыжий все-таки устроил подвох, чтобы вернуть свои деньги? К примеру, опрыскал футлярчик аэрозолем, вызывающим галлюцинации, и ждет за углом, пока мне поплохеет, и сумка выпадет из ослабевших рук.

Точно, догадка верна! Вон из-за угла краешек брючины торчит.

Зачем медлить, мучаясь сомнениями и страхами? Поймаем на рыжего на грязном замысле и выведем на чистую воду.

Поднявшись на цыпочках на полпролета, я влетела за угол с криком: "Ага-а!", аккуратно в серьезную беседу Стопятнадцатого и какого-то парня. Увидев меня, они замолчали.

— П-простите, — проямлила я, заикаясь.

— Ничего страшного, — заверил декан. — Мы уже закончили. До свидания, Геннадий.

Парень попрощался и, взглянув на меня с интересом, исчез за поворотом. Ёлки-палки, до чего неловко. Опять я влезла, куда не просили, и опять едва не наступила на ногу Стопятнадцатому.

— Всё в порядке, Эва Карловна? — спросил он участливо. — Выглядите нездорово. Глаза блестят, румянец на щеках. Температуры нет?

— Да... То есть, нет... То есть, да, — запуталась я в очередности ответов.

— Пройдемся. Заодно успокойтесь и объясните, в чем суть вашей тревоги, — взмахом руки мужчина предложил направление, и мы побрели по коридору.

В чем же суть? Нужно что-то сказать и, конечно, не о том, что в сумке лежат двести пятьдесят тысяч, к которым тянутся загребущие лапы, охочие до легкой поживы.

— Я... у меня, Генрих Генрихович, возникли осложнения, — начала сумбурно, когда мы одолели коридор и, свернув, двинулись по следующему.

— Какие же? — пробасил заботливо Стопятнадцатый.

— С элементарной висорикой. Выходит неважно.

— Преподаватель?

— Эдуардо Теolini. Он хороший, честно-честно! Просто я ни бум-бум.

Не бум-бум, а лентяйка, каких свет не видывал, погрязшая в криминальных и подозрительных делишках.

— Когда экзамен?

— В субботу.

— Позновато вы сообщили, Эва Карл... — сказал декан, и окончание фразы потонуло в нечеловеческом душераздирающем крике, пронесшемся по коридору.

— За мной! — приказал декан и, ускорив шаги, начал открывать двери, одну за другой. Толкнет, убедится, что в очередной аудитории идет учебный процесс, и идет дальше. А я семеню следом с бесценной сумкой под мышкой и теряюсь в догадках, кто мог кричать с жутким надрывом, заставляя сердце трепетать от страха.

Из дверей выглядывали любопытствующие преподаватели и студенты, но Стопятнадцатый не торопился проводить разъяснительную беседу.

— Без паники! Это плановая аварийная тренировка! — сообщил громовым басом, продвигаясь вперед и проверяя помещения.

Новый крик разрезал пространство: не разобрать, мужской или женский. Какой-то бесполой режущий визг.

— Всем вернуться на места! Не предпринимать самостоятельных действий без разрешения преподавателя! — продолжал вещать декан, и зеваки, высыпавшие в коридор, послушно втягивались в аудитории и кабинеты.

Стопятнадцатому не нужно было кричать, надрываясь. Его бас разносился громким эхом по этажу не хуже воздушной волны после звонка.

Повернув налево, мы оказались в другом коридоре с низким потолком. От третьего, пронзительного крика, прозвучавшего в непосредственной близости, у меня заложило уши. Разве живые существа могут издавать столь ужасные вопли?

— Здесь! — воскликнул декан, толкнув ближайшую дверь. — И как мне раньше не пришло в голову?

Мы очутились в небольшой прихожей, из которой в другое помещение вела дверь из матового стекла — от пола и до потолка. Идеальная чистота, — отметила я машинально, оглядев закуток. Взгляд выхватил медицинскую стерильность раковины, этажерку, шкафчики, пару табуреток и составленные штабелем коробки с черепами и перекрещенными костями на каждом торце.

Покуда голова соображала, зачем меня занесло невесть куда, за матовостью мелькнула темная тень и с силой ударилась об стекло, отчего то пошло паутиной трещин. Отшатнувшись в испуге, я спряталась за декана. Что это было?

Дальнейшие действия Генриха Генриховича повергли в состояние полнейшей прострации. Мужчина вынул швабру из каморки, которую я поначалу не заметила, и, просунув через ручки наружной двери, перекрыл путь к бегству из лаборатории.

— Ну-с, — сказал, потирая и разминая руки. — Приступим.

И, открыв стеклянную дверь, вошел.

А у меня какой выбор: ждать в прихожей или нырять в неизвестность за Стопятнадцатым? Об этом он умолчал. А ведь я собиралась начать новую жизнь с сегодняшнего дня и намеревалась превратиться в пайнюку. Решено: буду действовать согласно кодексу студенческого поведения. Коли на декане лежит ответственность за мою безопасность, спрошу у него, что делать и как поступать.

Крепко прижимая сумку к груди, точно самое большое сокровище в мире, я приоткрыла дверь, чтобы просунуть голову и быстренько поинтересоваться у Генриха Генриховича своей судьбой. Матовое стекло оказалось очень толстым и наверняка бронированным, иначе разлетелось бы на кусочки после удара. А потом мне стало недосуг размышлять о

преимущества прочных дверей, ибо зрелище, открывшееся взору, классифицировалось как "Мамай прошелся".

В лаборатории царил разгром: столы перевернуты, вентиляционные шахты раскурочены, шкафы разбиты и повалены, светильники поколоты. Приборы разметало по разным углам, а у дальней стены валялись навалом помятые металлические бочонки. Под потолком, ближе к окнам, крутилась бесформенная кучка тряпья, с которой периодически стекали черные густые потеки и, отрываясь, шмякались вниз.

Впав в оцепенение, я уставилась на разруху и очнулась, когда под подошвой захрустело битое стекло. Сама не заметила, как ноги завели меня внутрь погрома. В это время потолочная тряпка метнулась навстречу.

— Пригнитесь! — крикнул Стопятнадцатый. Не успев сообразить, к кому обращен приказ, я присела, и сверху что-то просвистело. Послышался звук удара, и короткий вскрик резанул по ушам.

— Что же ты за тварь? — спросил озадаченно декан.

Подняв голову, я огляделась. Бесформенная масса опять крутилась под потолком, а на стене, на уровне моего роста, остались маслянистое пятно с потеками, смотревшееся грязной кляксой, и глубокая узкая вмятина, словно от кинжала с длинным лезвием. Или от клюва.

Меня угораздило спрятаться за прямоугольным бачком, упавшим на бок. Пол вокруг усеивали осколки стекла. На двух окнах жалюзи отсутствовало, на третьем — повисло на единственном уцелевшем крюке. Декан успел перебраться за перевернутый стол по соседству и, опустившись на корточки, что-то делал, но его широкая спина полностью загораживала обзор.

Что за опыт проводили в лаборатории, и что стало с отчаянным экспериментатором? Словно отвечая на вопрос, из угла, закрываемого фигурой Стопятнадцатого, слышался сдавленный стон.

Проползши до ножек бачка, я мельком отметила торчащие из днища обрывки проводов в разноцветных оплетках. Выглянув из укрытия, увидела неподалеку истерзанный висограф с красными огоньками датчиков — аккумуляторы еще жили, несмотря на неоспоримую кончину прибора. Ненавижу этот аппарат. Изначально висограф обладал широкой областью применения и разнообразными функциями, которые с течением времени свелись к конкретной цели — замеру разности висорических потенциалов.

Из-за спины Стопятнадцатого раздался тихий полустон-полувсхлип, исполненный муки, и мой взгляд различил среди свалки лабораторных приспособлений неестественно вывернутую ногу. Женскую ногу в чулке и туфле, а еще краешек платья или юбки под белым халатом.

Не успев как следует изумиться, я заметила, что тряпка, болтавшаяся под потолком, задергалась как припадочная и ринулась торпедой на декана.

— Генрих Генрихович! — закричала мужчине, потому что тот, увлекшись помощью раненой, не придал значения приближающейся опасности. То, что черное бесформенное пятно несло к Стопятнадцатому с недружелюбными намерениями, не вызывало сомнений.

Дальнейшее произошло в считанные секунды.

Декан на удивление резво поднялся и, выставив руку, сделал неуловимый пасс пальцами. Прежде чем меня откинуло на пятую точку, я успела увидеть прозрачную волну, отбросившую тряпку назад и распластавшую по окну, где и выяснилось, что у прижатой к

стеклу аморфной массы имеются крылья. Жуткие скособоченные обрубки, весьма похожие на крылья!

Вихрь, созданный заклинанием, опал. Эпицентр невидимого фронта предназначался твари, которая отлепилась от окна и билась теперь о потолок и стены, оставляя склизкие черные разводы и руша недорешенное.

Поднявшись на четвереньки, я отряхнулась и проверила наличие сумки на плече. С одной стороны, хорошо, что турбулентностью смело с пола осколки и лабораторную мелочевку, иначе бы моим ладоням не поздоровилось. С другой стороны, падение пришлось на чувствительный копчик.

Стопятнадцатый сосредоточенно наблюдал за мечущейся под потолком тряпкой, а за перевернутым столом, прислонившись к стене, полулежала Евстигнева Ромельевна, и её правый бок пропитался багровой краской. Глаза женщины были закрыты, а сама она дышала тяжело и часто.

Ужасная краска и пятно ужасное, — подумала я заторможено. Халат уже не отстирать, его место на помойке. Что же забыла здесь проректриса? Неужели, как и Стопятнадцатый, шла по коридору и, услышав страшные вопли, решила выяснить, в чем дело?

Царица что-то пробормотала, и декан опустил на корточки, загораживая её. А мои гипотезы о причинах пребывания Евстигневой Ромельевны в лаборатории не успели как следует развиваться, потому что мы оба — и я, и Генрих Генрихович — упустили момент, когда тварь, кружившая под потолком, стрелой понеслась на мужчину. Я не заметила, потому что меньше всего ожидала увидеть проректрису в беспомощной позе в двух шагах от меня, а декан не заметил, потому что отвлекся. За что и поплатился.

Оказывается, у крылатого и клювастого монстра имелись уродливые лапы с когтями, которые он выпустил на подлете и вцепился в плечо мужчине.

Съемка была замедленной, как в кошмарном сне, от которого невозможно пробудиться.

Жуткое создание яростно махало крыльями-обрубками и с клетотом тюкало острым клювом по плечу Стопятнадцатого, а он, поднявшись на ноги, пытался скинуть тварь. Неожиданно мерзкое существо отбросило огненной струей, и я увидела, что Евстигнева Ромельевна опустила обессиленно руку. Тварь протяжно завопила, возвратившись под потолок, и начала бессмысленно долбиться о стены, пуская вниз тягучие черные кляксы.

Звуки пропали, словно в немом кино. Оглушенная, я не сразу сообразила, что декан обращается ко мне.

— Альрик! Альрик! — кричал он, зажимая плечо, а по его пиджаку расплзлось темное пятно, увеличиваясь на глазах.

Альрик! Точно!

Что-то толкнуло меня изнутри, заставляя пятиться на четвереньках и не отводя взгляда от вьющегося под потолком монстра. Толкнув ногой дверь, я успела просочиться в прихожую, прежде чем новый удар сотряс стекло. Трещины расплзлись и расширились.

И тут я поняла, что Евстигнева Ромельевна пролила на себя не краску.

Не помню, как мне удалось извлечь швабру — руки тряслись как у пьянчужки, зубы стучали точно ударные в духовом оркестре, а в ушах звенело после контузии. Вынырнув из кошмарной лаборатории, я заметалась: в какую сторону бежать? Как найти профессора?

По памяти добралась до места, где натолкнулась на Стопятнадцатого, и вывернула к лестнице. От быстрого бега в глазах замелькали радужные круги, и я остановилась, чтобы

отдышаться, но, вспомнив о чудовище под потолком, плюнула и поковыляла дальше, хватаясь одной рукой за ноющий бок, а второй — за сумку.

Надо отметить, коридор опустел. Ни зевак, на паникеров, ни мародеров. Интересно, студентов эвакуировали или продолжают занятия, помня о плановой аварийной тренировке?

Зато двумя этажами выше, куда ввалилось мое запыхавшееся тело, жизнь текла в обычном русле — студенчество маялось под дверьми в ожидании очереди. Наверное, видок у меня был соответствующий, потому что встречные шарахались в стороны как от прокаженной.

Где же проходит практикум у Альрика? — силилась я вспомнить номер аудитории, но в голове смешались цифры, имена и лица.

Неподалеку толпилась группа студентов. С заплетающимися ногами я доползла до подоконника и, задыхаясь, спросила у какого-то парня:

— Где?... Где Вулфу?

— Здесь, — ответил тот, глядя на меня как на седьмое чудо света, или, скорее, как на институтский ужас номер один.

Альрик здесь!

Работая локтями и игнорируя недовольно бурчавших, я ринулась к аудитории. Студенты повернулись на звук открывшейся двери, равно как обернулся и профессор в накинутах на плечи халате, рисовавший что-то на доске для стоявшего рядом двоечника-балбеса.

Ура, Альрик нашелся! Мы спасены: проректриса, Стопятнадатый и я.

— Альрик Герц... — выдохнула я прерывающимся голосом, не в силах отдышаться, и показала пальцем за свою спину: — Там... оно...

Мужчина раздумывал мгновение и стремительно похромал к двери, а второкурсники, вывернув шеи, смотрели с жадным любопытством и негромко переговаривались. Подойдя, профессор загородил меня от посторонних взглядов и поинтересовался резким тоном, мол, неужели в этом институте кому-то хватает наглости прерывать важный практикум:

— Что случилось?

Вглядевшись, он провел пальцами по моей щеке, и на ладони остались красно-коричневые разводы.

— Ваша? Вы ранены? — спросил отрывисто.

— Нет, — замотала я головой, потянув мужчину за рукав. — Скорее! Там Стопятнадцатый...

— Генрих Генрихович? — удивился профессор. Помолчал, прожигая меня взглядом, и повернулся к студентам: — Все свободны. Практикум переносится на пятницу, начало в шестнадцать ноль-ноль.

Народ разочарованно загудел. Кому охота томиться ожиданием еще сутки и переться в институт под вечер? Лучше сразу отстреляться — и дело с концом. Однако учащиеся не решились выказывать недовольство и потянулись из аудитории. Разве что балбес, тосковавший у доски, с радостью вырвался на свободу.

Пока второкурсники вытекали за дверь, я нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Непредвиденная заминка позволила отдышаться и утихнуть звону в ушах. И долго мы будем торчать у двери, прежде чем последний оболдуй покинет аудиторию? — взглянула свирепо на мужчину. В любое мгновение Стопятнадцатому могут выклевать глаза, а профессор, опершись плечом о косяк, ждет, пока помещение опустеет. Ну, коли не жаждет поторопиться, вернусь обратно и объясню декану, что его любимый Альрик не больно-то

разбежался, спеша на помощь, и что мы прекрасно справимся без хваленых символистиков.

Здрав гордо голову, я протолкалась через толпу второкурсников, и, ловя любопытные взгляды, заторопилась к лестнице. Вскоре профессор догнал меня, сноровисто спускаясь по ступенькам, несмотря на хромоту.

И что на меня нашло? Весьма неудачное времечко, чтобы обижаться непонятно на что. На Альрике, как и на декане, лежит ответственность за студентов, пришедших на занятия, поэтому его долг — проследить, чтобы учащиеся покинули аудиторию живыми и здоровыми.

Мужчина не стал комментировать неуравновешенный поступок с бегством, хотя — я не сомневалась — с легкостью прочитал на моем лице перепады эмоций.

По дороге я обрывочно сообщила:

— Евстигнева там... А оно летает... У нее кровь вот здесь... — показала на бок, переставший ныть. — А оно Стопятнадцатого в плечо...

Профессор слушал невнятный рассказ и не прерывал. Мы спустились по лестнице, причем Альрику не нужно было пояснять, в какую сторону идти. Видимо, он сразу догадался, где произошло ЧП. Теперь уже мужчина широко шагал впереди, прихрамывая, а мне приходилось бежать следом, чтобы не отстать.

В двух шагах от знакомой двери раздался вопль, протяжный и выворачивающий спокойствие наизнанку. Миновав прихожую, профессор стремительно вошел в помещение лаборатории, я же, подумав, на всякий случай перегородила выход шваброй и уставилась на узор из трещин на матовом стекле.

Идти за Альриком или нет? Он не сказал, что мне делать: дожидаться здесь, в прихожей, или пойти следом, в гости к крылатому убийце.

За матовой преградой сверкнули одна за другой четыре зеленые вспышки. Раздался тонкий вопль, вытягивающий жилы и опять заложивший уши, а затем новый удар о стену сотряс прихожую до основания.

Наступило затишье, затяжное и оттого подозрительное.

Я посмотрела на часы. Уже две минуты прошло, как стихли крики, а никто не вспомнил обо мне. Может, в лаборатории произошло непоправимое? Вдруг помощь профессора запоздала, или сам он пострадал? И живы ли проректриса и Стопятнадцатый?

Такой хороший и отзывчивый дяденька не может умереть среди бела дня, подставив спину какой-то летающей мухе. В конце концов, Генриху Генриховичу еще тянуть меня до выпускного курса, — попыталась я перебороть возникший страх бесстыдным заявлением. Сейчас зайду, узнаю, всё ли в порядке, потому что не трусиха, и благополучно покину лабораторию, потому что мне там делать нечего. Там теперь уверенные и сильные мужчины, которые обязательно справятся с возникшими проблемами.

Приоткрыв дверь, я на четвереньках проползла в узкую щель и спряталась за знакомым бачком. Разгром остался на прежнем месте, крылатая тварь по-прежнему моталась под потолком и на вид стала больше и жирнее. Темных пятен на стенах прибавилось, равно как и рикошета, оставленного острым клювом чудища.

Значит, жива тварюга, — послала я под потолок полную злобного разочарования мысль. После артиллерийского залпа многоуровневыми заклинаниями летающей скотине давно пора скопытиться, а не порхать бабочкой под разбитыми светильниками.

Мужчины, оба на корточках, склонились над проректрисой. За время моего отсутствия декан успел снять пиджак, и его плечо перетягивал кусок белой ткани, пропитавшейся

кровью. Это Альрик порвал халат на импровизированные бинты.

Пока Стопятнадцатый и профессор хлопотали над раненой, потолочный монстр очнулся, и, растопырив жуткие крылья, ринулся на мужчин.

— Альрик! — завопила я что есть мочи, но профессор вскочил раньше предостерегающего крика, точно у него имелись глаза на затылке. Мужчина в мгновение ока создал постреливающий разрядами шар, выпустив его в... приближающуюся птицу! Только сейчас, наблюдая, как кувыркается в воздухе бесформенная масса, отброшенная огромным *piloī sandī*, я различила в ней жалкое подобие птицы — ненормальной, чудовищной, страшной, с кривым клювом и изогнутыми лапами, растущими из одного места, и с крыльями, скособоченными наиуродливейшим образом, — но все-таки птицы!

Кошмарное создание с визгом отлетело назад и принялось биться в окна. Выдержат ли стекла?

— Значительная потеря крови, но внутренние органы не задеты. В целом кровотечение мы остановили, — резюмировал Стопятнадцатый, оторвавшись от лежащей женщины. — Нужно переливание. А еще зашить рану. Обе.

Альрик согласно кивнул, разглядывая кружащую под потолком тварь, с которой периодически срывались вниз склизкие черные ошметки.

— Медикаменты у окна в холодильнике, он пока цел, — добавил бодро декан, внешне не ослабленный ранением. — Но подлюка не дает и носа высунуть. Если ты отвлечешь, я доберусь.

Профессор снова кивнул, наблюдая за дергаными рывками крылатого чудища.

Мужчины не замечали меня, замершую поблизости на четвереньках, словно позабыли, что на белом свете существует такая студентка Эва Папена. Ну и ладненько. Полюбовалась на бесплатное зрелище, пора и честь знать. Здесь полно умных и расторопных дядечек, которые знают, что нужно делать.

Стоило шевельнуться, как Альрик поманил меня пальцем.

— Эва Карловна! Ползите сюда, но осторожно.

Пригнув голову, я переместилась к мужчинам за порушенный стол.

— Держите, — велел профессор, сунув в руки остатки халата. — Рвите и прижимайте к ране. Как пропитается, меняйте. Советую пока не высовываться.

Встав в полный рост, он крикнул Стопятнадцатому:

— Давай! — И начал выпускать с обеих рук зеленые, фиолетовые, белые, голубые шары, даже молнии выпускал, в то время как декан ринулся к окну, пиная и расшвыривая мешающуюся под ногами свалку, чтобы расчистить путь к заветному холодильнику.

Что тут началось! Тварь носилась под потолком и с изматывающим слух визгом кидалась на мужчин, выставив клюв и когтистые скрюченные лапы. Однако профессор проявил недюжинную реакцию, умудряясь виртуозно уклоняться от крылатого чудища и одновременно награждать его заклинаниями, в то время как Генрих Генрихович, схватив стойки от разбитых штативов, отмахивался ими как саблями.

Слабый стон напомнил мне о порученных обязанностях. Проверив наличие сумки на плече, я непослушными руками оторвала полоску от полы бывшего халата и подползла к Евстигневой Ромельевне. Ее лицо было бледно, под глазами залегли синюшные тени, шикарная прическа растрепалась, а губы обесцветились, слившись с кожей.

При взгляде на багровый бок меня затошнило. Почудилось, что через распоротую острыми когтями одежду видны внутренности.

Закусив губу, я свернула в несколько раз полоску и приложила к тому месту, где, как мне показалось, находилась рана. Ответом стал слабый стон Царицы. Убрав прядку, упавшую женщине на висок, я обхватила её ладони — леденущие, как из морозилки. Дыша на пальцы, начала растирать, пока руки проректрисы не порозовели, и пропустила момент, когда наступило затишье.

Поменяв полоску, я осторожно выглянула из-за стола. Чудовищная птица молчаливо висела над потолком, Альрик спрятался за остатками шкафа, а декан прислонился к упавшему вентиляционному зонту. Ему так и не удалось добраться до медикаментов.

Я снова перевела взгляд на профессора. Он мял запястья, а потом перешел на плечи. Видимо, у него началась отдача. Поймав мой взгляд, Альрик спросил одними губами: "Все в порядке?"

"Да" — кивнула я в ответ. Мне начало казаться, что у летающего уродца появился интеллект. Теперь страшилище не билось попусту о препятствия и не орало без повода. Размахивая крыльями, увеличившимися в размерах, оно не двигалось с места, удерживая в поле зрения мужчин и меня с проректрисой.

Профессор закончил разминать плечи и шею. Достав из-за ворота рубашки медальон на цепочке, он начал водить над ним пальцами и неслышно наговаривать. В завершение, поцеловав блеснувшую на свету шпучку, мужчина опустил её за ворот и, откинув голову, закрыл глаза.

У него мужественное лицо, — подумала я. Волевое. Сильное. И сам Альрик несокрушим как скала. Он не даст нам умереть: ни Царице, ни Стопятнадцатому, ни мне. В тот миг моя вера в профессора была сродни вере в могущественное непобедимое божество, и я без колебаний принесла бы на его алтарь любую жертву.

Неожиданно Альрик открыл глаза и подмигнул мне, вызвав прилив смущения.

— Оно растет, слышишь? — сказал из своего угла Генрих Генрихович. — Осторожнее с заклинаниями.

— Уже заметил, — отозвался профессор.

Тварь дернулась сильнее обычного, но не стала нападать. Наверное, тоже отдыхала от буйного времяпровождения.

— Удавка не работает, заклинания не действуют! — снова крикнул Альрик. — У него иммунитет.

— Тьфу, — сплюнул декан и что-то пробурчал. Наверное, выругался. — Тоже заметил.

Я вернулась к Евстигневой Ромельевне и, сменив пропитавшуюся кровью полоску новой, снова принялась растирать руки женщины, согревая дыханием.

Нужно лишить недосыгаемого монстра преимущества. А какое преимущество у крылатой тварюги? Она сверху, и у нее выгоднее диспозиция. Значит, надо спустить чудовище на пол. Но как его сбить с потолка, если ни одно заклинание не подействовало? Любое живое существо давно бы умерло в тяжких мучениях, а это, взявшееся невесть откуда, похоже, питалось энергией направленных вис-волн и росло на них как на дрожжах.

Если предположить, что над потолком поселилась нежить, у которой не бьется сердце, не бежит кровь по сосудам и нет легких, остается принять за основу, что это механизм, управляемый головой или туловищем, а у всякого механизма есть уязвимые точки — междоузлия, соединяющие подвижные элементы, или шарниры. Крылья крепятся к туловищу твари и удерживают её на весу. Если повредить их у основания, то у нас появится малюпасенький шанс.

Рассуждая, я не заметила, что перешла от обособленного местоимения "они", подразумевающего декана и профессора, к единому "нас". Нужно озвучить идею, и Альрик подтвердит, есть ли в ней крупинцы здравого смысла.

Заменив пропитавшуюся полоску свежей, я проползла на четвереньках до края стола и высунулась из убежища.

— Что это за гнилушка с крыльями? — крикнул профессор.

— У Евстигневых спроси. Если выберемся, — ответил Стопятнадцатый из своего укрытия, и мне не понравился мрачный тон мужчины.

Зря он так. Нельзя сомнениями губить веру тех, кто слабее. А из четверых хомо сапиенс, присутствующих в лаборатории, только я оказалась самой слабой, и мне жизненно необходимо верить — в силу Генриха Генриховича, в неисчерпаемые возможности профессора, в чудо, наконец.

— Альрик Герцевич! — позвала громким шепотом и замахала рукой, призывая обратить внимание.

Мужчина спросил беззвучно: "Как?" Наверное, он специально разговаривал с деканом громко, чтобы притянуть интерес крылатого чудовища к себе, а не ко мне и Царице.

— Нормально, — кивнула я. — Альрик Герцевич, нужно перебить крыло у основания! Она тяжелая и сразу свалится, только надо целиться поточнее.

Мужчина посмотрел на меня со странным весельем, а затем и вовсе заулыбался. Чему радоваться-то? Над нами зависла старуха с косой, вернее, с крыльями, а ему весело. Даже Стопятнадцатый, ослабленный раной, растерял оптимизм.

— Генрих Генрихович! — крикнул профессор. — Поступило предложение подрезать летуну крылья.

— Как? — отозвался из своего угла декан.

— Secanossi^[40]!

— Ты серьезно? — в голосе Стопятнадцатого просквозили изумленные нотки.

— Кто живец? — крикнул Альрик вместо ответа.

— Н-не... уверен, что у меня получится secanossi... — ответил Генрих Генрихович после недолгого молчания и добавил гораздо тише: — По твоему сигналу.

— Хорошо. Эва Карловна, когда скажу: "Поехали!", закройте глаза и лучше руками. Всё поняли?

Я энергично закивала. Если уж декан не решился на создание *secanossi*, значит, оно невероятно сложное, и следует слушаться Альрика, горячо уповая на удачу.

Переползши к Евстигневне Ромельевне, сменила полосу и растерла ей руки, а потом, сняв туфли, принялась растирать ноги женщины. Молчание раненой настораживало.

Ухо, прижатое к груди Царицы, уловило слабое сердцебиение. Пульс едва прощупывался, но был равномерным.

Вздыхнув с облегчением, я переползла к краю стола, чтобы видеть профессора и Стопятнадцатого. Альрик вел последние приготовления, доплетая неизвестное мне многоуровневое заклинание. Меж бровей мужчины залегла морщинка, свидетельствующая о крайней сосредоточенности; на лбу выступили бисеринки пота, а руки уверенно выделяли пассы в пустоте.

Черт, и почему я лишена возможности видеть этот шедевр? Судя по восхищенному лицу декана, следившего за подготовкой, из волн выстраивалось нечто эпическое, достойное войти в анналы висорики.

Наконец, профессор встряхнул руками, сбрасывая напряжение, а потом ухватил невидимую конструкцию пальцами и начал закручивать как винт. Под рукой Альрика разгорался сияющей луч — натянутый как тетива лука и звенящий как металлическая струна.

Тварь под потолком встрепенулась и оживилась, задергав крыльями. Каким образом умудрилось народиться столь безобразное создание с головой и туловищем, слившимися в единый ком?

Пока мои глаза пытались вычленить особенности в анатомии летающего чудища, сияние в руках мужчины разгорелось сильнее и стало нестерпимым для глаз.

— Поехали! — крикнул профессор, обозначив начало операции "жизнь без крыльев", а я метнулась к проректрисе.

— Всё хорошо, все отлично. Прекраснее не бывает, — бормотала, сжимая её ладонь и следя за отсвечивающими бликами на осколках разбитого стекла. И хотя стол скрывал от меня поле боя, воображение моментально нарисовало картинку происходящего.

Стопятнадцатый, встав в полный рост, метнул в птицу обломок треноги, переключая внимание на себя. Уродливую тварюгу не пришлось уговаривать, и, распластав крылья, она с криком ринулась на декана. Чудом изловчившись, ему удалось ухватить образину за лапы, и та забилась, пытаясь вырваться и рубя клювом, отчего Генриха Генриховича мотало в разные стороны. Как мужчина умудрялся уворачиваться от жалящих ударов и при этом не напарываться на острые кромки изувеченного оборудования, известно лишь судьбе и счастливому случаю.

Тонкий луч, прорезав помещение по диагонали, начал опускаться вниз с шипением испаряемой штукатурки и краски. Прикрыв глаза, я наблюдала в узкую щелку между пальцами, как прожигался дымящийся след на стене, глубиной не меньше клюва крылатой твари. Снижаясь, сияющая струна проплавила этажерку, и та развалилась на две неравные части; не затормозившись, снесла уголок бачка, из которого начала вытекать прозрачная

жидкость; перерезала стойку как масло, отчего опасно накренился коллектор с трубами.

Следуя совету профессора, я не смотрела на разящий луч. Достаточно видеть ослепительные отсветы, играющие на покореженных стенках приборов и шкафов, чтобы оценить убийственную мощь заклинания, сконцентрировавшуюся в переплетении вис-волн.

Раздался дикий вой, сменившийся отчаянным визгом, рвущим слух, а затем послышались жуткие подвывания. Я представила, как разрушительное заклинание проходит лазером через живую плоть, деля на части, и меня замутило. Не хочу думать, что станет со всеми нами, если заклинание Альрика не сработает. Нажравшись новой порции вис-волн, тварь вырастет в размерах, и лабораторная клетка окажется тесной для птички. Никакая швабра не удержит её прыть и жажду разрушения.

Будь что будет, а пока заткну уши и зажмурю плотнее глаза, сжавшись в комочек. Буду ждать и верить.

— Быстрее! — возглас Альрика перекрыл безмолвие в ушах.

Загрохотало, и звуки были механическими, словно волокни и переворачивали что-то тяжелое.

— Сюда! — крикнул профессор.

От удара сотрясся пол и выпали остатки стекла из шкафчика. Наступила тишина, в которой монотонно стучали падающие из бачка капли.

Я не заметила, как вслепую схватилась за руку проректрисы и начала растирать. В том, чтобы оценить воочию картину сражения, не было нужды: за меня поработала богатая фантазия. В смеженных глазах есть свои преимущества. Я не увижу декана с ужасными кровавыми ранами. И Альрика не увижу — покореженного отдачей и полумертвого от усталости. И крылатую тварь-убийцу, облюбовавшую потолок, не увижу. И как слабеет Царица, тоже не увижу. До чего удобен мир, погруженный вечную темноту!

Послышались тяжелые неровные шаги. Кто-то приближался, расшвыривая по пути мешающую рухлядь, и я открыла глаза. Придет же в голову всякая ерундень! Конечно, мне хочется видеть профессора — живого, невредимого и победившего чудо-юдо. И Стопятнадцатого хочу видеть, читающего белые стихи о победе над летучим монстром.

— Как она? — послышался голос Альрика.

Мужчина опирался о ножку стола. Только сейчас я заметила элегантную жилетку из темно-зеленого атласа и светлую рубашку, нетронутую когтями и клювом чудовищной твари. Альрик жив! Он стоит на ногах, не скрюченный отдачей, не истекающий кровью и не обессиленный после неравного боя!

— Неважно, — я поднялась на онемевшие ноги, и по затекшим конечностям забегали крохотные иголки.

Генрих Генрихович приковывал следом. Сквозь разодранную рубаху на его спине виднелись глубокие царапины, которые почему-то не кровоточили.

— Помогите мне, — сказал профессору, и они вдвоем перевернули стол. Альрик осторожно поднял раненую и, уложив на пластиковую поверхность, бережно похлопал по щекам.

— Не спать, Евстигнева Ромельевна! Развлечение закончилось.

Декан вынул из одного кармана брюк пачку шприцов, из другого — горсть ампул и, сунув мне, велел:

— Наполняйте.

Ногти у него были черные и грязные под лунками. Видимо, Стопятнадцатый торопился

и не стал оттирать руки после близкого контакта с лапами крылатого уродца.

Трясущимися руками я вскрывала упаковки и засасывала иголками прозрачные и мутные жидкости из флакончиков, а Генрих Генрихович ушел в прихожую, бросив доморощенную медсестру на произвол судьбы. Никогда бы не подумала, что в критической ситуации у меня выйдет что-то путное. По закону подлости ампулам следовало разбиться или закатиться в недоступную щелку.

Профессор одним махом разорвал халат проректрисы по раненому боку, а затем проделал то же самое с набрякшей от крови блузкой, в которой женщина навещала утром Ромашевичевского. От увиденного меня чуть не вырвало недавним обедом.

— Не так страшно, как кажется на первый взгляд, — сказал Альрик, заметив, что я сглатываю, зажав рот рукой. — Принесите-ка воды.

С удовольствием, лишь бы исчезнуть отсюда.

Стопятнадцатый, вернувшись с чисто вымытыми руками, начал поочередно всаживать в предплечье женщины шприцы, бросая использованные на пол. Выдавлив содержимое семи или восьми шприцев, он всадил себе в бедро оставшиеся два.

Дальнейшего я не видела, потому что, прохлюпав по мокрому полу, бросилась в прихожую и принялась обшаривать шкафчики. Найдя на этажерке глубокую кастрюльку с надписью: "Для обработки паром", поставила её в раковину. Когда тугая струя ударила по эмалированной стенке, меня затрясло — запоздало и истерически.

Почему к нам не спешат на помощь? Почему институт вымер? Ни сирен, ни носилок скорой помощи, ни сочувствующих и любопытных. За стенами лаборатории продолжается размеренная упорядоченная жизнь, и никто не догадывается о трагедии за дверью, подпертой шваброй.

Рухнув на табуретку, я смотрела невидяще в одну точку, пока журчание переливающейся воды из кастрюльки не напомнило о просьбе профессора. Теперь нужно найти какую-нибудь стерильную тряпицу. Опять перестучав дверцами шкафчиков и не заметив ничего путевого, я схватила пачку экипировочных одноразовых комплектов. Так и вернулась в лабораторию, нагруженная как ломовая лошадь: с сумкой на плече и комплектами под мышкой, таща тяжелую кастрюльку в руках.

Водрузив заказ на стол, я отошла в сторону, чтобы не мешаться. За время моего отсутствия декан нашел убогий стульчик без ножки и устроился на нем, прислонившись к бачку. Подперев поудобнее руку, Генрих Генрихович держал пакет с темно-кирпичной жидкостью, она заполнила систему трубок, тянувшихся к руке проректрисы. Я успела заметить белые буквы на черном квадрате: "Универсально" и ниже: "Хранение +2... +6", прежде чем меня опять затошнило.

— Как плечо? — спросил профессор у Стопятнадцатого, открыв свежую ампулу и вылив содержимое в кастрюльку.

— Кровь свернулась.

— Отлично. Эва Карловна, у окна в ящике стола лежит пистолет. Будьте любезны, принесите. И оставьте сумку. Ее никто не съест. Теперь, — усмехнулся Альрик.

Я предпочла не отвечать и не снимать, потому что срослась со своей ношей. Перепрыгивая через разбитый и покореженный хлам, добралась до нужного стола и лишь тогда вспомнила о летающем чудище. Неужели профессор сжег его дотла, и кучки пепла не осталось?

Мне даже почудился запах горелой плоти, который развеялся глухим стуком за спиной.

Тварь оказалась заточенной под перевернутым лабораторным стендом — прозрачным кубом из бронированного стекла — и методично билась о стенки, украшая их абстрактным рисунком из черных вязких разводов. Так вот что двигали мужчины, сотрясая стены помещения.

Сделав пару шажков, я остановилась, не рискнув приближаться. О, ужас! Как природа сумела сотворить нелепое нежизнеспособное существо? Более уродливого и мерзкого создания не смогло бы представить даже мое воображение. У пародии на птицу срослись кривые изогнутые лапы и клюв, а головы не было совсем, как и хвоста. Крыло-обрубок, покрытое черной маслянистой пленкой, было изувечено, и из разлома сочилась зеленая слизь, натекая пузырящейся лужицей на полу. Будто почувствовав, что я наблюдаю за ним, уродец замер, а затем подполз к стеклу и начал царапать когтем, издавая противные скрежещущие звуки. На меня накатила тошнота.

Бросившись к столу, я вытащила из верхнего ящика инъекционный пистолет и кинулась к мужчинам. Профессор колдовал над раной проректрисы. Отмытая от крови, она, тем не менее, выглядела ужасно, и меня опять замутило. Определенно, обильные обеды не приносят пользу организму. Больше не пойду на поводу у жадности, чтобы не объедаться.

— Устали? — обратился Альрик к декану и, забрав у меня пистолет, вставил в барабан несколько ампул.

— Потерплю. Привычный, — пробасил Стопятнадцатый, закрыв глаза. — Гадина переломала все штативы. Немереная силища!

Профессор обколол кожу вокруг раны и, скрепив разрывы пинцетами, приступил к зашиванию. В руках у него были щипчики, которыми он удерживал изогнутую иглу. Где мужчина нашел инструменты? Неужели носит хирургические принадлежности в кармане жилетки? И швы у Альрика получались аккуратные, и руки не дрожали, несмотря на изматывающее сражение с крылатой страшилой. Прирожденный хирург.

Профессор кинул на меня быстрый взгляд и улыбнулся:

— Как вам красавчик? Пообщались?

— Страшнотень, — призналась я. — Такое не может жить.

— Не может, — согласился декан, не открывая глаз. — Интересный неживой экземпляр.

— Вы молодец, — похвалил Альрик. — Не испугались в безвыходной ситуации и подали прекрасную идею. На доску почета девушку, а, Генрих Генрихович?

— Скорее, всех нас за шкуру и вон из института, — пробурчал Стопятнадцатый, поелозив на стуле и устраиваясь удобнее. — Все-таки где она его откопала?

Закончив с зашиванием раны, Альрик перешел к латанию поврежденного плеча декана. Иглу и нить экстрахирург обработал аэрозолем, а кожу обколол новым зарядом из пистолета.

Притащив из прихожей табуретку, я уселась у стены. После пережитого на меня накатила усталость. Захотелось зевать, что я и сделала — сладко, выворачивая челюсть и благовоспитанно прикрываясь рукой.

Профессор пробрался к холодильнику и принес кучу новых флакончиков и упаковок со шприцами, часть которых по-свойски бросил мне на колени. Теперь уже вместе с Альриком мы наполняли шприцы, после чего он вкалывал содержимое проректрисе и Стопятнадцатому.

— Умопомрачительные дозы, — проворчал декан, закатывая рукав рубахи. — Бедная моя печень.

— Из нескольких зол следует выбирать наибольшее, чтобы быстро отмучиться, — ответил наставительно профессор. — Покуда мы ничего не знаем о летуне, нелишне трижды перестраховаться.

— А вы? — спросила я, глядя, как он вводит зеленоватый раствор в здоровое плечо Генриха Генриховича.

— Что я? — сверкнул улыбкой Альрик.

— Вас не задела эта... это...?

— Беспокоитесь?

Трудно, что ли, ответить нормальным языком после перенесенных испытаний? Вот возьму и не куплюсь на подколки. Не понимаю я шуток, потому как чувство юмора пропало. Выгорело полностью при виде клювастого убийцы.

— Да, переживаю, — ответила я сварливо.

— Разве что плечи ломит, и спина болит, — разогнулся мужчина. — Умеете делать массаж?

— Я?! — это он мне предлагает? — Не-е, — протянула ошарашенно.

— Жаль, — снова улыбнулся профессор.

Не к добру его веселье. Может, у него тоже началась запоздалая истерика?

Альрик принес из прихожей стойку для одежды и, оторвав от жалких остатков халата полоску, навязал с коричневым пакетом петлю, которую подвесил на крючок. Убедившись в надежности наскоро сооруженной конструкции, он проверил зрачки и пульс Евстигневой Ромельевны.

— Как? — спросил Стопятнадцатый, потягиваясь.

— Спит. Успею обернуться и захвачу что-нибудь перекусить, — ответил профессор, укладывая скрученный пиджак декана под голову раненой.

— Было бы неплохо, — согласился Генрих Генрихович, оживляясь. Наверное, на него начали действовать стимулирующие препараты.

— Эва Карловна, вы устали. Я провожу вас, — сказал Альрик.

А? Что? Неужели конец? Мне разрешили покинуть вертеп сумасшедшей науки? Я уж успела позабыть, что нахожусь не в иной реальности, с летучим упырем под боком, а в родимом институте, где уютно и тепло, где Бабетта Самуиловна следит за порядком поверх очков, где швыркает сопливым носом мой начальник, где греются в нишах камнееды окаймленные, где Агнаил играет грустный наигрыш на горне, а потом идет в гости к завхозше. Дверь со шваброй превратилась в разделительную полосу, отделившую меня от брэнного мира.

Что ж, поднимусь с табуретки как древняя старушка и поползу к живым.

— Эва Карловна, — прокашлялся декан. — Сегодня вы невольно стали участницей неординарного происшествия с тяжелейшими последствиями. И поверьте, милочка, вашу помощь трудно недооценить. Меня терзает глубочайшее чувство вины за то, что вы оказались втянутой в опасную историю, однако ваше мужество достойно восхищения. Я не вправе требовать клятву или обещание о молчании. Единственное, о чем могу просить — не предавать огласке события, коим сегодня вы стали свидетелем.

— Ну что вы... — залепетала я в ответ, смутившись от комплимента. — Никто не узнает...

— Мне крайне неудобно сознавать, милочка, что по моей вине ваша психика подверглась суровому испытанию. Предположу, что послестрессовый синдром еще даст о

себе знать, и подготовка к экзамену не выйдет у вас при всем усердии. Альрик, будь любезен, обеспечь Эву Карловну соответствующими препаратами, а вы, милочка, не перегружайте голову и подходите завтра в деканат часам к двенадцати пополудни. Думаю, мы найдем способ, как решить проблему с основами элементарной висорики.

Я непонимающе уставилась на Стопятнадцатого. Душевный заботливый дядечка, читавший стихи у окна и учивший меня заклинаниям, предлагает соглашение? Мол, притихни и не рассказывай на каждом углу о подробностях разгрома в лаборатории, и будет тебе автоматический пятак. Очередная незаслуженная оценка.

Я уже набрала воздуха побольше, чтобы высказать свои мысли по поводу подкупа, как профессор схватил меня под локоток и выдворил в прихожую.

— Не обижайте Генриха Генриховича, — сказал с легкой полуулыбкой.

— К-как не обижать? — от возмущения я начала заикаться. — О-он же мне предложил...

— От чистого сердца, не проводя связи между вашей неоценимой помощью и оценкой за предстоящий экзамен. Генрих Генрихович прав: сейчас вы кипите и негодуете, а вечером навалится апатия, и мозг будет не в силах усваивать информацию.

— Тогда я пойду на пересдачи!

Альрик, проигнорировав бунтарский выпад, заглянул за матовую дверь:

— Где у неё ключи?

— На этажерке, вторая полка сверху. Аккуратистка, каких свет не видывал, — откликнулся бас декана.

— Прежде чем выйдем, хочу предложить вам умыться, Эва Карловна, — сказал профессор с едва различимой лукавинкой.

К чему завуалированно намекать, похихикивая? Так и скажи напрямик, что дама чумазая как трубочист и лохматая как баба-яга.

Пока я плескалась у раковины, так и не спустив сумку с плеча, профессор принес из лаборатории гнутый зеркальный лист, снятый с какого-то прибора. Глядя на размытые контуры растянутого лица, я пригладила волосы, но не сказала Альрику спасибо за джентльменский жест. И того достаточно, что подняла настроение мужчинам своей запачканной физиономией.

— Сняли бы сумку, — предложил профессор. — Могу подержать.

— Нет, — ответила я резко. — Там... результат нашей сделки.

Альрик непонимающе возрился и вдруг весело ухмыльнулся.

— Пройдемте, — только и сказал, вынимая швабру и пропуская вперед великую спасительницу деканов, проректрис и профессоров.

Дорога до закрытой лаборатории прошла во взаимном молчании, но по пути мой спутник здоровался и пожимал руки встречным знакомым и коллегам, которые жили спокойно, дышали ровно и не подозревали, что несколькими коридорами правее, в одной из множества лабораторий, недавно был спасен мир. Мною. Ну, и Альриком. И деканом. И вообще, надо быть скромнее.

Мы шли, и я вдруг поймала себя на мысли, что в голове пусто. Даже если навстречу попалась бы Лизбэт с топором, приготовленным для соперницы, или следом бежали бы толпы фанатов, забрасывая камнями, мне стало всё равно. Голова работала, но острота ощущений притупилась. Происходящее воспринималось через призму отстраненности, будто бы я со стороны наблюдала за собой.

— Почему пострадали Стопятнадцатый и Царица? — спросила, когда мы подошли к стене с электронным замком, и не сообразила, что раскрыла прозвище проректрисы. — На них же *cliro intacti*.

— Щит не защищает от физических травм, — пояснил профессор. — Он отбрасывает любое вис-воздействие, но не спасет от подзатыльника или от острого клюва.

Альрик пропустил меня в лабораторию. Ведь я зарекалась больше туда ни ногой, а не прошло недели, как снова ошиваюсь на закрытом пятом этаже.

— Я думала, набежит народ, и нас будут снимать с пожарной машины или растянут багут под окнами. И приедет телевидение, а газетчики возьмут интервью, — пробурчала, водрузив сумку на кушетку.

Мужчина скрылся в комнате с пальмой и загремел чем-то стеклянным. Наверное, выгребал лекарства из холодильника, которые могли пригодиться в разрушенной лаборатории.

— Вынужден разочаровать. Мы поставили *veluma silenche*^[41], усилив его заклинанием отвлечения, — ответил профессор, выйдя из комнаты отдыха. Мои предположения оказались верными. В руках он держал коробку, в которую составлял флаконы и пузырьки из шкафчика. Туда же бросил кучку упаковок с перчатками, бинты, салфетки, еще что-то вытаскивал из ящиков, ходя по туда-сюда по помещению, и складывал.

— А как Евстигнева Ромельевна попала в лабораторию? И что это за птица? А что вы будете с ней делать? Как от нее избавиться, если она неживая? — прорвало меня. — А...

Увлечшись я, не заметила, как Альрик остановился напротив.

— Тс-с, — приложил палец к моим губам, и я замерла, растерявшись. — Вы задаете слишком много вопросов. Не берите случившееся в голову.

Как не брать, если у проректрисы вырван кусок мяса с талии, Стопятнадцатый исполосован как бойцовый кот, а жуткий монстр под бронированным стеклом ждет малейшую оплошность, чтобы вырваться на свободу?

— Вопросы без ответов мешают спокойному сну и удачной сессии, так что отвлекитесь, займитесь приятными делами и забудьте о том, что видели. Поймите, Эва Карловна, ваша помощь оказалась поистине бесценной, и меня, как и Генриха Генриховича волнует ваше дальнейшее самочувствие. Прошу обдумать слова Стопятнадцатого. Он высказался из лучших побуждений, не имея специального умысла. Я же хочу просить вас о молчании — безоговорочном и тотальном.

Я хотела ответить, что не собираюсь забывать, а также трепать языком налево и направо, но, встретившись с глазами профессора, замерла. Он смотрел на меня так... словом, как не смотрел ни разу. Я имела честь познакомиться с ним сердитым, веселым, злым, задумчивым, расстроенным, невозмутимым, равнодушным, кипящим яростью, насмешливым, но сейчас... сейчас под взглядом мужчины сердце затрепыхалось, как пойманная в сети рыбка, и к горлу поднялась удушливая волна. В довесок профессор взял мою лапку и начал мягко поглаживать, а мне катастрофически не хватило сил вырвать руку. Я замерла истуканчиком, с языком, прилипшим к нёбу, и чувствовала, как наливаются жаром щеки и горят уши.

— Можно рассчитывать на ваше молчание? — спросил вкрадчиво Альрик, лаская ладошку, и каждое слово резонировало с ударами бухавшего сердца.

— Д-да... Конечно... — согласилась я заворуженно, утопая в бездонной синеве взгляда.

— И забудете о том, что увидели сегодня?

— Да...

— Прекрасно. Умная девочка. И сильная, — сказал мужчина, и слова прозвучали наивысшей похвалой в его устах.

Очнулась, когда озябли пальцы, лишившиеся тепла профессорской руки, а сам он, опершись о кушетку, смотрел на меня с легкой улыбкой. Неужели я успела ляпнуть восторженную глупость, пожирая мужчину преданными глазами? Вот стыдобище!

Пытаясь скрыть парализующую неловкость, порывисто придвинула сумку.

— Здесь ваша доля.

— Оперативно, — похвалил Альрик, и ямочка на его подбородке, случайно выхваченная взглядом, опять выбила меня из колеи. — Сколько?

— Двести пятьдесят. — О чем это я? Ах, да, о деньгах. О бешеном количестве наличности. Надо переключиться с тревожащей близости профессора на свалившееся богатство. На обеспеченность. На возможность покупать всё, на что укажет мой палец.

— Сверх ожиданий, — заключил мужчина. — Я не ошибся в вас.

Стараясь не смотреть на него, я вытащила футлярчик из сумки и неуклюже открыла.

— Ваши сто двадцать пять.

— Вижу. Делите.

— Как? — уставилась я на Альрика. Простой вопрос завел в тупик.

— Поровну, как договаривались, — хмыкнул весело профессор. Видно, его невероятно забавляло, когда удавалось поставить меня в затруднительное положение.

Как скажете. Пачка — налево, пачка — направо... И так, пока не осталась последняя упаковка банкнот, которую я протянула партнеру по сделке.

— Боюсь ошибиться.

Мужчина ловко вскрыл печать банка и, не считая, разделил купюры на две части.

— И все? Вдруг здесь меньше, а в этой больше?

— Выбирайте любую, — предложил профессор с несходящей улыбкой.

Поколебавшись, я из скромности выбрала сначала ту часть, где, как мне показалось, наделилось меньше денег, но посмотрела на веселящегося Альрика и назло ему схватила ту стопку, что повыше. Да, я такая — глянула на него с вызовом. Что заработала, то и беру.

— Всё устраивает? — задала стандартный вопрос, закрывающий сделку.

— Устраивает, — согласился мужчина, признав наш уговор свершившимся.

Свою долю я уложила в футлярчик, в то время как профессор, забив банкнотами сейф под этажеркой, поинтересовался:

— Как прошел торг?

— Сносно, — ответила я скупно. Вспомнила жадность, с которой выцарапывала деньги у Алесса, и на душе засвербело.

— Возникли проблемы с посредником?

— Ну... он попросил свести с "трезубцем".

— За некоторую мзду? — уточнил Альрик.

— Да, — признала, я отведя глаза в сторону.

— А вы?

— А что я? У меня обет, — пожалала плечами и устыдилась случайно вырвавшихся слов.

Профессор рассмеялся. Какой-то он странный после победы над крылатой тварью. Радует, услышав, что при удобном случае я выдала бы его с потрохами за лишний висор.

— Спасибо за честность, — объяснил мужчина причину хорошего настроения. — Еще

что-нибудь предлагал?

— Вроде бы нет.

Промолчу, что посредник предложил надуть Альрика, поделившись меньшей суммой, а то профессор, чего доброго, развеселится без меры и начнет хохотать без удержу.

— Неужели быстро отступился? — допытывался партнер. Наверное, хотел потешить самолюбие, слушая, как рыжий умолял о встрече со знаменитым "трезубцем". Лично мне достаточно того, что парень прибежал в общежитие, аж пятки засверкали, и согласился с моей ценой.

— Не сразу, но смирился с отказом.

— У вас железная сила воли, несмотря на раздолье искушающих предложений, — заключил мужчина с лукавинкой в голосе и с мягкостью во взгляде. И снова я почувствовала давление его харизмы, повысившей мою температуру.

— А-а... Альрик Герцевич, — прокашлялась, чтобы собраться с мыслями, — у меня сложилась безвыходная ситуация.

— С экзаменом по элементарной висорике?

— И с ним тоже. Посоветуйте, где хранить деньги. Боюсь потерять, а с сумкой неудобно таскаться.

И вдобавок опасно. Но не собираюсь объяснять профессору, что, кроме страха утраты, беспокоюсь из-за перспективы насильственного изъятия наличности.

— Ваши опасения понятны, — согласился Альрик. — Существует два способа уберечь деньги в целости: законный и криминальный. Связываться с криминальным вариантом не советую, потому что у вас нет достаточного опыта и знания некоторых правил. Законным путем можно положить наличность на банковский счет или хранить в банковской ячейке и при необходимости пополнять или забирать средства. Такие услуги предоставляет Первый правительственный банк. Но видите ли, в чем проблема, Эва Карловна. Поскольку правительство является монополистом в сфере финансовых услуг, то движение денежных потоков контролируется Департаментом по ценностям. Поэтому при подаче заявления на открытие счета или на аренду ячейки потребуется обосновать источник доходов с документальным подтверждением. Иначе...

Иначе, если я не докажу, что заработала деньги, продавая собственноручно написанные конспекты или вкалывая без сна и отдыха в архивном погребе, не видать мне банковской ячейки как своих ушей, зато видать дорогу дальнюю и казенный дом с решетками.

— Но ведь я могу соврать. Скажу, что папа дал тысячу висоров. Это меньше, чем сотня тысяч, и никого не заинтересует.

— Меньше, — согласился собеседник, — но в заявлении указывается первоначальный размер суммы, закладываемой на хранение, и прежде чем положить средства в ячейку, служащий банка произведет пересчет в вашем присутствии.

— А по-другому никак?

— Увы. Это система.

— И как быть? — растерялась я. Никогда не задумывалась, где хранят свое добро умные и взрослые люди. Оказывается, они хранят его в банке, и не в стеклянной. Может, проще рассовать банкноты за плинтусом и не накручивать страхи?

— Я мог бы одолжить в пользование свой сейф, но, во-первых, он мне еще пригодится, а во-вторых, боюсь, эта затея покажется кому-то двусмысленной и, к тому же, создаст неудобства для нас обоих.

Альрик прав. Действительно, если стану прибегать к профессору каждый раз, когда понадобятся деньги, — а у меня возникло предчувствие, что в наличности я буду нуждаться постоянно — то проживу мало и скончаюсь скоро из-за вездесущих поклонниц образчика мужской красоты. Кроме того, мне хотелось быть хозяйкой собственному богатству и не зависеть от чужих капризов.

— Вы можете приобрести сейф для собственных нужд, но надежные охранные системы стоят недешево, — продолжил Альрик. — Кроме того, подобные покупки нечасты, и Департамент правопорядка отслеживает каждую сделку. Наверняка курирующие службы заинтересуются именем покупательницы и размерами суммы, потраченной на покупку сейфа.

При упоминании знакомого департамента меня зазнобило из-за возникшей ассоциации с одной небезызвестной фамилией. Эх, не видать мне миленького карманного сейфа с миллионом секретов как своих ушей.

В итоге, перебрав различные варианты, профессор срубил на корню ростки надежды, не дав им толком прорасти. С каждым его словом мой оптимизм падал и падал, пока не покатился по наклонной в пропасть отчаяния. Что же делать? Носить деньги в сумке? Спрятать в кармашек на веревочке и повязать на талии? Держать в тумбочке или на чердаке? Или связаться с криминалом в противовес заверениям опытного партнера?

— Не паникуйте, Эва Карловна. Проблема сохранности денег не идет ни в какое сравнение с сегодняшним испытанием в лаборатории, а ведь рисунок на вашем пальце не сподобился проявиться.

Ишь зоркий сокол. Без обследования и осмотра успел разглядеть всё интересующее. Я повертела рукой. На удивление, стресс от встречи с крылатым чудищем не помешал "колечку" спрятаться под кожу. Волосинки-звенья пропали, сигнализируя об отменном психическом состоянии.

— Меня приятно порадовало, что нам удалось прийти к согласию в вопросах сохранения тайн, — сказал многозначительно Альрик. — Подчас умение держать язык за зубами становится гарантом поддержки в решении разных деликатных проблем.

Его тирада означала: если умная девочка хочет, чтобы ей впредь помогали, то должна молчать. И без ваших намеков, уважаемый профессор, не собираюсь болтать о птичке с каждым встречным и поперечным. И вообще, сама разберусь, куда деть деньги.

Мужчина, разглядев моем на лице все оттенки обиженной оскорбленности, заверил:

— Сегодня мое доверие к вам перешло на новую ступень, поэтому хочу предложить маленькую лазейку, чтобы обойти установленные правила.

Не поймешь, то ли льет елей с иронией, то ли искренне. Все-таки Альрик — опасный человек. Похож на прирученного цивилизацией хищника, готового в любой момент оттяпать с приветливой улыбкой руку или проглотить целиком.

— Несмотря на установленные законом требования, всё же рекомендую аренду ячейки в банке. Но для этого потребуются попасть в нужное окно обслуживания к нужному человеку, который оформит документы, и комар носа не подточит. Естественно, банковский служащий не станет рисковать впустую. Кроме суммы ежемесячной аренды придется отблагодарить его за беспокойство.

— То есть заплатить? — уточнила святая простота.

— Эва Карловна, приучайтесь говорить иносказательно. Вам скоро блистать на приеме, — напомнил мужчина о застарелой зубной боли, и мне стало тоскливо. День икс

неумолимо приближался, минута за минутой.

— Постараюсь, — проворчала я, недовольная назидательным поучением.

— Обычно сумма индивидуального вознаграждения не превышает сумму регулярного платежа за поддержание ячейки. В итоге вы будете отдавать около тысячи за каждый месяц аренды.

Вручать ежемесячно тысячу висоров неизвестному дяде?! — выпучила я глаза. За что? За коробочку, в которой будет храниться мое богатство? Это же двенадцать тысяч в год! Деньги, которые можно потратить на удовольствия и избаловать себя, любименькую, или, к примеру, ссудить Симе на операцию. Да за такую наглую "благодарность" меня должны привозить к банку с фанфарами и увозить с торжественными почестями, как королеву!

Я уставилась в окно, грызя ноготь. Сложный выбор: соглашаться или отказаться, пожадничав. Что меня ожидает, если не приму предложение Альрика? Выйду из лаборатории и поплетусь в общежитие, а за мной потянутся шлейфом фобии. Этак дойдет до того, что буду бояться любой тени, начну вздрагивать по поводу и без повода и быстрехонько съеду с катушек, в каждый момент ожидая удара в спину. Нет уж, хочется спать спокойно, а не вертеться без сна, прислушиваясь к каждому шороху. Мне еще свое сокровище тратить — не перетратить, и лучше заниматься приятными делами без страха.

И все-таки двенадцать тысяч... Деньги, потерю которых не могу осознать, потому что не успела почувствовать преимущества обеспеченной жизни. Ну, и ладно. Распробуй я вкус сытости и соблазнов, было бы гораздо жалче расставаться контрабандной наличностью. К тому же, вдруг меня угораздит истратить висоры значительно раньше, чем истечет год аренды? Фи, запросто, дайте только начать и привыкнуть.

— Хорошо, — согласилась я неуверенно, и профессор, не став тянуть kota за хвост, просветил об особенностях заведения личной банковской ячейки. Когда я попаду в здание банка, нужно отбросить мандраж и идти смело в сектор для обслуживания физических лиц, откуда перейти в зал, где осуществляют операции с банковскими ячейками. Далее предстояло отыскать среди служащих тщедушного сморчка с большим носом, имя которого — Мокий Лаврович Перепелицын, и затесаться к нему в качестве клиента. Не так уж трудно. Главное, сделать лицо кирпичом и вести себя уверенно.

Как оказалось, для удачного исхода дела недостаточно взятки и смущенной девичьей улыбки. Гному Мокию требовались рекомендации.

— Посудите сами, Эва Карловна, если каждый проходящий с улицы станет просить о личной ячейке в обход установленных ограничений, служащий почует подвох. Работников банка, знаете ли, периодически проверяют на порядочность и неподкупность.

— Как же быть? — выдавила я через силу. Возведенные Альриком сложности пригвоздили меня к кушетке.

— Я мог бы лично просить за вас, но не сегодня. Сами понимаете, некогда. Согласитесь потерпеть некоторое время? Дня три — четыре, а может, и дольше. Не могу сказать с точностью.

Конечно, Альрику некогда. Ему нужно вернуться к Царице и к декану, а еще думать думу, как разобрать на атомы неживого уродца под стеклом, прежде чем уродец разберет по кусочкам институт.

Сколько придется ждать? Три дня, как сказал профессор, или неделю? Сомневаюсь, что у меня хватит терпения дожидаться, когда мужчина установит контакт с крылатой тварью.

— Вижу ваше нетерпение, — сказал мужчина, прочитавший меня как книгу. — Вам

хочется поскорее разрешить проблему со своей долей.

— Очень хочется, — согласилась я, кусая губы.

— Хорошо. Коли вы не намерены ждать, предлагаю воспользоваться моим ходатайством на расстоянии.

— Это как? — удивилась я способу передачи просьбы. — По телефону?

— Телефоны банковских работников прослушиваются. В любом случае, учтите, Эва Карловна: малейшая ошибка, и вы подставите под удар всех нас, — посмотрел испытующе профессор. — В здании банка установлены видеокамеры и микрофоны, которые запишут каждый ваш жест и каждое слово, поэтому важно говорить иносказательно.

— И как я получу свою ячейку, если надсмотрщики дышат в затылок Перепелицыну?

— Как он устроит дело, не ваша печаль. В нужный момент потребуется сказать фразу: "В уверенном лидерстве — финансовая устойчивость". Повторите.

Я произнесла конспирационные слова несколько раз, запоминая.

— Не ошибитесь в построении предложения, — еще раз напомнил Альрик. — Это важно.

— А как узнать, когда и что говорить?

— Поймете в нужный момент. Хотя могу облегчить задачу, спрогнозировав общее направление разговора, — сказал профессор и вкратце расписал ожидаемые вопросы банковского служащего и мои ответы, упомянув о секретной фразе: — Сначала — процедура оформления документов. Служащий заполнит анкетные данные, прочие формы и предложит расписаться в бланках. Нужно предугадать момент, прежде чем вас попросят подтвердить происхождение суммы, сдаваемой на хранение. Не волнуйтесь. Эта возможность появится в промежутке между заполнением многочисленных заявлений и вопросников. У вас спросят что-то вроде: "Ваши впечатления о банке" или "Почему вы решили довериться нашему банку?"

Нашлись кодировщики на мою голову. Зачем шпионские сложности? Хотя за вознаграждение, полагавшееся предателю банковской системы Мокию Лавровичу, я бы тоже с радостью зашифровалась как секретный агент.

А профессор, оказывается, не лыком шит. Мы с ним два сапога — пара: прирожденные любители преступать закон и порядок. Стоим и спокойненько обсуждаем предстоящую махинацию без капли угрызений совести.

Помня о просьбе декана, Альрик вручил флакончик и велел принимать содержимое по десять капель три раза в день, разводя в любой жидкости. Как он выразился, для повышения стрессоустойчивости, ибо, по мнению профессора и Стопятнадцатого, вскоре мне предстояло впасть в глубочайшую депрессию и заново пережить в своем воображении сегодняшние приключения в лаборатории.

Решив облегчить мне жизнь, мужчина вручил листочек с телефонным номером для вызова такси, но доставку моей персоны от института до банка взял на себя, заказав машину к воротам альма-матер.

— Когда сядете, скажите: "Первый правительственный банк", и водитель довезет без лишних расспросов, — пояснил, набирая цифры на телефонной станции.

— Сколько стоит вызов?

— Около тридцати висоров в один конец. Почему спрашиваете? Вы теперь состоятельная дама, — улыбнулся Альрик.

По привычке, которую не вытравить сумасшедшими деньгами. Итого потрачу на проезд

более пятидесяти висоров, что приравнивается к еженедельной благотворительной помощи декана. Жалко. Лучше пройтись на ногах. Кстати, неплохая мысль. Срисую с карты схему проезда и устрою пеший переход. День туда, день обратно по столице с котомкой на плече и с сотней тысяч за пазухой.

Эх, наверное, пройдет немало времени, прежде чем перестану переживать, видя, как зараз улетают в никуда огромные суммы.

— Машина подъедет к стоянке через пятнадцать минут. У вас есть время, чтобы собраться, — предупредил партнер и пожелал удачи, на что получил в ответ слова благодарности. Ведь профессор мог плюнуть на меня и, выдворив из лаборатории, бросился бы к Стопятнадцатому, у которого остались незалеченные царапины на спине, или, потирая в предвкушении руки, приступил бы к дроблению неживого "крылатика" с помощью новой порции *secanossi*.

Взявшись за дверную ручку, я обернулась:

— А если оно вырвется наружу?

— Ступайте, Эва Карловна, и думайте о хорошем, например, о предстоящих покупках, — ответил Альрик. — И увеличьте дозу до тридцати капель за прием. Кстати, не совершайте большие траты, чтобы не привлекать к себе внимания.

— Большие — это сколько? — наморщила я лоб, вспоминая. Аффа говорила, что потребуется пять штукарей, чтобы привести меня в божеский вид к приему.

— От десяти тысяч и выше.

Прекрасно. Уложусь, и еще останется.

Спустя час

— М-да... Утешает, что среда не агрессивная и не токсичная. У нас есть время, чтобы придумать, как быть. Поэкспериментировать, разведать, оценить.

— Генрих Генрихович, здесь вам не подвал. Мы на четвертом этаже, и в непосредственной близости располагаются учебные лаборатории. Ежедневная пропускная способность — до пяти сотен человек.

— Знаю. И как предлагаешь избавляться от милашки?

— Прежде всего, о его происхождении должна рассказать Евстигнева. Далее... Порядка тридцати поражающих заклинаний не только не причинили вреда, но наоборот, стимулировали рост и интеллект существа. Взгляните, — Альрик поводит пальцами перед кубом, и тварь развернулась к профессору, следя клювом за двигающейся рукой. — А ведь у него нет глаз.

— Неподтвержденное предположение. Коли клюв и ноги срослись воедино, может статься, у него глаза натянуты на ж**у. Извини за грубость, иначе не получается. Да уж, задала Евстигнева задачку, будем решать упорно и, боюсь, небыстро.

— Знаете, кого напоминает летун? — Альрик создал крошечный *gelide candi*^[42], и уродец распластался на стекле, пытаясь дотянуться до концентрации волн.

— Он чувствует вис-возмущение! — воскликнул декан. — И кого же?

— Нашего Игрека.

— Странное у тебя сравнение. Я же, впрямую, не провожу аналогии.

— Туман появления существа в лаборатории развеет лишь Евстигнева, когда проснется. Поскольку распространяться о случившемся мы не будем, приведение лаборатории в приличествующий вид ложится на наши плечи.

— Придется списывать основные средства сверх лимита, — вздохнул как туба Стопятнадцатый. — Но, думаю, выкрутимся. Рассортируем ущерб по службам, и приписок не заметят. В большей степени меня волнует состояние Евстигневых.

— Худшее позади.

— И еще, Альрик... Знаю тебя давно, чтобы поучать и давать советы, но сейчас хочу предостеречь. Не превращай отношения с девочкой в иное... И для нее, и для тебя будет лучше, если вы останетесь на прежних позициях. Держи дистанцию.

— О чем вы, Генрих Генрихович?

— Не делай удивленное лицо. Между вами наметилось большее, чем рабочая связь "преподаватель — студентка".

— Вы ошибаетесь, — Альрик рассеянно постучал по стеклу, и уродец агрессивно толкнулся о стенку куба.

— Его раздражают звуки, — сделал вывод декан и вернулся к поднятой теме: — Я чувствую твой азарт, и он не имеет отношения к профессиональным обязанностям. Тебя не удивляет стремительность, с которой переменялось твоё мнение? Еще пару недель назад ты отзывался о ней крайне негативно...

— Генрих Генрихович, повторяю — вы ошибаетесь. Манера общения сложилась в силу того, что нам пришлось часто видаться по деловым причинам, и не более.

— Ну-с, решай сам. Прежде всего, не навреди ей. Хороший чай и курник свежий. Спасибо, порадовал старика. Когда Евстигнева проснется?

— Через час-полтора. Пора наводить лоск-блеск. Я взял на себя смелость заявить о переносе консультаций от вашего имени.

— Молодец. Не перестаю удивляться, как тебе удается удерживать в голове море информации. С моей рассеянностью лишь блокнот выручает.

— Хитрите, Генрих Генрихович. У вас хорошая память.

Спустя три часа

— Голубушка, ну, и напугали вы нас. Пропали шесть часов. Хотя что я говорю? Сон — лучшее лекарство. Как самочувствие?

— Как у человека, похудевшего за день на пятнадцать килограмм. Спина ноет.

— Когда закончится действие блокады — скажите. Поставим новую.

— Спасибо, Генрих Генрихович. И вам, Альрик, премного благодарна. Боюсь, без вашей помощи наступило бы бесповоротное фиаско.

— Перебазировать вас в ректорат получится после закрытия института.

— Не страшно. Потерплю. Спасибо за комфорт. Я уж думала, умру не по-человечески.

— Полноте, Евстигнева Ромельевна.

— Дайте мне зеркало. И отвернитесь, я не причесана.

— Ох, эти женщины... Альрик, принеси, что просит дама. Я знал, что в вашем холодильнике лежат медикаменты, но чтобы целый склад... Признавайтесь, голубушка, что затеяли, и для чего потребовался необычный питомец.

— Это... не питомец. Это результат эксперимента. По материальному переносу.

— Что-о?! Ты слышал, Альрик?

— Евстигнева Ромельевна, для опытов в этой области необходимо специальное разрешение Департамента науки и согласие двух министерств, не говоря о большой подготовительной работе, включающей специальное оборудование лаборатории и её

тестирование!

— Знаю.

— Евстигнева Ромельевна, как же так?!

— Теперь и сама не пойму. Как-то спонтанно пришло в голову. Вернее, и раньше размышляла об эксперименте, но сегодня твердо уверилась, что надо попробовать. Уж если Альрик провел опыт по переносу триэттакварца, то я смогу перенести живую материю.

— Невероятно! Уж от вас-то, голубушка, не ожидал ребяческой и глупой выходки. Можете обижаться на мои слова...

— Без обид. Согласна с любой критикой.

— Выслушайте, голубушка, и не прерывайте! Возможно, я больше не выскажу резких слов в силу субординации, но сейчас повторю: ваше внезапное решение подвергло опасности не только наши жизни, но и жизни невовлеченных лиц. А это почти три тысячи человек в дневное время!

— Вы имеете право на резкость, — ответила проректриса после тягостного молчания.

— Кто же послужил в качестве подопытного?

— Цыпленок восьми недель с племенного комбината, взятый из нашего питомника после карантина.

— Хотите сказать, что в прежней жизни уродец был обыкновенным цыпленком?! Невероятно и еще раз невероятно! Перед нами наглядный пример того, как опасен перенос материальных тел. Запомни этот день, Альрик, на всю оставшуюся жизнь! Даже инфузории туфельки после экспериментов с переносом необратимо мутируют в стопроцентном количестве, а вы использовали цыпленка! — понимаете? — живого цыпленка весом в два килограмма!

— Килограмм восемьсот грамм. Генрих Генрихович...

— После опытов неудачный рабочий материал в обязательном порядке утилизируют в крематории при полутора тысячах градусов в течение пяти часов, а остаток прокалывают трое суток!

— Знаю! Генрих Генрихович...

— Как прикажете утилизировать вашего мутанта?! Разложить на сковороде как цыпленка табака?!

— В конце концов, Генрих, остановитесь!.. Согласна, моему поступку нет оправдания и объяснения. На меня будто помутнение нашло, хотя я была в уме и в памяти. Накатила бесшабашность, и понеслось.

— Вы что-нибудь пили? Может, принимали препараты или вдохнули ненароком?

— Разве что у Ромашевичевского, — усмехнулась проректриса. — Увы, меня не угостили чаем и не подарили букет цветов.

— То есть после встречи с доцентом вы направились в лабораторию, никуда не сворачивая и с намерением провести опыт?

— Именно так. И по пути составила план эксперимента. Настолько четко всплыл в голове, что сама удивилась.

— Внушение отпадает. Неужели Ромашевичевский спровоцировал? Вот язва! Но как?

— Я бы почувствовала головокружение или нарушение координации. И прочие отклонения в состоянии тоже заметила бы. Встретила вашу протезе, она спрашивала о вас, и за поворотом имела конкретную цель и желание совершить прорыв в материальной висорике.

— Погодите... уж не о Папене ли речь? Об Эве Карловне? Значит, вы с ней виделись с утра? — изумился профессор.

— Её интересовал Генрих Генрихович.

— Да, позже мы встретились с ней... Кстати, отважная девочка. Не испугалась вида крови, хотя ей было нелегко. Благодаря идее учащейся ваша курочка сейчас под колпаком. Эва Карловна поддерживала вас, пока мы с Альриком пытались загнать летуна, а вместо этого летун гонял нас.

— Папена оказалась в лаборатории? — в свой черед удивилась проректриса. — Но каким образом?

— Совершенно случайно, как и я. Мы шли мимо и услышали голодный крик вашего питомца. А я, также безалаберно как и вы, втянул учащуюся в историю, не удосужившись оценить степень опасности.

— И... теперь остается ждать, когда все тайное станет явным?

— Напротив. Эва Карловна не глупа. Она вошла в наше положение и обещала не распространяться о случившемся. Я склонен её верить.

— Она вызывает у меня двойное чувство. До сих пор не могу разобраться в своем отношении к ней.

— Не потому ли после инцидента с компанией Касторского вы проголосовали против? Стало быть, повлияли личные пристрастия?

— Нет, — ответила резко женщина. — Не знаю. Скорее всего, нет. Я боюсь чувствовать себя обязанной девчонке, которая... которая не видит...

— Можете не продолжать, голубушка. Никто не говорит об обязательствах, и от нас их не требуют. У вас теперь одна обязанность — как можно скорее привести здоровье в норму. Как намерены осуществлять управление?

Когда дни успели стать резиновыми? — удивилась я, сбегая по лестнице в холл. Мои сутки растянулись, уместив в двадцати четырех часах уйму событий, отчего жизнь начала казаться нескончаемой каруселью приключений, хоть заводи ежедневник и расписывай для потомков каждую загруженную минуту. Вот и сейчас нужно спешить в банк и сдать денежки под надежную охрану.

Суета сует подождет. Прежде переведу дух, — решила я и бухнулась на постамент у святого Списуила. Посижу, передохну от впечатлений дня, а потом двинусь по делам.

Секундная стрелка на часах наматывала круги, но я не спешила вставать. Может, истинная причина внезапной лени состояла в необходимости ехать в центр города? Здесь, на отшибе, среди тихих улочек квартала невидящих и в замеченном сугробами институтском парке, мне было комфортно и привычно, а поездка в бесснежную сердцевину столицы вызывала тревогу. Меж высотных зданий я чувствовала себя пришлой козявкой в чужом муравейнике, в котором можно с легкостью потеряться и не найтись.

Чего мне бояться? В конце концов, на плече висит сумка с деньгами, и наличность откроет двери куда угодно, а голова на плечах дана для того, чтобы найти выход из любой ситуации. Жаль, листочек с телефоном Аффы остался в общежитии, но возвращаться за ним нет времени. И номер рабочего телефона Альрика не мешало бы заполучить. И деканского тоже.

Я бы еще долго не решалась подняться с постамента, придумывая тысячу мотивов, чтобы не ехать в банк, но неожиданно среди студенческой толчеи взгляд выхватил парня. Это был Мэл. И он трепался с двумя девицами возле северного коридора. И он мог в любой момент обернуться к статуе святого Списуила.

Меня подбросило на месте. Что делать? Бежать? Сидеть? Прячется? Игнорировать? — закрутился в голове ералаш, а сердце колошматило по ребрам. Прокрасться мимо или громко протопать с вызывающим видом?

К выходу, скорее к выходу! Напялив куртку, я ринулась к двери. Пусть Мэл не заметит!

Скосив глаза, я увидела в многочисленных отражениях зеркал, что парень — вовсе не Мэл, хотя отдаленно похож на него, скорей всего, стрижкой. И как я могла ошибиться? Незнакомый тип был пониже ростом и имел кривоватые ноги.

Это не Мэл! — от облегчения ноги чуть не пустились в пляс. Как бы я не убеждала себя, что морально готова к встрече с парнем, а действительность показала, что придется прятаться от него до окончания института.

А теперь на крыльцо и к воротам.

Сегодня крылатые провожали меня укоризненными взглядами, и в каменных ликах читалось осуждение. Знаю, я вместилище пороков, но не могу ничего с собой поделать и продолжаю грешить.

Выбежав за калитку, затормозила в растерянности. Три ряда машин, горделиво выставивших полированные капоты, оккупировали стоянку. Наверняка один из красавцев-автомобилей с лоснящимися боками принадлежит Мэлу.

Оглядевшись с опаской по сторонам, я обогнула группку парней-куряг, и, пройдясь вдоль кованой ограды, заметила черную машину с желтыми ромбиками на боку. В отличие от клоунского такси, на котором мне довелось покататься, автомобиль, вызванный

Альриком к порогу института, выглядел строго и солидно. Конечно, разве можно сравнивать студентку Аффю и известного ученого с мировым именем, который не подозревает, что можно носиться по городу за "десять и два сверху"?

— Здравствуйте, — открыла я дверцу. — Мне в Первый правительственный банк.

Водитель кивнул.

Наверное, в такси подобного класса считалось дурным тоном оговаривать заранее стоимость поездки, поэтому, устроившись на заднем сиденье, я притихла. Везли меня соответственно — в уютном салоне, с неслышно работающим двигателем и кондиционером. Вдобавок из невидимых колонок лилась ненавязчивая музыка. Водитель не заходил в крутые виражи на поворотах, не давил изо всех сил на тормоза перед светофором и не поливал грязью нерасторопных пешеходов. Словом, вез с удобствами как хрупкую посылку.

Вечер в городе вступил в права, зажегши фонари и витрины магазинов. Здания, облепленные рекламными вывесками, напоминали сказочные дворцы. Простояв в небольшой пробке, машина выскочила на автомобильную развязку, и на мгновение я увидела зависший над городом серый блин облаков, подсвеченных садящимся солнцем. Край блина обрывался у горизонта бледно-синей глазурью. Где-то далеко еще длился солнечный зимний день, а на столицу напоздали сумерки.

Влетев в скопление высотных зданий, такси понеслось по проспекту. Я же смотрела на серые бесснежные тротуары и барабанила пальцами по сумке, не замечая архитектурных шедевров. В голове прокручивался сценарий посещения банка.

Войду, поздороваюсь, скажу, предъявлю, — репетировала про себя последовательность действий. Видимо, водитель успел насмотреться на странных пассажиров, бормочущих под нос, потому что не удивлялся.

Где мое удостоверение личности? — завозилась я, испугавшись, что потеряла или оставила его в общежитии. Поиск дрожащими руками подтвердил, что документы по-прежнему лежат в потайном кармане сумки. На месте ли мое богатство? Пачки по-прежнему болтались в футлярчике и не успели испариться. Какие условные слова нужно сказать служащему банка? Не помню!

В оставшееся время, пока машина ехала, я судорожно вспоминала кодовую фразу, с каждой минутой беспокойство усиливалось: мне начало казаться, что слова в условном пароле совсем не те, и что перепуталась их последовательность. Роясь лихорадочно в памяти, я пропустила столичные красоты и очнулась, когда такси плавно затормозило.

— Двадцать восемь, — сказал водитель, и в его ладонь переключившись мелочь со сдачи из институтской столовой. Мужчина не подал виду, что недоволен оплатой в виде горсти монет, и я, выбравшись из машины, очутилась на улице. После теплого салона прохлада зимнего вечера освежила пылающее лицо, и в голове явственно всплыло зашифрованное профессорское послание. Ура!

Покуда меня везли, успело стемнеть. Улица, на которой высадила таксист, казалась узкой из-за зданий, сжимавших её с обеих сторон, и называлась Банковской, а непосредственно перед моим носом располагалась цель поездки — Первый правительственный банк с тремя этажами освещенных окон.

Современное здание в зелено-оранжевых тонах тянулось влево и вправо без малейшего намека на вход. Как попасть внутрь? Нужно спросить у прохожих.

Как назло, тротуар вымер.

И посетителей нет. Никто не заходит и не выходит. Неужели только мне, богатейке,

хочется попасть в банк?

На мое счастье у тротуара остановилась машина, и из нее вышел мужчина с портфелем. Незнакомец направился к зданию банка уверенной походкой. Пара мгновений, и он стукнется лбом об оконный карниз.

Мужчина любил свой лоб. Затаив дыхание, я наблюдала, как он поднялся в пустоте по невидимым ступенькам и исчез между окнами. Только что шел — и вмиг пропал. Что за фокусы?

У меня закралось страшное подозрение, что банк обслуживает висоратов, а для невидящих вход закрыт. К примеру, специальное заклинание при входе отфильтровывает обманщиков, притворяющихся не теми, за кого они себя выдают. Почему Альрик не предупредил?!

Я собралась было развернуться и бежать, пока не догнали и не схватили, как вдруг там, где исчез незнакомец с портфелем, разошлась стена с окнами, и из образовавшегося проема вышли мужчина и женщина, сошедшие по воздуху на тротуар. Их появление потрясло меня как если бы инопланетяне вышли из летающей тарелки, чтобы налаживать контакты с аборигенами.

— Девушка, вам нужно в банк?

В разъехавшихся окнах, вслед за которыми разъехались мои глаза, стоял немолодой мужчина в форменной одежде: зеленых брюках и оранжевом кителе.

— Д-да, — отозвалась я настороженно. Может, ну его, этот банк? Худо-бедно проживу и без него.

— Проходите. — Товарищ в униформе махнул приглашающе. — Будьте внимательны: здесь подъем.

Лишь приблизившись вплотную к зданию, я увидела, что лестница и широкие раздвижные двери составляют единый фон, сливаясь с фасадом. Ступеньки в точности повторяли текстуру цоколя, а разъезжающиеся окна оказались в действительности дверьми.

— Вы впервые здесь? — поинтересовался вежливо мужчина.

— Д-да.

— Ваша неуверенность понятна. Наш банк имеет честь представить новому клиенту имитирующую фасадную живопись с эффектом натурального обмана зрения без примеси иллюзий, — пояснил с гордостью мужчина.

Чем гордиться-то? Этак всех потенциальных клиентов распугают. Побродят люди кругами с часок и, не найдя входа, плюнут и уедут.

Товарищ в сигнальной униформе оказался услужливым швейцаром. От двери-притворщицы широкий коридор вывел меня на перекрестье трех залов, в каждом из которых прогуливались охранники. Заметив у них дубинки и рации, я нервно облизнула губы.

Определенно, над интерьером банка потрудился прекрасный дизайнер. Повсюду пластик, оранжево-зеленая символика на стенах, двухцветные жалюзи, пол из кофейной плитки, сливочный потолок, необычные офисные конструкции и фешенебельные диваны для клиентов, ожидающих своей очереди.

Несмотря на вечер, посетителей было немного. Незнакомец с портфелем занял в левом зале окно с надписью: "Обслуживание юридических лиц по предварительной записи". Я же — лицо, которое само по себе.

Лицо, нахмутив лоб, вспомнило указания профессора и направилось в сектор для обслуживания физических лиц, откуда перешло в зал операций с банковскими ячейками,

чувствуя затылком изучающие взгляды охранников.

В малолюдном помещении насчиталось шесть окон обслуживания, два из которых не работали. Наконец, за крайним окошком обнаружился коротышка, по приметам походивший на служащего, к которому мне предстояло подмазаться. Небольшая карточка на стойке: "Старший консультант Мокий Лаврович Перепелицын" подтвердила догадку.

Гном Мокий, в зеленой рубашке и оранжевом галстуке, утонул за конторкой по грудь. В очках в толстой оправе, съехавших на нос, он что-то подсчитывал, шевеля губами.

— Здравствуйте, — я старалась говорить уверенно, ибо интерес охранников к моей персоне начал казаться навязчивым.

Поверх очков в меня вперились маленькие блеклые глазки.

— Перейдите к соседнему окну. Это не обслуживается, — выдал Мокий Лаврович шокирующую весть. От услышанного я едва не рухнула на пол. То есть, как перейти? Мне же нужно к вам! Только к вам, а не к длинной жердине по соседству!

"Хочу сюда, потому что вас рекомендовали как лучшего специалиста" — объявлю Мокию в лоб и потоплю его, себя и Альрика. Кто рекомендовал? Почему? Значит, были прецеденты? Значит, девушка неспроста обратилась к старшему консультанту, — заработают шестеренки у невидимых наблюдателей, и они посмотрят в мониторы, на которых мое перепуганное лицо отразится крупным планом. "Ясно — эти двое в сговоре! Вязать их и в тюрюгу" — скажут профессионалы — надсмотрщики.

Ну, зачем я согласилась на предложение профессора? — чуть не завывала в отчаянии, приготовившись рвать на себе волосы. Ноги поплелись к консультанту — жердине, занимавшему окошко по соседству, в то время как в голове закрутилась воронка паники. Что придумать? Как, не привлекая внимания, исчезнуть из зала? К примеру, изобразить непроходимую тупость и пройти к выходу, объясняя каждому охраннику по пути: "Я передумала. Ваш банк — фуфло" или: "Ой, простите, ошиблась. Хотела в парикмахерскую, а завернула не туда".

И тут, услышав обреченное биение сердца одной преступной особы, случилось неожиданное чудо несварения. Когда до соседнего окошка осталась пара похоронных шагов, жердина схватился за живот и закрылся шторкой, поставив карточку: "Технический перерыв 10 минут". Я суетливо бросилась к гному Мокию.

— Там перерыв. А мне надо! — заявила, с трудом удерживая нетерпение.

Служащий сморщился, словно съел кислую-прекислую сливу, сказал:

— Обождите. — И исчез.

Потекли томительные секунды ожидания, во время которого мой взгляд старательно уворачивался от пристального внимания охранника. Мокий Лаврович возник как чертик из табакерки.

— Добрый вечер! Рады приветствовать нового клиента в нашем банке. Надеемся на долгое и плодотворное сотрудничество, — выдал отшлифованную годами и опытом речь. — Что угодно?

— Ячейку. Банковскую.

— Рады, что вы выбрали наш банк. Можем предложить гибкую систему скидок при обслуживании и прочие поощрительные бонусы.

Хорошее приветствие. Попробуй, выбери что-нибудь иное, если иного не дано.

— Ваши документы, — протянул сухую лапку Мокий, и я сунула удостоверение личности в окно. Служащий зашелестел бумагами и выложил на конторке несколько

буклетов: — Оформление займет некоторое время. Предлагаю ознакомиться с нашими программами обслуживания.

Не успел мир банковских тарифов и услуг открыться передо мной роскошным веером, как в руки упала анкета и стопка вопросников. Затем потребовалось расписаться в куче бланков и форм.

Момент произнесения пароля приближался. Я нервничала, повторяя про себя заветную фразу, и мне начало казаться, что в ней стало больше слов, чем вначале. Силясь вспомнить, возвела глаза к потолку, словно там в любой момент могла вспыхнуть секретная кодировка.

— Мы рады, что вы решили довериться нашему банку, — сказал Мокий Лаврович и замолчал, глядя бесцветными пуговками поверх оправы.

Его утверждение не походило на вопрос. Точнее, это был явно не вопрос. Преданный служащий выразил радость, потому что новый клиент выбрал Первый правительственный, а не подворотню с криминальными элементами. Надо ли что-нибудь отвечать?

— Э-э... В уверенном лидерстве — финансовая...э-э-э... устойчивость. И я... э-э-э... тоже рада, что решила довериться.

Не переборщила ли с восторгами?

Гном Мокий сканировал меня водянистыми глазками целую вечность, и я устала переминаться с ноги на ногу, без конца сглатывая и старательно отводя глаза от охранника. Наконец, старший консультант спросил:

— Срок аренды? Постоянно, на год, ежемесячно? Может, гибкая аренда?

Неужели, испытание пройдено? Ур-ра, ходатайство Альрика помогло! Ой-ля-ля!

— Наверное, ежемесячно, — ответила я, тщательно скрывая волнение.

— При годовой аренде ежемесячный платеж составит четыреста висоров, — сказал многозначительно служащий, мол, умножай на два. — При ежемесячной аренде сумма оплаты составит четыреста сорок три висора.

Зачем впустую оплачивать за год вперед, если я истрочу деньги за месяц или раньше? Помесячно так помесячно.

— Заполните своей рукой бланк, укажите сумму, закладываемую на хранение, и распишитесь, — сунул коротышка перо и листок.

Подумавав, я написала в квадратике "115" и, стараясь не ошибиться, добавила три нуля. Расписавшись в нижней строчке, вернула бланк старшему консультанту.

Мокий Лаврович не выказал удивления ни словом, ни жестом, ни поднятой бровью. Наверное, ему доводилось смотреть на суммы с гораздо большим количеством нулей. Служащий сунул новую кипу бумажек, где требовалась моя подпись, и терпеливо ждал, пока поставлю закорючки в нужных местах.

— Мы рады приветствовать вас в качестве нашего клиента, — сказал, когда я вернула подписанную стопку бумаг. — Благодаря нашей бонусной программе первый месяц аренды будет для вас авансовым. Кроме того, как пятисоттысячному клиенту января банк предоставляет вам возможность выбрать любой из подарков, представленных на стенде. — Гном Мокий показал на стеклянный шкаф, который я поначалу не заметила.

Чудеса! Мне невиданно подфартило, оказавшись в урочный час мегатысячным клиентом банка. Или счастливый выигрыш тоже подстроен?

Невозмутимый Мокий Лаврович о том умолчал. Стенд, похожий на новогоднюю елку, стоял в углу у окна. Вокруг общей оси проворачивались пять полочек с поощрительными призами. Сверху стояли коробки с изображениями непонятных приспособлений — то ли

кофемолок, то ли электрических точилок карандашей. Ниже сиротливо поблескивал объективом единственный фотоаппарат. Посередине стенда расположились три мобильных телефона в зеленом, оранжевом и черном корпусах. Четвертую полочку заняли разновысотные вазы с фигурками херувимов, а внизу красовались перья в элегантных пеналах. Если подарки, вставленные на стенде, имели равнозначную стоимость, то перьевые наконечники вполне могли быть позолоченными.

Что же выбрать, если Мокий не шутит? Перо не хочется, да и ваза мне ни к чему. Если выберу фотоаппарат, нужно покупать альбом, который потяжелеет, разбухнув от снимков, и при очередном бегстве из института придется его выбросить. Подумав, я показала на полку с телефонами.

— Зеленый.

Мокий Лаврович отпер игрушечным ключиком боковую стенку шкафа и снял аппарат с полочки.

— При выходе из банка работает салон телефонной связи. Там произведут подключение за символическую плату, — сказал бесстрастно.

Через пару минут, сжимая в руках коробочку с телефоном, я, онемевшая и ошеломленная, вышагивала за Мокием Лавровичем в банковское хранилище, располагавшееся под зданием: сначала вниз на лифте, затем по запутанным коридорам, перегороженным решетками. Повсюду прохаживались охранники, у которых, кроме дубинок, появились бронежилеты и кобуры.

Очередная решетка поднялась над нашими головами.

— Нержавеющая сталь, три четверти, заговоренная, — сообщил мимоходом служащий и кивнул охраннику, опустившему за нашими спинами толстые прутья.

— Толщина стен пять метров, повышенная прочность кладки. В состав цемента введена добавка, подавляющая все виды вис-возмущений, — пояснял по ходу движения Мокий Лаврович, сияя аккуратной круглой лысиной на макушке.

Бесшумно провернулся огромный штурвал, открывший гигантский круглый люк, и мы очутились в зале с уходящими в бесконечность разветвлениями коридоров.

— Постоянно под напряжением от автономного генератора, — показал коротышка на люк. — Вдобавок имеются датчики движения по периметру помещения.

Мокий Лаврович свернул в ближайший закоулок, и мы очутились в небольшом тупичке, уставленном от пола и до потолка множеством дверей с замочными скважинами. Среди них находилась и моя будущая банковская ячейка.

Служащий забрался под потолок по лестнице на колесиках и, открыв ячейку, вытянул из ниши металлический ящичек. Спустившись, он положил ящик на столик и замер вышколенно, намекая молчанием, что пора пересчитывать наличность.

Оставив в футляре одну нераспакованную пачку, я торопливо вытащила из сумки оставшиеся упаковки с купюрами и вдобавок протянула распечатую профессором стопку банкнот.

Коротышка не стал вскрывать перевязанные пачки. Он всовывал их в неглубокую выемку в стене и, дождавшись мигания зеленого индикатора, складывал в ящичек. Видимо, Мокий Лаврович был приучен не доверять даже буковкам родного банка, бегущим по бумажным ленточкам на упаковках.

Затем настенное устройство пересчитало остаток пачки, поделенной Альриком, и высветило на экране "50". Ровно пятьдесят купюр по сто висоров. Получается, профессор

недрогнувшей рукой навскидку произвел раздел поровну. Невероятно! — прониклась я благоговением перед фантастической точностью.

— В дальнейшем можете по собственному усмотрению использовать вашу ячейку, но не забывайте оплачивать ежемесячную аренду, — сказал гном Мокий, засунув ящичек обратно, и вручил мне ключ. — Он ваш. Ждем вас в любой день недели с восьми до девятнадцати ноль-ноль.

На обратном пути из хранилища мне вдруг пришло в голову, что можно было не рисковать и не привлекать Мокия Лавровича к участию, честно указав в бланке, к примеру, тысячу висоров, а на другой день снова приехать в банк и без лишних глаз добавить в ячейку оставшиеся деньги. Но в запоздалой умной идее наличествовал ряд существенных недостатков. Во-первых, мне все равно не удалось бы доказать законность происхождения тысячи висоров, а переадресация к папочке полностью исключалась. Во-вторых, малый размер суммы вызвал бы подозрения у банковских надсмотрщиков. Ну, и в-третьих, насмотревшись на раздутые кобуры охранников, я признала обоснованность немалой компенсации гному Мокию за риск, потому что даже мое богатое воображение боялось представить, какое наказание ждет старшего консультанта Перепелицына, если того когда-нибудь поймают.

По дороге к институту я не могла надыхаться на новенький телефон. Мой собственный. Личный! И у него было имя: "Prima", выведенное сбоку черными буквами. Теперь не придется по любому поводу бежать к комендантше, умоляя о звонке, или просить Аффю о милости. И чтобы поговорить о чем-нибудь с соседкой, не потребуется идти к ней комнату. Завалюсь на кровать, выберу нужный номер и буду трещать без умолку. Красотень!

Миловидная девушка в салоне связи подключила телефон к сети, присвоив восьмизначный номер. Подсоединение стоило бесплатно, но пришлось потратить пятьдесят висоров, чтобы получить возможность делать звонки. Для этого я разорвала отложенную в банке пачку, начав отсчет трат. Первая стовисоровая купюра была разменяна.

Занеся в телефонную память номер сервисной службы по заказу такси, рекомендованной Альриком, я ввела уточнение: "Такси А.Г." и сделала первый звонок, который обошелся в один висор. Девушка пояснила, что в настоящее время это самый выгодный тариф: первые пять минут разговора стоят один висор каждая, а стоимость последующих минут общения соразмерна их значению. То есть шестая минута разговора обошлась бы в шесть висоров, а если бы я закончила трепать языком на двадцатой минуте, телефонная болтовня оценилась бы в двадцать висоров. Жесткий тариф для тех, кто любит висеть часами на телефоне.

Машина, доставившая меня обратно, была не той, на которой я приехала в центр столицы, но не менее комфортабельной. За возвращение с удобствами пришлось выложить чуть больше, чем по приезду в банк, но я не стала спорить с водителем, надумавшим выгадать на чаевых, и, рассчитавшись, твердо решила, что отныне буду пользоваться поездками за "десять и два сверху" — спортивными и насыщающими адреналином.

Промчавшись по аллее мимо ангелов, помахала им рукой. У меня сегодня счастье! А о том, считать ли грехом свершившийся обман банковской системы, подумаю позже. Например, перед сном.

Добежав до швабровки, я упала на кровать и, не в силах оторваться от светящегося экрана, вознамерилась продолжить изучение дополнительных функций новой игрушки. Уединение прервала Аффа, у которой было неважное настроение.

— И почему приходится постоянно тебя расталкивать? — проворчала она. — Это ты должна бежать вприпрыжку к Виве, а не я.

— Почти собралась, но вот... — повертела я приятным приобретением.

— О, да у тебя телефон, — не удивилась соседка и заявила: — Мы с Костином расстались, поэтому мне срочно требуется доза хорошего настроения. Так что хватай обмундирование, и топаем наверх.

— Почему расстались? — спросила я, надевая копытные туфли. Вспомнив об авансе для стилистки, бросилась к сумке и, наспех отсчитав тысячу висоров, сунула в карман.

— Мы по-разному смотрим на многие вопросы, — объясняла по пути Аффа. — А у людей с разными мнениями не бывает общих точек соприкосновения. В последнее время мы только и делали, что ругались.

— Жаль. Милый парень. И в группе поет, — посочувствовала я Костику.

— Играет, — уточнила сердито девушка. — Если милый, бери его себе.

— Он — вещь, что ли, чтобы его брать? — изумилась я. — К тому же, для отношений

должна быть взаимная симпатия.

— Смотри, какая опытная, — окинула меня взглядом соседка. — Ладно. Не он первый и не он последний. Еще найдутся.

Я примерила к себе расставание Аффы с её парнем. Вот если бы у меня с Мэлом поначалу сладилось, то в итоге обязательно бы выяснилось, что между нами в тысячу раз больше разногласий. Взять ту же кашу, от которой Мэл воротит нос, а я с удовольствием её лопаю, потому что варю... по необходимости. Вернее, раньше варила и ела из-за строжайшей экономии. Ладно, признаю: в отношении каши мое мнение совпадает с "бе-е" Мэла. И все равно, глядя правде в глаза, нужно сказать спасибо судьбе и Мелёшину-старшему, разведшим нас с Мэлом прежде, чем мы разочаровались друг в друге.

Сегодня Вива обыгрывала образ деловой дамы в строгом костюме-тройке на босу ногу и с гладко зачесанными прилизанными волосами, отчего ее уши топорщились в разные стороны. Лицо девицы, лишенное макияжа, казалось бесцветным. Такая же серость и унылость наблюдается и в моей внешности, причем изо дня в день, — призадумалась я, сравнив некрашенный облик училки политеса со своей физиономией.

— Есть успехи? — спросила Вива.

— Смотря какие, — ответила я осторожно.

— Выучила, что велено?

Когда мне было готовиться? — открыла я и закрыла рот, не став оправдываться. Все равно нельзя делиться впечатлениями о том, как мир спасала, богатство делила и по банковскому хранилищу лазила.

— Не успела, зато вот, — выудила я банкноты из кармана. — Как договаривались.

— Что ж ты молчала? — воскликнула радостно Аффа. — Значит, папашка дал бабло для приема?

— Дал, — подтвердила я. Хотя папашка едва ли при чем, но об этом умолчу.

— Ура! — закричала в восторге соседка, словно деньги появились у нее, а не у меня. — Значит, рванем по магазинам?

— Ну... наверное, — взглянула я неуверенно на Виву. Та успела пересчитать аванс и несколько оттаяла.

— Рванем, — сказала девица. — В субботу после экзамена поедем за шмотками и прочими штучками, необходимыми приличной девушке, собирающейся в высший свет.

— Ой-ё! — пританцовывая, Аффа сделала круг около меня. — Я снова живу и дышу! Вот оторвемся! Вивочка, возьми и меня тоже, а? Ну, пожалуйста! — сложила она руки на груди. — Не буду мешать, честное слово!

— Поглядим, — ответила та неопределенно. — А ты не стой, прогуливайся.

И я припустила по комнате, повторяя предыдущие уроки: ходила, присаживалась, скрестив ноги, изящно вставала, опираясь со всевозможной элегантностью на руку воображаемого кавалера.

— А Эвка купила телефон, — сообщила соседка. — Начала приобщаться к приличностям.

— Если фиговый, сразу выбрасывай, — придавила авторитетным мнением Вива.

— Это почему? — насупилась я.

— Пользоваться дешевыми моделями — признак плохого вкуса. Хороший телефон должен стоить не менее полутора тысяч.

Я поджала губы. Вряд ли моя "Прима" стоит полтора шукаря. Для больших денег она выглядит уж очень простой.

— Подумаю, — ответила односложно, продолжив дефиле.

Училка политеса между делом сообщила:

— Последний, завершающий этап приема, о котором уже говорилось, пройдет в Большом банкетном зале, переоборудованном под массовку "Лиц года". Чтобы не было толчеи, фотографирование и представление премьер-министру производят в определенной последовательности, и регламент процедуры давно расписан. Распорядителями завершающей части приема являются два человека — Иван Иванович Иванов и Звездкин Астероид Кометович.

Мы с Аффой дружно рассмеялись.

— Что за бредовые имена? — спросила соседка, успокоившись.

— Бредовые, — согласилась Вива. — И наверняка вымышленные. Да и сами распорядители — лица эпатажные и скандальные. Тот, который Иванов, представит вас премьер-министру, а тот, который из космоса, возьмет интервью. Если, конечно, посчитает вас достаточно интересными.

— А что лучше: чтобы посчитал или чтобы отвернулся? — спросила я, выстукивая каблуками по комнате. Сегодня ходилось уверенней и легче, чем на предыдущих тренировках. Эх, жаль, не видно себя со стороны, но судя по благодушным лицам девчонок, у меня покачивалось всё, что нужно.

— Даже не знаю, — задумалась стилистка. — Если не хочешь проблем, то старайся, чтобы Звездкин вас не заметил. Маскируйся под мебель и стены. — Мы с Аффой захихикали. — В Большом банкетном зале гости перемещаются, заводят полезные знакомства, беседуют. В нужный момент к тебе и к твоему кавалеру подойдет помощник распорядителя и предложит следовать за ним. Один угол зала обычно оформляют в виде сцены для съемок. Там же будет ограниченный круг репортеров. По сигналу распорядителя ты и...

— Петя, — подсказала я.

— ... и Петя подниметесь на сцену, где премьер-министр пожмет твоему спутнику руку, а твою — поцелует. Не упади в обморок от счастья, — предупредила с усмешкой Вива. — И такое бывало. Распорядитель Иванов сделает представление, а затем вас сфотографируют. Ты должна встать слева от премьер-министра, а твой кавалер займет место справа. Можешь не бояться, что получишься на фотке спящей или с открытым ртом, потому что для официальных каталогов отберут лучшие снимки. Затем премьер-министр задаст общие вопросы любому из вас, а может и не задать. По-разному. А уж после того, как сойдете со сцены, на вас набросятся журналюги и Звездкин. Или не набросятся. Смотря чего им захочется. Но при желании ты можешь самостоятельно привлечь внимание прессы.

— Каким образом? — развернулась я у двери и, вильнув бедром, поцокала вдоль растянутой нити как модель на подиуме.

— Встань с ног на голову. Громко пукни. Вылей шампанское в декольте известной киноактрисе. Если хочешь скандальной славы — дерзай.

— Ого! — воскликнула Аффа. — А в носу ковырять можно?

— Можно, — кивнула девица. — Желательно перед камерами.

Подсказанные способы зарабатывания известности, меня не прельщали, и я категорически отказалась:

— Нет, выбираю незаметность.

— Незаметно ковыряться в стороночке? — уточнила соседка. Предвкушая грандиозный поход за покупками, она пришла в хорошее расположение духа.

— Не буду я ни в чем ковыряться. Постояю в уголке, а лучше спрячусь.

Не хватало, чтобы космический распорядитель прознал о моих родственных связях с заместителем министра экономики и начал задавать провокационные вопросы на всю страну. Чем скромнее буду себя вести, тем выше шансы проскользнуть мимо цепких интервьюеров, жадных до сенсаций.

— Если устанешь, можешь присесть и отдохнуть, — разъяснила девица. — И не переусердствуй со спиртным.

Постараюсь следовать совету. Вдруг от волнения налагаюсь без меры, и ноги сами пустятся в пляс вокруг премьер-министра? Бр-р.

— А потом? — спросила я, отгоняя картинку пьяненькой Эвы и репортеров, жадно щелкающих объективами.

— Потом объявят об окончании приема, и публика потянется к выходу. Чтобы исключить столпотворение, гостям предложат спуститься к гардеробу по Большой парадной лестнице и пяти Малым парадным спускам.

— Неужели в Доме правительства нашлось что-то маленькое? — съязвила Аффа. — О гардеробе ты не говорила.

— Значит, упустила, — пожалала плечами Вива. — Многие гости не пользуются им, поскольку их туалеты не нуждаются в шубах и пальто. Но по протоколу при входе в Большой парадный холл вам предложат снять верхнюю одежду. И не забывай о вчерашнем задании. Постарайся запомнить если не имена, то хотя бы лица чиновников.

Ясно, училка политеса сделала снисхождение для тупенькой дебютантки, которая перепутает начальника Департамента спорта с министром природных ресурсов и в узком кругу беседующих понесет ужасную ересь, опозорив Петю. По крайней мере, один человек из атласа политиков запомнился мне на отлично. Начальник Департамента правопорядка.

Лежа в постели, я любовалась зелененькой "Примой", к которой успела привязаться. И хотя Вива предупредила, что дешевый телефон не годится для приличной девушки, всё же не променяю его ни на какой другой. Не потому ли, что цвет корпуса подозрительно напоминает чьи-то глаза в моменты эмоциональной встряски?

Телефончик действительно оказался простеньким. Минимум кнопок и дополнительных функций, примитивный дизайн, но большего мне и не требовалось. Каким бы дорогим и эксклюзивным ни был аппарат, все равно не получилось бы напичкать его новейшими висорическими разработками, как не удалось за много лет облагородить с помощью висорики всевозможную технику, транспорт и прочие устройства, работающие от электрического тока.

Я добавила номер телефона Аффы и номер для вызова такси за "десять и два сверху". Ого, сделаны уже три записи, и к ним тотчас бы добавилась четвертая, если бы не моя плохая память на числа, за что ей в кои-то веки спасибо. Рука, не задумываясь, внесла бы еще один номер и не замедлила бы нажать на кнопку вызова.

Сжав серебристый блинчик, я дождалась, когда материал потеплеет, и раскрыла ладошку. Надеюсь, у тебя всё хорошо, — послала пожелание владельцу бывшего пера. Притянув к себе вырезку, долго любовалась на фотографию, прежде чем заснуть.

И почему мне не пришло в голову поинтересоваться у декана, где пропадает Мэл? Может, отрабатывает повинность за хулиганское поведение? К примеру, занимается прополкой в оранжереях или выбивает пыль из спортивных матов. Вернее некуда, — успокоила себя. Мы не виделись с Мэлом, потому что он трудится на благо института. Ну и славно.

Так и уснула: с одной стороны вырезка из журнала, с другой — склеенный блинчик, и телефон под подушкой. Следуя инструкции, я научилась выставлять будильник на нужное время.

Теплый влажный бриз шевелил макушки пальм, подгоняя к балкону насыщенные цветочные запахи. Экваториальные созвездия раскинули сияющие ожерелья точек в черной пустоте над головой. Ночь, полная стрекота цикад, набросила покрывало на тропический рай, с той лишь разницей, что тропики располагались в шестистах километрах от столицы, под огромным прозрачным панцирем.

Город-чудо, город-сказка, укрытый под гигантской полусферой, раскинулся рядом с модным горнолыжным курортом Моццо-2. Зимой это место пользовалось особой популярностью у висоратской публики. Вдобавок к прочим развлечениям под куполом имелось большое соленое озеро, по всем параметрам соответствующее морской воде. По желанию заказчиков на озере устраивали штормы для любителей острых ощущений или высокие волны для фанатов серфинга.

Естественно, роскошь безделья среди пальм и песчаных пляжей была доступна немногим.

Облокотившись о перила, Мэл смотрел в густую темень тропического сада и, затянувшись сигаретой, выдохнул колечко дыма. Вдалеке раздался женский смех, порывом ветра принесло звуки далекой вечеринки.

— Порнография, — сказал Мэл и почесал грудь под расстегнутой рубашкой, наброшенной небрежно и наспех.

— В чем конкретно? — поинтересовался Дэн, развалившийся на кушетке в глубине террасы и потягивающий через соломинку ледяной коктейль.

— Волны в луже — порнография. Альпинизм на искусственных скалах — порнография. Небо в колпаке — порнография. И долбаные плюс двадцать восемь, когда за шатром минус пятнадцать — тоже порнография.

— Вчера ты так не говорил.

— Вчера было вчера, — ответил Мэл и снова затыкнулся.

Дэн хмыкнул. Спорить не хотелось. Да и зачем?

В комнате хлопнула дверь, послышались женские голоса и смех, в который ворвался мужской голос, звонкие шлепки, короткий взвизг и снова веселый смех. Опять стукнула дверь, и через пару минут на террасу ввалился босой Мак в шортах. Увидев товарищей, он удивленно присвистнул.

— Уже отстрелялись?

— Не всем везет, как тебе, — заметил флегматично Дэн. — На меня сразу двое не вешаются.

— А ты покажи пачку висов^[43] потолще, и на тебя накинута трое и даже четверо. Или целое стадо. Их тут немерено, — просветил Мак, прошлепал к бару и вытащил из

морозильника бутылку, мгновенно запотевшую от перепада температур. Отвинтив крышку, парень начал поглощать содержимое большими глотками.

Внизу синхронно застучали каблуки, и Мак, выйдя на балкон, облокотился о перила.

По улочке, освещенной декоративными фонариками, шли две девушки — длинноногие, с черными как смоль волосами и в коротких платьицах.

Мак громко свистнул.

— Эй, девочки, было классно! Еще увидимся!

В ответ красотки засмеялись и замахали руками:

— Пока, Мак! Зови, если что! Будем ждать.

— Непременно! — откликнулся он, глядя вслед девушкам, пока те не скрылись за поворотом. — Какие ножки! Смотри, у той, что слева, выглядывают трусики. А та, что справа, вообще не носит белья.

— Ага, — ответил Мэл и затаился.

Мак развернулся к нему.

— Смотрю, у тебя тоже вышло круто. С чего бы еще курить после двухлетнего перерыва?

— А он просто так, — вставил с кушетки Дэн. — Перегрелся.

— Вот ты, Дэн, развлекаешься тут, — сказал медленно Мэл, — а тебя, кажется, кое-кто ждет в столице.

— Одно другому не мешает, — вставил Мак. — К тому же она "слепая".

— Неважно, — упорствовал Мэл.

— Почему неважно? — ответил неохотно Дэн. Затронутая тема была ему неприятна. — Я обеспечил её квартирой, шмотками, деньгами. Так что потерпит, подождет.

— За висы?

— Хочется верить, что деньги для нее — не главное.

— Так прочитай её, — предложил Мак.

— Нет. Я ей доверяю.

— К чему сложности? Проще менять девочек, чем связываться с одной и тем более невисораткой.

— Проще, — согласился Дэн. — Но я приезжаю к ней и знаю, что у меня есть тыл. Что там мне всегда рады.

— Без дальнейших обязательств? — уточнил Мэл.

— Да, — признал Дэн. — И она знает об этом.

— А что будет, когда тебе надоест?

— Пока же не надоело. Отвянь, Мэл. Лучше в себе ковыряйся, — дернулся товарищ и, поднявшись с кушетки, покинул террасу.

— Ништяк оттянулись на лыжах. И склон ровный попался, — заключил Мак, потягиваясь. — Пойдешь завтра с аквалангом?

— Не знаю.

— Утром узнаешь. А вечером опять в клуб или в бар. Кстати, эти девочки — оттуда. Их там полно. Роятся как пчелки и в постельке тоже трудолюбивые.

— Избавь от подробностей, — поморщился Мэл.

— Зря, — пожурил друг. — Имей любую, пока имеется.

— Брезгую.

— Разборчивый, как девица на выданье, — засмеялся Мак.

Помолчали.

Мэл затынулся в последний раз и выбросил окурок, улетевший красной точкой в траву.

— Когда можно сказать, что жизнь удалась? — спросил у друга.

— Когда у тебя есть всё.

— Подразумевается, что за висы? — уточнил Мэл.

— Несомненно, — кивнул авторитетно Мак.

— Значит, твоя жизнь удалась?

— За редким исключением. А твоя, стало быть, нет?

— Почему так думаешь?

— Потому что не спрашивал бы всякую фигню. Что тебе мешает? Только что зажег со сладкой цыпочкой — ноги от ушей и четвертый размер. Тачка есть, адреналина хватает. Щелкни пальцами — и у тебя будет всё, что пожелаешь.

— Будет, — подтвердил Мэл.

— Тогда в чем проблема? В том, что раньше тебе не говорили "нет"?

Мэл долбанул ладонями по перилам:

— Она не сказала!

— Разве?

Мэл промолчал.

— Слушай, эти два дня — отпадные, слов нет. Оторвались по полной программе. Но пойми: если будешь успокаивать нервы так, как делал это в последнюю неделю, — долго не протянешь. Забудь о ней. Встретились — разбежались. Ты имеешь другую, ее имеет другой. Селя ви.

— В смысле?

— Ты о чем?

— Ты сказал: "Её имеет другой". Кто?

— Это в философском смысле, не лепись к словам.

— Нет, ты ответь. Кто это?

— Да я образно выразился.

— Мак, мать твою, не выкручивайся. Если знаешь — скажи, пока не стало хуже.

— Отвали. Накурился какой-то чумовени.

— Значит так. Погуляли, и хватит. Собираемся.

— Куда? Ночь на дворе. Завтра поедем, как проспимся.

— Сейчас. Пакуй чемоданы.

— С дуба рухнул, друг? Чего завелся? Из-за того, что я сказал? Забудь. Случайно вылетело.

— За случайности вставляют новые зубы. Едем.

— Обалдеть, — пробурчал Мак. — Зачем ехать, если сам сказал, что "всё, абзац"?

— Далее начинается с красной строки, — сказал Дэн, вернувшись в комнату. — Видишь же, что бесполезно. Уперся и не сдвинется.

— Ну, так переубеди. Не хочу морозить имеющиеся в наличии достоинства. Хотя бы до утра, а?

Через полчаса злой Мак захлопнул багажник "ласточки" и сказал вполголоса Дэну:

— Ни хр*на он не успокоился. Может, дать ему по башке чем-нибудь потяжелее, чтобы отшибло память?

— Не поможет, — ответил тот, поглядев на сосредоточенного Мэла. — Горбатого могила исправит.

Через десять минут компания покинула курорт Моццо.

Тихое пиликанье оторвало чугунную головушку от подушки. Хорошо, что накануне была выбрана приятная для слуха мелодия, а не истерично вопящий сигнал будильника. Свесив ноги с кровати, я потянулась.

И приснится же дребедень. Полночи меня носило то ли на драконе, то ли на крылатом ящере, оседланном как лошадь, а где-то внизу профессор и Стопятнадцатый, с крайней озабоченностью на лицах, кричали: "Заходи в вираж! Сейчас врежешься!". Затем выплыла проректриса с сигнальными флажками и начала истошно подавать условные знаки. "Заворачивай!" — показывала Царица. — "Остался последний заход!"

Зачем потребовалось наматывать круги — непонятно, но послушно натянув удила, чтобы осадить животное, я вдруг поняла, что лечу не на драконе, а на бревне, обмазанном чем-то жирным и черным, с дистрофичными крылышками как у жареного цыпленка. Тут бревно повернуло то место, где полагалось быть голове, и, оскалившись красным провалом адского пламени, заорало: "Съешь Мокушку — и станешь устойчивым!"

Наверное, чепуха приснилась, потому что рекомендация профессора о приеме капель необычайной пользы не воспринялась мной всерьез. Память — избирательная штука. Я забыла вынуть флакон из сумки, зато уделила особое внимание ключу от банковской ячейки, разместив его в ящике тумбочки, рядом с прочими драгоценностями, где, кстати, слипшееся перо Мэла занимало отдельный уголок.

Зевнув, я посмотрела на темное окно. Раннее утро еще не обозначило контуры штормочки, предательски расслабляя и предлагая чуток всхрапнуть. Нет уж, лучше встану. Мало того, что летучее бревно лишило ночного покоя, под утро опять приснился мрачный лес с белыми прожилинами облаков в разрывах крон. В сновидении я прижалась к необъятному шершавому стволу и замерла. Дерево было живым и древним. Оно проросло из крошечного семечка и потянулось к солнцу, когда лес в помине не шумел листвой в тех местах, и теперь с любопытством дряхлого старика наблюдало за своим хозяином, крайне изумленным неожиданным вторжением чужака.

Невидимый хозяин леса замер и настороженно вслушивался, не в силах поверить в нахальство гостя, бесцеремонно утаптывающего землю в его владениях, а затем заскользил бесшумной быстрой тенью меж деревьев, намереваясь найти пришлого. То есть меня.

Забодал меня этот сон, — плеснула я в лицо прохладной водичкой, глядя на припухшее отражение в зеркале. Если он вещий, тогда что означает? Может, намекает на что-то или предостерегает? К примеру, не ходите, девочки, по лесу гулять; в чаще страшные волки могут вас сожрать.

Откуда взяться лесу в мегаполисе? В столице все парки вылизаны и поделены дорожками, расчерченными в правильном геометрическом порядке. Сомневаюсь, что в зеленых зонах отдыха водится иная живность, кроме вездесущих голубей и воробьев.

Наверняка смысл сна иносказательный, а не буквальный. Мол, не лезь на чужую территорию и останешься несъеденной. Кто бы подсказал, куда мне не следует совать нос?

— Эва, привет! — мимо протиснулась соседка, отвлекши от созерцания отражения в зеркале. — В институт торопишься? Не терпится?

От её слов на душе потускнело. Бегу, аж подолы у шубы заворачиваются. Сперва на консультацию по матмоделированию вис-процессов, а затем... Затем предстояла защита

работы по удовольствиям, исследованием которых я так и не удосужилась заняться. Зато Мэл подготовился и появится в институте при параде, сияя как начищенный висор. Ну, и ладно. Парень заслужил хорошую отметку, в отличие от меня. Не буду омрачать его триумф и скроюсь с глаз долой, чтобы случайно не спровоцировать. Потому что боюсь.

Вместо защиты пойду к Стопятнадцатому — выклянчивать "автомат" по элементарной висорике, наплевав на совесть и раздутое самолюбие. Можно даже бессовестно солгать, что вчерашнее представление в лаборатории убило все мыслительные процессы, а начавшаяся депрессия не позволила рукам дотянуться до конспектов и взяться за билеты. Для пущей наглядности продемонстрирую трясущиеся конечности и закачу полуобморочно глаза.

Пока я планировала события предстоящего дня, соседка успела умыться и выдавила пасту на зубную щетку.

— А где Лизбэт? Что-то ее не видно.

— Наводит последние штрихи. Челку взбивает, — пояснила девушка, понизив голос.

Понятно. Гордость четвертого курса готовится к очередному покорению вертикальной вершины под названием Недосягаемый Пик Вулфу. Похвальная настойчивость.

— Аф, к чему снится лес?

— К грибам, — не задумываясь, ответила Аффа и засунула щетку за щеку.

— Я же серьезно.

— Фмотя какой, — профуфнула соседка с пеной во рту.

— Какой? — Я задумалась. — Деревья во-от такие. — Показала примерный обхват, потому что моих рук не хватило бы, чтобы обнять треть ствола. — И высокие. — Привстав на носочки, вытянула руку к потолку.

— Штвафный? — уточнила девушка и выплюнула пену.

— Неа. И живой.

— Да уж, галиматень. Заканчивай мучить билеты до утра. Смотри, какая синюшность под глазами, — вынесла вердикт Аффа, решившая, что мой сон — результат затяжного учебного бдения. — И что ты делала?

— Где?

— В лесу.

— А-а... Стояла. Сидела. По сторонам глядела. Слушала, — ответила я и удивилась своему бездействию в сновидении. В следующий раз — если таковой будет — попытаюсь выбраться из чащобы хотя бы потому, что чуть подсказывает: еще одна ночь — и хозяин милой рощицы выйдет на след. И тогда кое-кому не поздоровится.

— Лес снится к переменам в жизни, — ответила соседка.

Ничего не скажешь, многообещающее предсказание. Вот, оказывается, к чему повторяющийся из ночи в ночь сон. У меня что ни день, то зигзаги в судьбе как на горном серпантине.

Капли я все же выпила, смешав с витаминным сиропом, но сначала прочитала этикетку, на которой летящим почерком сообщалось, что во флаконе бултыхается гомеопатическая успокоительная настойка. Натянув юбку и свитер, реанимированный после стирки с пятновыводителем, нанесла невидимые духи на мочки и запястья. Я не боюсь встретиться с Мэлом, — повторяла по дороге в институт, старательно подавляя ростки волнения и, лишь войдя в освещенный холл, вспомнила, что накануне пропустила работу. Вчера мои ноги вместо того, чтобы перешагнуть порог архивного помещения, увлеченно топали мимо шкафообразных охранников по банковскому хранилищу, напичканному сияющей сталью.

Что мне будет за прогул? — углубилась я в размышления, набрав полный поднос кушаний и усевшись за столик в центре оживленной столовой. Поклонник общепита рыжий Алесс поздоровался джентльменским кивком из дальнего угла зала. И вам того же, — ответила я, помахав вилкой.

Какое последует наказание за неявку на рабочее место? На меня наложат штраф или заставят отрабатывать пропущенные часы в утроенном размере?

В конце концов, имеет ли смысл горбатиться из-за жалких восьми висоров? К примеру, сейчас я стрательно впикиваю в себя содержимое тарелок стоимостью семь с половиной висоров — практически недельный оклад младшего помощника архивариуса. Встану после завтрака (ну, или выкачусь как колобок) и поползу к Стопятнадцатому, чтобы написать заявление об увольнении. Заодно широким жестом обеспеченного человека покрою пустячный долг, который высчитывают с меня за талоны, порванные когда-то дружкой Касторского.

Как давно это было, — вздохнула я, глядя на светлеющее небо за окном. Скоро дни наберут силу, и начнет раньше светать. Ровно месяц пролетел незаметно с тех пор, как я появилась в столичном институте. В декабре передо мной открылась парадная дверь холла, и компостер Монтемортовых челюстей выдал путевку в студенческую жизнь.

Сколько событий пролетело за короткий срок — не перечесть. Легион событий, и за первый месяц мне удалось не спалиться и не попасть под подозрение студентов и преподавателей, исключая посвященное в подлый обман институтское руководство и Мэла. Да, у парня имеется отличный козырь против меня. В любой момент Мэл может разоткровенничаться с дружками, и назавтра сплетня расплзется спрутом по ВУЗу. Или поступит еще проще, объявив во всеуслышание о моей "слепоте".

Не умирать раньше времени! — приказала себе. Буду поддерживать легенду тугодумной дочки некоего известного чиновника, безмозглой и оттого не умеющей обращаться с волнами. Поглядим, надолго ли хватит выдуманной истории.

Опять же об архиве, — переметнулась я к злободневному вопросу, отправив в рот ложку рисовой каши. Рассудив здраво, не стоит с налету отказываться от работы, потому что Стопятнадцатый, заботясь обо мне, начнет подозревать. Конечно, в его ученую голову никогда не придет мысль, что я вступила в сговор с профессором и встала на стезю вне закона. Однако Генрих Генрихович знает, что денег от папеньки мне не видать еще месяца три-четыре: в этом отношении отец тверд как камень и не уступит своим словам. И тогда Стопятнадцатого осенит догадка, что причиной неожиданной финансовой независимости стали воспринятые мной буквально слова родителя о способах зарабатывания денег. Нет уж, не хочу видеть полный мягкой укоризны взгляд декана и его растерянное лицо. "Как же вы, милочка?... Столь кардинальные меры вовсе необязательны" — скажет смущенно Стопятнадцатый, пытаясь говорить обтекаемое о скользкой теме. — "Если вы... находитесь в затруднительном положении, следовало сообщить. Мы что-нибудь придумаем".

Не сомневаюсь, Генрих Генрихович обязательно бы помог. Например, предложил бы дополнительно подработать младшим помощником ветеринара в институтском питомнике или записал бы в очередную благотворительную программу для сирот и обездоленных.

Помимо нравственной стороны вопроса я неожиданно поняла, что успела привыкнуть к буйству флористических красок и к атмосфере архива. Мне удалось приноровиться к замкнутому начальнику, да и он признал необходимость в младшем помощнике и, тем самым, поднял мою самооценку. Даже такая бестолочь как я, на что-то годится!

В общем, как бы работа в архиве ни съедала свободное время, покуда её не брошу, и меня не пугают возможные наказания за прогул. И вообще, хватит питаться среди холопов. Благодаря должности у меня есть право вкушать изысканную пищу среди интерьеров преподавательской столовой.

Выбравшись из общепита, я вновь упрекнула себя за тяжесть в животе, как следствие неискоренимой тяги к обжорству. Видно, пройдет немало времени, прежде чем исчезнет привычка запасаться жирком на случай строжайшей полуголодной диеты.

Вывернув из коридора в холл, я первым делом отметила столпотворение у святого Списуила. Настоящая куча мала из парней облепила постамент, и среди них был Мэл, живой и невредимый, не выглядевший уставшим после изнурительной прополки и поливки в оранжереях.

Меня закачало. Нет, совершенно не так представлялась наша встреча. Нечестно! За прошедшие дни воображение обыгрывало несметное количество всевозможных вариаций, лишавших спокойствия, а сейчас я даже не успела толком разволноваться и подготовиться. Брела потихонечку, не подозревая о неожиданности за поворотом, и тут раз! — вот он Мэл: что-то рассказывает, жестикулируя, и постамент взрывается дружным смехом.

В глазах запрыгали пятна, и я, затормозив, привалилась к стойке у раздевалки. Ну, почему здесь не поставили стулья для объевшихся студентов? Мне бы любой задохлый табурет на двух ножках — лишь бы сесть.

Ноги не слушались, а сердце собралось побить рекорд по боксированию раздутого желудка. Худо мне, худо! Когда-нибудь обжираловка выйдет боком для организма, который в настоящее время разворачивало неведомой силой к святому Списуилу.

И Макес сидел там же, и Дэн. Вся компания была в сборе, создав эпицентр шумного галдежа.

Известно, что чем интенсивнее смотришь на кого-то, тем явственнее объект наблюдений ощущает взгляд. О нет, не оборачивайся! — молила я, старательно пялясь на настенную мозаику, но глаза упорно косили в сторону статуи святого, заодно выхватывая группки кучкующихся в холле девчонок. А студентки смеялись излишне громко и искусственно, успевая прихорашиваться, и посматривали в сторону постамента, перегруженного сильной половиной человечества. Даже скромные первокурсницы, занимавшие уголок у одного из зеркал, отбросили прочь стеснение и распушили перышки, общаясь на повышенных тонах и постреливая глазками на скопище у святого Списуила.

Кошмар! Оказывается, в институте учится прорва женских особей — хорошеньких и не очень, и каждая из них жаждет большой любви и неземной романтики. Ишь слетелись, точно на мед. Полчища назойливых мух.

У мух, в отличие от меня, имелось преимущество. Девушки не скрывали своего интереса к парням и к Мэлу, потому что не боялись. Это за моей пазухой прячется постыдная биография, могущая в любой момент стать достоянием гласности — и всё из-за того, что Мэл оказался не тем человеком, с которым невидящая обманщица могла бы развивать отношения. Теперь мне остается любоваться им со стороны и надеяться, что болезнь под названием "мэломания" пройдет со временем.

И все же Мэл хорош, — невольно засмотрелась я на парня, стоящего в профиль. И смешно рассказывает о чем-то, и сам смеется — красиво, заразительно. Кто-нибудь! Помогите отклеить от него взгляд!

Облокотившись о стойку, я опустила голову, чтобы продышаться. Сейчас оклемаюсь и пойду — на твердых ногах, задрав нос к потолку и наплевав на парней, облизываемых повышенным женским вниманием. В отличие от всяких разгильдяев мне нужно спешить на консультацию по матмоделированию процессов. Всего-то требуется пройти краем холла и, не доходя трех метров до святого Списуила, свернуть в западный коридор. Проскользнуть в каких-то паршивых трех метрах от эшафота.

Напоследок я бросила взгляд на постамент. Мэл слушал какого-то парня и кивал, соглашаясь с его словами. Обожемой! Еще минута — и сердце сломает ребра. Сил моих нет пялиться безмозглой овечкой!

И тут Мэл обернулся. И увидел меня. И перестал улыбаться. И вселенная перешла в иное измерение.

Где-то там, в четырехмерии, оставшемся на краю сознания, Дэн окликнул товарища и нахмурился, поняв, куда направлен его интерес, а Макес ловко переключил на себя внимание парней на постаменте, став центром шумного сборища. Где-то там студенты растекались ручейками по коридорам, чтобы, добравшись до аудиторий и кабинетов, отдаться во власть учебной стихии. Я же, позабыв обо всем, отдалась во власть взгляда Мэла, чувствуя, как наливается лихорадкой тело.

К горлу подступил комок, и дышалось часто и прерывисто, отчего грудь вздымалась, точно после забега. Сумасшедше стучало в висках, и щеки стали горячее плиты в кухонном блоке. А Мэл стоял вполоборота и смотрел, не отрываясь: не равнодушно и не с угрозой, не с презрением и не с насмешкой.

Сделай уже что-нибудь! Покажи, чего от тебя ожидать и как быстро убегать, ища место, где спрятаться.

И Мэл почти сделал. Уверена, он хотел показать, но тут рядом с ним нарисовалась какая-то девица и приобняв, поцеловала в щеку.

Я проморгалась, пытаюсь выгнать непрошенную песчинку из нашей с Мэлом вселенной, но навязчивая мелочь не желала убраться восвояси, возвращая на бренную землю. Уши обрели способность слышать, а зрение — видеть прочие предметы помимо парня.

Рядом с ним стояла Эльзушка и игриво тормошила, говоря что-то с ослепительной улыбкой.

Рядом с Мэлом появилась Эльзушка! Чертова египетская кошка с облезлым хвостом.

Не добившись от парня вразумительного приветствия, Штице посмотрела в ту же сторону и, встретившись со мной глазами, приподняла удивленно бровь, а Мэл, продолжая смотреть на меня, притянул девицу за талию. Гляди, Папена, чего лишилась! А ведь на её месте могла быть ты, и даже больше: я мог целовать тебя на виду у толпы, — кричал его жест.

Эльза, не теряя времени, прижалась к парню с видом победительницы, обскакавшей прорву неудачниц, и бросила в мою сторону взгляд, исполненный превосходства.

Они так и удалились из холла в обнимку — теснее некуда. Мэл забросил сумку на плечо, а Штице несла супермодную авоську, стуча сапожками в обlipку. Свита Эльзы двинулась за воссоединившейся парочкой на почтительном расстоянии.

Очнувшись, я прижала пальцы к занывшим губам. Не почувствовала, когда успела искусать их — до боли, до металлического привкуса на языке. Заметил ли кто-нибудь мой глупый вид? — оглянулась по сторонам. Напрасное беспокойство — до серой крыски никому не было дела.

Шумная компания, облюбовавшая святого Списуила, начала редеть, и постамент опустел. Что ж, и мне пора на консультацию. Осталось пять минут до звонка.

Суровая необходимость присутствия на консультации по предмету, в котором я ничегошеньки не понимала, вынудила добежать до аудитории, вместо того, чтобы спастись позорным бегством, например, на чердак. Все секции были заняты, и припозднившимся студентам приходилось втискиваться или утрамбовываться — насколько позволяла наглость.

Я растерянно взирала на помещение, битком набитое охочими до сессии товарищами. Свободные места отсутствовали.

— Эвка! — закричали сверху. — Иди сюда!

Зовущим оказался Капа, махавший рукой, как мельница, с последнего ряда. Какое облегчение, что не придется приставать с просьбами о швартовке у кого-нибудь на коленях! Забравшись на самый верх, я пристроилась на краешке скамьи.

— Неужели все с нашего курса? — спросила у соседа, подразумевая море студентов, вылезших из ниоткуда как тараканы и заполонивших аудиторию.

— Вавилонское столпотворение с учетом того, что после каждой сессии кого-нибудь отсеивают, — хмыкнул парень. — Некоторых только во время экзаменов и вижу. Ты где пропадала?

— Я? Нигде. По-прежнему в общаге. Готовлюсь к экзамену.

— Понятно. А то у тебя тихо, значит, думаю, нету дома. И твой головастый тоже пропал.

Ох, балда садовая! Радик вчера не пришел на ужин, а я не удосужилась вспомнить о парнишке, занятая мировыми проблемами. Вдруг с ним что-нибудь случилось? Даже если меня уволят за прогул, обязательно сбегаю в архив и спрошу Швабеля Иоганновича о племяннике.

— Как Сима? — спросила я шепотом, потому что пришел преподаватель, и следом прогорнил красивый печальный звонок. Мотивчик попал в точку — мое настроение плескалось на минусовой отметке.

— Сносно. Готовится, хочет сдать символистику. Стопятнадцатый — нормальный мужик, организовал Симону сессию по индивидуальному графику.

— Это хорошо, что Сима держится. Он не против, если я приду в гости?

— Против, — покачал головой его братец. — Пока не хочет. А ты бы на его месте согласилась?

Хотела бы я, чтобы мое обезображенное шрамами лицо видели другие? Чтобы всплескивали руками, жалели, ужасались, перешептывались за спиной? Еще не скоро Симу перестанут ранить направленные на него взгляды.

Решив дать парню отсрочку для осознания того, что недостатки во внешности не важны, я раскрыла тетрадь. Сегодня преподаватель разбирал задачу, являющуюся основной для комплекса примеров, заданных к сессии.

"Рассчитать и изобразить в векторной форме наиболее удачное расположение в комнате пяти мешочков с ядовитым снадобьем, воздействующим на кроветворную систему объекта путем вдыхания испарений. Начальные условия: площадь помещения — 12 кв. м., высота помещения — 3 м., скорость насыщения ядовитыми парами — 0,04 куб. м./час; интенсивность угнетения — разрушение эритроцитов 1,2 от общего уровня за сутки, торможение синтеза гемоглобина 2 г/л в сутки, время воздействия — две недели. За

конечную точку взять остановку сердца объекта. Принять организм объекта женским, стандартным. Общую массу снадобья, распределенную равномерно по мешочкам, считать величиной неизменной, равной по силе воздействия семи висорическим единицам".

Итого, одним примером препод охватил целый подкласс разнообразных задач о порче. Семь единиц по стандартной шкале — это не хухры-мухры. Завистница или конкурентка раскладывает в комнате жертвы убийственное снадобье, и день ото дня несчастная чахнет и угасает, пока через две недели по условиям задачи на пол не рухнет хладный труп. Если же злодейка окажется простушкой вроде меня и не рассчитает в векторной форме эффективное расположение мешочков в углах, то жертва будет мучиться или долго, или мало, что вызовет подозрения в насильственной смерти. А вот двух недель вполне достаточно.

Шутка. Черная несмешная шутка расстроенного человека. Впрочем, не стоит терзаться. Надо радоваться, что встреча с Мэлом прошла ровненько, без острых углов. За небольшим исключением — Эльза мгновенно догадалась, что меня и Мэла связывает нечто большее, чем обычные "привет-пока" однокурсников, и при случае не преминет подколоть. Кстати, она сейчас, наверное, греется под боком у Мэла и, успев соскучиться по парню, заливает в уши сентиментальную чепуху, отвлекая от консультации.

Вытянув шею, я обежала взглядом ряды, пытаюсь найти парочку. Египетская облезлость восседала в секции у стены в окружении подружек. Где же Мэл?

Обзор пошел по второму кругу, как вдруг меня словно толкнуло в бок, заставив повернуть голову.

В соседней секции у окна параллельно мне сидел Мэл, и единственное, что нас разделяло, был лестничный проход. Поигрывая пером, парень смотрел на меня так же, как в холле, и мне поплохело. Если внизу, у раздевалки, неопределенность его взгляда запутала и внесла сумятицу, то здесь, в переполненной аудитории, я испугалась.

Мэл непредсказуем. Определенно, он что-то задумал. Не для того он оторвал танцоршу от себя и взобрался наверх, чтобы внимать в оба уха преподавательскому бормотанию. Ой, мамочки!

Сердце упало в пятки, а картинка поплыла перед глазами. Чтобы укрыться от пронизывающего взора, пришлось в срочном порядке закрыться ладонью, подперев голову рукой. Но прятки не помогли. Я чувствовала каждой клеточкой, что Мэл безотрывно смотрит на меня.

— Преобразуем дифференциальное уравнение второго порядка... — монотонно бубнил препод, стуча мелом по доске.

Уравнение? Кажется, кого-то хотели отравить, — в памяти всплыл обрывок задачи. В комнате большей в два раза, чем моя швабровка, и с высокими потолками.

Почему он сидит рядом, в трех шагах? Он же ушел из холла с Эльзой. Почему смотрит непонятно и оттого зловеще? Уж скривился бы или поджал губы, и я сразу пойму, чего ожидать.

Черт, руки дрожат. Отбросив перо, я спрятала вспотевшие конечности под стол и делала вид, что ужасно заинтересовалась каракулями, которые карябал Капа в тетради.

Не обернись и не взгляну на тебя! Больно надо. Ты — сам по себе, я тоже птица вольная, независимая.

Все-таки не выдержала и отругала себя за слабоволие.

Мэл, как и я, отложил перо и, игнорируя пояснения о ходе решения задачи, смотрел в мою сторону. Как же нервировал его ровный взгляд! До неожиданно возникших коллик в

животе.

— В векторной форме уравнение выглядит следующим образом... — рассказывал преподаватель, и на доске потянулись стрелки и переменные.

Препод вошел в раж и, позабыв о наличии тряпки, стирал рукавом пиджака написанные строчки, чтобы занять освободившееся место для новых километровых записей.

Ничего не запомнила и не зафиксировала. В голове сплошной гонг.

Брошу мельком взгляд влево, а в ушах гул: Мэл, не отрываясь, смотрит на меня.

Украдкой гляну в сторону окна — и звуки пропадают, гасимые глазами Мэла.

Давай, зажигай зеленые огоньки, иначе от неизвестности поедет крыша!

— На основании табличных данных строим график в плоскости икс-зет, — вещал преподаватель, стуча мелом по доске.

О чем это он? — в каком-то полузабытье я силилась вспомнить цель прихода в аудиторию. О порче. Да, о ней самой.

Я не свихнусь, не свихнусь, — приговаривала речитативом. Какую бы цель ни преследовал Мэл, ему не съесть меня с потрохами. Подавится.

Начала воспитывать в себе злость. В конце концов, что за детское поведение? Решил взять меня измором? Поджаривает глазками будто на сковородке и радуется, видя, как подпрыгиваю. Вместо того, чтобы расставить точки над *i*, Мэл надумал поразвлечься. Ну, я ему устрою представление!

И правда, сердитость прояснила голову. Даже задышалось легче, и не тянуло поворачивать шею влево. Чем бы полезным загрузить извилины, чтобы снова не впасть в панику?

Вспомню-ка о цели сегодняшней консультации. То есть о порче.

Порча или *vitima*^[44], изучавшая не прямое воздействие на живые организмы, считалась одним из спорных разделов элементарной висорики с моральной и этической точки зрения, и в правительстве не прекращались ожесточенные дебаты о целесообразности изучения этого направления. Покуда политики не определились, чего в данной области науки больше: пользы или вреда, — *vitima* развивалась стремительными темпами, разделившись на две ветви и паразитируя на достижениях символистики, теории заклинаний и теории составов и снадобий.

Порча на расстоянии, основанная на ритуалах над вещами, фотографиями и прочими принадлежностями (к примеру, над следом от ноги или складками на простыне после сна), разбивалась о преграду в виде дефенсоров, потому что суть обряда состояла в направленном внушении, программирующем организм на смерть, болезни, несчастья, безбрачие и так далее. Зато от порчи с помощью подклада не были застрахованы ни висораты, ни невидящие, при этом в качестве подклада использовались как смеси, так и всевозможные предметы.

Взять, к примеру, подарок близкой подруги — перо. Не стоит недооценивать дарительницу, приписывая ей добросердечие и симпатию. Наверняка подружка извелась ревностью и тайной любовью к вашему парню. Соответствующий наговор в комплексе с обвязыванием пера наузами^[45]* из волн приведет к раздражительности и нервозности, и, однажды всплыв, вы разругаетесь с парнем из-за чепухи, которая послужит причиной расставания. А обиженного ухажера подберет подруга — она не гордая. В данном случае надо порадоваться, что у нее хватило ума не сделать наговор на смерть.

Поэтому нужно жить с оглядкой на врагов и друзей. Булавка, воткнутая в дверной косяк жилища, или странный гнутый гвоздь, который еще вчера не лежал на подоконнике, или

пучок связанных куриных перьев под подушкой — любой из этих предметов может быть подложен недоброжелателем.

В далекой давности порча относилась к черному и темному колдовству, преследуемому и каравшемуся с особой жестокостью, а в наши дни ученые и энтузиасты-любители, пользуясь заминкой государства, создали бесчисленное количество рецептов смесей, равно как и ритуалов с наговорами на вещи. Негласным лозунгом vitima стал: "Быстрее, надежнее, незаметнее". Чем еще объяснить нездоровый интерес к порче, как не заложенной в человеке неискоренимой тягой к грязным и отвратительным делишкам?

Пока политики спорили до хрипоты на бесконечных заседаниях об актуальности порчи, Первому департаменту было поручено держать руку на пульсе научных разработок и любительских изысков с правом поимки ослушников, использующих vitima в преступных целях. В институтах об этой области элементарной висорики давали необходимый минимум знаний.

"Слепым", подвергшимся воздействию порчи, приходилось сложнее, чем висоратам. Если человек, видящий волны, мог заметить вис-возмущение вокруг подозрительного предмета, то слепешарый бездарь вовек бы не догадался, что непонятная хворь одолела его из-за горшка с геранью, подаренного завистливой соседкой с верхнего этажа. Так что в переполненной аудитории, среди отпрысков висоратского общества, лишь я не увидела бы наведенную порчу и провалилась бы с треском, надумай кто-нибудь испытать меня. Но, видно, ни у кого не возникало сомнений в моей принадлежности к избранным.

Итогом решения задачи стал начерченный на доске трехмерный график со сложным переплетением ломаных. В моей же тетради не написалось ни строчки, а в голове не отложилось ни слова из сказанного преподавателем. Наверное, Мэл тоже не записывал, но глядеть в его сторону я не решалась. Одно радовало: переключившись на размышления о нелегкой доле среди висоратов, мне удалось на какое-то время забыть о нем.

Едва прогорнил звонок, непослушные руки начали запихивать тетрадь в сумку, а ноги приплясывали от нетерпения, чтобы поскорее сбежать от непредсказуемого товарища. Как назло, замок переклинило, и пока я суетливо возилась, пропуская студентов, аудитория стремительно пустела.

Настороженный взгляд влево показал, что Мэла смыло волной убегающих. Ну, конечно, ему нужно наверстывать упущенное с Эльзушкой. Из последних фавориток парня лишь она зарекомендовала себя преданной и верной, в отличие от Изабеллы и меня, и поэтому может рассчитывать на награду.

Закрыв, наконец, заевший замок на сумке и изругавшись на тысячу рядов, я побрела к двери и, выйдя в коридор, повернула направо. Моя дорога лежала в деканат, к Стопятнадцатому, в отличие от толпы однокурсников, ринувшихся по левой лестнице, чтобы занять очередь на защиту работ по элементарке.

— Папена! — окликнул знакомый голос с лентой, и я застыла с поднятой ногой. — Собираешься на защиту или как?

Неудобно и, к тому же, невоспитанно разговаривать, стоя спиной к собеседнику, поэтому пришлось развернуться к Мэлу. Он стоял в нескольких шагах, с сумкой через плечо, засунув руки в карманы брюк.

— Понимаешь... — ответила хрипло и прокашлялась. Глаза бегали по сторонам словно трусливые зайцы. — Я как бы не готова...

— Зато я готов, — ответил ровно Мэл. Как робот, право слово.

— Р-рада. Желаю удачи.

Я повернулась, чтобы двинуться в прежнем направлении, но Мэл остановил:

— Ты не поняла, Папена. Защищаться нужно вдвоем.

— А она глухая. — Откуда-то возникла Эльза и повисла на руке парня. — Слушала не тем местом, когда препод объяснял правила, повторив дважды для сырых и убогих. Хочешь, скажу, чем она слушала? — усмехнулась девица и потянулась, чтобы поцеловать Мэла в губы, но он раздраженно дернулся, и вместо горячего чмока вышел мазок по щеке.

— Не мешай, — сказал Мэл подружке, высвобождая руку, и преданная красotka прикусила раздосадовано губу.

— Тебя, как погляжу, беспокоит мой слух, — поддела я Эльзу. — Смотри, отощaeшь от нескончаемых забот.

— Меня заботит всё, что касается Егорчика. Из-за твоих выкрутасов его не допустят к экзамену.

— Не встречай, — приказал Мэл танцорше и разъяснил мне: — От тебя требуется сидеть рядом во время защиты и молчать. Говорить буду я.

— Зачем? Ты подготовился, вот и иди. А мне надо по делам.

Эльза засмеялась, но не решилась комментировать.

— Затем, — пояснил ровно Мэл. — Или защищаем вдвоем, или каждый из нас по отдельности получает автоматический "неуд" даже при наличии работы. Так препод постановил. Поняла?

— Тупое условие, — пробормотала я. — Это же несправедливо.

— Советую пойти на защиту, — ответил спокойно Мэл, но в его сдержанности промелькнула угроза.

Наконец-то очнулся! — возблагодарила я небо. Хоть волком вой из-за невозможности предугадать поведение человека, который не излучает эмоций.

— Может, все-таки в одиночку сдать? — поинтересовалась озабоченно Эльза. — Поговорить с преподом, объяснить ситуацию.

Тоже мне, беспокойная мамочка. Её бы облачить в засаленный халат, накрутить бигуди, намазюкать синюю питательную маску на лицо и выпустить в мир — подтирать сопельки.

Мэл не стал отвечать на навязчивую заботу и смотрел на меня, ожидая ответа.

— Ладно. Если надо, то подойду.

Придется потерпеть, коли просят. В конце концов, Мэл не виноват, что не дождался от меня помощи в сборе и обработке материала. К тому же, мимо корзины парня уже пролетел профуканный экзамен по символистике. Неужто к списку пересдач добавится элементарка?

— Не пропусти очередь, — предупредил Мэл, и, развернувшись, двинулся к лестнице. Эльза быстро сориентировалась и, ухватившись за его руку, поцокала рядом. А Мэл не оттолкнул её.

И зачем я согласилась?

Ожидая, когда подойдет очередь, я приткнулась в углу подоконника. У соседнего окна пристроился Мэл, а преданная Эльза поднимала тонус парня громким смехом и шуточками. Конечно, бедняжечку нужно развеселить, сейчас ему предстоит отдуваться за двоих на защите.

Неужели Мэл полагает, что если я не открою рта, то мне поставят зачет за красивые

глаза? Странная логика. Препод ведь не дурак. Задаст какой-нибудь вопрос по теме и посадит меня в лужу. Может, попросить у Мэла работу и пробежаться наспех по тексту?

Лучше бы я не смотрела на соседний подоконник. Эльза втиснулась между коленями парня и, по-хозяйски положив руки на его плечи, что-то говорила.

До чего же больно! Душа завязывалась узлом.

Терзаясь последние два дня отсутствием Мэла, я не подумала о том, что будет дальше, когда пройдет первый шок от встречи. С одной стороны, хорошо, что Мэл не стал мстить за обман. У парня своя дорога, поэтому пережив мое предательство, он решил двигаться дальше и возобновил отношения с бывшей подружкой. Упрекнуть его не в чем.

Но с другой стороны... Видеть Мэла, улыбающегося другой, разговаривающего с ней о чем-то интимном, понятном только им двоим...

Резало меня... Живьем резало, без наркоза... Выворачивало наизнанку и баламутило рассудок.

Скоро шея застопорится в одном положении, потому что я усердно отворачивалась от соседнего окна — еще немного, и вовсе сверну. Уже изучены все трещинки на стене и неровности подоконника, а очередь тянется как колбаса и не кончается. И пейзаж за окном просмотрен на сто рядов, а время застряло и не движется.

Интересно, он уже пригласил Штице в "Инновацию", а после — к себе домой? Или согласился поехать к сразу ней? Успел ли затащить её в мужской туалет, где, закрывшись в кабинке, целовал — жарко и неудержимо, шаря под яркой пятнистой кофточкой?

От этой мысли точно взрывная волна прокатилась по телу, пьяно затуманивая сознание. — Пошли, Папена, — голос Мэла вырвал из мазохистских фантазий.

Поднявшись, я неуверенной походкой двинулась следом. Видимо, Эльза успела пожелать парню удачи, потому что не бросилась вслед, махая платочком, а сидела на подоконнике в окружении девчоночьей свиты и весело щебетала. У нее теперь полные сапоги радости — бывший парень вернулся.

Об удовольствиях можно говорить бесконечно. И Мэл говорил. Его речь лилась ровно, словно он часами репетировал перед зеркалом; выводы следовали за предположениями, результаты подтверждали гипотезы.

Мэл даже поспорил с преподам, и они увлеченно рисовали на листке схему со стрелочками, а я сидела рядом и делала многозначительное знающее лицо, хотя ничего не поняла. Однако общий смысл уловила. Мэл будто знал о моих чаяниях, когда писал работу.

У всех прямоходящих есть потребности, у всех человеков есть желания. Океан запросов и мечт — физических и душевных. Если какая-либо потребность растет и усиливается, эмоции становятся отрицательными. "Хочу!" — орет потребность обнять Мэла и прижаться щекой к его щеке. "Нельзя!" — бьет по рукам действительность. Недовольство увеличивается, негатив лезет вверх — наступает депрессия. Потребность становится похожей на оголенный нерв, и тогда малейший взгляд, малейшее касание способны убить высоковольтным разрядом удовольствия. Если потребность удовлетворяется, то наступает блаженство.

Мне же до блаженства как до Луны пешком, потому что реальность загнала потребность в Мэле в патовую ситуацию. Остается смотреть на гибкие пальцы, держащие перо, и вспоминать, какие сильные у Мэла руки; слушать его голос и выуживать из памяти настойчивость жадных губ, шепчущих на ухо: "Эва..."

Выдохшись, преподаватель откинулся на спинку стула.

Эдуардо Теolini одевался неизменно в черное, жестикулировал резко и отрывисто и говорил такими же рваными фразами. У мужчины даже брови ломались, взбираясь вверх по лбу и круто опадая к вискам, придавая лицу недоуменное выражение. По накалу завершившейся дискуссии и по обширному диапазону затронутых вопросов напрашивался вывод, что мужчина был профессионалом в своей области знаний и весьма эрудированным специалистом. Если бы не мрачный ореол вокруг препода, не глубокие складки, залегшие около рта, и не неряшливо растрепанные волосы, я бы сказала, что Теolini напоминает профессора Вулфу.

— Удивили вы меня, господа хорошие, — признал преподаватель. — Не ожидал, если честно. Твердый зачет и допуск к экзамену.

Это и меня касается? — взглянула я растерянно на Мэла.

Меж тем Теolini поставил на столе приборчик с тремя присосками-датчиками. Я напряглась. Устройство подозрительно походило на висограф, и сходство настораживало.

— Взгляните на опытный образец, — сказал препод. — Коллеги с факультета внутренней висорики совместно со студентами разработали универсальный регистратор эмоций. Модель находится в процессе отработки и усовершенствования. Прибор простоват и запрограммирован на отслеживание семи базисных эмоций, но вам повезло: удовольствие вошло в их число.

Я мельком взглянула на Мэла. Начинать радоваться или еще рано?

— Какова область применения? — спросил он сдержанно.

— Узка, к сожалению, и имеет приличную погрешность. Охватывает лишь материальную часть удовольствий. К примеру, он не фиксирует удовольствие от созерцания закатом, зато сможет отследить, получили ли вы удовольствие от исследования, — Теolini покрутил ручку на панели, выставив "Удовл." напротив черной черточки, и наложил присоски на титульный лист работы Мэла.

У меня округлились глаза.

— Прикоснитесь к предмету. В случае положительного результата замигает зеленый индикатор и раздастся звуковой сигнал. Чем сильнее удовольствие, тем громче звук, а лампочки загораются в нарастающей последовательности.

Вот и раскроют сейчас партизана-обманщика. Положу руку на труд Мэла, а прибор ответит глухим молчанием и перегоревшими индикаторами.

— Ну... — замялся коллега по исследованию удовольствий, чем немало меня удивил. Мэл в нерешительности?! — Совсем необязательно предмет может вызывать восторги...

— Понимаю, — рассмеялся Теolini каркающим смехом. — Необходимость, связанная с сессией. И все же попробуйте, — придвинул рукописный талмуд Мэла к краю стола.

Ну, я вообще не причем. Пусть Мэл осваивает опытный образец, разработанный аспирантами-внутренниками. Однако мужчина сделал приглашающий жест и для меня. А я было подумала, что обо мне забыли.

Неуверенно протянув лапку к помятому уголку странички, я случайно коснулась пальцев Мэла, легших на исследовательскую работу, и тут же отдернула назад, испугавшись, что ему может быть неприятно.

От высокого пронзительного писка заложило уши, и из пяти зеленых лампочек загорелись все пять. Максимум удовольствия при подготовке материала для защиты.

— Да что же такое? — преподаватель вертел ручки прибора: — Никуда не годится. Халтурное исполнение. Любители!

Мэл пришел на помощь, и вдвоем с мужчиной они, наконец, утихомирили тонкий пищавший звук.

— Низкая чувствительность реле регулятора, — потер лоб Теолини. — И все же результат достоверен с вероятностью от 85 до 95 процентов, как уверяют разработчики. Приятно видеть, что предложенная тема импонирует вам. Жду завтра на экзамене.

Оставалось кивнуть, потупившись. Прибор показал не радость по поводу подготовленной работы, к которой я не имела ни малейшего отношения. Он бесстрастно зафиксировал всплеск жгучего, немислимого удовольствия, растекшегося по венам от случайного прикосновения к руке Мэла. И похоже, Мэл, тоже это понял.

При выходе из аудитории Мэл по-джентельменски придержал дверь, пропуская меня. Уголки его рта приподнялись в улыбке. Или в ироничной ухмылочке?

Преданная Эльза бросилась к парню, растолкав блондинистую свиту:

— Егорчик, удачно вышло?

Не хочу выслушивать сюсюканья девицы, повисшей на Мэле, и его снисходительное повествование о блестящей защите. Хватило стыдобени на год вперед.

Не оборачиваясь, я двинулась вниз. Мэл теперь свободный человек, вернее, обремененный отношениями со старой подружкой. Наверное, посмеивается и рассказывает ей, что я вспыхнула как автомобильная фара от невинного касания двух мизинчиков. Нимфоманка фигова.

В оставшееся до звонка время посвятилось просиживанию в библиотеке и выполнению задания Вивы, за шгудированием атласа важных государственных деятелей. Запутавшись вскоре в именах и отчествах, я поняла, что взялась за гиблое дело, и решила переключить внимание на внешний вид политиков, стараясь запомнить их по отличительным признакам.

К примеру, начальник Первого департамента напоминал утку: губами, вытянутыми толстыми лепешками, и широко расставленными глазками-пуговками. А вот министр образования был тощ и желчен лицом, которое портили обвислые щеки — ну, вылитый бульдог.

Начальник Департамента спорта имел несуразную внешность. Его физиономия походила на грубо отесанное полено, а черты лица будто склеились из разных кусочков: один глаз выше другого, перекошенный нос, кривой рот. Таким образом, у покровителя здорового образа жизни обнаружилось некое сходство с Франкенштейном.

Снова пересмотрев атлас и присвоив каждому политику какое-нибудь прозвище, я успокоилась: условная мнемотехника помогла запоминанию лиц.

К Мелёшину А.К. так и не удалось подобрать соответствующий образ. Начальник Департамента правопорядка ассоциировался с карающей рукой возмездия, тянущейся в маскировочные заросли и вытаскивающей за шкуру преступников, прячущихся от зоркого ока правосудия. Глядя на Мелёшина-старшего, мне захотелось стать страусом и спрятать голову в песок.

Перед уходом я пролиставала новые выпуски "боевых" листков, посвященных приему. На первых страницах пестрели интервью со звездами и звездулками и смаковались подробности предстоящего эпохального события. На последних страницах росли ставки в букмекерских таблицах, говорящие о том, что ажиотаж приблизился к пику.

К немалому удивлению, в одном из выпусков журнала обнаружилась вкладка с фотографиями государственных деятелей, успевших осточертеть мне хуже горькой редьки. Высоких чиновников запечатлели вместе с дамами. Мужчины щеголяли в элегантных костюмах и смокингах, женщины — в роскошных вечерних туалетах с обилием драгоценностей.

Оживившись, я начала перелистывать странички. Из непонятных соображений редакторы журнала не стали указывать рейтинги политиков. Под каждым снимком указывалась занимаемая должность, фамилия с инициалами и приписка: "с супругой".

Неожиданно выяснилось, что во вкладке наличествует новшество. Чтобы увеличить изображение, достаточно провести по фотографии, сделав разводящий жест пальцами. При движении пальцем картинка смещалась в любую сторону, позволяя любоваться будущими участниками приема в мельчайших подробностях. На всякий случай я проверила старый выпуск "боевого листка" с вкладкой победителей различных национальных конкурсов — приближение работало. И как меня угораздило пропустить увеличение Мэла, шагающего среди ворохов осенних листьев?

Вздыхнув разочарованно, я вернулась к картинкам с политиками и сразу же наткнулась на родственничка. Моего отца сфотографировали вместе со статной женщиной — его нынешней женой и по совместительству моей мачехой. Несмотря на светский антураж, позы стоящих были официальными и выверенными протоколом. Папенька и его супруга держали в руках бокалы с шампанским и вежливо улыбались, глядя в объектив.

Раньше я ни разу не видела мачеху — ни вживую, ни на фотографиях, однако, учась на юге, успела перерыть многотомные генеалогические справочники и узнала, что вторую жену отца зовут Айва Падурару, и она уроженка тех мест. В родословных двух семей между Влашеками и Падурару проходила двойная жирная черта, означавшая связь через брак. От нее отходили две одинарные линии к именам Онега и Илларион — моим сродным брату и сестре. И ни одного упоминания о маме и обо мне.

Увеличив изображение, я долго разглядывала рослую женщину в консервативном вечернем платье с глухим воротником и невольно сравнивала с мамой, которую тоже никогда не видела. Клочок черно-белой фотографии не в счет. Какие достоинства новой избранницы заставили отца развестись? Ведь поначалу между моими родителями были чувства, я не сомневалась в этом. Мама не стала бы связывать судьбу с человеком, к которому не лежало сердце. Неужели ради великанши со снимка потребовалось вырывать меня из тепла маминых объятий и бросать как слепого кутенка в ведро с водой, то бишь в мир висоратов?

Мне стало обидно за маму. В моих фантазиях она виделась самой доброй, самой умной, самой красивой — хрупкой как статуэтка и с чарующим голосом. Мужчины падали к ее ногам и укладывались в штабели, а она взяла и выбрала моего отца. Потому что любила.

Не нужен нам никто. Получу аттестат, уеду к маме, и будем жить с ней вдвоем.

После папеньки мое внимание переключилось на начальника Департамента правопорядка и его супругу. Я буквально впиалась глазами в фотографию, разглядывая симпатичную черноволосую женщину с высокой прической, являющуюся семейным тылом Мелёшина А.К. и одновременно матерью Мэла. Похож ли сын на нее? Похож. Он взял от каждого родителя понемногу и перемешал в себе черты обоих.

Воображение нарисовало, как Мэл приезжает на воскресный ужин домой к родителям, в особняк с обязательным фонтаном и статуями в парке, как обнимает мать, целуя в щеку, и проходит в столовую, где сидит сестра Маруська-Баста, и крутятся под ногами охотничьи псы Мелёшина-старшего. Мэл сообщит родителям: "Папа, мама, представляю вам мою девушку Эльзу Штице. У нас с ней серьезно, и я имею далеко идущие планы на совместное будущее". Мать Мэла улыбнется, скажет приветливо: "Добро пожаловать в семью, дочка" и обнимет Эльзушку, прослезившись.

Тьфу. Пусть улучшают висоратскую нацию, роднясь и плодясь, — мне всё равно.

Первый советник премьер-министра на снимке тоже стоял под ручку с супругой. Дама Семута С.Ч. была выше кавалера, имела революционно короткую мальчишескую стрижку и

неровные зубы, что не мешало ей улыбаться без стеснения в объектив.

Кутерьма в столовой не помешала мне, активно работая локтями, набрать вкусностей, от одного вида которых безостановочно текли слюнки. Раньше я не обратила бы внимания на суп харчо с курятиной и сырными сухариками, обойдясь диетическим супом-лапшой, а сейчас, не задумываясь, нагрозила тарелками полный поднос.

Оправдываясь тем, что вскорости обжорство само себя изживет, пристроилась за столиком в центре зала.

Еще по пути в столовую я приняла соломоново решение: чтобы не вызывать подозрений, продолжу питаться среди студентов, потому что обильные завтраки и обеды в преподавательской столовой при официальном уровне моих доходов вызовут недоумение и ненужный интерес. К тому же, и в общепите готовились изысканные блюда для простолюдинов-гурманов.

Откушав салат с кальмарами и зеленым горошком, я успела намазать грибную икру на пампушку, как на освободившееся место напротив сел... Петя Рябушкин. Мой парень.

Ох, Петя, Петя, — поглядела я на парня как старая тетка, повидавшая жизнь без прикрас. Бесхитростный домашний мальчик, по наивности пригласивший знакомую девочку, которой пришлось неоднократно преступить закон для выполнения долга.

— Привет, — поздоровался парень и пригладил аккуратный чубчик.

— Ты пообедал? Угощайся, — показала я на поднос.

— Уже поел, — ответил зажато спортсмен. По натянутому тону стало понятно, что Петю покорило некультурное приглашение к общему поедалову. Мы же не поросята, чтобы есть из одной лохани, — сказал его взгляд.

Пожав плечами, я взялась за пампушку. Не понимаю, в чем заключается невоспитанность. В интернате считалось делом чести разделить трапезу, что означало высшую степень доверия с обеих сторон. К тому же, Петя — не мимо проходящий товарищ, а мой парень, и мы идем в воскресенье на прием.

— Эва, приглашаю тебя сегодня в гости, — выпалил чемпион, решившись, и рука с пампушкой застыла у моего рта.

— Зачем? — спросила я настороженно.

Приглашение дубль два? Кажется, единожды Петя выслушал мое мнение по данному вопросу.

— Чтобы познакомиться с мамой.

Начинается в деревне лето, — сделала я кислую мину. Что ж, придется изображать сельское добродушие и тянуть до последнего, прежде чем отказаться от навяливаемого счастья. Помучаем того, кто заставил мучиться нас.

— Зачем? — повторила я и откусила от пампушки. Погоняла на языке нежнейшую грибную икру и с чувством прожевала.

— Послезавтра прием! — воскликнул с отчаянием Петя и посмотрел на меня умоляюще, точно в этой фразе заключалась вся его жизнь.

А мне-то какое дело? Сам кашу заварил, сам и ешь, — хотела я ответить, как вдруг краем глаза заметила, что чья-то рука придвигает стул от соседнего стола, и рядом усаживается Мэл. Тот самый, который Егор Мелёшин. Которого я меньше всего ожидала увидеть, сидя с набитым ртом в столовой.

Пампушка, не удержавшись в пальцах, ляпнулась в гуляш с соусом, забрызгавшим

тарелки и поднос.

— Здравствуйте, Петр, — привстал Мэл, протянув руку чемпиону, и после рукопожатия развалился на стуле.

Схватив салфетку, я принялась судорожно вытирать соусные брызги со стола. В голове закружилась сумятица. Мэлу что-то понадобилось, неспроста он взялся за окучивание Пети. Например, устроит провокацию, чтобы... отомстить мне! Мэл опять раскрутит спортсмена на какую-нибудь аферу похлеще "Инновации" и немало посмеется над ним и заодно надо мной.

— Не помешал? — спросил вежливо Мэл у Пети, не обращая на меня внимания.

Еще как помешал. Уж лучше отбиваться от робких атак чемпиона, чем сидеть рядом с Мэлом, почти вплотную, колено к колену, щекотать обоняние запахом туалетной воды и коситься с риском приобретения тяжелого косоглазия.

— Ни в коей мере, Егор, — ответил чинно мой парень. — Мы беседовали о приеме.

Ага, светски трепались о том, о сём. Сгоряча я хотела нагрубить Мэлу, но вспомнила, что благодаря ему получила незаслуженный зачет за исследовательскую работу, и решила избрать тактику молчания, отвернувшись к колонне. Сделаю вид, что до соседей по столу мне нет дела.

Вид-то сделала, но легче не стало. Все равно кусок не лез в горло, и аппетит внезапно пропал.

Тут Мэл опять привстал и захватил с подноса горсть сухариков, предназначенных супу харчо. При этом его рука невзначай скользнула по моей, обжигая кипятком, и я дернулась, пряча ладонь под стол.

Мэл, развалившись, начал закидывать в рот сухарики. Мои сухарики.

— И как прием? — спросил, хрустя.

— Вот, приглашаю Эву в гости. Хочу познакомить с родителями.

Хруст прекратился, и наступило неловкое молчание. Я искоса взглянула в сторону Мэла. Он смотрел на меня — тяжело, изучающе, а потом сказал деревянно, обращаясь к Пете:

— Поздравляю. Вас обоих. Это значимое событие для любой... пары, — и разжав кулак, высыпал на край подноса крошево из бывших сухариков. Его ладонь сжималась и разжималась, и побелевшие костяшки вызвали у меня внезапный всплеск страха.

Чемпион непонимающе уставился на Мэла, но сообразил, на что тот намекает, и покраснел. Вслед за Петиной физиономией загорелись и мои щеки. Пожелав счастья, Мэл присвоил парочке "Эва+Петя" статус жениха и невесты.

Сказать, что ли, что он...того, и покрутить пальцем у виска? Или оставить в заблуждении, и тогда будет проще переболеть вирусной инфекцией, называемой Мэлом?

— Я не совсем верно выразился, — смутился мой парень. — Скоро прием, а осталось множество вопросов, которые не мешало бы обсудить. Но Эва очень занята, и ей не удастся выбраться в гости.

— Говорите, занята? — Мэл бросил на меня взгляд, в котором сверкнули зеленые отблески, и, вытянув из стаканчика салфетку, принялся оттирать ладонь от прилипших крошек.

— Очень, — ответил вместо меня Петя. — Готовится к экзаменам, учит билеты. Эва молодец! Не удивлюсь, если она окажется отличницей по итогам сессии.

Мэл сдавленно фыркнул. Как же, отличница, — говорил его фырк. Знаем мы, как эта

обманщица зарабатывает положительные оценки.

— Значит, в учебе? — переспросил у Пети, а не у меня. — Поди, не высыпается?

К чему выпытывает? Ведь догадался же, что я палец о палец не ударила, чтобы тянуться к отличным отметкам.

Мэл хочет поймать меня на вранье и показать Пете истинное лицо его девушки! — осенило меня. И тогда спортсмен брезгливо отвернется, сказав на прощание: "Прости, Эва, но ты умудрилась опозориться за два дня до приема".

Хорошо это или плохо? С одной стороны, поняв, что я бессовестная врушка и сочиняю на ходу, чемпион потребует вернуть билет и, тем самым, отпустит на свободу — долг все равно уплачен, и не моя вина, что Петя передумает идти со мной на прием. С другой стороны, неприятно сознавать, что спортсмен разочаруется во мне. Его первая девушка окажется распоследней стервой, цинично воспользовавшейся доверчивостью парня.

Поддержать ли игру Мэла или сыграть в свою собственную? Пока я металась, Петя, простачок, начал вываливать правду, какой он ее видел.

— Конечно, она старается. Правда, Эва? Мы оба заняты, поэтому видимся только в институте. А мама переживает за прием. Я о нем столько прочитал! В теории вроде бы всё знаю и должен сориентироваться, а на практике могу растеряться.

Разволновавшись от перспективы провала на важном мероприятии, чемпион разоткровенничался не на шутку. Если его не остановить, он станет ходячей мишенью для насмешек одного столичного принца, пресыщенного светской жизнью.

— Забыл здесь что-то? — спросила я у Мэла как можно небрежнее, решив прервать содержательный мужской разговор. Мол, если память короткая, топай отсюда и не мешай наслаждаться обедом.

— Могу помочь вам, Петр. Я бывал на "Лицах", поэтому смело задавайте вопросы. Отвечу. Без проблем, — предложил Мэл, пропустив мимо ушей мою грубость.

Мне осталось удивленно моргать, услышав неожиданное предложение, а Мэл выудил из тарелки с гуляшом надкусанную пампушку и, не уронив ни капли соуса, засунул в рот. Вот наглец!

Со стороны ситуация выглядела весьма неоднозначной. Я и мой парень сидели друг напротив друга, а посторонний однокурсник пожирал мой обед, сидя в непосредственной близости от меня.

Спрашивается, есть ли у Пети глаза или нет? Другой товарищ на его месте давно бы догадался о причинах развязного и хозяйского поведения собеседника, и немедля заехал по лицу нахала. Но Петя в силу воспитания и наивности переводил взгляд с меня на Мэла и ничегошеньки не подозревал.

— Я с радостью принимаю ваше предложение, Егор, — согласился солидно. — Боюсь, у Эвы так и не отыщется свободная минутка, чтобы съездить в гости, а ведь нужно распланировать и учесть множество мелочей.

Мэл кивнул, дожевывая пампушку, а потом потянулся за салфеткой, и его рука невзначай дотронулась моей, нервно катающей вилку по столу. От невинного прикосновения столовый прибор улетел со звоном на пол, и я в смятении наклонилась, чтобы поднять. Может, остаться в этой позе до окончания обеда? Притворюсь, что под столом жизнь интереснее, чем наверху, и тогда не придется смотреть исподтишка на Мэла и соприкоснуться с ним, пусть и случайно.

Увы, спрятаться не удалось. Мэл тоже наклонился за вилкой, и мы одновременно

схватились за нее. Очередной ожог пронзил кончики пальцев и прокатился по венам. Отдернув руку, я выпустила вилку, снова упавшую на пол, и парень подобрал ее, откровенно ухмыляясь.

Нервничая, я схватилась за свежую салфетку и принялась с рвением складывать и раскладывать. Снова складывала и раскладывала, складывала и раскладывала, погрузившись в увлекательный процесс.

— И много мелочей? — спросил Мэл, вытирая пальцы от жира пампушки.

О чем это он? Кажется, Петя строил стратегические планы по завоеванию симпатий гостей и прессы на приеме.

— Несущественные, но важные, — пояснил спортсмен. — Стоит ли начинать разговор с премьер-министром или дождаться, когда он заговорит первым?

Мэл бросил измятую жирную салфетку на кучку сухарных крошек. Совсем распоясался! Распоряжается моим подносом как собственным.

— Вы поступите дальновидно, Петр, вежливо промолчав, и если премьер-министр сочтет необходимым побеседовать, то поддержите разговор.

Щедрость Мэла в части бесплатных советов была более чем подозрительна, а я, как ни силилась, все же не смогла угадать, какую ловушку он приготовил Пете. Замученная мной салфетка разорвалась, не выдержав насилия, и ее место заняла следующая.

— Эва, ты не забыла? — вспомнил обо мне спортсмен, дорвавшийся до халявной помощи. — Встречаемся в четыре.

Я кивнула, а Мэл опять потянулся к подносу, выгреб из мисочки оставшиеся сухарики и начал хрустеть, развалившись на стуле. Нахал!

Мой нахальный Мэл, — посмотрела на него и судорожно слотнула. Не прервись наши отношения, сейчас я баловала бы его вкуснотенью вперемешку с нежностями, и наш обед плавно перетек бы в ужин или истощился, прерванный иным сногшибательным занятием.

Нет, не мой Мэл. Чужой. И по-другому нельзя, — напомнила себе о твердости духа и тяжело вздохнула. Трудно быть сильной.

— Не рановато в четыре? — спросил Мэл. Кошмар! Втерся в доверие к Пете и внушает ему, заливая свое мнение в уши. Напридумывает небылиц о том, чего отродясь не бывает на приемах, а чемпион наслушается и натворит глупостей.

Мэл может, — посмотрела я сердито на парня, но он общался со спортсменом, не замечая моего соседства.

— Тика в тикку. Мы с мамой рассчитали, — раскрыл семейного стратега простодушный Петя. — С запасом, так что должны успеть. Но если вы считаете, что рано... С учетом того что поедем от института...

— М-м-м... — промычал Мэл, грызя сухарик. — Рановато. Заезжайте за... вашей дамой в половине пятого.

— Наверное, — согласился нерешительно мой парень. — На всякий случай нужно подстраховаться и быть на связи. Эва, у тебя есть телефон?

— Нет, — сказал Мэл с видом знатока, уверенного в своем превосходстве.

— Есть, — ответила я, вытащив телефон из сумки.

Если явление новехонького аппарата и оказалось неожиданным для Мэла, то он не выказал удивления, однако перестал хрустеть и молча наблюдал за процессом обмена номерами.

Ты смотришь на меня как на пустое место, а я на тебя — как на ноль без палочки, —

задрав гордо нос, возвратила телефон обратно.

— Егорчик, ты идешь или как? — раздался голос Эльзы. Девушка подошла к нашему столу и положила руки на плечи Мэла.

Как же меня угораздило забыть о ней? До прихода Штице в моей сказке нашлось место лишь для нас с Мэлом — препирающихся, ругающихся, мирящихся, а Эльзушка своим появлением в одно мгновение разбила недосыгаемую мечту на осколки.

— Я занят, — сказал он, выпрямляясь.

— Я подожду, — с готовностью согласилась девушка.

Неужели бесцеремонно плюхнет к нему на колени? Пусть садится — стул не выдержит, — заулыбалась я злорадно. Посмеюсь над обоими, когда завалятся на пол. Вся столовая попадает со смеху вместе со мной.

Мэл кинул на меня быстрый взгляд.

— Как хочешь. Я надолго.

Эльза, зыркнув в мою сторону, послала ослепительную улыбку своему парню и поцеловала в щечку. Египетской выдре досталось бы ухо, потому что Мэл отвернулся, но она оказалась проворнее.

Эльзушка поцокала в зону элитного студенчества. Оказалось, что пустовавший столик для избранных заняла знакомая компания: Макес, Дэн, две блондинки из Эльзушкиной свиты и темноволосая безымянная девушка. Как в старые добрые времена, — хмыкнула я, скривившись. Только Мэл ошибся адресом, приземлившись не в том месте.

Подружка Мэла удостоилась и Петиного внимания. Глядя вслед Эльзе, спортсмен сказал вальяжно:

— Красивая у вас девушка, Егор. Заметная.

Заметная?! — взъерилась я. Значит, мой парень расточает комплименты другим девушкам, не тяготясь моим присутствием? Мне он не говорил подобных слов. Выходит, я не красивая и незаметная? Возможно, так оно и есть, но мог бы приврать разочек и польстить.

Обидно до слез. Это как раз тот случай, когда простота хуже воровства. Петя сказал то, что думал.

А Мэл как назло подначивал бесхитростного чемпиона говорить всё большие глупости, намекая тем самым: смотри, Папена, с каким толстокожим увальнем связалась. Смотри и кусай локти.

— Заметная, — согласился. — Как раз для приема.

— Знаю, — кивнул Петя и виновато взглянул на меня.

Уже спелись два поклонника красоты. Разве я вещь на прилавке? Невзрачный ситцевый платочек, отброшенный ради яркого шелкового. Вот возьму и воткну вилку в загребущую лапу, тянущуюся к ватрушке, а другому залеплю омлетом в лоб.

Покуда я в гневе придумывала, как отомстить за свою гордость, Мэл выудил с другого конца подноса сдобу и откусил. До чего же он вкусно и аппетитно ел, что у меня рот наполнился слюной, но я демонстративно сложила руки на груди и изобразила на лице отвращение к еде и к обоим парням.

— Если что-то не нравится, можешь отказаться, — ответила оскорбленно Пете. — Как-нибудь переживу.

— Эва, прости, я не хотел, — покаянно взмолился он.

— Петр, не бойтесь говорить правду, — дал совет Мэл, жуя. — На карту поставлено многое. Если девушка не подготовлена для выхода свет, есть время передумать.

Ах, не подготовлена? Значит, не гожусь? Я, потратившая, время, нервы и здоровье для того, чтобы пойти на этот дрянский прием!

— Тебе-то какая разница? — спросила грубо. — Не тебе же позориться.

— Не мне, — согласился Мэл с набитым ртом, перестав жевать, отчего щека раздулась. — С чего ты взяла, что мы говорили о тебе?

О ком же еще? — взглянула я злобно на Мэла. Прирожденный хитрец! Скользкий как угорь, обмазанный маслом. С какого боку не зайди, а все равно не ущипнешь. Определенно, ему вместе с генами передалось умение говорить завуалированно и обтекаемо, подзуживая разных простофиль. Назло врагам буду сиять на приеме как недосягаемая звезда на небе. Всех сокрушу, и прежде всего Мэла.

Поднявшись, я забросила сумку на плечо.

— Дай знать, если надумаешь отказаться. Верну билет, — обронила холодно.

Бывают в жизни огорчения. Осталось сделать шаг до приема, а моего кавалера вдруг осенило, что рядом с ним серая крыска, с которой за одним столом стыдно сидеть, не то что выйти в светское общество. Вернее, ему открыл глаза один интриган, сидящий неподалеку.

— Эва, извини меня, — вскочил чемпион. — Ты не так поняла!

— Я прекрасно поняла, — сказала с королевским величием. — Звони, если что.

— Садитесь, Петр, — всунулся Мэл в наш диалог. — Нужно многое обсудить.

— Да-да, конечно, — спортсмен опустился на стул. — Эвочка, прости, пожалуйста!

— Эвочка простит, — ответил за меня Мэл.

— А с тебя тринадцать висоров, — объявила я ему. — По твоей милости аппетит пропал.

Мэл ухмыльнулся:

— Зато сбросишь пару килограммов перед приемом. Тебе полезно.

Увидел мое опешившее лицо и растерялся:

— Папена, послушай, я не хотел... Сказал, не подумав... Эва!

Не ответив на заискивающее подлизывание, я оттолкнула с грохотом стул и ринулась к выходу из столовой.

Ненавижу, ненавижу! Какие же они козлы!

— Некрасиво получилось, — сказал Рябушкин. — Надо бы попросить прощения.

Напрягшийся Мэл, проследив с досадой за убегающей из столовой фигуркой, признал:

— Согласен, мы повели себя грубо. Но сейчас ваша дама не в том состоянии, чтобы принимать извинения.

— Вы правы, — согласился неуверенно спортсмен.

Мелёшин забарабанил пальцами по столу, задумавшись, и меж нахмуренных бровей залегла складка.

Издали Мак выразительно постучал по голове. Знаю, — отмахнулся раздраженным кивком Мэл. Сказанного не воротишь.

— Говорите, она без устали готовится к экзаменам?

— Эва очень старается. Мы виделись как-то на днях у библиотеки. У Эвы был аврал, потому что она собирала материал по эмоциям.

— Ну да... В трудах недолго заработать нервное истощение, а тут мы с вами добавили переживаний. Вы правы, Петр, нужно покаяться.

— Я ее догоню! — подскочил чемпион.

— Погодите, — поморщился Мэл. — В деликатных делах не стоит спешить. К обиженной женщине нужен особый подход.

— Вам виднее, — признал Рябушкин.

— Боюсь, Петр, после ваших извинений недопонимание усугубится.

— Наверняка, — понурился спортсмен. — У меня не так много опыта... в общении с девушками. Если я все испорчу, то Эва расстроится. А до приема осталось два дня!

— Могу посодействовать. Дайте телефон вашей дамы, и я поговорю с ней со всей возможной деликатностью.

— Думаете, Эва послушает?

— Я найду нужные слова.

До чего же ненавижу его! И его самоуверенную физиономию тоже ненавижу.

Забравшись на чердак, я застегнула куртку и подошла к окну. Стайка воробьев оккупировала черные ветви вяза у институтской ограды, устроив соревнование по зимнему чириканию. Хоровой птичий галдеж залетал в открытые створки, отвлекая от булькающего во мне гнева.

"Похудеть не мешало бы"... Ну и пусть тискает свою тощую кильку по углам, мне плевать.

Как же его ненавижу!

Ненависть лучше, чем рабская зависимость, — признала я, охладившись у чердачного окна. Ненависть закаляет, прогоняя чувство вины, и заталкивает на дальний план горячие трепетные чувства. Меня теперь не смутить намеками и случайными прикосновениями. Я заржавела в своей ненависти, не знающей прощения. И Петю тоже ненавижу с его несусветной простотой — в сердце и на языке.

Лучше бы между парнями сохранялась дистанция. Когда Петя показывал характер, в нем проявлялась личность с большой буквы — героическая, бескорыстная. Он спас меня от падающей люстры, потому что не мог поступить иначе. Переживал, что пропустил пожар в столовой, иначе обязательно бы потушил возгорание и, глядишь, для Симы последствия оказались не такими тяжелыми. В холле, когда Мэл заговорил о продаже прав на дрессировку, тоже ничуть не убоился и, если бы не мой истошный визг, не замедлил бы врезать наглецу.

Но Мелешин сделал хитрый ход, опять вывернув так, как ему угодно, и втерся в доверие, став закадычным приятелем чемпиона. Ну, какие из них друзья-товарищи? Парни происходят из разных социальных слоев и имеют разные интересы. Однако различия не помешали спортсмену встать на задние лапки, преданно заглядывая в рот Мэлу, и это противно.

Попал ты, Петечка, в лапы к монстру почище крылатого чудовища из лаборатории. Мелёшин подставит тебя, не задумываясь, и вся страна будет потешаться, следя по телевизору за приемом. Но если тебе очень хочется — получай. Сам виноват, пойдя на поводу у сомнений. "Вдруг премьер-министр не обратит на меня внимания, или не вовремя улыбнись? А если не так пожму руку?". Чего бояться? Я же не схожу с ума, размышляя сутки напролет, с какой ноги выбираться из автомобиля на зеленую дорожку. У меня полно других дел, от которых голова кругом.

Опять же Мелёшин. Чего он добивается, навязываясь к Пете с советами? Я могла бы предположить, что Мэл старается ради меня, отмазывая в своеобразной манере от приема, но в альтруистический порыв верилось с трудом. Мэл замыслил какую-то цель и попер к ней, умело лавируя между препятствиями. И цель состоит в том, чтобы наказать меня — не прямо, так косвенно — за обман и предательство. С другим.

И новенький телефон как нельзя некстати выплыл из недр сумки. Мэл тут же сделал вывод, на какие шиши куплена эта штуковина — по глазам было видно. Не за восемь же еженедельных висоров?

Ну и пусть подозревает во всех смертных грехах. Я кручусь, как могу, чтобы выжить. Увы, Мэл никогда не узнает подробностей из моей преступной жизни, да и ни к чему

загружать ими голову. У него есть более приятные дела. Мэл сейчас расслабляется в обществе своей подружки.

В памяти всплыли слова парней об Эльзе, означавшие, что меня отнесли к другой весовой категории девушек, и глаза подозрительно увлажнились. Вытерев слезливость рукавом куртки, я проморгалась. Было бы из-за чего реветь. Подумаешь, не больно-то хотелось идти на дурацкий прием. Зато теперь не бедствую и распоряжаюсь немалой суммой. Хоть за что-то можно сказать Пете спасибо: парень подвигнул меня на авантюру с продажей коньячной фляжки. Жаль, что раритет продан. Один-два глоточка горячительного напитка не помешали бы поднятию тонуса.

Обсосав на несколько рядов свои переживания, я не сразу вспомнила о болеутоляющей мази. Флакончик пропал, и вместо него на тумбовом столе белел клочок бумаги, придавленный ножкой от сломанного стула. Записка карандашом гласила: "К Э. Безмерная благодарность! Что мы можем сделать для вас? А."

И этот признательный товарищ туда же: добровольно лезет в петлю долга. Я ведь помогла от чистого сердца, не задумываясь о награде, а неизвестный аноним предлагает оказать услугу баш на баш.

На глаза опять навернулись слезы. Все мужики — бесчувственные солдафоны. Возьму и напишу разгромный ответ, что не нуждаюсь в раболепных предложениях, и навсегда забуду дорогу на чердак.

Рука с пером зависла над листочком. На месте А. и любого из горнистов я бы тоже чувствовала себя обязанной, — как в медпункте, когда вручила свой долг Пете, — поэтому ребят можно понять и не ранить надуманными обидами.

Что могут сделать парни в солнечной униформе? Только одно, имеющее для меня неизменную важность.

И я приписала внизу: "Встретиться. Э."

Послеобеденная сиеста обычно располагает к отдыху с позевыванием и замедлением умственных процессов, перегруженных калориями. Мне же достался мизер калорий, а незапланированное соседство в столовой привнесло сердитый задор в настроение.

Настала пора разрешить ситуацию со вчерашним пропуском работы, для чего привлечь Стопятнадцатого. Ни капельки не обижусь, если ситуация с прогулом закончится плачевно для младшего помощника архивариуса. Пусть меня благополучно уволят, и дело с концом.

Спустившись на полуторный административный этаж, я добрела до знакомой обшарпанной двери любимого деканата, миновала устойчиво безжизненную приемную и постучала в рабочее обиталище Генриха Генриховича. И вроде бы не опоздала. Как велели, пришла почти в полдень. Разве что где-то ошивалась лишних сорок минут. Но я же дама, а женскому полу простительно чуть-чуть задерживаться. В крайнем случае, наплету о слабости организма и пяти обмороках по дороге.

— Прощу, входите, — отозвался густой бас Стопятнадцатого.

Мужчина, без пиджака и с засученными рукавами рубашки, возвышался громадой на фоне окна-иллюминатора. Правая рука декана утонула по локоть в черном матовом глобусе с алыми прожилками, водруженном на стол. Я вспомнила, что прежде странный футбольный мяч на низкой стойке занимал угол кабинета.

Сегодня декан выглядел деловитым и цветущим, без следов вчерашней перегрузки — физической и моральной. Тонкая просвечивающая ткань рубашки демонстрировала

отсутствие повязок на плече и спине, поврежденных летучим чудовищем.

Увидев меня, Стопятнадцатый вынул из северного полюса руку и вытер полотенчиком, хотя внешне она выглядела чистой.

— День добрый, Эва Карловна, — поздоровался мужчина и, протиснувшись к полке, развернул зеркальце к стене. То самое овальное зеркало на подставке, через которое поначалу любил смотреть на меня.

— Здравствуйте. Как плечо и спина?

— Ранозаживляющие компрессы и ударные дозы стимуляторов творят чудеса. Жить буду. Как ваше самочувствие? Альрик дал препарат?

— Дал, спасибо. Я пью. А как Евстигнева Ромельевна? И тот... за стеклом?

— Евстигнева Ромельевна приходит в норму и передает вам свою признательность.

— Ну что вы, — повела я смущенно плечом. — Совсем не обязательно передавать. Ничего особенного я не совершила.

— Как раз обязательно, — опроверг декан. — Ваша поддержка немало нам помогла.

— А что с птицей?

— Поживает и прекрасно обходится без пищи. Большого не могу сказать, потому что не успеваю заняться обследованием вплотную.

— А лаборатория? От нее же ничего не осталось. Осталось выбросить разгромленное и обставить заново.

— Почему вас это беспокоит? — Мужчина пытливо посмотрел на меня.

— Просто так. Жалко. Там было хорошее оборудование и инвентарь. Много побилось.

— Да, многое, — декан грузно осел в кресле.

— Генрих Генрихович, я вчера забегалась и забыла о работе в архиве. В общем, прогуляла, — покаялась я, усевшись на место для посетителей, и спросила с тайной надеждой: — Меня уволят?

— Конечно нет, милочка, — заверил оптимистично Стопятнадцатый и потянулся к телефону. — Это мое упущение. Вчера мы все... думали слегка не тем. А сегодня будем разруливать. — Накрутил номер на диске, и я вздохнула. Надежда на увольнение еще не погасла. — Нинелла Леопардовна? Душечка, приветствую... да-да... И вам того же... Видите ли, со мной произошел конфуз... Нет... Помилуйте, голубушка... Студентка, Папена Эва Карловна... На подработке младшим помощником архивариуса... Да-да... От вас ничего не скроешь, лапушка... Да-с, прогул...

У меня округлились глаза. Оперативность, с коей распространялись новости по институту, поражала. Интересно, Леопарда знает о вчерашней битве титанов с неживым крылатиком?

— Можно ли компенсировать?... — мучил трубку Стопятнадцатый. — Неужели ровным счетом ничего?

От радости моя пятая точка начала приплясывать в гостевом кресле. Ровным счетом ничего, ля-ля-ля! — напела я под нос. Какая же Леопарда чудесная женщина! Правильно, нельзя пускать бесстыжих прогульщиков на работу.

— Нинелла Леопардовна, милочка, это целиком и полностью мое упущение. Виноват, признаю... Загрузил студентку делами факультета... Сами понимаете, без секретаря хоть вешайся... Душечка, не смейте в обморок! Это образно... Хорошо, подожду...

Потянулись секунды ожидания, в течение которых декан вытирал платком нескончаемый пот с шеи и лба, а я крутилась в кресле, состроив скорбное лицо.

— Жду, Нинелла Леопардовна... Да... Да... По-другому никак?... Понимаю... Каюсь голубушка, и приглашаю на ужин... Как куда? В нашу столовую, по высшему разряду... Очень жаль, душечка... Всенепременно при случае... С почтением.

Трубка обрушилась на рычажки, а мужчина посмотрел на платок.

— Хоть выжимай. Итак, на работу продолжаете ходить по прежнему графику. За прогул с вас удержат половину недельной зарплаты, к сожалению, — взглянул на меня виновато. — Выдюжите?

— Выдюжу, — кивнула я, раздосадованная заботливостью Стопятнадцатого. У меня же в сумке лежат девять штукарей.

— Пропущенные часы придется отработать в качестве курьера на нашем факультете, за что спасибо Нинелле Леопардовне. То бишь предлагается погасить задолженность при деканате. Согласны?

Я кивнула. Бедный Генрих Генрихович! Ради меня пошел на жертву, пригласив на ужин начальницу отдела кадров, но та побрезговала предаваться вкусовому наслаждению в институтской забегаловке. Хотя по лицу декана не заметно, что он опечален отказом.

— Когда собираетесь потрудиться: сегодня или в другое время?

Зачем затягивать с долгами, внеурочно навешавшимися на мою шею? Надо соглашаться на курьерство, и поскорее, потому что завтра никак не получится. Завтра у меня поход по магазинам, если Петя не потребует билет обратно.

— Сегодня. Могу даже сейчас, — кивнула я с готовностью.

— Хорошо. Отработаете, и я напишу записку. Завизируете её в отделе кадров и сдадите в бухгалтерию. Сумку оставите здесь? — поинтересовался участливо Стопятнадцатый. Видимо, представил, как я, с языком на одном плече и с сумкой на другом, ползу на последнем издыхании по коридору, доставляя нужные документы по назначению.

— Нет, при себе, — отказалась я и продолжила фантазию декана. Я ползу, ползу... Вокруг взрываются снаряды, свистят пули, стонут раненые... Доползаю до штаба и отдаю в руки комдива Вулфу карты с крестиками вражеской дислокации. Вокруг радуются бесценной информации, доставленной вовремя, а я умираю с улыбкой на лице от случайной шрапнели. И мне поставят памятник. Вот.

Какой штаб, какие враги? День на дворе, солнце светит, а в институте не хватает курьеров.

— Генрих Генрихович, а как быть с экзаменом по элементарной висорике? — закинула я робко удочку.

— С экзаменом? — задумался на мгновение Стопятнадцатый. — Я поговорил с Теолини с глазу на глаз, но без упоминания имен. В любом случае вам нужно посетить экзамен и получить отметку в ведомости, пусть даже неудовлетворительную. Важен факт присутствия. Теолини согласен обождать час с погашением ведомости.

Я послала виноватый взгляд декану. Вот Генрих Генрихович и докатился до подлога, и всё из-за меня — глупой безнадежной невисоратки.

— И не потребовал ничего взамен?

— Покамест ничего, — развел руками мужчина.

Подозрительное безвозмездное согласие, или Стопятнадцатый не договаривает.

— От вас потребуется зайти на экзамен в числе последних студентов, а по выходу немедленно посетить деканат, — уточнил подробности завтрашней аферы мой покровитель. — Я буду ждать.

— Генрих Генрихович, очень неудобно втягивать вас... — пробормотала я с покаянным видом. — Простите! Может, лучше на пересдачи?

— Ни в коем разе, милочка. Постлестрессовый синдром может свалить и быка, а что говорить о вас?

Стопятнадцатый свято уверовал в психическую депрессию, которая неслышно подкрадывалась ко мне после вчерашнего происшествия в лаборатории. Не знаю, какова достоверность его прогноза, но на данный момент меня одолевал один-единственный стресс, связанный с нахалом Мэлом. Нет, с однокурсником Мелёшиным.

В качестве курьерской миссии декан поручил разнести извещения об общеинститутском хозяйственном совете. Как пояснил Генрих Генрихович, в подвальных помещениях после ремонтных работ повредились телефонные кабели, поэтому часть левой половины здания оказалась отрезанной от оперативного сообщения, а сбор по вопросам хозяйствования был назначен через три часа.

Возможно, под ремонтными работами Стопятнадцатый подразумевал Некту, со скуки перегрызшего цветные провода. Мне казалось, только полный идиот, ремонтируя что-то одно, мог одновременно повредить что-то другое, разве что сознательно и методично долбасил черенком лопаты, размолочивая оплетку и жилы кабелей.

— Связисты спустились вниз и приступили к восстановлению линий, но у нас ничего не делается быстро. Сомневаюсь, что пробой будет найден к концу дня, — поделился бедой мужчина, а я задумалась о том, как декан выкручивался бы с доставкой сообщений, не попадись под руку мой прогул.

Меня посетило подозрение, что Стопятнадцатый на ходу выдумал задание, лишь бы занять курьерские часы. Однако извещения оказались закрытыми в белые конверты, с отпечатанными на машинке пунктами назначения и голографическими оттисками нематериального факультета — куратора предстоящего сбора. Не тяп-ляп, а вполне серьезно.

Генрих Генрихович не замедлил разъяснить причину основательного подхода к доставке извещений:

— Передавать устные сообщения через третьих лиц не годится. Сегодня будут рассматриваться заявки служб и кафедр института на финансирование с составлением годового графика, поэтому отсутствие представителя какой-либо службы грозит в дальнейшем недовольством, жалобами в различные инстанции, и, как следствие, неприятными разбирательствами.

С каждым серьезным словом я все больше проникалась важностью поручения.

Декан выдал четыре конверта и кратенькие схемы мест назначения, нарисованные наскоро на листочке бумаги. Как лицо ответственное, я расписалась в получении извещений, которые вместе с бланком для расписок вложила в сумку. Официальность и строгость процедуры пробрала меня до печенки. Вдруг потеряю конверты или заблужусь и доставлю извещения значительно позже указанного времени? Ой-ёй-ёй! Это же как минимум парализация деятельности института! Надо поспешить.

Напоследок я хотела спросить у Стопятнадцатого о Некте, но передумала. Успеется. Декану сейчас нужно думать о бомбе замедленного действия, сидящей под стеклянным колпаком в одной из лабораторий.

Итого четыре конверта и конечные точки назначения: творческие мастерские

факультета внутренней висорики, сортировочная утиля, животноводческий питомник и тренерская в спортивном крыле. Кроме того, перемещаясь по институту, стоило не забывать о звонках.

Следуя накарябанным на бумажке схемам, я свернула из холла в восточный коридор и первым делом направилась в питомник как в ближайшую точку курьерской доставки.

Искомая служба занимала добрую половину второго этажа крыла С. На двери значилось: "Экспериментальное животноводческое хозяйство".

Толкнув ручку, я оказалась небольшой комнатке, напоминающей прихожую в лаборатории, где приключилась битва с летучей нежитью. Та же аккуратность, та же медицинская стерильность плюс отсутствие запахов, характерных для помещений с большим скоплением животных. Рассуждая логически, вольеры и ряды с клетками располагались за следующей дверью, доступ к которой ограничивал стол, освещенный настольной лампой. За ним сидела худенькая женщина с нервическим лицом и теребила воротник белого халата.

— Здравствуйте, я курьер. Примите извещение и распишитесь в бланке, — протянула я конверт и листок для сбора подписей.

Женщина посмотрела на посылку и всхлипнула. Приложив к носу платочек, она закрыла глаза и замотала головой. Глядя на покрасневшие глаза, я сообразила, что работница питомника плакала до моего прихода — долго и навзрыд.

— Мне бы расписаться, — сказала нерешительно. — Или к кому-нибудь другому...

Женщина снова замотала головой.

Я растерялась. К кому бы обратиться? Пронырнуть, что ли, внаглую непосредственно в питомник?

— П-присаживайтесь, — хозяйка указала на стул и, судорожно всхлипнув, высморкалась в платок.

— У меня извещение. Срочное, — пояснила я, сев.

— И он тоже спешил, спешил... — сказала женщина, шмыгнув. — Вечная спешка: работа, командировки, сверхурочные... А потом оказалось, что врал... А я как дура: в доме ни пылинки, ни соринки, каждую неделю свежая икебана в прихожей... Рукоделие, вышитые рукавички... Поделки... Уют в доме создавала, семейный очаг поддерживала... На праздники обязательно веночки, колокольчики к Дню независимости, пуховые корзинки с фигурками хранителей... Шнурочки для оберегов плела, домового прикармливала... Гардины беж в тон обоям! — воскликнула она с сарказмом, и я вздрогнула. — Кухня в красно-черных тонах и посуда под стать... Стиль, вкус... Обязательно солонка и перечница на столе, чашка с кофе — на блюде... И салфетки с вензелями... Свинья неблагодарная! — всхлипнула она. — Я отдала ему лучшие годы жизни, а он! Ушел к певичке — без образования, без воспитания...

Я ошарашенно внимала потоку откровений. А что делать? Неудобно прерывать человека, которого потянуло высказаться. Если передо мной изливают душу, разве можно цинично в неё плюнуть?

Поэтому оставалось сидеть, слушать и внимать.

— Видите ли, любовь у него на старости лет, — скривилась женщина. — Эта шлюха даже готовить толком не умеет. Муженек сам носки стирает и рубашки гладит, а дома руки не поднял, чтобы поставить чайник на плиту. Выходит, не стоило баловать? Выходит, надо было себя любить, а не его? И деньги тянуть: на шубку, на колечки, на сапожки... А я же всё в дом. Во многом себе отказывала. То на машину собирали, то на дачу, то на приличную

школу для Кузеньки. Сыночек-то души в подлеце не чаёт, гордится папашкой, жеребцом престарелым. Муженек забирает его на выходные, а я потом Кузю расспрашиваю: "Как папа поживает? Как день прошёл?". Сыночек мне мно-огое рассказал! Неряха она, шалава подзаборная, и живет в свинарнике, а кобелю потасканному всё нипочем. У него любовь! Как уходил, показал на икебану: "Мети своим веником на здоровье, а мне в постели баба нужна. Я только тогда почувствовал себя мужчиной, когда любовь по два раза на дню без задернутых штор и когда смотрят с обожанием". Курвель патлаты!

Тяжело внимать рассказу, заливающему горечью разочарования и обид. Конечно, я не подходила в качестве слушателя ни по возрасту, ни по семейному положению, поэтому вряд ли дала бы толковый совет. Не уверена, что вообще стоило открывать рот. Да и что сказать? Поддержать брошенную жену нечленораздельным мычанием или горячими возгласами?

— Не могу я наряжаться горничной! — воскликнула женщина и покраснела. — И медсестрой тоже не могу. Это же извращение! Культура прививается с рождения, а если он мужлан, то неотесанная девка как раз для него! И ведь не малолетка, а семью разрушила. Ни стыда, ни совести. Дурак старый! Эта потаскушка из него деньги тянет, а как станет не нужен — вытолкает взашей и поддаст пинка для ускорения.

Оказывается, в нашем языке имеется множество разнообразнейших эпитетов для коварных искусительниц, уводящих чужих мужей. Достаточно выслушать пятиминутную исповедь обманутой жены.

Истеричная плаксивость женщины сменилась ожесточенностью, растущей от фразы к фразе и заставлявшей меня вздрагивать от каждого восклица:

— Ну, я ему покажу! Оставлю без висора в кармане! — начала заводиться работница питомника. — До нитки оберу! Он еще запомнит красивую новую жизнь! Ребенка отниму и отцовства лишу! Вещи порежу! Машину подожгу! И шлюхе его наговор сделаю, чтобы салом заплыла и бесплодной стала! И у него, кобеля треклятого, хозяйство отсохнет!

— Может, отпустить с миром, и пусть живет? — предложила я робко, напуганная силой эмоционального выпада. Представила, что может сотворить женщина, которую предали, и мне стало страшно. Любовь обернулась непримиримой ненавистью, а оскорбленное самолюбие призывало к мести.

— Отпустить?! — вознегодовала обманутая жена, но сменила тон, согласившись отстраненно: — Да-да, конечно. Отпустить на все четыре стороны. Дать всепрощение. Вы что-то хотели? — встrepенулась она, словно только что заметила постороннего в комнате.

— Мне бы сдать и расписаться, — подвинула я конверт и бланк.

— Непременно, — женщина поставила подпись с фамилией в нужных графах. — Хорошо, что вы успели, я собиралась уходить.

— А как же хозяйственный совет?

— Расцелую муженька на прощание и вернусь, — ответила она с бледной улыбкой и, положив извещение в ящик стола, начала рыться в сумочке.

— До свидания, — попрощалась я неуверенно, раздумывая о том, стоит ли сообщить, например, Морковке или декану о служащей, доведенной до истерики изменой мужа. Является ли личная трагедия событием, на которое следует обратить внимание администрации? Наверное, не стоит бить понапрасну в колокола. К тому же, женщина, покинутая неверным супругом, вроде бы успокоилась. Правда, неестественно спокойна, и глаза блестят странно, зато поняла, что для собственного здоровья полезнее вычеркнуть предательство из памяти.

Мне так и не довелось просунуть нос в дверь, ведущую в питомник. Осталось рисовать в голове бесконечные ряды клеток с мартышками, белыми мышами и кроликами. По пути в сортировочную утиля воображение решило не лениться и взялось растягивать и клетки, и животных. Постепенно мыши превратились в бегемотов, кролики — в верблюдов, а мартышки — в крокодилов. Спустя три перехода и два коридора, под крышей института образовался выдуманный зоопарк.

Через два дня заведующая животноводческого питомника была взята под арест дознавателями Первого департамента. Ей инкриминировалась попытка наведения сверхбыстрой порчи на смерть в отношении бывшего мужа и его сожительницы. Источником порчи стал любимый робот девятилетнего Кузи, собранный из деталей детского конструктора и преподнесенный папе во время субботнего пребывания у него в гостях.

Торопясь к следующему пункту назначения, я размышляла о семейной разрухе в судьбе работницы питомника. Жизненного опыта у меня с гулькин нос, поэтому суждения велись с собственной колокольни. Что делать: отпустить неверного мужа восвояси и зажить новой жизнью или отомстить за прожитые годы и черную неблагодарность мужа? А может, попытаться реанимировать бывшее? Переступить через консервативное воспитание, облачиться во фривольный костюмчик зайки с хвостиком на попе и пригласить благоверного на романтический ужин.

Неизвестно, какая дорога — истинная. Но куда бы она ни завела, в создавшемся тупике мечется и страдает обманутая жена. Супруг, похоже, не испытывает угрызений совести по поводу разрушенного брака и не переживает за сына, горячо любящего обоих родителей. Или так и надо жить, не накручивая сложностей? Не то вся жизнь проползет около когда-то любимой женщины, ставшей с годами чужой, и перед смертью окажется, что, кроме грызни у остывшего семейного очага, и вспомнить нечего.

Дилемма из дилемм. А если на месте этой женщины представить меня, а в роли муженька запрячь... Мэла? Я даже притормозила, потрясенная пришедшей в голову мыслью.

Мэл в качестве мужа! Мы завтракаем вместе и засыпаем в одной постели. Я вижу его спросонья, с однодневной щетиной и в трусах. Глажу его рубашки, варю ему кофе на кухне в красно-черных тонах и испытываю терпение, выбирая гардины под цвет обоев беж. Идиллия за небольшим исключением: я не отличаюсь аккуратностью, не могу похвалиться маниакальной страстью к рукоделию и... не прочь попровоцировать Мэла пушистым заячьим хвостиком.

И вот после десяти лет брака, пережитых вместе бед и радостей, хватило бы мне сил великодушно простить неверного супруга и отпустить к сопернице, выслушав жестокие ранящие слова?

Так и не решив, убить ли мне Мэла, или Мэла и его будущую любовницу, или всю нашу троицу, чтобы нескучно гореть в аду, я не заметила, как ноги довели меня до двери с табличкой, на которой фосфоресцировала надпись: "Сортировочная утиля". Криво выведенные буквы с кровавыми потеками вызвали нервное сглатывание. Утилем могло стать что угодно. Или кто угодно.

А в приотворенной двери разыгрывалась настоящая пьеса с четырьмя действующими лицами.

Лицо первое. Шкаф двухстворчатый в резиновом фартуке до пола и с нагрудником. Армейский полубокс, шея, равномерно переходящая в голову с тяжелой квадратной, выпяченной вперед челюстью. Основательно горбатый нос как у грифа. Лапищи в огромных резиновых перчатках выше локтей. Взгляд исподлобья и свирепое выражение выдает в нем человека, напрочь лишенного интеллекта, либо обладающего зачатками оного.

Лицо второе. Невысокое, колобкообразное, без видимой шеи, наголо обритое, лунолико-приплюснутое, с набрякшими веками, раскосыми щелочками глаз и выступающими скулами. Восточное. Облачено, как и лицо первое, за разницей перчаток. Широко расставленные ноги и упертые в бока руки выдают в нем человека важного, занимающего ответственный пост в уважаемом заведении.

Лицо третье и лицо четвертое. Длинный и худой как гвоздь парень с всклокоченными волосами и миниатюрная девушка приятной внешности, оба в белых халатах. Заискивающее поведение выдает в них людей неуверенных и заглядывающих в помещение с кровавой табличкой по большой необходимости.

Декорации. За спиной "шкафа" дверь и неширокое обзорное окно вдоль стены. Что находится за стеклом, не представляется возможным разглядеть. У выхода высокая тележка-короб.

Мизансцена. Действующие лица образуют довольно широкий круг общения и бросают реплики. Конструктивный диалог подходит к финалу, когда в дверь протискивается еще одно лицо, ставшее пятым. Это я. И бесцеремонное поведение выдает во мне нахалюжного курьера, которому не терпится вручить белый конверт адресату.

Сцена первая.

— Ну, пожалуйста, — заканючил парень. — Асмодей, явите милость!

— Нет! — рывкнул "шкаф", и парень, девушка и я синхронно вздрогнули. — Лимит выбран!

Определенно, этот верзила выводил пальцем буквы на дверной табличке, сопровождая процесс сатанинским смехом.

— Жалко, что ли? — не отступал парень. — Все равно полгода не будете списывать.

Самоубийца, — поглядела я на него с состраданием.

— Для глухих повторяю: нет — значит, нет! — напугал бугай новой порцией рева и направился к двери за спиной, явив с внушительного тылу болотные резиновые сапоги высотой практически до талии.

Я шумно выдохнула. Форменная одежда работника по сортировке утиля выглядела устрашающе.

Дверь стукнула, и великан Асмодей появился с другой стороны окна, растянувшегося панорамой на стене. С моего места было видно, как он нагибался, переставлял, толкал и перекидывал — наверное, сортировал студентов, утилизированных по причине глухоты.

— Вот ведь упрямый крокодил, — сказал раздосадованно парень и повернулся к спутнице: — Придется отложить твой проект до следующего месяца. Видишь, не дает, пиранья.

На лице девушки проявилось глубочайшее расстройство.

Вот ведь олигофрен! — послала я сердитую мысль за стекло, посочувствовав бедняжке, хотя не вникла толком в суть инцидента. Какова бы ни была суть, а слабый пол нельзя обижать.

Тут колобок с восточным лицом заметил меня и уставился, словно на необычайное явление.

Сцена вторая.

— Здравствуйте, — протянула я белый конверт. — Примите извещение и приходите на совет.

Колобок взял посылку и поглядел на свет потолочной лампы.

— Тао Сян, все знают, что у тебя доброе сердце! — воскликнул с жаром парень. — Неужели восемь килограммов битого стекла для тебя дороже всех сокровищ мира? С каких пор мусор, который можно употребить на благие цели, предпочитают выбрасывать на свалку? Куда катится наше общество? — возопил, размахивая руками.

— Хассаина казала — низя, — ответил лунолицый с жутким акцентом и с невозмутимым видом. — Слово хассаина крепче камня.

— Скажи, Тао Сян, зачем тебе битое стекло? Грызешь вместо сухарей? У вас два отсека отведены для него и оба забиты доверху, — наседал парень, а его спутница, оживившись, закивала с надеждой. — Не отпирайся, мы знаем.

— Нихарасо видеть, — погрозил толстым пальцем колобок. — Стены худые, люди задные.

— Это не стены худые, это октаграммы хорошие, — хмыкнул парень. — И почему мы жадные? Мы пришли честно, по делу, и просим: так, мол, и так, каемся, что без лимитной карты, потому что она исчерпана. В следующем месяце клянемся увеличить лимит, а сейчас разве трудно отсыпать чуточку в карманы страждущим, а? Ну, пожа-алста! — разошелся проситель, чувствуя себя гораздо увереннее в отсутствие людоедообразного Асмодея.

Я удивилась. Стало быть, сыр-бор разгорелся из-за разбитых мензурок? Ненавижу тех, кто использует служебные полномочия, чтобы ущемить пришедших на поклон. Зачем на пустом месте жмотничать и глумиться над просителями? Битое стекло — чай не золотые россыпи, чтобы над ними чахнуть.

— Могу дать, но хассаина всё сситаает. Хассаина злой, када нету уцета, — покачал головой Тао Сян.

— Почему нету? — развел руками парень. — Оформим накладную, чин по чину. Без обмана.

Ох, попался бы мне в руки жестокий хассаина, не дающий бедняжкам жалкие восемь килограммов битого стекла! — уставилась я враждебно на лысую голову Тао Сяна. У каждого из нас свои нужды: кому-то приспичило отработать прогул, кому-то срочно приспичило стекло. Разве это повод, чтобы измываться над несчастными студентами?

Колобок переключил внимание на меня, и глазки-щелочки превратились в тонкие полоски. Я поежилась.

— Мне нужна расписка, — напомнила лунолицему.

— А хочешь, мы в следующем месяце оформим в десять раз больше, а возьмем в пять раз меньше? — предложил парень, рассчитывая поколебать неприступность начальника сортировочной.

Плохой из него мухлежник. Кто же предлагает сговор в присутствии нескольких свидетелей? Приличные преступники обычно шепчутся в уголке, втайне от любопытных глаз.

— Хассаина как скала, — сказал Тао Сян. — Не забраца. Лице обойти.

Что за непонятная хассаина? Может, это второе "я" Тао, о котором он отзывается иносказательно, как и подобает уроженцу востока? Мол, мне не составит труда отвесить вам и восемь центнеров бэушного стекла, но моя внутренняя хассаина принципиально разлеглась на дороге, мешая пройти к нужным отсекам, и избавиться от нее невозможно.

— Как обойти? — задумался парень, ища в словах колобка скрытый смысл, и перешел на заговорщический тон: — А-а, понятно. Прийти, когда Асмодея не будет?

— Нет, — покачал головой лунолицый. — Потом приходи, с картой. А ты не сепци! — ткнул в меня надутым как сосиска пальцем.

Я растерялась, не разобрав из-за невообразимого акцента, что сказал сортировщик утиля.

— Не шепчи, — перевел мне парень и переключил воинственный дух на Тао Сяна: —

Когда я вернусь с картой, мы профукаем конкурс, понимаешь? Пролетим мимо, как фанерка!

"Не шепчи" — потребовал колобок. Вроде бы нормально разговариваю, по-человечески, — нахмурила я лоб. Похоже, у лунолицего проблемы с ушами.

— Напеваес, слысу-слысу, — опять погрозил Тао Сян.

Я украдкой потрогала губы. Неужто рот зажил отдельной жизнью без ведома хозяйки? Определенно, кто-то из нас ненормальный: или колобок, или я.

Девушка сдула светлую челку, закрывшую глаз, и с любопытством посмотрела на меня.

— Тао Сян, не вынуждай идти на крайние меры. Мы напишем докладную об ущемлении прав! — пригрозил парень, пойдя ва-банк.

Угроза оказалась основательной, выстрелив по начальнику сортировочной, как дробина по слону. Гораздо больше товарища в фартуке взволновали его слуховые галлюцинации.

— Паес, — повторил Тао Сян, обращаясь ко мне. — Напрасно паес. Моя хоца не победит! — воскликнул боевито и забормотал сердито на непонятном языке.

— О чем это он? — спросила я у парня. — Ни слова не разберу.

— Зря внушаешь, — также тихо перевел знаток ужасных акцентов. — Тао помог бы нам, но не станет.

Я в изумлении уставилась на лунолицего. Он почему-то решил, что мне вздумалось забраться к нему голову.

Сердитые интонации колобка потеряли уверенность и сменились подобострастием в голосе. Наконец, наговорившись под нос, Тао Сян начал мелко кланяться, сложив руки в молитвенном жесте, в то время как мы втроем — я, парень и девушка — взирали ошарашенно на устроенное представление.

Так и есть, у Тао не все дома. Мало того, у него дома никого нет. Сумасшедший.

Продолжая кланяться, начальник сортировочной попятился мелкими шажками к двери и, толкнув её задом, ввалился за перегородку с окном. Что это было?

Сцена третья.

Не сговариваясь, мы бросились к обзорному экрану.

Беглый осмотр явил за стеклом просторное помещение с низким потолком. Асмодей сам по себе производил неизгладимое впечатление своеобразными внешними данными, а работая у конвейера, тянущегося в несусветную бесконечность, он походил на циклопа — жестокого и лишённого особого ума.

Великан поднимал как пушинки баки, стоящие у стены, и опрокидывал в приемный бункер, предварительно сняв крышку. Судя по содержимому опорожняемых емкостей, Асмодей активно расправлялся с помоями, уползающими вдаль под герметичным кожухом конвейера. Опустевшие баки занимали место в закрытой нише, по полупрозрачным стенкам которой изнутри текли потоки воды.

— По четным дням сортировка органики, — пояснил парень, скорее, для меня.

— Зачем её сортировать? Вывози на мусорку и сваливай без проблем, — сказала я грубовато, наблюдая, как Тао Сян семенит к шкафообразному коллеге. Хорошо, что догадался развернуться вперед лицом, а то, не ровен час, свалился бы сослепу в помойное месиво.

— Ты что? — удивился высказанному святотатству парень. — Органика — отличная база для компоста. Сейчас просканируется, распределится по жирам, белкам, углеводам, химсоставу и потечет в силосные ямы. Думаешь, на чем процветают оранжереи?

— Это те, которые у Ромашки... то есть у Ромашевичевского?

— И не только у него. Вас разве не водили сюда на экскурсию?

— Я недавно перевелась, — пояснила, смотря, как колобок говорит что-то Асмодею, а тот размахивает руками как граблями и видно, что кричит. Хорошо, что не слышно — наверное, из-за отличной звукоизоляции. И чем громче распалялся великан, тем ниже склонялся Тао Сян, но не отступал.

— Обалдеть! — воскликнула девушка, прилипнув к окну. — Асмодей же убьет его ором.

— Смелыаак, — признал парень геройский поступок лунолицего и обернулся ко мне. —

Игорь.

— Очень приятно, Эва.

— Ирина, — представил парень свою спутницу, и она, приветливо кивнув, вернулась к зрелищу за стеклом.

— Ваш Тао Сян очень странный. Идет на поводу у подчиненного и допускает унижение.

— Асмодей — подчиненный? — переспросил удивленно Игорь и развеселился. —

Наоборот, он здесь всем заправляет, а Тао Сян при нем.

— Как так?! У него же... того...

— Ума маловато? — закончил парень.

— Ну да, — кивнула я, смутившись его прямолинейностью.

— Первое впечатление обманчиво. Асмодей — заслуженный рационализатор института. Его сортировочная почти полностью переведена на управление волнами. Электричества жрет — всего ничего.

Необычно. Стало быть, за стеклом находится огромный бассейн вис-возмущений, благодаря которым двигается конвейер, и происходит отделение банановых шкурок с картофельными очистками от рыбьих косточек.

С другой стороны обзорного экрана Асмодей, наоравшись, махнул рукой, и его жест означал: надоел ты мне хуже оскомины. Делай, что хочешь, репей прилипчивый.

Тао Сян принялся отбивать поклоны, и, засеменя, пропал из поля зрения.

— Все-таки достал крокодила, — заметил Игорь удовлетворенно. — А ведь поначалу не хотел вмешиваться.

— Значит, умеешь внушать? — поинтересовалась у меня Ирина. — На элементарном учишься?

Я хотела ответить отрицательно на оба вопроса, но меня опередил её спутник:

— Внушение здесь не причем. У Тао есть дефенсор. Его одарил хозяин.

— Значит, хассаина — это хозяин? — осенило меня.

— Он самый, — кивнул парень.

— Зверь у него хозяин, — заключила я.

— Почему же зверь? Асмодей не такой уж... сволочной, — хмыкнул Игорь.

— Особенно со спины, в темноте и с кляпом во рту, — сострила девушка, и парочка рассмеялась.

— Пойдите! Выходит, этот, — я показала на великана, — и есть хозяин Тао?

— Да какой из него хозяин? Крику разве что много. У Асмодея мерзкий характер, но если найти к умнику-разумнику подход, то можно жить дружно.

Затем Игорь рассказал, как по молодости "шкаф" ездил на заработки на восток и в непролазной глухомани совершенно случайно получил пожизненный долг одного из местных. Тот сам навялил за какую-то услугу, а на следующий день Тао заявился к Асмодею

и принял обязательства как послушный и порядочный сын должника. С тех пор и таскается как хвост за хозяином.

— Тао говорит, что благодарен судьбе, пославшей хорошего и заботливого хассаина, — хмыкнул парень.

— Неужели кто-то решается на пожизненный долг? — удивилась я.

— Что ты! — махнула рукой Ирина. — Есть немало тех, кто решается на посмертный. Ходят потом по миру неуспокоенными призраками и долги отрабатывают.

— А я думаю, папаша Тао хотел избавиться от лишнего рта в семье, — предположил Игорь. — Тао говорил, у него было двенадцать братьев и сестер, а сейчас, наверное, еще больше.

Я представила, как совершенно случайно меня одаривают пожизненным долгом в виде живого человека, от которого не отвязаться до самой смерти. Теперь понятно, почему Асмодей имеет неменяемый характер.

За стеклом великан методично опрокидывал баки, один за другим. Пристукивая по стенкам бункера, вываливал содержимое и, выждав, шерудил рычагами на конвейере.

Я пересчитала непечатые баки и поразилась их количеству. Неужели малюпасенький институт образует горы мусора? Наверное, за стеклом витает жуткая вонища от органической мешанины.

Сцена четвертая.

Познавательный разговор прервал Тао Сян, толкавший перед собой низенькую тележку с серыми тубами.

— Тайчик, дай, я тебя расцелую! — бросился парень с распростертыми объятиями.

Лунолицый выставил ладонь вперед:

— Не нада. Тока зенсина разесаю.

Игорь споро переставил стальные цилиндры в тележку-короб.

— Вот. Записы, — колобок сунул парню бумажки и перо, и тот принялся торопливо расписываться в бланках.

— На, — Тао протянул мне обходной листок с расписками в получении и отдернул руку, едва мои пальцы взяли за бумажку. — Кыс отсюда!

В считанные секунды меня и новоприобретенных знакомых выдворили из сортировочной, и, едва за нами закрылась дверь, как с обратной стороны на неё навалилось что-то тяжелое. Наверное, Тао Сян испугался, что мы вернемся и попросим в довесок к битому стеклу пару десятков килограммов гнутых гвоздей.

Занавес.

— Если у Тао есть дефенсор, то внушение не сработало бы, — размышляла я вслух, пока наша компания брела по коридору. Игорь катил тележку, а мы с Ириной шли следом.

— Все равно спасибо, — поблагодарила она. — Я уж приготовилась реветь на крайний случай, если угрозы не помогут.

Глядя на улыбчивую девушку, верилось с трудом, что она умеет плакать навзрыд по заказу.

— Тебе куда? — спросила новая знакомая, когда мы дошли до развилки коридоров.

— В мастерские к внутренникам. Нужно отдать извещение.

— Значит, нам по пути! — воскликнула Ирина. — Заодно посмотришь, из-за чего мы

бились с Асмодеем.

И наша компания, свернув налево, продолжила путь.

Впечатления от посещения сортировочной продолжали цвести в голове пышным цветом, и я не замедлила ими поделиться.

— Кошмар! Не подозревала, что от студентов образуется море объедков.

— Институт — это сложный механизм, — пояснил Игорь. — Из столовских кухонь в отходы уходит до десяти баков ежедневно. Поварихи тащили бы домой, да не вынести. Кроме того, прибавляй органическую ерунду из лабораторий, оранжерей и питомника. Канализационные трубы тоже ведут в сортировочную, только в изолированную часть.

— Как говорит Асмодей: "Если кладовая оприходования — альфа, но сортировочная утиля — омега", — процитировала девушка.

— Или на нормальном языке — рот и анус, — пошутил парень, и мы дружно рассмеялись.

— Попробуй, скажи об этом Асмодею, — предложила Ирина, прохихикавшись. — Сам по конвейеру поедешь — облагораживать силосные ямы и улучшать качество компоста.

— Смотрю, он фанатик до удобрений, — заключила я.

— Не только до них, — сказал Игорь. — В институте образуется дополна мусора. Куда девать сломанную мебель, разбитую посуду, исписанную бумагу, просроченные реактивы из лабораторий, неудачные снадобья, сдохший инвентарь, пакеты из-под минеральных добавок, поломанные приборы, картонные коробки, полиэтиленовые мешки? Существует система по доставке отходов в сортировочную. Асмодей их разбирает, распределяет и закладывает на хранение, а в начале каждого месяца рассылает по кафедрам перечень утиля. Если за год в нем не возникает надобности, завхозша производит списание по приказу ректора и благополучно отправляет на свалку.

Я вспомнила о забытых на чердаке вещах, отслуживших свой срок, и представила себя на месте ущербного безногого стула. Лучше каждый вечер смотреть в окно на звездное небо и пробуждаться с первыми лучами солнца, чем томиться в непонятных отсеках, будучи разобранным на шурупы, ножки и сиденье со спинкой. Хорошо, что о комнате под крышей не вспоминают. Витающая на чердаке атмосфера легкой ностальгии по безвозвратно ушедшим временам нашла отклик в моем сердце. Каждый предмет, обитающий там, имел собственную историю и мог бы рассказать много интересного.

— А где Асмодей складировает свое добро? Должно быть, мусора видимо-невидимо, — предположила я, представив помойку до горизонта и ворон с галками, кружащих над кучами.

— А подвалы на что? — усмехнулся Игорь. — У Асмодея чище, чем в операционной. Вентиляция, металл, пластик. Транспортеры, подъемники, механизмы всякие, блокировки, сигнализации. Наши, как сходят на экскурсию, так вдохновляются и бросаются проектировать усовершенствования для сортировочной. Однако Асмодея трудно переплюнуть.

Оказывается, у покровителя институтского утиля занятное противоречие внешности и интеллекта. И как я не разглядела недюжинный ум, маскирующийся под слабоумной физиономией?

— Пришли, — сказал Игорь, останавливаясь у неприметной двери. — Доброе пожаловать в стекольную мастерскую.

Ирина устроила небольшую экскурсию по мастерской. Правда, в стеклодувную меня не пустили, но увиденного хватило по макушку.

В помещении, разделенном на несколько рабочих зон, трудились студенты факультета внутренней висорики — того самого, на котором учился мой парень Петя. Пусть у ребят не сложилась дружба с элементарной и нематериальной висорикой, зато их талант прочно обосновался в руках, творящих из неприметного подручного материала невероятные чудеса.

Мастерская жужжала, сверлила, точила, клеивала и собирала воедино впечатляющие конструкции из стекла.

Я зачарованно рассматривала роскошные букеты в потрясающих вазах, по которым пробегали радужные волны. С трудом оторвала глаза от необычных абстрактных фигур, в глубине которых вспыхивали и гасли цветные огоньки. Долго любовалась раскрашенными скульптурными композициями с подвижными элементами: пастушкой со стадом овец, качающих головами, нимфами и сатирами, чьи флейты издавали негромкие приятные звуки, птичками на краю чаши, опускавшими клювы в синюю гладь, группой ангелов с горящими нимбами, гибкой кошкой с сужающимися зрачками, бабочками с переливающимися узорами на складываемых и раскрывающихся крыльях.

У одного из столов отыскался заведующий творческими мастерскими, помогавший студенту прикрепить перо из матового стекла к крылу будущей птицы. Вручив конверт мужчине, кстати, выглядевшего молодо для занимаемой должности, я получила взамен расписку и возрадовалась: три четверти дела сделано!

Ирина провела меня к своему рабочему месту.

— Ну, как тебе у нас?

— Потрясающе! — воскликнула я.

С потолка свисал шар, проворачивающийся на длинной нити и переливающийся бриллиантовыми бликами. Ослепительная красота сузилась до змеиного зрачка и исчезла, чтобы появиться тонкой вертикальной полоской, разросшейся до сферической поверхности, охваченной ярким сиянием.

— Неужели это обычное стекло? — восхитилась я рукотворным волшебством, притягивающим взор.

— Низкотемпературное укрепление плюс особое обтачивание граней, — в голосе Ирины сквозила гордость.

— Носом чую, что вплетаете волны.

— Есть немного, — согласилась мастерица. — У нас свои секреты. Декан выбил для нашей группы разрешение на участие в конкурсе, так что сейчас разрабатываем оригинальный интерьер развлекательного центра. Мне досталось "всевидящее око". В похожей технике изготовим орла и бегущую лошадь.

— Эффект невидимости? — спросила я, и в памяти всплыли порхающие шкафчики из квартиры Мэла. А картинка, возникающая в воображении, проткнула сердце шилом. Мэл и Эльза в его спальне, на его диване, на кухонном столе, в душе...

— Угадала, — прозвучал голос девушки, развеяв туман и прояснив сознание.

Некоторое время я любовалась исчезающей и появляющейся сферой. Определенно, голова перегрузилась впечатлениями. В стекольную мастерскую нужно приходиться каждый день и разглядывать одну-единственную вещь, получая эстетическое удовольствие от созерцания. А на другой день выбирать центром внимания следующий шедевр.

— Постой! Как же вы будете участвовать в конкурсе, если бывшие мензурки числятся на приходе? Институт и кусочка стеклышка не отдаст, — сказала я, вспомнив, как напротив чердачного окна висело облачко из сдобных крошек.

— Двести три стакана, сто шестьдесят одна колба, семьдесят пять бутылок, — похвалилась Ирина. — Напишем служебку ректору. А вообще, многое переплавляем, так что со списанием не заморачиваемся.

— Здорово у вас, — заключила я. — И головы варят, и руки создают. А мои оглобли растут не из того места.

— Опыт — дело наживное. Главное — практика. Приходи, когда захочется. Ты теперь наша, — подмигнула девушка, вызвав у меня приступ неловкости.

Она уверилась, что причиной помощи Тао Сяна стало мое внушение, хотя я так и не поняла, каким образом это вышло.

По дороге к последней точке назначения мне вспомнился разговор с Мэлом, состоявшийся на следующий день после кражи книг из библиотеки, в которой мы впервые поцеловались. Тогда Мэл заставил меня провести эксперимент по внушению, после которого нам едва удалось отлепиться друг от друга.

Сегодня Тао Сян так же, как когда-то Мэл, сказал, что не хотел. Однако факт налицо — упитанное дитя востока, поддавшись непонятному влиянию, сделало хорошее дело, того не желая. Однако если Мэл почувствовал неладное на интуитивном уровне, то лунолицый колобок ощутил внушение, "услышав" его.

Может, я действительно заставляю людей совершать поступки, минуя защиту дефенсоров? Вдруг во мне дремлет сокрытая древняя сила? — понеслась вскачь фантазия. От неожиданной гипотезы вспотели руки и зазудели ладони.

С кем бы посоветоваться? Со Стопятнадцатым или с профессором?

А вдруг я окажусь ходячей бомбой замедленного действия, и, несмотря на протекцию декана и расположение Альрика, меня в срочном порядке упрячут от греха подальше в закрытую лабораторию на несколько лет, где день за днем станут методично отрезать, взвешивать и оценивать?

От перспектив, нарисовавшихся в воображении, обдал озноб, и поднялись волоски на коже. Однозначно нет и еще раз нет. Покуда непонятность, вылезая временами, не причиняет мне беспокойства, буду молчать. Сперва получу аттестат и адрес мамы, а затем подумаю, стоит раскрываться или нет. Хотя кто знает, вдруг мои подозрения беспочвенны, и на самом деле я не оказываю никакого влияния на окружающих.

И все же Мэл тогда сказал, что не хотел целовать меня в библиотеке. Получается, я его заставила?

Может быть, всё, что случилось между нами позже, тоже результат непонятного принуждения?

Спортивное крыло. Мир бицепсов, трицепсов и прочих рельефных мышц и мускулов, будоражащих воображение впечатлительных девушек. За дверью с табличкой "Спортивный зал-1" кипела жизнь. Натянутые сетки поделили огромное помещение с высоченным потолком на зоны, достаточные для больших площадок. Неподалеку бегали от кольца к кольцу парни с мячом, левее прыгуны на батуте выписывали в воздухе акробатические крендели. У дальней стены прохаживались по бревну гимнастики, периодически вспархивая над спортивным снарядом.

Где же тренерская? Не успев заглянуть в зал, я вынырнула в обратном, потому что мимо пролетел мяч, едва не попавший в лицо. Нужно срочно искать шлем с забралом или иной способ, чтобы добраться до пункта назначения.

По коридору шли ярко накрашенные девушки с прилизанными волосами, забранными в шишки. Красивые у них походки и легкая поступь, — посмотрела я с уважением на спортсменов.

— Скажите, пожалуйста, где тренерская?

— Третья дверь направо, — обронила одна из девиц, проплывая лебедем.

За третьей дверью располагался спортивный зал — брат-близнец предыдущего, и я было подумала, что гимнастка подшутила надо мной. В одной из зон за сеткой боролись парни в пижамах, поодаль студентки-второкурсницы играли в волейбол. На заднем плане пробежала девушка с шестом, и, уткнув конец гибкой тростины в пол, взлетела вверх и приземлилась на высокий мат.

Мне стало стыдно за собственную тщедушность. Я не могла похвастать прессом, тугим как барабан, и не имела тяги к спорту. Этакая худосочная и незакаленная физическими нагрузками поганка с хилым тельцем. Однако доберется сегодня бледная немочь по назначению или нет? Остался последний рывок.

На глаза попался взмокший парень в белой пижаме, который прихрамывая, обходил зал по периметру.

— А как попасть в тренерскую? — крикнула я.

Борец махнул рукой приглашающе:

— В ту дверь и по коридору, а потом налево.

Отважно пролезая под натянутыми сетками, я поспешила за спортсменом и попала в небольшой коридор. Борец скрылся за одной из дверей, шедших по обеим сторонам, и её приоткрыло сквозняком. Проходя мимо, я увидела ряды кабинок и переодевающихся парней. В щели промелькнула голая спина с перекинутым через плечо полотенцем, свисающим до ягодиц.

Как ошпаренная, я припустила дальше. Елки-палки, где же тренерская? Налево или направо?

Завернув, вывалилась в узенький коридорчик и у выхода напоролась на... Мелёшина! Опершись плечом о косяк, он смотрел на меня.

От изумления я забыла, что нужно что-нибудь сказать. Молчала и глупо моргала, плясая на него. Мэл-то каким боком оказался здесь? Неужто тонизировал мышцы? Бегал, к примеру, или отжимался на турнике.

Прежде чем я сообразила кинуться обратно, Мэл отрезал путь к бегству, упершись

ладонями в стену, и оказался рядом — руку не нужно тянуть, чтобы дотронуться, — внося сумятицу в бедную головушку.

— Па-апена, — протянул со знакомой ленцой. — Ты меня преследуешь?

Я преследую?! Это он, не успев взяться невесть откуда, начал разворачивать разговор, как ему удобно.

— Вот еще, — фыркнула я деланно. — Мне нужно по делам.

— Интересные у тебя дела в мужских раздевалках. — Губы Мелёшина разъехались в ухмылке с хитрецей. — И какие же?

Вопрос пролетел мимо сознания. Я пялилась на Мэла и с ужасом осознавала, что люблю его и против воли вслушиваюсь в голос с вибрирующими нотками. Он нахамил в столовой! — вспомнилось вдруг. А еще дал понять, кого относит к бесцветным молям в мире тропических бабочек.

Сказав спасибо памяти, я выпалила сердито:

— Отрабатываю прогул в архиве. Курьером! — И ринулась вперед, пытаясь проскользнуть под препятствием. — Дай пройти!

Мэл шустро опустил руку ниже.

— Мы не наговорились.

— По уши наболтались. Пусти!

Он протянул руку, чтобы заправить выбившийся завиток за ухо, и от невинного жеста меня отбросило к стене. На лице парня появилась плотоядная улыбочка. Мэл знал, что прикоснись он ко мне, и я не смогу остановиться. Мое хладнокровие напоминало гранату со снятой чекой, зажатую в кулаке. Стоит чуть ослабить пальцы, и взрывом разметет половину спортивного крыла.

— Значит, прогуливаешь? И чем занимаешься?

— Билеты учу, — сказала я с гонором, но оплошала. Под конец фразы голос дрогнул.

— Неужели? — удивился театрально Мэл. — Штудируешь денно и нощно, материал ищешь...

— Ищу, — согласилась я, стараясь, чтобы получилось нагло. С хамами нужно общаться соответственно.

— И спортсмен верит, как ни странно. Врешь и не краснеешь. Как тебе удастся?

— Как-то, — пискнула храбро. — И что он рассказал?

— Достаточно, Папена. Нахваливал, восхищался. Но я-то знаю правду о твоих прогулах и хороших оценках.

Значит, Мэл не замедлил домыслить и сделал выводы. Значит, ему не дает покоя месть.

— Хочешь наказать? Чего тянешь? Измучил уже!

— Не хочу.

Я растерялась. Как не хочет? Почему не хочет? Зачем тогда пристальные взгляды и хитроумные стратегии в столовой?

— Мне нужно знать. Почему? — спросил Мэл, приклеиваясь ко мне глазами, и под его взглядом желание сбежать начало таять как лед в тридцатиградусную жару.

Я сообразила, о чем он спрашивал. Почему ему предпочли другого? Почему отвергли? Чем хорош мифический соперник, в отличие от него, Мэла?

Хотя бы тем, что ты носишь фамилию Мелёшин! Ты — сын своего отца, который в любой момент растопчет меня, не задумываясь.

Мэл нахмурил брови:

— Это из-за денег, да? Я дам больше.

Все покупается и продается, — сказал его взгляд. И я тому подтверждение. Новый телефон или хорошая оценка за экзамен — цена гибкой гордости серой крыски.

Меня затрясло.

— Мелёшин, отойди, или я за себя не отвечаю, — процедила, отпихнув его локтем.

— Неужели оскорбил? — сощурился Мэл, не реагируя на тычки. — А телефончик тебя не оскорбляет? Шепни, кто меценат.

— Сама заработала! Снадобья продавала, конспекты разные...

— Врушечка моя, — протянул Мэл, наклонившись, и его близость обволокла сродни наркотическому мареву. — Не сомневаюсь в твоём коммерческом успехе, разве что в другой ипостаси.

"Его" врушечка! — обдав жаром, слова обожгли мои щеки. Будто по шерстке погладили — не удержусь и замурлычу.

Я подалась назад.

— Что хочешь, то и думай. Пусти!

— Боишься?

— Вот еще!

— Хорохоришься, но пропахла страхом.

— Потому что ты угрожаешь!

— И не думал, — с неожиданной мягкостью опроверг Мэл, покачав головой, и я зачарованно уставилась на его губы, впитывая идеальную очерченность линий рта и подбородка.

Черт, где моя ненависть? Срочно её на поверхность!

— Помнишь, после... ну, случая в библиотеке... ты сказал, что не хотел, а я заставила... сделать это, — выдавила, смутившись непонятно почему. — Это правда?

— Нет, — улыбнулся Мэл мимолетно. — Очень хотел. С первого дня, как увидел.

— Не понимаю. Зачем сказал, что не хотел, если хотел? — промямлила я, задыхаясь. Гипотеза о внушении сдулась ветром как хлипкий шалашик. — Потому что такие как я заранее обречены на провал?

— Я этого не говорил.

— В столовой мне послышалось именно так.

— Папена, у тебя удивительная способность изворачивать смысл, как тебе выгодно, — хмыкнул Мелёшин. Это у меня-то?! — Ты слышала, что хотела, хотя я подразумевал другое. Есть те, что годятся для пустого глянца, а есть те, которых хочется... — замолчал он, не договорив.

Получается, кому-то выпала честь красоваться на фасаде его жизни, а кому-то — прятаться в тени? Выходит, Эльза — для парадных променадов, а я подхожу, чтобы жарить котлетки на кухне?

Мэл заметил мое раздражение.

— И про лишние килограммы забудь, — добавил кратко.

И это всё?! Он считает, что для извинения достаточно небрежно брошенной фразы? Хорошо, что вовремя остановился, хотя я почти слышала, как Мэл хотел добавить: "Зато есть за что подержаться".

Обида всколыхнулась с новой силой, и я отвернулась в сторону проема. Там находился очередной спортзал, в котором девчонки играли в командный теннис "двое надвое".

— Не тебе критиковать мою худобу. Не имеешь права. Свою лохудру на весы затаскивай.

— Ревнуешь? — приподнял он бровь.

— Мелёшин, я цивилизованная девушка. Мы с тобой расстались, а после драки кулаками не машут. Так что желаю счастья. С этой или с другой, годящейся для приема и иных глянцевого вещей. Кстати, ты портишь мне жизнь с завидным упорством. Твоя подружка готова проглотить меня целиком.

— Не посмеет, — заверил он, однако не опроверг чин, присвоенный Эльзе.

— А-а... что ты здесь делаешь? — спросила я, неприятно задетая его молчаливым признанием.

— Отрабатываю сама знаешь что, — хмыкнул Мэл. — Улучшаю внешний вид спортзалов. Зараз перевыполняю три нормы.

И как я могла вообразить, что в эти дни парень горбатился без продыху в оранжереях, рыхля и пропалывая? Его изнеженные ручки привыкли держать руль, а не тяпку и лопату.

Счет сета сравнялся. Теннисистки прыгали, отбивая мячи ракетками, и сопровождали удары яростными вскриками. Мэл оглянулся на игру у сетки:

— Хороши девочки.

Еще бы не хороши: высокие, с сильными и стройными ногами — юбочки плиссе не скрывали достоинства. Как тут не отработать зараз половину долга? Не захочешь, а останешься. Наверняка Мелёшин не вылезает из спортивного крыла и крутится у женских раздевалок. Козел!

Я представила, как через неплотно закрытые двери он разглядывает гимнасток, отправляющихся в душ голышом, и меня подкинуло на месте:

— Вот и зырь на них, а мне надо работать! Ты теперь с Эльзусечкой оттираешься по углам. Могу ей рассказать, каким магнитом тебя тянет в спортзал.

— А я как ты, — усмехнулся Мэл. — Одно другому не мешает. Ты же успевала забивать одновременно в двое ворот.

Я собралась сказать, мол, сколько можно переливать из пустого в порожнее, и что Мэл — балбес, но подумала: к чему впустую молоть языком? Все равно нельзя объяснить и оправдываться, а парню недостаточно бляения вроде: "Это не то, что ты вообразил" или гордого заявления: "Что хочешь, то и думай, но вину за собой не чувствую".

До меня неожиданно дошло, что Мэл не пойдет на попятную. Не нытьем, так катанием он будет добиваться ответа и продолжит изматывать меня всеми возможными способами в институте, на улице, в общежитии.

Это провал. Провал провалов. Как ни крути, а наилучшим выходом станет, если Мэл поверит в существование соперника, созданного в его воображении, и отвернется от меня с отвращением.

— Успевала, — подтвердила я спокойно.

— Вот как? — растерялся Мэл. Он не ожидал признания, приготовившись к новой порции отговорок. — И кто? Не спортсмен, это точно. Хромой? Певун из клуба? Один из Чеманцевых? Или тот, который... с которым...

Мэл не договорил, но я поняла, кого он имел в виду. Того, кто стал первым.

— Ты его не знаешь.

— Ошибаешься, — заверил парень, и в голосе промелькнула угроза. — Я узнаю.

Кто бы сомневался, что Мэл не сможет. У него родня и связи. У него фамилия. У него

отец, на столе которого в стопочке "горячих" дел лежит досье на некую Папену Э.К., студентку третьего курса, и любое мое слово или движение в поле зрения Мэла находятся под прицелом пристального внимания его родителя. Мне не дадут спокойно вздохнуть, пока парень неподалеку. Сколько можно? Осточертело жить с оглядкой, боясь разоблачения из-за неосторожного поведения.

— Как же я забыла, что твой папочка может всё? — выкрикнула я, не сдержавшись. — Ах, сынулечка связался не с той! Ах, деточка заразится от швали! Папуля не побрезгует и труссы ко мне залезть, чтобы найти доказательства!

Выговорила и испугалась. Что я несу? Мне сейчас свернут шею.

— Ты права, — сказал медленно Мэл. — Залезет, если потребуется.

Станный у него был взгляд — шальной, с безуминкой. Да и я, наверное, выглядела не краше. Меня трясло внутри, а снаружи леденело, покрываясь коркой льда. Хотела сказать, что вовсе не считаю Мэла папенькиным сыном, что он сам по себе невероятный парень, но... не стала. Разогнались сани с горы — не остановить.

— Думаешь, ты особенный? Ничего в тебе нет, кроме фамилии и денег. Ни-че-го! Такой же, как все. Один из многих. Только гонору через край, а убери напускное, и останется ноль. А я выбрала единичку!

Убивала. Мерзкими, отвратительными словами убивала нас. Корежила, кромсала, увечила всё, что произошло хорошего между нами, а душа обливалась слезами от бессилия.

Отрывала от себя, выдираала — кусками. Потому что чувствовала: он не отступит и не устанет искушать меня день за днем — взглядами, словами, прикосновениями.

Так надо. В одиночку я справлюсь со своей болезнью, а рядом с ним не вытяну. Двум зарядам нельзя приближаться друг к другу. Наши дороги должны разойтись.

И реветь не буду. Не здесь и не сейчас.

— Так что пусть твой папуля приглядывает за Эльзушкой. Кстати, её тоже обеспечили таблеточками от нежелательных внуков? Наверное, и инструктаж провели по безопасным отношениям. Так сказать, регулируете рождаемость в отдельно взятом семействе, — выдал мой язык, и я отшатнулась к стене, прикрыв рот рукой. Вот дрянь!

Мэл не повелся на словесный понос. Нахмурившись, с гуляющими желваками, смотрел на светлый прямоугольник проема и молчал. Потом опустил руку, давая мне возможность сбежать, и сказал:

— Балда ты, Папена. Смотришь и не видишь. Неужели ничего не поняла?

А что мне нужно видеть? Я понимала только, что еще секунда, и разревусь самым позорным образом, и повисну на шее у Мэла, прося, умоляя о прощении. И зацелую. И устрою мерзкую сцену, крича, что не отпущу его ни за какие коврижки.

Поправив сумку, я ринулась в проем и выскочила в спортзал. Тренерская оказалась рядом.

Отдав старшему тренеру, молодцеватому подтянутому мужчине, конверт с извещением и получив взамен расписку, я выбралась из спортивного ада через женские раздевалки, обозначенные значком "Ж" и дамским силуэтом в ромбике.

Не помню, как доползла до туалета и закрылась в кабинке, дав волю отчаянию. Но ни слезинки не выдавилось. Сплошная пустыня.

Что я наделала?

Горюют и бьются лбом о стену, то есть о дверцу туалетной кабинки, истеричные и нервные особы. Что случилось, того не миновать. Слова правды вылетели и с размаху нокаутировали Мэла, ударив по самолюбию.

Была ли правда? А хотя бы и кривда. Теперь неважно.

Всего-то достаточно показать себя взбалмошной девицей, у которой что на уме, то и на языке.

Не буду жалеть: ни его, ни себя. Чтобы обоим поровну.

Про отца правильно сказала, это факт. Хотя Мэл не удивился, что я знаю о должности его папаши. Смелая, этого не отнять. Смелыми бывают либо дураки, либо герои. Кто-нибудь видел здесь героев?

А про ноль перегнула. Мэл способный и знает гораздо больше сверстников. Опять же, почему? Потому что он — из семьи, чье родословное древо омывает корни в земной мантии. Гонял бы Мэл на машинах последних моделей, родился он в семье инженера и школьной учительницы? Выбирал бы из вереницы девиц, закрыв глаза и наугад ткнув пальцем, если бы появился на свет "слепым"?

С его характером всё возможно...

И ведь не встал на одно колено, воскликнув: "Прости меня, образину, за обидные слова в столовой. Краше тебя нет на этом свете и на том". Посчитал, что достаточно парочки фраз, оброненных невзначай. Видите ли, товарищ не приучен извиняться перед девчонками. Привык, чтобы они сами на него вешались и прощали грубиянские выходки.

По мне, наверное, издалека видно, что я терпеливая к хамству — закамуфлированному и открытому. Что ни брось — все проглочу. Пообижаюсь и забуду.

Нетушки. Навечно.

Так что слова оказались верными, обжегши словно пирожки с пылу с жару.

Хороша тирада. Убаюкивает, успокаивает.

И ведь права я, права! Хотя правда однобокая, но полезная. Как прививка для повышения иммунитета.

Поганое ощущение. Будто вылила на себя ушат помоев — самой худо от того, что наговорила. От своей же несдержанности воротит. Может, не следовало сгоряча? Стоило тщательнее подбирать слова, обойдя стороной двусмысленности и острые углы...

Вот-вот, послать письмо на надушенной бумаге и вложить засохший цветок. Мол, также скукожились и мои чувства... Тьфу, какие чувства?

Кстати, идея с письмецом неплоха, но запоздала. По крайней мере, я переписала бы черновик раз на двадцать, прежде чем отправить адресату окончательный вариант. Или, в конце концов, скомкала бы и выбросила в мусорное ведро.

Не понимаю себя. То сержусь на Мэла до трясучки, а через мгновение оправдываю и защищаю. Докатилась...

В канализацию его — спутанный клубок непонятностей. К Тао Сяну. Выбросить на помойку и не терзаться. Надо жить проще и тогда будет легче: дышать, говорить, смотреть — на Мэла. Встретится другой, добрый и ласковый. И без начальственного папы. И невидящий, — у меня нет особых запросов.

Соберусь и пойду. И никто не помешает зажить по-новому, пусть и с душком в душе.

Каламбур, чтоб его.

Из кабинки я выползла, закинув сумку на плечо, а из туалета не успела выйти. Эльза-красавица и белобрысые пешки за её спиной закрыли путь к свободе.

Почему все, кто мнит себя институтскими пупами, разгуливают втроем: вожак и две шавки по бокам? Взять, к примеру, Касторского с дружками или ту же Штице со свитой. Наверное, группа поддержки нужна, чтобы напевать в оба уха дифирамбы несравненной красоте и уму предводительницы.

Эльза, похоже, не ожидала встречи, как и я, но быстро сориентировалась. Огляделась по сторонам, прислушалась, нет ли в туалете прочих задержавшихся, кто мог маяться животом, и начала напирать. Мне пришлось отступить к окну.

Вот незадача. Теперь не сбежать, потому что однокурсницы плотно заслонили проход. Главное, не бояться и на каждый гав отвечать тремя. Если свора почует страх, то разорвет.

— Совсем обнаглела, убогая? — начала Штице без предисловий.

— Наглость — мое второе имя. Не знала?

— Может, вырвать её длинный язык? — спросила девица, что стояла чуть позади и левее Эльзы.

— Силенок не хватит, — хмыкнула я надменно.

— По-моему, она что-то путает, — резюмировала моська по правую руку от командирши. — От страха шарики за ролики заехали. Ку-ку! Ты одна, а нас трое.

Компания рассмеялась.

Белокурые красатули, навскидку неотличимые друг от друга одинаковыми кукольными лицами, все же разнились прическами и украшениями — сережками и цепочками. Зато язвили одинаково плоско и тупо.

— Теперь я с Мэлом, уяснила? — сказала самодовольно Эльза. — Запомни: увижу, что строишь ему глазки, повыдергаю твои реденькие реснички. Думаешь, если выставила меня дурой, то тебе сойдет с рук?

— Зачем выставлять, когда ты от рождения такая?

— Ах ты, шваль! — замахнулась Штице, и я отпрянула, уклоняясь от удара. — Боишься? Дрожи, быдло провинциальное!

— Вот еще!

По разъяренному виду Эльзы я поняла, что она настроена решительно и намерена воспользоваться моментом уединения в туалете, чтобы прояснить ситуацию раз и навсегда.

Не время трусить. Дело запахло керосином. Судя по всему, делу предстояло закончиться банальной бабьей разборкой, и поводом для предстоящей свары явилось выяснение прав на парня, который, кстати, пообещал держать свою подружку на коротком поводке.

Ух, попадись мне Мэл! Машет сейчас веником около женских раздевалок, а меня зажали в тиски между кабинками.

Скажу-ка Эльзуске, что её любезный мне даром не нужен, и в отместку просвещу относительно того, где ошивается Мэл. Пусть подергается. Глядишь, побежит в спортивный зал, чтобы оттащить парня за уши от гимнасток, устраивая сцены ревности.

Хотела я сказать, но не стала. Штице всё равно не поверит. Как ни оправдывайся, а в любом случае останусь виноватой, и троица не даст мне выйти из туалета без потерь — физических и моральных.

Поэтому стратегия созрела моментально.

Схватить Эльзушку и ту, что слева, за волосы и что есть мочи дернуть вниз, к полу, чтобы у девиц от дикой боли выступили слезы на глазах и перехватило дыхание, а в моих руках осталось по приличному клоку. Выбраться из западни, прежде чем вторая блондинка, остолбеневшая от неожиданности, изволит очнуться, и врезать по икроножной мышце Эльзы, отчего она упадет на колени, не удержавшись. Должна упасть, хотя голенище высокого сапога смягчит удар. Схватить цепочку и затянуть сзади на шее белобрысой болонки, постаравшись не порвать звенья: чтобы если не придушить, то болезненно пережать горло, напугав до чертиков. Использовать чувствительность ушей с сережками — при хорошем рывке порвутся мочки.

Плохо, что у Эльзушки острые шпильки и длинные ногти. В драке придется оберегать ноги и лицо, в особенности глаза.

В интернате я достаточно насмотрелась, как сцеплялись девчонки — компаниями и поодиночке: из-за мужского внимания, из-за шмоток, из-за цацек, из-за косметики, из-за дерзких слов. Пацаны частенько развлекались, стравливая девок, а потом наблюдали со стороны, хохмили и делали ставки.

За время пребывания в казенном заведении мне посчастливилось избежать участия в девчоночьих потасовках. За моей спиной маячила тень Алика, вернее, это я при удобном случае пряталась за его спину. Однако богатый опыт наблюдений за женскими склоками не прошел стороной, и сейчас предстояло воплотить теоретические знания в реальность.

Всё осуществимо. В запасе имеется немало грязных приемчиков, но есть одно "но". Если в запале выяснения отношений девицы вспомнят о волнах, мне кирдык — полный и бесповоротный.

— Что за рожа? — скривилась египетская облезлость. — Не понимаю, почему Мэл делает кобелиную стойку.

— А кто виноват, что его воротит от тебя? — парировала я нахально.

— Чувырла! Своего мордастого карауль! Он в столовой весь стол закапал слюной, когда на меня смотрел. Ах да, тебе со мной не тягаться. Ты же промокашка — белая, неинтересная.

— Зато чистенькая, в отличие от тебя, изъезженной вдоль и поперек.

Меня начало потряхивать. Нужно сконцентрироваться! Раньше мне не приходилось кидаться разъяренной фурией на противниц, раздирая в кровь лицо и стремясь выцарапать глаза. Надо же когда-нибудь начинать. Даже если девиц — трое и у них есть преимущество, о котором они не догадываются. На их стороне волны.

— Да кем ты себя возомнила, дрянь? — вспыхнула Эльза и вскинула руку. Я замерла, холодея, и настороженно следила за появившимся светлым уплотнением в её ладони. Было бы наивно полагать, что Щтице бросится на меня, выставив крашеные когти. Работать физически, расставляя фингалы по мордасам — прерогатива слепощарого быдла, а висораты не марают руки. Для меня же выпад Эльзы означал аут, окончательный и позорный, поэтому оставалось одно: предугадать заклинание и вовремя увернуться.

— Эльзи, он же предупредил! — схватила за руку ревнивицы подружка слева.

— Плевать мне на его предупреждения! — выкрикнула Эльза, однако не решилась довести *pīloī sandī* до конца, и белесая дымка заклинания растаяла в воздухе. — И что он в тебе нашел? Ни рожи, ни кожи. Заморыш!

— Зато полно изюма, — огрызнулась я.

— Который с лупой не найти. Скажи, Папена, он успел тебя трахнуть? Поимел е

машине как дешевую проститутку, да?

— А хотя бы и успел, — усмехнулась я нагло. — Зато довольный, что не заработал синяки на мешке с костями, — позаимствовала фразочку из арсенала интернатских девчонок и с опозданием ужаснулась сказанному.

Поздно закрывать рот, когда взаимные оскорбления текут ручьем. Как правило, обзывательства ставят целью причинение противнице максимально возможного количества моральных травм.

— На себя посмотри, корова! — дернулась брюнетка. — Глаза к переносице скосишь, блаженную состроишь — вот и лезут на тебя все кому не лень.

— А от тебя шарахаются, потому что пасть акуля и ноги колесом.

— Лилипутка! Нос картошкой, как у пьяницы!

— Курица бешеная!

— Овца облезлая!

— Обезьяна лопухая!

— Ах ты! — Эльза не нашлась, что ответить. Её красноречие иссякло, и я поняла, что соперница взвинчена до предела.

Значит, все-таки схлестнемся и будем полосовать лица, с визгом и воплями лишая друг друга растительности на голове до тех пор, пока кто-нибудь из троицы не наплюет на предостережение Мэла. Позорище. Весь институт ухочется над новой сплетней: подружка Мэла — элитная девушка и участница чемпионата по танцам — сцепилась с невзрачной серой крыской и из-за кого? Из-за Мэла. Не знаю, поднимет ли драка в туалете самооценку парня, но если я выберусь отсюда, то приложу все усилия, чтобы ему воздалось по заслугам. Ненавижу!

— Может, искупать её в унитазе, чтобы вшей вымыть? — предложила белобрысая, дислоцировавшаяся слева.

— Сначала хозяйку. От тебя ведь переползли, — съязвила я.

Напряжение ощутимо возросло, а меня ощутимо пробивала дрожь. Адреналин впрыскивался в кровь ударными дозами.

Ну, где же? Куда подевалась моя неожиданно выяснившаяся способность к внушению?

"Отстань! Забудь, что я существую! Потеряй память! У тебя заусенец на пальце! Прыщ вылез на лбу!"

Абсолютно не подействовало. Наверное, нужно сосредоточиться и напрячься. Как тут сосредоточишься, если свалка на носу, и ждешь удобного момента, чтобы вцепиться в египетскую челку?

— Достала она меня, — Эльза подняла руку. — Сейчас накормлю её *agglutini*^[46].

— Эльзи, послушай! — блондинистая свита повисла на предводительнице. — Если создашь, Мэл тебя убьет!

— Да что он мне сделает? — раздухарилась Штице. — Он и не узнает, если одна неграциозная туша выпадет из окна и сверзится убогой головёнкой вниз.

Мамочки, вот её понесло! Я ужаснулась, представив, как подружка Мэла обездвигивает меня *perve sandi* и избавляется от тела, вытолкнув на снег с четвертого этажа.

Хватит медлить! Нужно идти ва-банк.

Сразу видно, что висоратские кошелки не занимались рукоприкладством напрямую, иначе не выпустили бы меня из поля зрения. Перед тем, как броситься кошкой на противниц, я завела руку за спину и, наобум цепляя невидимые волны, погнала их в сторону

разбушевавшейся стервы. Должно сработать, — твердила с растущей решимостью, ибо терять мне нечего. Если через пять секунд заклинание отвлечения не сработает, перехожу к плану Б.

— По какому праву эта идиотка открывает дрянский рот и смеет пререкаться? Кто я и кто она? Шваль безродная! — возмущалась Эльза. — Я её налысо обрею! Я ей пожизненное несварение устрою! Я её в порошок сотру и по ветру развею!

— Эльзи, успокойся! Тебе вредно волноваться, от этого портится цвет лица, — уговаривала блондинка слева.

— Конечно, Эльзи, ты самая лучшая! — утешала вторая преданная собачонка.

Раскудахтавшееся трио не обращало на меня внимания. Сработало заклинание или нет? На всякий случай пощелкав пальцами, я втянула живот и, затаив дыхание, протиснулась бочком мимо буянившей Эльзы. А будучи у двери, не сдержавшись, кинулась из туалета.

Ур-ра, свобода! Я умудрилась выскользнуть без ущерба для организма, не считая разминки языками. И невидимые волны послушались меня!

Надо поскорее сваливать отсюда. Оглянувшись на повороте — нет ли погони — я завернула за угол и помчалась по коридору. Ябедничать или подавать письменную жалобу не имело смысла. Свидетелей конфликта нет, свита Штице не в счет, а становиться всеобщим посмешищем не в моих интересах. Подумаешь, женские разборки на почве ревности. Обычное дело. Мы и не такое видали.

Зато я! в одиночку! расправилась с тремя зараз!

Мое первое боевое крещение!

Ну, ладно, не расправилась, а трусливо сбежала. Зато героически отбрехивалась. Мусору намела немерено, так что складывалось впечатление, будто содержимое всех помойных баков Асмодея вылилось на мою голову.

Ну, собственную аморальность и дурное воспитание как-нибудь переживу. Чай не принцесса на горошине, чтобы при малейшем намеке на тошноту закатывать глаза и тянуться за ароматической солью.

Наверное, на подсознательном уровне я все же запутывала возможных преследовательниц, потому что добиралась до деканата окольными путями. Рухнув на диван в приемной, дождалась, когда утихнет дрожь в руках и перестанет бухать сердце.

Теперь придется планировать каждый шаг на случай, если Эльза надумает отыграться. И не оставаться в одиночку в замкнутом пространстве, а при свидетелях Штице не рискнет мстить. Зато у меня появился козырь: изнеженная ревнивица, похоже, не подозревает, что можно улаживать конфликты путем обычного выдиранья волос.

И... кажется, в другом рукаве появился второй козырь. Эльза до икоты боится попасть в немилость к Мэлу.

Был козырь, да сплыл. После сегодняшнего развода мостов Мэл даст зеленый свет своей гюрзе, и та не преминет воспользоваться послаблением.

Стрессы плодятся как тараканы, — поковыряла я диванную обивку. С каждым новым днем становится все труднее существовать в столичном институте. Сложности растут как снежный ком. И все же круто я облапошила трех висоратских выскочек!

Представила, как Штице цокает по моим следам, потягивая по-собачьи носом, и развеселилась.

Мне казалось, время промчалось стрелой, а на самом деле протекло два с половиной часа, вместивших в себя кучу малоприятных событий.

Генрих Генрихович, сидя за столом, выглядел на фоне смеркающегося неба темной скалой, однако не торопился включать свет. Пока я бегала по курьерским делам, он разобрался с черным глобусом, и тот занял облюбованное место в углу кабинета. Декан же, нацепив на нос очки, читал толстый справочник.

— Выглядите уставшей, — заметил мужчина, когда я отдала бланк с расписками о вручении извещений. — Стоило оставить сумку здесь. Зачем заниматься самоистязанием?

Не надорвусь. Можно подумать, таскаю на себе чемодан кирпичей.

— Меня не затруднило, — заверила я сердобольного дяденьку.

Стопятнадцатый чиркнул на листе бумаги несколько строк и поставил размашистую подпись.

— Вижу, Эва Карловна, что не зря положился на вас, — сказал, вручая листочек с заголовком "Справка", и подал руку. Сперва я не сообразила, но потом протянула свою лапку, и мужчина пожал её крепким мужским рукопожатием человека, чье доверие оказалось оправданным. Приятно, что ни говори.

— Договоренность об экзамене остается в силе, — напомнил декан.

— Хорошо. Вы, наверное, торопитесь на совет?

— Да, нужно собираться, — согласился Генрих Генрихович, взглянув на часы. — Вы правильно поступили, не став затягивать с отработкой прогула. Как говорится, сделал дело — гуляй смело.

Я кивнула. Не затянула и повстречалась с Мэлом и его ревнивой подружкой.

Засунув справку в сумку, вышла из кабинета, пытаюсь на ходу застегнуть заевший замок. Замок не просто заел. Он сломался, и содержимое сумки вывалилось на пол. Хорошо, что ЧП случилось в безлюдной приемной деканата, и мне пришлось ползать по мрачному склепу, собирая разлетевшиеся по помещению стовисоровые купюры.

Вот получится конфуз, если декан пойдет на свой совет, а тут я сижу на полу, обмахиваясь веером денег. Представила вопрошающе-удивленный взгляд Стопятнадцатого и принялась ползать еще усерднее, сгребая банкноты.

Сама виновата. Загнала себя в ловушку, соврав. Все равно Генрих Генрихович рано или поздно узнает о приеме и сделает закономерный вывод о том, где я нашла наличность. Или, чего доброго, задаст вопрос напрямую, потому как честная отработка прогула и скорбь по утрате четырех висоров смотрелись более чем странно в сравнении с рукой, выудившей из-за ножки стола охапку купюр. Что стоило открыть рот и всего-навсего сказать, мол, отец смилостивился, пообещав приодеть меня на мероприятие года? Стопятнадцатый, как порядочный дяденька, не стал бы перепроверять съедобность навешанной лапши, а я сидела бы сейчас в швабровке, попивала чай с шоколадными конфетами, купленными в кондитерской, вместо того, чтобы бегать курьерской савраской по институтским этажам, наталкиваясь по пути на ненормальных девиц и их парней. Вдобавок предстоит отработать два обязательных часа в архиве, а я морально истощена.

Покуда ползала на четвереньках, декан не сподобился выйти из кабинета, и, облегченно вздохнув, я поднялась с колен. Чтобы содержимое не высыпалось повторно и прилюдно, пришлось подхватить сумку под мышку.

Мне, конечно, было известно, что вещи, имевшей когда-то повышенную вместимость, со временем придет конец, но финал наступил внезапно и незапланированно. Обидно.

Сумка сопровождала меня в путешествиях всю мою сознательную жизнь, став хорошей помощницей.

Досадно, хоть реви. С фляжкой рассталась, а теперь и замок вышел из строя, капитально и неисправимо. Завтра я куплю сто таких сумок, а пока нужно носить в чем-то тетради, перья, карандаши с резинками, фантики и мятые карамельки, ключи, расческу, фонарик, небольшие ножнички, удостоверение личности, косточки от ахтулярий и непонятные бумажки. И да, еще девять тыщ висоров. Не забыть бы перевязать их резинкой.

До отдела кадров я перемещалась с оглядкой, высматривая Эльзу и ее подручных.

Со мной поздоровались: пышненькая Катин — приветливо, а её коллега Мавочка — взглянув мельком, в то время как начальница, сделав благое дело для Стопятнадцатого и одной завравшейся студентки, отсутствовала по причине чрезмерной усталости.

Вместо пестролистной лианы с повадками хищника угол занимал длинный малиновый стебелек, к которому крепились поочередно мелкие листочки, трепетавшие от малейшего колебания воздуха.

— А где несравненная заглатеция? — полюбопытствовала я, пока Катин записывала в карточке.

Как-то так выходило, что каждый раз при посещении отдела кадров мне приходилось общаться со светловолосой пышечкой. В отличие от дружелюбной Катин её коллега смотрела сквозь меня, предпочитая созерцать законные просторы. А может, это я игнорировала темноволосую кадровичку, потому что в памяти накрепко засело бессовестное кокетство с Мэлом в холле.

— Заглатеция отжевала кусок шелкового платья Нинеллы Леопардовны. Пришлось отдать провинившееся растение на воспитание, — поведала девушка, тряхнув кудряшками. Очевидно, этот жест означал огорчение, что всеядную прожору успели вовремя оторвать от начальницы отдела кадров.

— Уж не в архив ли сплывили? — вспомнила я об участии, постигавшей неудобные растения.

— Туда.

Бедный мой начальник! По незнанию поставит кадку у стеллажа с документами, и заглатеция сожрет все архивные дела и студентов в придачу.

— А это что? — ткнула в малиновый стебелек, и он мелко затрясся. Если бы не палочка, к которой привязали растение, оно не замедлило бы свернуться в клубочек и уползти за кадку.

— Боязникус прямотянувшийся. Нрав кроткий, смиренный. Нинелла Леопардовна получила в подарок от супруга.

Или в экзотическом боязникусе кроется подвох, или мне непонятна логика подарков мужа Леопарды, — посмотрела я с подозрением на стебелек, и под изучающим взглядом растеньице затряслось как флаг на штормовом ветру.

— Держите, — круглолицая Катин возвратила справку, на которой стояла печать отдела кадров. — Сдайте в бухгалтерию и более старайтесь не прогуливать, — погрозила шутливо и мило улыбнулась, хотя и с некоторой жалостью.

Еще бы. Наверное, девушка представила, как мне придется выживать на жалкие четыре висора. Сяду у лучины, завернувшись в драное одеяло, изгрызенное молью, и буду изо дня в день сосать один и тот же покрытый плесенью сухарь.

Девять шукарей у меня в сумке! Девять тысяч! Побогаче вас буду.

— Постараюсь, — кивнула я, соглашаясь с пожеланием участливой кадровички. — До свидания.

В бухгалтерию я пришла, озираясь по сторонам, а креативно оформленный кабинет лишь добавил нервозности. Сегодня женщина с изможденным лицом отсутствовала. Видно, она восстанавливала здоровье, изъеденное "любезностью" картавого коллеги.

Знакомый патлатый мужчина в брюках на подтяжках молча принял справку Стопятнадцатого, поставил огромный смачный штамп и принес из шкафа мое личное зарплатное дело. Ужас, сколько мороки и бюрократической волокиты из-за несчастной мелочевки! Подарить, что ли, родному институту оставшиеся четыре висора? Пожертвую широким жестом обеспеченной дамы, чтобы потом бухгалтерия помучилась, сводя дебет с кредитом и перетряхивая кассовые ордера.

Голос разумной предосторожности порекомендовал спускаться в архив не в одиночку, а с попутчиками. Как говорится, я не трус, но тьякаться второй раз с Эльзой и белобрысыми болонками — перебор для организма, загруженного впечатлениями по макушку. Безветренное утро с солнцем и реденькими белесыми облачками радовало душу ровно до тех пор, пока на горизонте не появился Мэл, принесший с собой мощнейший антициклон, обрушившийся на мой мирок. Поэтому фискальная полоска на пятке сработала, когда нога переступила порог архива вслед за двумя студентками-второкурсницами, на вид скромницами и круглыми отличницами.

— Здравствуйте, Швабель Иоганнович, — поздоровалась я с начальником, пройдя за деревянную перегородку, и задвинула сумку поглубже под стол. — Рада вас видеть.

— Здравствуйте, — поприветствовал архивариус и шумно высморкался. — Вчера вы не появились, и я забил тревогу, решив, что вы заболели. Как самочувствие?

Это я должна беспокоиться спрашивать о здоровье мужчины, нос которого покраснел и увеличился до невероятных размеров, став похожим на лампочку, а веки опухли, превратив глаза в узкие щелочки. Кому он нужен, этот рабочий фанатизм? Ведь никто не оценит.

— Спасибо, мне гораздо лучше, — соврала я, не поморщившись.

— Должен признаться, ваше отсутствие ударило по организации архивного дела, — сказал сипло начальник, и я воззрилась на него с удивлением. Значит, мой труд важен и необходим?! — Дела находятся в совершеннейшем беспорядке, что затрудняет поиск материала, запрашиваемого учащимися. Прошу вас рассортировать и каталогизировать документы. У меня катастрофически не доходят руки.

— Конечно-конечно, — кинулась я к заваливающимся штабелям на столе.

Скупое признание архивариуса стало неожиданной похвалой, стимулировавшей меня к радению и старательности. Я не только ускоренно расправилась с хаотически набросанными делами и подшивками, но и помогла начальнику, одаривая страждущих необходимыми документами, заодно успеваю проверять сохранность сумки, хотя в служебную часть помещения имелся доступ лишь у меня и Штусса. Но лучше перебдеть, чем недобдеть.

Студенты же словно помешались на поиске материалов прошлых лет, образовав столпотворение у стола выдачи заказов. Забегавшись, я отработала на час дольше положенного. Ну и ладно, мне не жалко времени, потраченного на полезное дело. Зато жалко мужчину, успевшего сменить семь платков — я ведь и считать успевала, бегая от стеллажей к столу выдачи.

— Швабель Иоганнович, может, выставим кадку с обсыпальником за дверь? — предложила, обежав взглядом зал. Среди скопища студентов обнаружилось несколько несчастных, подверженных аллергии. Одни чихали, другие терли слезящиеся глаза, третьи расчесывали ладони, на которые попала пыльца цветущего растения.

— С радостью, но, боюсь, сгорит листва, — прогундосил начальник, напомнив о гигаваттах электрического света, испускаемых подвальными лампами.

Как раз то, что нужно! — послала я внушение в голову Штусса, но он, видимо, расставил приоритеты, предпочтя гробить своё и чужое здоровье, нежели чуточку прижучить распоясавшееся растение, вошедшее в пик цветения.

Что ж, если совесть не позволяет мужчине издеваться над обсыпальником, который издевается над ним, это сделаю я, потому что у меня есть высококонцентрированная вытяжка из листьев разьедалы. Достаточно развести несколько капель на ведро воды и полить землю в кадке, чтобы омертвели корни наглючего деревца. Необходимо лишь правильно рассчитать губительную дозу, чтобы не разъело днище кадки и пол. Конечно, учитывая микроклимат архива, не стоит надеяться на полную гибель растения, но все-таки поливка натуральным ядовитым растворителем — лучше, чем ничего.

Для того чтобы обсыпальник выпустил новый побег и нарастил зеленую массу, способную зацвести, в естественной природе уходит около десяти лет. А в среде архива... — пошевелила я губами, подсчитывая в сравнении с ожившими кустиками разьедалы, — пройдет как минимум год. Это же триста шестьдесят пять дней, и нужно прожить каждый из них! За год утечет уйма воды, и вообще, реки могут повернуться вспять.

— А как поживает Радик, то есть Ирадий?

— Учащийся вел себя дерзко или неподобающе? — спросил настороженно архивариус, и его кадык дернулся сильнее обычного.

— Что вы! Радик — вежливый и внимательный юноша. И добрый! — похвалила я друга, не покривив душой. — Просто мы виделись в последний раз в среду днем.

Начальника приятно взволновали слова о достоинствах племянника.

— Ирадий иногда бывает у меня. Он заходил вчера вечером, а сегодня готовится к экзамену.

Ёшкин-матрёшкин! Так вот почему студенческий народ сходит с ума, лихорадочно листая страницы архивных дел. Это дохнула сессия, напомнив о себе.

Распрощавшись с начальником, я подхватила сумку под мышку и уже на выходе обежала взглядом уголок с джунглями. Заглотеция, задвинутая в гущу кадок и горшков, чувствовала себя вольготно. Пестрые прожилки на листьях налились соком и фосфоресцировали от удовольствия.

Монтепорт печалился, не обращая внимания на выходящих из института студентов, и понуро изучал рисунок пола. Не хандрить! — послала я мысленный призыв хвостатому стражу. Нельзя впадать в зимнюю спячку, когда в любой момент найдется желающий стащить казенное добро.

Ноль реакции. Пес поднял глаза, отчего кожа на лбу собралась глубокой гармошкой, и вернул взгляд в прежнее минорное настроение.

Нет у меня способностей к внушению, и никогда не было, — заключила я, выйдя на институтское крыльцо, освещенное из-под козырька прожекторами. На самом деле люди ищут оправдание своим слабостям и придумывают разные небылицы. Вот Мэл, оказывается, хотел поцеловать меня в библиотеке (при этой мысли в горле щекотно мазнуло), но объяснил свое желание принудительным воздействием на волю. Получается, что все-таки не хотел? И Тао Сяну я "напевала", требуя помочь, хотя ему запретил хозяин.

В конце концов, сто лет не сдалось мне чужое недовольство реализованными хотениями. Пора подумать о своих желаниях.

Прислушавшись к себе, я определилась с первоочередной целью и побрела в общежитие, крепко прижимая сумку.

Интересно, где сейчас Мэл? Уже позабыл, поди, о разговоре у мужских раздевалок и везет свою подружку в "Инновацию", чтобы расслабиться перед экзаменом, а Эльза повисла

у парня на плече, мешая вести машину. Наверняка она успела поделиться подробностями встречи в туалете и приукрасила, живописав, как я оскорбляла и унижала её висоратское достоинство.

Разве такую язву обидишь недобрым словом? От нее же отскакивает, как горох от стенки, вдобавок Эльза сама кому хочешь мозги прополощет — морально и буквально. В интернате она приобрела бы авторитет среди девчонок.

Однако хватит портить свежий зимний воздух образом египетской стервы. Как там говорил Радик? Направо-направо-направо?

Искомый закуток в точности дублировал тот, в котором обитала я: такой же обшарпанный и замызганный. Видно, первый этаж общежития надолго застрянет в состоянии недоремонта, поскольку комендантша бросила имеющиеся силы и средства на облагораживание собственного жилища.

На стук в первую попавшуюся дверь выглянул полуголый парень в трико и наушниках, из которых прорывалась какофония звуков, отдаленно похожих на музыку. На левом плече красовалась хвастливая татуировка горгульи с клыкастой пастью.

— Где здесь поживает Радик? — спросила я без долгих предисловий. Расшаркиваются особы благородных кровей, а мы — люди простые, студенческо-общежитские.

Парень снял наушники, и мне пришлось повторить вопрос.

— Радиус, к тебе краля завалила, — обратился любитель тяжелого рока за дверь, и за его спиной появился донельзя удивленный Радик.

— Привет, как дела, собирайся, пошли ужинать, есть хочу сил нет, щас слопаю быка, — произнесла я торопливой скороговоркой.

— Ничё такая, — оглядел меня оценивающе сосед Радика. — Ты с какого?

— Какая разница, мелкий? — парировала я, подразумевая не рост парня, который был выше меня на несколько сантиметров, а возраст и стаж зеленого первокурсника.

— Ну и что? — ухмыльнулся он. — Зато ты опытная.

Молокосос извращенский!

— Так ты идешь? — перевела внимание на Радика.

— Знаешь, Эва, наверное, нет, — ответил неуверенно парнишка. — Завтра экзамен, надо многое повторить.

— Давай, я пойду, — согласился бесцеремонный сосед. — Куда двинем?

— Отвянь. Радик, вот помру с голодухи у твоей двери, и тебя обвинят в моей смерти.

В качестве иллюстрации крайней степени недоедания заворчал недовольный желудок, чей обеденный прием пищи в столовой необратимо испортился парочкой хамов.

— Радиус, я чё-то недопонимаю, — обратился полуголый парень к Радика. — Чикса сама к тебе завалила, а ты ломаешься как баба.

— Никто не ломается, — покраснел парнишка и торопливо обулся. — Пошли, Эва.

— А тебе, казанова малолетний, — ткнула я пальцем в его соседа, — пойдут на пользу колыбельные и сказочки на ночь. И за чиксу еще ответишь.

— В любое время, детка. Я весь твой! — распростер объятия парень. Тьфу, до чего непрошибаемый и озабоченный.

Радик взял из пищеблока кастрюльку с поварешкой и, порывшись в холодильнике, прихватил с собой небольшой кулёчек.

— Ты почему исчез? — спросила я, покуда мы шли в швабровку.

— Я вчера заходил. Дважды. А тебя не было.

Отхлестать бы розгами одну забывчивую свинтусятину! Вместо того чтобы подумать о Радике, я валялась вчера на кровати и играла с новеньким телефоном. Эгоистка.

— Эва, если я навязываюсь, ты так и скажи! — воскликнул с жаром парнишка, затормозив.

— Вот еще. Не выдумывай. Наоборот, от меня не отвертишься. Я хуже банного листа, только временами меня заносит не в лучшую сторону. Извини, пожалуйста.

— Получается, что мешаю тебе, — заключил понуро Радик. — Мельтешу изо дня в день, и ты стала прятаться.

— Значит, плохо ты меня знаешь, если сделал далеко идущие выводы. Топай, нам еще макароны варить.

По приходу в швабровку сумка заняла место под кроватью, и я с облегчением размяла затекшую руку. Этак недолго заработать кособокость, таская под мышкой студенческие причиндалы.

Когда готовка подошла к концу, и стол был сервирован, мы с парнишкой навалились на еду. Вот уж я объелась! Живот надулся как барабан, и меня разморило в тепле и сытости.

Разглядывая в свете плафончика прозрачный ломтик колбасы, я продекламировала философски:

— Как думаешь, что благородней: каждый день нарезать по тонюсенькому колёсику и держать полчаса на языке, или сожрать зараз палку колбасы, зато потом голодать полгода?

— Не знаю, — пожал плечами Радик. — Дядя говорит, за большим теряется ценность малого. Хотя я бы не отказался съесть целиком и без хлеба.

— Только шкурку не забудь снять, — подколола его, и мы рассмеялись.

Я умиленно взирала на лопухого несуразного парнишку, и в груди разливалось благодное тепло, прогоняя из закоулков души неприятности сегодняшнего дня. До чего же хорошо приходить домой, зная, что тебя ждут и будет отличный вечер, что можно поговорить ни о чем и в то же время обо всем, что шутки услышат и оценят, а дружеский совет развеет любые сомнения.

— Как у тебя учеба? Как волны?

— Неважно, — вздохнул Радик. — Кое-как натянул зачет по практике. Утешает, что теорию выучил. Завтра рассчитываю на четвертак.

— Значит, получишь. Никто не вспомнит, как ты заработал свой зачет: легко или тяжело. Главное — результат.

— Но я-то не забуду! — воскликнул расстроено юноша.

— Ну... порой хорошая память дает толчок для совершенствования и роста. У тебя появилась отправная точка, чтобы стремиться к новым достижениям, — наставляла я Радика, надеясь, что мои слова вселят в него уверенность.

Эх, кабы нашелся кто-нибудь, кто вот так же каждый вечер перед сном заверял меня: "Все будет хорошо! О вранье с вымышленным висоратством никто не узнает. И когда-нибудь мама обнимет тебя".

— А где ты пропадала? — прервал меланхолию парнишка.

— Прости, что не оставила записку, — каясь, я схватила ладонь Радика, и он засмутился. Чего краснеть, как пион? Здесь все свои, но для всеобщего блага придется чуточку соврать. — Вчера был напряженный день. Мы ставили эксперимент в лаборатории, и, представляешь — как попёрли результаты! Было бы кощунством прерваться.

— Поздравляю, — порадовался парнишка, и его искренняя улыбка высветила

беспросветное вранье, гнездящееся по углам моей темной сущности.

Всё, достаточно обедов в столовой, — икнула я сыто, откинувшись на кровати. Перехожу на домашнее питание. По крайней мере, для нервов полезнее и сытнее.

Уверив Радика, что совместный обед и ужин завтра — как всегда, по расписанию, я насыпала в его карман горсть карамелек, проигнорировав слабые попытки отказаться.

— Не вздумай помыслить, что надоел, и о прочей ерундени забудь и не вспоминай, — наказала строго-настрога и на прощание пожелала удачи на экзамене.

После ухода парнишки сумка была вызволена из-под кровати. Странное дело: вроде бы собачка ходила туда-сюда по молнии, соединяя звенья и не стопорясь, но спустя пару секунд замок с треском расходился, словно кто-то напирал изнутри.

Промучившись безрезультатно, я пришла к выводу, что неисправность неустранима, и содержимое сумки придется временно носить в чем-то другом, но придумать не успела, так как пришла Аффа, и мы отправились на третий этаж, чтобы напиться новой порцией подробностей из жизни современной аристократии.

Каждый день тренировок Вива удивляла меня невероятными гарнитурами одежды и внешностью, но сегодня она поразила сверх меры. Без косметики лицо стилистки казалось тусклым и пресным, как вода из крана. Вместо диковинных нарядов девица надела обычные спортивные штаны и футболку — однотонную, без кокетливых надписей и рисунков.

Привыкши к экстравагантным образам, я растерялась. Аффа же, как ни в чем не бывало, протопала в жилище стилистки.

— Вживаюсь в твой образ, — пояснила мне Вива. — Чтобы ваять шедевр с чистого листа.

Интуиция подсказала мне, что это будет всем шедеврам шедевр, вроде картин одного модного художника, на чьих работах перепутался верх с низом, и вообще, было непонятно, что хотел сказать автор своим замыслом, нарисовав, к примеру, птичий клин из глаз, летящих по губам, растянутым во весь холст. Я предпочитала любоваться пейзажами, портретами, сценами из жизни разных эпох, или, на худой конец, натюрмортами, нежели, напрягая извилины, выискивать скрытый смысл в абстрактных наслоениях красок.

Арендорованные копытные туфли и моток ниток перекочевали к хозяйке.

— Итак... — девица протянула другую пару, темно-вишневую с металлическим блеском и тонюсенькими палочками-каблуками. — Надеваешь и ходишь. Смотрим и оцениваем.

Аффа уселась на табуретке у трюмо и замерла в нетерпеливом ожидании.

Нацепив туфли со шпильками, кстати, тоже пришедшиеся впору, я встала, и меня закачало не хуже боязникуса из отдела кадров. Бог мой, неужели в них ходят?! Дайте мне костыли!

— Сделай шаг... еще шажок... еще... — подбадривала соседка, следя за неуверенными перемещениями по комнате.

Пытаясь удержать равновесие, я расставила руки как канатоходец и, сделав четыре кривых шажка, запнулась, улетев к двери. Хорошо, что не переломала ноги, а лишь лоб ушибла. Но синяк получится отменный.

— Так дело не пойдет, — сказала Вива. — Я думала, что после репетиций будешь порхать на шпильках. Сделаем упор на каблук с хорошей устойчивостью. Главное, чувствовать себя комфортно, иначе самый лучший вечер превратится кошмар.

Как сказать. В предстоящем приеме мне не виделось ни грамма приятностей, лишь косяки проблем.

Надев ставшие родными копытные туфли, я радостно застучала по полу.

— Ну, каково? — покрутилась перед девчонками.

— Ништяк! — Аффа выставила большой палец.

— Политиков изучила? — спросила строго стилистка.

— Запомнила на лица, а имена не смогла, — покаялась я.

— Потянет, — махнула рукой Вива, признав тем самым, что коли подшефная, то есть я, слегка туповата, то времени на заострение нет.

В оставшееся время мы заново прорепетировали разученные ранее перемещения. Затем училка политеса притворялась премьер-министром, Аффа играла роль моего кавалера, а я никого не изображала и стояла на воображаемом подиуме рядом с воображаемым руководителем страны и воображаемым Петей под вспышками воображаемых фотокамер.

После Вива показала, как элегантно цепляться за чемпиона, прохаживаясь по залу. Следом мне продемонстрировали, как надо держать бокал с шампанским и отпивать игристый напиток мелкими глотками. Тренировалась я на граненом стакане, и Аффа заливалась от души над моим серьезным лицом.

Перед расставанием девица сказала, заправив волосы за перпендикулярные уши:

— Завтра, как закончатся экзамены, закругляем свои дела и в три часа встречаемся в общаге. Поедем в город прибарахляться. Ясно?

Яснее некуда. Дан низкий старт и установка на траты.

— Вивочка, и я с вами! Ты не забыла? — спросила соседка.

— Пока нет, — отчеканила училка политеса и задумалась. — Так и быть, поедешь с нами. Может, подскажешь, если что-нибудь упустим. И захвати записульки. Будем сверяться по списку.

— А я уже! — Аффа похлопала по карману джинсовых брюк. — Давайте скоординируемся на всякий случай.

После обмена номерами в памяти телефона прибавилась новая запись. Понемногу обживаемся!

Резкий поворот влево, свет встречных фар, рывок вправо.

— Никто-

Колонна грузовиков мелькает мимо, один за другим.

— не смеет-

Руль влево, педаль газа уходит в пол, стрелка на спидометре зашкаливает.

— говорить-

Вклиниться в строй машин, подрезав отчаянно сигналящий тентованный грузовичок. Да пошел ты!

— со мной-

Поворот руля влево, обгон трех машин, поворот вправо. Вжих, вжих, — шуршат шинами встречки.

— в пренебрежительном-

Бросок влево и назад вправо, увернувшись от груженной фуры.

— тоне.

Вынырнуть из-за автобуса и рвануть по встречной, давя на газ.

Тяжелый грузовик с прицепом проносится с ревом, едва не шаркнув по боку машины.

Мэл сворачивает на обочину и тормозит. Смотрит перед собой, положила руки на руль.

Пальцы перебегают по витой оплетке, взгляд рассеянно следит за загруженной трассой.

Вынос мозга по полной программе.

Неужели она не поняла, что он, Егор Мелёшин, который никогда и ни перед кем не кланялся, сегодня переступил через себя? Неужели не увидела, что он практически прокричал о том, что думает об их отношениях?

Она уверяла, что отец возместит расходы, связанные с подготовкой к приему, и продолжает подрабатывать за жалкие крохи, не отказываясь от еженедельной компенсации. Черт, все-таки стоило уговорить Стопятнадцатого на двести висов.

Почему она врет? Зачем врет?

Ведь плавится же, он видит. От случайного прикосновения растекается, под взглядом топится. И к чужим ласкам тоже отзывчива?

Самое время выругаться, вдарив по рулю.

Женщины — странные создания. Они любят невероятно усложнять жизнь, создавая трудности на пустом месте. Если проблема в деньгах, вернее, в их отсутствии, Мэл ими завалит, не вопрос. Тогда в чем?

В том, что он — Мелёшин? Разве это плохо?

У него фамилия, которой Мэл всегда гордился.

У него сила, которая запросто свернет шею несчастливчику, посмевавшему нанести оскорбление.

У него полные карманы висов, и он не имеет понятия, что такое экономия.

Но одна козявка посмела утверждать, что он ничего не значит без фамилии и денег. Ноль без палочки.

Как же ему хотелось сгрести её в охапку и трясти, трясти до тех пор, пока она не осознает, что от жизни нужно хватать как можно больше, если представилась возможность. Мэл даст ей всё, что она пожелает, а она... она отдаст ему себя. Разве не равноценный обмен?

Он еще докажет этой козявке, чего стоит сам!

Звонок.

— Ты где? — кричит Мак, прорываясь через музыку и смех. — Дуй к нам!

— На Восточной.

— Где? — спрашивает друг, поначалу не расслышав. — У тебя совсем крыша поехала? Ты на трассе?

— В кармане стою.

— На Восточной по пятницам гоняют самоубийцы! — орет Мак. — Фуры идут сплошняком в город!

То ли Мэлу не знать.

— Говорю, я в кармане. Ты был прав.

— Ты о чем? — спрашивает друг и приказывает кому-то на заднем плане: — Сбавь обороты.

Музыка стихает, голоса становятся тише.

— Когда сказал, что у нее есть другой.

— Ну-у... — тянет растерянно Мак. — Погоди-ка. И не смей бросать трубу!

На заднем фоне слышны смешки, голоса. Отключиться, что ли? И погнать к горизонту на двухсоточке.

— Слушай, Мэл, мне тут опытные люди подсказывают, что когда у тёл... у девушки появляется ухажер, это заметно. Повтори! — требует Мак у кого-то, и женский голос разъясняет.

— Ага. Вот. Тёл... девушка начинает одеваться по-другому, ярко, вызывающе — для хахаля. Красится... Что? — переспрашивает у невидимого консультанта. — Макияж, маникюр, прочий уход за телом, — Мак повторяет подсказку и неожиданно фыркает. — А по ней разве видно?

— А если за висы? — спрашивает равнодушно Мэл. — Когда зажимаешь нос, чтобы не стошнило, потому что нужны деньги.

— Оппа! — выдает друг. — Постой.

В трубке снова раздаются голоса, похихикивания.

— За бабло тем более будет стараться, чтобы выглядеть на сто пятьдесят процентов, — возвращается к прерванному диалогу Мак. — Какой дебил станет вкладывать инвестиции непонятно во что? Извини, Мэл...

— Проехали.

— Из-за висов тёл... девушки готовы перегрызть друг дружке глотки и выпендриваются любыми способами. Ну, и тебе хочется, чтобы за твое же бабло глазу было приятно, и чтобы стоял, так ведь?

Мэл молчит.

— Так что не сходитя. Причина в другом. Ты прешь напролом как танк, а с ней нужно по-другому. Слушаешь меня? Алё!

— Слушаю, — отвечает Мэл, раздраженный поучением. Его бесит, что поучение в точку.

— Она же сегодня смотрела на тебя как на сахарную косточку. Я думал, Списуил не выдержит и рванет утешать. А ты опять учудил, зачем-то Эльзу припахал. Решил с ней замутить?

— Сам не понял, зачем, — отвечает Мэл, чувствуя облегчение. — Что еще говорят... опытные люди?

— Сейчас.

На заднем фоне перекатываются смех и голоса.

— А-а, обычная дребедень. В общем, для каждой тёл... девушки важны сюси-пуси. Конфетки, цветочки, в иллюзион под ручку... Что еще? — спрашивает в сторону. — Нежные словечки, подарочки. Уй! — вскрикивает Мак и продолжает: — Еще остринка должна быть, загадочность. Слушай, за пять минут я узнал много нового об отношениях с тёл... девушками. Ну, так едешь к нам? Тут полно скучающих.

— Не жди, — говорит Мэл и отключается.

Закрыв лицо ладонями и потер.

Ее родитель — при должности и с немалыми связями, потому что умеючи переводит дочь из одного ВУЗа в другой. И она — не промах, коли сумела доползти до третьего курса при полном отсутствии способностей. Ее подгоняет цель, ради которой она учится в месте, ненавистном ей, рядом с людьми, которые ей ненавистны — особенно те, кто имеет отношение к Первому Д и дэпам.

Понятно, почему она шарахается от него как от чумы. Потому что узнала, кто его отец.

Раздобыть бы её досье. Закрытое, — сказал нужный человек, с которым Мэл обычно

имеет дела. Логично, что доступ к информации ограничен, если принять во внимание её тайну. Придется подняться на уровень выше: просить деда.

Эва, Эва... Как поверить, если она молчит? Как научиться доверять?

И её хахаля он найдет. Отобьет ему, всё что можно, это точно. Или убьет.

Придя в швабровку, я завалилась на кровать, придя наконец-то в горизонтальное положение. Какое блаженство для спины! Моя жизнь, и без того трудная, усложнилась с получением от спортсмена приглашения на прием.

Зазвонил телефон, и на экране высветилось: "Петя Рябушкин". Легок на помине.

Я неохотно нажала на соединение, не вполне решив, чего ожидаю от звонка: чтобы парень потребовал билет обратно или чтобы покаялся в толстокожести.

— Алё.

— Это я. Привет! — сказал Петя и прокхыкался. — Ты как?

— Никак. Сижу, жду, когда позвонишь, — подняла я ногу и поводила пальцами, описав в воздухе круг.

— Ой, Эва, извини! — подкинулся спортсмен. — Совсем не подумал. Вернее, подумал, что ты злишься. Или не злишься?

— Петя, от злости преждевременно появляются морщины. Кроме того, ты мой парень. Разве можно на тебя сердиться? — выдала я шаблонную заготовку и зевнула. Не похоже, что чемпион хочет забрать билет обратно, иначе не замедлил бы сообщить.

— Правда? — воскликнул обрадовано Петя. — Извини за нахрапистость, когда затягивал тебя в гости. Просто мама волнуется, переживает. Я ей так и сказал: "Все будет отлично". Верно, Эва?

— Верно, — согласилась я сухо.

Его мама переживает. А я на твердокаменную статую, что ли, похожа? Или мои переживания не в счет? — снова разобиделась, но вслух выражать обиду не стала. Чего доброго, общение затянется на час. Кстати, собирается Петя извиняться за поведение в столовой или нет?

— Вот и я о том же, — сказал чемпион с облегчением в голосе. — Я еще завтра позвоню, ладно?

— Хорошо, только вечером. Днем мне будет некогда.

— Согласен. Спасибо, Эва.

— За что? — удивилась я.

— За все, — выдал прочувственно благодарный Петя.

Ну-ну.

Что за бестолковый разговор получился? Отложив телефон, я представила наше общее будущее со спортсменом. Каждый раз напускаясь слюней на красивых девиц, Петя будет неловко бекать-мекать, каясь, что подобное впредь не повторится, а я буду великодушно прощать. К чему тогда создавать видимость отношений "парень+девушка", если чемпион не замечает во мне особу противоположного пола — интересную и притягательную? Он даже не пытается что-либо изменить. А разве я пытаюсь?

Вот возьму и попробую! Значит, глянец им, мужикам, подавай?

Вскочив с кровати, я покружила по швабровке, грызя ноготь. Значит, поганка среди мухоморов?

Задумалась, вперила глаза в потолок, и меня осенило. Схватив юбку, я вытащила

ножницы из тумбочки и, глубоко выдохнув, решительно взялась за кройку. Отрежем да покороче.

Плотная ткань поддавалась с трудом, и на руке натерлась мозоль от колец, прежде чем полоска отрезалась до конца.

Вот так. Только так. Вдобавок возьмем нитки, завернем край юбки и подрубим.

Отлично. Не ахти, но вполне. Это мой первый шаг к глянцевости. Дальше пойдет легче, — заявила я самоуверенно, натягивая старую вещь, ставшую вдруг новой.

Примерила. Мамочки! Юбка стала чуть ниже попы. Что я натворила? Правильно говорит — семь раз отмерь, один отрежь. Сначала следовало сделать заметку на нужной длине, а затем уже кромсать.

Что же делать? — закусила губу. А ничего. Надену завтра, чтобы все, кто стоит на ногах, попадали и не встали. Хватит быть в арьергарде!

Или не одену, — решила, подумав еще немного. Повешу испорченную корявыми руками одежду на плечики и надену штаны, благо они отстираны от вишневого компота.

Нелегко успокоиться после неудавшейся попытки стать чуточку красивее и эффектнее. Чтобы восстановить флегматичность, я вытащила конспекты и, ткнув наобум в один из билетов, принялась шпудировать двадцать пятый билет.

Конспекты по элементарной висорике — хорошее средство для тех, кто желает поскорее уснуть. Вскоре глаза начали слипаться, как вдруг телефонная трель, прозвучавшая резко и громко, вытолкнула меня из дремотного состояния. На экране горело: "Аффа".

— Афка, ты где? — всполошилась я.

— У себя, — ответила загадочно девушка.

— То есть как у себя? А зачем звонишь?

В трубке наступила тишина. Господи, у Аффы что-то стряслось! Она стоит на карнизе окна и хочет прыгнуть вниз из-за неразделенной любви! Вообще-то мы живем на первом этаже, и по стойкости в амурных делах девушка даст фору в сто очков вперед.

— Проверка связи! — захохотала Аффа, и в стену со стороны соседок что-то ударилось. Наверное, тапок.

— Ты меня здорово напугала, — рассмеялась я. — И разыграла.

— На всякий случай проверила твой номер. Вдруг надумаете завтра удрать без меня?

— Разве можно? — я клятвенно положила руку на грудь. — Только с тобой и вместе. Это святое.

— Ладно, — расчувствовалась девушка. — Отсыпайся. Завтра великий день.

Ага, великий. И плевать на экзамен. Завтра поедем по магазинам.

Я улеглась, но сонное настроение пропало, развеявшись от звонка соседки. Что без толку ворочаться и мять простынку, коли не спится?

Полежав, поглазела в потолок, потом включила свет и снова вернулась к билетам, решив уснуть другим способом, так как подсчет овечек оказался непродуктивным.

Двадцать пятый доучился до конца, хотя всё смешалось в кучу. Опять ткнув наобум, я принялась за билет номер тринадцать. Вот ведь неудача (или наоборот, удача?): то ли мозг атрофировался, перегрузившись терминами элементарки, то ли попался символический номер, но я застряла на первом же вопросе и не заметила, как начала клевать носом.

Снова зазвонил телефон. Замучили меня эти светские звонки, — выдернулась я из

сонной неги, потянувшись.

На экране высветились цифры незнакомого номера.

— Алё?

В трубке стояла тишина, сопровождаемая пощелкиванием и потрескиванием, словно кто-то грыз невидимую линию.

— Вас не слышно, — разъяснила я позвонившему и отключилась.

Странно: то ли абонент ошибся, то ли соединение не прошло. Надо же, минули всего лишь сутки, как телефон попал ко мне, а уже называются незнакомые товарищи. Может, это распространители из "магазина на диване" хотели впарить вис-улучшенные кофеварки для домохозяек или анкетчики рассчитывали провести бессмысленный опрос на тему: "С какой ноги предпочитаете вставать по утрам"?

Телефон снова зазвонил, и на экране загорелся вроде бы тот же номер.

— Алло, — сказала я вежливо, но мне ответила тишина. — А-лэ! Вы ошиблись. Не туда попали. Проверьте правильность набора, — и снова отключилась.

Какой же пень ошибется, дважды попав не туда? Если только дважды наберет в определенном порядке нужные цифры.

Телефон зазвонил в третий раз. Светящиеся на экране цифры подтвердили, что меня решил допечь какой-то номер-аноним. Ну, сейчас так отвечу, что у любителя поразвлечься надолго пропадет охота испытывать терпение незнакомых людей!

— Алё! Добрый вечер, вернее, ночь! Не спится? Охота почесать язык? — выдала я для затравки и замолчала.

Молчали и на другом конце соединения.

В динамике что-то вжикнуло — повернулся тумблер. Негромко дунуло — кто-то кратко выдохнул. Тихо загудело — завелся двигатель. Меня даже качнуло, хотя я сидела на кровати — это тронулась машина. И мимо пронеслись более быстрые, истошно сигнализирующие.

И это ехал Мэл, возвращаясь откуда-то. Крутил руль и держал трубку у уха, слушая мои гневные вопли.

Вот так просто в голове всплыла мысль, что звонок — от Мэла, и я поверила, не задумываясь.

Откуда он ехал?

Не отрываясь от телефона, бросилась к окну. Может, Мэл проезжает мимо общежития?

В динамике периодически раздавались звуки — скрип сиденья, щелканье коробки передач, случайно включилась бравурная песенка в автомагнитоле и тут же стихла.

Мэл ехал. Куда? Ко мне?

Боже мой!

Что сказать ему? "Не смей"?

Язык прилип к небу, сердце долбило по ребрам.

Я слушала Мэла, он слушал меня. Мы вслушивались в дыхание друг друга и в мазки звуков, выдаваемых динамиками.

Если приедешь, настучу тебе по голове телефоном! — выкрикнула в темноту за окном. Я ведь не одетая, непричесанная...

Какого фига? Могу хоть кикиморой ходить — дело мое.

Прилегла на кровать, и пружины прогнулись под весом тела. В трубке коротко хмыкнуло.

Мэл поворачивал руль, а я лежала, с жадностью вслушиваясь в каждый звук. Обо всём

позабыла: об обидных словах в столовой, о его Эльзушке, об оскорблениях, выплеснувшихся около мужских раздевалок.

Мэл ехал по столице и сидел в салоне один. Один!

Наступило секундное затишье, и гулко хлопнула дверца машины. Что-то зашумело. Или сумасшедше пульсировала кровь в моих висках?

Забрэнчало, негромкий хлопок.

Мэл вернулся домой. Один. Какое облегчение!

Слух обострился до предела возможностей. Я услышала бы сейчас, как Капа в соседней комнате перелистывает страницы с конспектами и зевает.

Звуки в телефоне: шорохи, стуки, позвякивания, треск, громыхание, — словно наяву я представила, как Мэл бросил связку ключей на столик, прошел к холодильнику и достал бутылку молока, как направился к кушетке и подвинул к панорамному окну, чтобы смотреть на ночной город — сверху вниз. И снова у него молочные усы, как в прошлый раз, и каждый глоток, усиливаясь втрое, отдается эхом в моих ушах.

И я поняла, что хочу быть там, рядом с Мэлом, на кушетке. Хочу любоваться горящим ожерельем улиц, отпивая холодное молоко из одной бутылки. Хочу снова напугаться высокими потолками, чтобы Мэл успокоил меня и утешил. И обнял.

Хочу к нему, до боли, до крика, готового сорваться с губ.

Сама не заметила, как всхлипнула, и в трубке стихли звуки. А я снова швыркнула и, испугавшись, зажала нос и рот ладонью.

Тишина на том конце стала звенящей. Я почувствовала — еще миг, и он скажет. Скажет что-то, что разрушит незримую нить, протянувшуюся из одного конца столицы в другой. Зачем портить очарование момента?

Не удержав очередной швырк, суматошно разъединилась и отключила телефон. Совсем. Наглухо. Придется просыпаться утром по своим внутренним часам. Все равно не просплю. Мне завтра спешить некуда, так что есть минутка, чтобы пустить слезу, уткнувшись в подушку.

Под утро снова приснился древний лес — символ перемен: деревья, погруженные в вечный сумрак из-за плотной листвы, не пропускающей солнца.

Хозяин леса дождался меня. Я сразу почувствовала, что он стремительно приближается, и, боясь встречи, побежала, как мне казалось, прочь от преследователя, ломая ветки, пролезая под корягами, приминая мох, собирая по пути растянутые паутины.

Считанные мгновения — и хозяин появился в том месте, где незваный гость провел немало времени, оставив после себя следы пребывания.

Хозяин втянул носом воздух, отсеивая от прелой хвои тонкий запах чужого присутствия. Подойдя к стволу дерева, провел по шершавой коре и замер. Ноздри затрепетали от гнева. Почему лес промолчал? Почему не предупредил, не известил о госте?

Пришлая. Лакомый сладкий кусочек, забредший по незнанию в его владения. Юная, совсем еще неопытная самочка, едва вступившая в пору созревания и источающая умопомрачительный аромат, затмевающий рассудок.

Хозяин леса поднял голову к небу и завыл, предупреждая о своем праве возможных соперников и наивную чужачку, пытающуюся убежать вглубь чащи перепуганной ланью.

Разнесшийся по лесу вой заставил вздрогнуть и насторожить слух. Во властных нотах смешались угроза, предостережение, требование вернуться и признать своего повелителя. И

обещание — найти.

По телу прошла горячая волна, призывая откликнуться на зов, прекратить бесполезный бег и повернуть смиренно назад.

Оглянувшись на ходу, я с налету запнулась о торчащий корень и расстелилась на земле. Проснулась в поту, задыхаясь, словно от долгой пробежки, и с непонятым томлением в теле.

Оказывается, во сне в лесу небезопасно. Там водятся хищники, поджидающие глупеньких красных шапочек.

Конечно же, я проспала. То есть по моим меркам встала вовремя, хотя экзамены уже начались. Выползла сонной мухой на утренние умывания, и меня едва не сшибла Аффа.

— Продрала глаза? — спросила она, забежав в приоткрытую дверь соседок, и метнулась с полотенцем в душ, обогнав меня. — Я тоже поздно проснулась. Кошмар! Вчера долго вертелась в постели, и вот тебе на!

Дверь перед моим носом закрылась на защелку, и я, пожав плечами, направилась к раковине. Зевала так, что чуть рот не порвала, и разглядывала себя в зеркало.

Блещу ли я красотой?

Повернула голову влево, вправо. Пожалуй, профиль — ничего, а если смотреть в анфас, то слегка наклонять голову для придания взгляду загадочности. Правда, лицо помятое после сна, но вполне симпатичное. Обычная студентка третьего курса без изысков во внешности.

Соседка промчалась мимо как ветер, забыв выключить свет в душе.

— Эвка! — закричала из своей комнаты. — Ты почему телефон отключила? Все-таки сговоришься с Вивой без меня, да?

— Петя вчера донял меня звонками, — соврала я, не моргнув глазом.

— Ну, так включай! Сегодня нужно быть на связи.

Я поплелась в швабровку, а соседка метнулась к зеркалу.

— Аф, а снами можно управлять? — спросила я у девушки, вернувшись с телефоном.

— Это как? — спросила она, намазывая лицо пенкой.

— Чтобы во сне было так, как мне хочется. Захочу лечь — и лягу. Захочу побежать — побегу. Или захочу ударить кого-нибудь — чтобы получилось.

— А разве тебе по-другому снится?

— По-другому. Обычно я участвую во снах, но не могу их изменить. Но кто-то же программирует мои поступки!

— Твое сознание и программирует, — Аффа потюкала пальцем по моей макушке и снова умчалась в комнату. Я пошла следом. — Сны — это искаженная реальность, потому что твоя память сбрасывает балласт, накопившийся за определенный период. Мне вот на прошлой неделе приснился сон с гулянкой у препода по прогнозированию, и там собрался весь наш курс. Представляешь, что я вытворяла во сне? Перебила половину бутылок, обливала гостей, орала и прыгала на столе. Получилось, будто фильм посмотрела с собой в главной роли. Но первопричиной стали сессия, экзамен и мои переживания. Понятно?

— А бывают интерактивные сны? Или сны с продолжениями? — допытывалась я.

— Тебе зачем? — спросила Аффа, натягивая в спешке колготки. — Приснилось что-нибудь стоящее?

— Ничего особенного. Лес и звери, — объяснила я и включила телефон. В сумке у соседки коротко тренькнуло.

— Мне сейчас некогда, потом поговорим. Не вздумай отключаться! — пригрозила девушка, торопливо нанося макияж. И мне пора бы начинать собираться.

Ляпнувшись на кровать, я сладко потянулась. На экране телефона высветилась динамика недошедших звонков по причине отключения от сети. Два непринятых вызова от Аффы и одиннадцать от вчерашнего номера-анонима. От Мэла.

С забившимся сердцем я прижала телефон к груди. Как быть? Проигнорировать его настойчивость или перезвонить? И о чем говорить?

Неожиданно раздалась трель, и на экране высветились ставшие знакомыми цифры. Мэл.

Ответить или нет, ответить или нет? — заметалась я, взбудоражившись заставшим врасплах вызовом, а телефон трезвонил, не умолкая.

Ну и пусть! — нажала кнопку соединения и, медля, поднесла к уху. В трубке стояла тишина, а затем послышался не то шорох, не то громкий выдох.

Я вжалась в кровать. Не стану начинать разговор первой. Пусть он что-нибудь скажет. В конце концов, для чего позвонил?

Мэл не говорил. Он делал.

Умывался, о чем сообщило журчание воды, чистил зубы, брился, донеся до слуха тихое жужжание машинки. Хлопал дверьми, щелкал выключателями, шлепал босыми ногами по полу. И держал телефон у уха, слушая меня.

В общем, Мэл — это Мэл, и вел он себя гораздо увереннее, чем вчера вечером.

Ага! Я-то чем хуже? Вот возьму и тоже позавтракаю.

Вскочив с кровати, я вышла в коридор, не отлипая от телефона. Аффа, на ходу надевая пальто, закрывала дверь на ключ.

— Еще не собралась? И долго будешь блуждать непроснувшимся чучелом?

Я торопливо прикрыла микрофон рукой. Вдруг Мэл услышит и вообразит, чем это серая крыска могла заниматься ночью, проспав начало экзаменов?

Он слышал и вообразил, потому что серия коротких "ф-ф-ф-ф" подтвердила смешки через нос.

— Уже собираюсь, — сказала я одними губами.

— Не забудь об экзамене, — напомнила она о головной боли. — А то у тебя такое лицо, будто без ума влюбилась. В зеркале посмотри.

И выбежала из коридора.

Батюшки! Услышал ли Мэл? Срочно отключаюсь!

Зеркало у раковины показало правду. Щеки пунцовые, глаза блестят, волосы растрепанные — это не я!

Я чуть не нажала на рассоединение, но прислушалась к звукам в телефоне. Мэл ворочал посудой на кухне — переливал, бренчал, помешивая, прихлебывал. Вроде бы не слышал, — выдохнула с облегчением и вспомнила, что тоже хочу завтракать. Как-никак, предстоит трудный день, поэтому необходимо подкрепиться.

В общем, ужасно я покушала, с одной свободной рукой. Мэлу хорошо, он и левша и правша одновременно, а мне пришлось есть с ножа, открыв криво-косо упаковку с плавленым сыром, пить обжигающий чай, шипя, и грызть торопливо сушки, усыпав крошками стол.

На том конце соединения периодически наступала тишина, прерываемая смешками или прочими звуками. Мэл подогрел свой завтрак в печи и тоже ел. Сначала я не поняла, зачем у него стучит метроном, а потом догадалась, что Мэл успевал играть с вилок. Поставит на зубчики — уронит на стол — перевернет, поставит на рукоятку — уронит — перевернет. Словом, и жевал, и развлекался, и меня слушал. Все успел.

Собиралась я тоже невнятно, уделив максимум внимания молчаливому собеседнику и

минимум — себе. Вытащила из тумбочки пакет из продуктовой лавки и переложила из сумки все имеющиеся принадлежности. Вернее, просто-напросто перевалила, потому что управляться с одной незанятой рукой оказалось неудобно. Подумав, положила пачку денег в тумбочку, а в институт на всякий случай взяла пятьдесят висоров. Удостоверение личности тоже осталось в швабровке. Когда поедem в центр, прихватчу с собой, а сейчас оно не потребуется.

Мэл тоже собирался — гремел ящиками, шуршал, щелкал чем-то. Он оказался сноровистее меня. Закрыв квартиру и поехал вниз на лифте, пока я боролась с волосами, расчесывая.

— Архип! — сказал, приветствуя консьержа, и направился к выходу.

Это было первое слово, точнее, имя, произнесенное Мэлом за всё время телефонного молчания. И снова в трубку набились звуки: открылась дверца машины, заскрипело кожаное сиденье, заработал двигатель, зашумел кондиционер, заиграла музыка. Сегодня Мэл не стал выключать магнитола, словно подгонял меня ритмичной мелодией. Мол, смотри, Папена, я приеду из другого конца города быстрее, чем ты доплетешься из общаги, которая находится в ста метрах от института.

Пришлось ускорить сборы. Поглядев на изменившуюся в результате вчерашнего экспромта юбку, я приняла решение. Интересно, понял ли Мэл по отчаянным вздохам о долгих сомнениях в выборе одежды.

Намазавшись духами, я кинула флакончик с вытяжкой разьедалы в пакет. Вспомнив о витаминно-успокаивающем комплексе, бросилась к столу и принялась торопливо отмерять и отсчитывать. Также суетливо выпила, а Мэл убавил и без того тихий звук в магнитоле, чтобы слушать, как я пью.

Нанеся на губы бальзам, я ринулась к двери за курткой и проиграла Мэлу окончательно, потому как телефон доложил, что двигатель затих, и хлопнула дверца машины, и что с Мэлом здороваются, и он отвечает, пожимая руки и говоря: "Привет!" или "Здорово!" или "Нормально", "Класс!", и поднимается по ступенькам института.

Повертевшись, я пыталась разглядеть, как сидит на мне куртка. Отвратительно она сидела и юбку совсем не закрывала. Ужас как коротко, но переодеваться некогда, орудуя одной рукой или двумя, с телефоном, зажатым плечом.

Закрыв второпях дверь, я побежала в институт, запинаясь по пути о расставленные козлы, шурша газетами и полиэтиленом, в то время как Мэл вошел в холл, и мое ухо оглушил гул большого помещения. Сам Мэл исчез из динамика. Слышались голоса на заднем плане, говорили парни, но он все равно не отключался. Неизвестно, различил ли Мэл в шуме холла скрип снега под моими сапогами и учащенное от бега дыхание.

Я ворвалась в институт, ослепнув поначалу после зимнего утра, а затем чинно двинулась к раздевалке. Оглядывалась по сторонам, а меня трясло, и мысли разбегались как тараканы. Не помогает чудодейственный успокоительный состав Альрика, хоть литр зараз выпей.

Конечно же, Мэл вклинился в толпу парней на постаменте, заняв место на самом верху рядом со статуей святого, и смотрел на меня, а я, привалившись к гардеробной стойке, слушала его дыхание, как если бы мой молчаливый собеседник находился не на другом конце большого зала, а на расстоянии полушага.

Неудобно снимать куртку одной рукой, и выглядит такой процесс смешно со стороны, поэтому — делать нечего — я нажала на рассоединение. Мэл тоже отнял трубку от уха.

Ну, и как теперь быть? Это за стенами института меня будоражила и волновала атмосфера необычности телефонного общения, а здесь всё по-другому: друзья, Эльза, которая вроде как чья-то подружка, и Петя — мой парень.

Как вести себя с Мэлом, я не представляла. После вчерашних разговоров "по душам" в столовой и у мужских раздевалок было бы странно кивнуть и сказать обычный "привет" однокурснику.

Снова вспомнились обидные слова Мэла, мои обвинения и цель, которую они преследовали, и я решила: не буду обращать на него внимания. Сделаю вид, что не замечаю Мэла в упор. Стены вижу, зеркала по кругу вижу, Списуила вижу, а того, кто у статуи сидит — не вижу, хоть тресни.

Так, — пригладила я волосы, — какое у нас первоочередное дело? По замыслу Стопятнадцатого мне нужно попасть на экзамен в числе последних студентов, поэтому времени в избытке. Пойду-ка в архив, чтобы спасти своего начальника от аллергии, пока нездоровье не доконало его. А для этого надо пройти к подъемнику через холл по диагонали. Делов-то.

Подхватив пакет, я вдруг вспомнила, что на мне юбка, в которой неприлично шагать широко, поэтому двинулась походкой, выученной на тренировках у Вивы. В сапогах шлось неплохо и уверенно, но будь каблуки повыше, вообще получилось бы здорово.

По мере того, как ноги подходили к святому Списуилу, сердце мое опускалось все ниже и ниже, уползая в пятки, потому что с каждым шагом лицо Мэла мрачнело, превращаясь в грозовой фронт.

В конце концов, мало ли девчонок в институте, которые одеваются ярче и вызывающе, чем я? Таких модниц полно, и никто не создает вокруг них ажиотаж. И меня не заметят.

Оказывается, заметили. Когда до постамента осталось десять шагов, Макес, рассказывающий что-то оживленно, остановился на полуслове и замер, уставившись на меня, а парни начали оглядываться, ища источник остолбенения.

Не запнусь и не упаду. Завтра на меня будет смотреть вся страна, неужели сейчас позорно растянусь посреди холла?

Подняв голову, я гордо прошествовала мимо, свернув в коридор к подъемнику, а в спину мне донесся одобрителный свист.

Вот так испытание! — запрыгнула я в подъемник, и ноги противно задрожали. До того увлеклась дефилированием, что забыла о возможной ловушке со стороны ревнивой Эльзы, но потом подумала: коли Мэл неподалеку, то девица не рискнет пакостить. Она, наверное, уже заняла очередь перед экзаменационной аудиторией — для себя и своего парня.

Как и следовало ожидать, архив пустовал.

— Швабель Иоганнович! — крикнула я, зайдя в помещение.

Архивариус вышел из брошюровочной, чихая и сопливля. Видимо и в изолированный закуток пробралась вредоносная пыльца обсыпальника. Нет нигде от нее спасения. Зато вот она — я! Пришла и освобожу архив и его население от цветочного гнета.

— Здравствуйте, — просипел удивленно начальник. — Не ожидал вас увидеть. Разве сегодня нет экзаменов?

— Есть, но у меня высвободилась минутка, чтобы помочь в архиве. До моей очереди еще далеко.

— Ну, хорошо, — согласился растерянно мужчина. — После вашего ухода стол вернулся

в первоначальное состояние, — показал на завалы папок, более высокие, чем вчера. — Если вас не затруднит...

— Не затруднит, Швабель Иоганнович, — заверила я, направляя архивариуса в сторону брошюровочной. — Наверное, поступили новые дополнения к делам?

— Очень много. Копятся, но не успеваю подшивать.

— Швабель Иоганнович, вы брошюруйте, а я наведу здесь порядок.

— Хорошо, — согласился мужчина и высморкался. — Чаю не хотите?

— Нет, спасибо. Недавно позавтракала. Не волнуйтесь, всё сделаю в лучшем виде.

Едва архивариус скрылся за дверью брошюровочной, я бросилась к раковине в дальнем углу служебной зоны. Там был обустроен хозяйственный уголок, обязательный для помещений с большим количеством хранящихся бумажных документов.

Это на первый взгляд кажется просто — наставил стеллажей, набил папками и выдавай всем желающим. На самом деле необходима пожарная сигнализация, если вдруг приключится загорание, нужна определенная влажность воздуха, требуется вентиляция, чтобы не задохнуться от килограммов пыли, оседающих на поверхностях, должны проводиться влажные уборки по строгому графику, оборудовано особое освещение, чтобы раньше времени не дряхлела бумага, и еще учтена куча мелочей, благодаря которым функционирует любое ответственное заведение. Так что для выполнения важной хозяйственной миссии у начальника имелся набор ведер, губок, щеток, вехоток, тряпок — каждая для определенной цели. Даже скребки имелись и длинные крючки, только непонятно, зачем.

Выбрав пластмассовое ведро, я включила кран, и пока набиралась вода, без конца прислушивалась, не вышел ли начальник из брошюровочной. Оттащив полное ведро к уголку с джунглями, протиснулась между кадками. Вблизи цветущего растения даже у меня, крайне нечувствительной особы, зачесался нос, и заслезилась глаза. Утерев рукавом свитера выступившие слезы, я вылила в ведро колпачок мутноватой жидкости с лимонным оттенком и, подождав, когда вытяжка распределится равномерно, поднатужилась, опрокинув ведро в кадку.

Поначалу ничего не происходило: вода впиталась в землю, а растение, как ни в чем не бывало, активно одаривало пыльцой атмосферу помещения. Но затем наметились признаки гибели обсыпальника: листья начали скручиваться и иссыхали на глазах, нераскрывшиеся бутоны чернели и отваливались, цветки съеживались и опадали.

А теперь бегом с места преступления и не забыть улику — флакончик с вытяжкой!

Вернув ведро на место, я умылась и, отряхнувшись от пыльцы, в ускоренном темпе принялась за сортировку папок, поглядывая в сторону загибающегося растения. Да, вот я какая — злая и жестокая губительница флоры, но что поделать, если архивариус не пожелал избавиться от источника сильнейшей аллергии, предпочтя умереть на боевом посту, нежели выбросить кадку, к примеру, на мороз. Теперь понятно, почему хозяева дерева спихнули его Штуссу, чья порядочность не позволила расправиться с растением.

А моя порядочность позволила.

К тому моменту, когда дела были расставлены по полкам, мне показалось, что в помещении легче дышится, и воздух стал чище и прозрачнее, а издали в гуще зарослей торчит черный обгоревший ствол обсыпальника.

— Швабель Иоганнович, ваше задание выполнено, — открыла я дверь в брошюровочную.

— Спасибо, — поблагодарил архивариус, выйдя, и высморкался.

Ну, ничего, недолго осталось ему чихать, смотря на мир слезящимися глазами.

— Может, все-таки выпьете чаю?

— Спасибо, но мне нужно спешить.

Распрощавшись с мужчиной, я подхватила пакет с вещичками и перед дверью кинула взгляд на дело рук своих. От жизнерадостного, пышущего зеленью и цветочками растения не осталось ровным счетом ничего. Лишь скукоженная коряжка указывала, что когда-то в кадке размещалось высокорослое развитое деревце. Вот так сила у моей вытяжки!

Кстати, обобранные кустики разъедалы, занимавшие уголок по противоположную сторону от двери, снова покрылись шапкой маленьких листиков. Всё-таки здесь удивительный климат, — резюмировала я, покинув архив. По дороге хотела послать воздушный поцелуй Некте, но передумала. Не до него мне сейчас.

Выбравшись из подвала, я вступила в опустевший холл. Народ разошелся, чтобы получить очередную дозу сессионных переживаний. Гномик на часах сообщил, что у меня осталось немного времени до того, как начать топтание перед дверью аудитории. К тому же среди студентов будет Мэл, а рядом с ним Эльза.

Оттягивая встречу до последнего момента, я направилась на чердак, решив не брать из раздевалки куртку, чтобы лишний раз не выслушивать ворчание гардеробщицы о безмозглых студентах, которые не знают, чего хотят от жизни — то ли одеться, то ли раздеться.

Прочитал ли А. записку?

Прочитал.

Ниже моего послания было приписано карандашом: "Когда?"

Коротко и емко. Похоже, у нас завязалась переписка.

Действительно, когда? Сегодня не получится; завтра, в день приема, тоже не удастся, к тому же институт закроют. Следующий день — понедельник. Трудный, но нужный день, поскольку знаменует начало новой недели. Я же отосплюсь после светского мероприятия и вечером поднимусь чердак.

Ежась и дыша на замерзшие ладони, торопливо накарябала пером: "Пон, 20.00".

Когда благодарный горнист спросил, чем могут помочь ребята, я придумала. Они передадут весточку маме, хотя пока непонятно, каким образом: у меня нет ни её адреса, ни имени, и я не смогу описать, как она выглядит. Теперь уже не имеет особого смысла шифроваться, коли завтра на всю страну прогремит мое родство с первым заместителем министра экономики и, возможно, всплывет факт первого брака отца. И все же разговор с горнистами нужно вести так, чтобы не подставить ни себя, ни ребят. Пока не знаю, как это сделать, но обязательно что-нибудь придумаю.

Законспирировав записку дрожащими от холода руками, я спустилась с чердака и попрыгала, чтобы отогреться. Больше не буду лазить без куртки по неотопливаемым помещениям, а то недолго подхватить простуду. Пробежусь-ка до экзаменационной аудитории.

У кабинета творился обычный бедлам. Кто-то повторял вслух конспекты, кто-то, прижав ухо к двери, прислушивался к тому, что происходило внутри. Другие счастливики делились впечатлениями после экзамена и хвастались оценками. Тут же на стене висел листочек с номерами билетов, прилепленный на жевательную резинку, и каждый выходящий

из аудитории зачеркивал билет, который ему выпал. Некоторые студенты перепроверяли, хорошо ли спрятаны шпаргалки, чтобы их не унюхал препод. Пустая затея. Все равно почует.

Я проглядела вычеркнутые номера. Мой выученный абь как двадцать пятый остался девственно нетронутым. Стоит ли трястись, переживая, если все равно заходить в числе последних, и уже неважно, какой билет мне попадется?

Поскольку все подоконники рядом с аудиторией оказались оккупированными, пришлось усесться в отдалении у свободного окна.

Прислонив пакет к окну, я огляделась. Если на мое феерическое появление "почти без юбки" и обратили внимание, то недолгое, потому что однокурсников переполнял экзаменационный стресс. В другое время девчонки начали бы сплетничать и перешептываться, а парни — глазеть и показывать пальцами, но сейчас, мельком скользнув по моим, надеюсь, не очень кривым ногам, студенты вернулись к разговорам и беглому просматриванию конспектов по десятому кругу. Неплохо, хотя я ожидала пристальные разглядывания и обсуждения — вполголоса или громко, без стеснения в выражениях.

И Мэла нет нигде — ни в толпе, ни на подоконниках. Наверное, он со своей Эльзочкой сидит на экзамене.

Я состроила равнодушное лицо, а сама вытягивала шею, выискивая знакомый вихор. Повернула случайно голову, а Мэл, оказывается, вовсе не на экзамене заседал, а стоял неподалеку от лестницы засунув руки в карманы брюк, и смотрел на меня, прислонившись к стене.

Под его взглядом я дезориентировалась в пространстве. Где же Мэл пропадал? В библиотеке скучал или отрабатывал долги с веником в спортзале? Или уже отстрелялся, получив стандартное "отлично"?

Отвернувшись в сторону, я делала вид, что мне неинтересно, кто это там стоит, прожигая меня взглядом, но щеки горели так, что на них можно было жарить яичницу. Тогда я поднялась с подоконника и отвернулась к окну. Ой, у меня же юбка короткая!

Поправила юбку, пытаюсь стянуть пониже, и снова уселась, бросив взгляд мельком на Мэла. А он ухмылялся, и непонятно, то ли злая у него усмешка, то ли наоборот.

Из аудитории вышли несколько человек и Эльза в их числе. Вспомнив о вчерашней встрече в туалете, я напряглась. Станет ли она задирать меня при всех или начихает на мое существование?

К египетской плясунье подбежала свита, и компания удалилась на дальний подоконник, чтобы поделиться впечатлениями. Видимо от пережитого волнения Эльза не заметила ни меня, ни Мэла, а он не окликнул её и не махнул рукой, подзывая. Мэл продолжал смотреть в мою сторону, а потом оттолкнулся от стены и направился к окну, у которого сидела я. Ой, мамочки, он шел ко мне. Ко мне!

Подошел и присел на подоконник. Так мы и сидели как две клуши: я в одном углу, он — в противоположном, и ни слова между нами, ни полслова. Мэл, не извлекая рук из карманов, смотрел по сторонам и избегал глядеть на меня, а я гипнотизировала дверь, моля, чтобы очередь поскорее кончилась, и, обхватив себя руками, нервно терла предплечья. Все губы искусила, пока возле аудитории не крикнули:

— Остался кто-нибудь?

Схватив пакет, направилась к двери:

— Я последняя.

— Нет я, — сказал Мэл.

И опять он станет свидетелем моего очередного падения, когда мне не удастся ответить на билет, а позже в ведомости чудесным образом появится незаслуженный трояк.

— Прощу. — Широким жестом Теolini взмахнул над жалкой кучкой белых бумажек.

Мэл стоял за моей спиной, а я боялась обернуться. Наугад схватила листочек из середины и направилась к свободному месту.

Парень тоже выбрал билет и сел за мной, выше через два стола, как того требовали экзаменационные правила, чтобы исключить списывание и сговор учащихся.

Оставит он меня в покое или нет? Кажется, вчера я всё высказала, неужели не втемяшилось? Мне сейчас нужно обмозговать, как поскорее добежать до деканата и не упасть на поворотах, прежде чем погасят ведомость, а сзади сидит Мэл и смущает разум и чувства, доводя их до неконтролируемого состояния.

Сложив прыгающие перед глазами буквы, я прочитала вопросы, на которые следовало что-нибудь промямлить, и сообразила, что мне попался двадцать пятый. Тот самый, который ералашно отложился в голове после вчерашней зубрежки.

Все-таки слабые зачатки знаний лучше, чем совсем ничего, поэтому, схватив листок, я суматошно застрочила, выгребая из памяти сумятицу терминов и определений. Исписала с обеих сторон, да еще на втором накарябала, прежде чем препод пригласил меня к столу.

Коли каша в голове, она же — на бумаге и на языке. Однако говорилось мной много: и по существу, и лишнее, так что Теolini внимал слегка ошарашено и поправлял, если я пугалась.

— Что ж, — сказал препод, когда иссякли вопросы и ответы. — Сумбурно и неупорядоченно, но потенциал есть. Я до сих пор нахожусь под впечатлением от вашей исследовательской работы со студентом Мелёшиным. Неплохой ответ для четверки, а вот до "отлично" вы, к сожалению, не дотянули.

Четыре?! Неужели я сдала экзамен, самостоятельно, без протекции декана?! Случаются же чудеса на белом свете, когда их не ждешь.

Возрадовавшись, я чуть не совершила около препода ритуальный танец безумно счастливого человека. Хотя если быть честной, выучился один-единственный билет, который невероятным образом прыгнул ко мне в руки. Спасибо вам, небеса!

В ведомости перо Теolini вывело оценку, и ноги рванули из аудитории вниз, в холл. Ура, ура, ура! Сессия скачет семимильными скачками вперед. Осталось сдать два экзамена:

по матмоделированию процессов и по теории снадобий. И до условленной встречи в общежитии еще есть время: более двух часов.

Остановившись у раздевалки, я собралась позвонить Аффе, но, предположив, что она мучается, зарабатывая хорошую оценку, решила не отвлекать.

Поскольку в активе почти заслуженный четвертак, нет нужды просить Стопятнадатого о помощи. Я самостоятельно справилась со своими трудностями! Но декан, не зная о моих достижениях, будет ждать согласно договоренности и беспокоиться, а потом отправится искать меня, начнет расспрашивать. И окажется, что я, эгоистка мелкая, убежала вприпрыжку из института, забыв о нем, заботливом и участливом дяденьке.

Следует поделиться с Генрихом Генриховичем радостью от сданного экзамена, — определилась я с приоритетами. Развернулась — и вот он Мэл, с другой стороны гардеробной стойки. Скорострельно сдал экзамен и, облокотившись, наблюдает за мной. Право слово, как призрак шастает по пятам. Недостаточно ему вчерашних откровений, что ли?

Мэл молча смотрел, будто ждал, что я должна первой сказать что-нибудь.

— А-а... привет, — поздоровалась хрипло.

— Привет, — ответил он.

— Спасибо за работу по удовольствиям. Из-за неё я вытянула экзамен.

— Слышал.

Конечно, он всё слышит. От него ничего не скроешь.

Помолчали.

— Теолини — отличный преподаватель, — сказал Мэл, — но студенты для него — все на одно лицо. Зато он помнит хорошие проекты, и у него отложилось в голове: удовольствия равно Мелёшин плюс Папена.

"М+П". Такие закорючки могли бы появиться на каждой туалетной кабинке.

Чтобы скрыть замешательство, я отвернулась в сторону, смотря, как утекают из института счастливики, сдавшие экзамены.

— Вчера в столовой я сказал лишнее. Во всех смыслах, — выдал Мэл. — Не хотел, но само вырвалось.

Неужели признал свое хамство?!

Правда, извинение вышло корявым и не таким страстным, как я мечтала, но слова Мэла польстили. Столичный принц явно не привык просить прощения за свои слова и поступки, поэтому, покаявшись, окутался в моих глазах ореолом романтического героя. Но пусть не рассчитывает, что поступлю также благородно, забрав назад свои обвинения.

— Вот, возьми, — протянул он ладонь с монетками.

— Что это?

— Ты же сказала, что с меня тринадцать висоров за обед.

— Я пошутила.

— Если обмолвилась, то бери, — сказал жестче Мэл.

Правильно, за свои слова нужно отвечать. Я неохотно приблизилась, обогнув гардеробную стойку, и остановилась в двух шагах. В чем подвох? Неужели его не проняли слова, сказанные у раздевалок?

— Бери, — тянул ладонь Мэл. Само добродушие.

Я нерешительно сунула лапку за денежками, и он тут же схватил.

— Пусти, — попыталась выдернуть. Бесполезно.

— Для кого юбку нацепила?

Начинается старая песня.

— Для самой себя! — выкрикнула я, озираясь по сторонам и оценивая, много ли свидетелей у новой стычки.

— Для себя... — задумчиво повторил Мэл, потирая мою ладошку, и вдруг потянул к себе.

— Отпусти!

Будто не слыша, он притянул меня на шаг ближе.

— Значит, для себя, — то ли спросил, то ли заключил, продолжая ласкать лапку, накрыв её второй ладонью, и меня начало развозить: от нежных поглаживаний, от близости Мэла, оттого, что утром мы были почти вместе благодаря телефону, сблизившему нас.

— Или для него?

Хотела кивнуть и сказать, что да, для "него", но рот отказывался шевелиться. Я же вчера достаточно ясно объяснила, сколько можно возвращаться к изъезженной теме?

Мэл опять потянул за руку, и мне пришлось сделать еще шагочек.

— А есть ли другой? — поинтересовался вкрадчиво, а я как загипнотизированная следила за его губами. — Есть ли другой, Эва? Кто твоя единичка?

Под мягкими касаниями по руке растекалось тепло, заставляя нервные окончания вибрировать от удовольствия.

Он рядом — обнять его крепко-крепко и не отпускать.

— Кто твоя единичка? — слова ввинчивались в сознание, вытягивая ответ, требуя искренности.

— Ты-ы...

Пропали звуки, глаза затуманились, сердце билось пойманной в силки птицей.

— Эва... поехали ко мне... сейчас... — донесся издали голос Мэла. — Брось всё... Поехали...

Поехать... к нему... с ним... Чтобы исполнить вчерашние мечты... Туда, где кушетка и город как на ладони, где высокие потолки и душ — один на двоих...

Нельзя! — натолкнувшись на невидимую стену, сознание вылетело из блаженного полузабытья. Запрещено. Мэл и всё, что с ним связано, находится за знаком "стоп".

Сейчас сконцентрируюсь и успокою дыхание. Парень давно распознал мои слабые места, а именно что он сам — одно из этих мест; словно болотная трясина, из которой не выбраться. А язык рад стараться: выбалтывает всё, что меня на уме.

— А как же... твоя подружка? — выдернула я руку и отодвинулась. На лице Мэла промелькнуло разочарование, которое сменилось маской невозмутимости. — Она тоже поедет?

— Я ей ничего не обещал и ничего не должен.

— А мне? — ляпнула я и устыдилась своей наглости. Ничем не лучше Эльзы: та беззастенчиво навязывается, а я, высказав вчера кучу претензий, сегодня без стеснения вымогаю признания.

— А ты хочешь? — прищурился Мэл.

— Милый! — закричали издали. И почему меня не удивило, что к раздевалке спешила облезлая египетская кошка?

Эльза резво прицокала и повесилась на локоть Мэла, заглядывая ему в глаза.

— Милый, ты не поздравил меня со сдачей экзамена, — надула она губы. — И сам

исчез.

Мэл аккуратно высвободил руку.

— Поздравляю, — сказал сухо.

Тут Штице заметила меня и наградила своим драгоценным вниманием:

— Надо же, убожество умудрилось не попасть на пересдачи. Обмениваетесь впечатлениями?

Она язвила, а глаза сканировали мое лицо: узнал ли Мэл о стычке в туалете?

Снисходительная усмешка стала моим ответом гримзе. Начиная с этой секунды, не опущусь до грязной девчоночьей возни. Моим спокойствием теперь только сваи забивать.

— Обмениваемся, — согласился Мэл. — И следи за языком. Я предупреждал.

Девушка изобразила, будто не задета холодным тоном, и сделала следующий ход.

— Милый, эта ночь была сногшибательной, — сказала кокетливо и потянулась к парню, чтобы потрепать за щеку.

Я застыла. Неужели в промежутке между молчаливыми телефонными "разговорами" он позвонил Эльзе, а утром выпроводил? Интимный тон девушки всколыхнул во мне неожиданную волну злости: к ней и Мэлу.

— С кем? — спросил он, ловко избежав когтистых пальцев, а я хмыкнула, не сдержавшись.

— Как с кем? — удивилась красотуля и пожурела Мэла: — Какой же ты забывчивый! Могу напомнить.

Игривые интонации подстегнули мою злость. К чему тогда игры в молчанку по телефону и преследования в институте, если под рукой имеется дрессированная подружка? Толкнуть бы Мэла, чтобы хорошенько приложился головой об пол и определился, наконец, со своими желаниями. И заодно применить рукоприкладство к мегере, взбив египетскую челку, — руки чешутся, сил нет.

А я тоже хороша, пытаюсь усидеть на двух стульях. С одной стороны, как ни кусай локти, а без Мэла шагать по жизни легче. С другой стороны, меня аж затрясло при виде хозяйских притязаний Эльзы на парня.

Вот и всё. Возникшее страстное желание оттащить девушку за волосы посреди холла объяснялось очень просто. Это ревность. Оказывается, под личиной серой непримечательной крыски прячется непримиримая собственница, готовая совершать безрассудства, и в этом отношении я не отличаюсь от Эльзы — моей соперницы.

— На память не жалуюсь, так что ты меня с кем-то спутала, — сказал виновник сердечных бед.

— Ага, выпила лишнего в клубе и спутала с официантом, — фыркнула я злорадно, и Эльза наградила меня враждебным взглядом.

— Ползи, куда ползла. Без тебя разберемся, — осмелела она, поняв, что Мэл не знает о посиделках в туалете.

— Сама скажи, куда скакала, — парировала я. С элитной мымрой полаяться — хлебом не корми.

— Тебе не хватило вчерашнего, да? Мы же ясно сказали: не рыпайся, а то будет хуже, — побахвалилась Эльза и прикусила язык, сообразив, что проговорились.

— Опять нейдет? — осадил грубо Мэл и, вникнув в сказанное, сделал вывод, который озвучил с угрозой в голосе: — Значит, успела потрепаться?

— Пойду, пожалуй, — подхватила я пакет, подарив ехидную насмешку

опростоволосившейся девице, в то время как глаза Мэла осветились нехорошими зеленоватыми отблесками.

Удалившись на приличное расстояние, услышала за спиной:

— Постой!

Я обернулась. Меня догоняла... Эльза!

— Пошепчемся между нами, девочками, — сказала она громко, улыбаясь до ушей и, уцепившись пребольно за мой локоть, увлекла в сторону, чтобы замазать неудачную реплику, сыграв спектакль для одного зрителя. Для Мэла.

Болонки из свиты терпеливо дожидались у постамента со святым Списуилом, и я, памятуя о "дружеских" тисках в туалете, развернулась, чтобы держать в поле зрения троих висораток, закрыв от них спину.

— Чего тебе? — выдернула руку.

Мэл внимательно следил за нашей дружелюбной парочкой, и его взгляд не предвещал ничего хорошего для Эльзы.

— Успела пожалиться, что тебя, сироту, обидели? — спросила девица, мило скалясь.

Обнаглела она, что ли? Сморозила глупость, а обвиняет меня в ябедничестве.

— Отстань, Штице. Если у тебя с головой не в порядке, срочно лечись, а я пошла.

— Послушай, убогая. — Эльзе, похоже, нравилось это слово. — Прошел слушок, что ты собираешься кое-куда.

"Кое-куда" в ее понимании означало "на прием". Значит, сплетни все-таки поползли по институту. Было бы наивно полагать, что никто не узнает об участии Пети в событии года.

— Так вот, закатай губу на Мэла, иначе не дойдешь. Поняла? — сказала девица, блистая ослепительной улыбкой. — Ноги переломаешь.

— На костылях доковыляю, не переживай. А тебя-то Мэл пригласил на прием?

Эльза высокомерно задрала голову:

— Не твое дело.

Значит, не пригласил и появится на светском мероприятии с другой девушкой. С одной из тех, что красовались в овальчиках на журнальной страничке.

— Жаль. А то почирикали бы после светского раута, — уколола я, увидев, что Мэл двинулся в нашу сторону.

— Плодотворно поболтали, дорогуша. Не забудь о советах, — намекнула Эльза многозначительно и поспешила проскользнуть мимо парня к группе поддержки у статуи. Не тут-то было. Он поддел её за рукав и начал о чем-то расспрашивать.

Демонстративно помахав Мэлу ручкой, я поспешила в деканат, не то из-за непрекращающегося выяснения отношений в нашем роковом треугольнике не успею к поездке по магазинам, а Виву нельзя сердить. Ей предстоит придумывать мой незабываемый стиль.

До чего же морально изматывают разговорчики с Мэлом и его подружкой! Мало того, что девица вываливает на меня богатый словарный запас ругательных выражений, я с каждым разом открываю в себе много нового, и новшества меня пугают.

Раздобыть бы снадобье равнодушия к Мэлу. В конце концов, надоело быть посмешищем из-за собственного слабоволия. А может, попробовать вышибить клин клином и таким образом ликвидировать Мэла из головы? В институте и его окрестностях полно интересных молодых людей, которыми можно увлечься.

Маленькое уточнение. В целях конспирации и во избежание осложнений не стоит

озираться по сторонам в поисках подходящих парней. Я итак сыта по горло предстоящим приемом. Мою легенду о висоратстве в любой момент могут развеять в пух и прах.

Взлетев по лестнице, я выбежала из пролета и запнулась на ровном месте, упав на коленку. Одновременно с падением оторвались обе ручки у пакета, и содержимое вывалилось, разлетевшись и раскатившись по полу. Морщась от пронзившей ногу боли, я порадовалась, что поступила весьма дальновидно, перелив вытяжку в пластиковый неразбиваемый флакончик.

Что за ворох несчастий на мою голову? Хорошо, что в коридоре было безлюдно, лишь вдалеке маячили у кабинета несколько студентов, поэтому позорное пропахивание пола носом никто не видел. Корячась, я собрала студенческие пожитки и, взяв пакет под мышку, похромала в деканат.

Возникло то самое непредвиденное осложнение, которое накаркала Эльза. Я чуть не заплакала от расстройства. Как теперь ехать за покупками и идти на прием? Придется ковылять в медпункт к Морковке, накладывать гипс или шину. Сплошная невезуха.

Что за бессовестная особа? — пропел тоненький голосок, наверное, совести и здравого смысла. А кто сегодня схватил удачу за хвост, заполучив нужный билет на экзамене? Жирно ходить в счастье аки в сусальном золоте, поэтому судьба уравнивила нечаянный плюс везения тяжеловесным минусом непрухи.

Теперь Морковка закует ногу в гипсовые кандалы, и завтра попрыгаю с костылями на прием. Ой, бедная я, бедная!

Умные люди знают, куда обратиться, чтобы излечиться в считанные часы. К примеру, Дегонский быстро восстановил здоровье после неудачной димикаты^[47], а Касторский в течение дня избавился от последствий заклинания, которым наградил его Мэл. Нужно срочно прилепиться пиявкой к декану и узнать о методах скоростного выздоровления.

Ненавижу осложнения. Вот почему не стоит ничего планировать, ибо на самом деле получается шиворот-навыворот, и планы срываются.

Я доползла до деканата, покряхтывая от боли. На колготках не проступила кровь, значит, заработан ушиб коленки. Или приличная ссадина. Или перелом. Ой-ёй-ёй!

— Войдите, — на стук отозвался голос, непохожий на бас Стопятнадцатого.

Запрыгнув в открытую дверь кабинета, я увидела Альрика Вулфу. Каким ветром занесло сюда профессора? — удивилась, забыв поздороваться.

Альрик, как вчера декан, занимался черным шаром с алыми прожилками, водруженным на столе. Завернутые рукава щегольской рубашки обнажали по локоть руки, одна из которых опиралась о стол, а вторая погрузилась в северный полюс странного глобуса.

— Здравствуйте, Эва Карловна, — поприветствовал мужчину, выводя меня из ступора.

— З-здрасте. А мне нужен...

— Его нет. Экзамен еще не кончился, но Генрих Генрихович велел придержать вас, — сказал профессор и, вынув руку из глобуса, вытер платком.

Не удержав равновесия, я рухнула в кресло для посетителей и зашипела от боли, пронзившей коленку.

— Что с вами? — поинтересовался Альрик.

— Упала. Тройной перелом.

Мужчина рассмеялся и бросил взгляд на полку. Овальное зеркало стояло в том же положении, в котором оставил его декан — отражающей поверхностью к стене.

— Позвольте, погляжу, — предложил профессор, присев передо мной на корточки.

— Вам неудобно, — дернулась, я смутившись. — Лучше пойду к Морковке... к Клариссе Марковне...

— Не двигайтесь, — приказал Альрик, ощупывая ногу, и я испуганно сжухла. Вдруг действительно четверной перелом?

Несмотря на болезненное напряжение в колене, создавшаяся ситуация показалась мне необычной и будоражащей: я сидела в кресле, а красивый мужчина опустился к моим ногам. И руки у него сильные, крепкие, со светлыми волосками. Ну да, он же блондин. Такими руками только подвиги совершать и любить женщин.

Альрик весело хмыкнул. Ему не обязательно было смотреть на меня, чтобы узнать, о чем я думаю. Он умудрялся читать мои мысли с помощью какого-то невероятного чутья.

Я почувствовала, как краска жара залила лицо, уши и поползла по шее.

— Хороший ушиб. Будет гематома, — определил мужчина. — Где упали?

— На лестнице. Спасибо.

— Пока не за что. Снимайте сапог, — приказал он, поднявшись, и направился к окну-иллюминатору.

— 3-зачем?

— Будем вправлять. — Альрик выкатил деканское кресло.

— Что вправлять? — залепетала я, испугавшись. — Вы же сказали...

— Шутка, — успокоил профессор. — Сделаем ускоренный компресс, и гематома рассосется до конца дня.

— А колготки... нужно снимать? — спросила я и снова сконфузилась.

Мужчина улыбнулся.

— Они не помешают. Кстати, прекрасно выглядите.

— Где? — завертелась я, пытаюсь углядеть прекрасности, и поняв, что мужчина говорит о сверхкороткой юбке, еще больше смутилась: — А-а, это...

Приятно, что единственный человек в институте высказал комплимент по поводу моего нового облика.

Сев в деканское кресло, Альрик осторожно уложил мою ногу к себе на колени. Я, стиснув зубы, замычала от боли.

— Колено отекает, — пояснил Альрик. — Поэтому больно. Кроме того, от удара полопались кровеносные сосуды. Вам интересно?

— Н-нет, — выдавила я, пытаюсь отдышаться после болезненного приступа.

Мужчина принялся водить руками над ушибом, словно резал и накладывал что-то.

— Пьете успокаивающие капли? — спросил, не отрываясь от процесса.

— А-а... да, пью, — я замороженно наблюдала, как мелькают его пальцы. — А что с летуном из куба? И как ваше самочувствие?

— Эва Карловна, — сказал укоризненно профессор, — вы обещали забыть о летуне, хотя ваше беспокойство о здоровье лестно для меня.

— Но...

— Увеличьте дозу до сорока капель на прием и принимайте три раза в день, — выговорил он как непослушному ребенку.

К чему тянуть? Давайте, выхлебаю зараз весь пузырек, — надулась я.

— Зараз не выпьете, — пояснил Альрик. — Пузырек рассчитан на пять литров успокоительной настойки. Объем малый, вместимость большая.

Ой, стыдобушка, он читает все мои мысли! Но как?

Профессор опять улыбнулся, не отвлекаясь от "лечения", но не стал отвечать. От его рук, колдующих над коленкой, по ноге распространялось мягкое тепло, и тело наполнялось воздушной негой.

— Вы виделись с Евстигневой Ромельевной до того, как попали в разгромленную лабораторию? — спросил вдруг мужчина.

Я насторожилась, и приятное ощущение улетучилось. Что ответить? Во встрече с проректрисой не было ничего странного, за исключением повода, приведшего меня к двери Ромашкинского помещения.

— Виделись. Я искала Генриха Генриховича, чтобы обсудить один вопрос, но его там не оказалось.

Не поймает ли меня Альрик на том, что вообще-то деканы не ходят в гости без причины, и с какой стати Стопятнадцатый пришел бы на лабораторку к доценту с параллельного факультета? Не чай же пить и сплетничать? Для слухов и предположений у Генриха Генриховича есть начальница отдела кадров.

Но профессор не выразил сомнения в неправдоподобности объяснения, зато задал другой вопрос:

— Как вам показалась проректриса? Может быть, она выглядела взвинченной, подавленной или, наоборот, была в хорошем настроении?

Ага, отпускала остроты налево и направо, заливаясь веселым смехом.

— Никак не показалась. Как всегда. А что?

— Ничего. Не берите в голову, — отмахнулся Альрик. — А после встречи с Евстигневой Ромельевной куда направились?

Ему можно сказать. Он же мой партнер по обету.

— В столовую. Затем встретила с посредником, получила деньги и пошла к вам, чтобы разделить. А что?

Неспроста профессор допытывается. Значит, что-то заподозрил, или Царица поделилась предположениями насчет ночного взлома и насчет меня как возможной обвиняемой.

— Не обращайтесь внимания, — сказал небрежно мужчина. Как же не обращать, если он роет носом землю, выясняя и вынюхивая.

— Подготовились к приему? — Альрик перевел разговор в другое русло.

— Собираюсь понемногу, — изобразила я глупенькую девицу, не заметившую перепада в разговоре. — А какой рейтинг был у вас?

— Рейтинг? Что это?

— Все, кого приглашают на прием, получают рейтинги — предварительные и окончательные.

— Не знаю, не вникал. Это важный показатель?

— Нет. Просто спросила.

— Не бойтесь, Эва Карловна, ваш рейтинг будет самым высоким.

Его слова вызвали новый прилив смущения. Мужчина осыпал меня комплиментами умело, со знанием дела, а я, точно малолетняя девочка, не знала как себя вести. Надо бы дернуть плечиком и сказать кокетливо: "Только в вашем обществе!" или "Ой, что вы говорите? Неужели?"

Вместо этого пояснила:

— Для сопровождающих рейтинги не считают.

Альрик не касался ушиба, выделывая вензеля в воздухе, но я почувствовала, что ноющее покалывание понемногу исчезло, а в суставе ощущается привычная легкость. Подрыгала ногой.

— Еще рано, — построжился профессор, вода над коленом ладонью, и добавил: — Помните наш разговор после экзамена по символистике? Тогда вы открыли мне глаза на некоторые... деликатные моменты.

Еще бы не помнить. Наивный товарищ показал истину мне, спрогнозировав катастрофические последствия "общения" с Мэлом, а я показала ему, вернее, рассказала о табунах непримиримых фанатов, и мы оба прозрели.

— Я долго думал, как выпутаться из ситуации, в которую вы оказались невольно вовлечены.

Наверное, ночей не спал, анализируя и делая выводы. И каким же образом он собирается выпутываться? — от любопытства я вцепилась в подлокотники кресла. Как Альрик объяснит многочисленным поклонницам, что я — особа, мимо проходящая и не претендующая на красавчиков-преподавателей?

— Выход нашелся, — улыбнулся мужчина, и его взгляд стал рассеянным, устремившись в одну точку, хотя руки продолжали завязывать невидимые жгуты и прикладывать невидимые компрессы. — Совершенно неожиданный выход. Видите ли, я несвободен, — пояснил он, и мне показалось, в его глазу зародился вертикальный зрачок, а мощная грудь под атласной жилеткой заходила ходуном от раздувающихся как меха легких.

Поначалу до меня не дошел смысл сказанного. Несвободен от чего?

— Чтобы расставить все точки над *i*, я поговорил сегодня с Лизой.

Лизбэт-то причем? — удивилась я, не в силах уловить связь. Вообще запуталась, что к чему.

— Я связан с суженой. С предназначенной. С предначертанной, — сказал профессор, обратив, наконец, на меня взор. Увидев, что ему внимают с отупевшим видом, мужчина раздраженно пояснил: — С невестой, коли вам будет угодно на вашем человеческом языке.

— А-а... — открыла я рот и закрыла.

Погодите-ка! Вот что, оказывается, означает слово "несвободен". Красиво звучит. Нужно запомнить.

"Я несвободна!" — выкрикну гордо. Кому бы? Мэлу?

Нет, эффектная фраза — не для него. Она подойдет для кого-нибудь другого.

Тут же представилось, как Мэл обнимает меня, например, при Эльзе и говорит ей: "Видишь, я несвободен". Ох, до чего же волнительное слово, а Мэла — вон из головы.

Стоп. Отмотаем назад. Профессор несвободен, потому что... у него есть невеста?!

Ну... если допустить, что Альрик как-никак мужчина и достаточно зрелый мужчина... Удивительно, почему он до сих пор не обзавелся семьей с парочкой ребятишек, как его сестра. Все незамужние особы, начиная с малышей и заканчивая бабулями, жаждут наброситься на профессора и готовы вцепиться в него мертвой хваткой. Так что вполне, вполне...

И все же сенсационно, хотя проблему не решает.

Какая мне выгода от того, что Альрик несвободен? Пронырливые поклонницы задвинут невестушку как шкаф и, глядишь, она не дождетя своего жениха. Окрутят его, осоловевшего от любви, скомпрометируют и окольцуют. И вообще, наличие невесты или как там... суженой — не препятствие для фанаток и тем более не причина, чтобы прекратить размазывание меня по стене.

— Поздравляю, конечно... — пробормотала я неуверенно.

Счастливая избранница профессора — не Лизбэт, это ясно как день. Зачем бы Альрик расставлял всякие точки в разговоре с ней?

Мне стало жаль соседку, вытянувшую короткую соломинку. Девушка надеялась, рассчитывала, искала скрытый смысл в словах своего кумира, мечтала... Хотя ей наплевать, есть ли у профессора мифическая невеста или нет. Лизбэт поперет на таран, не колеблясь.

— Спасибо, — сказал мужчина. — Рановато говорить конкретно...

То есть как рановато? Назвался грибом — полезай в кузов.

— Альрик Герцевич, вы думаете, это стоящий выход из ситуации? — поинтересовалась я пообтекаемее, мол, от наличия таинственной невесты картина маслом не изменится.

— А разве нет? — спросил он надменно, и я прикусила язык.

Забылась. Передо мной не однокурсник и не сосед по общежитию. Передо мной преподаватель, профессор, ученый с двумя сотнями званий и вдобавок человек с богатым жизненным опытом.

Ладно, ему виднее. Коли наивный товарищ считает, что после огласки о несвободе поубавится желающих на его сердце и фамилию в свидетельстве о браке, то зря надеется.

— Попробуйте встать, — сказал мужчина, отпуская мою ногу.

Я осторожно наступила на пол. Чудеса, да и только. Словно не падала, расстелившись, и не ушибалась.

— Огромнейшее спасибо, Альрик Герцевич! Не знаю, что бы делала без вас, — от радости я чуть не бросилась к врачу обниматься, но удержалась. Во-первых, у него есть невеста, а, во-вторых, неприлично вешаться на шею преподавателя, к тому же, если он харизматичный и мужественный. Обойдусь словесной благодарностью.

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвался Стопятнадцатый, принеся с собой запах химических реактивов. В помещении стало еще теснее.

— Здравствуйте, Эва Карловна, — протянул он руку и пожал вложенную ладошку.

Декан не стал здороваться с Альриком. Очевидно, мужчины виделись ранее, иначе Генрих Генрихович вряд ли разрешил бы катать без спроса чужие кресла.

Стопятнадцатый заметил мою ногу без сапога и озаботился:

— Что произошло?

— Эва Карловна упала и заработала ушиб коленного сустава. Я навел ретушь, — объяснил профессор, поднимаясь из кресла.

— Сиди-сиди, — замахал рукой Стопятнадцатый. — Как экзамен, милочка? Договоренность по-прежнему в силе.

— Генрих Генрихович, а я сдала. На четверку. Выучила билет, и он мне попался.

Декан задумался, переваривая услышанное, и рассмеялся громким густым смехом.

— Ну, и чудесно, милочка. Гора с плеч вам и мне. Чудеса, чудеса...э-э-э... — замялся, придумывая рифму.

— На веревке колбаса, — закончила я, и Стопятнадцатый еще больше развеселился.

— В самую точку! — поднял вверх указательный палец. — Не мешало бы подкрепиться после трудов наших праведных, но обед подождет. Альрик, каково твое мнение об артефакте?

— Можно идти? — влезла я, застегнув сапог.

— Посидите немного. Пять минут, не дольше, — сказал профессор. — Для упорядочения процесса регенерации тканей.

Посижу, коли требуется для богатырского здоровья. Мне не трудно.

— Хорошо, — бухнулась я в кресло для посетителей с пакетом на коленях. Бедненький, несчастненький, — погладила полиэтиленовый бочок. Видишь, какая злая атмосфера в этом институте, и нам, невидящим, приходится в ней героически выживать.

Мужчины рассредоточились вокруг стола с черным глобусом.

— Как вы предполагали, Генрих Генрихович, стела и сфера — части единого целого. Удивительно, что рычаг, то есть стелу, обнаружили при раскопках мертвой цивилизации на юге, а собственно, шар подняли с морского дна на севере при геологоразведке шельфа. Можно лишь догадываться о причинах их разлучения. Однако взгляните: геометрия форм стелы идеально совпадает с углублением в верхней части сферы. Исходя из данного факта и опираясь на прочие незначительные признаки, я подтверждаю вашу догадку.

— Таким образом, можно утверждать, что перед нами артефакт, похожий на *divini oculi*^[48] или пророческое око, пропавшее с горизонта истории в девятом тысячелетии до нашей эры, незадолго до гибели Атлантиды. Артефакт, способный предсказать будущее.

— А также показать прошлое. Пророческое око рисует основные вехи человеческой судьбы. Ярчайшие моменты, сохраняющиеся в памяти вплоть до последнего мига брэнного

существования. Хотите попробовать? — предложил Альрик декану.

— Воздержусь, — покачал тот головой. — Хотя мной изучено достаточно материала по данному вопросу, происхождение и суть *divini oculi* окутаны тайнами, над которыми еще работать и работать, но, увы, не нам.

— Полноте, Генрих Генрихович, — поддел профессор. — Если опасность существует, я бы почувствовал.

Мужчины замолчали, а я тянула шею, чтобы разглядеть из-за спины Альрика непримечательный черный глобус, оказавшийся в действительности бесценным артефактом древности. В обычном кабинете обычного деканата почти обычного института на окраине города, благодаря невероятному стечению обстоятельств, очутилось мифическое око из затонувшей Атлантиды. Стояло скромно в уголке, не привлекая внимания, и два ученых товарища, запросто, будто у себя дома, засовывали руки по локоть в сферу, абсолютно не проникшись величием находки. А я, лентяйка, доучившись до третьего курса, слыхом не слыхивала об этом уникальном артефакте.

— И все-таки воздержусь, — не поддался Стопятнадцатый. — Неспроста рычаг и сфера оказались заброшенными в противоположные части света. Возможно, составляющие были сознательно разъединены.

— Вряд ли. Скорее всего, за око шла непрерывная борьба: войны, убийства, предательства, подкупы, измены. Немудрено, что из-за жажды обладания *divini oculi* растерзали на части. В любую эпоху — в наше время или девять тысяч лет назад — найдется немало желающих узнать свое будущее.

— Сущность человека не изменить, — пробормотал декан, — вне зависимости от того, ездит ли он на телеге с мулами или мчится в машине по скоростной автостраде.

— Единственно тот, кто запустит око, сумеет разглядеть в переплетении нитей картины своего прошлого и будущего. Разве вас не искушает? — повторил попытку Альрик, словно библейский змей.

— В хрониках упоминается, что артефактом можно воспользоваться единожды, — Стопятнадцатый утер платком пот со лба, и я поняла, что он взволнован. — И увиденного не избежать. Не хочу знать, когда и где умру.

Альрик коротко хохотнул, и смех получился жесткий.

— Полагаю, уход из жизни — не есть ярчайший момент в судьбе человека. По заверениям исследователей око должно показать те мгновения, что заставляют стучать сердце как колеса поезда, набирающего ход. То есть моменты бытия, ради которых стоит жить и бороться за существование.

— Хочешь сказать, *divini oculi* показывает карамельные картинки прошлого и будущего?

— Не обязательно.

— Смерть близких — тоже повод, чтобы состав разогнался?

— Мечь или скорбь могут дать толчок для новых устремлений, — ответил уклончиво профессор.

— Спорный вопрос. И всё же предпочту не знать о своей судьбе. А ты? Хочешь попробовать?

— Мне неинтересно, — заявил безмятежно Альрик. — Предпочитаю непредсказуемость и риск, нежели predetermined оком выбор. Еще вчера я ставил перед собой одни цели, а сегодня мои планы кардинально изменились. Разве не в этом прелесть незнания?

Ага, вчера хотел совершить материальный перенос крошечного камешка, а завтра опробует переместиться самостоятельно. И забегает по институту черномазый дубль крылатика, замурованного в лабораторном кубе Царицы.

Зря я так подумала, потому что профессор повернулся ко мне.

— Эва Карловна? Не желаете стать первопроходцем в опытном исследовании давно исчезнувшего пророческого ока?

Я?! Вообще-то мне пора в швабровку, на встречу с девчонками. В режиме субботнего дня и так появились незапланированные прорехи, которые нужно срочно штопать.

— Став невольной свидетельницей нашего разговора, вы получили общее представление о древнем артефакте. — Профессор указал на черный глобус с алыми прожилками. — Не волнуйтесь, не произойдет ничего страшного. Мы будем рядом и в любой момент прервем эксперимент.

Оставив пакет в кресле, я нерешительно приблизилась к столу.

— Можно потрогать?

Профессор взглянул на Стопятнадцатого, и тот согласно кивнул. Генрих Генрихович вообще предпочел помалкивать с того момента, как собрат по науке перехватил инициативу.

Мои руки легли на мяч, или, говоря научным языком, на сферу. Её пепельно-грязная поверхность оказалась комнатной температуры, шершавой на ощупь из-за мелких чешуек, похожих на потрескавшуюся от засухи землю. Трещинки были черными, отчего, если смотреть издали, создавалось впечатление, будто шар того же цвета. Сетка кровавых ниточек покрывала странный глобус. Словно ручейки, они текли по трещинкам к северному полюсу, разгораясь и притухая, и завораживая взгляд хаотическим переплетением.

— Как оно работает?

Альрик протянул знакомую прозрачную стелу, ранее занимавшую место на полке.

— Берете рычаг и вставляете в углубление. — Показал на многогранное отверстие в макушке сферы.

Я заглянула в дыру, показавшуюся бездонной. На миг почудилось, что тьма в сердцевине за клубилась, ожив, но обман зрения рассеялся, и вместе с ним пропала мистичность. А ведь профессор и Стопятнадцатый бесстрашно совали руки по локоть внутрь шара. Они залезли бы по пояс, но, к сожалению, отверстие оказалось маловато.

— А дальше?

— Надавливаете без агрессии. Когда рычаг упрется, нужно начать разгон юлы, плавно нажимая на рукоятку.

Под рукояткой профессор подразумевал подставку, к которой крепилась стела.

Я повертела так называемый рычаг, отметив отсутствие на гладкой поверхности загадочных знаков и прочих символов, могущих указать на принадлежность к вымершей цивилизации. Мои руки держали пятигранный кусок прозрачного материала, похожего на янтарь. Какой же это артефакт? Скорее, сырье для будущих брошек или бус.

Щелчок по одной из граней вызвал легкую вибрацию стелы.

— Резонирует, — пояснил Альрик. — От вас потребуется раскрутить око и отпустить рычаг. В дальнейшем из узоров на сфере начнут формироваться картины, и вам останется смотреть на них.

И увидеть свою судьбу. Что было, что будет — как в гадании на картах. Смешно.

На самом деле страшно. Прошлое пугало меня в равной степени, как и будущее. В памяти пронеслись постыдные моменты, о которых я изо всех сил старалась не вспоминать.

— Вы тоже увидите? — спросила, нервно сглотнув.

— Нет. Только вы. Раскручиваете и смотрите, — улыбнулся профессор.

— Откуда знаете, если не пробовали?

— Имею теоретическое представление и верю существующей информации на девяносто девять процентов.

Я нерешительно посмотрела на декана, но тот молчал, потирая нос. Отказаться или нет? Зачем оно мне, мое будущее или прошлое? Чтобы узнать, когда меня поймают на вранье с висоратством?

Мужчины правы, каждый по-своему, отказавшись опробовать око. Как говорят, меньше знаешь — крепче спишь. Не хочу заработать фобию из-за того, что увижу, ведь, по словам профессора, картинки будущего не изменить.

— Возможно, вы увидите мгновения прошлого, закрытые памятью по определенным причинам, — предположил Альрик.

Неубедительный довод. Мне достаточно имеющихся в записке скверных моментов, чтобы никогда не возвращаться воспоминаниями в детство и юность. Однако в прошлом, среди барахла неприятностей, осталась мама... Место, где мы жили... Сны с запахами и звуками...

Сердце забилося сильнее. Я могу увидеть маму: ее лицо, фигуру! Вспомню нежность её рук, услышу её голос.

— Это гипноз?

— Если принять за основу внушение, то его техника неизвестна, поскольку игнорирует возможности дефенсоров, — сказал профессор.

— Но ведь считается, что человек — творец своей судьбы. Не факт, что видения будущего произойдут в действительности. На свете полно случайностей, и я могу погибнуть под колесами машины, выйдя сегодня за ворота.

— Те вехи, которые вам откроются, — неприкосновенны, однако добираться до них вы можете различными путями. К примеру, завтрашний прием неизбежен, хотя вы имеете право провести по-разному время до его начала.

— Я не поеду в Дом правительства, и судьба изменит свой ход, — заявила упрямо, взглянув мельком на декана. Простите, Генрих Генрихович, за утаивание правды и фарс с отработкой прогула.

— Неужели рискнете? — поднял бровь Альрик.

Вздыхнув, я уставилась в окно. Конечно же, никуда не денусь и отправлюсь в светское общество с Петей, чтобы не сойти с ума из-за нарушения долгового обязательства.

Попробовать или нет? — погладила сферу. На одной чаше весов нагромодились лица и воспоминания: отец, житие у тетки, интернат, перебежки по ВУзам. На другой чаше остался скудный мамин образ.

Что ждет меня в будущем? Провал на приеме, обнародование грязной тайны невисоратки, скандал вокруг отца и моя гибель. Мэл, сделавший карьеру политика и связавший судьбу с породистой девицей из высшего общества.

К черту Мэла! Я увижу маму.

Очевидно, колебания отразились на моем лице, потому что профессор поспешил заверить:

— Эва Карловна, мы ни в коем случае не принуждаем запускать око, но знайте — второго случая вам не представится.

Отказаться или принять предложение, чтобы увидеть безрадостное прошлое и не менее оптимистичное будущее? Чтобы увидеть маму.

Они не настаивают, они предлагают. Не хочешь — дело твое, но потом не кусай локти, — предупредили прямым текстом. Пожалее ли я, выйдя из кабинета, что не согласилась?

Решившись, вставила стелу в дыру на полюсе глобуса. Та пошла туго.

— Самостоятельно, — добавил Альрик. На его виске билась жилка. — Здесь мы вам не помощники.

Пришлось давить на рукоятку, пока пятигранная стела не погрузилась, застряв наполовину.

— Хорошо, — сказал профессор, с трудом сдерживая возбуждение. — Сцепление произошло. Попробуйте раскрутить.

Приложив усилие, я надавила. Стела не сдвинулась.

— Еще раз! — воскликнул Альрик азартно. — Сильнее!

Я послушалась его совета, и рычаг утонул по рукоятку. Неторопливо разгоняясь, он упруго погружался и выпрыгивал из недр шара.

— Значительная инертность среды, — пробормотал декан.

— Не отпускайте руку, Эва Карловна! — напомнил профессор. — Удерживайте!

С каждым новым утапливанием рукоятка ходила все быстрее и легче, и вдруг шар провернулся вдоль оси. Медленно, а затем всё быстрее и быстрее, он стал раскручиваться, пока не завертелся, расплываясь алой сеткой вен.

Как заколдованная, уставилась я на растекающееся перед глазами красное зарево и погружалась, утопала в нем. Пропали из виду Альрик и Стопятнадцатый, пропал кабинет. Меня затягивало, засасывало, растворяло в разлившемся океане.

Бабочка на руке. Ничем не примечательная, коричневая, с незатейливым рисунком на крыльях. Открывает и складывает. Почему-то решила передохнуть именно так.

Пустой автобус и я на холодном кожаном сиденье у окна. Три ряда колючей проволоки, будка, шлакбаум. Рослый мужчина в пятнистой одежде удерживает ужасного пса, готового сорваться с привязи. Животное заходит в лае, с клыков капает слюна, а глаза налились краснотой. И гавкает собака на меня.

Несколько мальчишек избивают одного на задворках. Скорчившееся тело, голова втянута в плечи и закрыта руками. Мне страшно, потому что я такая же, как и он.

Я лежу на земле, потому что меня толкнули. Как обычно. Ко мне подходит мальчик старше меня года на четыре. Это Алик. Теперь я под его защитой.

Льет дождь. Длинные промокише шеренги на площадке. Я в первом ряду. Женщина под зонтом зачитывает. Банда несовершеннолетних злоумышленников вскрыла сейф директрисы и сбежала с награбленным. Мои щеки мокры: от воды, падающей с небес, или от слез — не имеет значения. Алик забыл обо мне.

Я пьяна. Невыносимо пьяна. И счастлива. Я танцую и отпиваю из горла бутылки коричневую терпкую жидкость. Это второй и последний раз, когда я напиваюсь до беспамьятства.

Машина стоит на бензоколонке. Отец везет меня на север. На противоположной обочине сидит дворняжка. Пока отец не видит, бросаю собаке пирожок с капустой и, как всегда, промахиваюсь. Он не долетает и падает на дорогу, по которой проносятся машины.

Оказывается, у собаки перебиты задние лапы. Она волочит ими, но не решается броситься за подачкой.

Мы стоим на перекрестке. Рядом с продуктовой лавкой разбитая инвалидная коляска, и в ней человек — просит милостыню. На него страшно и неприятно смотреть, но взгляд притягивается против воли. Проклятый, — шепчет однокурсница по колледжу. Нет, это небрежное обращение с заклинаниями, — спорит соседка из общаги.

Какая-то конура, тускло освещенная, в которой двое: я и еще кто-то, не разобрать. По приоткрытым в беззвучном стоне губам и тому, как выгибается мое тело, не остается сомнений, чем я занимаюсь. Мой спутник невидим, он за моей спиной.

Бесконечный коридор по обе стороны. Арки, арки — им нет конца, и множество свечей в темноте, уходящих лентами налево и направо. Бледная тень приближается навстречу, но я не могу разобрать, кто это.

Открытая коробочка на столе, а внутри большое румяное яблоко, обвязанное красным бантиком.

Утро. Потягиваюсь, лежа на кровати. У меня отличное настроение. На соседней подушке осталась вмятина. Вдыхаю запах, который вобрала наволочка, и укладываюсь на нее щекой, обнимая подушку и прижимая к себе.

Бревенчатый дом. Крыльцо. Грабли с красным черенком у грубо сколоченной двери. Пенное облако цветущих деревьев.

Чьи-то руки подбрасывают вверх черноволосого ребенка. Малыша. Не разобрать, мальчик это или девочка, но его кудряшки подлетают в такт взлетам, и ребенок смеется — весело, счастливо. Солнце, играющее в листве, бьет в глаза. Я щурюсь.

Кованая решетка тянется вдаль. За высокой оградой особняк с остроконечными шпилями и лужайка с сочной зеленью. Ворота медленно закрываются.

Я на высоком балконе. Не одна. Со мной стоит кто-то и обнимает за талию. А внизу бушует море до самого горизонта. Оно волнуется, и я поднимаю руку. Море взрывается шквалом. Кто рядом со мной? Вижу лишь смутный силуэт и знаю, что он тоже машет тем, кто внизу.

Открытая коробочка на столе, а внутри большое румяное яблоко, обвязанное бантиком.

Бабочка на руке. Обычная бабочка, коричневая с незатейливым рисунком на крыльях. Открывает и складывает. Почему-то решила передохнуть именно так. Маленькие ладошки сгоняют случайную гостью и накрывают руку, испещренную сеткой морщин.

— Эва Карловна! Эва Карловна!

Меня тормозили, призывая очнуться.

— Нашатыря ей! — донесся озабоченный бас.

Чьи-то руки усадили в кресло и сунули под нос дурно пахнущую ватку. Зрение прояснилось, и я разглядела склонившихся надо мной мужчин.

— Как себя чувствуете, милочка? Слышите меня? — спросил обеспокоенно Стопятнадцатый. — Покивайте, если не можете ответить.

Я покивала.

— Эва Карловна, вам лучше?

— Д-да... Вроде бы, — ответила хрипло и ощупала себя. Руки-ноги на месте. Я жива, нахожусь в кабинете, а не утянута в око, и рядом со мной вполне материальные знакомые

личности.

— Ну, как было? — не удержался от расспросов профессор.

Несколько мгновений я соображала, о чем он спросил.

— М-м-м... Красочно... реалистично, — запнулась, вспомнив о пьяных танцах и сцене в каморке.

— Каково соотношение картин прошлого и будущего?

И опять понадобилось время, чтобы вникнуть в суть любопытства Альрика. Ну, и вопросы! У меня мозги набекрень, а его интересуют подсчеты.

— Наверное, два к одному, — ответила я наобум, возведя глаза к потолку.

— Этого следовало ожидать. Будущее предсказать сложнее. Однако судить о достоверности пророчества можно по видениям прошлого. Они были правдивыми?

Длинная умная фраза совершенно не отложилась в голове.

— Что?

— Прошлое оказалось правдоподобным? — повторил профессор.

— Да, — кивнула я, вспомнив об избиении и об Алике.

— Хронологическая последовательность выдержана? — расспрашивал он увлеченно.

Откуда мне знать, выдержана или нет?

— Кажется, да, — наморщила я лоб, пытаясь вспомнить очередность картинок прошлого. — Не знаю.

— Альрик, позволь Эве Карловне прийти в себя, — остудил декан исследовательский пыл ученого. — После наших экспериментов ей нужно давать молоко за вредность.

Не став спорить, профессор отошел к столу и оперся, сложив руки на груди. Я же оглядывала кабинет словно впервые, отмечая стеллажи, набитые книгами, книжные штабели на полу, большое круглое окно, стол и общую тесноту помещения из-за двух крупных мужчин на нескольких квадратных метрах свободного пространства. Перескоки из реальности в воображаемый мир и обратно спутали мою пространственную систему координат.

Черный шар остановился, прекратив безумное верчение. Мне казалось, прошло несколько часов после его раскручивания, но на самом деле минуло не более пяти минут, что подтвердил гномик на запястье.

— Эва Карловна, милочка, я мог бы организовать для вас усиленное питание в столовой, — пробасил виновато Стопятнадцатый. — Но, к сожалению, в уставе института нет статьи, по которой возможно списание талонов, так как ваше участие в опыте было неформальным.

— Ничего страшного, — сказала я механически и снова взглянула на часы, осознав, что до встречи осталось пятьдесят минут. — Ой, мне пора!

Поднявшись из кресла, покачнулась, и мужчины бросились, чтобы поддержать: декан — с одной стороны, Альрик — с другой. Какие же они большие и высокие рядом со мной, шпингалеткой. Выше на голову, а то и на полторы.

— Может, присядете? — спросил Стопятнадцатый, показав на кресло. Я отрицательно помотала головой. Мне нельзя усаживаться, потому что предстоит уйма дел.

— Голова не кружится? Зрение не двоится? Хорошо меня слышите? — поинтересовался деловито профессор и обратился к Генриху Генриховичу: — Не мешает провести осмотр, чтобы исключить возможные осложнения.

Я сердито выдернула руку из поддерживающего захвата. Какие осложнения? У меня

поездка горит, а Альрик предлагает обследование, которое затянется до вечера.

— Не надо осмотр. Со мной все в порядке. Не кружится, не двоится, слышу отлично. И нос дышит.

Подумаешь, насмотрелась мультиков. Правда, до жути натуралистичных, отчего действительность стала казаться понарошечной. Воображение разыгралось не на шутку, представив, как книжки прыгают с полок и пляшут около меня в хороводе, за окном-иллюминатором проплывают косяки рыб, а за дверью кабинета ждет Алик с мордастой псиной в шипастом ошейнике. Не собираюсь откровенничать о разбушевавшихся фантазиях, а то, чего доброго, заботливые дяденьки упекут в медстационар и пропишут мильон уколов, или направят к психиатру.

Профессор передумал настаивать на анализах и простукиваниях.

— Эва Карловна, если вдруг почувствуете себя неважно... Словом, если почувствуете малейшее ухудшение здоровья, немедленно обращайтесь за помощью в любое время дня и ночи, — велел беспрекословным тоном. — Напишу вам номера телефонов, рабочий и домашний. И не забывайте пить капли. Увеличьте дозу до пятидесяти капель на прием, трижды в день. В составе натуральные компоненты, не вызывающие привыкания. Понятно?

Я кивнула как болванчик. Чего непонятного? Звонить сразу же, как съем недоваренные макароны или снова ушибу коленку, и потягивать настойку, присосавшись к пузырьку.

Альрик настроил цифры на чистом листке, но тут же скомкал.

— У вас есть телефон?

— Есть.

— Дайте, — профессор нетерпеливо пощелкал пальцами. Выхватил аппарат из моих нерасторопных пальцев и быстро набрал нужные номера. По-видимому, мужчина решил, что надежнее ввести цифры в телефон, нежели полагаться на бумагу и девичью память, которая не длиннее трех шагов от двери деканата.

— И мои номера введи, — потребовал Стопятнадцатый. — Эва Карловна, меня снедает беспокойство из-за вашего спонтанного участия в опробовании артефакта. Поверьте, милочка, если бы я мог предугадать последствия, ни в коем случае не позволил притронуться к оку.

— Всё нормально, — махнула я рукой. — Последствий не будет.

У меня же шкура как у мамонта и психика почти железная. На мою долю выпадали испытания похлеще сказочных слайдов. А с богатым воображением как-нибудь разберусь, не впервой.

— Пойдемте, я провожу, — сказал Альрик, вернув телефон.

Ну да, пусть проводит до раздевалки и поможет надеть куртку, и тогда даже мифическая невестушка не спасет меня от разъяренных поклонниц.

— Не стоит, я сама. Мне действительно лучше.

— Все-таки провожу, — гнул своё профессор. — Не то упадете на лестнице и заработаете травму гораздо тяжелее ушиба.

— Может, прислушаетесь, милочка? — прогудел декан. — Ваше самочувствие еще не стабилизировалось.

— Не упаду, — ответила я, раздражаясь. Мне нельзя падать. Мне нужно добежать до общежития, потому что утекают минуты до важной встречи, а беспокойные дядечки не дают выйти из кабинета.

— Хорошо, — согласился Альрик. — И не бойтесь звонить, если заподозрите, что вам

стало хуже.

— Спасибо. До свидания.

Подхватив пакет, я неуклюже выбралась из кабинета, забыв о вылеченной коленке.

Око так и не показало маму.

— Мда... — сказал Стопятнадцатый, прервав затянувшееся молчание, и сцепил пальцы в замок. — Поразительное легкомыслие. Спрашивается, чем я думал?

— Задаюсь тем же вопросом в отношении себя, — ответил профессор, расположившийся в кресле, которое недавно занимала учащаяся.

— Не понимаю, Альрик. Может, старею? За последнее время я совершил столько невежественных ошибок, что диву даюсь, анализируя. Подразумеваю небрежность в принятии решений, подвергших опасности жизни, за которые я несу ответственность. Признаю, что кодекс учительства нарушен мной неоднократно.

— Имеете в виду Папену?

— В частности, её. Мало того, что затащил студентку в лабораторию проректрисы, сегодня позволил нагрузить её знаниями, способными разрушить психику. Боюсь, учащаяся покинула кабинет в шоковом состоянии. Нелегко жить с грузом видений, зная, что когда-нибудь они воплотятся в действительности. А мы с тобой, опытные ученые люди, пошли на поводу... неизвестно у чего.

Альрик помолчал.

— Почему же неизвестно? Не сегодня-завтра за *divini oculi* приедут из Первого департамента.

— Едва подозрения оформились, я был обязан сообщить им, таковы правила, — пояснил Стопятнадцатый извиняющимся тоном, словно профессор упрекнул его в поспешном поступке. — Мне уже позвонили. Министерство оформляет в срочном порядке необходимые бумаги, и вечером око заберут.

— Не удивлюсь, если его увезут под усиленным конвоем. Боюсь, мы не узнаем о дальнейшей судьбе артефакта, и он канет в неизвестность как девять тысяч лет назад.

— Все хотят знать свое будущее. В том числе премьер-министры и их приближенные.

— И среди них найдутся те, кто попытается избежать пророчества. Значит, у вас тоже возникли сомнения в подлинности ока? Оно могло оказаться жалким муляжом того, настоящего.

— Подозрения появились после отправки отчета в департамент, — признал декан. — Я долго колебался, будучи не уверен в сделанных выводах. Обычно происхождение подозрительных артефактов проверяется опытным путем.

— Что и сделала Эва Карловна, не так ли? — резюмировал профессор, и Стопятнадцатый неохотно кивнул, признавая эгоистичную подоплеку эксперимента. — С другой стороны, было бы кощунством подержать в руках легендарное *divini oculi* и не опробовать. Считаю, Эве Карловне невероятно повезло, и, осознав это, она еще скажет нам спасибо. Девушка получила один шанс из миллиона, другого такого ей не представится. Жаль, пришлось провести опыт, сымпровизировав. В лабораторных условиях и с соответствующим оборудованием мы узнали бы гораздо больше.

— Альрик! — осадил собеседник. — Кощунством оказалась вываленная на неподготовленного человека информация о его прошлом и будущем. А ведь по свидетельствам современников, прежде чем воспользоваться оком, избранные проходили

специальную подготовку и несколько ступеней посвящения.

— Эва Карловна справится, не сомневаюсь, — заявил уверенно профессор. — Она как кошка умудряется падать на четыре лапы.

— Скорее, как котенок, — хмыкнул декан, вызвав на лице Альрика улыбку. — Сегодня с моей стороны имела место быть удивительнейшая безалаберность. Впрочем, как и с твоей.

— Согласен. Забылся. Виноват, — сказал профессор, поднимаясь с кресла.

— Посматривай за ней, — попросил Стопятнадцатый. — Моя совесть не выдержит, если по нашей милости Эва Карловна заработает тяжелейший психоз.

— Пригляжу. Что ж, око мы упустили, зато у нас остался подопытный проректрисы. Вы заметили, что он уменьшается в размерах?

— Ты не исправим. — Покачал головой декан. — Заметил. Обождем пару дней и заодно наберем статистику. После обработки измерений подумаем о дальнейших шагах. Нам спешить некуда.

Дева брела в растрепанных чувствах, пока ее не вынесло течением на открытое пространство с многочисленными отражениями в зеркалах. В голове творился кавардак, и мысли перемешивались, будто в стиральной машине.

Пресветлой девой оказалась я, спустившаяся в пустой холл, чтобы наконец-то одеться и покинуть злосчастный институт.

Руки машинально застегивали замки и пуговицы, надевали шапку и наматывали шарф в три слоя, а перед глазами безостановочно прокручивались картинки, показанные оком.

Почему в них не привиделась мама? Неужели воспоминания о ней — не ярчайший момент в моей жизни? Ведь исключительно ради мамы был запущен заржавевший артефакт, пролежавший на морском дне девять тысяч лет. Пусть бы и оставался там, заросший водорослями. Почему прошлое не показало её?

Зато оно щедро поделилось другими видениями прошлого: предательством Алика, сбежавшего в вольную жизнь без меня; мимолетно выхваченными кадрами — несчастного животного и изувеченного человека, — поразившими когда-то до глубины души; безумного счастья на первом курсе, вылившегося в пьянку, когда преподаватель общей теории висорики погиб, разбившись на машине. Не сомневаюсь, что за грешную радость мне забронировано место в аду, но покаяться, наверное, не смогу никогда, как никогда не решусь окунуться воспоминаниями в многообразие способов зарабатывания оценок.

Если следовать хронологии показанных эпизодов, следующим свершившимся фактом станет уединение с незнакомцем в замызганной конуре. Кто он и где это произойдет? — забарабанила я пальцами по стойке. Исходя из неравномерности временных интервалов между видениями прошлого, невозможно определить точно, когда свершится предсказанное оком событие. Через год? Два? Три?

В конце концов, нужно порадоваться, что пророчество показало не смерти близких и дорогих людей, а вполне приличные картинки: яблочко, подушку, кровать, ребенка. И того, кто станет его отцом.

Невероятно! Представляя свое будущее, я смотрела на него под совершенно другим углом. Думы о маме — тревожили, страх разоблачения — одолевал, мечты — будоражили, но тихая семейная жизнь никоим образом не вписывалась в далеко идущие планы. Какие могут быть дети, если я не знаю, с какого боку подойти к младенцу?

Предрекая судьбу, око не упомянуло о провале авантюры с получением аттестата о висорическом образовании. Означает ли это, что мне удастся дойти до цели?

Я возбужденно подскочила на месте.

Ну, конечно! Неспроста мне привиделся бревенчатый домик. Именно так он выглядел в далеком детстве. Раньше образы были незаконченными, незавершенными, на уровне интуитивного восприятия, но теперь они реализовались в конкретной картинке. Воспоминание, — словно кусочек паззла, выметенный из-за пыльного дивана, — как влитое встало на свое место. И пес, рвущийся из рук военного, которого извлекла из дальних кладовых память, окончательно убедил в том, откуда я родом. С западного побережья.

Да, я дойду до цели, и никакие препятствия не удержат меня! — воодушевившись, подхватила ущербный пакет под мышку и побежала к выходу. И буду счастлива: с ребенком и с тем, кто окажется со мной на балконе. Может, это Мэл? — замерла, ухватившись за

ручку двери.

Нет, он не тянет на человека, с которым стоит заводить общих детей и махать платочком с высоты. Долгосрочные отношения со столичным принцем возможны, если на экваторе наступит вечная зима. То есть никогда. Мелёшинская родословная — не чета моей, в которой появилось маленькое, но весомое уточнение: я — дочь каторжанки и, как ни странно, не испытываю ни капли стыда из-за скандальной подробности в биографии.

А если представить, что жаркое общение в зачуханной кондейке произойдет с Петей, а затем последует обмен кольцами? — промелькнула мысль и тут же выветрилась. Однозначно, у чемпиона нет шансов, каким бы примерным и положительным он ни был. Да и совесть не позволит мне, обманщице с преступными генами, разрушить блестящее Петино будущее, к которому парень усердно тянет шею.

Тогда кому выпадет великая честь уединиться со мной в следующем предсказании? Навскидку, среди перебранных на скорую руку мало-мальски знакомых парней, не обнаружилось ни одной подходящей кандидатуры.

Может, это Тёма? — вспомнила я и разволновалась. Точно, это Тёма! Мечта, а не парень, и без амбиций мирового масштаба. Симпатичный, галантный, обходительный, незаносчивый, поет здорово. И ему будет неважно, висоратка я или слепая. Наверное.

Ну, а если не Тёма, — вздохнула разочарованно, — то это тот, с кем моя дорога еще не пересеклась. Впрочем, это неважно. Лучшее — впереди!

Несмотря на недосказанность образов, я успела влюбиться в свое будущее, которое виделось долгим и разукрашенным радужными красками. Пусть око не показало маму, картинки пророчества косвенно указали на то, что мы обязательно увидимся.

Погода вторила приподнятому настроению. Сбежав по ступенькам с крыльца, я остановилась, вдыхая грудью свежий зимний воздух. Экзамен сдан, очередной рубеж преодолен — чем не повод для радости? Сегодняшний день завершится чередой сногшибательных покупок. С каждой минутой волнение росло, а сердце замирало в предвкушении праздника.

Глаза не сразу привыкли к снегу, блестящему на солнце. Утерев слезы, выступившие из-за яркой белизны, я заметила группу веселящихся парней у ворот — там, где заканчивалась аллея с ангелами. В шумной компании участвовал и Мэл, в знакомой темно-синей куртке и с непокрытой головой.

Он тоже увидел меня и, чуть помедлив, двинулся в сторону института. У крыльца было плохо слышно, но парни что-то кричали вслед Мэлу, наверное, отпускали комментарии насчет моей короткой юбки и кривых ног.

Что ему надо? Мало некрасивой сцены у раздевалки — хочет устроить новую. Еще не наговорился? Трепетя с кем не лень: со мной, с друзьями, с Эльзой. Пусть массирует язык на здоровье, а я не дам себя мучить. Мое будущее как конфетка, не позволю его испортить.

Не став дожидаться, пока Мэл соизволит неспешно добрести до крыльца, я свернула на дорожку к общаге.

— Эва, постой! — окликнули позади.

Сбежав по ступенькам, ко мне спешил Радик с сумкой через плечо.

— Привет! — обрадовалась я, избегая смотреть в сторону аллеи. — Ты откуда?

— Сдавал экзамен. Кое-как уговорил препода на дополнительные вопросы, а то светили пересдачи. Представляешь, как стыдно? Еле-еле натянул на троечку, — поведал расстроено

парнишка. — Мне казалось, я все выучил, а на самом деле получил щелчок по носу за зазнайство.

— Нужно любить себя при любых обстоятельствах, — заявила я с апломбом. — Но в меру. Не расстраивайся. Еще втянешься и успеешь стать круглым отличником.

— Спасибо, — поблагодарил Радик и обернулся к ангельскому строю. — Смотри, это тот парень... Это же твой парень, который был в общаге...

— Был да сплыл, — подхватила я юношу за локоть и потянула по дорожке к общежитию, но не утерпела и оглянулась на повороте. Мэл остановился, пройдя половину аллеи, и смотрел вслед.

— Не понимаю тебя, — сказал парнишка, когда угол института скрыл нас от несостоявшегося преследователя.

— Почему? — поинтересовалась я, обернувшись на всякий случай. Вдруг кто-нибудь догоняет?

— Зачем-то посадила зверя в клетку, а он распатал её. Разодрался в кровь, но рвется к нему.

— К кому? — изумилась я.

— К твоему парню, — пояснил Радик, шмыгнув. Заметил мое свирепое лицо и добавил: — К тому типу, что гулял по аллее.

Гулял, насвистывал, ага. Делать этому типу нечего, в особенности после сданного экзамена, когда все нормальные студенты расслабляются, сбрасывая остатки пережитого стресса.

Возьму и затолкаю своего зверя в самую глубокую темницу! В кандалы закую, на цепь посажу и замурую вдобавок, чтобы неповадно было. Докатилась — моя слабость передалась личному зоопарку.

— А его зверь на дыбы взвился, когда увидел нас вдвоем, — сказал парнишка. — Он бы меня точно убил, если б мы не ушли.

Ишь чего удумал. Убил бы он! Как бы не так. Я ему покажу, где раки зимуют, если вздумает обижать моих друзей.

— Может, вернемся? — спросил с надеждой Радик, вытирая варежкой шмыгающий нос. — Объясним всё, и вы помиритесь. Представляю, что ваше зверьё учудит.

— Мы не ссорились. И чтобы больше никаких зверюг в домашних условиях. Не хочу слышать о блохастых.

— Понял, — согласился покорно юноша и о фауне во внутренних не распространялся.

Попав в общагу, мы разошлись в разные стороны. Радик побежал за кастрюлькой, я — к себе, велев парнишке поторапливаться, потому что остался мизер времени до поездки.

В двух шагах от швабровки заиграл телефон. Если это Мэл, не стану играть в молчанку и выскажу всё, что накопилось. Чем мотать нервы, лучше бы занялся воспитанием своего некультурного и агрессивного зверья.

Звонила Аффа.

— Ты где? — прохрипело из трубки приглушенным голосом маньяка.

— В общаге. А ты где? Почему шепчешь?

— На экзамене, — зашелестело еле различимо. — Потом расскажу. Без меня — ни шагу!

Не успела я предупредить, что девушка ходит по лезвию, названивая под носом у преподавателя, как она отключилась.

В целях ускоренного насыщения мы с Радиком ели быстро, наполняя животы недоваренной лапшой и наспех сварганенными бутербродами.

— Куда спешишь? — спросил юноша с набитым ртом.

— По магазинам. Меня пригласили на одно мероприятие. Нужно соответствовать, иначе засмеют.

— Я не засмею, — сказал серьезно Радик, отложив ложку. — Ты и так красивая. Зачем навешивать мишуру и притворяться другой?

— Я не навешиваю, — объяснила терпеливо, захватывая из мешочка карамельки. — Сама бы ни за что не поехала, но человек, который спас мне жизнь, попросил о возврате долга.

— Понятно, — проникся парнишка силой обязательства и не стал настаивать на том, что красота — в застиранном свитере с катышками.

На подоконнике запиликал телефон, мелко вибрируя.

— Мчуся! — без долгих предисловий сообщила Аффа в трубку, оглушив мое ухо. — Одна нога здесь, другая — там!

Соседка действительно принеслась как ураган и, швырнув пальто на спинку кровати, рухнула рядом со мной.

— Неужели сегодня день бестолочей? — воскликнула она, схватив бутерброд. — Я уж испугалась, что вы забыли про меня. Неслась — думала, каблуки отвалятся.

— Будь осторожнее, а то сломаешь ногу или руку, — предостерегла я, вспомнив о собственном травматичном падении на лестнице.

— Это завтра я буду осторожничать, а сегодня у меня нет терпежа, — ответила Аффа, жуя. — Представляете, еще ни одного экзамена не заваливала, а сегодня ходила по ниточке. Ну, всё, думаю, прямая дорога мне на пересдачи, и трояк не натяну. Кое-как выдавила оценку. Господи, вот срам, — простонала она.

— И у меня такая же история, — поддакнул Радик. — Наверное, магнитные бури повлияли.

Не буду сыпать соль на раны двум троечникам вестью о том, что волнения на Солнце не помешали мне выбраться из патовой ситуации с экзаменом. Пусть остаются в солидарном неведении и обвиняют в своих бедах облака на небе и безветрие.

Аффа сгребла горку карамелек и, возвестив: "Объявляю пятиминутную готовность!", убежала на сборы.

— Удачи тебе, — пожелал парнишка. — Будем ужинать?

— Обязательно, — заявила я уверенно, и Радик заметно повеселел.

Приготовления проистекали в авральном режиме. Юбка спешно заменилась штанами, телефон, пачка стовисоровых купюр и удостоверение личности перекочевали во внутренний карман куртки, и я перепроверила на пять раз прочность замка-молнии. Мелочевка ссыпалась в наружный карман.

Вернулась Аффа с боевым макияжем — яркими вишневыми губами, четкими бровями, выразительными контурами глаз. Минуло едва ли пять минут, а она успела собраться как на парад. В ответ на немое удивление девушка пояснила:

— В люди выходим или куда? Я созвонилась с Вивой. Заказываем такси и в три часа

встречаемся у выхода. Расходы на поездку — поровну со всех. Логично?

— Логично, — согласилась я, хотя жадность не задавила бы меня заплатить за всех. — На каком помчим? На "десять и два сверху"?

— Не, — поморщилась Аффа. — Едем в цивилизацию, поэтому нужна приличная тачка. И приличная тачка для приличных девушек была заказана.

Личная стилистка выглядела так, словно собралась в прогулку на лыжах — в ботинках со шнуровкой и в спортивной куртке с брючками. Глядя на однообразное лицо Вивы, лишенное макияжа, я вдруг поняла, что выгляжу также пресно и бесцветно. Наверное, рядом с Аффой мы смотрелись как две тусклые тени рядом с горящим фонариком.

Вот ужас-то! Год за годом, глядясь в зеркало, постепенно привыкаешь к отражению и начинаешь казаться себе если не красавицей, то очень симпатичной девчонкой (в определенных ракурсах и при определенном освещении). Приятное заблуждение длится ровно до тех пор, пока однажды кто-то, заявив: "Хочу вжиться в твою шкуру", не начинает подражать со стопроцентным сходством, отчего оригиналу становится очень и очень не по себе. Я бы сказала, что становится крайне неудобно.

У меня тут же возникли подозрения в адекватности Мэла. Наверное, у парня страшная близорукость, коли он заявил, что хотел поцеловать меня на первой лекции у Лютика. Плохое зрение Мэла явно прогрессировало, дойдя до полной слепоты: сначала в институтской библиотеке между постаментами, потом в гостях у Севолода и затем в квартире с высокими потолками. Разве можно любоваться мной при свете и без минус пятнадцати диоптрий на обоих глазах?

— Зря каблук надела. — Девица посмотрела на сапожки Аффы. — Ноги отвалятся.

— Я привычная, — заверила соседка. — Мои ноги устраивали такие марафоны, что вам и не снилось.

— Ладно, — согласилась Вива. — Но не ной, когда натрешь мозоли.

— Не натру, — заявила жизнерадостно Аффа и предложила: — Пойдем, что ли, подождем у ворот, а то помру от нетерпения.

И я солидарно поддержала.

В глубине души мне хотелось, чтобы парни с аллеи разошлись по развлечениям, а Мэл остался одиноким рыцарем в компании крылатых и дожидался меня. Романтично и не по-Мэловски.

Недолго же его зверье задирало копыта, — подумалось зло, когда мы вышли на пустую аллею. Показушник фигов. Стоило нам с Радиком завернуть за угол, как столичный принц драпанул, чтобы расслабиться в клубе и помириться с зубастой подружкой-хамкой.

— Поторапливаемся, — подгоняла Аффа, спеша к калитке.

— Смотрите, — показала я на пустовавший постамент с краю ангельского ранжира. — Куда они исчезают?

— Кто исчезает? — обернулась соседка.

— Ангелы. То один пропадает, то другой.

— Никуда не исчезают, — пожалала девушка плечами, подойдя ко мне. — Стройные витязи как на подбор.

— Хочешь сказать, что не видишь обрезанные пятки? — я посмотрела для поддержки на Виву, но стилистка промолчала.

— Какие пятки? Окстись. Здесь не каменная расчленёнка, ангелов не распиливаем, — ответила Аффа, посмеиваясь. — Это у тебя что-то с глазами. Неужели не видишь?

Я ещё раз взглянула на постамент. Куда смотреть-то? Ничего не вижу кроме окаменелых щиколоток, хоть убей.

Потому что слепая! — обдало ледяным ознобом, и ноги против воли вросли в землю, а руки мелко задрожали.

Вот и спалилась. Просто и незамысловато, по мелочи, в двух шагах от институтских ворот. Я всегда прогорала на мелочах.

Девчонки видят то, что не дано увидеть мне. Ауг.

Уже неважно, что находилось на пустом постаменте вместо пропавшего бедолагин-ангела. Оно оказалось неподвластно моему зрению.

Нужно что-то промямлить. К примеру, про крайнюю изможденность организма или о беспросветной тупости богатенькой висоратки, которая видит волны через раз и с большого перепуга.

Поверят или бессмысленно оправдываться?

Поздно метаться. Девчонки успели прийти к правильным выводам — в их ряды прокралась слепая. Неспроста на лице Аффы появилась хитрая усмешка. Наверняка соседка догадалась о фальсификации с фальшивым висоратством и решила проверить, благо подвернулся случай.

Караул! Нонсенс! Обманщица среди избранных!

Может, предложить им денег за молчание? Мне не жалко, отдам всё, лишь бы дали доучиться.

Вряд ли. Такое не прощается, даже друзьям.

Пора оседать на снег. Или молча разворачиваться и бежать в общагу, чтобы паковать вещи и звонить отцу.

Родитель, подстраховываясь, сегодня же увезет меня из столицы, чтобы пресечь возможные сплетни, и я не попаду на прием. И сойду с ума. Говорят, психи воспринимают реальность иначе, и миры, в которых заточено их сознание, богаче и красочнее действительности. Что ж, это лучше, нежели смотреть в глаза людям, разочаровавшимся во мне, и видеть их презрение.

— Хватит, — сказала недовольно Вива. — Пошутила, и достаточно. Твои розыгрыши кого хочешь сделают дураком. Нету здесь ангела.

— Нету, нету, — подтвердила весело соседка. — А Эвка купилась, по лицу видно! Очевидно, мой пришибленный вид говорил красноречивее любых слов, потому что она добавила примирительно:

— Эвочка, я же пошутила.

Хорошая шуточка получилась. Для кого-то расслабуха после тяжелого экзамена и сброс лишнего пара. А меня отделяли считанные миллисекунды от необратимого шага. От вечного заточения в психушке.

— Тебе смешно, да? У меня чуть ум за разум не зашёл! — вскинулась я, выйдя из состояния ошарашенности.

— Не думала, что ты примешь близко к сердцу, — повинилась девушка. — Так, небольшой розыгрыш.

— Из-за невинного развлечения у меня теперь пожизненное заикание! — кипела я с видом оскорбленной добродетели, чувствуя колоссальное облегчение.

Конечно же, Аффа не виновата, и шутка оказалась бесхитростной. Беда в том, что я восприняла подколку не так, как полагается обычной висоратской девчонке.

Соседка подошла ко мне и приобняла.

— Эвка, не дуйся. Я, правда, не знала, что ты ранимый полевой цветочек.

— У меня тонкая страдающая душа, а ты чуть не свела её с ума, — пробурчала я, успокаиваясь. — Значит, вы тоже видите, что ангела нет?

— Видим, видим, — сказала Вива. — Такси подъехало. Пошли.

— А куда они исчезают, а потом появляются? — спросила я, когда наша компания выбралась на стоянку.

Сердце, испытывшее перегрузку страхом, заныло, замедляя биение, а сдернутая с руки варежка явила глазам закономерное следствие психической перегрузки — колечко Некты, проступившее темным рисунком волосинок-звеньев. Удружила соседка, ничего не скажешь, — поспешно натянула я варежку. Нужно срочно расслабиться и переключить внимание на другие дела.

— Разве ты не слышала об институтской легенде? — обернулась Аффа на ходу. — На этот раз честно-честно, без шуток.

— Поздно, доктор, больной не верит вашим заверениям, — проворчала я, и соседка рассмеялась.

— Говорят, в каменных оболочках заточены ангельские сущности, — сказала она замогильным голосом, пробираясь между машинами. — И Создатель периодически призывает их для отчета.

— Для какого отчета? — поддержала я спагетти, навешиваемое Аффой на уши.

— Ангелы отчитываются за грехи и проступки смертных, а потом возвращаются назад.

Вива уселась на переднее сиденье такси, а мы с Аффой устроились позади. Водитель вывернул на окраинную дорогу, и вскоре институтская ограда скрылась за поворотом.

— Куда едем? — спросила Аффа.

— На бульвар Амбули^[49], - пояснила девица. — Для начала прошвырнемся там.

— О! — воскликнула соседка, откинувшись на спинку сиденья. Видимо, это был всем бульварам бульвар, коли Аффа мечтательно закатила глаза. Рай для шопоголика с деньгами.

— Если ангелов призывает Создатель, то почему остаются их ноги? — ни с того ни с сего спросила Вива. — Зачем путешествовать калеками?

— Сущность рвется в небо, а тяжелая оболочка прикована к земле. Кому-то удается без потерь попасть наверх, а кто-то жертвует конечностями, — пояснила соседка.

Я хмыкнула, посматривая в окно. Чем хороша любая легенда? Своей правдоподобностью. А эта — притянута за уши от начала и до конца. Все-таки Аффа наврала с три короба, ни разу не покраснев.

— Ты не обижаешься? — спросила девушка через некоторое время. — Если хочешь, как-нибудь разыграй меня.

— Не обижаюсь и разыграю будь здоров, — пообещала я. Придумать бы еще суперрозыгрыш, который сокрушит Афффу.

— Начинаю бояться, — рассмеялась она.

В приближении к центру небо затянуло серыми тучами, сыпавшими нечастые горсти мелкой снежной муки, и дорога с тротуарами потемнели, став мокрыми.

— До сих пор не могу привыкнуть к зиме в центре, — сказала соседка. — Чудно делать вид, будто снега не существует в природе.

— Позволю заметить, — отозвался приятным баритоном водитель, — что снег начали растаивать лет шесть или семь назад, а до той поры мучились со снежными заносами, гололедом и сосульками. Бывало, снегоуборочная техника не справлялась, и в пробках стояли полдня и дольше. Теперь же мы привыкли к комфорту, да и аварийность на дорогах снизилась. К сожалению, в окраинных районах тяжело внедряется растаивание снега. Ведь за чистоту тротуара или дороги назначаются ответственные — дорожные службы, жильцы или организации, арендующие близлежащие здания. А какой прок со слепых, если они не видят волн? Как ни штрафуй, а сугробов не убавится, разве что лопатой откинут подальше с обочины.

Действительно, с нас, невидящих, толку как с козла молока, — скривилась я цинично. Каким образом Олег растаивал бы снег около своей мастерской? Заклинаний он не знает, символичные секстиграммы, повышающие температуру воздуха, не сможет нарисовать, да и нет у него сумасшедших денег, чтобы заказать покрытие асфальта тонким теплоизлучающим слоем, которого хватит на один сезон, а потом придется наносить заново.

Миновав широченный проспект, машина свернула налево и притормозила у тротуара. Расплатившись с водителем — я ссыпала горсть мелочевки, Аффа вложила две пятивисоровые монеты, а Вива сунула бумажную банкноту — мы выбрались из такси, и у меня захватило дух от великолепия, представшего глазам.

Перед нами располагалась обширная пешеходная зона, уходящая вдаль, а по обеим её сторонам двигались в разных направлениях потоки машин. За проезжей частью теснились здания невероятных конструкций и дизайна, и архитектурное разнообразие сияло и переливалось огнями витрин и рекламных плакатов.

Народу вокруг было как муравьев, и на мгновение я дезориентировалась в пространстве, оглушенная звуками шумного города.

— Пошли, — сказала Вива. — Не отставайте.

Поначалу пришлось идти по пешеходной зоне, и, конечно же, я пялилась по сторонам, зачарованная блеском огней. Наверное, жители столицы видели во мне дикаря, которого

привезли из глухомани и поставили в центре цивилизованного общества.

Вдоль бульвара тянулись два ряда деревьев с кронами, подстриженными ровными шарами. Их ветви увивали гирлянды, как и в квартале невидящих, но светились они ярче и мигали однотонными или разноцветными огоньками. Среди вереницы деревьев навскидку не обнаруживалось двух схожих. Гирлянды расходилась параллелями и меридианами, оплетали ветви ершистыми снежинками, обматывались сложными геометрическими узорами и прочими хаотическими и упорядоченными загогулинами.

Аффа замедлила шаг и, поравнявшись со мной, пошла рядом, лавируя между прохожими.

— Красотища! — воскликнула она. — Сейчас сумерки, а когда совсем стемнеет, будет еще зрелищнее. Лампочки заряжаются от солнечного света.

Между деревьями встречались лавочки, занятые горожанами.

— Холодрыга, а они попы отмораживают, — кивнула я на ближайшую скамейку, на которой сидела парочка старичков. — Сидят, стучат вставными челюстями. Мазохисты.

— Там оборудованы теплые зоны, которые создают до плюс пяти градусов, — пояснила Аффа. — Хочешь погорячей — плати и выставяй нужную температуру, — показала пальцем на полосатый столбик около ближайшей лавочки.

— А если захочу попрыгать в бикини?

— Можно и в бикини, но этим никого не удивишь. Гораздо круче скакать по лавке вообще без одежды. Поднажмем, а то потеряем Виву.

Действительно, мы успели отстать, любуясь горожанами, примерзающими к скамейкам. Пришлось перейти на быстрый шаг, чтобы не потерять из виду фиолетовый капюшон стилистки, обходя по пути ярко освещенные павильончики: цветочные, продуктовые, сувенирные.

Вива свернула к дороге, и мы, поспешив следом, вышли на противоположную сторону по подземному переходу. Моему взору открылась вереница фешенебельных магазинов — один другого краше и призывнее. Теперь прогулочная зона находилась напротив.

— Поехали, — сказала кратко девица. Толкнула ближайшую дверь, звякнувшую колокольчиками, и элит-салон "Элегия" распахнул перед нами свои объятия.

Вот до чего я докатилась: залезла в обособленную зону избранного общества.

Вообще-то элегантность должна быть ненавязчивой.

Меня же она раздражала, как раздражала девушка в форменном платье с табличкой на груди: "Консультант Елена", не отстававшая от нас с того момента, как мы открыли дверь. Раздражала вышколенная навязчивость консультантки, раздражал интерьер помещения, напоминавший идеальное жилище Севолода.

Идеальность начала нервировать.

К слову сказать, в салоне не обнаружилось манекенов и платьев, висящих ровными рядами на плечиках. Вместо этого были ниши, к одной из которых и провела нас Елена, щебетавшая веселой пташкой. Конечно, кого бы ей развлекать, если мы оказались единственными посетителями? Очевидно, девушка соскучилась по живым людям и закрыла глаза на наш затрапезный вид, не подходивший для элитного салона.

Поскольку Елена не смогла определить, кому из посетительниц предстояло потратиться, она решила обрабатывать одновременно нас троих.

— Прощу, проходите. Вам помочь с настройками?

— Не надо, мы сами, — отрезала Вива.

— Могу показать, как нужно...

— Не надо показывать, — осадил стилистка, раздражаясь. — Я знаю, что к чему.

— Не желаете ли присесть, отдохнуть, попробовать напитки? — предложила работница салона, обращаясь к Аффе. — Чай, кофе, соки на выбор.

Вот ведь прилипчивая особа. Кружится как муха над медом. Конечно, кем же ей быть, если медом станут денежки, отданные за покупку.

— Нет. Пока нет, — отказалась соседка, подталкивая меня к одной из ниш. — Какой кофе, развалившись на диване? Нужно делать выбор века, а полежать мы и дома успеем, — пробурчала она, в то время как Вива задернула за нами шторы.

— Уф, — выдохнула Аффа. — Ненавижу навязчивость.

— Ей нельзя по-другому, — оправдала стилистка поведение Елены и велела мне: — Снимай куртку и вставай в круг.

Только сейчас я заметила темный блин на полу, на который поначалу не обратила внимания. Куртка перекочевала на изящный крючок, и девчонки последовали моему примеру, чтобы не упариться в тепле салона.

Пока они раздевались, я незаметно оглядела руку с "колечком" Некты и вздохнула с облегчением. Благодаря насущным заботам о праздничном гардеробе, цепочка волосинок практически стерлась, уйдя под кожу. Все-таки нужно воспитывать в себе устойчивость к стрессам, не то когда-нибудь руку раздует так же, как после встречи с Касторским, а поблизости не окажется профессора с чудодейственной мазью.

Едва ноги наступили на указанное Вивой место, как стена ожила, и на темном фоне появилась изометрическая проекция куклы с лысой головой и растянутыми в разные стороны конечностями. Зеленые продольные и поперечные полосы ужимались и растягивались, изменяя конституцию нарисованной фигуры, а сбоку экрана бежали в столбик числа с тремя знаками после запятой. Вскоре процесс остановился, цифры замерли, а зеленый изометрический костюм из полос, облепивший нарисованную куклу, стал статичным.

— Это что? — спросила я у Аффы.

— Это ты, — ответила вместо нее стилистка. — Твои размеры сосканировались, проанализировались и вывелись на экран.

Не может быть! Это не я: лысая, с широкими бедрами и короткими ногами. Куда бы убежать со стыда и спрятаться, чтобы не нашли?

Оказывается, достаточно нескольких секунд, чтобы узнать о себе правду и разбить приятное заблуждение насчет собственной фигуры. Чтобы заработать жестокое разочарование, не нужно раздеваться и вертеться каждый день по часу перед зеркалом, выворачивая до хруста шею. Стоит лишь подъехать к "Элегии", зайти в одну из пустующих ниш, закрыться шторкой, заткнуть щели поплотнее, и встать на темный круг.

Однако Вива не всплескивала руками и не восклицала: "Фу, ну и фигура! Не смогу подобрать ничего подходящего". Она смотрела на лысую изометрию и кусала задумчиво губы.

— А что это за цифры? — переключила я внимание на столбик чисел справа.

— Это обхваты шеи, груди, талии, бедер. Твой рост, вес, длина ног, спины, индекс талии и бедер и прочие пропорции. Они не так важны.

Как это не важны? Согласно цифрам, разница между обхватами груди, талии и бедер

оказалась несущественной, и уж совершенно точно мои всевозможные обхваты тела удалились в несусветную даль от принятого стандарта моды.

— Что имеем? — размышляла вслух стилистка. — Пропорции туловища и конечностей приемлемы, длина шеи нормальная, плечи немного повернуты вперед, ключицы выпирают. Грудные железы развиты средне, расположены нормально, полушаровидные, — при этих словах Аффа подмигнула и показала большой палец, а мои и без того горящие щеки запылали, словно их натерли жгучим перцем.

Вива продолжила монотонный разбор ужасной фигуры:

— Живот плоский, лопатки не торчат, спина нормальная с легкой сутулостью...

Я опустила глаза, застеснявшись. Что поделать, коли не спортсменка-гимнастка?

— ... Ягодицы выступающие...

Эге-гей, нас есть за что потискать!

— ... Руки нормальные, слегка полноватые в предплечьях, форма ног — нормальная, с незначительной локализацией жира на внешней стороне бедер.

А мне не стыдно, а мне не стыдно! — вперила я глаза в потолок. Жаль, не умею свистеть пофигистически.

— Итого имеем фигуру типа А или треугольник или груша, — заключила девица.

— Это плохо?

— Это нормально.

И как прикажете жить, зная, что у меня фигура типа А? Ночей не спать и думать, как превратить ее в фигуру типа Б?

Очевидно, я задала вопрос вслух, потому что Вива ответила:

— Как все живут. С типом А ходит четвертая часть женского населения.

Она нажала кнопку на панели возле стены-экрана, и напротив некоторых чисел появились зеленые галочки.

— Это для чего? — спросила Аффа, мотаясь по нише, не в силах устоять на месте.

— Это наши проблемные места, которые мы не будем афишировать.

Не так уж много, так что есть повод для оптимизма. Каких-то пять галочек, которые скроют мои выступающие ягодицы и локализацию жира на бедрах.

— А сейчас будем примерять, — объявила Вива о десерте, и соседка захлопала в ладоши.

— Наконец-то! Я уже измучилась.

Но моя личная стилистка не торопилась отдергивать штору и звать на помощь резвую консультантку. Она нажала на кнопку с панели, и на лысой рисованной кукле возникло бордовое платье прямого кроя до колен и с глухим воротником. Нажатие по другой кнопке — и изометрическая проекция начала медленно поворачиваться вокруг своей оси.

— Обтягивающий верх не носить, расклешенный низ не надевать, заниженную линию талии пропускать, — объяснила Вива. — Ну, как вам эта модель?

— А разве примерки не будет? — спросила разочарованно Аффа.

— Чем не примерка? Не нужно потеть, разоблачаться и переодеваться до бесконечности. Можем сесть на диван и листать каталоги, пока не выберем то, что понравится.

— Ну, не знаю... — растерялась соседка. Без примерок прелесть покупок для нее померкла. — Как тебе? — спросила она у меня.

— Не знаю, — пожалала я плечами. — А еще что-нибудь есть?

— Есть. Эксклюзивные модели в единичном экземпляре. Под наш запрос нашлось... — девица ткнула в предпоследнюю цифру в столбике, — ... двести сорок семь моделей.

— Ого! — оживилась Аффа. — Давай полистаем.

Бордовое платье сменилось изумрудным, зауженным к низу, с рукавами-фонариками и воротником — стойкой.

— Вроде бы неплохо смотрится, — сказала неуверенно соседка. — Но все равно надо примерить. Одно дело — разглядывать на манекене, и другое дело, когда Эвка продефилирует в платье. Если нижняя часть узка, то она не сможет толком ходить и будет чувствовать себя дискомфортно. Давай дальше.

Вива начала листать. На лысой кукле-двойнике появлялись и прокручивались платья всевозможных фасонов и расцветок, с рукавами различной длины и формы, вырезами и воротниками, с поясами и без четко выраженной талии, прямого покроя и сложного.

Все платья без исключения казались мне невероятно красивыми, как и названия тканей, из которых они были пошиты: атлас, тафта, парча, кашемир, шелк, кружева, органза, шифон. Об этом сообщала Вива, кратко комментируя особенности каждой модели. В таких платьях ходят королевы, не иначе, и я выбрала бы любое, ткнув наугад, не задумываясь. Зато Аффа увлеклась процессом, заграбастав право на листание моделей и смирившись с заменой банальной примерки эстетичным суррогатом.

Мой взгляд упал на нижнее число, меняющееся в зеленом столбике. 15300, 16200, 18900... Что за цифры? На мои габариты не похоже, если только с сегодняшнего дня не приняты новые единицы измерения.

— Что это такое? — ткнула я на экран.

— Цена, — ответила Вива, в то время как соседка продолжала листать.

— Цена чего? — переспросила я непонимающе. Истина еще не озвучилась, но успела повиснуть в воздухе предчувствием беды.

— Платья, конечно же, — пожала плечами стилистка.

Ага, цена платья. Пятнадцать тысяч за малиновую тряпочку с рукавами фонариком?! Или за песочную разлетаюку непонятного фасона? Пардон, за разлетаюку придется выложить восемнадцать. Восемнадцать тысяч?!

Когда у меня в кармане на все про все чуть меньше девяти тысяч полноценных висоров. Упасть и не встать.

— Стоп, — сказала я, и Аффин палец замер над кнопкой. Лысая кукла на стене облачилась в платье-футляр цвета зеленого яблока с шалевым воротником.

— Это? — спросила девушка с некоторым разочарованием.

— Не это и никакое другое. У меня нет денег.

— То есть? — не поняла Аффа.

— Глянь, платье стоит двенадцать пятьсот, а у меня с собой девять тысяч и ни висором меньше.

— Всего девять тысяч? — изумилась Вива и озадаченно потерла лоб. В кои-то веки мне удалось поразить её количеством денег, оттягивающих мой карман.

Конечно, можно рассмотреть следующий вариант: срочно сорваться в банк, извлечь из ячейки полтинник шукарей и, вернувшись на бульвар, купить с фурором любую из ослепительных моделей, эффектно облегающих экранную псевдофигуру и умело скрывающих недостатки под галочками. Но если подсчитать сумму общих затрат... Придется раскошелиться не только на платье, но и на обувь, сумочку... на что еще? На линзы, на клипсы с фильтрацией звуков... Да мне и ста тысяч не хватит! Вот попала, так попала.

Черт, ключ от банковской ячейки остался в общежитии! Придется возвращаться в швабровку и опять нестись в город, используя зубодробильный тариф "десять и два сверху". И прокатаюсь на такси до глубокой ночи.

— Это мое упущение, — признала стилистка. — Надо было договариваться на берегу.

— Аффа сказала, что пяти тысяч хватит за глаза, а с запасом получилось девять, — оправдалась я, сдав виновницу жестокого казуса.

— Значит, Аффа, сказала? — Вива переключила внимание на нашу компаньонку. — А откуда Аффа разбирается, что и почему в мире светской моды?

Соседка стушевавшись:

— Не знаю я. Наобум предположила, что на платье уйдет шукарь, на туфли — шукарь, а остаток разойдется по мелочи.

— Шукарь на платье?! — вспыхнула Вива и, вспомнив о консультантке за шторой, понизила голос: — За шукарь ты на распродаже купишь потасканную шмотку с исчерпанными улучшениями. Ну, вообще! — простонала она тихо. — Вот вляпались! Значит, только девять тысяч?

— Надо у отца просить, но он вряд ли даст быстро, — ответила я, прикидывая в уме, как организовать ускоренную поездку до банка, не вовлекая девчонок.

В конце концов, даже если удастся смотаться туда и обратно, прежде чем закроются магазины, у меня не останется сил швыряться с легкостью деньгами, заработанными непосильным трудом, и тем более запросто оторвать от сердца сто тысяч в никуда, чтобы покрасоваться единожды на ненавистном приеме. Я же заболела от стресса!

— Девять шукарей, — сказала задумчиво девица. — Как всегда мы недопоняли друг друга.

Едва Вива отодвинула штору, как сразу же подбежала услужливая консультантка.

— Выбрали? Принести модель? Будете примерять? Хотите что-нибудь выпить?

— Дайте бумагу и перо, — потребовала стилистка, и запрошенное предоставили с

любезной улыбкой.

Вива уселась на небольшой софе, а мы с Аффой опустились на диванчик напротив, напрягши спины и замерев в ожидании. Работница салона стояла навтыжку, пока стилистка писала и зачеркивала.

— Пойдем, — сказала наша главнокомандующая и, сунув листочек в карман, направилась к выходу, а мы подскочили следом.

Консультантка забеспокоилась. Пусть посетительницы имели вид далеко не фешенебельный и не сочетающийся с убранством салона, но коли уж зашли в "Элегию", то знали, на что подписывались. Нельзя отпускать клиента без покупки! Лучше его убить, чтобы не ушел к конкурентам! — видимо, таков был местный лозунг.

— Если вам не понравился уровень обслуживания, сделайте запись в книге жалоб, и мы немедленно устраним причину, — сказала требовательно Елена, перегородив дорогу. — Первая покупка в нашем салоне дает пятипроцентную скидку до конца года, плюс дополнительно по полпроцента за каждый последующий год.

Ага, держи карман шире. Можно подумать, узнав о заманчивой системе скидок, призванной обирать клиентов до нитки, мы возрадуемся и ринемся скупать весь ассортимент салона, затапывая настырных консультанток.

— Нам все понравилось, — улыбнулась зловеще моя стилистка, — кроме последней модели. Позавчера на соседней улице выкатили в торговый зал две стойки всех типоразмеров вашего уникального товара.

— Не может быть! Мы подадим иск в суд! Это жалкие подделки! — воскликнула Елена, бледнея.

— Кому как, — ответила многозначительно Вива. — А нам нужен настоящий эксклюзив.

И мы, гордые и оскорбленные, обогнув растерявшуюся работницу салона, вывалились в провонявший выхлопными газами морозный воздух.

Покуда наша компания занималась анализом моих внешних данных, на город опустился зимний вечер, залив небо чернильной чернотой. Пролетали редкие снежинки, которые таяли, не успевая упасть на асфальт. Бульвар раскрасился разноцветьем огней, превратившись в сияющий калейдоскоп без конца и края.

— И что теперь делать? — Аффа кинула взор налево и направо. По обе стороны призывно горели вывески, заманивающие простачков в логова потрошителей наличности, — Пройдем подальше, найдем подешевле?

— Подешевле только в районе слепых, — отрезала Вива, и я вздрогнула, услышав очередное упоминание о невидящих. Никогда не привыкну к иронии и снисходительности в устах висоратов. Тем не менее, стилистка озвучила мудрую идею, к которой стоило прислушаться. Может, купить незамысловатый костюмчик в квартале около института, и достаточно? К чему суматоха, беготня, трата лишних денег?

— Лови тачку, — велела девица Аффе.

— Зачем? — расстроилась соседка. — Поедем домой?

— Поедем в переулок Первых Аистов.

— Ку-уда? — удивилась Аффа.

— Итак впустую потеряли время, — сказала недовольная Вива, подталкивая её к краю тротуара.

Оказывается, соседка умела останавливать машины, да так лихо, что у меня рот открылся от удивления. Сунув два пальца в рот, она свистнула залихватски и замахала рукой, и ближайший автомобиль, снизив ход, притормозил. Стекло опустилось

— Подвезете? — спросила кокетливо Аффа, наклонившись к водителю. — До переулка Первых Аистов. Садитесь! — замахала нам, когда дверца распахнулась.

На этот раз Вива и я уселись позади, а соседка, устроившись на переднем сиденье, флиртовала с водителем, молодым мужчиной приятной наружности, и пока автомобиль петлял по улицам, парочка весело шутила и смеялась. В итоге, когда мы очутились в нужном переулке, выяснилось, что водителя зовут Сергеем, и что нас подвезли бесплатно, взамен выпросив номер телефона Аффы.

— Видишь, как надо? — сказала она самодовольно, когда машина отъехала. — Красота творит чудеса.

— Твои двусмысленные фразы творят чудеса, — проворчала Вива. — Помогли бы они приобрести бесплатно шмотку, я бы сказала спасибо.

Переулок Первых Аистов, о котором говорила девица, выглядел попроще, поуже, и здания были пониже. Лишенный помпезности, присущей центральным улицам, он, тем не менее, дышал уютом, несмотря на переполненность разношерстной публикой. Сегодня же вечер субботы, — вспомнила я. Поэтому народ отдыхает и развлекается, как может.

— А почему мы приехали сюда? — спросила Аффа, спеша за стилисткой, обгонявшей пешеходов.

— Потому что тут водятся настоящие бриллианты. Когда-нибудь те, кто обитает в переулке Первых Аистов, переберутся на бульвар Амбули. И уникальных экземпляров здесь — пруд пруди, не хуже чем в элитных салонах. Но учтите, никто не будет сканировать достоинства и недостатки, поэтому придется мерить, мерить и еще раз мерить.

— То, что надо! — воскликнула воодушевленно соседка, будто ей предстояло перебирать многочисленные плечики с моделями и делать бесконечные примерки.

Миновав несколько магазинчиков с освещенными витринами, Вива толкнула небольшую стеклянную дверь, и мы оказались в "Ателье готового платья от Лили", как значилось на табличке при входе.

— Лили, привет! — крикнула стилистка в глубину помещения.

Навстречу вышла тоненькая веснушчатая девушка с копной рыжих волос. Как морковка, — пришло в голову сравнение при взгляде на узкое лицо хозяйки.

— Я знаю её, — зашептала Аффа на ухо. — Она училась в нашем институте, на внутреннем. Выпустилась, когда я окончила первый курс.

— Лили очень талантлива, — представила Вива владелицу магазинчика, и та покраснела в тон своим волосам. — Попасть за год в переулок Первых Аистов — большое достижение. Здесь, кстати, обитает много наших, но у Лили достаточно необычное восприятие, которое воплощается в авторских моделях.

— Ты меня перехвалишь, — рассмеялась рыженькая низким грудным смехом, не сочетающимся с внешней хрупкостью. — Что ищете?

— Нам нужен настоящий эксклюзив. Взрыв впечатлений! Она, — Вива ткнула в меня пальцем, — идет на "Лица года", поэтому должно быть нечто такое... Словом, чтобы притягивало взгляд и не отпускало.

— Ой-ой-ой! — заегозила на месте соседка. — Мне это нравится!

Лили окинула меня быстрым взглядом:

— Фигура стандартная, хотя рост невелик.

Хвала воспитанности, мою фигуру оценили деликатно, не став измерять обхват и ширину тазобедренных и прочих суставов.

Хозяйка подвела к стойке с моделями.

— Выбирайте, пробуйте. Это единичные экземпляры, многие с улучшениями.

— О-о, — застонала Аффа, и ее глаза осветились нехорошим маньячным блеском. — Попала ты, Эвочка!

— Вива, а мы уложимся? — осторожно намекнула я на ограниченность денежных средств.

— Однозначно, — похлопала она по карману, в который засунула листочек с расчетами.

И процесс пошел.

Моделей было полно, модели имелись на любой вкус, выбирай — не хочу. Проблема состояла в том, чтобы определить, где кончался стиль и начиналась вульгарность. Платья, которые смотрелись бы сногшибательно на развлекательном мероприятии, выглядели недостаточно светскими для официального приема, и, наоборот, элегантные модели казались чересчур строгими и консервативными или "зажатыми", как выразилась стилистка.

Поэтому Вива с Аффой схлестнулись, споря до хрипоты.

— Взгляни, — подхватила девица подол платья. — Это сенсация! Настоящая кожа.

Сенсационное платье на поверку оказалось не платьем, а куцыми обрезками на плечиках. Возможно, первоначально планировалась приличная модель, но вырезанные филигранные узоры превратили её в переплетение полосочек, похожих на рыбацкую сеть.

— Это же стиль ню! — воскликнула Аффа. — Может, ей сразу пройтись голышом по дорожке, чтобы не мучиться?

— Какой ню? — постучала Вива по голове. — Смотри! — Сунула руку под платье, и ладонь пропала. — Обман зрения. Иллюзия. Она обнажена и в то же время не обнажена. Каково?

— А если иллюзия развеется, когда её будут фотать с премьер-министром?

— Здесь гарантия. — Девица показала на болтающуюся этикетку. — Сто часов носки.

— Всего сто? — переспросила разочарованно соседка.

— А что ты хотела за штукарь? — зашипела Вива. — Учти, у меня лимит в полторы тысячи и ни висором больше. Когда гарантия кончится, она может щеголять в этой комбинации перед своим парнем.

Не верьте тому, кто скажет, что поход по магазинам — это отдых, расслабление и успокоение нервной системы. Какие только платья я не перемерила — до пола, до щиколоток, до колен и выше; с длинными монашескими рукавами и вообще без них; в классическом стиле и с национальными узорами малых народностей; с меховыми вставками и плетеными украшениями; однотонных расцветок и невообразимого смещения цветов.

Праздничное настроение давно испарилось, и я приготовилась смиренно купить любую модель, на которой сойдутся мнения моих спутниц, но проблема состояла в том, что их мнения не совпадали ни по одному вопросу. Куча перемеренных вещей росла, Лили терпеливо выуживала на свет божий новые образцы, а меня посетила мысль, что нужно поискать в другом магазинчике.

И тут взгляд случайно упал на оконную витрину. Там стоял женский манекен в платье, периодически обдуваемом вентилятором. Почему оно не попало мне на глаза ни с улицы,

ни во время бесконечных примерок?

Я подошла к окну. Вблизи платье оказалось насыщенного голубого цвета — той отчаянной небесной синевы, которая бывает ранней весной, когда также отчаянно хочется новизны в жизни, в эмоциях, в окружающих, когда надежды переполняют, выплескиваясь через край, а сердце замирает в предвкушении прекрасного, светлого и волнующего. У меня даже сердце забило сильнее.

Треугольный вырез был оформлен темно-синим воротником из ткани, переливающейся узорными прожилками, как и пояс с манжетами на рукавах три четверти. Но больше всего меня поразила стайка крошечных темно-синих с переливами бабочек, порхающая по подолу каждый раз, когда воздух от вентилятора колыхал ткань. Перелетев, бабочки замирали до тех пор, пока новый порыв не срывал их, чтобы перебросить за пару секунд на другое место.

— Эвка, иди, померяй! — потрясла соседка очередным платьем.

— Хочу это, — показала я на витрину. — Это хочу.

— Это? — подошла Вива. — Простовато выглядит, хотя воротник интересный и манжеты тоже. Длина будет чуть выше колена, отрезное ниже талии, но по оригинальному лекалу.

— А как называются переливы?

— Муар. Что-то в нем есть, но бабочки... Какие-то они детские.

— Все равно хочу. Можно примерить? — обратилась я к Лили.

— Конечно, — кивнула она и сняла образец с манекена. — Гарантия на месяц порхания, затем бабочки станут статичными. Ткань не мнется и дышит. Также заложена гарантия двести часов от всех видов пятен и случайных зацепок. Время гарантий отсчитывается на ярлычке.

— Ого, — сказала моя стилистка со знанием дела.

В общем, сил нет, как понравилось мне платье. Если бы Лили сказала, что оно отложено для другой клиентки, я бы улилась горячими слезами и, чего доброго, закатила бы истерику.

Во время примерки перед зеркалом я крутилась то влево, то вправо, и бабочки крутились и садились на ткань, когда верчение прекращалось. Сзади платье застегивалось на замок-молнию, а треугольный вырез до середины спины сглаживал некоторую "школьность", придавая модели изюминку. Да мне всё платье казалось распрекрасной изюминкой.

— А что? — пожала плечами Аффа, соглашаясь с выбором. — Непосредственность и наивность в одном флаконе. Невинная девочка. Вполне. Как тебе, Вив?

— Невинная, но знающая, что и почему в этой жизни. Вырез сзади мне нравится. Пикантный. И длина приемлемая.

Если Вива согласилась, значит, её одобрение получено.

— Но фестоны я все-таки найду, — предупредила она соседку.

Какие фестоны? Не понимаю. А платье прелестное. Не хочу снимать его.

— Лили, мы берем. Сколько?

И я стала счастливой обладательницей платья, упакованного в темный чехол, за тысячу двести висоров. Ура, ура!

Оказалось, что выполнена всего лишь одна десятая часть дел.

— Вообще-то здесь неохотно позволяют рыться в товаре, поскольку сокращается срок гарантий по улучшениям, — сказала Вива, когда, распрощавшись с хозяйкой ателье, мы

двинулись на поиски подходящей обуви. — Значит, ты чем-то зацепила Лили, если она открыла свои закрома.

В обувном магазинчике заправляла семейная пара, тоже выпускники нашего института, с которыми Вива была знакома накоротке. И опять я отдалась стилистке на откуп. Впрочем, на этот раз Аффа не стала спорить и перетягивать одеяло на себя.

— Туфли покупать нет резона. Куда ты потом с ними денешься? — рассуждала девица, перебирая выставленные образцы. — Возьмем сапоги на устойчивом каблуке, с терморегуляцией. Сможешь носить их зимой, весной, осенью и летом в определенных случаях.

— Летом?!

— Взгляни и примерь, — стилистка протянула голубенькие сапожки, изрезанные узорами не хуже кожаного развратного платья. Тонкие на ощупь, ни меха внутри, ни опушки — мгновенно продует и обморозит ноги.

— Вот и фестоны, — показала Вива язык соседке, подразумевая ажурные гребешки, вырезанные по краю голенищ.

— Околею в них напрочь, — сказала я нерешительно.

— Не околеешь. Ты в них в душ пойдешь и спать уляжешься, потому что понравятся. Каблук клиновидный, восемь сантиметров. Имеется гарантия десять тысяч часов на нестаптываемую набойку, — прочитала стилистка этикетку. — Верхний слой защищен от случайных царапин. Водонепроницаемость — в течение всего срока эксплуатации. Очень и очень неплохо. Примеряй.

Сапожки мне понравились. Они облепили ногу до колена, точно вторая кожа, но у меня остались сомнения в том, что обувь, рекомендованная Вивой, сможет удерживать тепло, слишком многочисленными были мелкие дырочки в узорчатом рисунке.

Я прогулялась по помещению.

— Удобная колодка? — поинтересовалась девица. — Вообще, хорошую обувь найти сложнее, чем подходящую шмотку. Берем?

Таким образом, к чехлу с платьем добавился пакет с коробкой, в которой лежали купленные сапожки с гарантией, а моя наличность сократилась еще на полторы тысячи.

Аффа блаженствовала. Но её блаженство едва не вылилось в неконтролируемый срыв, когда мы завернули в меховой магазинчик. Вот уж там она развернулась! Перемерила половину моделей, и то лишь потому, что вторая половина оказалась мужской.

Мне же выбрали светло-кремовую шубку с капюшоном на блестящих пуговках, чуть длиннее купленного платья.

— Мех кроличий, стриженный, но не крашенный, — объяснил с достоинством хозяин, тоже земляк по институту. — Считается неносским и морозонеустойчивым, однако данная модель улучшена по внешнему виду и прочностным характеристикам. Выдерживает температуру до минус двадцати градусов, гарантия полтора года, после чего происходит повышение на один градус морозостойкости в течение каждого последующего триместра.

Выслушав внимательно суть улучшений, Вива сказала, хмыкнув:

— Нас устраивает.

За солидную вещичку пришлось выложить денежки посolidнее — две тысячи восемьсот висоров.

— Это еще что, — сказала стилистка, когда мы вышли из мехового магазинчика. — За

похожую модельку на Амбули тебя ободрали бы как липку. Не меньше тридцати тысяч запросили бы, верняк. Правда, у них улучшений побольше, гарантии подольше и торговые марки популярнее, но за потраченное бабло пришлось бы ходить до ста лет в этой шубе и передать внукам по наследству.

Распределив между собой пакеты с покупками, мы перебежали на другую сторону улицы, чтобы начать сокрушительное продвижение по галантереем.

— Смотри, — потянула меня Аффа. — Вон, впереди!

Из магазинчика неподалеку вышла спортивная блондинка в элегантной меховой курточке и сапожках-унтах, с уймой пакетов в каждой руке. Забросив покупки на заднее сиденье миниатюрной машины, женщина уселась за руль, и автомобиль отъехал.

— Это же... ё-моё, не помню, как зовут... — наморщила лоб Аффа. — Видела её по телевизору. Заметила, какая она стильная? Ведет какую-то передачу, не помню названия, а тётка не пропускает ни одного выпуска, и знаешь, что странно? Эта белобрысая ей нравится! А моей тётке никто не нравится, даже она сама. В общем, программа очень популярная, и говорят, ей присвоили статус независимой, а в правительстве прислушиваются к мнению ведущей. Прикинь, и она затаривается здесь, а не на Амбули!

— Я же говорю, что умные люди знают нужные места, — сказала Вива. — Не отвлекаемся от списка.

А далее по списку шли:

а) комплект нижнего белья с чулками и пояс с пажками.

— Белое носят озабоченные девственницы, красное — для искушенных женщин, а черное — в самый раз, — объяснила стилистка свое видение мира нижнего белья, когда был выбран кружевной комплект, вызвавший полыхание моих щек. — Чулки возьмем с легким намеком на цвет. Вроде бы они есть, и в то же время их будто бы нет. Это возбуждает интерес. И проверь, чтобы удерживали тепло. Видишь, сигнальный значок "перечеркнутый крест-накрест красный нос"? О, смотри, написано: "Гарантия — десять тысяч зацепок и затяжек". Без обмана?

Продавец натянул на руку контрольный чулок и, зацепив крючком, потянул. Вверх потянулась широкая стрелка, которая тут же срослась, не успев проползти пяти сантиметров.

— Поразительное быстрое действие, — похвалила Вива. — Берем.

— А пажи зачем? — влезла соседка, перебирая упаковки. — Чулки и так на резинках.

— Считай это моим пунктиком, — сказала девица. — Я чувствую, что так будет лучше, — и многозначительно посмотрела на Аффу. Та ответила солидарным взглядом.

Надо же, какие они чувствительные и подозрительно согласные друг с другом. А то, что от моих щек скоро останется пепел, их не волнует?

Ну, ладно. Надо — так надо. Не буду сопротивляться. Девчонкам виднее.

Пока продавец упаковывал покупку, я вспомнила строчки из дела ПД-ПР о загадочном "трезубце", в свое время приложившем руку к улучшению различных дамских штучек. Интересно, какой мотив двигал Альриком? Трезвый рассудок и рассудительность ученого или горячность и стремление угодить даме сердца?

Представив, как профессор склоняется со скальпелем над кружевными трусиками, разложенными на столе, я поспешила выскочить из магазинчика, чтобы остудить остатки сгоревших щек.

б) сумочка с длинным ремешком и перчатки в тон шубке

— Не вздумай набивать сумочку ненужной мелочевкой, — сказала строго Вива. — Положишь носовой платок, расческу, пригласительный билет, зеркальце и пару влажных салфеток.

— А помада? — не смогла промолчать Аффа, перебирая товар. Она плавала в шопоголическом рае.

— В ней не будет необходимости. При визаже я использую устойчивую косметику с предельно возможной нестираемостью.

— Значит, Эвке придется пожизненно ходить с помидорными губами?

— Для удаления стойкой декоративной косметики есть специальные средства. Потом объясню, не отвлекай. Еще положи двести висоров на всякий случай, а телефон не бери, — продолжила ликбез стилистка. — Пусть твой кавалер возьмет, а для дамы телефон — признак дурного вкуса.

— Я читала, что сумочка должна быть в тон обуви, — встряла соседка противным склочным голоском.

— Ты отстала от моды, — обрезала скандальный порыв на корню Вива. — Цвет "крем-брюле" привнесет нотку свежести в голубое облако.

Аффа фыркнула и рассмеялась.

— Слышишь, облачко? — обернулась ко мне. — Закинь-ка вот эту на плечо.

Кроме приобретенной сумочки, я покинула галантерейный магазинчик с коробкой, в которой лежала пара перчаток из трехслойного атласа с устойчивостью к загрязнениям и зацепам, а также с защитой от минусовых температур.

— Конечно, не кожаные, но тоже хороши, — заверила Вива. — По крайней мере, за выложенные денежки выполняют свои функции сполна, не выглядя безвкусицей. А морозить пальчики тебе не придется. Из машины выпорхнешь, по дорожке пробежишься и сдашь перчатки в гардероб. Ни в коем случае не таскай их с собой, поняла?

в) кольцо и клипсы с эффектом фильтрации звуков.

Поначалу Вива раскатала губу на гарнитур из кольца, браслета на запястье и клипс.

Хотя я усиленно изображала особу просвещенную, которой не впервой посещать ювелирные заведения, все же в магазинчике, оборудованном сигнализацией, решетками на окнах и двумя охранниками у выхода, на меня напало помутнение сознания.

Вот уж где глаза поначалу ослепли от блеска драгоценностей, а прозрев, разбежались в разные стороны, в то время как восхищение Аффы стремительно прогрессировало, перейдя в восторженную невменяемость. Сегодня я поняла, почему слабый пол считают падким до украшений, и признала, что не стоит осуждать слабовольных к побрякушкам бедняжек, потому что сама перешла в их стан, словно сухой листок, гонимый шквалистым ветром. Мы как сороки облепили витрины, жадно разглядывая рукотворные великолепия, надежно укрытые под бронированными стеклами.

Украшения пленяли красотой, зато цены отрезвляли нулями. Оставалось гадать, сколько стоят драгоценности на бульваре Амбули.

И опять девчонки поспорили.

Аффа считала, что гарнитур должен быть голубым в тон платью, а Вива настаивала том же оттенке, что муар. Недопонимание не удалось развить до рукоприкладства, потому что, по расчетам стилистки, денег хватило лишь на клипсы и бусики из мелких камешков иолита или ложного сапфира, как просветил продавец.

Увидев мое лицо, скисшее при слове "ложный", он заверил:

— Это природный минерал, а не искусственный. Хотя размер камней не более одного карата, у них густая глубокая темно-синяя окраска. Огранка выполнена в виде кабошона с учетом направления прохождения света.

Печали хватило на две секунды, и сверкающая красота, уложенная по коробочкам, стала моей собственностью.

Продавец выдал сертификаты, подтверждающие подлинность камней, с реквизитами ювелирной мастерской, в которой производили огранку и сборку украшений, и вписал мои данные в строчку: "Законный владелец", заверив голографической печатью магазина.

Теперь продажа бусиков под громким названием "колье" будет считаться уголовно наказуемым деянием без документов.

г) линзы со светоподавляющим эффектом.

За ними пришлось зайти в оптику. Кстати, пока мы перемещались по переулку, я насчитала шуки три подобных заведений.

И опять компаньонки устроили дискуссию. Стилистка настаивала на прозрачных линзах, Аффа — на линзах с оттенком в тон платью. Вспомнив нереальную синеву глаз Изабеллы, я решительно отказалась от примитивного копирования неземной красоты.

— Только попробуй разочек, — уговаривала соседка. — Тебя потом за уши не оттащишь.

— Нам нужны линзы непродолжительного действия, — сказала Вива. — Не имеет смысла переплачивать за тысячу гарантий, если наденешь один раз.

Мне предложили на выбор около десятка наборов линз различных оттенков, начиная от бесцветного и заканчивая ядреным фиалковым.

— А есть что-нибудь слегка-слегка? — допытывалась Аффа у продавца. — Чтобы подчеркнуть зрачок, и не более того.

Ну, да, чтобы не пустить коту под хвост впечатление от моего будущего стильного образа, нужно в срочном порядке спрятать серобуромалиновые глазки за чистым незамутненным взором, — усмехнулась я скептически. Но когда продавец помог надеть линзы, то, посмотрев в зеркало, я обомлела. Глаза стали выразительными, и появилась опушка в виде ресниц, правда, невзрачненьких. Но это не беда, иначе для чего существует тушь?

И вовсе я непохожа на Изабелку. Сама по себе хороша, пусть и с линзами. Будем считать их разновидностью декоративной косметики, без которой в наше время ни одна приличная девушка не появляется в обществе.

Так что пришлось Виве промолчать, когда был куплен комплект оттеночных линз по шкале цветности синего "плюс два", плавающих в питательном растворе. В довесок мне предложили капли, увлажняющие роговицу. Как сказал продавец, на всякий случай, хотя в них не было необходимости: гипоаллергенные линзы непрерывно самоувлажнялись, не вызывая дискомфорта.

— Еще по-божески, — заметила Аффа, когда я отстегнула сто пятьдесят висоров. — В каталогах цены доходят до пятисот и выше.

д) туалетная вода.

В парфюмерном магазинчике у меня закружилась голова от запахов, несмотря на то, что

помещение было оборудовано хорошей вентиляцией. От обилия перенюханых туалетных вод и духов сделалось дурно, и я предпочла держаться в удалении от стендов с флаконами и бутылочками.

И снова Вива с Аффой перецапались.

Соседка настаивала на экзотических, тяжелых запахах, чтобы компенсировать излишнюю небесную легкость будущего стиля, а Вива упирала на невесомость и воздушность аромата. Поскольку вторая спорщица пока еще числилась моей стилисткой, не доверять ей показалось невежливым, и я выложила за крошечный пузырек еще сто пятьдесят висоров.

— Ничего не чувствую, — поднесла колпачок к носу.

— У тебя нос забит посторонними запахами, — сказала Вива. — Приедем домой, тогда и нюхай на здоровье.

Может, не стоило тратиться на духи? Намажусь своими, невидимыми, и дело с концом. А эфирный запах возьмет и трансформируется в неподходящий момент, выдав мой страх перед блестящим обществом. Нет уж. Обойдусь без непредвиденных поворотов в сценарии приема.

Выйдя из парфюмерного царства, я встряхнула головой, прогоняя ароматы, забравшиеся в голову и пропитавшие извилины насквозь. Казалось, за мной тянется хвост из цветочных запахов.

— Куда мы теперь? — спросила Аффа, бодренькая и невымотанная, в отличие от посоловевшей меня.

— В кафешку где-нибудь поблизости, — сказала Вива. — На сегодня всё.

— Уже?! — удивилась соседка. — Чую, мы что-то упустили.

Удивляюсь оптимизму Аффы. Ей хоть бы хны, а у меня все силушки исчерпались безповоротно.

— Пошли, посидим и заодно проверим, — предложила стилистка.

И мы двинулись на поиски подходящего кафе, нагруженные пакетами и пакетиками всевозможных размеров.

После ходьбы по магазинам меня одолел жуткий жор, поэтому организм захотел принять и переварить большое пирожное, молочный коктейль, два блинчика с клубникой и внушительную кружку чая со сливками. Что поделать, если я некультурная? Не могу потягивать из крошечных емкостей, мне бадьи подавай.

Аффа тоже не церемонилась, решив съесть не меньше меня, а Вива выбрала коктейль, похожий на диетический чоху-боху.

Заказ обошелся мне в тридцать два висора — больше, чем в студенческой столовой. В конце концов, к чему мелочиться? Сегодня сдан еще один трудный экзамен, поэтому можно побаловать себя и подкормить удачу на будущее.

— Значит, основное мы купили? — спросила Аффа, поедая с аппетитом банановый мусс.

— Вроде бы. — Девица отставила коктейль и сверилась с исчирканным листочком. — Осталось последнее дело.

— Какое? — подскочила соседка. После восстановившихся калорий её распирало с новым неугасимым энтузиазмом.

— Завтра утром — посещение косметического салона. Как приедем в общагу, дам адрес.

— Зачем? — удивилась я.

— Как зачем? Тело должно дышать красотой, — ответила наставительно Аффа. — Деньги-то остались?

Я пересчитала оскудевшие остатки:

— Чуть больше тысячи.

— Тогда хватит, и чуток останется, — заключила Вива.

Некоторое время мы ели молча. Не знаю, как девчонки, но моему языку было лень шевелиться, а голове — работать, поэтому мысли текли вязко, словно кисель.

К хорошему привыкаешь моментально. Только сейчас, оглядев горку складированных покупок, я осознала размер растрат. Немыслимые деньги исчезли из кармана за каких-то четыре часа! Восемь тысяч испарились, словно их никогда не было, а я сижу-посиживаю, лопаю в обе щеки и в ус не дую, хотя недавно скрупулезно считала каждый висор, выгадывая на том, что подешевле.

Раньше, в силу строгих финансовых рамок, я существовала в мире практичности, максимальной дешевизны и непритязательности во вкусах, и не совала нос в обособленный мир зажиточности и достатка, стараясь не завидовать — к чему без толку убивать нервы? Сегодня же мне довелось насладиться невиданным разнообразием красивых вещей, так что впору захлебнуться слюной от эстетического восторга. Выяснилось, что во мне дремлет страшная шмоточница, которая внезапно превратилась из куколки в бабочку и полетела транжирить наличность. Как теперь жить, зная, что в столице есть место обетованное для любителей шикануть, угождая своим желаниям?

Похожая смена полюсов наблюдалась и в отношении вкусовых удовольствий. Сидя в оживленном кафе, я поглощала вкуснейшее пирожное без опасения потрепать свой бюджет, а совсем недавно, выбирая продукты, руководствовалась максимальной калорийностью при наименьших затратах.

Отвратительно. Яд обеспеченности и благосостояния проник под кожу, распространяясь со стремительностью каждой совершенной покупки.

В конце концов, хватит заниматься самобичеванием и лелеять жалость к улетевшим в тартарары денежкам. После долгих лет материальных ограничений сегодняшняя награда выстрадана и заслуженна. Впервые я почувствовала себя хозяйкой денег, а не рабыней. Поняла, что могу, не задумываясь о расходах, заказать такси и поехать в "Инновацию", где потрачу уйму висоров на тошнотворный чоху-боху и столько же подарю на чаевые официантам-подлизам. Да что там, я приглашу Петю и заплачу за него широким жестом. И посоревнуюсь с Мэлом в части быстрого расшвыривания наличностью налево и направо.

Пожалуй, перегнула палку. С Мэлом бесполезно тягаться.

Мысли пришли и ушли, а есть расхотелось. Блинчики, как ни пытались залезть в рот, а не смогли, поэтому по просьбе Вивы официантка сложила их в прозрачный контейнер. Угощу-ка Радика. Я бы купила для него и пирожное, но решила, что гордость не позволит парнишке принять десерт. Чего доброго, Радик заподозрит, что его прикармливают из жалости, а так — объясню как-нибудь. У меня же невидимый значок на груди: "Мастер экстракласса по сверхскоростному вранью в мелких и крупных размерах".

— Смотри! — толкнула Аффа стилистку, кивнув в сторону занятых столиков. — Что скажешь о голубках?

Неподалеку сидела колоритная парочка: мужчина преклонных лет и молодая девушка.

Мимо проходящие приняли бы их за отца и дочь, или, скорее, за дедушку и внучку, но нам, сидящим напротив, был виден каждый жест пары, говоривший о том, что между ними далеко не родственные чувства.

Любви все возрасты покорны, — решила я, заметив их переплетенные руки. Девушка весело рассмеялась, запрокинув голову, а мужчина с улыбкой на лице любовался своей спутницей. Несмотря на седые волосы и почтенный возраст кавалера, язык не поворачивался назвать его стариком.

— Кто рыбка? — спросила Аффа.

— Он, — ответила быстро Вива.

— Близки?

— Нет, — уверенно заключила стилистка, с прищуром разглядывая парочку.

— Мотив?

— Бабло. Влияние. Авторитет.

— Не удивляюсь тебе, — хмыкнула соседка и продолжила игру, понятную ей и Виве: — Причина?

— Висоратка из знатной, но разорившейся семьи предлагает себя деловому партнеру отца.

Аффа хихикнула:

— Сюжет для вышибающей слезу мелодрамы. Не узнаю тебя, Вива. Ты не приемлешь жертвенность.

— При чем здесь жертвенность? — пожала плечами стилистка, недоумевая. — Девчонка привыкла не бедствовать и спать на пуховой перинке, а соломенный тюфяк оказался жестким. Если не нравится, то вот тебе другая версия. Студентка решила подстраховаться, чтобы не провалиться на экзамене.

Вздвигнув, я присмотрелась к пожилому мужчине повнимательней.

Да, он вполне мог оказаться преподавателем. Профессором, как Альрик, или деканом. Приятной наружности, умным, интеллигентным, обходительным, понимающим хорошие шутки и со вкусом ухаживающим за прелестной девушкой.

У такого импозантного экземпляра и я попыталась бы бессовестно вытянуть тройку по общей теории висорики, но сомневаюсь, что седовласый красавец-мужчина обратил бы на меня внимание и рискнул репутацией преподавателя. Зато вместо заматеревшего благородного льва судьба уготовила мне, запуганной крыске, ползущей по первой сессии, спотыкаясь на каждом экзамене, своего "принца", второго Лютика, маленького тихого извращенца, старательно молодящегося и тщательно прикрывающего лысину редкими набриолиненными волосенками.

Вон его из головы! Никому не дам поганить мое будущее.

— Едем или как? — вскочила я с места.

— Едем, конечно, — согласилась Аффа. — Для начала закажи такси, а мы подождем.

Пришлось сесть и отвернуться от разновозрастной парочки, однако девчонки продолжили мусолить тему, тренируя висоратские способности.

— Циничная ты, — сказала соседка Виве. — У тебя вечно женщины получают виноватыми, а мужики — тупыми баранами на закланье. Я думаю, что рыбак — он. Они еще не близки, и, вообще, её ухажер — маньяк-людоед, которого безуспешно разыскивают много лет.

Стилистка фыркнула:

— Прокол. Маньяки стараются не оставлять следов и используют случайные непродолжительные знакомства. Посмотри на их руки. Девчонка показывает, что доверяет ему. Она пускает пыль в глаза, потому как задумала что-то.

— Потому что сама — серийная убийца! — выдвинула предположение Аффа, и доморощенные сыщицы захихикали. — Почему не хочешь признать, что между ними есть чувство?

— Какое? — усмехнулась Вива. — Любовь, что ли?

— А хотя бы. Или, на худой конец, влюбленность! — ответила с вызовом соседка.

— Ха! Не смей меня. Любовь и влюбленность придумали эгоисты.

— Разве это разные понятия? — поддержала я разговор, поглядывая мельком на воркующую парочку. Дяденька-маньяк смотрелся лучше, чем дяденька-преподаватель.

— Конечно, разные, — заверила Аффа. — Влюбленность слепа. Она не замечает недостатков и идеализирует возлюбленного. Любовь же зряча. Она видит недостатки любимого и любит каждый из них.

Ну, и удивила меня соседка! Я не подозревала, что она бывает романтичной и может разглагольствовать возвышенно.

— Чухня, — возразила прагматичная Вива. — Любви как таковой нет, есть привязанность и уважение. А страсть зачастую путают с влюбленностью, хотя в основе взаимоотношений полов обычная физиология. Прежде всего, мы — животные, вскарабкавшиеся на вершину эволюции. Половозрелые особи ищут пару, основываясь на инстинктах, и выбирают сильного, успешного и смазливового, чтобы потомство получилось крепким и здоровым. Затертые неудачники и тряпки никому не нужны. Вот ты, Эва, обращаешь внимание на хлюпиков и неуверенных образин?

Я растерялась.

— Ну... обращаю, — вспомнила о Радике как о худосочном хилом юноше. Чем не пример моей исключительности из мира животных? Вышла хорошая искренняя дружба между разнополыми особями, и мне плевать на внешность парнишки с высокого балкона.

— Я говорю о внимании другого рода. Когда ты смотришь на незнакомого парня, а внутри так и подмывает принять стойку, облизываясь, и уши против воли встают торчком. А потом еще неделю вспоминаешь случайную встречу.

Я примерила на себя слова стилистки. Парни водились везде, где мне довелось учиться, и встречались среди них такие, при взгляде на которых меня охватывали ощущения, описанные Вивой: учащение пульса, жар щек, волнение. Затем следовали многозначительные улыбки, легкий флирт — в том случае, если намечался взаимный интерес. Но на возможное развитие взаимоотношений с противоположным полом давили страх разоблачения и чувство вины из-за того, что чужое место занято мной не по праву. И, честно говоря, парни не особо обращали на меня внимание. Они выбирали ярких и популярных девчонок.

Вот взять хотя бы Мэла. Он из породы успешных самцов, о которых упомянула стилистка. И сейчас, вспомнив первую встречу с парнем, я с неудовольствием признала, что незнакомец, разбудивший храпящего Монтеморта, мгновенно попал в группу доминирующих особей, как шар, пущенный торпедой в лузу. Почему же я не пала к его ногам во второй же день пребывания в институте? Потому что осторожность и привычка не доверять людям перевесили человеческие, ой, точнее, животные инстинкты. Но смеется тот, кто смеется последним. Животные инстинкты не дремали и умудрились вырваться наружу; неизбежное

свершилось, и бастионы сдались, пообороняясь малость для приличия. Меня все равно прибило к Мэлу и расплющило, словно хлипкую лодку о крутые скалы.

Почему я не испытываю влечения к Пете или к Дегонскому? Или к Макесу или Дэну?

Хотя Макес — симпатичный парень. И пусть у него кредо: новый день — новая подружка, — он мне нравится. Или Тёма — возможный претендент на "близкое" общение в закутке, показанном в пророчестве. Правда, парень не знает об оказанной чести и еще неизвестно, обрадуется ли, но при мысли о нашем уединении у меня мгновенно проявились симптомы, приведенные стилисткой.

Моментально созревшая фантазия "Тёма+Эва" стала апофеозом легкомысленности. Я ужаснулась. Чем оправдать мое непостоянство: кокетством и ветреностью, заложенными природой в каждой женщине, или проснувшейся животной сутью? Что я за существо?

Получается, при поиске своей половинки опираюсь на гормоны, а не на богатый внутренний мир, и не отличаюсь от "мух", роящихся вокруг заметных и успешных парней. И Мэл, и Макес — мужские особи, привыкшие главенствовать, и их характеры сформировались в той среде, где родились парни. А им повезло родиться в известных семьях, славных висоратскими традициями. Но ведь Тёма, появившийся на свет в простой семье невидящих, тоже силен духом и пригож лицом. Значит, дело не в происхождении, а правильности заключения Вивы: каждая самка ищет самца, способного содержать её и потомство. Сильного, наглого, пробивного. Того, кто закроет спиной от опасности или с диким ревом заколотит себя в грудь ревнивым собственником.

Стилистка оказалась права и в другом. В общей массе студентов учились тощие, очкастые, несуразные, прыщавые, ушастые и неуверенные в себе ребята, которых я совсем не замечала. А ведь у них тоже есть мечты, увлечения, и наверняка с ними можно провести время, интересно и весело. В частности, в эту категорию попадает Петя. И ведь положительный товарищ — спортсмен, без пяти минут отличник, трудолюбивый, воспитанный, культурный, внимательный сын и заботливый брат, но почему-то... сердце не пускается в безумный бег при мысли о нем. Если однажды чемпион скажет: "Знаешь, Эва, я познакомился с другой девушкой. Прости, но нам нужно расстаться", то я пожелаю счастья и обниму с сестринской нежностью на прощание. Почему?

Скажи мне то же самое Мэл... не знаю, что я сделала бы... Вцепилась в волосы сопернице... волочилась бы за парнем, унижаясь и умоляя вернуться... убивалась по порушенным отношениям... может быть, пыталась резать вены или прыгнула с крыши. Словом, что бы я ни предприняла, моя личность будет саморазрушаться, разъедаемая дикой ревностью и лютой ненавистью к той, другой.

— Эвка! — воскликнула соседка, прервав понос размышлений. — Да ты, похоже, втюрилась.

Я испуганно замотала головой.

— Мне не до любовей, — попробовала отвертеться.

— Не отпирайся, на лице написано. Погоди-ка! — посмотрела на меня подозрительно Аффа. — Уж не в этого своего?

— Ни в кого, — поспешила я ответить, хотя мы обе поняли, что говорим об одном и том же человеке.

— Втюривания нет, — заключила стилистка. — Есть инстинкт размножения и обострение хочи. Надеюсь, взаимное?

Аффа посмотрела на меня как на врага народа, а я, ощущая, как жар предательски

заливает щеки, пробормотала:

— Какая хоча? Сессия и прием — вот и всё меню.

Возвращались мы обратно на такси и всю дорогу молчали. Меня разморило — от обилия впечатлений, от вкусного перекуса, от пакетов, заваливших салон, и даже приличная порция размышлений о слабостях к сильному полу и вывод Аффы о моем сердечном заболевании успели истереться, пока машина катила по городу.

Расплатившись, мы вылезли на пустой стоянке перед институтом и, нагруженные пакетами, побрели в общежитие с чувством выполненного долга. Я шествовала позади девчонок и, проходя мимо каменных изваяний, важно кивала, приветствуя крылатых, и мне казалось, они тоже светски кивают в ответ. Если бы ангелы носили шляпы, то обязательно приподняли бы их как настоящие джентльмены.

Мелкая снежная пыль сыпалась с небес, вторя умиротворенному состоянию и усыпляя, но состояние расслабленности длилось ровно до тех пор, пока в меня не прилетел снежок.

— Не спать! — закричала Аффа, прячась за постаментом. — Тебе еще покупки примерять!

— Ах, ты!

Бросив в сторону пакеты, я ринулась в бой, догоняя девушку. В Виву тоже прилетела пара бомбардировочных гранат, но она предпочла переждать детский порыв под защитой каменного крыла. Однако Аффа оказалась настойчивее. Когда следующий снежок, распавшись, попал стилистке за шиворот, она не выдержала и присоединилась к нам, и тихий зимний вечер наполнился визгами, криками, смехом и валянием в снегу. А ангелы внимали, посмеиваясь, и готовили материал для новых отчетов, когда их призовет Создатель.

Когда мокрая одежда разместились на батарее для просушки, Аффа, не мешкая, потащила меня с пакетами на третий этаж, на примерку.

Девчонки отложили в сторону коробочку с нижним бельем, зато чулки велели примерить в обязательном порядке, и Вива показала, как прикреплять их застегивающими пажами. Поначалу я стеснялась, а потом плюнула. К чему краснеть, когда впуклости и выпуклости фигуры успели засветиться на экране в элитном салоне одежды?

— Пройдись, — велела девица, когда обновки украсили меня.

С удовольствием. Правду говорят, что эстетичные вещи вселяют уверенность. Мне показалось, походка стала гораздо плавней, а движения — гибче.

— А теперь сними шубу с перчатками и сдай в гардероб.

Роль гардеробщицы исполнила Аффа, и я снова прогулялась по комнате туда и обратно, а стайка бабочек перелетала по подолу.

— Не скажут ли, что она похожа на зомби в мухах? — озаботилась Аффа, и я похолодела. Неужели найдется тот, кто ляпнет гадость о моем платье на всю страну?

Нужно быть готовой ко всему. Одна из аксиом теории случайностей и закономерностей звучит так: если кто-нибудь и где-нибудь озвучил мысль, она обязательно всплывает в другой голове, в другое время и в другом месте, принеся неприятности в утроенном объеме.

— Не скажут, — улыбнулась Вива, следя за дефилированием. — Они не заметят.

— Откуда такая уверенность?

— От верблюда, — сказала стилистка. — Завтра увидишь своими глазами. А ты ходи, не отвлекайся.

Пока я шествовала от двери к окну и обратно, Вива взялась тестировать мои умственные способности и задавала вопросы с подвохами, например: "Каким видит молодое поколение политический курс правительства?" или "Каково ваше мнение по поводу реформы образования?" или "Как относитесь к скандальному певческому дуэту такого-то и такого-то?"

Не зря в свое время папуля приложил усилия, чтобы выдрессировать меня, и научил растекаться мыслью по дереву. Ответы были ни о чем, и в то же время язык с легкостью набалтывал мнение о политике, спорте, музыке, хотя на самом деле я была пень пнем в большинстве вопросов, заданных девицей.

— Опасная ты штучка, — сказала под конец Вива. — Не ожидала. Или очень умна, или очень глупа. Постарайся, чтобы о тебе составилось второе мнение, потому что сборище тупиц не любит умников и стремится от них избавиться. Тебя будут пытаться поддеть или укусить, наверняка попробуют найти слабые места и надавят на них — прежде всего говорю о дамах. Не поддавайся на провокации.

— Постараюсь.

— Нет уж, приложи все усилия, — потребовала стилистка. — Я создам для тебя образ воздушной девочки, легкой как облака, с чистыми и светлыми мыслями, так что соответствуй ему. Или промолчи, если захочется сказать колкость.

— Вроде бы не язвила, — растерялась я.

— Не язвила, но скрыто колола булавками. Это допустимо наверху, — показала Вива глазами в потолок, — а тебе нужно быть попроще.

Переодевшись, я забрала покупки, потому что хозяйка сказала, что бардак ей мешает и убивает вдохновение. Перед уходом она созвонилась с кем-то и записала адрес косметического салона на листочке, предупредив, что меня будут ждать в восемь пятнадцать. Это означало, что нужно заказать такси на полвосьмого утра, а проснуться — и того раньше.

— У меня глаза не откроются.

— А как ты хотела? Завтра будет суматошный день. Как вернешься в общагу, подхватишь покупки и полетишь ко мне, а оттуда спустишься к своему кавалеру. Когда он заедет?

— В половине пятого, — вспомнила я совет Мэла и согласие спортсмена по поводу времени встречи.

— Придется мне постараться, — вздохнула стилистка. — Учти, чтобы в двенадцать была здесь как штык, поэтому рассчитай время.

Неужели ей недостаточно четырех часов? Она собирается из меня икону делать, что ли?

— При салоне купишь набор средств по уходу за лицом и телом, — предупредила Вива. — У них есть небольшой магазинчик. На декоративную косметику не налегай, а то денег не хватит. Лучше потом наберешь, когда появится наличность. Вот список процедур, — она начирикала абракадабру в скоростном темпе. — Девочки поймут. Завтра не усердствуй с тяжелой пищей и много не пей, чтобы в самый ответственный момент не опростоволоситься. Поняла, о чем говорю?

Я кивнула. Не есть горох с фасолью и не пить ведрами, чтобы не пукать в неурочный час и не искать глазами ближайший туалет во время речи премьер-министра.

— Ой, Вивочка, а можно мне поглядеть завтра? — попросила жалобно Аффа. — Честно, буду сидеть тихо, как мышка. Совсем не помешаю, ни капельки!

— Посмотрим, — ответила уклончиво девица и дала мне последний совет: — Не забудь принять что-нибудь успокоительное: на ночь — чтобы выспаться, утром перед поездкой, и перед тем, как идти сюда. У тебя есть, или отлить валерьянки?

— Есть, — кивнула я, вспомнив о пяти литрах Альриковой настойки. Кажется, кое-кому первый литр пригодится уже сейчас.

Сухие сжатые инструкции Вивы пробили набатом в сознании. День икс стучался в двери. Уже завтра!

Аффа ушла к себе, а я, бросив пакеты на кровать, занялась успокоением расшалившихся нервов. Накапала капель по рекомендации профессора и махом выпила. Подумала — и заглотила второй стакан с витаминным сиропом. Поразмышляла — и навела совместную удвоенную порцию капель и сиропа. А потом в чайнике закончилась вода.

В итоге живот надулся как воздушный шарик, и я начала икать. В икающем состоянии и застал меня Радик.

— Будем ужинать? — выложил кулечек с колбасными колесиками.

— Тебя покормлю, а у самой сил нет, — сказала я и икнула. Елки-палки, даже рот не успела прикрыть.

Парнишка растерялся.

— Значит... мне уйти? — спросил расстроено.

— Я же говорю, будем ужинать, — потянула его в пищеблок и опять икнула, громко и звучно. Ужас!

— Не понимаю...

— Пошли, говорю... — ик! — кашу варить.

Вот кошмарище! Представив, как на приеме на меня нападет неудержимая икота в присутствии премьер-министра, всех его советников и помощников, я захихикала, затем засмеялась, а под конец захохотала, держась за живот.

Радик выглядел смущенным.

— Я сказал что-то смешное?

— Не-ет, что ты! — махнула я рукой и, утерев выступившие слезы, рассказала об икании, которое заглушит разговоры гостей на завтрашнем мероприятии.

Парнишка тоже повеселился.

— Покажешь покупки? — спросил, посолив закипевшую воду.

— Нет, иначе всё пойдет шиворот-навыворот. Потом увидишь.

— Когда отправляешься?

— За мной приедут в полпятого.

— Твой парень?... Ну, тот тип из аллеи?

— Забудь о нем навечно, если не хочешь поссориться, — ответила я, раздражаясь. Что за гадство? Успокоительные капли ни фига не действуют при упоминании о Мэле.

Завтра не он появится в общежитии и не он поведет меня к Дому правительства по дорожке. Мэл пройдет по зеленому покрытию с другой, за которой заедет на машине, и по пути на прием они будут шутить и смеяться. Или наоборот, спутница Мэла разнервничается, и он накроет её ладонь своею, молчаливо успокаивая.

Ненавижу его! Стоял бы здесь — толкнула б так, чтобы улетел на пол и навсегда отшиб копчик. Пусть у него хвост вырастет!

Разве ж это влюбленность? Это непримиримая ненависть.

В итоге Радик ел в одиночестве, а я, чтобы его не смущать, рассказывала о приключениях в городе и о бросании снежками, а потом перескочила на другую мысль и поведала об убежище на чердаке.

— Учти, это большая тайна. Если о ней узнают, люк закроют на замок.

— Никому не скажу, — пообещал юноша. — Я и не подозревал, что институт скрывает богатства.

Мне польстило, что Радик не обсмеял импровизированный домик для медитаций и отнесся серьезно к сохранности секрета.

— Я тоже люблю бывать в одиночестве, — сказал парнишка, уплетая колбасу. — Напротив дядинога дома есть парк. Когда не холодно, болтаюсь там и смотрю, как живет район.

Мне сразу вспомнились крохотный уголок с кучкой деревьев в квартале невидящих и атмосфера окружающих улиц: неспешный ритм жизни, приветливые люди, знающие друг друга в лицо и здоровающиеся каждое утро. Это мое! Оно живет у меня в сердце и закрепилось на подкорке.

Радик наотрез отказался есть блинчики в одиночку, как я ни уговаривала.

— Смерти моей хочешь от обжорства? — простонала, заломив руки как умирающий лебедь. — Пощади, Ирадий! Не позволяй лопнуть животу.

Парнишка посмеялся, но сказал:

— Или вместе, или никак.

Так что мне пришлось запихать в себя один блинчик, зато Радик съел второй. Я видела,

ему очень понравился десерт, и в душе поднялась теплая волна нежности.

Зазвонил телефон, и хорошее настроение подпортилось. Мне захотел пожелать хорошего вечера Петя.

— Ну, ладно, я пойду, — сказал сотрапезник. — До завтра.

— Завтра у меня дел по сюда, — провела я рукой по шее, — а тебе вот и вот, — сложив в пакет из-под перчаток оставшиеся пачки плавленого сыра и початую упаковку макарон, всучила продукты Радику. Он было завозмущался, но я взмолилась: — Пожалей! Мне нельзя лопать мучное, а тут искушение под носом. Так что выручай, иначе завтра провалюсь на приеме.

Иногда мои слова бывают убедительны.

Пришлось перезвонить спортсмену.

— Привет! — поздоровался он взволнованно. — Наверное, я не вовремя позвонил? Как ты?

— Нормально. Не переживай, я ужинала, — успокоила беднягу, развалившись вальяжно на кровати и подперев голову рукой. — А как ты?

— Тоже нормально, — вздохнул Петя нервно, хотя спокойствие давалось ему нелегко. Наверное, парень тоже держал под рукой бочку успокаивающих капелек и время от времени зачерпывал поварешкой. — Завтра подъеду, как договаривались, хорошо?

— Конечно, я помню.

Мы помолчали.

— Эва! — воскликнул чемпион. — Ты на меня не обижаешься? Я чурбан, прости. Не знаю, как вести себя с девушкой.

— Совсем не обижаюсь, — ответила я великодушно. — На ошибках учатся.

— Конечно! Спасибо, Эва.

— Не за что. До завтра.

— До свидания, — попрощался воспитанно Петя.

"На ошибках учатся"... Не хочу быть прописью для выработки хорошего почерка. Пусть спортсмен учится на других.

Интересное сравнение: Мэл и Петя — непохожие во всем, но и тот, и другой признались, что не умеют общаться со слабым полом. Точнее, с одной девушкой. Со мной.

Едва я нажала кнопку "отбой", отвязавшись от надоедливого чемпиона, как снова затрезвонил телефон.

Мэл. Его не приглашали на беседу!

Вальяжность испарилась. Я вскочила с кровати и снова села.

Телефон звонил и звонил — требовательно, настойчиво. Целую вечность названивал, прежде чем мой палец нажал на соединение. Что за наглые конечности нынче пошли: нет, чтобы отключить назойливый аппарат, они самостоятельно вытворяют безобразия. И рука повела себя отвратительно, самовольно поднеся трубку к уху.

Сейчас скажу Мэлу, чтобы больше не звонил. Осточертело его молчание хуже горькой редьки. И так жизнь нелегкая, еще столичный принц добавляет потрясений.

Я открыла рот, чтобы выдать что-нибудь обидное и едкое, но язык отказался шевелиться, а горло сдавило. Саботаж на корабле! Неповиновение в трюмах!

Очевидно, у Мэла тоже пересохло в нужных местах, потому что он опять

безмолвствовал, зато на заднем фоне слышались музыка и громкие голоса.

Значит, он развлекается в веселой компании вместе со своей общипанной змеей и еще смеет названивать! — захолонуло меня возмущением. Упреждая местный ядерный взрыв, в телефоне хлопнуло, зашуршало, и музыка отдалилась, став еле слышной, а голоса пропали. Но Мэл не исчез, он был там, на другом конце: в динамике слышалось его дыхание и невнятное постукивание.

Утомился, бедненький? Устал развлекаться? — вскипела я как молоко, убежавшее из кастрюльки. Вот возьму и отключусь в любой момент. И сделаю это, мне нетрудно.

В динамике снова хлопнуло, и донесшийся до уха всплеск музыки и голосов сообщил, что уединение Мэла нарушено.

— Опять паримся? — спросил мужской голос на заднем фоне. — Вечерушка только началась, а ты закис. Выглядишь как маринованный огурец и не хочешь расслабиться.

Макес! Это он, — выдохнула я с облегчением, узнав знакомые интонации, и снова напряглась. Значит, вот каким способом мы развлекаемся, сбрасывая послеэкзаменационный стресс?

Мэл молчал. Видимо, он забыл о звонке, потому что прокручивал в голове возможные способы расслабления. Язва кобелиная!

— Огурец торчал полдня у института и шоркал шины по вечернему городу, — пояснил другой голос, став гораздо ближе, и я поняла, что Мэл отнял телефон от уха. — Наверное, сжег полный бак.

Кто второй гость? — закусил я губу, вслушиваясь. Дэн? Точно, это он.

И где же пропадал Мэл? У института? Не видела его там. Может, тискал Эльзу в машине? Пусть объяснит. Да, пусть расскажет всем присутствующим! Он не соврет друзьям, а если рассоединится, значит, у него рыльце в пушку.

— Выходит, ты отшил Эльзу, — ответил Макес вместо Мэла.

— Выходит, да, — подтвердил тот, и по глухому ответу я сообразила, что он положил телефон — на столик или на спинку кресла.

— Поматросил и бросил? — спросил со смешком Дэн.

— Нет. Она решила, что нам нужно расстаться.

Однако, хорошая селекторная связь. Слышно отчетливо и без помех.

О чем это они? Неужели Эльза добровольно выкинула белый флаг? Не может быть!

— Похвально, — сказал Макес, и в трубке дзынькнуло и забулькало. — Женщина должна чувствовать себя королевой, даже если её посылают далеко и надолго. Тогда она не станет мстить. На.

— Не хочу.

— Утопи свои печали... э-э-э... в коньяке, — пропел фальшиво Макес. — Жизнь хороша, пошли, оторвемся!

— А в вахтёрке зачем закрылись? — допытывался Дэн. — Чтобы одарить друг друга прощальными объятьями?

Я замерла, затаив дыхание. Телефон сросся с ухом.

— Скажи, Дэн, если вокруг намекают, строят предположения и работают языками налево и направо, как поверить человеку, который говорит, что ничего не было? — спросил Мэл, и меня пробрало от серьезности его тона.

— А разве ничего не было?

Было или не было? — закусил я палец. Говори!

— Не было, — отрезал пытаемый Мэл. — Мак сказал, что из разорванных отношений женщина должна выходить с гордо поднятой головой. Поэтому пришлось убедить её без любопытных глаз.

— Представляю, как ты уговаривал, — хмыкнул Макес. — В своей мягкой интеллигентной манере. Эльза — оторвяжница. Она побоится говнить тебе, а ей...

"Ей" означало мне. Мне! Мне!!

— Я честно предупредил, — отозвался глухо Мэл. — Если Штице подумает о чем-нибудь похожем, сверну ей шею... А за туалет она получила своё.

— За какой туалет? — удивился Макес. — У вас еще и в туалете было? В нашем или у девчонок?

Мэл не стал вдаваться в подробности. Да и зачем? Его последние слова предназначались для меня. Для меня!

— Все-таки влип бесповоротно, — заключил Дэн.

— Все-таки, — согласился Мэл после недолгого затишья.

— И не переключишься на другую скорость?

Молчание затянулось.

— Поздно. Уже заклинило, — ответил Мэл ровно. — Ладно, отчаливаю.

— Как же мы без тебя? — запаясничал Макес. — Наше общество опечалено и роняет горючие слезки.

— Обойдетесь как-нибудь. Здесь нескучно, — сказал Мэл и, взяв телефон, поднес к уху.

А я не отключилась. Не отключилась!

Мне показалось, Мэл облегченно выдохнул, услышав вместо коротких гудков мое сопение. Наверное, парню стоило больших трудов не рассоединиться, когда друзья выпытывали подробности расставания с Эльзой.

Но мне признания Мэла не помогут. Они мне не нужны.

Нужны, нужны, нужны!

Мэл ехал в машине, покинув шумное сборище, проводившее его возгласами сожаления, причем в трубке стонали, в основном, женские голоса. Или мне показалось?

Наше телефонное общение прогрессировало. Мэл заговорил! Пусть не напрямую со мной, но он объяснился. Тепло мне или холодно от его откровений?

Не знаю насчет степени горячности услышанного, но координация движений нарушилась. Шатаясь, я сходила в пищеблок за водой и влила в себя еще один стакан с ударной дозой сонных капель. А Мэл ехал и в тишине салона слушал жадные глотки, ожидая моего отклика, моей реакции.

Правдоподобно ли его объяснение, когда Дэн сказал о вахтерке? — спрашивала себя, прислушиваясь к внутреннему голосу, но тот как назло молчал. Ведь недавно я сама убеждала Мэла в том, что ничего не было, а его выкручивало от подозрений и ревности.

— Эвка! — влетела в швабровку соседка, напугав. — Знаешь, что мы не купили, головы садовые?

Я замерла с телефоном у уха.

Что делать? Отключиться или показать Мэлу, что тоже не скучаю, и что у меня полно заботливых друзей, которых беспокоит моя личная жизнь?

Не успела я сделать выбор, как соседка сказала:

— Опять красная как вареный рак. Втрескалась по уши, не отпирайся.

Теперь я поняла Мэла, загнанного в ловушку допросом друзей, так как не знала, что сказать на выпад Аффы, и как ответить, чтобы не выглядеть посмешищем в обоих направлениях.

— Ни в кого я не втрескивалась, — ответила грубо, отодвинув трубку от уха.

— Мой тебе хороший совет. Забудь про своего Мелёшина, — выдала девушка, спалив меня как бенгальский огонек.

В трубке заскрежетало и запикало. Это Мэл остановил машину — на обочине или посреди дороги, — но он внезапно затормозил, чтобы выслушать претензии ничего не подозревающей Аффы.

Я ничего не должна ему и ничем не обязана. Если Мэл рассказывает всем подряд о расставаниях с подружками, это не означает, что я тоже буду откровенничать. И вообще, сейчас отключу треклятую зеленую штуковину.

— Эвка, — присела на кровать соседка. — Да оторвись ты от своей игрушки!

Подтянув колени к груди, я отняла телефон от уха.

— Мелёшин — не тот, кто тебе нужен, — сказала Аффа. — Он не умеет ухаживать за девушками, не умеет слушать, не умеет любить...

Вот это правильный разговор пошёл. Кое-кому полезно услышать чужое правдивое мнение о себе, — покосилась я на горящий экран.

— Линзы не нужны, чтобы увидеть, что ты по нему сохнешь, а зря, — продолжила соседка. — У тебя же на лбу написано...

Вникнув в её речь, я запоздало вспомнила, что на другом конце города те же слова долетели до Мэла. Ужас! Конспирация насмарку!

Ну, все, достаточно с меня стыдобени, — нажала на рассоединение и отключила телефон.

— Никто по нему не сохнет. Мелёшин доводит меня до белого каления.

— Ну-ну. Что-то не похоже, — посмотрела недоверчиво Аффа. — Слушай, а влажные салфетки у тебя есть? Я могу завтра купить.

— Спасибо, Афочка. У меня еще остались.

Умеет же она быть раздражающе навязчивой и заботливой одновременно.

— А хочешь, погадаю? — предложила Аффа. — Все равно не могу сидеть спокойно. На чем бы?... Давай на заварке!

— Ну, не знаю, — пожалала я плечами. — Наверное, на гадание уходит много сил?

— Да ну тебя, — отмахнулась соседка. — Большинство гадателей — хорошие психологи и не заморачиваются с использованием способностей. Основная часть их предсказаний основана на внимательном наблюдении за клиентом. Вот сейчас, не привлекая свое умение, скажу, что ты растеряна тем, что я сказала, потому что это правда.

— Интересно, почему?

— Не кипишуй. Потому что трешь нос, отводишь глаза в сторону и мямлишь нечленораздельно. Ведешь себя как неопытный воришка, которого поймали с поличным.

— Вот, Афочка, и гадание не потребовалось. Расписала всё, как есть, — сказала я едко.

И вообще, хватит на сегодня предсказаний и пророчеств. Мне хватило черной сферы в кабинете Стопятнадцатого. Там никто, кроме меня, не видел будущего, а здесь Аффа станет свидетельницей провала, если увидит в чайниках мою невисоратскую биографию.

— Не волнуйся, при гадании не перенапрягусь, — успокоила девушка, истолковав заминку по-своему. — Я не смогу открыть твое будущее "от" и "до", но и одного слова будет

вполне достаточно.

И на том спасибо. "Лгунья!" — закричит Аффа, вперив в меня указательный палец, насмотревшись на заварочное будущее. Да, одного слова хватит с лихвой.

— Ну, пошли! Не ломайся, — потянула соседка, и я неохотно побрела за ней в пищеблок.

— Опять наврешь?

— Ни в коем разе. Это дело принципа, — заверила девушка, щедро сыпанув чайных листьев в кружку и в стакан с грифоном на подстаканнике.

— Поверю в последний раз, — проворчала я. — А где Лизбэт? Что-то её не видно.

— Оставила записку, что после экзамена поедет к родителям, так что мы с ней разминулись.

Сегодня профессор сообщил Лизбэт, что ей не стоит питать напрасных надежд на совместное будущее. Как девушка пережила сногшибательную новость? Выслушала с каменным лицом, а придя в общагу, сорвалась и устроила погром? Или кричала на Альрика и бросала обвинения? А может, кинулась ему на шею и открылась в своих чувствах? Раньше нужно было вешаться с признаниями, а теперь поздно — невестушка греет профессорский бок.

— И Капа пропал. Затих за стенкой, — перекинулась я на непутевого близнеца Чеманцева.

— Я столкнулась с ним сегодня, когда из института неслась. Он поехал к отцу.

— Знаешь, что Сима переехал в стационар к Морковке?

— Нет, — удивилась соседка. — Капа ни словом не заикнулся. И давно?

— Проходит реабилитацию, а потом выпишется.

— Поначалу я считала, что Сима пострадал заслуженно. Сам виноват, что нарушил правила, — сказала девушка задумчиво. — А теперь... Представила себя на его месте и поняла, что такое могло случиться и со мной. По правилам скучно и неинтересно жить, и все мы нарушали их и не раз. Меня тоже иногда заносит, только осознаю это задним числом. Не знаешь, сильно он пострадал?

— Понятия не имею. Хотела сходить в гости, но Капа сказал, что пока не стоит. У Симы обожжено лицо.

Соседка ахнула, прикрыв рот ладонью. В это время засвистел чайник, прервав тягостный разговор.

— Завариваем и идем гадать, — воодушевилась Аффа, прихватив со стола блюдце и ложку.

Когда кипяток в стакане окрасился в коричневый цвет, и чайники опустились на дно, она проинструктировала:

— Не торопись пить. Как немного остынет, обхвати стакан ладонями и подумай о том, что для тебя важно. Потом выпей мелкими глотками, но не до конца, а остатки перелей на блюдце. Размешаешь ложечкой и оставишь, чтобы чайники осели. Понятно?

Отчего же не понять? В моих руках побывало пророческое око, которое я раскрутила будь здоров, так что теперь знаю всю свою жизнь наперед.

Ладони обхватили горячий стакан, прикипая к стеклу.

Что для меня важно? Немногое. Учеба и ненавистный аттестат. Мама, которую страстно хочу увидеть и обнять. Мэл.

Нет, он не важен.

Каким же по счету оказался выпитый за вечер стакан? Шестым или седьмым?

Пальцы горели, горело горло, горел язык. Горели щеки, пока я думала о том, что оказалось самым важным для меня.

После того, как инструкция была соблюдена, девушка склонилась над блюдцем, на дне которого осел темный островок чаинок. Лично для меня не виделось особого смысла в том, как они улеглись, но соседка, попивая чаек, рассказала, что при гадании обращают внимание на фигуры, образованные чаинками, на расположение относительно середины блюдца и на равномерность распределения чаинок.

Молчание длилось долго, моя нервозность росла. Зачем я согласилась?

Наверное, заварка нашептала Аффе мой секрет, и она потрясенно застыла, не в силах поверить.

— Выбор, — сказала, наконец, гадалщица. — Тебе предстоит сделать нелегкий выбор, который изменит твою жизнь.

— Какой выбор? — переспросила я глупо, чуть не подпрыгнув от радости, что разоблачение не состоялось.

— Это ты должна знать, какой. О чем думала, о том и выбор.

Как Аффа и обещала, она прочитала по заварке одно слово.

Мне предстоит выбрать. Что? Или кого?

Ведь я думала о Мэле, пока пила чай.

Чаепитие разморило.

— А мне позвонил Сергей, — сказала соседка.

Я подняла удивленно брови.

— Тот, который подвозил на машине, — уточнила девушка.

— А-а. Уже?

— Ну да. Пригласил в цирк.

— В цирк?!

Смешно, взрослый дяденька приглашает взрослую тетеньку на представление для детей.

— Что ржешь? — насупилась Аффа. — Между прочим, там идут гастроли труппы Sabsidi^[50], и билеты раскуплены на два месяца вперед.

— На клоунов и гимнастов с собачками?

— Балда ты, поэтому не обижаюсь. Сразу видно, что из захудалой провинции. Там выступают сабсидинты^[51]. Представь, человека замораживают с головой в стеклянном кубе, а потом он, как ни в чем не бывало, выбирается оттуда. Или огненные артисты: заходят в горящую камеру и выходят оттуда целыми и невредимыми. Еще есть те, кто на глазах меняет пигментацию кожи или складывается в коробку, потому что кости имеют необычное строение. А коронный номер — прозрачный человек! По нему можно анатомию изучать.

— Это же мутанты, — опротестовала я щенячий восторг. — Люди с отклонениями в организме, практически с уродствами, а ты будешь хлопать и восхищаться. И не совестно? По-моему это унижает их.

— Эва, ты живешь в мире, где принято считать, что верх — это верх, а низ — это низ, потому что таких как мы, большинство. Вдруг, наоборот, мы с тобой — настоящие уродины?

— Скажешь тоже, — растерялась я перед неожиданным выводом.

— Какая ты впечатлительная, — хихикнула девушка. — Некоторые из тех, кто имеет

физические недостатки — в нашем понимании — развивают их с помощью тренировок и висорики, а потом выставляют на публике. Почему бы не заработать, если народ валит валом?

— Значит, Сергей тебе понравился?

— Он приятный и с ним просто.

— А как же Костик? — напомнила я о музыканте.

— Поезд проехал эту станцию, — беззаботно махнула рукой Аффа.

— А тот горнист? Который помог тебе собрать тетради на крыльце, помнишь?

— Помню, — сказала соседка, и её беззаботность улетела как дым. — Знаешь, Эва, наверное, наша встреча была сном или показалась мне. Я ведь тогда загадала, что если увижу кого-нибудь из горнистов, то вцеплюсь мертвой хваткой и вытрясу всю душу, чтобы поговорить с моим черненьким. Но, видно, не судьба.

Может, оно и к лучшему. У девушки из приличной висоратской семьи и у парня с западного побережья не вышло бы ничего хорошего, как не получилось бы ничего путного между мной и Мэлом. И хотя Аффа нагадала, что мне предстоит сделать сложный выбор, исход давно предрешен. Профессор так и сказал: неважно, какими путями я буду добираться до своего будущего, потому что оно уже написано свыше.

Наверняка Марат приехал домой и обнимает родных, — предположила я, и от этой мысли зануло сердце. Каково сейчас на побережье? Стоят морозы или потепление, как здесь?

Перед глазами встала картинка из видений прошлого — проволока, будка, пес на толстой цепи, рвущийся из ошейника. Неожиданная вспышка высветила в памяти бревенчатый домик, дым из трубы, окошко, горящее огоньком в ночи, нетронутую белизну сугробов выше человеческого роста, отяжелевшие от снега еловые лапы и протоптанную узкую тропинку, ведущую к крыльцу.

— Спать пора, — поднялась я, чтобы скрыть накотившее волнение.

— Ой, Эвка, теперь уж не знаю, завидовать тебе или нет, — вздохнула девушка. — Как ты умудряешься быть спокойной? Меня на сто рядов перетрясло, хотя никуда не еду.

Как-как? Всего лишь выпила половину профессорских капель.

Воспользуюсь-ка моментом, пока соседка добрая.

— Аффа, ты не замечала что-нибудь подозрительное в нашем блоке? — спросила я, пока она умывалась у раковины.

— Например?

— Ну, не казалось, что за тобой подглядывают или подслушивают?

— С чего ты вдруг стала мнительной? — прищурилась Аффа.

— После того, как замок залили клеем, — выкрутилась я.

А что, вполне приемлемое объяснение фобии. Любой человек беспокоится о собственной безопасности.

— Висорически это вряд ли осуществимо, сама знаешь, — сказала девушка.

Знаю. Как правило, жилые и прочие важные помещения изолируют от подслушивания и подсматривания при помощи волн дешевым и широко распространенным способом — добавлением в отделочные материалы специальных компонентов, гасящих и отражающих направленные вис-возмущения. Другой вопрос, когда защитные функции отделочных материалов заканчиваются или истощаются, то есть облезает краска, отклеиваются обои или осыпается штукатурка. В частности, ремонт первого этажа, затеянный комендантшей,

предполагал восстановление неприкосновенности студенческих жилищ, потрепанных многочисленными поколениями сменяющихся жильцов.

Что ж, остается надеяться, что свежая побелка в швабровке, измазывающая всё, что к ней прикасается, препятствует слежке через стены, а непрокрашенные островки на двери достаточно малы, чтобы просунуть в них вис-глазок.

— А технические средства? — не отставала я от соседки. — Например, камера или подслушивающий жучок в душе?

Аффа задумалась, а потом, покраснев, бросилась в указанное место. Мы обошли все уголки нашего закутка, и везде девушка замирала с закрытыми глазами на пару минут, втягивая носом воздух. Видимо, она тоже приняла близко к сердцу возможный шпионаж.

— Ничего нет, — заключила Аффа, когда мы вышли из пищеблока. — Выдохлась я с тобой, мнительной трусишкой. Руки дрожат, плечи болят.

— Афочка, прости! Будет отдача? Хочешь сиропчику, а? — засуетившись, я всучила соседке пару флаконов с витаминным концентратом.

— Может, и не будет, — пробурчала девушка, разминая шею. — Сама посуди, кому ты сдалась, чтобы оснащать наш задрипистый закуток шпионскими штучками? А замок поменять не мешало бы, — заключила, разглядывая свою дверь.

Пусть я бесстыже воспользовалась способностями Аффы в качестве следопыта, но от сердца отлегло. Стало быть, птичка невысокого полета не удостоилась повышенного внимания заинтересованных лиц, и они не стали следить за мной в бытовых условиях. Заинтересованным лицам хватило одноразовой слежки на машине, потому что я оказалась понятливой девочкой и не стала провоцировать недовольство высоких персон.

Не нужно вглядываться в темноту ночного неба, затянутого слоем туч, чтобы понять, где сейчас луна. За годы, прожитые в столице, Альрик досконально изучил зимний путь по небосклону: по скользящей, из-за угла соседнего дома за крышу другой высотки.

— Мир дому твоему. Как Инга и дети? — спросил в трубку.

— Инга передает привет. Макс и Алеф увлеклись препарированием земноводных. У Сибы режется верхний клык слева.

— Сочувствую.

— Переживем, не впервой.

— Луна растет.

— Без тебя знаю. Ты для этого позвонил? — спросил с ехидцей Аик.

— Нет, — ответил Альрик после недолгой паузы. — Появилась пришлая. И свободная. По доброй воле, на моей территории.

На том конце воцарилась тишина.

— Шутничок, — коротко хохотнул зять. — Врешь!

Альрик не ответил.

— Тогда готовься, — выдал пораженный Аик через некоторое время. — Скоро за ней придет рассвирепевший отец или пожалуют братья.

— Встречу с распростертыми объятьями.

— Ну-ну. Не покалечь будущих родственников, — хмыкнул зять. — И все же... Неужто сама пришла?

— Сама. Это предназначение. Судьба.

— Ишь как запел. Не узнаю тебя, Ал. И каково это? Я уж стал забывать, как было у нас с

Ингой.

— Она смела и пуглива одновременно. Я слышу её запах, чувствую биение сердца как своё.

— Ладно, хорошо заливаешь. Нашел её? Кто она?

— Пока не знаю. Где-то здесь, в городе, рядом. Не могу определить точнее — тяжелые дни.

Айк понял: ярко, солнце слепит, обилие посторонних запахов и звуков, много лиц. Отвлекает. Зато ночами хорошо.

— Поди заблудилась, бедняжка, и ее к тебе, эгоисту, случайно забросило. Смотри, проищешь впустую, а она убежит к другому

— Далеко не убежит. Она на моей территории, а скоро полнолуние. Если спрячется, луна выгонит.

— Не напоминай. Я и так на взводе. Чую, к концу года у тебя появится еще один племянник. А лучше бы племянница.

— С тебя станется. Запишу в календарь.

— Значит, наука побоку? Остепенишься и начнешь стругать одного за другим, чтобы меня перегнать, — подколот зять.

— Начну, — ответил Альрик, посмеиваясь. — И перегоню.

— Матери сказал?

— Еще рано. Как приведу в дом, так сама поймет.

— Все-таки не могу поверить, — признался на том конце Айк. — Я не трепло, но за молчание будешь должен. Инга меня с потрохами съест.

— Отобьешься.

— Что ж, удачной охоты, брат.

— Удачной охоты.

Первую половину ночи мне снились разные углы, из-за которых подглядывали и подслушивали безликие тени. Зато вторую половину прочно застолбило сновидение, узнаваемое с первого же мгновения.

На этот раз меня забросило туда, где я запнулась о торчащий корень. Падение с разбегу завершилось глубоким пропахиванием и уткнувшись в мох лицом среди пожелтевших зонтичных листьев. На ладонях проступили ссадины.

Отголоски далекого воя давно стихли, и замерший было лес ожил. Я снова двинулась вперед в уверенности, что любая чащоба рано или поздно должна закончиться. Заныла ушибленная коленка, и скорость убегания заметно снизилась.

Мой загрибок почувствовал, что хозяин поблизости, когда встревоженно зашелестела листва на редком кустарничке, и слабый ветерок донес будоражащий запах — господина и повелителя. Между стволами мелькнула темная тень, заставившая меня отшатнуться назад, затаив дыхание от страха.

Хозяин не спешил наказывать за нарушение границ, но и не собирался отпускать. Он решил поиграть.

Отвратный сон. В горле саднило, в ушах стучало. Точнее, стучала в стену Аффа. Возбуждение подстегнуло её проснуться раньше меня.

— Вставай, лежебока! — пропихнулась она в дверь, которую я кое-как открыла спросонья. — Так и знала, что проспишь. Алле ап! Двигайся со скоростью света!

— Щас. — Я прикрыла рукой сладкий зевок и, подталкиваемая неугомонной соседкой, окончательно пробудилась. Выполнив рекомендации Вивы, приняла внутрь капли, усиленные витаминным сиропом, и для профилактики неожиданной простуды засунула в рот леденец из арсенала лекарств, купленных Мэлом.

— Такси заказано, — предупредила заботливая Аффа и помогла намотать шарф, заодно поправив шапку у меня на голове. — Скорее возвращайся, мы тебя ждем. Очень-очень!

Проверив напоследок карманы, я отправилась наводить красоту тела.

А на улице появилась своя красота. Нерукотворная.

Ветви деревьев покрылись слоем морозного инея, украсив парк нарядными зимними кружевами, отчего окрестности выглядели сказочными владениями Снежной королевы.

Чтобы не уснуть в такси, я, позёывая, ознакомилась со списком процедур, которые предстояло пройти, но из непонятных кракозябр разобрала всего лишь три строчки: педикюр, маникюр и пилинг. Мое воображение оказалось достаточно скудным, чтобы представить, в чем состоят оставшиеся двадцать три нераспознанные процедуры.

Край солнца, вылезший в просвете между небоскребами, высветил макушки деревьев, заигравшие в солнечных лучах серебристыми бликами. Обсыпанные толстым морозным слоем, кроны смотрелись изумительно на фоне бесснежного асфальта. Еще неизвестно, кто выиграл бы в соревновании: ночной морозец, облагородивший город, или человеческая фантазия, расцветившая гирляндами бульвар Амбули.

А потом я приехала по нужному адресу. Что только не делали со мной в салоне! И все были вежливы и обходительны: как при входе, так и в процессе и при прощании. Патронаж

Вивы помог в получении половинной скидки.

После классического "здравств" я оставила вещи в небольшом гардеробе, и прошла за приветливой администраторшей в зал, где начался тихий ужас, а иногда и громкий, когда рот не мог удержаться от того, чтобы не вскрикнуть или не взвизгнуть.

На теле не осталось ни одного миллиметра кожи, который не обошли вниманием работники салона. Меня мяли, намазывали, обрачивали, окунали попеременно в различные ванны: теплые, холодные, горячие, приятно пахнущие и не очень. Затем втирали, разминали, массировали, обрабатывали лицо каким-то жужжащим приборчиком, лишали растительности в стратегически важных местах, шлифовали и выравнивали ногти, придавая округлую форму, приводили зубы в соответствие с эталоном — белоснежным потолком.

С волосами дело обстояло также — их сполоснули в нескольких водах и нанесли уйму средств — укрепляющих, витаминизирующих, минерализующих, увлажняющих, увеличивающих объем и устраняющих статическое напряжение.

Красота ложилась на меня слой за слоем, как многоуровневая штукатурка. Ох, и трудно быть совершенством от пяток и до кончиков ушей.

После процедур мне удалось быстренько перекусить в диетической закусочной тоскливым зеленым салатиком, похожим на тот, которым увлекались Эльза и ее свора.

Возвращаясь обратно набором бутылочек и флаконов, приобретенных в магазинчике при салоне, я увидела в телефоне двенадцать пропущенных вызовов от Мэла.

Да что же такое? От настойчивого парня не спасают никакие успокоительные средства, — рассердилась я на себя, пытаюсь унять забившееся сердце. Не буду перезванивать и тем более не отвечу, если Мэл позвонит. Должен понимать, что женщины собираются на важные мероприятия гораздо дольше и тщательнее, чем мужчины. Мэлу-то что? Рубашку надел, пиджак набросил — и чао-какао, прохаживайся у Дома правительства. А мне еще нужно успеть к Виве.

К стилистке я успела, но сначала сбегала второпях в туалет и наспех сложила в сумочку упомянутую девицей мелочевку с двумястами висоров. По пути на третий этаж Аффа подталкивала и торопила, помогая нести пакеты.

— Неплохо. Можно сказать, отлично, — заключила девица, оглядев меня, и указала на стул: — Надевай линзы и садись.

После того, как цвет глаз изменился, она закрыла створки трюмо:

— Зеркало не понадобится. Если хочешь, во время визажа думай о том, кого хочешь поразить. Любая мысль обретает материальность и направленность. Поняла?

— О Пете, что ли?

— Тебе решать, — пожалала плечами Вива и взяла кисточку из стакана.

"Думай, думай...". Замучилась уже думать. Вчера всю голову изломала, раздумывая.

Ладно, так и быть, помучаю извилины. Все равно нечем заняться.

— Вивочка, можно мне побыть здесь, а? — засюсюкала соседка. — Я не помешаю. Притворюсь, что меня нет. Ты не услышишь и не увидишь.

Конечно же, Аффа мешала. Она скрипела половицами, вздыхала, выглядывала из-за плеча Вивы, всплескивала руками, изображая губами "о". Словом, отвлекала и меня, и стилистку, поэтому, в конце концов, девица вытолкала ее за дверь:

— Подождешь здесь. Если у меня дрогнет рука, вся работа окажется насмарку.

А мне Вива велела отключить телефон.

— Вдруг Петя позвонит?

— Подождет твой Петя, никуда не денется, — отрезала она. — Поторопись, краска сохнет.

Время шло, стилистка проделывала манипуляции с моим лицом, затем перешла к волосам, выстригая остатки скудных волос и перебирая пряди. Отдавшись на волю мягких касаний, я закрыла глаза. Буду теперь лысая и безбровая, — представлялось в расслабленной полудреме. Петя увидит меня и останется зайкой на всю жизнь.

— Открывай глаза, — велела девица. — Помогу тебе одеться.

С помощью Вивы я закрепила чулки пажами, и она застегнула молнию на платье. Колье легло по шее, клипсы заняли место в ушах. После того, как обулись сапожки, мои вещи перекочевали в освободившийся пакет.

— Теперь садись, — потребовала стилистка. Неужели еще не всё?

Она снова колдовала над лицом и волосами, а время неумолимо текло. Мне начало казаться, что прошла целая вечность, что прием давно стартовал, и что Петя, отчаявшись дождаться, подхватил первую попавшуюся девчонку и укатил с ней к Дому правительства.

— Капельку духов на запястья, на мочки и в ложбинку. Теперь всё, — сказала Вива, открывая створки трюмо. — Глядись.

И я погляделась.

— Это н-не я, — промямлила, уставившись ошалело на неземное создание в отражении. У меня нет пышных волос, богатых миллиардом оттенков и уложенных в сложную прическу, в которой вспыхивают брызги синих капелек. У меня нет эффектно изогнутых бровей, очерченных глаз, загадочного взгляда, четкой линии скул, длинных загнутых ресниц, аккуратного носика и чувственного рта.

Из зеркала на меня смотрело Совершенство. Чистая Гармония. Симфония Симметрии. Ожившая Поэзия.

Боже, что я несу! Похоже, заболеваю нарциссизмом.

Отражение в зеркале дотронулось до колье. Значит, это не сон, это я! — осознала, когда подушечки пальцев ощутили рельефные камешки.

И с правого боку — я, и с левого — тоже. И со спины — я, и никто другой.

Это я стояла перед зеркалом и смотрела в него, не в силах оторвать взгляда.

Принцесса из грез. Богиня. Дивное волшебство.

Ладонь дотронулась до гладкой поверхности, и отражение ответило одинаковым жестом. Это я — там и здесь!

— Как называется? — осторожно прикоснулась к непослушным губам.

— Амарант.

— Не потеряются? — пролепетала я, показав на синие поблескивающие слезки в кокетливых завитках зеркального отражения.

— Намертво, — ответила с гордостью Вива. — После приема сниму. Аффа, заходи, — открыла дверь, и девушка ввалилась не удержавшись. Сколько времени она провела в коридоре, прислушиваясь?

— У меня уже мочи... — выплеснула соседка обиду и, не договорив, уставилась на меня. — Эва... ты же... как же... — выдавила ошеломленно и вдруг, зашвырнув носом, захлюпала. — Эвочка, ты такая!.. Такая!

И мне срочно захотелось поплакать вместе с ней, потому что потрясение от

собственной внешности оказалось неменьшим, чем у Аффы.

— Не реветь! — приказала строго девица. — Не хватало нам красных глаз на последнем этапе.

— Все, молчу, — закрыла соседка ладонью рот, а второй замахала, отгоняя слезливую истерику. — Сейчас... это пройдет...

— Не время рыдать, мы и так припозднились, — отрезвила Вива.

Я бросилась к сумочке и включила телефон, известивший о тридцати пропущенных вызовах от Мэла за последние три часа и о десяти вызовах от Пети за последние десять минут. По каждому вызову на минуту опоздания.

Телефон ожил.

— Эва! — закричал из динамика спортсмен. — Ты где?

— Наверху. Сейчас спущусь.

— Я внизу в холле! — кричал как невменяемый Петя. — Я внизу!

— Уже иду!

Мы с Аффой лихорадочно засуетились, зато Вива была спокойна как удав.

— Девушка может позволить себе немножко опоздать, — сказала наставительно, помогая надеть шубку и перчатки, потому что мои руки неожиданно задрожали. — Капюшон не набрасывай, и так дойдешь до машины.

Я сунула соседке пакет с вещами, и она клятвенно пообещала приберечь их до возвращения с приема.

— Поеду к тетке, — заявила Аффа. — Посмотрю у нее по телеку. А ты куда? — спросила она стилистку.

Та неопределенно мотнула головой:

— К знакомым.

Осталось еще одно дело! — вспомнила я и, отойдя с телефоном к окну, набрала заветные девять цифр. Сердце замирало вместе с каждым длинным гудком, прежде чем в трубке шелкнуло, и мужской голос сказал:

— Да, слушаю.

— Это я, привет. Сейчас поеду на прием в Дом правительства. Меня пригласил студент Петя Рябушкин, победитель чемпионата по легкой атлетике, — просветила кратко и по уставу, после чего рассоединилась.

Дрожащие руки удалили номер из списка набранных и отключили аппарат. Хорошо, что даме нет необходимости брать с собой телефон. Хоть какая-то польза от дурацкого светского правила.

Телефон переключался к Аффе, засунувшей его в пакет.

— Ну, двинули? — распахнула Вива дверь. — Ты первая.

Выдохнув, я решительно шагнула в коридор и направилась к лестнице. Девчонки шли следом. А за дверью, отгораживающей третий этаж...

Поначалу мне пришло в голову, что тётка-вехотка назначила собрание, посвященное непрекращающемуся ремонту. Сверху донизу лестница была набита галдящим студенчеством.

При нашем появлении голоса смолкли, и наступила тишина, а гул укатился на первый этаж:

— Идут, идут!

И Аффа снова всхлипнула где-то позади.

Как в тумане уходили ступеньки под ногами, и передо мной расступались, пропуская. Улыбались и смотрели — с восхищением и восторгом.

Я и не подозревала о том, сколько студентов жило в нашем общежитии. Мало с кем из них была знакома, но сталкивалась в столовой, в библиотеке, в архиве, на лекциях, на консультациях и экзаменах.

Там был сосед Радика, прилепившийся к двери на втором этаже и подмигнувший мне. Там был Капа, которому надлежало навещать отца в больнице. Там был Радик, улыбающийся так, словно весь снег, нападавший за зиму, растаял, и началась весна. Там был Алесс, опершийся о перила на первом этаже. Ухмыляясь, рыжий протянул руку, в которую я вложила ладошку в перчатке, а он по-джентельменски поцеловал её.

Там было много парней и девчонок, — за моей спиной, вдоль коридора, впереди в холле. Тётка-вехотка заняла подоконник у окна, и, сложив руки замочком на животе, переговаривалась с пузатеньким усатым мужчиной.

А у выхода метался взъерошенный и отчаявшийся Петя. Увидев меня, он замер и растерянно заозирался. Похоже, спортсмен не узнал свою даму.

— Петя, привет, — подошла я к нему.

Голос охрип, губы не слушались. Бом-м, бом-м! — звенело в голове.

— Эва?! — выдохнул пораженный чемпион. — Эва...

— Какая красота! — сказал в тишине усатый друг комендантши. — За нее и убить можно.

Петя, выйдя из потрясенного ступора, протянул букетик в золотой бумаге с блестящими серпантинными завитушками. Взяв цветы, я вложила ладонь в руку парня и обернулась.

Всё общежитие вышло провожать меня, и, столпившись в холле, все смотрели на нас с чемпионом.

Вива, оттесненная к стене, отсалютовала мне сжатым кулаком. Да, мы покажем им, что не лыком шиты, — кивнула я. Мучения того стоили.

В уголке всхлипывала расчувствовавшаяся Аффа и отбивалась от Капы, подкалывавшего её.

Я видела, многие из девчонок не сдерживали эмоций, будучи солидарными с соседкой. Наверное, сегодня каждая из них представила в своем воображении, каким станет самый важный день в ее жизни.

И правда, меня провожали как невесту, передавая в объятия измученного ожиданием жениха.

Воздушный поцелуй улетел, адресованный всем-всем-всем собравшимся, и холл взорвался свистом и рукоплесканиями.

Еще мгновение, и расплачусь самым позорным образом.

— Эва... — потянул меня чемпион. — Прощу, — и распахнул дверь.

Пылающие щеки опалил свежий воздух.

Перед крыльцом общежития стоял многометровый белый лимузин, открытую дверцу которого придерживал водитель в форменной одежде и фуражке. Как же Петиней машине удалось попасть за ворота, в святая святых институтского периметра, куда не допускали никого из смертных?

— Стопятнадцатый, — сказал мой кавалер, уловив суть немого удивления.

Конечно, это Генрих Генрихович.

Все-таки не удержусь. Разреvusь и опозорюсь, и никакая стойкая косметика не

выдержит моих кислотных слез.

— Эва, — сказал спортсмен, подводя меня к дверце. — Спасибо тебе.

— Тебе спасибо, — поблагодарила я вдохновенно, усаживаясь отрепетированным движением на сиденье.

Все правильно, ошибки не было. Спасибо Пете за то, что он попросил вернуть долг. В тот миг я ощущала себя наисчастливейшим человеком на земле.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

soluti, солюти (перевод с новолат.) — растворение

legra vi labum, легра ви лабум (перевод с новолат.) — читаю по губам

Turba, турба (перевод с новолат.) — вихрь, смерч

Innovatio, инноватио (перевод с новолат.) — инновация

defensor, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

crucis, круцис (перевод с новолат.) — крестовина

piloi candi, пилой канди (перевод с новолат.) — электрический сгусток

nerve sandi, нерве канди (перевод с новолат.) — нервосгусток

gelide candi, гелиде канди (перевод с новолат.) — морозный сгусток

ardenterī candī, ардентери канди (перевод с новолат.) — горячий сгусток

agglutini, агглютини (перевод с новолат.) — приклеивание

certama, цертама (пер. с новолат.) — состязание, соревнование, как правило, нелегальное

flammi, фламми (пер. с новолат.) — молния

ardenteri rivas, ардентери ривас (перевод с новолат.) — горячий поток

luxi candi, люкси канди (пер. с новолат.) — световой сгусток

airea candi, аиреа канди (перевод с новолат.) — воздушный сгусток

dimicata, димиката (перевод. с новолат.) — схватка между двумя, дуэль

lagus, лагус (перевод с новолат.) — удавка

traheri, трахери (пер. с новолат.) — притяжение

airea candi, аиреа канди (перевод с новолат.) — воздушный сгусток

lagus, лагус (перевод с новолат.) — удавка

certus exemplum, *цертус эксэмпул* (перевод с новолат.) — точная копия

traheri, трахери (пер. с новолат.) — притяжение

Ego ad propitius anime et sin violenti voto faciri non in sensos, at in exhiberos: neve dicti, neve acti non gestari secretum nigeri tridensa et omnes, quido cum consensus. Sic adipisci egi inevitabilu mut ultra violari faciro. (пер. с новолат.) — Я по собственной воле и без принуждения даю обет молчания не в мыслях, но в проявлениях: ни словом, ни делом не разглашать тайну черного "трезубца" и иже с ним связанное. Да постигнет меня неминуемая кара за нарушение обета.

sindroma unicum Gobuli, синдрома уникама Гобули (пер. с новолат.) — уникальный синдром Гобула

biliter subsensibila, билитере субсенсибила (перевод с новолат.) — двухсторонняя сверхчувствительность

clīpo intactī, клипо интакти (перевод с новолат.) — щит неприкосновенности

soluti, солюти (перевод с новолат.) — растворение

reducti, редукти (перевод с новолат.) — восстановление

airea, айреа (пер. с новолат.) — воздушный, воздушные

leviti airi, левити аири (пер. с новолат.) — легче воздуха, невесомость

non dispi funda, нон диспи фунда (пер. с новолат.) — не вижу дна

veluma silenche, велюма силенче (перевод с новолат.) — покров тишины

crucis, круцис (перевод с новолат.) — крестовина

plasticini, пластицини (перевод с новолат.) — пластилин

legra vi labum, легра ви лабум (перевод с новолат.) — читаю по губам

Первый Д (разг., жарг.) — Первый департамент

ДП, дэпы (разг., жарг.) — Департамент правопорядка

СОС (сокращ. аббревиатура) — сверхособо секретно

secanossi, секаносси (перевод с новолат.) — разрезание, испаривание

veluma silenche, велюма силенче (перевод с новолат.) — покров тишины

gelide candi, гелиде канди (перевод с новолат.) — морозный сгусток

висы (разг., жарг.) — купюры от ста висоров и больше

vitima, витима (пер. с новолат.) — порча

наузы — узлы, завязываемые определенным образом

agglutini, агглютини (перевод с новолат.) — приклеивание

dimicata, димиката (перевод. с новолат.) — схватка между двумя, дуэль

divini oculi, дивини окули (пер. с новолат) — пророческое око

Ambulī, Амбули (пер. с новолат) — прогулка, прогулочный

sabsidi, сабсиди (пер. с новолат.) — запас, резерв

сабсидинты — те, кто тренирует тело и развивает внутренние резервы организма